АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья

Б. И. Соловьева

Составление, подготовка текста и примечания
В. В. Базанова и В. В. Бузник

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1976

А. А. Прокофьев (1900—1971) — один из наиболее ярких и популярных советских поэтов. В своих стихотворениях и поэмах он воспел героику гражданской и Великой Отечественной войн, мирный созидательный труд советских людей, вдохновленный идеями великого Октября. Творчество Прокофьева, характеризующееся проникновенным лиризмом, органически связано с лучшими традициями национального фольклора. Включенные в настоящее издание оригинальные произведения и переводы дают достаточно полное представление о стихотворном наследии поэта.

П $\frac{70402-197}{083(02)-76}$ 369-76

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ [1]

Творчество Александра Андреевича Прокофьева — Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий — одно из наиболее выдающихся явлений советской поэзии.

Родился А. Прокофьев 2 декабря 1900 года в крестьянской семье в ладожском селе Кобона — некогда неизвестном, а в годы Великой Отечественной войны ставшем знаменитым, ибо именно через него проходила в годы ленинградской блокады Дорога жизни.

С малых лет Прокофьев приучился к земледельческому и рыболовецкому труду. Как боец Красной Армии участвовал в гражданской войне, героика которой вдохновила его на создание многих примечательных стихотворений — уже в Ленинграде, с которым поэт навсегда связал свою судьбу.

Очень недолгое время ушло у него на литературное ученичество, на поиски своего собственного стиха, стиля, почерка, на то, чтобы мастерски воплотить в слове и образе свой не по годам богатый жизненный опыт, привнести в поэзию переживания, наблюдения, раздумья, рождавшиеся в небывалых по своему размаху и социально-историческому значению боях, от которых зависело будущее всего народа, дело революции.

Восстановление народного хозяйства, осуществление планов первых пятилеток, переустройство деревни на новых началах — все это стало кровно близкими поэту и жизненно важными для него событиями, какие всецело захватили его и так глубоко отозвались в

---

[1] Вступительная статья Б. И. Соловьева печатается посмертно. — *Ред.*

его творчестве, словно поток самой жизни — могучий, клокочущий, неукротимый — ворвался в его стихи.

Конечно, на подобные темы и замыслы отзывался не один Прокофьев. Но он отвечал на них и решал их совсем по-особому, посвоему — с позиций самого рядового участника отображаемых им событий, недавнего ладожского парня, сохранившего свой говор, свой склад ума, свои характерные черты, а вместе с тем возросшего и закалившегося в духе подлинно политической зрелости, высокой гражданственности, о чем говорят даже ранние его стихи.

А. Прокофьев входил в литературу как художник, в творчестве которого органически сочетаются и взаимообогащаются две темы: революция, гражданская война, в условиях которых росли и мужали наши люди, и тема родных краев, откуда вышел поэт, — тема Ладоги, нашего Севера, образы тех родичей и односельчан, которых неизменно славил и воспевал поэт как людей великого жизнелюбия, грозных страстей и вдохновенного труда. Будь это хлеборобы, рыбаки, кузнецы — все они необычайно дороги и близки поэту. Вот почему даже и ранние его стихи отличаются возвышенной романтичностью, а вместе с тем отвечают острой зоркости того художника, который постигает новую жизнь с самых ее корней и истоков.

Поэт с малолетства был влюблен в ладожскую деревню, вырастившую и воспитавшую его, формировавшую его внутренний мир, его привычки и пристрастия, эстетические (хотя некогда он еще и не знал, что они могут называться именно так) вкусы и взгляды.

Родной ладожский край и его суровая природа, его люди и их навыки, нравы, обычаи остались для поэта навсегда родными и близкими, явились неисчерпаемым источником его творчества. Здесь он с самого раннего детства «помогал в хозяйстве — вязал мережи и сети, выезжал с отцом на рыбную ловлю, косил траву, пахал землю», как говорит он в автобиографии, и впоследствии все это глубоко и основательно отозвалось в его лирике, — так же как и то, что в родном селе «по вечерам, после работы, а в праздничные дни с полдня, звенела на улицах гармонь... С тех пор вошла в мою душу гармонь-тальянка, трехрядка, доверху набитая песнями, стихами», и к ее звучанию поэт и впоследствии никогда не оставался равнодушным.

С тех же пор он навек полюбил свое «родное море» (так поэт называет Ладожское озеро «с его низкими туманами, с его ветрами — шелонником, полуденником, меженцем, зимняком, с без-

брежным, то суровым, то ласковым простором», так же как «простой быт моих родичей и односельчан. Все это позже отразилось в моих стихах», — справедливо утверждает поэт в автобиографии и прежде всего — в «Песнях о Ладоге». Сам А. Прокофьев отметил: «Начало своей литературной биографии отношу к 1927 году, когда в «Комсомольской правде» поэтом Иосифом Уткиным были напечатаны мои „Песни о Ладоге"».

Да, именно этими песнями открывается путь А. Прокофьева в литературу, и именно они обнаружили в нем большого и самобытного художника, творчество которого составляет значительную и неповторимую главу советской поэзии.

В «Первой песне о Ладоге» передан такой безудержный восторг, какой может испытать и пережить только тот, кто вырос на ее берегах и сызмала впитывал и усваивал очарование родного края и его суровой природы, взывающей к упорству, мужеству, преодолению самых опасных испытаний, — только тогда она раскрывается во всей своей красоте и приносит людям свои дары и плоды:

У Ладоги
И камень,
И синий-синий шелк.
Он серебрит сигами
И золотит ершом...

Поэт с восхищением живописует то озеро, возле которого рос и мужал и где крепли его трудовые навыки и творческие замыслы — здесь одно неотделимо от другого!

О Ладога-малина,
Малинова вода,
О Ладога, вели нам
Закинуть невода...

И это повеление Ладоги не пропадало втуне — к нему внимательно прислушиваются те, чья судьба тесно связана с навсегда родным для них озером:

Смотри, какие ловкие
Идут в набег лихой,
Чтоб хвастаться похлебкой,
Налимовой ухой.

Эти ловкие и лихие парни — друзья и однокашники поэта — навсегда остались близкими и дорогими ему. С ними он делил свою судьбу, мужал и закалялся прежде всего в их среде; вот почему и о себе Прокофьев говорит как о поэте, выросшем на берегах Ладоги и глубоко вдохнувшем в себя ее ветер и ее свежесть, ее гордый, своенравный и крутой характер:

А я в стихах недаром
Чуть свет за слово бьюсь,
Я хвастаюсь амбаром,
Мережами хвалюсь!

(«Пятая песня о Ладоге»)

А если хвалится — значит, и сам сумел наполнить эти мережи богатым и обильным уловом — в прямом и переносном смысле слова. Иной поэт на этом бы и остановился и перешел к описанию других столь же близких ему мест и пределов. Но уже во «Второй песне о Ладоге» Прокофьев говорит о том, что неодолимо и властно вторгается в издавна знакомый ему мир и преображает его, выводит нас на тот простор, какой не просто открывается перед нами, а завоеван в тяжелых и напряженных боях, истоки которых уходят в далекое прошлое:

Земля была постелькой
Под княжеским плечом,
Но поднимался Стенька,
И вышел Пугачев...

Это с ними чувствует кровную связь поэт и говорит от имени того народа, который и впоследствии не забывал их заветов и шел под их знаменем, но уже гораздо более выверенным путем — к победе.

По Ладоге, и Каме,
И по другим рекам
Мы грохотали камнем
Рабочих баррикад...

И для поэта было очевидно и неоспоримо: без борьбы на этих баррикадах крестьянство никогда не обрело бы лучшей доли; вот почему его любовь к родной деревне никогда не носила замкнутого и ограниченного характера, — как зачастую бывало у таких крестьянских поэтов, как Н. Клюев или С. Клычков, — неизменно утверждала ее нерушимую связь с городом и никогда не противопостав-

ляла их друг другу. Мотивы городские и деревенские возникали здесь в их нерасторжимом единстве и взаимообогащающей цельности. В этом — одна из самых характерных и примечательных черт творчества А. Прокофьева, так же как и Александра Твардовского, Михаила Исаковского, Николая Рыленкова, — каждый из этих больших художников по-своему развивал ее.

Поэт воочию видел, какие просторы раскрылись перед родными ему людьми, некогда обреченными на скудную и бесправную жизнь, какая большая доля выпала им и как самоотверженно они отстаивали ее.

Мы, рядовые парни
(Сосновые кряжи),
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь...

(«Третья песня о Ладоге»)

Для поэта нет сомнения, что деяния и подвиги этих «рядовых парней» имели великое значение не только для родных им краев, но и далеко за их пределами и границами, в чем и сказывается их внутренняя широта, интернациональный размах их переживаний и устремлений, все значение их напряженной борьбы за переустройство жизни на новых началах, о чем и говорит поэт в своих «Песнях о Ладоге».

О той же самой масштабности событий, участниками которых становились «рядовые парни» — друзья и однокашники поэта, его соседи и сверстники, говорит и более позднее стихотворение «Мой братенник» (1929), сразу завоевавшее внимание широких читательских кругов своей удивительной самобытностью, неповторимостью, размахом, самим языком, словно подслушанным в говоре родной деревни, а вместе с тем раскрывающим тот большой мир, в каком отныне живут наши люди:

Вся деревня скажет: вылил пулю,
Ныне рассказал такое нам!
Мой братенник ходит к Ливерпулю
По чужим, заморским сторонам!..

Такою большою жизнью живут отныне односельчане поэта, его друзья и родные; они смело идут и туда, где командует «повелитель моря — Судотрест», и чувствуют себя уже не подневольными людьми (как в былые времена), а полновластными хозяевами своей страны и своей судьбы, — и все это передано поэтом со страстностью

и неповторимостью живого, непосредственного чувства и выразительностью подслушанного в родной деревне острого и занозистого слова. Да и каким еще языком, полагал поэт, можно говорить, если речь идет не о ком-нибудь, а именно о братеннике, который поймет тебя с полуслова?!

А появлявшиеся затем за подписью Прокофьева одно за другим необычайно яркие и самобытные стихотворения свидетельствовали, что «Мой братенник» — это не случайная удача поэта, что в литературу пришел новый и большой мастер. И все последующее его творчество только подтверждало эти читательские впечатления и ожидания.

В самом начале 30-х годов поэт создает такие важные и значительные в его творчестве стихотворения, как «Мы», «Эпоха», «Страна принимает бой», «Разговор по душам», «Начало диктатуры», «Слово о матросе Железнякове», и многие другие, схожие с ними своим пафосом и характером. И тогда стало очевидным, что Прокофьев стремительно растет, говорит свое, неповторимое и властное слово в нашей поэзии от имени тех «рядовых парней», от которых зависели самые большие события нашей эпохи, дело революции.

Совсем недавно отгремели годы гражданской войны, и стремление запечатлеть ее небывалое и переломное значение в истории и судьбах всего мира, сочетать обыденную повседневность и самые суровые испытания, выпавшие на долю наших людей, с романтической окрыленностью, революционной героикой становится вдохновляющим началом многих стихов А. Прокофьева.

Примечателен самый пафос его раннего творчества. «Мы», «Эпоха», «Революция», «Бессмертие», «Сотворение мира» — даже и названия этих стихотворений говорят о том, что поэт стремился отозваться не столько на свои преходящие настроения и случайные впечатления, каких немало у каждого, сколько на те переживания, раздумья и стремления наших людей, в которых сказались творческие и героические качества, сплачивающие их воедино. Поэтому героем многих его ранних стихов было не столько «я», сколько «мы» — «мы», отзывающиеся на самые знаменательные события своего времени и принимающие в них активное и страстно заинтересованное участие.

В стихотворении «Мы» поэт славит также величие и правоту нашего дела, перед которым меркнет все остальное («Глохни, романтика мира!..»). Он страстно утверждает здесь, что бойцы Крас-

ной Армии одержали свою победу в таких испытаниях, каких никто не ведал доселе:

На тысячу тысяч верст знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

Эти воины — почти непременные герои ранней лирики А. Прокофьева, их она воспевает и возвышает как людей повседневного подвига и великой мечты, воплотивших ее в живую действительность, — а что может быть величественнее и прекраснее такого подвига?! Его совершили люди голодные, босые, плохо вооруженные, и в описании перенесенных ими испытаний поэт достигает предельной меры, чтобы никто не мог сказать, будто изображенная им картина является хоть несколько приглаженной и приукрашенной. Вспоминая о тех боях, каждый из которых мог стоить жизни и требовал неколебимого мужества, поэт утверждает:

Нам крышей служило небо, как ворон летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!..

(«Разговор по душам»)

И тому «горячему пеклу», в каком побывали наши солдаты, наверно, «ад позавидовать мог».

Со всею присущей ему страстностью и пылкостью поэт почти каждый штрих доводит до того предела выразительности, за которым чувствуется дыхание романтики, трепет «лада баллад»:

От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха...

А далее слышится восторженный возглас, когда поэт видит в этих передрягах и испытаниях, выпавших на долю его героев, не только невероятную горечь и смертельные муки, но и такое духовное величие, сравнения с которым не может выдержать никакое иное:

Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!

В этом — пафос поэта, воспевающего самые суровые испытания и смертельные опасности гражданской войны, без преодоления которых не вошла бы «в историю славы единственная страна».

А если бы нашлись скептики, которые усомнились бы в правдивости повествования поэта, не знавшего предела и готового дойти до края возможного, а то и хватить через край в своих сравнениях и гиперболах, подчас напоминающих сказочные или библейские («На нас налетал ежечасно многоголовый зверь»), — поэт отвечал, отлично осознавая, что условность иных его описаний отнюдь не исключает их верности самому духу и пафосу героики и романтики времен гражданской войны:

Проверьте по документам, которые не солгут...

Он утверждал тем самым, что даже и невероятные события, описанные им, отвечают реальности и характеру тех, какие пережили и испытали его герои, — иначе как бы они добились своей великой победы?!

В словах одного из солдат гражданской войны, ставшего впоследствии большим поэтом, мы чувствуем не только горечь небывалых испытаний, но и великое торжество человека, знающего, что он и его соратники отстояли «нашу советскую власть» и что отныне нам «вся страна отдана», — вот почему у этого лирического героя, поведавшего о невероятных испытаниях, какие под силу выдержать далеко не каждому, вырываются слова величайшей гордости и торжества:

И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный шквал.
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой не знал!

И как ни неожиданны эти слова, они не могут не захватить читателя своею искренностью, неоспоримостью, своим задором и пылом.

Но герою ранних стихов А. Прокофьева — да и самому поэту — присущи не только романтическая увлеченность теми подвигами, слава о которых идет «от Белого моря до Сан-Диего», но и вскормленное в родной деревне и воспитанное с детских лет понимание реальных условий и возможностей, острая наблюдательность, меткость языка, ироническая усмешка над любой фальшью, выдумкой, претенциозностью. Вот почему его героев никогда — даже в самых суровых и трудных обстоятельствах — не покидает трезвость мысли и точность наблюдений, занозистость языка, определяющая особую характерность их речи.

Вспомним в связи с этим «Слово о матросе Железнякове» — стихотворение о роспуске Учредительного собрания, осуществленном

Железняковым и его соратниками, которым было поручено это весьма важное задание. От его успеха многое зависело в судьбах страны, и для юмора как будто совершенно нет никаких поводов. Ведь вопрос решается исторически очень важный: эсеры и меньшевики. обладающие в Учредительном собрании большинством, стремятся во что бы то ни стало подорвать власть Советов, повернуть вспять колесо истории, на что и надеялась вся контрреволюционная буржуазия; но Железняков и его товарищи знают: реальные силы — за ними, за большевиками, и матросы готовы любой ценой выполнить свою задачу, чувствуют себя полными хозяевами создавшегося положения. Но, испытывая чувство высокой ответственности за порученное им дело, они не утрачивают и присущего им юмора: слишком велико несоответствие претензий понаехавших сюда «гостей» с реальными их возможностями!

Именно от лица этих героев поэт и ведет свою речь, в которой важный и грозный смысл происходящих событий сочетается с откровенно веселой усмешкой:

На улице январь, на улице холодно,
Поземка разносит белый порошок.
Надо для гостей приготовить баню,
Попарить их веником, чтобы стало хорошо.

Хорошо ли, плохо ли... Это нам известно.
Только хозяева сошлись на том:
«Для почета времени, наверное, хватит.
Баню дадим потом...»

Как видим, в этой речи развиваются два плана: подлинно исторический, а вместе с тем и юмористический, о чем свидетельствует все острее развивающийся образ бани («надо для гостей приготовить баню...»), который всячески обыгрывается в диалоге матроса Железнякова и его соратников.

Да, здесь слышится не только патетика, но и смех поэта, «грозный смех» (говоря словами Маяковского — одного из учителей Прокофьева). И характер этого смеха говорит о том, что он принадлежит людям, с виду, может быть, самым обыкновенным, но непоколебимо преданным делу революции и живущим такой полнокровной, богатой, внутренне напряженной жизнью, что они не могут обойтись без веселья, меткой наблюдательности, острого словца — даже тогда, когда обстоятельства не являются столь уж веселыми и обычными.

Но как меняется язык поэта, когда речь заходит о подлинных

героях баллады («Балтийские матросы — красота!..»). Он не может, да и не хочет сдержать своего горделивого восхищения и балтийскими матросами, и спокойной и решительной речью Железнякова, предельно краткой, воспроизведенной здесь с буквальной точностью («Прошу покинуть зал заседания. Караул устал»), не претендующей ни на какие ораторские эффекты, — но именно в ней сказались дух и сила того народа, который пришел к власти и не собирался уступить ее никаким узурпаторам и демагогам, как бы они ни были искушены в области ораторского искусства. Железняков разговаривает со своими противниками именно так — по-хозяйски, властно и решительно, что и передано в его предельно лапидарной речи, перекликающейся, на слух поэта, с говором всего народа, с посвистом вьюги, разгулявшейся на всех углах и перекрестках города революции:

Ой, гуди, метелица, в дальние края.
Лучшая речь, Анатолий, твоя...

Восхищенный такой «лучшей речью», отвечающей духу и событиям великой революции, поэт и завершает ею «Слово о матросе Железнякове».

А в стихотворении «Матрос в Октябре» необычайности характера и образа того подлинного героя, который берет на себя ответственность за великое дело преобразования всего мира, отвечает резко подчеркнутая экспрессивность и лапидарность каждой черты и каждой детали, как бы готовых взорваться на наших глазах от того напряжения, каким исполнено и заряжено это стихотворение.

Мужественности, угловатости, резкости «матроса в Октябре» отвечает скупой, обозначенный предельно резкими и угловатыми штрихами рисунок, вычерченный словно раскаленным, светящимся углем:

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

А иначе — как можно было бы отстоять победу в те дни, когда

...Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

Здесь все отвечает друг другу: широта и значение подвига, какого потребовала эпоха от наших людей, и характер стиха, изображе-

ние «матроса в Октябре», передающее самое главное: резко подчеркнутые его черты и свойства, предельно четкие, круто замешенные, поразившие читателя своей страстностью, необычностью, экспрессивной выразительностью. Именно так написаны в то время многие стихи А. Прокофьева.

А потом мы увидим в его стихах этих солдат и матросов, отважных и непреклонных поборников и защитников дела революции, и на других фронтах ожесточенной борьбы с врагом, в том числе и на том, где они становились чекистами, — и именно в творчестве А. Прокофьева их образы запечатлены — если говорить о поэзии — наиболее полнокровно и реалистически зримо.

Мы видим здесь образы суровых и непреклонных людей «в кожаных куртках», которых так опасался «малохольный буржуй, чистоплюй и картежник», и опасался не напрасно. Как бы он ни был порою увертлив и ловок в сокрытии своих темных и преступных деяний, чекисты умели проникнуть в их суть, разоблачить ее:

Ты не рыба сиг,
Ты не рыпайси,
Самым круглым дураком
Не прикидывайси! —

(*«Начало диктатуры»*)

настойчиво и насмешливо советуют они ему, и хоть их живой и острый язык далеко не всегда отвечал правилам грамматики, но в понимании правил борьбы с врагом они проявили полную политическую грамотность и зрелость, непреклонную преданность делу революции, что и подчеркнуто здесь поэтом.

Годы великого строительства, преобразование всей страны на новых началах, пафос творчества и созидания — все это требовало от поэта ответа на самые острые и насущные вопросы современной действительности, и он отзывался на эти требования во многих своих стихах.

«Я славил Красную Армию, каленую сталь штыков»,— говорил он в стихотворении «Победа», признавая, что теперь необходимо утверждать и иную славу — славу героев труда, строительства, творчества.

А. Прокофьев воспевал победы на фронтах восстановления промышленности, осуществления планов первых пятилеток, вызвавших в свое время немало иронических комментариев заграничных зло-

пыхателей. Поэт и здесь увидел огненные рубежи сражений, от исхода которых зависит судьба родной страны, увидел новых героев, которые в своих могущественных замыслах и деяниях могли даже перевернуть землю (для этого надо только одно, уверяет поэт: «...подкиньте таким рычаг!»).

А. Прокофьев обращался к ним с настойчивым призывом, словно бы раскаленным в пламени неугасимого энтузиазма:

> Поднимем металл и уголь, удвоим колосья ржи.
> Страна, уважай героев, почетом их окружи,
> Включи в особые списки, запомни их имена...
>
> *(«Победа»)*

И скоро, действительно, страна составила эти списки и запомнила имена героев, добывавших новые и великие победы, но уже не саблями и штыками, а отбойным молотком, на тракторах, у текстильных станков.

Цикл стихотворений А. Прокофьева «Перечень профессий» — название несколько суховатое, а на самом же деле очень обязывающее, ибо о каждой из отмеченных здесь профессий поэт говорит свое неповторимое и меткое слово, свидетельствующее о том, как дороги ему настоящие труженики, знакомые не только по бросающимся в глаза признакам, но и по иным, далеко не всегда приметным с первого взгляда, что свидетельствует о кровном родстве поэта с героями этих стихов — металлистами, кузнецами, шахтерами, преобразующими облик родной страны, с которыми его объединяет чувство кровной ответственности за их труд и его итоги, — в чем он и находит новые источники творческих замыслов и свершений.

Поэт, воспевая и Красную Армию, и тех, кто закаляет рельсопрокатную сталь, добывает уголь, строит корпуса новых заводов, совсем не собирался представить современную действительность как совершенную и чуждую каким бы то ни было просчетам и огрехам. Сама мысль о таком ее восприятии и изображении вызывала у него саркастическую усмешку; вот почему он и говорил в стихотворении «Страна принимает бой» после того, как утверждал — вновь и вновь! — торжество и победы наших людей на фронтах борьбы и труда:

> Пусть ветер наводит тень на плетень,
> шумит ворохами лузги.
> А я не желаю лакировать
> огромные сапоги.

Для поэта очевидно, что «у нас неурядиц — пруды пруди», как и то, в каких трудах и испытаниях рождаются и выковываются победы его соратников и современников, какой большой ценой достаются они.

Во многих своих стихах А. Прокофьев словно бы обращается к тысячам и тысячам слушателей с такою взволнованной, ораторски-митинговой, страстно-напряженной речью, чтобы вовлечь их в свой разговор, вдохновить их на те поступки и действия, от каких зависят и судьбы революции, будущее всей земли, и это им внушает он веру в свое великое дело и свои неисчерпаемые силы:

...Не счесть, сколько громких профессий за нас:
Кузнецы,
горняки,
металлисты,
Пулеметчики,
бомбометчики,
ополченцы второго разряда за нас...

(«Эпоха»)

Так поэт подхватывал и развивал в своем творчестве те заветы и традиции, какие он прежде всего связывал с именем Маяковского. Здесь в широте и пафосе ораторски-митинговой интонации, в прямом и открытом утверждении дела революции, в самом стихе, «свободном и раскованном», — при всей его самобытности — нельзя не уловить влияния Маяковского, одного из учителей и наставников поэта, творчество которого особенно дорого ему.

В несколько ином ключе звучат стихи Прокофьева, посвященные родным местам и родной природе — Ладоге и ее людям, их труду и их праздникам, в описании которых поэт издавна обнаружил неистощимую любовь к ним, тонкую наблюдательность, меткость и занозистость языка, подслушанного в разговорах, шутках и прибаутках односельчан, что и определило поразительное своеобразие ладожских циклов его стихов.

Снова оказавшись «во нашей во деревне», встречаясь по-дружески и с молодыми парнями, смелыми и озорными, и с девушками, лукавыми и острыми на язык, и с их отцами, словно бы не подвластными старости, поэт выводит перед нами одного за другим своих односельчан, людей высокой и замечательной судьбы — неповтори-

мых, трудолюбивых, страстно влюбленных в жизнь во всей ее красоте, со всеми ее испытаниями, во всей ее светоносности.

Чувство могущества и полноты жизни не изменяет им даже тогда, когда наступает последний час и смерть уже готова увести не того, так другого в свой темный предел, как это однажды и случилось со стариком Степаном Булдыгиным, который

...умирал четыре дня.
Вкруг него чадили свечи, ладан жгли во всех углах.
Несмотря на это старец всё ж не обращался в прах...

(«Как во нашей во деревне...»)

А потом ему — неугомонному и неукротимому — окончательно надоели и ладан, и свечи, и пресные молитвы,

И сказал тогда Булдыгин,
А не кто-нибудь другой:

«Душно в саване поганом!
И, чтоб мир в красе вернуть,
Дайте водки два стакана
И натрите перцем грудь!..» —

и разве может кто-нибудь из читателей остаться равнодушным к этому старику с большим сердцем, юной душой и так полнокровно чувствующему все неиссякаемое могущество подлинной жизни?!

Поэт воссоздает образы тех родных ему односельчан, для которых жизнь неисчерпаема в своей мощи и красоте, и возникающих перед ним во всем своем могуществе, словно отвечающем тому, какое некогда слышалось в северных былинах и древних сказаниях:

Ты снова, мой дядя, — что дуб на корню
И рыжее солнце берешь в пятерню, —

(«Дядя»)

и этот дядя далеко не одинок в своем могуществе и неодолимом жизнелюбии; рядом с ним встает такая же великолепная родня поэта, и для ее описания он вводит в свои стихи самые грандиозные изо всех мыслимых образы и неисчерпаемо богатые краски — только они, кажется ему, могут передать властную силу и неумирающую красоту его родичей.

Это его «громадная родня» прогремела «в первоклассных песнях», это они

До ста лет стояли, как сугробы,
Падали, ликуя и скорбя, —

(«В первоклассных песнях прогремела. . .»)

и разве можно представить их без этого жизненного полнокровия, без того кипения страстей, какого не могло успокоить даже приближение последнего часа?

А если поэт заводит разговор о молодежи ладожских краев, о ее делах и судьбах, то признается, что хотел бы «совсем немногого»:

Чтобы бредил новыми морями
Вкруг озер раскинутый народ,
Чтобы, милых сердцу не теряя,
Парни от приема шли во флот!

(«Всё ты мнишься мне в красе и силе. . .»)

И пусть это «совсем немногое» может кому-то показаться слишком обычным и повседневным, но поэт и здесь видит столько радостного и необыкновенного, что стихи о таких, казалось бы, обычных делах и событиях обретали горделивое, романтически возвышенное звучание.

А каких девушек находит поэт в родном селении — во всей их прелести, всем обаянии, взывающем к самому восторженному, а вместе с тем непроизвольно вырвавшемуся восклицанию:

Ой, какое небо — синь одна,
Ой, какая Маша Ильина! [1]

Совершенно очевидно, почему:

. . .за этой Машей Ильиной
Все ребята ходят белою стеной.

Но зря ходят, ибо ее любовь уже завоевана тем, кто и сам под стать ей по глубине своих чувств, стойкости характера, и на кого, стало быть, можно положиться всегда и во всем, в любом деле, в

[1] Если название цитируемого стихотворения не указывается вообще, это означает, что первая строка цитаты является и первой строкой стихотворения, не имеющего заглавия. — *Ред.*

любых испытаниях; вот почему она и отвечает преследующим её ребятам:

Бросьте, отстаньте, дайте покой,
Нету вам, ребята, надежды никакой!
У меня мальчишка просто золотой,
Из-под шапки волос вьется завитой,
А насчет характера — в батьку крутой.

Вот какие цельные и крепкие характеры достойны настоящей любви и подлинного уважения, полагает эта Маша, да и сам восхищенный ею поэт. А когда один из парней хочет завоевать любовь девушки подарками и готов обнять ее при людях, то слышит в ответ:

Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях обнимет меня. . .

(«Невеста»)

И для нас очевидно, как богат и сложен духовный мир этой простой, на первый взгляд, девушки, какой у нее гордый и независимый характер, как много требует она от жизни.

Таковы здешние девушки — ладные, работящие, смелые (так они и в таких суровых условиях воспитаны!).

А когда поэт вспоминает о том, что происходит весной в родных краях, то не может удержаться от восхищения их красотой и прелестью — даже самой неприметной на посторонний взгляд:

. . .Волны неумолчно в берег бьют.
На цветах настоенную воду
Из восьми озер родные пьют.

Пьют, как брагу, темными ковшами
Парни в самых радостных летах.
Не испить ее:
она большая.
И не расплескать:
она в цветах!

(«Что весной на родине? Погода. . .»)

Здесь все охвачено и пронизано тем чувством свежести и цветения, какое так глубоко и всецело захватило поэта, что он навсегда остался верен ему в своем творчестве.

Да, много нового, а подчас и неожиданного увидел Прокофьев в облике и характере своих земляков и односельчан, вновь и вновь возвращаясь в родные места, — и с какою широтой раскрывались перед ним берега с детства знакомой ему Ладоги!

Но это совсем не значит, что и другие ее черты и приметы, идущие от прошлого, остались вне его острого и пристального внимания. Мы видим в ладожских стихах А. Прокофьева и ту деревню, какая изображена в духе едкой сатиры и броского гротеска, тех противоречий, когда новое сталкивается со старым, которое не хочет уступать ему без боя, без яростного сопротивления — и далеко не всегда безуспешного. В этих схватках и столкновениях, проницательно подмеченных поэтом в самом повседневном быту, и рождаются почти невероятные, на грани фантастики и гротеска, подчас подлинно драматические, а вместе с тем и взывающие к чувству юмора образы, сцены, конфликты, характерные для северной деревни в первые годы ее коллективизации, — и мы немало заметим их в стихах А. Прокофьева.

Поэт с едкой иронией говорит о том, как много еще в нашей деревне и у тех, кто руководил происходившими в ней переменами, пустой трескотни, бюрократических замашек, неумения практически подойти к живому делу, дать ему настоящий ход; вот и читаем мы здесь:

Возгласы идут:
— Допустим!
— Предположим, что...
— Да-да...
Протокол ведет Капустин —
Сокращенно, как всегда...

(*«Как во нашей во деревне...»*)

Но чувствуется по всему, что настоящее дело подменено здесь тем протоколом, от которого нельзя ожидать хоть какого-нибудь толка, — вот почему в этих веселых стихах сквозит и явная горечь. Таких ли «ясных» и «точных» протоколов ждала в то время наша деревня от своих деятелей и руководителей?!

Или вот стихотворение об отмене церковного праздника, говорящее, чего он стоит тем, кто отмечает его, — и отмечает так, как положено по старинке:

Все ли знают, что в Покров
По дешевке ходит кровь? —

(*«Отмена праздника»*)

спрашивает поэт, а далее от имени одного из своих героев — сельских корреспондентов — развертывает хоть и забавную, но невеселую картину того, что обычно происходит в этот день:

«Вырвано до тридцати растений,
Три ничтожные стекла
Выбиты в порядке прений...
Кровь, как водится, текла...

...Духота, смердя, парила,
Мертвое крыло влача...
И лежали, как перила,
Оба брата Лукича...»

И хотя поэт не без улыбки скажет об этом селькоре:

Ну и хват Иван Степанов,
Как он ловко записал!.. —

но в этой улыбке также чувствуется и явная горечь.

Обветшалость и непригодность многих старинных деревенских обычаев и обрядов, отсутствие новых, отвечающих современным связям и отношениям людей новой деревни, — вот что определило сюжет и характер стихотворения «Свадьба», где невеста причитает (как исстари положено) над карточкой жениха:

«Ах, да ты злодей и соглядатай,
Кто тебя нашел в лесу?
Умоляю, ах, не сватай
Нашу девичью красу...»

Но все эти причитания продиктованы духом тех времен, когда у девушки и не спрашивали, за кого ей выходить замуж. Вот почему подвыпивший сват возвращает невесту на нашу грешную и прекрасную землю, разъясняя — несколько задиристо и даже грубовато — всю неуместность ее ничем не оправданных, отзывающихся стариною жалоб и причитаний. А жизнь берет свое — и побеждает в ней то удивительное и прекрасное, какое не может не отмести все устарелое и отжившее, расчищает дорогу перед бессмертным и вечно юным:

Ночь цветет своим моментом.
Всё затихло там и тут,

Только вениками в лентах
Девки улицу метут.

И как же по такой улице не пойти навстречу новой и радостной жизни, — словно зовет и приглашает нас автор стихотворения.

Поэт навсегда остался певцом и летописцем родной ему Ладоги, соратником своих земляков, сверстников, однокашников, вместе с которыми он делил и горечь неудач и радость побед, неустанный труд и напряженную борьбу, что полностью отозвалось в его стихах, как и ладожские песни, частушки, с детства любимые сказки и предания, — все это так же глубоко откликнулось в творчестве Прокофьева и никогда не замолкало в его стихах:

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому, —

с восхищением говорит поэт — и в собственных его стихах лад гармоники, песни и частушки, сложенные под ее ритмы, звучат задорно и полновластно, с неповторимой новизной, что также определяло характернейшие черты и особенности творчества А. Прокофьева. Поэт раскрывает еще скрытые в гармонике, не исчерпанные ею возможности и богатства, — это она

Так пела и так плакала
Про горести свои,
Как бы за каждым клапаном
Гнездились соловьи, —

(«Гармоника»)

и разве может когда-нибудь померкнуть в глазах поэта зарево ее «малиновых мехов», отзывающееся на неумолчное и пронзительное соловьиное пение — как и на голоса всей жизни!

Самый язык ладожской деревни привлекал Прокофьева своей выразительностью, занозистостью, непосредственностью, далеко не всегда отвечающей литературным нормам и грамматическим правилам, и именно в этом находил поэт его остроту и свежесть, что по-своему отзывалось в его стихах, хотя бы в том же «Моем братеннике» («Тырли-бутырли, дуй тебя горой!» и т. п.); такого рода словесная игра придавала иным стихам А. Прокофьева сугубо локаль-

ное, «областническое» звучание, чего мы не замечаем в более поздних его стихах.

В ладожских стихах А. Прокофьева слышится и непосредственный отклик на народные предания, былины, баллады — как старинные, захватившие его с детских лет, так и те, какие рождались на его глазах, в современной деревне. Беседуя с одной из сказительниц, своей землячкой, поэт спрашивает:

> Какую запевку заводишь, старуха,
> Былину какую? .. —
>
> *(«Вечер»)*

и она на его глазах слагает сказание о подвигах одного из героев гражданской войны (ее собственного сына!):

> Всемирная песня поется о нем,
> Как шел он, лютуя мечом и огнем! ..

А когда белые пытались его переманить на свою сторону, он отвечал им:

> Известно ль дроздовцам, что лед не сластит,
> Блоха не глаголет и рак не свистит?

Что ж, даже и его бойцы подивились, услышав эти меткие, словно вырванные из-под самого сердца слова, такие живучие и неопровержимые, напоенные народной мудростью и властностью, — и еще отважнее ринулись в бой за свое правое дело...

Здесь образы подлинно современные и необычайно широкие («всемирная песня поется о нем...») выписаны тем складом, какой отвечает духу и языку уже отстоявшихся фольклорных сказов и речений («блоха не глаголет и рак не свистит...»), какие в новых житейских и исторических условиях обретают новое значение, новый смысл, новое — необычайно свежее и резкое — звучание («известно ли белым, что лед не сластит...») — и все это придает традиционному жанру неповторимую новизну и совершенно особый склад.

Или вот другая баллада, названная «Повестью о двух братьях» и также близкая духу героических сказаний. Эти братья стали врагами: один ушел к белым, а другой, младший, — к красным. Мы можем только предугадать, чем закончится их схватка, от исхода которой зависит и судьба всей земли, — не напрасно младший ударил

> ...шапкой светлой
> В знаменитый шар земной.

Вот почему за этой борьбой пристально следят не только люди — сами стихии земли и неба словно бы вовлечены в нее, и не случайно

> Сидит ворон на дубу,
> Зрит в подзорную трубу, —

наблюдая за ожесточенной и непримиримой борьбой.

Этот образ, вырванный из фольклора и по-новому истолкованный, позволяет увидеть в необычайно широкой перспективе один из эпизодов гражданской войны, придает ему особую масштабность и значительность, близкую к легендарной.

Бросается в глаза и то, что, опираясь на фольклорную традицию, поэт не ограничивался ею, а по-своему развивал ее, придавал фольклорным мотивам новое и вполне современное звучание, как это мы и видим хотя бы в стихотворении «Не ковыль-трава стояла...». Здесь легко различимы типичные для фольклорной поэтики параллелизмы и противопоставления:

> Не ковыль-трава стояла
> У гремучих вод —
> То стоял позиционно
> Партизанский взвод.

Смертельно ранен один из партизан, и вот он отправляет своему отцу «письмо-грамоту» через «верного коня», согласно старинному и воспетому во множестве народных песен и преданий обычаю, в духе которого он воспитан. Вместе с тем он чувствует неотъемлемую принадлежность своему времени, вот почему в его письмо помимо традиционных мотивов и образов входят и сугубо современные, продиктованные нашими днями:

> Передай скорей отцу
> Письмо-грамоту.
>
> В ней на пишущей машинке
> Всё отстукано,
> Что задумал сын жениться
> За излукою;
>
> Что пришла к нему невеста
> От его врагов...

Как видим, баллады А. Прокофьева не растворяются в потоке произведений этого жанра, весьма распространенного в свое время

и пошедшего в ход с легкой руки Николая Тихонова («Баллада, скорость голая, Романтики откос, Я дал тебе поступь и рост...»), а обладают теми качествами и особенностями, какие резко выделяют их из этого потока, сообщают им широкое значение и неповторимое своеобразие. В них слышится непосредственная и издавна знакомая народная речь, с ее идиомами, пословицами, поговорками, образной выразительностью, поразительной своей точностью, емкостью, предметностью. Но в этих стихах они обретают и новое звучание, отвечают духу нашей современности, тем балладам и легендам, какие рождались на глазах поэта и отвечали новой героике, захватившей внимание и потрясшей воображение наших творцов и сказителей своей значительностью и масштабностью.

Если первая книга избранных стихов Прокофьева называлась «Сотворение мира» (1931), то это название далеко не случайно: сотворение, о котором говорит здесь поэт, обретало в его глазах не какой-то абстрактный и фигуральный смысл, а самый что ни на есть буквальный, ибо именно так и в такой масштабности воспринимал и рассматривал поэт все то, что происходило в окружающей жизни и в чем он сам — так же, как миллионы и миллионы его сверстников и современников, — принимал самое активное участие. Это и порождает то чувство единства с ним, когда поэту представлялось, что не только он участвует в преображении мира, но и этот мир отзывается на всю область его переживаний, раздумий, стремлений и так же принимает в них самое непосредственное и деятельное участие, несет на себе их отсвет.

Той широте и неоглядности, какая раскрылась перед нашими людьми, отвечает и широта их внутренней жизни, где все может наполниться неповторимыми и многоцветными красками, звучаниями, голосами, как мы читаем в стихах, посвященных любимой:

Не приснилась мне она,
А явилась в радуге, —

*(«На родной
на стороне...»)*

и ради нее можно отважиться на все, даже и на то, что кажется неисполнимым:

По любому повеленью
Я достать тебе готов
Зори красного цветенья
И других еще цветов...

В таких необычайных масштабах, охватывающих просторы и стихии всего окружающего мира, раскрывал перед нами поэт свои чувства, даже и те, какие носят сугубо личный характер.

Когда он славил свою «огненно-раздольную страну», то и самые восторженные восхваления и гиперболы не были для него излишними и чрезмерными, ибо полностью отвечали его живому чувству, его внутренней широте, его радостному утверждению победы, рожденной на полях великих сражений. Это полновластно воплощалось в его стихах, определяло их внутреннее горение, безудержный в своей широте и смелости размах, все средства художественной выразительности, призванные передать всецело захватившие поэта переживания и помыслы, их высокий подъем. Вот почему, восторженно воспевая свою землю, поэт от одних, нарушающих все пределы внешнего правдоподобия, образов и сравнений сразу переходит к другим, еще более размашистым и беспредельным, — только так, полагал он, можно передать весь накал захвативших его страстей.

Обращаясь к своей земле, он задает один за другим неотступные вопросы:

Разве ты не огненная,
разве
О тебе не думают цветы:
Кто такая, красная, как праздник,
В музыке и громе? ..

(«Кровью сердца в час необычайный. . .»)

И отвечает на захватившие его вопросы, настойчиво стучавшиеся в сердце:

Это ты!
Выше туч, раскинутых над морем,
Молодых коней твоих дуга,
Триста тысяч дорогих гармоник
Выбегают утром на луга, —

выбегают с тем, чтобы подхватить и возвысить хор голосов, воспевающих родную страну.

Только такие крайние гиперболы могут передать и выразить чувства, переполняющие поэта и рвущиеся через все края и пределы. А если даже этого мало, поэт обращается к еще более широким и безудержным сравнениям и гиперболам:

. . .И тогда под ветром, бьющим
Камни, глину, мелкие леса,

Грудь морей, великих и поющих,
Поднимает к небу голоса...

К самому небу!

А если и этого недостаточно, чтобы полностью запечатлеть красоту и величие нашей страны, поэт обращается к еще более смелым образам, сравнениям, описаниям, доводя их до того предела, когда в его стихи вторгаются все стихии земли и неба — во всей их безудержности и неоглядности:

Мало? И тогда, в чаду туманов,
Никогда не видящие снов,
Не моря уже, а океаны
Потрясают землю до основ...

Вот такая «огненно-раздольная страна» возникает в стихах А. Прокофьева, чтобы покорить и захватить нас своим невероятным размахом и непобедимой красотой.

Это и определяет одну из наиболее характерных особенностей лирики А. Прокофьева, который во всем любил доходить до края, а то и хватить через край — лишь бы полностью высказать захватившие его чувства и переживания.

Само утверждение красоты и радости бытия во всей его яркости, красочности, полнозвучности стало темой и пафосом А. Прокофьева. Нельзя сказать, что у других современных поэтов мы не находим схожих тем и мотивов, но именно в стихах А. Прокофьева они воплощаются и прославляются с особенной страстностью, безудержностью, увлеченностью, что отзывается и на всем его творчестве.

Для него была очевидной и несомненной связь той эпохи, какая взывает к людям, обладающим «великолепным мужеством», с самыми основами и характером того стиха, который призван ответить ей, как это и утверждается в стихотворении «Товарищ»:

Коль ветер — лавиной и песня — лавиной...

А без этого кровного их родства и единства поэт не признавал и подлинно современного искусства. Вот почему он с такой остротой полемизировал с теми собратьями по перу, стихи которых казались ему слишком спокойными, уравновешенными, «камерными» по своему звучанию и даже по самой сути, во многом чуждой запросам и требованиям наших читателей. Разве таких произведений ожидали они в эпоху великих битв и творческих преобразований? С этим поэт никак не мог согласиться.

Для него было очевидно, что, «отдавая дань уютцу», иные поэты забывают о том, что

> ...перед нами — день огромный
> И каменщики строят дом.
>
> *(«Друзьям»)*

А если так, то надо смелее входить «в мир песнопений и страстей», от чего кое-кто явно уходил в сторону, с ними-то А. Прокофьев и спорил со всей присущей ему страстностью и решительностью, как и с теми, кто за всякими бытовыми неурядицами не видел самого главного и основного в жизни наших людей:

> У них несчастная эстрада
> Стоит, как мертвая вода,
> А на моей земле Отрада
> Не отцветала никогда!
>
> *(«Я обладаю верным даром...»)*

Вот почему так жалки и бесплодны, утверждает поэт, попытки подменить эту Отраду, отвечающую духу жизни и творчества наших людей, какою бы то ни было «мертвой водой».

Охваченный пафосом созидания и борьбы, поэт клянется

> ...отрезком суши,
> Держащим камни-валуны,
> Что вышибу кривую душу
> Окрест лежащей тишины...
>
> *(«Опять над миром сильный ветер...»)*

И не напрасны были эти клятвы. Он и в самом деле заострял прицел своей полемики против всего, что несло в себе преждевременную успокоенность, мещанскую ограниченность, стремление уклониться от борьбы за будущее.

С присущим ему чувством ответственности за всю область современной литературы, поэт не мог не заметить и того, что, наряду с подлинно новаторскими, в нее проникают — с претензией на некую идейную непогрешимость и новое слово в творчестве — и весьма надуманные, чуждые реальной действительности и подлинному искусству тенденции, стремление подменить необычайно богатый и сложный мир переживаний и стремлений нашего человека заранее сконструированными догмами и схемами, выдаваемыми за нечто подлин-

но современное и идейно безупречное. Авторы и создатели подобных схем и конструкций пытались бесцеремонно вмешаться даже в область сугубо личных чувств и переживаний наших людей, давали влюбленным свои непрошеные рекомендации касательно того, как им встречаться «у проходных ворот» и заводских контор, что говорить и что делать, дабы высказать свои чувства — в духе иных убогих «производственных романов».

В стихотворении А. Прокофьева «В защиту влюбленных» жених («уже не верящий удаче») с тоскою спрашивает у своих непрошеных советчиков, вообразивших себя его учителями и наставниками, но совершенно чуждых чувству подлинной жизни, ее реальным требованиям и неистощимому многообразию:

> «Неужели вы, смеясь и плача.
> Не любили в жизни никогда?
> Неужель закат, что плыл над городом,
> Красоты великой не таил?»

Но, глухие ко всем зовам настоящей жизни,

> «Нет!» — сказали стихотворцы гордо
> И ушли к чернильницам своим...

Так поэт неустанно полемизировал с теми, кто подменял подлинно художественное творчество догматическими измышлениями и сугубо чернильными схемами и конструкциями.

Конечно, не один Прокофьев выступал против мещанской ограниченности и преждевременной успокоенности, против того стихотворчества, какое только имитировало, а то и явно оказенивало захваченную в нем и подчас весьма значительную тему. Против такого стихотворчества активно и непримиримо выступали и Маяковский, и Асеев, и Тихонов, который в своей сатирически-заостренной «Общедоступной истории стихотворцев» с язвительной меткостью раскрывал манипуляции имитаторов от искусства и давал им необходимый и непреложный совет, словно соболезнуя тем, кто брал на себя в области поэзии явно непосильную ношу:

> Нельзя же делать приемный покой
> Из самой веселой профессии!

Вот против подобных гробокопателей от поэзии, способных, при всех своих претензиях, только нанести ей ущерб и скомпрометировать ее в глазах читателей, по-своему, исходя из своего житейского и твор-

ческого опыта, А. Прокофьев выступал с присущей ему решительностью и непримиримостью.

Острая полемика поэта подчас не оставалась безответной. Следует напомнить и о том, что ему приходилось выслушивать в свое время немало весьма едких и далеко не всегда справедливых нареканий в свой адрес. Так, один из критиков находил у него (как сообщается в стихах самого Прокофьева) даже «правую опасность» и другие «уклоны».

Но если мы перечитаем полемические стихи А. Прокофьева, то увидим, что, при всей их запальчивости, а иногда и явных «перехлестах», главное в них определяется не личными его пристрастиями или антипатиями, а чувством ответственности за всю область современной литературы, за ее будущее.

Кровь свою из всех живых артерий
Снова выливаю на стихи, —

(«Письмо в редакцию журнала «Наступление» критику Горбатенкову»)

восклицал поэт, отстаивая только такое страстное и жизнеутверждающее творчество, и сам в своих стихах стремился ответить этому завету и призыву, — не только потому, что полагал его истинным и неоспоримым, а потому, что не мог и не умел писать иначе: уж если творить, то со всею полнотой жизнелюбия, всепоглощающей увлеченностью, только так! — утверждал он с полемическим пылом и задором. Поэт обращался к своим собратьям по перу с одним настойчивым напоминанием:

Перед своей Страной Советов,
Перед землей горящих уст,
Мы все ответственны, поэты,
За песенный, тяжелый груз —

тяжелый именно потому, что иным он не может быть, если стихи обращены не только к некоторым любителям, а и ко всей «Стране Советов», к ее народу — требовательному и взыскательному, ждущему ответа от художников слова на свои самые большие вопросы и раздумья.

Воспевая нашу «огненно-раздольную страну», поэт восклицал:

В Прионежье, Ладоге и Вятке
О тебе, страна моя, поем,
И скрестились руки, как на клятве,
На железном имени твоем...

(«Громкая пора...»)

Верные и нерушимые клятвы родной стране, гимны, посвященные ей, и впоследствии не затихали в лирике Прокофьева, звучали в ней гордо и полновластно, прямо и открыто.

Словно подводя итоги недавним деяниям и событиям, засвидетельствовавшим стойкость и упорство наших людей в преодолении любых трудностей и испытаний, поэт утверждал:

Мы знали наше воинское дело,
И с твердостью, присущей нам одним,
Мы нагрузили сердце до предела
Великолепным мужеством своим...

(*«Потомкам пригодится. Не откинут...»*)

А то, что это было не только словами, а ответило самой сути наших людей, их высокому духу и героическому характеру, засвидетельствовали и те грозные события, участниками которых стали миллионы и миллионы наших людей, а среди них и Александр Прокофьев.

Великая Отечественная война не застала и не могла застать его как гражданина и поэта врасплох: он был полностью подготовлен к ней, и героический пафос его творчества стал метким и надежным оружием в борьбе с ожесточенным врагом.

Во время войны, с первого ее дня до последнего, поэт, «мобилизованный и призванный» в ряды Советской Армии, никогда не откладывал своего оружия — острого и словно бы раскаленного пера, и не было того жанра в области поэзии — от патетических и торжественных од, славящих и воспевающих нашу державу, ее настоящее, ее славную и героическую историю, и вплоть до частушек, откликающихся на происшествия текущего дня, или фельетонов, разоблачающих врага и обнажающих его отвратительный облик, полную безнадежность и обреченность его захватнических потуг, — от какого бы отказался А. Прокофьев, как свидетельствует его книга «Атака» (1943).

Та «атака», какую вел А. Прокофьев на врага, примечательна и тем, что каждое его слово, точное и разящее, остается неповторимо своеобразным, сохраняющим те черты и приметы, по каким нельзя не узнать и особый склад его характера — резкого, порывистого, удивительно непринужденного.

В авторе «Атаки» мы видим и испытанного солдата, и того бывалого труженика, для которого война — это не одно пламя боев. Вникая в повседневный быт наших солдат, он внушает — особенно тем, кто еще не понял, — что война требует не только беззаветного

мужества, но и умения, кропотливой повседневной работы. Поэт напоминал нашим бойцам, как важно правильно окапываться:

Пуля мимо, бомба вбок, если твой окоп глубок.

В этих словах виден бывалый человек, на своем личном опыте постигший: ничто ни в мирной жизни, ни в ожесточенных боях не дается без самого напряженного труда.

Так изо дня в день А. Прокофьев в годы Великой Отечественной войны упорно и самоотверженно вел свою «атаку» присущими именно ему средствами, осуществлял свою боевую и творческую деятельность, отвечающую и самым повседневным нуждам и потребностям нашего солдата и вдохновлявшую его на завоевание полной и окончательной победы над врагом.

Все это и придает внутреннее единство военным стихам поэта, ту прямую, страстную направленность, какая подобна точному, прицельному огню: ни одной пули мимо, ни одного выстрела в сторону от намеченной цели.

Конечно, иные произведения А. Прокофьева, написанные в те дни, ушли вместе с породившими их событиями, но лучшее из написанного поэтом в это незабываемое время живет и поныне, ибо здесь глубоко и полно передана та никогда не затихавшая и навеки бессмертная любовь к России, какая лишь крепла и мужала в огне великих испытаний, в горечи невосполнимых утрат, в торжестве великих побед.

Товарищ, сегодня над нею
Закаты в дыму и крови.
Чтоб ненависть била сильнее,
Давай говорить о любви, —

(«Товарищ, ты видел»)

восклицает поэт в дни войны в обращенных к Александру Фадееву стихах о России, — и здесь любовь, обжигавшая и закалявшая сердце поэта, находила такое неповторимое и страстное воплощение, что они и в наши дни не могут оставить равнодушным своего читателя.

А самым значительным и вдохновенным из родившихся и опубликованных в годы войны произведений А. Прокофьева является поэма «Россия» (1943—1944). Немало ее строк посвящено бесстрашным солдатам — братьям Шумовым, «богатырям-минометчикам» одного и того же полка. «Мне, — рассказывает поэт в автобиографии, — довелось познакомиться со своими героями на одном из участков Волховского фронта, опять же в моих родных местах».

В поэме перед нами встает вся семья Шумовых, начиная от старого и заслуженного в великих трудах Фадеича, который рас-

ставаясь со своими сыновьями, «держит речь» из «давно продуманных» семи слов:

«Я нынче Родине сдаю
Полроты братьев Шумовых. . .» —

и кончая образом их юной сестренки Настеньки, словно бы воплотившей всю красоту и прелесть родных краев, над которыми нависла зловещая тень врага. И разве может поэт оторвать свой взгляд от этой дорогой ему Настеньки?

Сколько щеп среди двора,
Так на Насте серебра!
Как вбежит она домой
С нашей русскою зимой,
С шуткой-прибауточкой,
Чтоб в ней души не чаяли,
Чтоб на ней в минуточку
Пушинки все растаяли!

Вот на защиту этой Настеньки, на защиту многих миллионов таких Настенек, на защиту всей Родины и встали, как один, братья Шумовы, образы которых возникают перед нами во всей своей живости и неповторимости, ибо в каждом жесте и слове этих мужественных и неустанных тружеников поэт видит издавна знакомых ему земляков. В суровых и жестоких условиях войны, потребовавшей готовности к самым великим жертвам и испытаниям, братья Шумовы — не выдуманные, а взятые из реальной жизни герои — оказались такими же бесстрашными и трудолюбивыми, неунывающими, какими и прежде знал поэт своих земляков:

Мины выли зло, точнее — люто,
Как всегда, зловещ был их полет.
Харкал восемнадцать мин в минуту
Шумовский тяжелый миномет.

Всюду немцев жгли предсмертным страхом
Мины в пуд, но бог здоровья дал,
Их Василий Шумов прямо с маху,
Как картошку, с маху в ствол кидал!

Видно, даже и такое дело, как метание мин, стало для него чем-то похожим на повседневный труд работящего и ловкого крестьян-

ского парня. Тут главное в том, чтобы все делать умело, точно, вовремя, а о том, что на фронте, на переднем крае борьбы с врагом, это работа героическая, — об этом братьям Шумовым даже и подумать некогда.

Воспевающая несокрушимую стойкость простого русского человека, поэма звучит и как вдохновенный гимн родной земле. Каждый ее уголок, каждое живое деревцо прочувствованы и показаны поэтом как драгоценные частицы народной души. Таков образ русской березы, возникающей перед нами во всей своей бессмертной красоте и берущей за сердце прелести:

В беленом сарафанчике,
С платочками в карманчиках,
С красивыми застежками,
С зелеными сережками...

И пусть на эту березу, как и на всю нашу страну, обрушиваются бури и грозы, она

Под ветром долу клонится,
И гнется, но не ломится!.. —

и в этом поэт видит те черты и приметы русского характера, какие особо дороги и близки нашим людям.

Поэма «Россия» и некоторые стихотворения А. Прокофьева были в свое время удостоены Государственной премии как одни из наиболее примечательных произведений литературы времен Великой Отечественной войны.

Многие годы спустя поэт снова и снова возвращается к великим испытаниям и героическим подвигам времен войны, чтобы поведать о тех днях, когда вовсю бушевала непогода и когда

...лишь огнем
Полыхали метели,
И немцы домой
Уходить не хотели...

(«Когда бушевала вовсю непогода...»)

Не хотели — а пришлось!

И те метели, от которых леденело лицо и сводило губы, еще словно бы врываются в эти стихи, диктуют их резкий, обрывистый строй, их конкретную точность и лапидарность.

Перед нами и здесь, как и во многих других послевоенных стихах А. Прокофьева, возникает суровое и грозное поле войны, такое, каким оно видится с позиции «блиндажа в три наката», в дни лютой стужи и великих испытаний, которые только закаляли упорство и мужество наших солдат.

Поэт стремился передать и высказать дивную красоту отвоеванной нашим народом земли, какая стала словно бы еще прекрасней в его глазах — даже и в самых простых и привычных ее приметах, как мы видим хотя бы в стихотворении «Фиалка», о скромном и едва различимом в разнотравье цветке, поднявшемся среди грохота взрывов и орудийных залпов:

...так на окопе когда-то
Анютины глазки цвели,
И не было краше солдатам
Клочка этой бурой земли!

Для поэта особенно дорого и то, что некогда безвестное село Кобона, где он рос и мужал, стало знаменитым в годы Великой Отечественной войны, — ведь именно с него начиналась та, пересекавшая Ладожское озеро, Дорога жизни, какая так много значила в судьбах блокированного Ленинграда, являлась крепким и необходимым звеном, соединившим его с осажденным городом. Когда поэта впоследствии спрашивали, что это за Кобона, — сколько больших и неизгладимых воспоминаний влекло за собой ее имя! Само время, кажется поэту, вспыхивает перед ним и обретает зримый и дорогой каждой своей чертою облик «в моей Кобоне на моем лугу» —

В моей рыбацкой рядовой деревне,
Где я услышал первый русский стих,
Где Русь была, как говорится, древле
И где могилы праотцев моих!

(*«Кобона»*)

Все это исстари сочеталось здесь воедино и подготовляло многих и многих к подвигу и героике, что с особенной очевидностью сказалось в годы войны:

Когда мой Ленинград узнал блокаду,
Моя Кобона думала о нем,
Она, чтоб билось сердце Ленинграда,
Не раз, не два стояла под огнем...

Стояла — и выстояла!

И с какою любовью и гордостью говорит поэт о своей родной, самой рядовой в ряду таких же, казалось бы, рядовых, а ныне прославленной рыбацкой деревне, — как ее прямой наследник, воспитанник, ее неотъемлемая частица, полностью разделившая ее долю и ее высокое назначение и призвание.

Родная страна осталась в глазах поэта навсегда прекрасной и бессмертной, какие бы жестокие раны ни нанесли ей враги. Воочию видя эти раны, поэт горестно спрашивает, как спросил бы и родительницу, подвергшуюся тяжкой и несправедливой обиде:

Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра земля моя?! .

(«Нынче удались
цветы повсюду. . .»)

И, по-сыновнему соболезнуя ей, готовый помочь восстановлению всех ее утрат, поэт создает новые стихи о России, где ненависть к врагу сочетается со вспыхнувшей, с новой и неизреченной любовью к ней.

В открывающем удостоенную Ленинской премии книгу «Приглашение к путешествию» цикле «Стихи о России» поэт признается перед нами в такой всепоглощающей любви к отчизне, какую нельзя и высказать до конца.

Ее нельзя сдержать, и она не может не хлынуть через все края, не может остаться безмолвной (вопреки тому, что утверждают иные критики, именно в безмолвии находящие высшее ее проявление):

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать «Россия»!

И не случайно первый и самый обширный раздел этой книги так и называется «Признание в любви» — в той любви к России, какая навсегда оставалась для поэта неутоленной и не высказанной до конца, сколько бы признаний ни срывалось с его уст!

Это слышится нам и в стихотворении «Наследство» (как и во множестве других!):

Не отец, не мать в далеком детстве,
А мои друзья в родном краю

Всю Россию дали мне в наследство,
Всю мою любовь, судьбу мою...

Это великое наследство поэта безмерно обогащает весь его внутренний мир, область его самых глубоких раздумий и сокровенных переживаний, сугубо личных, выстраданных долгими и трудными годами, а вместе с тем — роднящих с миллионами и миллионами:

Враг хотел отнять наследство это,
И не раз мы в яростном бою
Бились за весенний край Советов,

а стало быть, и «За свою любовь, Судьбу свою...». Одно неотторжимо от другого, и личная, неповторимо-своеобразная судьба является здесь неотъемлемой частью того общего, чем живут наши люди, что и определяет их внутреннюю широту, масштабность их переживаний и устремлений.

Само имя нашей отчизны звучит для А. Прокофьева несравненной музыкой, о чем и говорит его стихотворение, открывающееся есенинским эпиграфом «О Русь, взмахни крылами!»:

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня,
Но есть слова такие,
Что посильней огня!

В честь слова «Россия» и, главное, всего того, что оно значит для наших людей, поэт и слагает горделивый гимн:

Наполненное светом,
Оно горит огнем,
И гимном слово это
Гремит в стихе моем...

И таким гимном отчизне, восторженным и вдохновенным, звучат многие и многие его стихотворения. Одно из них поэт снова открывает эпиграфом из Есенина («О Родина, в счастливый и неисходный час...») и, словно продолжая его, возглашает:

О Родина, ты в сердце
Любого из солдат.
О Родина, ты в сердце
Давно несешь набат.

(«О Родина, по зову...»)

И поэт, повинуясь этому набатному зову, высказывает свою любовь к Родине непосредственно, прямо, открыто, не стремясь хоть в чем-либо умерить пылкость своего чувства, силу гордого и торжественного звучания посвященных ей стихов.

Во многих стихах А. Прокофьева мы угадываем и то, как дороги поэту и те города, края, селения родной страны, ее великие просторы, с какими столько связано в его жизни, что нельзя всего и пересказать! Тут особое место в творчестве А. Прокофьева занял Ленинград, ставший навсегда дорогим и близким ему за те несколько десятилетий, какие поэт прожил в нем, и с которым связана вся его творческая биография. Поэт посвятил ему и его людям множество вдохновенных стихов, и без них нельзя составить достаточно полного представления о его творчестве. Даже сама земля Ленинграда, кажется поэту, — это особая земля, ибо необычайно много означает она в судьбах и истории родной страны, да и в его собственной судьбе, как он признается перед нами:

Вечно ощущать хочу отраду
Вашу,
перелески и поля,
И твою —
родного Ленинграда
Революционная земля.

(«Сердце радо. . .»)

И к этой земле, словно бы вобравшей в себя самый дух великого города, вновь и вновь припадает поэт, чтобы воспринять ее закалку, ее мужество и вольнолюбивый задор.

И как же поэту не гордиться тем, что его труды и его борьба, его самые большие устремления также порождены и вскормлены этой землей, посвящены ей, составляют в ее истории особые и неповторимые строки!

Он и Сибирь воспевал, встретившись с нею, словно захлебнувшись от переполняющего и рвущегося через все края восторга, которому не знал — да и не хотел знать — никакой меры, ибо ее бескрайность и беспредельность словно бы ответила его внутренней широте, перекликнулась с нею.

Сибирь — страна бессонная,
Бетонная,
Кессонная!
Сибирь — страна-громада.
Такую нам и надо! ..

(«Сибирь — страна зеленая. . .»)

Немало стихов, пронизанных радостью и гордостью за эти края и их людей, творческие деяния которых отвечают их внутреннему размаху, посвятил поэт «стране зеленой», «морозами каленой», полюбившейся ему с первой встречи с нею.

А сколько еще и других краев и областей нашей родины воспел поэт, восхищенный их свершениями, их красотой и неповторимым многообразием! Среди них он особо сроднился с тем, какой был родиной Есенина, творчество которого было необычайно близко ему, по-своему отозвалось в его стихах, а потому и ставшим для Прокофьева навсегда дорогим и любимым:

...краса моя,
Краса и свет... —

(«Синь да синь»)

тот свет, какому никогда не дано померкнуть в его душе и каким нельзя не поделиться со всеми теми, кто жаждет его, как делился некогда и сам Есенин.

Приглашая своих читателей к путешествию по всем областям и краям нашей родины, поэт возглашал:

Нет в России города без славы,
Местной, повсеместной, мировой.
На своих птенцов глядит держава,
Видит их с горы сторожевой...

И сам он стремился увидеть воочию любые наши селения и города, молодые и тысячелетние, раскинувшиеся где бы то ни было — у подножья гор или среди степных просторов, в Заполярье или в дальних сибирских краях.

А с наибольшей увлеченностью и всепроникающей прозорливостью запечатлен им, пожалуй, тот ладожский край, чья жизнь знакома ему с самых малых лет во всей ее основе и подноготной. В каких бы краях ни побывал поэт и где бы он ни был, он признается:

Я вижу волн сердитых глыбы
И небо, слитое с водой.

Мне всюду мнится в блеске молний
И электрических огней
Кусок земли, идущей в волны
Бессонной Ладоги моей!

(«Друзья мои!»)

И сколько важного и значительного он сумел сказать о ней, как много открыть и увидеть, как полно и многообразно передать ее безудержную удаль и суровую красоту, повседневный быт людей, вскормленных и вспоенных на берегах того же озера и словно воспринявших крутизну его волн, их широкий и вольный размах!

Крайне характерно и примечательно здесь стихотворение «Чем знаменита Ладога?», где поэт словно бы одним взглядом окидывает любимое им озеро и его побережья.

А знаменита Ладога многим, и прежде всего —

...водою
Холодною, крутою,
Прозрачною, седою!..

...Еще травою донником,
Да резкими ветрами,
Меженцем и шелонником,
Да блеклыми утрами...

Под гул и посвист этих резких ветров росли и закалялись люди на ее берегах, мужали и крепли их характеры — вот почему Ладога знаменита не только водою, рыбой, шелонником, но и обживающими ее людьми и их делами и подвигами, их «сильными, советскими, широкими шагами».

Завершается это стихотворение знаменательным и многозначительным утверждением:

Идут деды с внучатами,
Идут деды и внемлют
Своим садам, посаженным
И ждущим совершенства,
Большим шагам — по сажени,
Своим ветрам-меженцам!

Здесь перед нами возникает удивительно богатый и внутренне цельный мир, где все взаимно и полнозвучно перекликается — и резкий ветер, и крутые, прозрачные волны, и широкие, властные шаги отцов и сыновей, знающих, что посаженные дедами сады — да и не только сады — ждут приложения сильных и работящих рук, и все это слагается во властный и цельный гимн Ладоге и ее людям.

Поэт с гордостью говорит о своей трудовой родословной, о крестьянской и рыбацкой «династии» — начиная с ее основателя. Если он и вспоминает старших в своем роду, то именно с тем, чтобы воздать им честь как великим труженикам и мастерам своего дела, дух и традиции которых усвоены их детьми и внуками:

Дед мой Прокофий
Был ростом мал,
Мал, да удал,
Да фамилию дал! ..

(*«Дед»*)

Эта фамилия, оказывается, в своей рабочей знатности и доблестной «геральдике» ничем не уступит любой геральдике старых времен, которою некогда так гордились иные аристократы:

Дал, как поставил
Печать с гербом!
А что на печати?
Да дед с горбом! ..

С непреходящей гордостью говорит поэт о своем деде, чья песня и дума идет по всей стране и чье сердце лежит в земле отцов, обретает бессмертие. Так жизнь простого рабочего человека, который ничего не нажил, кроме горба, но любил и славил труд и воспитал в духе этой любви все свое потомство, становится легендой, о которой поэт говорит так же пылко и торжественно, как о любом другом с детства полюбившемся ему героическом сказании.

С такою же гордостью и увлеченностью, а вместе с тем с подлинно народным и удивительно самобытным юмором, издавна усвоенным Прокофьевым и берущим свое начало в «шутейных сказах» старых времен, поэт говорит и о потомстве этого деда — родоначальника целой «династии» рыбаков, в изображении которых поэт достигает необычайной выразительности, яркости, живописуя каждого из них. Перед нами воочию, наглядно, зримо до рези в глазах предстают те «Татьянки и Юльки и прочая клюква», которые сидели «кучней за обедом» или еще качались по люлькам, даже те,

...что из люльки
Едва выползали,
Свистели в свистульки
И сети вязали!

Марфины и Настины —
Все были
В династии! ..

(«Это я прошу иметь в виду. . .»)

И эта «династия» — вместе со всей ее малолетней «клюквой» (до чего этот образ ярко и характерно передает тот колорит, который связан с нашими именно северными краями!), с ее преданностью рыболовецкому труду — находит в лице А. Прокофьева проникновенного, ею же и рожденного художника. Он с поразительной точностью и полнотою раскрывает самое примечательное в людях своей деревни, своего рыбацкого рода. И нам понятна гордость поэта, который представляет нам — одного за другим — членов своей «династии», которая не уступит никакой другой в своей трудовой доблести и своих славных традициях.

Поэт, снова навестив родную деревню, воочию видит и то, какие задорные, деловитые, мужественные парни выросли в ней, как широк их внутренний мир. На них можно положиться во всем, чего требует рыболовецкая сноровка, труд садовода, уход за родным полем. Да и далеко за его пределами они также находят свое достойное и верное место, никогда не теряются. Если раньше поэт говорил о братеннике, который «ходит к Ливерпулю», то и теперь он ведет разговор о тех парнях, которым так же не в диковинку ходить «по чужим, заморским сторонам», чувствовать свою непосредственную связь с народами всей земли. Они шагнули далеко за ладожские края, а песни их запевал

. . .там осели,
Где вышли из груди:
В Тулоне и в Марселе,
И в Лондоне, поди!

(«Неясные рассветы. . .»)

Вот как широко шагнули молодые родичи поэта и как привольно дышится им везде, куда ни пошлет их родина. Не потому ли их тянет петь везде, «где есть моря какие», — и сам поэт, снова встретившись с ними, радостно подхватывает эти гордые и несмолкаемые песни.

В его глазах сама красота ладожских девушек именно потому с особенной полнотой захватывает нас своим неотразимым обаянием, что она также сочетается с началом деятельным и мужественным, с готовностью выдержать любые выпавшие на их долю испытания и преодолеть их — чего бы это ни стоило и каких бы внутренних сил ни потребовало!

Для поэта очевидно, что новое, по-хозяйски полновластное восприятие мира, деятельное отношение к нему, присущее нашему человеку, обогащает и преображает всю область его чувств и переживаний, даже, казалось бы, и извечно неизменных. От лица одной из матерей, которая «в соку березовом доченьку купала», поэт обращается к ее дочери, которой она сулила не серебро и золото,

А сулила ей луга,
И поля и горы.
«Вот, — сказала ей, — бери
Все холмы и скаты,
Блеск и отблески зари,
Чем земля богата...»

(«Утро было розово...»)

А разве и сам поэт не из этой же семьи, не из этой трудовой династии и воспитан не в этом же духе?

Ее традиции и навыки навсегда сохранили для него свое великое значение, полновластно отозвались в его творчестве, что и побуждало поэта никогда не забывать о взрастившем его крае, особенно дорожить дружбой со своими земляками, всегда считаться с их суждениями и оценками — ведь кто же знает его лучше, чем они, чей взгляд более взыскателен и придирчив?! Вот почему так дорого ему каждое их доброе слово о нем — ведь это слово они никогда не скажут впустую!

Сердечным волнением отозвалась в нем весть о том, что земляки увидели и оценили в нем своего поэта, и совсем не случайно, как стало известно ему,

Мои стихи как песни
На Ладоге поют.

(«Вот радостные вести...»)

Поэт, услышавший об этом, преисполнен такой гордостью и благодарностью своим землякам, что не может не высказать их и не поделиться своими ответными чувствами:

Она меня встречала
Как будто бы в венках,
Она меня качала,
Как сына, на руках!..

А когда поэт снова возвращается — может, спустя несколько дней, а может, и через несколько лет! — в родное село, то радуется не только он и не только его родные и друзья, но, кажется ему, и все то, что встречает его по дороге и что отвечает ощущению полного единства поэта со всем окружающим миром:

Вон от радости пляшет
Целый взвод тополей;
Вон мне озеро машет
Белой гривой своей!..

(*«У юности в гостях»*)

Они принимают по-родственному живое и деятельное участие в его раздумьях и переживаниях, зародившихся в юности и оставшихся свежими и молодыми навсегда. Да и он также принимает самое деятельное участие в окружающем его мире и не остается безответным к нему и его потребностям.

Так, поэт не только любуется ржаными полями или белыми березами родного края, но и горделиво подчеркивает:

Почти над самым плесом,
Почти что над волной
Шумят, шумят березы,
Посаженные мной...

А разве не в этом — залог того бессмертия, какое видится поэту во всем окружающем мире:

...пускай мои деревья
Меня переживут.
Под их высокой крышей
В заречной стороне
Другой стихи напишет
И вспомнит обо мне...

И не только вспомнит, а и скажет с уважением, даже если не узнает о других свершениях поэта: «Вот Прокофьев Березы посадил».

Уже одно это дает ему подлинное удовлетворение, углубляет чувство неотъемлемой своей причастности к будущему.

Поэт издавна принимает самое непосредственное и деятельное участие в преображении всего окружающего мира — вот почему, если он и замечает возле своего крыльца безымянную речку, то не может не подумать:

Нет на нее
Ни обиды, ни жалоб...
Ей без меня
Трудно будет, пожалуй!..—

(«Около дома»)

как, наверно, трудно было бы и ему прожить без этой почти никому не известной речки, невозбранно утолявшей его жажду.

Вот такое чувство единства и взаимосвязанности всего живого, а стало быть, и своего собственного существа со всем окружающим миром, пронизывает лирику А. Прокофьева, является ее активным и динамическим началом.

В шелесте травы и листвы поэту слышались те голоса раздумья, советы, тот говор, к которому он прислушивался с обостренным вниманием; деревья в его стихах весело перекликаются и судачат между собой. А о чем же им еще говорить, как не об издавна знакомых им людях, — вот хотя бы о той девчонке, которая сейчас проходит под их кронами, розовея от солнца:

Ты в пятнадцать лет похорошела,
И об этом столько лет подряд
Сосны над тропинкою замшелой
Молодым сосенкам говорят...

И как же не заметить, что эти сосны отличаются тою внимательностью и прозорливостью, какая ни в чем не уступит людской и полностью согласна с нею!

Здесь одно неразрывно сочетается с другим — как и во многих, многих стихах поэта, пронизанных пафосом единства нашего человека со всем окружающим его миром, единства деятельного и душевного — как в той дружной семье, где все понимают друг друга с первого взгляда.

А сколько друзей у поэта в лесу — не сосчитать! И как глубоко переживает он утрату любого из них, — вот хотя бы того поверженного на землю дерева, которое уже глухо ко всему живому. И поэт по-своему передает то, что произошло, как одну из незаметных для постороннего взгляда, но великих трагедий, о какой нельзя говорить спокойно и равнодушно:

Оно ползло,
Униженное ветром
И брошенное намертво в траву!

О нем уже не помнила округа,
Ликуя, вешней свежестью дыша...
Я поднял это дерево,
Как друга.
О, как заговорила в нем душа!

(«Я поднял дерево. . .»)

Так широко распахнут внутренний мир поэта перед всеми событиями родной ему природы, вот почему так внятен ему ее язык, даже безмолвный и бессловесный.

В его стихах и сами стихии — воздуха, воды, огня — обретают удивительную жизненность, полнокровные и человеческие черты и индивидуальную неповторимость, подобную той, какая присуща родичам и соседям поэта, его сверстникам и однокашникам: если девчонка, закутанная в платок и раскрасневшаяся от мороза, идет за водой к заледеневшей речке, то даже и ветер не может остаться равнодушным к ней — так она пленительна и обаятельна!

И он с тобой, любовь моя,
Заводит кутерьму, —
Целует любушку. И я
Завидую ему. . .

(«Я полюбил давно его. . .»)

Да и как не завидовать, если этот озорник без всякой робости делает то, о чем поэт, судя по всему, может еще только мечтать!

Вот и зима — это для А. Прокофьева не просто и не только одно из времен года, а и то живое и родное существо, с каким можно запросто поговорить обо всем без утайки, как со своим закадычным другом, который поймет тебя с полуслова:

Зима летит и видит речку.
«Да подожди ты! — говорю. —
Ее веселое сердечко
Само затихнет к январю!»

(«Зима стремглав промчалась долом. . .»)

Но напрасны эти уговоры:

«Нет, нет, — кричит зима, — немедля! . .»

И хотя она не послушалась поэта, но для него очевидно, что с нею можно поговорить по-свойски и она не только понимает его, но отвечает ему на своем, но вполне понятном языке.

Так же по-родственному поэт относится ко всему тому, что приносят жаркие дни, то лето, которое «смотрело братски на меня».

И эти приметы братства, родства, дружбы не подвели поэта, в очередной раз подтвердили со всею очевидностью и несомненностью свое родство с ним и свою приязнь к нему. Вот что обогащало и расширяло ту семью, непременным и деятельным участником которой всегда и неизменно чувствовал себя поэт.

Ощущение кровного родства со всем окружающим миром порождало чувство ответственности за все, что происходит в нем, той деятельной любви к нему, какая сказывается и в размахе дел, посвященных его преображению, и в заботе о самой малой птахе, если она нуждается в помощи и защите. А о том, кто оказал эту помощь, поэт скажет с уважением и любовью:

Был он человеком настоящим,
Смерть он ненавидел,
Жизнь любил...

(*«Тополей веселая стена...»*)

Вот переживания и деяния таких людей, чья любовь ко всему живому является не только созерцательной, но и деятельной, заставляющей активно вмешиваться в судьбу и события всего окружающего мира, как в свои собственные, и отображены в стихах А. Прокофьева как прекрасные и примечательные, какими бы скромными они ни были на первый взгляд.

Поэт утверждал свое полное единство со всем зримым, но это не тот пантеизм, который всецело растворяет человека в окружающей природе, а нечто иное — стремление увидеть в ней и запечатлеть то деятельное и творческое начало, какое всецело усвоено ею от ее жителей и обитателей, от всех наших людей, благодаря чему она и сама становится непосредственной участницей наших дел, забот, тревог, судеб, уподобляется нам в наших деяниях и нашей борьбе. Вот поэтому и красота окружающего мира обретает в глазах поэта особое обаяние именно тогда, когда она сочетается с такими присущими нашим людям качествами и началами, как стойкость, мужество, готовность выдержать и перенести даже самые суровые испытания и одержать над ними победу, что и подчеркнуто во многих стихах А. Прокофьева.

Поэт никогда не отделял чувства восхищения своей издавна дорогой и любимой землей от сурового солдатского мужества, без какого нельзя ее ни защитить, ни отстоять. Вот почему, услышав новое название озер, возле которых наши солдаты вели кровопролитные

бои, поэт подчеркивает издавна утверждаемое им родство нашего человека с окружающим его миром:

Они участвуют и действуют
В завоевании сердец.
Кто их назвал
Красногвардейскими,
Тот, безусловно, молодец!

(«Красногвардейские озера»)

И поэтому видится даже в соединяющих их протоке «гвардейская ленточка» — разве и он не участвовал в развернувшихся здесь боях, отзвук которых слышится поэту и посейчас?

Они гремят грозой отпора,
Героев славя имена,
Красногвардейские озера,
Красногвардейская волна!

Такие волны, словно продолжающие подвиг наших воинов и полновластно отзывающиеся на него, широко и мощно вторгаются в лирику А. Прокофьева, по-своему перестраивают и обогащают ее лад и ее характер.

Такое восприятие родной природы побуждало поэта совершать одно открытие вслед за другим, и каждое из них поражает его своею неожиданностью и неоспоримостью.

Всё в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как, слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши, —

(«Нынче удались цветы повсюду. . .»)

и как отчетливо смелость этого куста перекликается с той, какая свойственна тем людям, среди которых он вырос!

А сколько каждый раз нового мог бы рассказать поэт о той же березке — извечно неизменной в своей непостижимой красоте и вместе с тем отзывающейся на все то, что свершили и пережили наши солдаты, как это мы видим в стихотворении «Стоит березка фронтовая. . .»:

. . .Ей не от солнца горячо,
У ней ведь рана огневая,
Пробила пуля ей плечо!

Почти закрыта рана эта
Как бы припухшею корой...

И для поэта очевидно, как близка эта березка всем своим житейским и боевым опытом ему, его современникам и соратникам, а потому и наделяет ее теми чувствами и переживаниями, какими и они могли бы поделиться с нею.

Да и говорит она тем языком, какой зачастую слышался поэту в родных ему краях:

Как северянка, речь заводит,
Всё с переспросом: «Чо да чо?»
И только ноет к непогоде
С закрытой раною плечо.

Да, здесь раненая березка так похожа на девушку-северянку и военную санитарку, словно стала ее верной и неизменной подругой.

Вот и сосна по-родственному дорога и близка поэту именно потому, что и в ней он угадывает те свойства и качества, какие особенно ценит у своих боевых друзей:

Сосна гранит ломает,
Она — каменолом.
Потом стрелой взлетает
Туда, где ходит гром...

(«Высокая сосна»)

Чем глубже разламывает она толщу гранита, тем выше поднимается ее крона, и, на взгляд поэта, многие и многие могли бы позавидовать ей и взять у нее надежные уроки выдержки, мужества, упорства, преодолевающие самые тяжелые испытания, — вот чем эта сосна особенно дорога поэту. Ни в чем не уступит ей — ни в упорстве, ни в мужественности — тот дуб, о котором наши люди исстари слагали столько прекрасных и бессмертных песен:

...Он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль, и видит дальний путь,
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

(«Мне о России надо говорить...»)

В этом воине наши солдаты также могли бы угадать своего друга и соратника, и именно той красоте, какая словно бы углублена и безмерно умножена сопрягающимся с нею мужеством, упорством,

несокрушимой внутренней силой, посвящает А. Прокофьев свои восторженные и вдохновенные гимны.

Поэт стремился вместить в своем творчестве всю родину во всей ее неизмеримой широте и несказанной прелести,

С ее колосистой
  Пшеницей и рожью,
С ее голосистой
  Песней дорожной...
...И сказом, и сказкой,
  И древней былиной,
И речью, что я завладел,
  Соловьиной!..

(«Россия стоит на граните»)

Иной поэт на этом и завершил бы свои любовные излияния, ибо что может быть прекраснее речи, названной здесь соловьиной? Но Прокофьев, с неизменно присущим ему чутьем творца и ратоборца, не может не вспомнить и о том, какою ценою оплачены неисчислимые богатства нашей отчизны, а потому продолжает:

...С великим народом
Ее именитым,
А также с железом ее
И гранитом.

Одно неотделимо от другого!

Так и здесь нежность соловьиной песни сочетается с железной хваткой, суровым мужеством, что крайне характерно для творчества А. Прокофьева.

Словно подытоживая все прожитое, оглядываясь на пройденный путь, такой трудный и крутой, что не каждый выдержит, поэт признается в подобных исповеди стихах:

Меня, как в море, бури закачали,
И скажем прямо:
Я хлебнул всего!
Все три войны остались за плечами
И в доле поколенья моего...

Поэт воочию видел, сколько необыкновенного и примечательного совершили люди его поколения, герои нашего времени, что и побуждало его с особенной увлеченностью и проникновенностью всматри-

ваться в их облик, находить истоки их внутренних сил, их героизма, одержанных ими побед в борьбе и творчестве. И сколько примечательных открытий совершил он здесь, сколько образов современников и соратников со всеми присущими им навыками и особенностями воссоздано в его стихах, проходит перед нами один за другим!

Образы людей творческого труда и воинского подвига возникают в стихах поэта во всей своей жизненности, неповторимости, во всем своем внутреннем богатстве. Все творчество А. Прокофьева населено ими — и сколько же дорогих нам лиц и близких друзей, встающих перед нами с присущей им зримостью и непринужденностью, обретаем мы, знакомясь с ними! А если поэт говорит о своих сверстниках и однокашниках, открывших новую страницу истории, то он слагает им гимны, захватывающие своей страстностью, размашистостью, безмерной гордостью за них и их бессмертные подвиги, равные легендарным и даже превосходящие их, как это мы видим хотя бы в стихотворении «Первая песня»:

Мои друзья летали в бурках
Зимою в огненной пыли,
И сивки — вещие каурки
Едва касалися земли...

Это они «встречали грудью ярый шквал», не отступая перед ним и преодолевая все выпавшие на их долю испытания.

Вот каких друзей и сверстников, ни в чем не знающих предела и меры, а стало быть, и в своей преданности делу революции, как и в годы своей юности, славит и воспевает поэт — людей героической борьбы и творческого труда, отстоявших родную землю от захватчиков и неутомимо преобразующих ее. Вот почему его творчество пронизано прежде всего пафосом борьбы и труда, что отзывается и на характере его стиха.

Повторяя — вслед за Павлом Васильевым — «творящие слова», А. Прокофьев именно в них видел великую силу, неодолимое могущество, а потому и внушал своим товарищам по перу, да и не только им, но и себе самому:

...чтоб больше надежд,
Больше стало надежд, —
Дай всему
Творительный падеж!.. —

(«Другу»)

творительный не только в прямом, но и в самом широком смысле этого слова, связанном с основами всей жизни, в которой поэт прежде всего видел и подчеркивал «творительное» начало. Поэтому он отстаивал прежде всего такую песню, какая отвечает духу «творительного падежа», ту, которая

...трогает сердце и душу,
Взвивает знамена в бою,
И скалы взрывает и рушит,
Проходит в гвардейском строю.

Именно такая песня, отвечающая духу творчества и борьбы, находила в лице поэта своего страстного защитника, непреклонного заступника, полного веры в ее всемогущество и красоту. Он настойчиво стремился к тому, чтобы и его собственная лирика в полной мере отвечала этим заветам и призывам; вот почему в поэзии А. Прокофьева неизменно чувствуется тот высокий накал, без какого нельзя по-настоящему представить ее существо, ее наиболее характерные черты и особенности, — касается ли это самого существа стиха или средств его образной выразительности, какие призваны ответить этому накалу, вызваны им к жизни и дышат им, исключают все то, что чуждо ему и неспособно выразить его.

Если поэт восклицает с радостью и торжеством:

В красном блеске, в буйной силе
Встало солнце над Россией, —

(«День рождения»)

то сказано это с особым смыслом и значением, ибо он стремился к тому, чтобы и его стихи были под стать такой «буйной силе» и, как прежде, по-своему отвечали ей в своей размашистости, безудержности, готовности дойти до самого края, а если нужно, то хватить и через край, — лишь бы дойти до читательского сердца и увлечь его.

Поэт утверждал, полностью раскрывая себя перед читателем и ни в чем не желая таиться от него, пролагать какую бы то ни было межу между ним и собою:

...Коль что-нибудь значу,
То всею судьбою.
Ничего не жалея,
Грудь открыв, словно дверцу,
Там не тлеет, не тлеет,
А горит жаром сердце!..

Этим горением охвачено и пронизано все его творчество, что побуждало поэта обращаться к словам и образам предельно размашистым, пылким, безудержным, а иных в его стихах мы почти не встретим; вот почему и весь окружающий мир, словно охваченный этим никогда не остывающим огнем, представал перед ним таким необыкновенным и чудесным, и здесь одно чудо следует за другим — лишь бы взглянуть на него зоркими, словно бы омытыми ключевою водой глазами!

Тогда и тот закат, к зрелищу которого мы так привыкли, становится поразительным и необычайным, если он внезапно вспыхивает в грозящих «обвалом» облаках, — и это острое столкновение стихийных и противоборствующих сил словно бы вещает об одном из драматических событий мирового катаклизма:

...в лугу
Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...

(«Закат»)

Все обрело небывалые оттенки, краски, цвета, совершенно необыкновенные образы и очертания. И хотя эти чудеса продолжались лишь минуты, но сколько за это время высмотрел их поэт, да, наверно, и не он один!

Так он вызывает у своего читателя особую чуткость к немеркнущей красоте окружающего мира, равной чуду и рождающей чудеса, какие он открывает перед нами одно за другим, находит их даже и «в ненастный день».

Оказывается, что и этот день неповторим, сказочно хорош, если не пропустить мимо глаз его прелесть и красоту:

Всё хорошо, отрадно смолоду,
Когда плечам не страшен груз.
Вошла, и губы пахнут холодом,
Дождинкой, сладкою на вкус!..

(«В ненастный день»)

И сколько таких дождинок — целый ливень, в свете и свежести которого словно бы преображается и расцветает весь мир, — вторгается в стихи А. Прокофьева, и каждая из них свидетельствует

о чуде жизни, которое захватывает сердце даже тогда, когда день поначалу кажется пасмурным и ненастным.

Вот и ветер в его стихах возникает как один из героев волшебных сказок, который не может не вызвать удивительных событий и перемен; он проходит перед нами

...в шапке-невидимке,
Что приметить хочет, что забыть! ..
Рощи и леса в зеленой дымке.
Чуда нет.
Но чудо может быть!

(*«Воспоминание»*)

Таким предчувствием чуда, какое может случиться (а то и случается) на каждом шагу, — лишь бы его не проглядеть! — пронизана вся лирика А. Прокофьева, открывающего необычайное и чудесное даже в самом обычном и неприметном его обличье. А без чуда — или хотя бы его предчувствия и предвестия! — поэту просто невозможно представить себе жизнь. Везде он видит приметы и признаки чуда, и все здесь дышит чудом, тянется ему навстречу, готово к его приходу, — и не только в окружающем мире, но и в самом себе, в нарождении и смене своих чувств и страстей поэт видит нечто необыкновенное и удивительное.

Само творчество — это тоже чудо в своей всемогущей и неподвластной времени красоте; поэт с предельной увлеченностью стремился постигнуть ту тайну, когда самое простое и привычное слово становится удивительным и волшебным, что и передано в стихотворении «А у нас на Ладоге», где все так необыкновенно и чудесно:

А у нас на Ладоге —
Гром-слова:
Трын-трава,
Разрыв-трава,
Плакун-трава...

И каждое такое слово звучит в ушах поэта дивной поэзией, как и те создания народного творчества, к каким он увлеченно прислушивался еще с детских лет.

В стихотворении «По дороге в Низово» поэт словно бы нанизывает слова и на лозу, и на елки-мутовки, на осинник и на вербы; слово предстает здесь перед нами во всей своей выразительности и даже ощутимости, в своем наглядно-зримом воздействии на весь

окружающий мир. А разве поэзия не призвана воспринять и передать властность и красоту такого наглядно-ощутимого слова?!

Для поэта очевидно и то, чему и кому он обязан богатством своего языка, неповторимой образностью своей речи, ее многоцветностью и самобытностью, ее звучанием:

А у нас по Заречью
Да на веки веков
Много самых сердечных
Раскидано слов.
Тех, что кружатся, вьются,
Словно птицы в лугах,
Тех, что сами смеются
У тебя на губах.

Эти слова, вторгаясь в стихи, придают им особую свежесть, выразительность, окрыленность, и если в самой действительности поэт открывает одно чудо вслед за другим, то такие же чудеса он открывает и в стихии народной речи, вторгшейся в его лирику и придающей ей особое обаяние, свежесть, меткость, удивительную выразительность.

Людям, глухим к поэзии и даже ставящим под сомнение ее возможности и ее будущее, поэт противопоставлял все кипение и все богатство живой, страстно напряженной и ничем не заменимой лирической речи:

Слова мы не на паперти
Выпрашиваем где-то,
Они у нас на скатерти
Сверкают — самоцветы.
Они у нас, они у нас...

(«Можно ли отречься от стихов? ..»)

Поэт останавливается, словно у него перехватило горло от внезапно сверкнувшего перед ним и поразившего его (в самом буквальном смысле этого слова!), неожиданного даже для него самого сравнения, чтобы воскликнуть:

...Они как молния из глаз!..

И в свете этих внезапно сверкнувших молний ему с особенной ясностью видится все то, что несет нам поэзия, безмерно обогащающая

наш внутренний мир, а потому и равная чуду — что бы ни говорили на сей счет иные скептики и маловеры.

Поэт обращался к творчеству на том накале и подъеме чувств и страстей, без какого, полагал он, лирике чего-то самого нужного и необходимого может и не хватить, или, как утверждал он:

Ты сам гори, и выйдет чудо,
Коль нету чуда — не стихи!

(«Люблю, коль день работой начат. . .»)

В этом его утверждении — не отклик на случайное и преходящее настроение, а то убеждение, какое поэт отстаивал годами и десятилетиями, выступая против «школы равнодушных» (говоря словами Николая Тихонова). Это во многом определяет и полемический накал его творчества, чуждого полутонам и полупризнаниям, какой бы то ни было уклончивости или недоговоренности.

Уж если поэт и начинал разговор в стихах — и о стихах, — то со всею присущей ему откровенностью, пристрастностью, требовательностью, — а иначе, полагал он, и заводить такой разговор ни к чему! А поводов для полемики в 50—60-х годах у поэта было немало.

Положение на фронте современной литературы являлось сложным, а во многом и противоречивым. Здесь — наряду с произведениями значительными и подлинно реалистическими — публиковалось немало и таких, какие меньше всего отвечали большим задачам, стоящим перед нашей литературой. Иные критики ставили под сомнение самые ее основы, испытанные и проверенные целыми десятилетиями, метод социалистического реализма, стремились ограничить художника областью сугубо личных переживаний и преходящих настроений, никак не связанных с гражданским началом, с чем А. Прокофьев никак не мог примириться и выступал против подобных воззрений и концепций со всею присущей ему решительностью. Утверждая, что в стороне от современной действительности не может остаться ни один художник, поэт с горечью замечал:

Нам кое-что простит эпоха,
Отлюбит с нами, отгрустит.
Но что Россию знаем плохо,
То уж наверно не простит!

(«На темы самокритики»)

Не мог простить этого и сам Прокофьев, видевший, что иные поэты — и не без влияния критики и эстетики — всецело погружены

в область своих сугубо личных переживаний и настроений, ограничиваются ими, не стремятся к основательному постижению современности и деятельному участию в ней — и тем самым обедняют свое творчество, лишают его подлинной глубины и значительности.

Поэт решительно выступал против стиха внутренне неорганизованного, «расхристанного», претендующего на некую смелость, но отвечающего лишь некоторым броским признакам новизны и преходящей моды, в чем бы они ни заключались! Он с иронией говорил:

Стихов подобных горы сложены.
Они-де модны, эти горы,
О них повсюду разговоры...

(«Хромает стих, строка ломается...»)

А. Прокофьев настойчиво спорил и с теми, кто пытался свести новаторство к самодовлеющему формотворчеству, к внешним приемам и броским эффектам; поэт не без усмешки обращался в адрес таких стихотворцев:

Поразбивали строчки лесенкой
И удивляют белый свет,
А нет ни песни и ни песенки,
Простого даже ладу нет! ..

Конечно, сам-то А. Прокофьев не против «лесенки», так же как и других новых форм стиха (присущих и его творчеству), если они внутренне оправданы и необходимы, продиктованы внутренним развитием затронутой темы.

Но если иные «новаторы» в оправдание своих сугубо формальных новаций ссылались на Маяковского, весьма поверхностно осмысляя самое существо и дерзкую новизну его стиха, то поэт настойчиво напоминал им:

Ужель того не знают птенчики,
Что он планетой завладел?
Они к читателю с бубенчиком,
А он что колокол гремел.

(«Поразбивали строчки лесенкой...»)

Здесь поэт подчеркивает в стихах Маяковского тот гражданский пафос и самоотверженный труд, какого явно не хватает в произведениях тех, кто склонны считать себя самыми верными его последователями и наследниками.

С особой настойчивостью оспаривал поэт невнимательное, а зачастую и пренебрежительное отношение к великим традициям нашего искусства, а Прокофьев не мыслил без них и его дальнейшего развития. Здесь он спорил со своими оппонентами со всею присущей ему страстностью и даже ожесточенностью, отстаивая не только наследие классиков прошлого, Блока, Маяковского, Есенина, но и те клады и заветы народного творчества, какие кое-кому казались уже устаревшими и отжившими, а для него они оставались навсегда живыми и неистощимо плодотворными.

Выше говорилось о том, как весомо и своеобразно отзывались в раннем творчестве А. Прокофьева народные предания, легенды, былины, обретавшие в его стихах поразительно новое звучание — в сочетании с теми событиями и эпизодами гражданской войны, героический характер которых явился побудительным началом новых былин и преданий, на какие и откликнулся поэт, обогащая их своим жизненным и литературным опытом.

Для поэта несомненно и то, сколько возможностей для большого и страстного разговора о глубинах наших переживаний слышится в частушке, с какою проникновенностью и ясностью может она передать и запечатлеть их. И вот мы читаем в его стихах:

Ты оставь свою кручину,
Сбрось ее скорее с плеч,
Ведь кручина не лучина,
Ею печку не разжечь!..

И какая чувствуется здесь душевность и психологическая глубина! А если тот, к кому обращены стихи, не поймет этого — что ж, тем хуже для него:

Если ты ее не сбросишь,
Изведет тебя она.
Ну а впрочем, ну а впрочем,
Наше дело — сторона!..

И хоть не совсем «сторона», но поэт свое дело сделал, и если не этот его слушатель, значит, кто-то другой (и таких найдется немало!) не сможет не отозваться на его ясную и прозрачную, подобную прохладной ключевой воде, частушку, вобравшую капли и крупицы подлинно народной мудрости, той житейской зрелости, какая досталась ценою больших испытаний.

Поэт так чуток к прекрасному в народном слове, в его поэзии, что из самого непритязательного мотива умеет извлечь драгоцен-

ное зерно высокого искусства и по-своему обогащает его, сообщив присущему частушке выражению сердечности и непосредственности ту точность и виртуозность, в которой сказывается хватка испытанного мастера:

Северяночка, устюженка,
Веселые года,
Ты куда ушла, жемчужинка,
Ужели навсегда? ..

(«Неужели?»)

И мы видим, что эта «жемчужинка» полна немеркнущим светом, который словно бы разливается и в самой частушке А. Прокофьева прозрачным, хочется сказать, жемчужным сиянием.

А если поэт зачастую обращался к такому традиционному жанру, как частушка, мог ли он умолчать о гармони, навсегда связанной с нею, хотя и знал, что иные критики рассматривают этот инструмент как слишком примитивный и чуждый духу нашей современности. Но поэт не собирался отказываться от нее, видел ее новые и неисчерпаемые в его глазах возможности. Для него гармонь — это словно волшебная шкатулка, «доверху набитая песнями, стихами», и как молодо, всегда по-новому звучит она, если попала в руки мастера, и сколько неожиданного, задушевного ему слышится в ней, когда он снова встречается со своими односельчанами:

Провожали гармониста всем селом,
Осыпали гармониста серебром:
Серебром нашей речи,
Всех частушек Заречья...

(«Серебро»)

А если поэт заговорит о таком жанре, как сказка, то не сможет удержаться от восторженного воспевания ее чудесных свойств и особенностей, накрепко связанных, при всей ее фантастичности, с реальной и подчас крайне трудной жизнью, с самыми суровыми испытаниями, издавна изведанными поэтом и его родными и однокашниками:

С ней живет рыбак на льдине,
С ней легка дорожка!
Ходит сказка вся в сатине,
В лаковых сапожках, —

(«Сказка»)

ходит, как наш закадычный, с детства знакомый друг и заступник в беде, на которого можно положиться всегда и во всем.

А вслед за сказкой в лирику А. Прокофьева входит песня, оживленная, бойкая, необходимая в любом труде, та, без которой и праздник не в праздник, а с нею одно чудо возникает вслед за другим:

Раньше времени
Снег растаял,
И взвилися лебеди
Белой стаей...

(«Выход песни»)

И не только лебеди — чувством полета охвачены все те, кто прислушивается к ней и с кем она делится своей красотой, своим вдохновением, своею властной и покоряющей силой.

Как видим, поэт не только в детстве, когда увлеченно прислушивался к сказаниям, частушкам, песням своих односельчан, но и в зрелые свои годы видел в созданиях народного творчества тот неисчерпаемый источник, какой может обогатить и современную нашу поэзию, дать ей новые и важные стимулы дальнейшего развития и совершенствования, — но и это нередко обретало дискуссионный характер, ибо далеко не все критики и поэты соглашались с таким пониманием традиции и новаторства.

То же самое можно сказать и о таких традиционных и издавна знакомых, но всегда живых и бессмертных в глазах поэта образах и мотивах, как деревья, цветы, травы, за воспевание которых ему порою весьма сурово выговаривали иные критики, в адрес которых он и замечал:

Упрекают критики всерьез
В том, что много мной посажено берез,
И не только по цветным полям, лугам,
А по песням, по частушкам, по стихам...

Что ж, поэт не отвергал этих попреков: ведь и верно, немало посадил он берез и других деревьев и злаков, и не только на лоне родной природы, но даже в стихах и песнях! Но стоит ли это тех попреков, на которые слишком тороватыми оказались иные критики? А для самого поэта очевидно: не так-то все просто, как представляется им, и те же березки, — хоть и много о них уже сказано, — могут постоять сами за себя, навеки живые и бессмертные (как бессмертен и прекрасен окружающий нас мир!). И поэт

объясняет своим критикам то, что для него совершенно очевидно и без всяких доказательств:

Ну и что ж, — я отвечаю. — Ну и что ж,
Ведь красивы так, что глаз не отведешь!

Но он восхищается ими не только потому, что от них «глаз не отведешь», а и другими их особенностями и приметами, не менее прекрасными и значительными в его глазах, — их упорством, стойкостью, жизнеспособностью. Здесь одно неотделимо от другого, это они —

...проходят то суглинком, то песком,
А на Север а на Крайний — лишь ползком!
Перед ними только камень, только лед,
Мертвый холод подниматься не дает,
А березка, белой смерти вопреки,
Проползает, хоть на шаг, из-за реки!..

И разве не залюбуешься такой березкой, словно бы спрашивает поэт своего слишком придирчивого критика, разве можно остаться равнодушным к этому удивительному сочетанию красоты и мужества, отвечающего мужеству тех людей, среди которых она выросла и закалилась? Все это и является ответом тем критикам, которые «попрекают» поэта (да еще «всерьез»!) за его пристрастие к березам (да и к другим приметам и символам родной земли!). Но разве в этом не сказывается их явная нечуткость и близорукость? — утверждал поэт в споре с ними.

Бросается в глаза и то, что в своей полемике А. Прокофьев не ограничивался проблемами сугубо литературного и эстетического характера, а касался важнейших вопросов жизни и творчества. В их решении поэт также сохранял всю присущую ему страстность и непримиримость, если видел, что вопрос затрагивает те положения и основы, где какая бы то ни было уступчивость и уклончивость недопустима.

Как очевидно для любого читателя, лирика А. Прокофьева пронизана духом и пафосом героики, воодушевляющей многие и многие его стихи, но и в этом своем качестве она нередко также оказывалась полемически заостренной: ведь находились и такие критики, которые отвергали героическое начало в нашем искусстве, трактуя его как высокопарность и риторику.

Этим критикам поэт и отвечал, опираясь прежде всего на

огромный опыт времен войны, изведанный миллионами и миллионами; это они

Шли суровой воинской порою,
Громом пушек всё перекричав,
Шли за власть Советскую герои,
Грозен был их путь и величав...

(«Билет № 4 142 357»)

Эти стихи обретали не только утверждающий, но еще и иной смысл, полемически заостренный против тех, кто усердно ратовал за «дегероизацию» нашего искусства.

А. Прокофьев видел поэзию в одном ряду с другими творческими деяниями и свершениями, а потому и говорил в своих стихах:

...Можно взять иных профессий круг,
Лишь бы труд был в нашей родословной.
С ним придет поэзия сам-друг...

(«Владимиру Маяковскому»)

Она придет как родная сестра, как муза людей труда и борьбы, скажет за них и о них свое слово, и эту музу, еще не успевшую сбросить словно бы пропитанную потом гимнастерку, славил и воспевал поэт, вступая в страстную полемику с теми, кто находил такое толкование искусства слишком далеким от его сути и назначения.

Когда поэт не без гордости утверждал:

Это я прошу иметь в виду —
Все у нас рыбачили в роду, —

то здесь не просто констатация факта, а решительное и горделивое утверждение, полемически заостренное против любого, кто усомнился бы в нем и недооценил всей его значительности, как в жизни, так и в творчестве, кто сводил суть лирики к изъявлению субъективных настроений самого художника.

«Прошу иметь в виду» — так решительно и требовательно говорят только о самом важном, без чего нельзя осмыслить и оценить суть затронутого вопроса, иначе и все остальное может показаться чем-то сомнительным и ненадежным.

Поэт неизменно отстаивал великое значение и непреходящую красоту любого подлинно плодотворного труда, без какого он не представлял и нашего внутреннего богатства, а стало быть, откры-

вающего перед художниками слова те обширные возможности, мимо которых иные из них проходят слишком равнодушно и незаинтересованно. С ними-то поэт и вступал в острый спор.

Исполненный чувством внутреннего горения, постоянной готовности к труду и борьбе, служению самым высоким целям и устремлениям нашего века, поэт именно с этих позиций отвечал и тем, кто пытался усмотреть (были и такие!) некую неодолимую преграду меж различными поколениями наших людей, меж нашими «отцами» и «детьми»:

Ты веди меня, Русь.
Я еще молодых затыкаю за пояс,
Ничего не боюсь
И о смерти не беспокоюсь!
Я, как многие, видел ее не однажды,
Коченея от холода,
Изнывая от жажды...

(*«Россия»*)

И хотя это сказано не без «перехлеста» («затыкаю за пояс»), характерного для поэта, отвергающего в своей страстности и запальчивости какие бы то ни было меры и пределы, но разве и в этом не чувствуется его неиссякаемая молодость и задорность во всем, чего бы это ни касалось!

Как известно, книга «Приглашение к путешествию» открывается циклом романтически окрыленных и возвышенно-горделивых «Стихов о России». Иному читателю может представиться, что поэт, создавая эти торжественные стихи и величальные гимны, чуждые, казалось бы, какой бы то ни было спорности и дискуссионности, утихомирил с годами свой полемический пыл и задор. А на самом деле это не так, и даже его стихи о России совсем не чужды духу полемики, что станет нам особенно очевидным, если мы вспомним, какие дискуссии кипели в литературной среде в 50—60-х годах, когда кое-кто в критике и вообще оспаривал значение большой общественной темы в нашей поэзии.

Эти полемические мотивы в творчестве А. Прокофьева не утратили своей актуальности и поныне. Можно напомнить, что не только в то время иные критики высказывали сомнение в необходимости величальных гимнов России, но и совсем недавно в одном из весьма популярных журналов утверждалось, что «всякие же модные биения в грудь и клятвы перед Русью (в стихах. — *Б. С.*) — один маскарад, не больше!» [1]

---

[1] «Юность», 1973, № 9, с. 74.

А вот такое пренебрежительное отношение к этим клятвам было в корне чуждо А. Прокофьеву, и поэт резко и решительно полемизировал с ним, опровергая его во многих и многих своих стихах, где говорил о коммунистах:

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь.
Они клялись беречь тебя, Россия,
И я под их знаменами клянусь! ..

(«Мне о России надо говорить. . .», 5)

И поэт в своем творчестве утверждал и свидетельствовал незыблемость этих клятв, верность им в любых боях и испытаниях. Он полагал, что только тот, кто видит в окружающем его мире главное и основное и говорит именно о нем, может стать достойным художником нашей эпохи.

Страна моя воистину прекрасна,
И никому ее не превозмочь! .. —

(«Не знаю, что я в памяти оставлю. . .»)

восклицал он в посвященных России стихах, но даже и этому утверждению, незыблемому в глазах поэта, он придавал полемически заостренную направленность, задавая настойчивый вопрос:

Согласны с этой истиной, согласны?

И тут же резко и даже гневно отвечал тем, кто мог бы поставить под сомнение эту истину, неопровержимую в его глазах:

Кто не согласен — пусть уходит прочь!

Как видим, если вопрос касался святых и нерушимых в глазах поэта убеждений и верований, он ни в чем не мог уступать, защищая свои позиции со всею присущей ему страстностью и даже запальчивостью.

Если он исповедовался перед нами в своей всепоглощающей и страстной любви, словно бы преображающей в его глазах весь окружающий мир:

Я только то и делаю, что славлю
Самозабвенно Родину свою, —

то тут же добавлял, придавая своим стихам откровенно полемическую заостренность:

...Мои друзья,
Я никогда веснушек не считаю,
И в этом тоже заповедь моя!

Конечно, не всякий читатель и критик согласится с такою «заповедью». Можно, а подчас и необходимо взглянуть на окружающий мир и по-иному, не пропуская и мелочей, соринок, «веснушек», что также вполне отвечает духу и закономерностям подлинно реалистического искусства.

Как видим, страстная увлеченность порою настолько захватывала поэта, что заставляла его отстаивать даже и те положения, с какими трудно согласиться. Читатели и критики могли бы поспорить с иными полемическими стихами А. Прокофьева, — и порою не без оснований.

Но если кто-либо и стремился отвергать те позиции и утверждения поэта, какие он полагал несомненными — и не только для своего творчества! — то в резком споре со своими оппонентами он не чувствовал себя одиноким, ибо видел в себе представителя той семьи и того рода, которые не уступают, если верят в свою правоту. Недаром, когда нужно,

...давали сдачи
Наши деды-рыбаки,
Бабки-рыбачки.

(«Рыбацкая»)

А уж если в этой семье даже и бабки могут дать сдачи своим обидчикам, то мог ли уступить им в этом запале сам поэт? Исполненный неугасимым творческим пылом и задором, он требовал от жизни таких верных и надежных слов, каких не смогли бы размыть ливни и сжечь грозы, он требовал их

...по главному,
По кровному родству,
Крутому, своенравному,
Которым я живу!..

(«Дай мне, жизнь, пожалуйста...»)

Поэт не случайно подчеркивал в этом родстве с жизнью «крутость», «своенравие» как отличительные черты и самой жизни и

своего характера, гордого, неуступчивого, страстного, что полностью отозвалось в его лирике и в его полемике, да и не только в полемике!

Но даже и тогда, когда поэт в своем полемическом задоре и запале нарушал необходимую меру объективности и многосторонности, нельзя не видеть, что и в этих случаях он исходил не из сугубо личных пристрастий или антипатий, а из чувства неотъемлемой ответственности не только за свое творчество, но и за всю современную литературу и ее дальнейшее развитие. И если здесь что-то вызывало его заботу или тревогу, он издавна высказывал их со всею присущей ему прямотой, откровенностью, страстностью — уж такова была его натура! Он готов был пойти на любые трудности и испытания, самые острые споры, если видел, что именно так можно отстоять свои верования и убеждения.

До самых последних лет своей жизни поэт оставался таким же неистовым борцом, жизнелюбом, как и в прежние годы. Его всегда сжигала неутолимая жажда активной и напряженной деятельности, посвященной самым великим целям и устремлениям наших людей, что и являлось тем вдохновляющим началом, без какого нельзя представить его творчество.

Нетрудно убедиться, что многое в нем — и самый его пафос, его романтическая устремленность, верность большой гражданской теме, пристрастие к «буйной силе», отзывающейся во всех средствах образной выразительности, — свидетельствует о цельности поэта, внутреннем единстве всего созданного им за несколько десятилетий. Вместе с тем бросается в глаза и то, что с годами его творчество менялось, обретая все большую реалистическую весомость, зримость, верность фактам и обстоятельствам самого повседневного быта, вытесняющую былой гиперболизм, а то и фантастичность, не считающуюся с условиями окружающей действительности.

В стихи последнего периода его творчества уже не вторгается «многоголовый зверь», а если мы вспомним такое характерное раннее стихотворение о деде, который, подобно мифологическому герою, «рыжее солнце берет в пятерню», и сопоставим его со стихотворением «Дед», созданным многие годы спустя, то увидим, как изменился почерк поэта.

Образ деда отвечает тому же духу героики и романтики, какому поэт никогда не изменял, но воссоздан он в ином ключе. Здесь дед — родоначальник большой рыбацкой семьи, внешне ничем не примечательный — разве что своим горбом, — предстает пе-

ред нами во всей обыденности, а вместе с тем и в своем непобедимом обаянии и величии, да и его горб, нажитый огромным и бессонным трудом, обретает большой и почти символический смысл.

А разве не отличаются такою же жизненностью и живописностью те «Татьянки да Юльки» рыбацкой семьи, которые, едва выползши из люлек, «свистели в свистульки и сети вязали»?

Вырванные из народной гущи, образы этих людей возникают перед нами во всей их характерности и доподлинности, верной обстоятельствам и подробностям самого повседневного быта, и зачастую именно в этой верности, не требующей никаких преувеличений и приукрашений, находит художник реалистическую полнокровную живописность, поэзию и романтику воссоздаваемых им образов его героев, неотделимых от пафоса мужества, борьбы, творческого труда, что с наибольшей увлеченностью и настойчивостью подчеркнуто поэтом в зрелый период его творчества.

С годами во многом изменился и язык поэта. В более поздних его стихах уже нет акцента на сугубо локальные, может быть и не совсем понятные за пределами данной местности и данных обстоятельств речения и идиомы («Тырли-бутырли, дуй тебя горой...» и т. п.), в каких он некогда находил особую свежесть стиха, его неповторимое своеобразие. А в последних книгах поэта его язык, не утрачивая своей локальной выразительности, вместе с тем становится прозрачней, яснее: в нем нередко сочетаются особенность и и непосредственность говора ладожской деревни («...Татьянки да Юльки и прочая клюква» и т. п.) с традициями и нормами литературного языка, что и определяет особое звучание стиха, присущего именно А. Прокофьеву и придающего ему подлинное своеобразие.

Перед своим читателем поэт предстает как большой и самобытный художник, мастерски владеющий стихом. Но особо следует подчеркнуть и то, что за каждым его словом — не просто искусство большого и опытного мастера, а и весь его характер, весь его жизненный опыт, годы и десятилетия борьбы и труда, что полностью отозвалось и в его творчестве.

Поэт справедливо утверждает: «Вся моя биография Разошлась по стихам», и далее, перебирая события, ставшие переломными в его жизни, а стало быть, и в творчестве, подчеркивает, что здесь одно неотделимо от другого. Вот что придает такую весомость и значительность его стихам. За каждым из них мы угадываем опыт всей его жизни, напряженной борьбы.

Поэт не только повествует в своих стихах о родной ему рыбацкой семье и тех исторических событиях, в каких она являлась непременным участником: он с гордостью скажет и о себе самом как

об одном из тех, кто принадлежит к исконной рыбацкой «династии» и делит с нею на равных началах все ее труды и заботы, деяния и подвиги: «Я не только рыбачил, Я и землю пахал!» И без этой трудовой и солдатской закваски, пафоса плодотворного труда и неустанного, преобразующего мир творчества нельзя представить и лирики А. Прокофьева во всей ее полноте и многогранности, во всех ее особых и крайне характерных чертах и приметах.

А. Прокофьев никогда не забывал и о том, кому обязан он — выходец из почти никому не известной, а потом ставшей знаменитой деревни Кобона, сын ладожского крестьянина и рыбака, обреченный на скудное житье и беспросветную нужду, — тем, что в корне изменилась вся его судьба, неотделимая от судеб Родины, кровно связанная с нею, и это чувство настолько поглощало и захватывало поэта, что в его выражении и воплощении он всегда находил нечто новое и дотоле невысказанное.

Страна моя прекрасная,
Я выстрадал ее, —

(«Отечество»)

читаем мы в его стихах. А о том, что это именно так, о том, что уже и с самых малых лет он призван был «выстрадать» ее, свидетельствует поэма «Юность», где явственно угадываются автобиографические мотивы, и они говорят о том, что поэт обращался к ним далеко не случайно.

«Юность» — поэма о неповторимо личном и крайне знаменательном жизненном пути ее автора, а вместе с тем — о самом главном и основном, что в корне изменило его судьбу и судьбы множества таких же, как и он, некогда бесправных и обездоленных, ныне ставших полновластными хозяевами своей могучей и прекрасной страны.

Жизненный опыт А. Прокофьева вместил в себя множество черт и примет, характерных для выходца из старой ладожской деревни, а вместе с тем явился необычайно важным, социально-весомым, неотъемлемым от судеб миллионов, что и позволило поэту раскрыть этот опыт во всей его индивидуальности и неповторимости, а вместе с тем подчеркнуть его нерасторжимую связь с судьбами всего народа. Это и придало особо важное значение творчеству Александра Прокофьева, определило его весомость и масштабность. В нем неповторимо личное сочетается с большими раздумьями, с патриотическим пафосом, с чувством высокой ответственности за судьбы родной страны и ее будущее. Все это и сла-

гается в то единое и внутренне неразрывное целое, какое составляет суть и характер всего творчества А. Прокофьева, являющегося одной из самых примечательных глав советской поэзии. Поэт видел и в себе представителя и неотъемлемую часть того народа, который

Велик своей душой отрадной,
Животворной, истинно живой, —

и поэт восторженно говорит о том необычайном и удивительном, что открывалось ему, и с годами все очевидней и несомненней:

Он широк в плечах, широк душою,
Слова зря не молвит по уму.
И веселье у него большое, —
Малое зачем ему, к чему?

(«Россия»)

Прокофьев стремился полностью перенять у народа все эти великолепные черты и качества в своем творчестве. Лирика его —

Как русская песня с хорошим зачином,
С которою жить веселей...

Действительно, с его лирикой «жить веселей» — столько в ней радости, душевной широты, молодого и деятельного задора, восторга перед родной страной и ее людьми.

Радость жизни, жажда творчества, готовность к борьбе, к преодолению любых испытаний, великая вера в будущее, в человека, который стремится открыть и утвердить прекрасное во всем окружающем нас мире, — вот что составляет пафос лирики А. Прокофьева.

Конечно, особого внимания заслуживает и его творчество как одного из активных деятелей дружбы народов, во вдохновенных переводах которого многие выдающиеся создания поэтов братских республик находят точное и художественно полнокровное воплощение. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «стихи товарищей» А. Прокофьева — Павло Тычины, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, мастерские переводы белорусских, эстонских, латышских и многих других поэтов, творчество которых находило и здесь свой верный и сердечный отклик.

Обращаясь к очень широкому кругу читателей, поэт не забывает и самых малых из них, чем и вызвано создание детских стихов, ярких и своеобразных, насыщенных фольклорными мотивами, а

вместе с тем и острым чувством современности, готовности говорить с детьми о том, что не может не увлечь, не захватить их и сегодня. Но эта область творчества А. Прокофьева заслуживает особого разговора.

За многие годы своей литературной деятельности Александр Прокофьев создал выдающиеся произведения, являющиеся значительным вкладом в нашу поэзию и составляющие яркую и неповторимую страницу ее истории.

В сентябре 1971 года «большого поэта России» (так называлась посвященная его памяти статья Николая Тихонова [1]) не стало. Он ушел из жизни, но его самобытное творчество живет и поныне, активно участвует в борьбе за будущее, в эстетическом и нравственном воспитании нашего человека и навсегда останется в благодарной памяти многих и многих его читателей.

Борис Соловьев

---

[1] «Литературная газета», 1971, 22 сентября, с. 3.

О СЕБЕ

(Автобиография)

...Ладога, Нево-озеро, не озеро, а море! Море в двести с лишним километров длиной, более ста шириной. Бурное, туманное море, с чистой, почти родниковой водой, с берегом, поросшим ивняком и малиной.

О Ладога-малина,
Малинова вода!

На южном берегу Ладоги, в ста километрах от Ленинграда — рыбацкое село Кобона. Здесь я родился в декабре 1900 года. Здесь с девяти лет я и потянул, что называется, крестьянскую и рыбацкую лямку.

Отец мой, Андрей Прокофьевич, окончив действительную в Кронштадте в звании старшего фейерверкера, женился и вошел в дом тестя примаком. Устроив так свою судьбу, отец получил два душевых надела земли с полосками в сажень шириной в некоторых полях. Лучшая земля в нашем селе принадлежала помещику и деревенским торговцам-кулакам. Нам, как и другим односельчанам, на долю досталась супесь. Два душевых надела этой супеси давали на нашу разросшуюся семью хлеба до декабря. Помимо крестьянства, отец работал на лесопильном заводе и рыбачил.

С самого раннего детства я помогал отцу и матери в хозяйстве — вязал мережи и сети, выезжал с отцом на рыбную ловлю, косил траву, пахал землю. Жили мы благодаря трудовой хватке отца лучше некоторых односельчан, но достатка не было. Землепашцы мы были слабые, рыбаки мелкие, ершовники. Ершей в Ладоге много, ходят они большой гурьбой, скопом, так что попада-

лись и в наши мережи. Мы тут же, на Ладоге, улов продавали прасолам.

Отец мой любил читать, любил песню. «Коробушку», «Хорошо было детинушке...», «Варяга», «Ермака» и даже «Не бил барабан перед смутным полком...» я услышал от отца. Моя мать, Анна Степановна, тоже любила петь, так что я песню узнал с детства. Да и село мое, раскинутое на реке и на двух приладожских, очень оживленных каналах, было песенным. По вечерам после работы, а в праздничные дни с полдня звенела на улицах гармонь. Парни и девушки плясали, пели песни и частушки, мы, подростки, ходили за взрослыми, и все это обрядное — хороводы и пляски — навсегда остались в моей памяти. С далекого детства вошла в мою душу гармонь-тальянка, трехрядка, «доверху набитая песнями, стихами».

Ладога! Я навеки полюбил свое родное море с его низкими туманами, с его ветрами — шелонником, полуденником, меженцем, зимняком, с его безбрежным, то суровым, то ласковым простором. Я навеки полюбил леса и перелески Приладожья, простой быт моих родичей и односельчан, небогатую северную русскую природу, рыбацкие деревни и села, где «с печки рукой достаешь до воды». Все это позже отразилось в моих стихах. Я вспоминаю свои детство и юность — ласково, свои забавы и труды — светло.

В сельскую школу я поступил в 1907 году, мне не было еще семи лет. Мать сшила мне ситцевую сумку, в школе я получил грифельную доску, грифель, азбуку. Там я пристрастился к чтению. Дешевые издания Сытина проникали в наше село через коробейников. Я покупал книжки на копейки, выклянченные у матери, или на свой мальчишеский заработок, полученный от сбора малины на берегу озера.

Однажды, когда я учился в третьем классе, учитель С. И. Смирнов предложил нам самим написать стихи. Я не помню, что сделали мои товарищи, но начало своего первого стихотворения «Весна» я хорошо помню:

Вот и дождики пошли,
Лед размыли, отнесли,
А пришла к нам весна —
Снег пушистый унесла.
Тут и всё зазеленело —
Травка, даже и цветы,
В лист зеленый нарядились
И безлистные кусты.

Помню, как меня хвалил учитель, как были мне приятны похвалы товарищей...

В 1913 году по большому конкурсу я поступил в Петроградскую учительскую семинарию, содержавшуюся на средства земства. В ней я был на полном коште. В учительской семинарии семинаристы печатали на шапирографе свой журнал. Не особенно активным сотрудником в нем был и я.

Учительскую семинарию я не закончил, ушел оттуда из четвертого класса по семейным обстоятельствам: стало трудно семье — отца взяли на войну. Я приехал в село и, как старший в семье, стал полноправным хозяином немудреного, да еще и пошатнувшегося, крестьянского хозяйства.

...Шел революционный семнадцатый год. Отец прибыл с фронта домой вместе с винтовкой. А через год, в первую Октябрьскую годовщину, я и отец определили свою политическую линию, вступив в сельский комитет сочувствующих коммунистам-большевикам. В марте 1919 года я уже был членом великой партии, а в октябре по партийной мобилизации сражался против банд Юденича, попал в плен, бежал, служил в 3-м запасном стрелковом полку. В 1920 году я окончил Учительский институт Красной Армии имени Толмачева, заведовал гарнизонным клубом, был помощником заведующего бригадным клубом в 16-й дивизии имени Киквидзе, был политработником..

Моя литературная работа в основном начинается в Ленинграде. В 1922 году приехал в Ленинград, в 1923 году нашел Пролеткульт. Там происходили занятия литературной группы. Нашим кружком руководил А. П. Крайский — поэт, большой души человек, хороший учитель. Он был очень терпелив к нашим попыткам стать писателями. Тогда я писал примерно такие стихи:

У кафе на площади старуха.
И с нею ребенок. Чей?
Так и дал бы в ухо, в оба уха,
Чтоб не думала просить у богачей.

Или такие:

За деревней, на широком на лугу,
Где так солнцу трудно луч свой устеречь,
Я согну свою гармонику в дугу
И раскину во всю ширь могучих плеч.
Коль гармоника поет да у стогов —
Значит, сена поубавится в стогах,

И грешить будут хозяйки на коров,
И ругать будут кривого пастуха.

В книжке «Так пахнет жизнь» А. Безыменский сказал: «Пляшет трепака по строчкам Сашка Жаров».

Но если Жаров тогда хорошо плясал трепака, то у меня и простой кадрили не получалось. У меня отсутствовала вовсе поэтическая культура. Я считал, что стихи можно писать залпом, авось что-нибудь и выйдет. У меня не было чутья ни к слову, ни к ритму, ни к теме, ни к образу.

Слова умирали в моих стихах, как говорится, на ходу.

Надо сказать, что в то время я был на военной службе и она отнимала у меня все время. Пробавляться стихами приходилось обычно ночью. Так я и работал впустую, вслепую, скучно донельзя.

Начало радостной творческой работы я отношу к 1927 году, когда я написал шесть песен о Ладоге. Написав их, я почувствовал, что нашел то, что искал. Суть находки сводилась к тому, что на первых порах необходимо брать материал наиболее тебе знакомый, родной, следовательно, наиболее в тебе и для тебя звучащий. Я взял темы о ладожской деревне, где провел детство, отрочество и юность.

В начале 1930 года я демобилизовался и быстро подвел кое-какие итоги. Они были явно неутешительны: имелось в запасе два десятка стихов, апробированных «Резцом» и «Комсомольской правдой», отсутствовала юность — пора поэтических восторгов, отсутствовали навыки серьезной работы над стихом. В активе имелись воля и упорство. При таком плохом балансе была собрана книжка «Полдень». Что характерно для «Полдня»? Характерен показ небольшого мира приладожской деревни, очень ограниченного мира, но зато очень хорошо ощущаемого мной. И я нашел в нем своего героя. У меня не было еще силы повести его за собой, но за руку я его взял.

Потому я считаю, что программой для этого периода моей работы является «Третья песня о Ладоге»:

. . . .

Мы, рядовые парни
(Сосновые кряжи),
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

И, клятвенную мудрость
Запрятав под виски,

Мы добывали Мурман,
Каспийские пески.

Мы по местам нездешним
И по местам моим,
Мы — солнцем в Будапеште
Стояли и стоим!

И кашу дней заваривать
Пора. Не угорим.
Мы — солнцем над Баварией
Стояли и стоим!

За это солнце парни
(Сосновые кряжи)
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

Так этого героя — рядового парня — я нашел и постарался с ним не расставаться.

После «Полдня» надо было находить ведущие (для себя хотя бы) темы, также находить новое звучание и силу стиха.

Я писал тогда много, старался догнать далеко ушедших товарищей, ибо работать спустя рукава значило обречь себя на поэтическое небытие. В результате этих убыстренных темпов была написана книжка «Улица Красных Зорь». Она характерна не только разницей ритмов. Основное отличие ее от «Полдня» в том, что видимый и осязаемый мной мир стал шире и многограннее. Мир ладожской деревни был отодвинут, я нашел новые темы, звучавшие для меня по-новому. Это были темы гражданской войны, и стихи приобрели совершенно иную окраску. Если в «Полдне» преобладал напевный стих, то здесь он отходит на второй план. Ведущие стихи книги — «Разговор по душам», «Мы», «Страна принимает бой».

После «Улицы Красных Зорь» появилась третья книжка — «Победа». Основой ее я считаю раздел «Уральские партизаны» — цикл стихов о героическом походе уральских партизан, который они сделали под водительством Блюхера и Каширина в 1920 году. Мне кажется, что именно здесь я от простых дробей перешел к десятичным.

Я тогда еще не побывал на Урале, но я ощущал материал об уральских партизанах как свой. Я переселился на Урал 1920 года.

Вслед за этим я пошел по двум путям — по путям освоения фольклора и освоения лирики.

Что нового в мою творческую практику внесла моя следующая книжка — «Дорога через мост», в особенности первый ее раздел — «Юр»? Я научился показывать людей, сталкивать их по моей воле. Для ряда стихов до их написания имелся план, я знал наперед, как будут вести себя те или иные герои. Теперь уже подчиненные мне слова, правда зачастую ропща, ложились по моей указке.

На судьбу моего поколения пали три войны. Во всех трех войнах я участвовал: в гражданскую — красноармейцем, в остальных — писателем, фронтовым корреспондентом. Так что

Я знаю друзей по оружью, сограждан,
Я с ними в походах бывал не однажды,
Я рос вместе с ними, борясь и мужая,
Великою честью я это считаю!

В 1943—1944 годах, находясь в блокированном врагами Ленинграде, я написал лирическую поэму «Россия», за которую получил Государственную премию. В своей поэме я показал русских богатырей, братьев Шумовых, составлявших расчет тяжелого миномета и героически сражавшихся с врагом. Я увидел Шумовых и познакомился с ними на одном из участков Волховского фронта, опять же в моих родных местах.

Кстати сказать, в Великую Отечественную войну Кобона стала главной базой снабжения Ленинграда, главной связью осажденного города с Большой землей, через ледовую ладожскую трассу. Озеро у нашего берега мелководно, и для того, чтобы суда могли принимать и сдавать грузы, были поставлены далеко уходящие в озеро пирсы. Фашисты бомбили их и село беспощадно. Об этом свидетельствует ряд братских могил. Кобона вошла одним из важных звеньев в историю обороны Ленинграда.

В 1934 году, выступая на Первом съезде писателей, я говорил, что многих советских писателей, в том числе и меня, привел в литературу наш советский строй, что долг перед этим строем у нас громаден.

И теперь я говорю то же самое.

...Оглядываюсь на свой пройденный путь. Какие-то этапы его меня далеко не устраивают. В основном эта неудовлетворенность обусловлена слабой интенсивностью моей тогдашней работы.

По-хорошему, по-смелому
День-деньской страда.

Много дела недоделано
В прежние года.

. . . .

Я работал там, где сеется,
Я снимал межу,
Но и думал всё ж:
«Успеется,
Вот ужо скажу!»

Это было сказано в 1960 году. Оценка сделанного, к сожалению, приходит не тогда, когда нужно бы, не всегда своевременно.

И все же выходят к читателю мои книжки. Сборник «Приглашение к путешествию», изданный «Советским писателем», получил высшую награду страны — Ленинскую премию. Вслед за «Приглашением к путешествию» были написаны книги: «Стихи с дороги», «Под солнцем и под ливнями». Они объединены одним моим стремлением: прийти к читателю как к своему другу и рассказать ему, что у меня на душе...

А. Прокофьев

1964

СТИХОТВОРЕНИЯ

1925—1929

1—6. ⟨*ПЕСНИ О ЛАДОГЕ*⟩

1

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

У этой песни лад другой,
Особенная грусть.
О сумеречной Ладоге
Рассказывать берусь.

У Ладоги
И камень,
И синий-синий шелк.
Он серебрит сигами
И золотит ершом.

Перед грозой, как войлок,
Тяжелые шелка.
Летят, пугая мойву,
Седые облака.

Лишь громко чайки стонут,
И вздыблена волна,
И вдруг со всех затонов
Исчезла тишина;

И, логово нащупав,
Налиму не грозя,
Измученная щука
Не трогает язя.

А ветер лодки кренит
(Тесные для двух),
И не берут тюлени
Несчастную плотву.

А с лодок, битых молом,
Так много, много раз:
«Вызваливай, Микола
И милостивый Спас!»

Эх, матерною солью
Под сердце и в бока:
Святители на сойме
Валяют дурака.

Мольба пройдет напрасно,
Отскочит от ушей,
Микола — только прасол,
Скупающий ершей.

А я во всю-то глотку
Кричу в родной Руси:
«Главрыба и Главлодка,
Отчаянных спаси!»

2

ВТОРАЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Ай люшеньки, ай лю́ли,
Мы поднимали груз:
На Ладоге был Рюрик,
На Белом — Синеус.

Земля была постелькой
Под княжеским плечом,
Но поднимался Стенька,
И вышел Пугачев...

По Ладоге, и Каме,
И по другим рекам
Мы грохотали камнем
Рабочих баррикад.

И от Невы до Колы
Кричали много раз:
«Проваливай, Микола
И милостивый Спас!»

8

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Мы крыли в хвост и в гриву
Обжаренную медь —
Нельзя неодолимой
Грозою не греметь!

По Ладоге, и Каме,
И по другим рекам
Мы грохотали камнем
Рабочих баррикад.

Мы, рядовые парни
(Сосновые кряжи),
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

И, клятвенную мудрость
Запрятав под виски,
Мы добывали Мурман,
Каспийские пески.

Мы по местам нездешним
И по местам моим,
Мы — солнцем в Будапеште
Стояли и стоим!

И кашу дней заваривать
Пора. Не угорим.
Мы — солнцем над Баварией
Стояли и стоим!

За это солнце парни
(Сосновые кряжи)
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

4

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

На ладожские плесы,
Покинув ближний стан,
Идет густой, белесый
И стелется туман.

А ветер от Олонца
И от больших морей,
И опускалось солнце
На тридцать якорей.

А ночью с мордой песьей
Хозяин бережной
Затягивает песню
Про Разина с княжной...

Идет большая сойма,
Лишь гул в ее снастях,
Широкое раздолье
Ей пало на путях.

А мы в челне дубовом,
И, не боясь утрат,
Я всё ж беру за повод
И воду и ветра...

Беру рукою смелой
И волей молодой...
Лети, мой парус белый,
Обрызганный водой!

5

ПЯТАЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

О Ладога-малина,
Малинова вода,
О Ладога, вели нам
Закинуть невода.

Смотри, какие ловкие
Идут в набег лихой,
Чтоб хвастаться похлебкой,
Налимовой ухой.

А я в стихах недаром
Чуть свет за слово бьюсь,
Я хвастаюсь амбаром,
Мережами хвалюсь!

Когда же строил кровлю
Для действенных стихов —
Я сам готовил бревна
И уходил за мхом.

И, прибивая дранку
Над каждою строкой,
Я слышал плач тальянки
Над тихою рекой.

6

ШЕСТАЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Скажу: тальянке дедкой
Приходится баян;
У нас в запевках — девки,
А гармонистом — я.

Ой, солнышко, от озера
Лучистые не жмурь.
Я гоголем, я козырем
На голоса нажму.

И мне они:
Люба́ ли?
А я игру веду —
И с песней до Любани
И в Астрахань иду.

Но в Астрахани ладу нет,
И у Любани нет.
И я опять на Ладогу
Ворочаюсь в обед.

Ведь там тальянке дедкой
Приходится баян;
И там в запевках — девки,
А гармонистом — я.

1925—1927

7. ЯБЛОЧКО

Неясными кусками
На землю день налег...
Мы «Яблочко» таскали,
Как песенный паек.

Бойцы идут под Нарву
По вымытым пескам.
И бравый каптенармус
Им песню отпускал.

Ее заводит тонкий
Певун и краснобай,
И в песне той эстонки
Увидели Кубань.

А там под шапкой вострой,
Как девушка стройна,
Идет на полуостров
Веселая страна.

Ой, край родной — в лощине,
И старый дом далек...

Мы «Яблочко» тащили.
Как песенный паек.

*

Туман ночует в Суйде...
В раздолье полевом,
Березы, голосуйте
Зеленым рукавом!

Пусть ласковая песня
Отправится в полет;
Что вынянчила Чечня —
Абхазия поет.

А «Яблочку» не рыскать
По голубым рекам:
Оно уже в огрызках
Ходило по рукам!

От песни-поводырки
Остался шум травы.
Я скину богатырку
С кудрявой головы.

И поклонюсь, как нужно,
В дороге полевой
Товарищу по службе —
Бывалой, боевой.

1927

8. ДРАКА

По примете, по примете
Трижды тихий по ночам,
По-особенному ветер
По-над Ладогой кричал.

Перехоженные дали,
Дань отдайте старине...
Сотский ходит при медали,
Рапортует старшине:

«То есть четверо убитых,
Пятый битый — утонул. . .»
Черный вечер черень ниток
По деревне протянул.

У дороженьки у самой
Шелестит густая рожь.
Шейте брату, мама, саван —
В сердце брата острый нож.

*

Кумачовая рубаха
вперемешку с пестрядинной.
Парни бравые сошлися —
дробь дробили на лугу.
И трехрядная гармошка
разворачивалась длинной.
То коробилась несчастная
гармоника в дугу.
Девки хвастались обновами,
сарафанами и кофтами,
Зябким прутом выводили
имя друга на песке.
Солнце, вытянувшись, красило
хороводы желтой охрою,
Гармонист кривой с отметиной
подмигивал тоске.
Парни, выпив для порядку,
колобродили немного,
Марьин Вова —
На любого!
В дело тиснули ножи.
Заметалась, побежала
разноцветная дорога.
Гули, гули — черта в стуле!
Никуда не убежишь.
Запыленный подорожник
стал багровым, как рябина,
Богомазовскою росписью
подернулась трава,

И ходили, и стучали,
    и дубасили дубины,
Свежерубленные палки
    по кудрявым головам.

*

Ветер шел, летел и плакал,
    мать подстреленною птицей
Разметалась, убивалась
    у дороги-бегуна.
И уже в глубокий омут
    ночь тревожная глядится,
И черным-черна дорога,
    ночь без звезд черным-черна!

1927

9. МОЯ РЕСПУБЛИКА

Первый запев

Ни разу не просил участья
К своей судьбе, тебя любя.
Опомниться не дай от счастья —
Жить и работать для тебя.

Любовь — не шутка, не забава.
(Не забывают дней остуд.)
Ах, в волосах ее купавы
Широколистые растут.

В какой избе у дуба-явора
И под какой звездой росла
Моя наливчатая ягода.
Моя красивая весна.

И пусть ясеневые весла
Уносят песню за моря
И в Революцию о веснах
И о любимых говорят.

Я в этот вечер синий-синий,
Большою песней проболел
Моя Республика красивей
Позарубежных королевств.
Любимая, я вышел снова,
Стихом размеренным звеня;
И тополя просили слова
В порядке прений — у меня!
Ветра старались барабанить,
А я такие подтяну,
Чтоб распевали на Кубани
И на Сиреневом Дону.
[illegible] под всей [illegible] — высокой
[illegible].
Ненарушаемый покой;
В пятнадцать долгих весен — сокол
Не облетит земли такой.
По вечерам смотрю с обрыва
(Мой край улыбчив и лесист)
Как ловят в Астрахани рыбу
И на Ойрате лисиц.
А там за Астраханью — клены,
Идут к Армении легко
И Каспий кормится зеленый
Ухой, заваренной мальком.
Звенит [illegible] [illegible]
И признается поутру,
Что сватал в Ладоге невесту,

И потому стихи смелее
Раскинулись среди лугов...
Ведь Революция лелеет
Мою вселенскую любовь.

Пересеклись пути и линии,
И, если милой надоем,
Пусть расцветут лесные лилии
На месте сказок и поэм.

Второй запев

Любимая!
Я вышел снова,
Стихом размеренным звеня,
И тополя просили слова
В порядке прений у меня.

Ветра собрались барабанить.
А я такое подтяну,
Чтоб запевали на Кубани
И распевали на Дону.

Эй, под твоей рукой высокой
Ненарушаемый покой,
В пятнадцать долгих весен сокол
Не облетит страны такой.

По вечерам смотрю с обрыва
(Мой край улогий и лесист),
Как ловят в Астрахани рыбу
И на Ойротии — лисиц.

А по-за Астраханью клены
Идут в Армению легко,
И Каспий кормится зеленый
Ухой с молокой и мальком,

Звенит фамилией известной
И признается поутру,
Что сватал в Ладоге невесту,
Мою любимую сестру...

А мне милее Север бурный
С его суровою душой,
И я иду на дальний Мурман,
На голубень воды большой.

1927—1928

10. РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.
На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Легкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.
А березки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам.
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

1928

11. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Ой, поплыл матрос
В крепком гамузе.
Два нагана по карманам,
Третий — маузер.
Где б четвертый раздобыть?
И пойдет до полюса...
Пулеметные бобы
От плеча до пояса.

Ах, трава-треста,
Небо-горлинка,
Ни гайтана, ни креста,
Только форменка!
Против злостных богатеев
Он матросом с Лесснера.
Снова ленты разлетелись
Голубыми песнями.
А корабль на волне,
А матрос на коне,
Пыль и гром до океана —
Там конец войне!..

1928

12. СВАТОВСТВО

Тоньше, тоньше солнечные рейки.
Девушки уйдут у Покрова...
Клим трясется над галантерейкой,
Мне галантерея — наплевать!

У меня другое — нет покоя,
Как давно ведется на веку...
Клим Петрович, дело не простое,
Сделай уваженье пареньку...

Крепкий узел — на, переруби вот
Иль найди другие мне пути...
Голубее глаз моей любимой
На земле отрадной не найти.

В разговоре, что веду с тобою,
Подойдет начатое к концу.
Отрезай на платье голубое...
Голубое девушке к лицу.

Дальше, дальше... Слушаешь охотно,
Впереди осталось поважней...
Легче льна желанная походка,
Лебединой заводи нежней.

Мне любовных дней не пересилить,
Ведь нельзя печалиться легко
По девчонке, выросшей в России,
От моей избы недалеко.

Шел к тебе дорóгой голосистой,
Что придумал — всё перезабыл...
У нее отец торгует ситцем,
Вот таким же светло-голубым.

Озоруй над сердцем. Изуродуй.
Я приду еще, покой губя...
У нее отец рыжебородый,
Чересчур похожий на тебя...

Ой-ёй-ёй, как заходили брови,
Подожди, зачем пришел — скажу:
Я недаром, Клим Петрович,
Канитель такую развожу.

Надоело странствовать никчемным,
Головы от сердца не поднять.
Выдай Тоньку — светлую девчонку,
Золотую Тоньку за меня!

1928

13. РАЗЛУКА

...В это время над кромешным буем
Низко пролетали облака,
Длинную рубаху голубую
Надевала теплая река.

Ах, раскиньтесь, строчки песнопений,
Над землею вечно молодой.
Речка побежала по ступеням,
По которым ходят за водой...

И волной веселой закружила
Отблески багровые зарниц,
Белое цветение кувшинок,
Брызги первосортных медуниц.

Но стояло сердце при разлуке,
Звезды покатились, как рубли,
Ведь и яблонь ласковые руки
Ничего поделать не могли...

Ой, горит-цветет веселый ситец,
Все, кто провожает, — на виду...
Может, не уеду, попросите —
Не расстанусь с вами, не уйду.

День в окно стучит. Открою ставни
Сердца.
Кончу с маятой:
На кого покину и оставлю
День мой, край мой золотой?

Дорогие, что со мною сталось?
Звезды в сходке, тополя в строю.
Алый цвет на яблонях, —
Останусь!
И на вишнях тоже, —
Остаюсь!

1928

14. НЕЗНАКОМКА

И головой со мною вровень,
Неясная, но хороша,
Она идет — пунцовей крови
И легковесней камыша.

И, в сердце радостное скомкав,
Туманный облик стерегу:
Я много слышал, незнакомка,
О вас на дальнем берегу.

Всё незнакомое — условно.
Мои олонецкие мхи, —
Я не чуждаюсь родословной,
Идущей в песни и стихи.

Прохладой веет бор сосновый,
Перемигнулся ветерок,
И слышу я напевность слова
И окающий говорок.

Ой, много солнца проворонила
В снега заметанная ель.
Вы из Олонии, Олонии,
Далекой радости моей.

И этой радости в угоду
Перехвачу и увлеку
Не одобряемую модой
Необходимых слов реку.

Я расскажу тебе об озими,
А может, позже, напослед, —
Что я сличал на Тойво-озере
Твой легкий след, чуть видный след.

Я не раздумывал: искать ли?
И, не покорствуя судьбе,
Я расспросил, какое платье
Надето было на тебе.

И Тойво-озеро с ответом,
И летний день сказал тогда:
Зелено-громкое, как лето,
И голубое, как вода.

Дороги врозь. И мне пути нет.
(А сердце вынеслось, любя.)
Еще спросил: «А как найти мне
Звонкоголосую, тебя?»

И вот глаза не проворонили,
И день стал краше и светлей...
Ты из Олонии, Олонии,
Далекой радости моей.

1928

15. УХОД

До свиданья, домик надканавный,
Дорогой свидетель всех бесед,
Мамушка, Алена Николавна,
Старушонка славная,
Жалостливая и непосед.
Хороший домик мой...
Звени, певучая,
Не на широкой улице села,
Сыграем по такому случаю,
Не выходя из-за стола.
Но зато, гармонь, возле рябины,
От которой вдаль идет весна,
Милую, любимую
Крепче, да и песенней прославь.
Ухожу от вытянутых пожен,
Не раздумывая, вдруг...
Эх, прощай, которая моложе
Всех своих отчаянных подруг.
А отец, поднявшийся на пристань,
Переспорил говор берегов:
«Пусть найдет деревня гармониста —
Гармонистей парня моего!»

Между 1925 и 1929

16. ВАСЬКА ТЮРИН

1

Родина моя, Светлана,
В нашем муторном краю
Васька Тюрин крупным планом
Входит в песенку мою.

В правой ручке — тросточка,
В левой — папиросочка,
Выбирает с кондачка
Девочку-подросточка!

Она выходит первой павою,
И рядом с ней Василий Павлович.
И сказала девка:
«В этот день
Ты, Василий, мною володей.

Ты меня, черноволосый бахарь,
Открутил от дома, от стола
Дорогой немецкою рубахой,
Черноусьем крепким, как смола».

Васька вынул папиросу «Ю-Ю»,
Посмотрел на милую свою.
И вот она выходит павою,
И рядом с ней Василий Павлович.

А Леньке Моничеву некуда
Приткнуться трудной головой,
И он идет, бледнее некрута,
По той дорожке столбовой...

2

Это вишенье в цвету
Оторвало первый тур!

Это зори заиграли
На гармонике губной,

По записке, по программе,
Барахольной стороной.

Дома хлеба ни куска,
Ваське улица узка!

Васька песенку тасует,
Свищет в белый огород:
«Кавалерчики танцуют,
Барышни наоборот!»

По забавам, по минутам
(Сколько девок — столько ляс)

Васька ножкой — фу-ты, ну-ты —
И пустился в новый пляс...

И, удивляясь ловкости и силе,
Вышел вечер, так же кучеряв,
А женщины подсолнухи лущили
И улыбались милым дочерям...

1928 или 1929

17. ДРУЖБА

В это воскресенье, в этот праздник,
Бросив всё — квартиру и родню,
Прохожу я в песенный заказник
Новую поставить западню.

К матушкиной снеди — безразличен...
На лядинах встала трын-трава.
Я не стану спрашивать лесничих,
Где берлоги, где тетерева.

Возле синих островов,
Вокруг Буяна
(Видно, для того, чтоб ободрить)
Товарищи сыграли на баянах
Самую громкую кадриль.

Разыграли, и не обнищали
(Видно, для того, чтоб ободрить),
Длинную, как обещанье,
Самую лучшую кадриль...

По заказнику бегут косули,
Залегли дорожки, стежки, рвы.
Я свои стихи проголосую
На собранье сосен и травы...

Я ушел от Ладоги приятной,
Чтоб иным орудовать багром.
Как мне разворачивать, ребята,
Слово, поднимающее гром?

Чтоб оно не стыло на приколах,
Коль друзей-советчиков не счесть.
Песня, будь сердечной и веселой
За такую дружбу,
За такую честь!

1928—1929

18. ПРОЩАНИЕ С РОМАНТИКОЙ

На грудь наседает огромная тяжесть,
Колотит по сердцу меня не щадя,
Романтика снова уходит бродяжить
По черным дорогам и площадям.

И ей по следам засвистели ребята,
Проспавшие в люльках семнадцатый год,
Мелкокалиберные ребята...
Ее останавливает обход.

Начнутся расспросы про дальних да близких
(Наганы на ленточках портупей):
С какими друзьями вела переписку
И с кем хороводитесь теперь?

Я ставил парус на лодке глубокой,
Ревела белугой большая волна.
Романтика, амба!
«Четыре сбоку,
Четыре сбоку!» — кричит шпана...

Сложила губы бантиком,
А жительства — на грош,
Отборная романтика,
Погибельная дрожь!..
Бывало, и нередко,
Она, войдя в игру,
Дрожала, словно ветка
На северном ветру.
А там, где вихрь промчался
В стремительном году, —

Летела на тачанке
В придуманном аду,
Где только степи, степи,
Винтовка и обрез,
Где только кровь да пепел,
Дым до седьмых небес!..
А где-то в поле пусто,
Тишь да благодать.
Шурум-бурум капуста —
И песни не видать!

1928—1929

19. РЕЧЬ НА СОБРАНИИ ОДНОСЕЛЬЧАН

Товарищи, одетые в ситец и ластик,
Ветер водительствует грозой.
На полустанки Советской власти
Вылито озеро Красных Зорь.

Пусть не поет, не кричит старожилам
Птаха несчастная Гамаюн...
Небо олонецкое окружило
Землю отчаянную мою.

Засуха вас никогда не конала,
Ваши угодья — три гряды,
Озеро, речка да два канала,
С печки рукой достаешь до воды!

Вы — представители Главрыбы...
Как ни поверни,
Что ни говори —
Вот оно озеро — синяя глыба,
Целое море, черт побери!

Я принимаю, как награду,
Вашу неслыханную зарю.
Именем звенящего Ленинграда,
Именем Республики говорю:

«Ждем окуней зеленые роты,
Сабли плотвы, сигов палаши,
Чтоб через Нарвские ворота
Шли обалдевшие ерши!»

1929

20. ЯБЛОНЕВЫЙ ПОЛОН

Александру Чуркину

Как сказать тебе об этом лучше?
Может быть, вот так:
«Не ставь в вину,
Что у яблонь — милых и цветущих —
Я остался в радостном плену.

Пусть тебе известно:
я в полоне,
И не надо участи иной,
Яблони запели на Олонии
Песенки, придуманные мной.

Наша жизнь — как яблоня простая —
Поднялась, ликуя и маня,
Белым-белым цветом расцветая,
Плещет в Заозерье у меня.

Я люблю всё это:
возле дома
Голубою лентою река...
Приходи, живи на всем готовом —
Вдоволь хлеба, хватит молока.

Боевое слово принеси нам,
От Онеги передай поклон...
Здесь по всем лазоревым долинам
Яблоневый радостный полон».

1929

21. МОЙ БРАТЕННИК

Василию Прокофьеву

Вся деревня скажет: вылил пулю,
Ныне рассказал такое нам!
Мой братенник ходит к Ливерпулю
По чужим, заморским сторонам!

Пароход — длинней озерной лодки,
И на тыщи верст — сплошной пустырь,
Лишь туман плывет в косоворотке
На чудесный камень Алатырь!

Ни домов, ни девок... Ягода-калинка.
Повелитель моря — Судотрест!
Ветер гонит в траурной шалинке
Неба бесконечного отрез.

Пять ночей... И перерыв в кочевьях.
Снова берег... Вешняя пора.
Через пять ночей поют харчевни,
Поворачиваются повара!

Корабли поют. Земляки поют
(Фонари портовые горят),
Девушки подмигивают,
Люди по-немецки говорят.

А трехрядка — окаянней...
Пиргала, Митала — монастырь...
А на море-окияне
Белый камень Алатырь!

Пиргала, Митала, Гавсарь, Выстав, [1]
С кораблей червонных ладною порой
Где-нибудь да в Гамбурге выйди да выстань,
Тырли-бутырли — дуй тебя горой!

Где-нибудь под Гавсарью: майна-вира!
Райны и шкоты, разрыв-трава.

---

[1] Деревни Приладожья.

Где-нибудь да в Гамбурге за моей милой
Иноходью ходят солнце и братва!

Выскочу я в этот странный понедельник,
Эх, на гореваньице горевом...
В гору — свистоплясом — дорогой братенник,
Шапка на отлете. Парень ничего!

Крой на домашёво! Далью трудной.
Пиргала, Митала... Уйма ям.
Где ты пропадаешь, чертова полундра,
Где ты пропадаешь по морям?

1929

22. РЫБАЦКАЯ

Под солнцем и ветром,
не кончив игру,
Язи поливали молокой икру.
Они проходили раздольем бедовым
Под всеми ветрами и в мертвую тишь,
Они над водой поднимались багрово,
На берег скакали, роняя престиж!

*

Всегда и поныне проходят, сгорая,
Друзья-закоперщики на парусах,
Над озером подняты мачты и райны,
Флажки развеваются на кубасах.
Друзьям надо с бурями вечно бороться,
Но выдержит схватки народ боевой.
За эту романтику, новогородцы,
Я отвечаю головой!
Далёко от желтой песчаной косы
На буйном раздолье стоят кубасы.

*

Гремит волна саженная,
Закатом подожженная,
Трудненько нам.
Но рукава закатаны,

Летит наш парус латаный
        Вразрез волнам.
А ветрище крутит молодецкий ус.
А мольба у мамки вырвалась из уст.
Старая кричала:
                        «Ветровей,
Ты не трогай бравых сыновей!»

1929

23. ДЯДЯ

Ты снова, мой дядя, — что дуб на корню
И рыжее солнце берешь в пятерню.

Цветная метель, не стихая, метет
Туда, где за речкой Хромуха живет.

У ней губы — сурик, подбровье — дуга,
Веселая баба, хромая нога.

Шумит побережьем черёмховый сад,
Покрашен баканом резной палисад.

Давай-ка на лавочке посидим,
Давай-ка на улочку поглядим.

Усы опустив, словно рыба сом,
Проходят ребята — грудь колесом.

Девчонки не в силах держать на весу
Зачинов, запевов большую красу.

А ты, мой любезный, — что дуб на корню
И рыжее солнце берешь в пятерню.

Ты песню раскинь, ты скорей запевай,
Как парень по жердочке шел за Дунай,

Как следом за парнем летела беда:
Жердочка сломилась,
Шляпушка свалилась...
Ой, какая синяя вода!

1929

24. ПЕСНЯ УЛИЦЫ КРАСНЫХ ЗОРЬ

Кое-кто кое-где замышляет тряхнуть стариною,
Но шпана на Песках и Васильевском сбита грозой.
Развернув паруса непроветренной стороною,
Опускаюсь на песню,
На улицу Красных Зорь.

На Центральном и Ситном начинается переторжка.
Неуверенный лавочник подытоживает доход...
Современники двух революций — пионеры поют про картошку,
Знаменитая улица встает на немыслимый ход!

На шестой материк от последней вершины Памира
Неприкаянный ветер такое-сякое поет:
«О твою вновь открытую биографию мира
Англия ботфорты бьет!
Англия ботфорты бьет!»

Но уверенность проще гвоздей и красивей легенд.
Победили...
Иностранное небо разбужено нашей грозой.
Я не вижу других вариантов:
Золотая страна Пиккадилли
Называется запросто:
Улица Красных Зорь!

1929

25. ПАРНИ

Товарищ, издевкой меня не позорь
За ветер шелонник, за ярусы зорь.

Тяжелый шелонник не бросит гулять.
Тяжелые парни идут на Оять.

Одёжа на ять и щиблеты на ять,
Фартовые парни идут на Оять.

Трешкоты и соймы на верных реках,
И песня-путевка лежит на руках.

В ней ветер и ночь — понятые с полей,
Несчетные крылья свиристелей.

В ней целая волость зажата в кольце,
В ней парни танцуют кадриль и ланце.

Парнишки танцуют, парнишки поют,
К смазливым девчонкам пристают:

«Ох ты, ох ты, рядом с Охтой
Приоятский перебой,
Кашемировая кофта,
Полушалок голубой».

*

Гармоника играет, гармоника поет.
Товарищ товарищу руки не подает.

Из-за какого звона такой пробел?
Отлетный мальчишка совсем заробел.

И он спросил другого:
«Товарищ, коё ж,
Что ж ты мне, товарищ, руки не подаешь?

Али ты, товарищ, сердцем сив,
По какому случаю сердишьси?»

Другой — дорогой головой покачал
И первому товарищу так отвечал:

«Гармоники играют, гармоники поют,
А я тебе, товарищ, руки не подаю.

Братану крестовому руки не подаю
За Женьку фартовую, милку мою.

Лучше б ты, бродяга, в Америке жил,
Лучше б ты, братенник, со мной не дружил,

Вовек не дружил, не гулял, не форсил,
Травы в заповедных лугах не косил.

Окончена дружба в злосчастном краю
За Женьку веселую, милку мою».

Ой, может, не след бы другим говорить,
Как бросили парни дружбу дарить.

Но как не сказать, коль гармоника поет:
Товарищ товарищу руки не подает.

1929

26. ТОВАРИЩ

А. Крайскому

Я песней, как ветром, наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой, —
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!
И ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!
Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.
И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли астраханскою солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна».
Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!

Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне — половина!
От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

1929

1930–1939

27. НАЧАЛО ДИКТАТУРЫ

Самой яркой расплатой за Лену,
Добролетами, обществом «Руки прочь»,
Эскадрильей «Наш ответ Чемберлену»,
Орточекой разметнулась бессмертная ночь.

И тогда, тем же временем,
Примечательным на рассвете
Столкновением звезд и разгромом оков, —
Только двое на улицах:
Диктатура да ветер,
Только буря на веки веков!

Над заставой, над всей стороною заветной
Никакого движенья светил,
Ничего,
Только тучи клубились,
Вероятно — от ветра
Или — черт его знает еще от чего?

Люди в кожаных куртках,
Внезапные, нарасстежку,
Проходили фронты (все фронты), не скорбя.
Малахольный буржуй, чистоплюй и картежник,
Помолись!
Диктатура идет на тебя.

 На тебя, голубчика,
 Шли чекисты Губчека.

Эх, жизнь, эх, жизнь,
Звонкая, каленая,
Шаровары синие,
Фуражечки зеленые.

Эх, гой еси,
На Неве еси,
Ты, зловредный человек,
Пошевеливайси!

Ты не рыба сиг,
Ты не рыпайси,
Самым круглым дураком
Не прикидывайси!

Упадешь доской
На покой песка:
Принимай, господь,
Упокойничка...

...Наше дело такое, и эпоха багрова.
Только смертная пуля приканчивает старье.
Через тысячи лет, через просеки ветра и грома
Будут славить железное имя твое.

1930

28. МЫ

Мы — это воля людей, устремленных
только вперед, вперед!
От Белого моря до Сан-Диего слава о нас идет.
Огромные наши знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.
В семнадцатом (глохни, романтика мира!) мы бились,
как черти, в лоск,
Каждый безусым пошел на фронт, а там бородой оброс.
В окопах выла стоймя вода, суглинок встал на песок.

Снайперы брали офицеров прицелом под левый сосок.
И вся страна была в огне — и мы по всем фронтам.
Шпик и солдатский английский френч мы добывали
там...
Земля, война, леса, война... Земля была пуста.
Мы перебили всех ворон, всех галок на крестах!
Мы взяли вновь свою страну, мы в громе битв клялись,
Мы били белых под Орлом, под Жмеринкой дрались...
За этот бой, где пала сплошь кровавая роса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса!
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...
Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай.
Тут арифметика проста — гудит свинцовый рык.
Четыре порции свинца — в обрез на четверых.
Таков закон моей страны, ее крутая речь.
Мы все обязаны ее, Высокую, беречь...

Мы — миллионы людей бесстрашных, те, что разрушили
гнет.
По всем иноземным морям и странам слава о нас идет.
На тысячу тысяч верст знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

1930

29. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

1

Вставай, запоздалое слово — извечное, что тропа.
Темнее пивных бутылок неслась на нас шантрапа —
Голь, шмоль и компания... (Удавная снасть крута!)
Прапоры и капитаны, поручики и рекрута...
Штандарты несли дроздовцы — бражка, оторви да брось!
Всяческих супостатов рубить тогда довелось...
Мы гайнули в третье небо... (Двенадцатый полк
занемог.)
Такому горячему пеклу ад позавидовать мог.

Они прокричали: «Амба!»
— «Полундра!» — сказали мы.
Зеленые, синие, белые — всякому козырю в масть.
И мы провели Эпоху среди черноземной тьмы,
И мы отстояли, ребята, нашу Советскую власть.
Георгий Победоносец летел, не чувствуя ног,
Мы падали и отступали, и наступали вновь.
Георгий Победоносец откатывался на Стоход,
Мы взяли его, как свечку, и вывели в расход.

2

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру.
У нас побелели волосы на лютом таком ветру.
Нам крышей служило небо, как ворон летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь
огненный шквал.
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой
не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь.
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез.
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».

Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы единственная страна.
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!

Проверьте по документам, которые не солгут, —
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана.
Возьми это верное слово и выпей его до дна.
Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ощетинь!
От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!»
— «Полундра!» — сказали мы
И вот провели Эпоху среди ненавистной тьмы.
Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть,
Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

1930

30—32. *ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ*

1

ПОМИНАЛЬНАЯ

Иди, моя летная, заревая.
Сегодня разведочный путь просох.
Помянем настоящим ржаным караваем
Под Ломжей и Млавой убитых молодцов.

Мы с тобой не знаем, как рыдали вдовы
(Матери, наверно, кричали за двоих), —
Кутьею заваренною медовой,
Шинкованной капустой помянем их.

Может, нам придется плакать, как
младенцам,
В грусти поминальной, в горести такой.
Положим на колени полотенца,
Дотронемся до Славы правою рукой.

Над страною солнце вышло спозаранку,
Новый день приходит вместе с ним,

Мы наденем шапки — черные кубанки,
Занавесим зеркало и поговорим.

Надо через горе перевалить.
Как говорить — о чем говорить?
В какую дороженьку дальнюю
Водить мою грустную, поминальную?

Надо, чтоб доставили из ларьков
Тысячу шалинок и платков,
Ведь о скорби скажут всех скорей
Черные шалинки матерей.

Нам принесет мореходный брат
Самый большой, семиверстный плат.
Мы его поднимем возле Мсты,
Мы им занавесим все мосты...

Вынесем законченный символ веры.
Вынесем и скажем:
                    «На этом стоим».
Мы перезарядим наши револьверы,
Мы отсалютуем товарищам своим.

2

БЫЛИННАЯ

Как на польских кочках
Польский бугай,
Едет на бугая
Товарищ Гай.

Ой, тропа-тропиночка
    Скользкая!
Сторона-сторонушка
    Польская!

Стоит бугай на кочках,
А справа — лаз.

У того бугая
Зеленый глаз.

Зеленый глаз ехидный,
    Горевой,
Не бугай, а леший,
Черт кривой...

Гай к быку подъехал
В самый раз,
Хвать быка оглоблей
Промеж глаз.

Недобрую усмешку
Чурбан таит,
Оглобля поломалась,
Чурбан стоит.

Ой, тропа-тропиночка
    Скользкая,
Сторона-сторонушка
    Польская...

Конники сказали:
    «Чубарики-чун,
Чубарики, чубчик, идет карачун.
Гайка-Гай — единственный, золотой,
Выбирай оглобельку крепче той!»

Гай раскинул думу:
«Хорош совет».
Гай отъехал к войску
В Реввоенсовет.

В Реввоенсовете трясут
    Кого?
Всё того ж бугая
    Пилсудского.

В Реввоенсовете — суд
    Кому?
Битому, кривому
    Пилсудскому.

А вокруг да около лес да гарь.
Что за чертовщина, товарищ Гай?

Ой, тропа-тропиночка
Скользкая!
Сторона-сторонушка
Польская!

Гайка-Гай — единственный, золотой,
Выбирай оглобельку крепче той!

Выбирай дубовую, в самый раз,
Крой кривого дьявола промеж глаз!

3

ВСТАНЕТ ЗОРЬКА УТРЕЧКОМ

Встанет зорька утречком,
Мы встаем.
Третьему конному
Славу поем.

Вот она, как речка,
Бежит-течет.
Командиру Гаю
От нас почет.

Ни одному коннику
Нет вины.
Сабли наши
Не притуплены.

Идут воеводы
Не хуже нас.
Слава наша
Не нарушена.

1930

33. ЖЕЛЕЗО

На железе живем...
Мир кусками нарезан
(Чтоб скорей на куски ураган налетал),
Мы всегда и во всем отдаем предпочтенье железу.
И железо у нас — самый лучший металл.

Всё подвластно ему:
Наша молодость и здоровье —
Эти россыпи чувств и открытые солнцу года.
Наши сильные мускулы набухают тяжелою кровью.
В ней на девять десятых — железо,
А в остатке — рассол и вода.

Выходи же в просторы, насыщенная и налитая.
Наша песня железу — отнюдь не посулы и лесть...
Не хватает железа в крови,
Понимаете ли, не хватает,
Так нередко бывает...
Тогда наступает болезнь...

Эта ржавчина крови с далекого горя осталась,
Вот беда поколений — ее не стереть кирпичом.
На людей налетает четырежды клятая старость,
Остальное известно младенцам,
А я ни при чем!
Отвечаю за каждое слово,
принесенное вечером поздним.
Будет скоро жара...
Мир на эту ступень перешел.
Наши первые в мире настоящие трехдюймовые
гвозди
Приготовлены.
Всё обстоит хорошо.

И последнее слово — совершенно отменного рода —
Выношу на дорогу, чтоб день боевой не померк:
Приручив производство кастрюль и других
сковородок,

Увеличим добычу железа —
На сабли,
На рельсы,
На балки, идущие вверх!

1930

34. СЛОВО О МАТРОСЕ ЖЕЛЕЗНЯКОВЕ

Большая Медведица встала над песней,
Да ветер с пяти границ.
Каждую строчку, как честное слово,
Я отпускаю на риск.

Зазывалы устали, плакаты охрипли.
(А небо черным-черно!..)
Будто на свадьбу досужую сваху,
Ведет учредилку Чернов.

Понаехало гостей со всех волостей,
Принимайте, хозяева, их.
Все дородные гости приехали на санках,
Мелкота — на своих на двоих.

На улице январь, на улице холодно,
Поземка разносит белый порошок.
Надо для гостей приготовить баню,
Попарить их веником, чтобы стало хорошо.

Хорошо ли, плохо ли... Это нам известно.
Только хозяева сошлись на том:
«Для почета времени, наверное, хватит,
Баню дадим потом...»

*

В матросском обличье вставай, Диктатура,
Свершай исторический приговор!
Развернутым словом о Железнякове
Я начинаю разговор.

Гости распоясались, гости заседали,
Гости говорили то да сё.
В разные стороны, разные намеки,
Надо с гостями покончить всё.

Тут не до гостей — такая переделка,
    Свищет непогода в синий доломан.
Тут не до гостей — такая переделка,
    Надо гостей отправить по домам.

Ишь они распелись, словно канарейки,
    Хлопают в ладони — обычай таков,
На сцену выходит начальник караула,
    Матрос Анатолий Железняков.

Другие гости горбатого лепят,
    Слюна гужевая на каждый вопрос.
У Железнякова — клеш великолепен.
    Клеш примечательный, как матрос.

Курам на сме́х бакалейная лавка,
    Вертят законом, как поп камилавкой.
Приторно-тягуче, как резина,
    Говорит Чернов, говорит Зензинов.

Ну тебя в болото с этой канителью,
    Всякая эпоха знает дураков.
Урицкому приказано разогнать застолицу...
    Начинайте действовать, Железняков!

Приказ боевой выполнить немедля...
    Снова набирается высота,
К тому же матросы не синяя говядина...
    Балтийские матросы — красота!

Курам на сме́х бакалейная лавка,
    Вертят законом, как поп камилавкой,
Столик поставлен, что аналой...
        Долой!
            Долой!
                Долой!

Вот уже Чернова трясет лихоманка,
    Видно, и взаправду надо в отлет...
Клеш да бескозырка у Железнякова —
    Этакому клешу дать матлот!

Из матросской ложи, словно с колокольни,
Вынеслось крутое:
«Довольно!
Довольно!»

Чернов поднимает седеющий кок.
Сзади его стоит Железняков.
Ваша исчерпана партитура.
За Железняковым — Диктатура.

Стой, эсер, стой, не перечь,
Слушай самую лучшую речь:
«Прошу покинуть зал заседанья.
Караул устал».

Ой, стели, метелица, белым пухом,
Этакую песню я перелистал.
Вот так баня — утром ранним
Гости гурьбою идут в предбанник!

Тут не до рассказов — такая переделка...
Свищет непогода в синий доломан,
Не до разговоров... Такая переделка...
Все отправляются по домам.

Ой, гуди, метелица, в дальние края...
Лучшая речь, Анатолий, твоя...
Разошлись, разъехались, злобы не тая.
Лучшая походка тоже твоя.

1930

35. ЭПОХА

Поднимая народы на смертную битву с врагами,
Словно соколов, годы отпуская в полет,
Неразведанный путь, но единственный, пробивая
штыками,
Молодая Эпоха в грозе небывалой встает.
Свежий ветер знамен принимают победные вышки,
Крейсер первого ранга «Аврора» стоит наготове...
Пора!

Орудийные залпы по Зимнему, —
Александру Четвертому — крышка!
Поливаем свинцовой примочкой
по разгромленным в лоск юнкерам.
Диктатура! Железное слово... Опрокинуты сходни
на пристань.
Смольный — первый завод Диктатуры,
широкий в плечах, коренаст,
И не счесть, сколько громких профессий за нас:
Кузнецы,
горняки,
металлисты,
Пулеметчики,
бомбометчики,
ополченцы второго разряда за нас.
Учредилка... Геральдика.
(Поднимай голоса по статуту!)
Непрерывная болтовня, акробатика вниз головой.
Учредилка...
Долой учредилку! Закрытый фургон проституток,
Посиневших, как смерть,
побледневших, как снег за Невой.
Смерть и смерть старине!
Лучше сгибнуть в Балтийском корыте,
В переделке угробиться,
выбрать честную пулю в бою...
Посмотрите, какие ребята идут
от путиловских перекрытий,
От тяжелых цехов Парвиайнена,
принимающих гордость мою.
Возвращаюсь к началу.
Снова ветер предместьем прогрохал.
Вышли краснопутиловцы.
Заниматься покоем невмочь.
Я с такими ребятами — в доску своими.
Эпоха!
Часовые на месте.
Караулы проверены.
Ночь.

1930

36. ДРУГУ-ПОЭТУ

1

Ты и я рассказывали вдоволь,
Как справляют свадьбы
в Лебедяни,
Как проходит радуница в Луге,
Как гуляют девки на вечорках
И ребята топают в кадрили.
Хороши девчонки в Лебедяни...
Перед свадьбой банный день
отменный,
Осыпает хмелем сват невесту,
Гармонист трехрядкой рвет и мечет,
Парни-недруги идут в обнимку,
Пьют вино из одного стакана,
Одаряют девок чем придется...
Так справляют свадьбы в Лебедяни.
Это всем оскомину набило.
Я в пути бросаю новобрачных,
Оставляю радуницу в Луге
И перехожу к вершинам песни.

2

Помни, браток,
Семнадцатый годок!
Мы взяли в переделку огромный дом,
Именуемый Россией. При этом и при том
Каждая дверь в этом доме отперта,
На лавках и под лавками нет ни черта.

«Наготы и босоты
Изнавешены шесты,
А голоду и холоду
Амбары стоят».

На дороге ветреной — жулики жулятся,
Буржуй недорезанный стоит надут.
Вся Россия — Расстанная улица,
Красногвардейцы на фронт идут...

3

Эх, стой, тетенька,
Подожди, тетенька,
Сделай милость, тетенька,
Разбитная тетенька.

С переливом, с перебором
Выдай песенную злость.
Как за Питер, славный город,
Нам бороться довелось...

Спасибо, тетенька,
До свиданья, тетенька,
Будь здорова, тетенька,
Молодая тетенька.

1930

37

Громкая пора...
Огонь да лапоть,
Вся моя вселенная в огне.
«Не плакать!
Не плакать!
Не плакать!» —
Кричала Республика мне.
Это было так во время óно,
Временем, не шедшим в забытье,
Так она кричала миллионам,
Всюду заселяющим ее.
Локоть к локтю в непогодь и стужу,
Все законы бури полюбя,
Мы пришли, приказа не нарушив,
Чтобы стать достойными тебя.

Наш поход кому дано измерить?
Мы несли до океана гнев
И прошли сквозь ветер всех империй,
Всех объединенных королевств!

Вейте, ветры молодые,
Вейте
Над просторами родных полей...
Сосчитай нас, вырванных от смерти
По великой милости твоей...

В Прионежье, Ладоге и Вятке
О тебе, страна моя, поем,
И скрестились руки, как на клятве,
На железном имени твоем...

1930

38. МАТРОСЫ ПЕЛИ «ЯБЛОЧКО»

Всё было на отлете — и неба сизый войлок,
Колода звезд рязанских и новые харчи.
Матросы пели «Яблочко» и требовали «Ойру»,
Единственную пляску просвирен и дьячих.

Веселые ребята справляли новоселье,
Коль шесть морей прогрохали и не было утрат.
Матросский город Гамбург сидел на карусели,
На том меридиане, где ветер снова брат.

На всех морях скрипели развернутые снасти,
Большая непогода крутила головой,
Матросы бедовали, раскрыв сегодня настежь
Двойные рамы сердца в разгул береговой.

В колоду звезд рязанских, рассыпанную чертом,
Смотрели проходимцы, искатели нажив...
Смеялись ради славы немецкие девчонки,
Крупчаточные руки на горе положив...

Откуда эта песня?
(Ходил, ходил да выискал.)
Огромную путину трясет под колесом.
Назавтра снова море — зеленое, как вывеска,
И вновь косоворотки опущены в рассол.

Сегодня ж на отлете... И неба сизый войлок,
И сутемки, и звезды, и новые харчи.
Матросы пели «Яблочко» и требовали «Ойру»,
Единственную пляску просвирен и дьячих.

1930

39. СОТВОРЕНИЕ МИРА

1

Не первый и не последний по всем небесам снаряд,
Мир сотворен в неделю — попы еще говорят.
Бери сладковатую репу — она пятачок пучок.
Так возглашает епископ, и так говорит дьячок.
А я утверждаю пред всеми, уйдя от медвежьих троп,
Что первым творением бога является первый поп.
Земля представляла пустую, поломанную бадью,
Но бог для поповой утехи дал ему попадью.
И пятыми сутками умер. Пошла писать кутерьма,
Поп закрутил рукою, и им создается тьма.
А дальше идет кадило... (Земля моя, не тоскуй!)
И самый священный возглас: «Исайя, ликуй!».
И редька — первая овощь (а к редьке пришел укроп).
На этом исчерпан список того, что придумал поп.

2

Всем святым блаженная кончина
Полагается в больших летах.
Время шло.
Без видимой причины
Вся земля качалась на китах.
Всякий ставил сто свечей
За Китов Китовичей.

Каждый день нахохлен:
Вдруг киты подохли?

Поп — бревно, попадья — бревно.
Земля,
киты,
вода.

И жгут на костре Джордано Бруно́,
Который сказал: «Ерунда!

Ерунда на плоскости,
А мой рассказ — остер».
Но поп застукал тросточкой —
И запален костер.

Бежит вода. Синеет даль.
Погода даль мела.
Эх, рыба кит! Эх, невидаль,
Какие шли дела.

3

Мир не видывал такой погони,
Лихорадки мачт и крепких рей.
Мы другое время узаконим
На просторах суши и морей.

Ястребов слепят разрывы молний,
Пригибает уши бедный лось.
Ты — свидетель, солнце:
В самый полдень
Сотворенье мира началось.

Тучи шастают по иноземным
Странам. Ветры дожидаются вождя.
Мы всплеснем руками,
И на землю —
Шквалы молний, грома и дождя.

. . .Небо опрокинуто корытом,
Смелый день восходит на Памир.
Кончено,
повенчано,
покрыто.
Люди перестраивают мир.

1930

40—41. *ДВА РАЗГОВОРА С П. М. БЫКОВЫМ*

1

РАЗГОВОР ЛИЧНЫЙ

...Четверо суток, не зная броду,
Слово свое искал — упрям.
С глазу на глаз, через пень колоду,
Слово приходит к секретарям.

Вы меня поставили
(А может быть, Рохлин)
Заводить трудсписки и прочую муру.
Мухи, надо мной летая, дохнут,
Ну и я когда-нибудь сяду и умру.

(Пусть друзья проплачут гармоникой вятской,
Песню распушите, чтоб была видна.
Домовину сделайте из сосны оятской.
Кумачу попроще —
Республика бедна!)

Мне б по деревенской улице прогрохать:
Шаровары синие со змеей,
Пестрая рубашечка — горохом,
Черная фуражка — сатаной!

Ну а здесь, как водится, закисну,
На расчетных книжках в загуби оглох.
Здесь я погибаю на трудсписках,
Подзаборным жителем рву чертополох.

Я тогда б, от всякой всячины отвыкнув,
Как братенник, свистнул бы по морям.
Чтоб звенела радуга
И ругался Быков,
Чтобы слово запросто шло к секретарям!

2

РАЗГОВОР ДРУГОГО ПОРЯДКА

Вы меня толкнули и сказали:
«Вваливай!»
Ясно, у запева — хвост трубой.
Если не желаете больше разговаривать, —
Песня выходит сама собой.

Это, будьте ласковы, тонкая штучка,
Здорово я втюрился — нечего вилять.
Я вот заберу ее под ручку:
Не хотите ль, тонная, погулять?

. . .Нет, товарищ Быков, я — осмеян
И хочу сказать вам без прикрас:
Я без вас и шагу выступить не смею,
Песня никуда не идет без вас.

. . .Мать моя фартовая, Расея,
Агромадина, проси
Михаила или Алексея
На престол всея Руси.

Лешенька, топни ноженькой,
Хиленький, топни ноженькой,
  Кованым новым ножиком
  Ударь да приударь,
  Чтобы видели, сударик,
  Как приходит государь!
Это называется пшик, а не подкова
(Хватит по запечью петь сверчком).
Это революция Павла Милюкова
Наших разговоров касается бочком.

Вся страна застукала калеными орехами.
Я бросаю слово в крепкий гурт.
Где они, Романовы? Приехали?
Приехали
Прямо из Тобольска в Екатеринбург.

Вслед за ними тащатся фрейлины да няни —
Ветер Революции, дуй веселей!

На семи подводах разной дряни,
Начиная с вороха старых дочерей.
Тебя, как председателя,
Как главу Совдепа,
Всякий день запрашивали об одном:
Что прикажешь делать с горевыми девками,
С молодым последышем,
С этим табуном?

Короли живут зубасты
И катаются на лихачах.
Революция сказала:
«Баста!
Хватит проживаться на чужих харчах!»

А они-то вертятся сатаной на блюдце.
Молчок,
Старичок!
Скидывайте шапочки перед Революцией,
Чтобы пуля видела мозжечок!

Надо скинуть пиджачки,
Расстегнуть пояса —
Вот как,
Во как! —
Чтоб прибыть на небеса
Раньше срока.

В этакую бурю
Ближе к делу —
Там вас обуют,
Там вас оденут.

В этакую бурю,
Друзья-доброхоты,
С головами распроститься
Им неохота.

Не знаю, в какой несусветный Париж
Тебя заведет тропа.
Но ты, отвечая за всё, говоришь:
«Советская власть скупа».

Она (прославляемая навек
С начала и до конца)
Дала на одиннадцать человек
Одиннадцать слез свинца.

Она же (хватай это слово за гуж,
Спроси у любых людей)
Дала на одиннадцать мертвых душ
Единственный фунт гвоздей.

Я снимаю шапку,
Я по-летнему
Прохожу на самый дальний двор.
Сумерки садились,
Было ветрено.
Тополь пел
«Веселый разговор».

1930

42. ШЛИ НАД МОРЕМ БУРЕВЕСТНИКИ

Виссариону Саянову

1

Шли над морем буревестники
Сизой радугой-дугой...
Мы с тобой почти ровесники,
Мой товарищ дорогой.

На войну пойдем,
Оба — песельники,
Если в плен попадем
Оба — висельники.

Если ж я паду под Ломжей,
Не скучай, брат, не скучай,
Из травы зеленой — ромжи —
Завари покрепче чай.

И воюй один...
Меж селами
Песню новую сложи
Про мою с тобой веселую,
Одинаковую жизнь.

Там в краю, в моем Приладожье,
Синь озер, глухой песок,
Да горит под лентой радужной
То поляна, то лесок.
Спят березовые рощи,
Дальний выгон, дальний лов,
Чайки кружатся, полощутся,
И цветет болиголов.

Ой, как жалко мне развязывать
Старых дум тяжелый тюк.
Девочки голубоглазые —
Тю-тю!

Расцветай, герань-цветок,
Будем песни петь, браток,
Оба — песельники,
Оба — висельники.

2

Драгоценный мой, здорово!
Дружба — врозь салазками...
У тебя жена сурова,
У меня — неласкова.

Я к тебе стопы направил,
И меня тоска грызет:
Вдруг извозчик не доедет
И трамвай не довезет?
Дружба — докучна?
Ой, как скучно.

Может, в вечер голубой
Дашь открытку-вестницу,

Повстречаемся с тобой
Где-нибудь на лестнице.

3

Горечь подлую носить бы,
Виду не показывать.
Ты выходишь, друг мой ситный,
Песенки рассказывать.

Песня стукнула в косяк,
Новую — выпаси.
Я и так, я и сяк —
На-кося,
Выкуси!

Драгоценный мой, здорово,
Как твое здоровие?
У тебя жена сурова,
У меня — суровее.

Брошу песню за реку —
Если дружба побоку.
Полночь злая, рыжая.
Ничего —
Выживу.

1930

43. ОКТЯБРЬ

День вовсю раскрылся при пушечном раскате.
Министры заседали,
Стояли патрули.
Мы сказали прямо:
«Покняжили, и хватит!»
По имени и отчеству прикладом провели.

Мы взяли их за шиворот,
За рукава с кистями.
Ударницы у Зимнего разбрасывали крик.

Мы запросто приехали
Незваными гостями
И дважды два ударили гранатой в половик.

И развернули плечи, и не хватало времени
Дать исповедь и отповедь скореженным дубам...
И мы приноровились:
От подбородка к темени,
И прямиком по сердцу,
И снова по зубам!

Мы грохнули ударниц до чертиков потешных,
Мы гнали кровь и воду до самой Костромы.
И Смольный нас запрашивал.
«По малости чешем!» —
Отплевывая зубы, ответствовали мы.

И щелкали обоймами.
И кровь вертелась пряжей,
Строчили пулеметами по перехватам рам.
Мы делали проборы от головы до ляжек —
Самым настоящим, отборным юнкерам!

И всё это — начало развернутого спора,
Хотя в такое время взгремело много слов,
Хотя шестидюймовкой бабахнула «Аврора»
По всем орлам и решкам,
По чехарде ветров.

Хотя кричали вслед нам:
«Да что это?..
Да что вы?»
И всюду шло железо рискованной зимы...
Но мы уже летели
  На скорых
  И почтовых —
Советскую республику приветствовали мы.

1930

44. ОЙ, КАКАЯ ЗВОНКАЯ ПОГОДА...

Николаю Брауну

Ой, какая звонкая погода
Закрутила нас весьма!
Двинь меня по ребрам!
                    За полгода
Я не написал тебе письма.

Так лети, сердечная повестка!
Мы теряем счет часам и дням,
Наши муки творчества известны
Нашим приснопамятным друзьям.

Надо сделать всё, чтоб по оружью,
Все свои невзгоды поборов,
Пламенея сердцем, встала дружба,
Совершенно честная, как кровь!

Потому разматывайся снова,
Дней моих суровая тесьма,
На любовном отношенье к слову
Во вторых строках сего письма.
Надо кровь от сердца отозвать бы
В голову,
          чтобы, гремя,
Наше слово встало, как на свадьбе,
Между нами верными — двумя.

Говорю:
Минуй ряды улыбок,
Оторви глазищи от афиш.
Между всяких утлых рыбок
Плавает особенная фиш.

А за ней виляют узкогрудьем
И становят в сомкнутом строю
Соловьи, дешевые как прутья,
Нежную фамилию свою.

Петь бы соловьям без перерыва,
Но земля горит, и лес горит.

Что же остается делать рыбам,
Если человек заговорит?

Вот природы моментальный снимок:
Рыбам скучно. Соловей бескрыл.
Утки крякают необъяснимо.
Всё как есть, я ничего не скрыл.

Но, разведчик дружбы осиянной,
Я хочу, чтоб ты меня увез
К молодым предгориям Саяна,
К радугам больших и малых звезд.

Чтобы за живое нас забрало
От другой природы и людей.
Я иду, и поднято забрало.
Мы идем, и никаких гвоздей...

1930

45. ПИСЬМО

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАСТУПЛЕНИЕ» КРИТИКУ ГОРБАТЕНКОВУ

Может, это слово — что горох об стенку?
Всё равно — поставлю на своем.
...Здравствуйте, товарищ Горбатенков,
Как здоровье ваше,
Как живем?

У меня разгон стиха вселенский:
Схватываю строчки на лету.
Как у вас там?
Как весна в Смоленске?
Отцвела сирень или в цвету?

Вам плевать, а я теряю время.
(Тут — провал, а сбоку — перебой.)
Скоро к вам приедет критик Левин,
Херувим с бородкой, мухобой.

Дайте там ему
И дом, и пищу,
Огород невзрачный — в лебеде,
Он, чудак-рыбак, во рваных голенищах
Ходит по критической воде.

Дерево на дерево, а вместе — бревна.
(Вот она, словесная игра.)
Ныне счет годов идет по ребрам,
Начинаю с первого ребра.

С мясом и костями, с многокровьем,
Круг моих стихов заледеня,
Вы нашли, неважную здоровьем,
Правую опасность у меня.

Под одну гребенку
Так по плану
На стихи цирюльники бегут.
Как известно, так стригут баранов
(Связывают ноги и стригут).

Протори, убытки и потери.
Притупленье чувств — не пустяки.
Кровь свою из всех живых артерий
Снова выливаю на стихи.

Долго ли стоять на месте лобном?
Критик из воды идет сухой,
Хлещет по коню и по оглоблям, —
Ну вас к богу с этой чепухой!

...Кончено.
Легка моя невзгода.
Мы живем просторно.
Не в скиту.
Как у вас там?
Какова погода?
Отцвела сирень или в цвету?

1930

46. СТРАНА ПРИНИМАЕТ БОЙ

Александру Гитовичу

1

Я трижды тебя проходил, страна,
И вот прохожу опять.
Реки бросали свои рубежи,
Моря уходили вспять.

Меня поднимают моя друзья,
И ты говоришь: «Не трусь!»
Я всё потаенное узнаю
И всё рассказать берусь.

Тогда старики бежали так,
Как я, молодой, бегу,
Летели короткие весны вдаль,
Тонула земля в снегу.

И мы по глубокому снегу шли,
По желтому шли песку,
И нам выдавали пару лаптей —
Карельских берез тоску.

И мчатся и мечутся дни войны,
И плачут и голосят.
Тебе восемнадцать лет, сестра,
А я даю пятьдесят.

Мужская и женская силы тогда
Не скрещивались нипочем —
Об этом я звезды спросил свои
И в книгах земли прочел.

Лишь бой на полсвета! И вихрь в бою,
И солнце, и мрак — не лгу.
И всё, что колет и рубит, — дано,
Чтоб в сердце вонзить врагу.

Я плакать отвык давным-давно,
Но глаза иногда рябит.

Я вижу: рабочего нет у станка,
Он в поле лежит убит.

Тогда наседало железо на грудь
По всем путям боевым,
Но мертвых тревожить я не хочу —
Я говорю живым...

Тебе зажигалка нужна, буржуй, —
Меняй фамильную брошь,
Поваренной соли подсыпь в керосин —
И выйдет бензин хорош.

...Тебе зажигалка нужна, буржуй, —
Скорей на завод,
на жесть,
И дело твое совсем на мази,
Ты можешь края поджечь.

Но раньше тебя подведут к стене,
Ты видишь: кровь моросит, —
Закон Революции так говорит
И красный террор гласит.

Железо и сталь, железо и сталь
По всем путям боевым.
Но я не желаю будить мертвецов,
Свидетельствую живым:

«Я вновь прохожу по тебе, страна,
Опять и еще опять,
Пусть реки покинули рубежи
И море ходило вспять.

Я встану на первый заречный шлях,
Растет трава зверобой.
И если я песни не запою,
Ее запоет любой».

2

Железобетон на твоей груди.
Дорога твоя крута.
И поднята выше лесов и гор
железная красота!
Мильоны выходят на сплошняки.
Отборный идет народ.
И Красная Армия — в разворот
у каждых твоих ворот.
И рельсопрокатная сталь светла,
как дней твоих торжество.
Об этом я вновь говорю земле
от имени твоего.
Пусть ветер наводит тень на плетень,
шумит ворохами лузги.
А я не желаю лакировать
огромные сапоги.
У нас неурядиц — пруды пруди,
сумятицы — на воза,
Но входит Эпоха передовых
в открытые настежь глаза.
И время отчаянное летит.
Аллюр в три креста.
Карьер.
Международный на всех парах,
почта, дипкурьер.
Мы святцы похерили... Не имена —
Лука, Фома, Митродор,
Их за пояс сразу всегда заткнут —
Револа и Автодор.
Такие проходят по всей земле,
нарушив земли покой.
Лука удивляется, почему
назвали его Лукой.
Фома от Луки недалёко ушел.
А рядом, войдя в задор,
Ворочает глину и камень-валун —
советский сын Автодор.
А время во все лопатки летит.
Аллюр в три креста.
Карьер.

И падает, насмерть поражен,
Республики дипкурьер.
Пожалуй что рано кричать «ура»
тебе, оголтелая знать,
Коль сумку подхватывает другой
и тайны врагу не знать.
Но ты, чистодел, буржуй,
умри!
Иль землю переверни.
Эпоха выходит на все фрезера,
на все приводные ремни.

1930—1931

47. СМЕРТЬ ПОЭТА

Пристраиваясь к пятидневкам
И к десяти восстав от сна,
По улицам гулящей девкой
Шла подмосковная весна.

Катилась беспрозванным краем,
И где ни ступит — там теплей,
За ней тащился, словно фрайер,
А может, мученик, — апрель.

Она же, спутав акварели,
Звенела песнею штрафной,
И волосы ее горели,
Слегка подхваченные хной.

Еще полмесяца до грома,
И ветер дух перешибал,
И в заведеньях Моссельпрома
Торчали плечи вышибал!

Вот так примерно шла до грани,
Самолюбива и ясна,
Мирская девка,
Божья краля,
Та подмосковная весна...

И для меня (в порядке частном
Об этом вновь поговорим!)
Она уже была злосчастной
По разным признакам своим.

И на панелях, стужу выстрадав,
Играли шкеты на туза.
А впереди — дыханье выстрела
И преждевременно — гроза.

*

...Я ни капли в песне не заумен.
Уберите синий пистолет!
Командармы и красноармейцы,
Умер
Чуть ли не единственный поэт!

Я иду в друзьях.
И стих заметан.
Он почти готов. Толкну скорей,
Чтобы никакие рифмоплеты
Не кидали сбоку якорей!

Уведите к богу штучки эти.
Это вам не плач пономаря!
Что вы понимаете в поэте,
Попросту — короче говоря?

Для чего подсвистыванье в «Лютце»,
Деклараций кислое вино?
Так свистеть во имя Революции
Будет навсегда запрещено!

Никогда эпоха не простит им
Этот с горла сорванный галдеж...
Поднимая руку на маститых,
Я иду с тобою, молодежь!

Боевая! Нападу на след твой
И уйду от бестолочи той —

Принимать законное наследство
До последней запятой.

Я ни капли в песне не заумен.
Уберите синий пистолет!
Командармы и красноармейцы,
Умер
Чуть ли не единственный поэт!

И, кляня смертельный вылет пули,
Вековую ненависть свинца,
Встань, Земля, в почетном карауле
Над последним берегом певца!

1931

48. СЛОВО ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Слово идет, как Иван Креститель,
Медленно.
Я на него дивлюсь.
Я наперед говорю:
«Простите
За слово, которого сам боюсь».

...Вам с той стороны чужедальной не видно,
Как прет покупатель,
                    ногой скользя,
Стихи раскупая, словно повидло,
А ваших стихов и купить нельзя.

Стихи разворочены, что проспекты,
По ним путешествует ротозей...
Гроза тяжелее, чем фининспектор,
Ложится на плечи ваших друзей!

Ну и шатаешься днем — бездомным,
Откинув страстишек своих комок...
Когда там состряпают ваш многотомник,
Чтоб глаз отдохнуть бы на слове мог?

Наш день быстроног, и за ним не угнаться
Бескрылым поэтам, — и вот:
Сидим, верещим и — кругом шестнадцать! —
Противников бьем в живот.

Сейчас полегчало. А были драки,
Летели клочки рубах.
Тишь и гладь возглавляет в РАПП'е
По-прежнему Авербах.

Я тоже немного
(спаси и помилуй!)
Держал конец вервия.
Но хватит.
И вновь водворен Ермилов
Для мирного жития!

И чтобы не грохнуло в огородах
Разбойною трын-травой —
Несчастную шпагу Семена Родова
Ломают над головой.

(Читатель! Я не был вождем в Литфронте.
Не надо раздумывать сутками.
Читатель! Прошу вас, не провороньте:
Ирония выше присутствует.)

Теперь о Республике. Она озабочена —
Ей нужно рваться вперед.
Она, первородная и рабочая,
Не так еще заживет.

И в песнях, подкинутых в небо змейками,
Вопрос о Республике — прост:
Она — боевая, красноармейская —
Идет, набирая рост.

Она бы не так еще заходила
И вынеслась вразворот,
Если б не путались крокодилы
Известных Чеке пород.

. . . .

Я тоже бы сердце по капле вылил,
Не спрашивая врача.
А вы прострелили его навылет
Нечаянно.
Сгоряча.

Поэты обычны. Без соли и перцу,
В стихи зарываясь до щек...
Владимир Владимирыч!
С вашим сердцем
Вам жить бы еще и еще.

1931

49. СКАЗАНИЕ О ПРЕМУДРОМ ПОПЕ

1

День вновь качнулся от угара.
Была война. Была тоска.
И поп, похожий на огарок,
Кропил святой водой войска.

Молитва старая ходила
Командой унтера крутой.
И прыгало в руках кадило,
Как неспокойный дух святой.

И рота первая, большая,
Смотрела в тягостном бреду
В глаза, закрытые лишаем,
В дикорастущую браду.

От водосвятья до атаки —
Как от подсумка до песка.
Поп вскинул руку:
«Паки, паки,
Христолюбивые войска!

От первой грани до последней
Всего земного бытия

Неотменяемый посредник
Между землей и небом — я.

К победе! Недругов насмарку!
И безоружных — всё равно.
В святом Евангелье от Марка
Об этом сказано давно.

Пройдем, свирепствуя, по нивам,
И павших в огненном бою
Младые ангелы поднимут
Обедать с господом в раю».

2

Кончаю повесть. Неохота
Рассказывать земле другой,
Как шла тяжелая пехота
Сквозь заградительный огонь.

Но комитет увечных строгий
Найдет великая толпа
Слепых, безруких и безногих,
А мы найдем того попа.

Любителям богобоязни
Никак нельзя ему помочь:
Он в обе руки взял подрясник,
Когда сраженье началось,

И полетел быстрей победы
На тыловую колею —
Он явно не хотел обедать —
Ни возле рая, ни в раю.

Он бурей мчался без оглядок,
Пока не взяли на ходу
Обозы третьего разряда
Дикорастущую браду.

«Так не хотите щей господних?» —
Кричал попу обозный скоп.

«Я плотно завтракал сегодня», —
Так отвечал премудрый поп.

1931

50. ПОБЕДА

1

Я славил Красную Армию, каленую сталь штыков.
Слава, слава, слава идет на веки веков.
Она опоясала небо, она достает до дна.
Слава, слава, слава — на веки веков одна.
Она над забоем, слава, в разгоне отборных слов,
В высоком качестве нефти, в добыче всех промыслов.
Веселое косноязычье, уйди в другие края.
Друзьям моим не приснится, что явственно вижу я.
Вы б землю перевернули. Подкиньте таким рычаг!
Рабочим Биби-Эйбата — косая сажень в плечах!
Я лучше возьму сравненье:
                                        их руки длиннее дня!
(Критики Вонмигласовы, идите против меня.
Тут Клюева нет в помине, но есть еще имена,
Кричите, что это — абстрактно, что сажень отменена.
Возьмите на карандашик и вышлите ходока.
Чихал я на ваши плешины с высокого потолка!)
Баку. Нефтяные вышки в тяжелом земном соку,
И ветер соленый с моря, и снова, опять Баку.
Шумите, мои деревья познанья добра и зла,
Великолепная песня идет на четыре узла!

2

Обрадован несказанно, кричу с переулков кривых
Рабочим Биби-Эйбата — шеренгам передовых.
Огнями энтузиазма зажжем исполинский день.
Такое высокое время в труде молодит людей.
Без всякой «мольбы о чаше», без всяких «иже еси»,
Вы дважды день обернули на крепкой его оси.
Вы знаете, что такое, когда с нефтяных пород
Двойные наборы нефти кидают в круговорот.

3

Баку. Нефтяные вышки в тяжелом земном соку,
И ветер соленый с моря, и снова, опять Баку.
Веснушчатый полуостров, распоротый на ремни,
Присяга земле отверстой и новый разор земли!
Маршруты окованных бочек, не знавших конца путин,
В нефтянках (плывут по Волге) разлит голубой сатин.
И я становлюсь бессилен. И гром открывает рот.
Нефть — цвета венозной крови — подкинута
в круговорот.

4

Поднимем металл и уголь, удвоим колосья ржи.
Страна, уважай героев, почетом их окружи,
Включи в особые списки, запомни их имена.
Иначе сильнее смерти лежит на тебе вина!
Рабочие всей Азнефти!
Я к вам прихожу опять.
Вы дали в два с половиной, что надобно было в пять.
Об этом кричат газеты и камни на мостовой,
Вы знаете, что такое стремительный взлет кривой.
Вы б землю перевернули. Подкиньте таким рычаг!
Рабочим Биби-Эйбата — косая сажень в плечах!

1931

51. СМЕРТЬ ПУЛЕМЕТЧИКА ЕВЛАМПИЯ БАЧУРИНА

Восемнадцатый год. Партизаны, обутые в чуни.
Я хочу рассказать всем, прошедшим сквозь ветер
атак,
Как погиб пулеметчик Евлампий Бачурин,
Наилучший товарищ.
Не все умираем так.

Восемнадцатый год. Буре всё Приуралье подобно.
По дорогам свободно истошный раскинулся гик.
Обстановочка ахова!
В ней стихами орать неудобно.
Начинаю рассказ, как Евлампий Бачурин погиб.

Восемнадцатый год.
Опускаются сабли с размаху.
Ничего, кроме пуль.
Остальное слывет пустяком.
Партизанский Верхнеуральский отходит
к Стерлитамаку.
Лапти на плечи вскинув, партизаны идут босиком.

Как уйти от беды,
Откатиться от смерти повальной,
Если белая гвардия рядом,
Пулемет захлебнулся совсем?

Но война есть война,
А не третьеразрядная швальня.
Непонятное дело
Понятным становится всем.
Пулеметчик заводит «Страданье»,
Верен глаз и наметан.
Встань, зеленая пойма,
На крови поднимайтесь, овсы...
Пулеметчик — «Дунайские волны»!
Работай, Бачурин, работай!
Пулеметчик в ударе,
И поротно пойдут мертвецы.

В авангарде — походные кухни.
И хотя этот путь безотраден,
Но латунь ударяет в латунь
в неразрывном строю.
Так проходит колонна,
Шаг печатая, как на параде,
Мест не хватит у господа бога,
Потесниться придется в раю.

И пожалуй, чем эта, и нет ярче правды:
Враг кидает резервы.
И с новой волной —
У Бачурина — тоже труба,
По-матросски звучащая — амба!
Сбит подносчик патронов —
второй нумерной.

Вот и всё.
Дальше вот что, ребята:
Подошла смерть вплотную,
И ничто не спасет —
Под живот пулемета подкладывается граната,
Пулеметчик ложится на пулемет.
Вот и всё!

(Что, мне плакать прикажете,
По большом человеке горюя?
Валерьянки испробовать в меру?
Носовик поднести к глазам?
Что, мне плакать прикажете?
Не такой был, о ком говорю я,
Первый сокол из стаи соколят-партизан.)

1931

52. БОЙ ПОД БЕЛОРЕЦКОМ

Никаких вопросов, никаких загадок.
Выше поднимайте червонный стяг!
Просто и понятно:
Наступают гады,
Черные, что оспа, и вовсю свистят.

Скачет сила вражья и от крови пухнет.
Прямо к Белорецку придвинулась гроза.
Дайте им чего-нибудь из нашей кухни,
Кухни, от которой закрываются глаза!

Ходим, как святые, в этих катакомбах.
Далеко отброшен уральский плес...
Сладкого гороха, под названьем «бомба»,
Дайте им такого — горячего до слез!

Так и поступили.
Винтовка нарезная,
Гранаты, пулеметы, штыков острие.
Били чем попало.
«Господи, как знаешь,
Но прими рабов твоих во царствие твое!»

Все поднялись на ноги.
Крепнет оборона.
Солнце обмирало на дальних полях.
Женщины в подолах носили патроны,
Раненые к бою шли на костылях.

Ветер наши ленточки на груди полощет,
Знамя, словно сердце, бьется и горит.
Две паршивых пушки вывели на площадь.
«Как-нибудь управимся!» — Каширин говорит.

Буря отпевала, ивы стоя слушали.
Вылетели конники. Винтовка не впрок.
Конники залязгали холодным оружием,
И на острых шашках задымилась кровь.

. . .Земля моя уральская, краса-ненагляда!
Полынь, трава-горькуха, по твоим лугам.
Похороны с музыкой по первому разряду
Мы под Белорецком устроили врагам.

1931

53. ИЗМЕНА ЕНБОРИСОВА И КАЮКОВА

Ничего не поделать Наступают чехословаки.
На Урале, как тучи знамена чужестранных полков.
В это время измена.
Будьте прокляты трижды, собаки!
Будьте прокляты, псы — Енборисов и Каюков!
В это самое время
Мы зубами скрипели от злости,
Расстреляли заложников.
Разработали план отступления вновь.
(Жаба вас родила
На каком-нибудь старом погосте,
Медноглазая жаба, у которой зеленая кровь!
Эта жаба, изрытая оспой,
Потаенному змею — сударка,
Принесла вас хвалиться отцу — косолапых, нагих. . .

Огнедышащий змей свет Горыныч,
Обалдев от такого подарка,
Проколол немигающий глаз свой,
Чтоб не видеть таких!
Так и выросла двойня.)
Солнце вынеслось ярко.
И тогда, всё и вся ненавидя,
Оба черта встают,
Партизан, поднимающих солнце,
Златоустовских,
Симских,
Миньярских,
Ради почести гиблой
Белой гвардии продают.
Так приходит измена —
Смейся, черная, смейся!
Мы стояли под Верхнеуральском...
Чуть забрезжил рассвет —
Каюков, Енборисов и другие красноармейцы
Вылетают в разведку.
Ничего необычного нет.
Перекресток проселочной.
Замолчали подковы.
Енборисов сказал:
«Возвратимся к тоскующим женам, матерям
и отцам».

. . . .

Пятьдесят ускакало галопом за Каюковым,
Полтораста вернулись к своим
И всё рассказали бойцам.
Ночь прошла. Не до сна.
Мы зубами скрипели от злости.
Расстреляли заложников.
Разработали план отступления вновь.
(Жаба вас родила
На каком-нибудь старом погосте,
Медноглазая жаба, у которой зеленая кровь!)

1931

54. КУПАНЬЕ НА РЕКЕ СЕРГАНКЕ

Мы отступали, на всё надеясь,
Ветер в разведке сидит в кустах.
Суженый-ряженый — белогвардеец:
Грудь, словно кладбище, вся в крестах!
Урал невзлюбил нас, и мы его кинем
На малое время.
Идем налегке —
Рубахи, портчонки кое-какие, —
Так подошли мы к Серганке-реке.
И тут началось знаменитое действо.
Мы стали купаться — вместе, враз.
(Сукины дети — белогвардейцы —
Как будто устали преследовать нас.)
Солнце, да речка, да, как забава, дело.
Хорошо.
Купаемся жарким днем.
Белая сотня вдруг налетела.
Ну и пошла чесать огнем.
Эх, мать гулевая, судьба-цыганка!
Нельзя ли поменьше подобных дней?
Мы как сиганули из Серганки
И — беспортошные — на коней.
Выручайте, кони, черные гривы.
Соловьем-разбойником день свистел.
Стыд не прикрыт.
Прямо херувимы
С Киево-Печерских синих стен.
Поднажали малость.
В песнях славьте!
Наши раны жгучие солнцем припекло.
Снова пики в стремя,
Ноги в лапти,
На себя надели барахло.

1931

55. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ПАРТИЗАН

Тут — ложбина, там — овраг,
Яма, ямка, ямочка,
Справа — враг, и слева — враг.
Эх, мама, мамочка!

Дым такой, что угоришь,
Он совсем затмил зарю.
«Отступаем?» — говоришь.
«Отступаем», — говорю.

Хуже не было поры,
Каждой пулей дорожим.
«Драпанем до горы
Иль в канаве полежим?»

Черти белые на тракте,
Пули скачут, как блины!
Износились наши лапти
И зеленые штаны.

Сим-река.
Здорово, Сим!
Поливай, «максим»!

Вот она, твоя ворона,
Уподоблена орлу.
Бей ее, твою ворону,
По тяжелому крылу!

Вот она сидит на вышке,
Вон летает по лесам.
Бейте все!
Иначе — крышка!
Нашим поднятым сердцам.

Тут — ложбина, там — овраг,
Яма, ямка, ямочка,
Справа — враг, и слева — враг.
Эх, мама, мамочка!..

1931

56. ВТОРАЯ ПЕСНЯ ПАРТИЗАН

Обгорела неувяда,
Богородская трава.
Все места родные — рядом,
Попрощаемся, братва.

Впереди поклонов ладных
(Защемит в груди сильней)
Напоим водой отрадной
Наших пламенных коней.

Пусть остынут.
                              От запала
Береги коня всегда.
Поклонились как попало
Все полки тебе, вода.

Поклонились под кустами
Грудам огненной хвои,
Всей земле с ее цветами...
Шашки вымыли свои,

Хлеба рыбам покрошили,
И теперь на всё плевать...
Ну, веди бойцов, Каширин,
Умирать и убивать!

1931

57. ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ ПАРТИЗАН

Шашки меркнули от крови,
И гроза открыта нам.
По недоле, по любови,
По знакомым сторонам
Кроем так, что не приснится,
Кроем с перцем — будь здоров!
Мертвой падает синица
От таких прекрасных слов!
Словно тень былой опеки
Чудо-юдо рыба-кит,

Белый гад на солнцепеке
Развалился и шипит.
Каждый бы (видали виды!)
Смертный путь ему сказал.
...Морем меряют обиды,
Муки красных партизан.

1931

58. ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ ПАРТИЗАН

Разметнулось наше лихо
Вплоть до речки Чусовой.
Нам ходить под этим лихом
С невеселой головой.

Прозвенела, увядая,
Цвет-долина-сторона.
Нас встречает молодая
Невысокая луна.

Остановимся, покурим,
Стан раскинем у реки.
Сосчитаем наши пули,
Пулеметы и штыки.

У дощатого настила
Сосчитаем, что ли, брат,
Сколько сабель нас крестило,
Сколько сваталось гранат!

Между делом невозбранно
На привале этом вновь
Перемоем наши раны,
Скинем тягостную кровь.

Так, врага встречая грудью,
Воевали мы и шли
По путям и перепутьям
Самой радостной земли.

1931

59. ПЯТАЯ ПЕСНЯ ПАРТИЗАН

Мы спасались от погони.
Ночь длинна. Луна бела.
Вороные наши кони
Перегрызли удила.

Как идти, куда стучаться
В горевой таежной мгле?
Мы ходили смертным часом,
Величайшим на земле.

Застрадала, захворала
Дольняя земля отцов.
Жены Верхнего Урала
Обряжали мертвецов.

Камень рвали динамитом,
Сосны клали без сучков.
Закрывать глаза убитым
Не хватало пятачков.

И в тревоге распаленной,
Только с ночью глаз на глаз,
Нерушимые знамена
Наклонялись в третий раз.

И опять команда:
«В стремя!»
И война по всем краям...
Женщины!
Такое время
Надо славить сыновьям.

1931

60—63. *ПЕРЕЧЕНЬ ПРОФЕССИЙ*

1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИЙ

Счастли́в поэт. Поймал слова с поличным,
Поставил в ряд и тем прославил день...
Профессия влияет на обличье,
На вкусы и характеры людей.

По всем углам земли, косым и смежным,
В ряду с другими тоже ей дано
Огромное влиянье на одежду, —
Она его упрочила давно.

Имейте зоркий глаз, и станет лучше
Отборных слов широкая река...
Я узнаю тебя, веселый грузчик,
По красному прибою кушака.

Отсюда явственна стиха завязка:
Кушак и грузчик — двойственный союз.
Кушак — испытанная опояска,
Ремень — жесток, когда проносишь груз.

Другие век сидят под тополями
И славословят звезды без конца.
Рукопожатьем я определяю
Тяжелую работу кузнеца.

Слова, как жесть, краснеют от нагрева.
Расплавлю их, чтобы увидел я
И в темноте — насколько толще левой
Десница опаленная твоя.

...Умей любить, поэт, и ненавидеть,
Умей вести сигнальные огни.
Расспрашивай, когда глаза не видят,
И стань немым, когда кричат они.

2

АВИАТОР

Ты прошел небеса и не видел ни рая, ни ада,
Пил погибельный воздух и пустыню постиг.
Высоко поднимался, делал мертвые петли
и падал,
Земноводный по сути, неприкаянный еретик.
Разговорчивым будь.
Перечисли названия станций,
Реки лунных долин, перевалы, мосты.
Расскажи мне про всё — ты, видавший
протуберанцы
И глаза плотоядной луны протяженьем
в четыре версты!
Я не знаю заоблачной сферы. Я просто
Прочитал нерадивые книги и пошел
на вожжах, —
Я не знаю, поют иль кричат алконосты,
Как трясутся планеты при заоблачных мятежах.
Но земля — непреложна.
Словно жилы — далекие тракты.
Постоянен закон притяженья.
И дорога твоя
Обусловлена нынче никчемной повесткой
от жакта,
И письмом с иностранными штемпелями,
И причудами бытия.
Кто страдает от жажды?
Кроты и, конечно, деревья.
Крот прикован к земле,
Неподвижны деревьев стволы.
Ты, наверное, рвал на клочки
Постоянно ощеренный гребнем
Сноп тяжелой воды.
Точно так поступают орлы.
Называйте орлами — орлов!
Ветры спят на распутьях,
Над землею огромная туча
не дрогнет.
Утомительно ждем.
И тогда налетают орлы,

Разрывают ее на лоскутья,
Туча громом царапает воздух,
Ниспадая на землю дождем.
Впереди всех времен — авиатор.
Слово сделаю ладным,
Пожелаю удачи.
Ничтожную милость яви:
Если год этой службы почитается
за два,
Сколько лет проживешь?
Полтораста?
Ну что же —
Живи!

3

ПРОФЕССИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Где стонала Россия, где намертво падали плети,
Где кусок настоящей земли закрывался
замками болот,
Ты всегда находилась на особом учете столетий,
И прошла по земле, и сняла кандалы со свобод!
Есть слова исключительной силы (их не вымерить
и не взвесить),
Исполинская вьюга которых раскачала устои времен.
Революция выбила зубы двузначному ряду
профессий,
И любой день и час ее на века озарен!
Все видали (включая трехлетних),
Как летели несчастные святцы
Бесконечной геральдики, одичалой до бороды,
Как бежали профессии, над которыми надо смеяться,
Как вставали другие
И плотно смыкали ряды.
Скачут кони Истории — кто удержит ретивых?
Буря веет штандарты разноречивых племен,
И водителям бури известны
Все законы конспиративок,
Перемена пароля и отзыва
И система условных имен.

Волны песню качают мою,
Я хватаюсь за весла,
Заплываю в запретную зону
И слышу опасное «Стой!».
Никакие наружные признаки, отличающие ремесла,
Не подходят к этой профессии,
Самой сложной и самой простой.
Вот она — деревянная Русь!
Кто подкинет зажженную спичку
Под трехцветные флаги империи,
Распростертые в разных углах...
Три великих кита конспирации —
Явка, липа и кличка —
Проплывают, блестя гарпунами
Непрестанных засад и облав.
Здесь начало профессии, неспособной совсем
к перемирьям.
К черту пароотводные трубы!
Взрыв раздавит котлы.
Вся земля до Алдана и тяжелые реки Сибири
Вдвое легче по весу,
Чем наручники и кандалы!

От Алдана до Нерчинска смерть чинила допросы,
Смерть пытала, хлестала, размыкала ряды.
Как они умирали...
Позже так умирали матросы.
Так огонь умирает от большого напора воды.

Ветры, трижды от моря до моря эту славу развейте.
Громче славы могилы на Марсовом
И у древней стены Кремля!
Это их именами открывается книга Бессмертья,
Как от натиска Революций получает движенье Земля!

4

ПОЭТ

Реки обогнув и перевалы
И перечеркнув морей прибой,
Сотни слов застыли в интервалах,
Точно обозначенных тобой.

Временем таким встает затишье.
Только, чувства славы лишены,
Плакали столетники и вишни
От необычайной тишины.

Лето разнеслось цветеньем белым.
Яблони горели.
                    И лютей
Математики стучали мелом,
Няньки ненавидели детей.

Фининспектор этакое утро
Оценил, наверно.
                    А пока —
В коммунальной бытовая утварь
Явно продавалась с молотка.

И когда откинули засовы
Серые, что камни, сторожа, —
Ты сошла, Поэзия, весомой
Нá землю с шестого этажа.

Там стреляли в сердце из нагана,
День открылся длинной маятой.
Скучные Малаховы курганы
Заросли куриной слепотой.

Там несли заржавленные перья
Возле всех открытых словом рек
Мальчики, лишенные доверья,
Женщины, бесплодные навек!

Им всегда приходится лукавить,
Коль у нас былина и обряд.
Вон они не сердцем, а руками,
Как глухонемые, говорят.

Солнце! Снова будь прямым в ответе,
Отпусти невольные грехи,
Жили ведь когда-нибудь на свете
Люди, понимавшие стихи!

1931

64—68. *РЕВОЛЮЦИЯ*

(Пять стихотворений)

1

День, равный тысячелетью, тяжелые руки простер.
Приказ отдается ветру — сильнее разжечь костер.
Огонь — под каменный уголь, под склады
березовых дров.
Сейчас поднимается ветер, значительней всех
ветров,
Огню нипочем преграды, и ветер не ждет засад.
И к черту летит усадьба, и с ней — соловьиный сад.
Карательные отряды заходят от переправ,
И треск пулеметов равен великому треску трав.
Прекрасной стихии железа даются полки огня,
Анархии трижды подводят ее вороного коня.
И подняты над землею и мечутся в свет и мрак —
Черный флаг
и красный флаг.

2

Да здравствует Революция!
Товарищ, смотри не спи!
Удавом ползет Империя, на горло ей наступи!
Страшнее землетрясенья болотных законов зыбь.
Убей трехцветного гада и вырви ему язык!
И на три аршина в землю!
Пусть вырастет перегной!
Ненависть и жестокость идут дорогой одной.

3

Горят ливанские кедры, горит драгоценный дуб.
Оратор кричит с трибуны, и пена слетает с губ.
Долой носителей мрака! Миндальничать недосуг.
Оратор кричит с трибуны. Язык, словно рашпиль, сух.

Еще небеса спокойны. До них не коснулся гнев.
И тучи, как мериносы, проходят в небесный хлев.

4

Гудки не кричали утром. Забросил завод литье.
Хватай обожженной глоткой бессмертной травы питье.
Мы видели этим часом несметную силу лет.
Мы взяли траву бессмертник, сильнее которой нет,
И встали на баррикады — окраинная родня,
Ревнители этой славы и огненных крыльев дня.

5

Всё — именем Революции: на суше и на реках.
Мы знаем приказы штаба. Высоты в его руках.
Пусть взорваны телефоны. Декреты будут греметь.
Есть конные ординарцы, которых не тронет смерть!
И есть голубиная почта от штаба до баррикад!
И есть среди нас герои, которых боится ад!

1931

69. ГЕРМАНИЯ

1

Высокая ярость века всегда обжигает нас.
«Превыше всего Германия!» — стонал покоренный
Эльзас.
Идет образцовый фельдфебель. Никто не коснется его.
Замрите, сады Лотарингии! Германия выше всего!
Победа! Ликуйте, саксонки! Делите войну и досуг.
От Рейна и до Дуная немецкие гимны несут.
Ни сеять, ни жать, ни рыбачить! Другие ремесла даны.
И смотрит, прищурившись, унтер на дымное солнце
войны.
Команда ударила в зубы. Полки понеслись напролет,
И канцлер тяжелую руку французскому дню подает.

2

Бывает, что верноподданный от голода сам не свой.
Оркестры, веселой музыкой глушите голодный вой!
Кричит верноподданный: «Хлеба!» — «Эй, взять его
в батоги!
Мы знать ничего не знаем. Пусть кушает пироги!»
Смотрите, как сладко живется.
А ты, верноподданный, — лгун.
И бьют без отдачи и пляшут лихие винтовки драгун.
Идут именитые люди — пара за парой, в круг,
И стукает «толстую Берту» по жирному вымени Крупп.
Эге, подцепил красотку! Не бросишь ее, шалишь!
А «толстая Берта» плюется за семьдесят верст —
в Париж!

3

Бросай, обыватель, родину, жен и детей спасай, —
Германию давит за глотку великой петлей Версаль.
Собаки имперской выучки едва ль потеряют след,
И ярости репараций предела как будто нет.
Германия на коленях, и слава в ломбард сдана,
И с грохотом падает в море проклятий и слез волна.

4

Копить всегерманскую бурю и кровью найти права...
Наш голос через кордоны: «Германия, ты — жива??»
И нам отвечает Партия, и возглас ее высок,
И Красный фронт отвечает мильонами голосов.
Ротфронт — это вдох и выдох германских рабочих
масс.
И песня Красного Веддинга доносится до нас.
Ее поют комсомольцы. Она укрепляет шаг.
Ее распевает Силезия раскрытыми ртами шахт.
И волею миллионов, гремя открытой борьбой,
Гроза называет улицы именами идущих в бой!

1931

70. ОЙ, ШЛИ ПОЛКИ...

1

Ой, шли полки — больно на ногу легки,
Партизанская громада, разноцветные портки.

Шли врагов добивать,
Себе долю добывать!
От заплаты на заплату
Горе ноги свесило.
Ой, ходили сват на свата,
Брат на брата — весело!
И вот первоклассный
Взведен парабеллум.
В одних руках — красный,
В других руках — белый.
Клал пальцы на курок
Ярый ветер-сиверок,
Длинный, черный,
Чертом нареченный,
И рычал парабеллум
От утра и до утра,
И от страха стала белой
Синяя Звени-гора.

2

И поныне на вспомине
По-за Доном и Донцом:
У Звени-горы в долине
Повстречался сын с отцом.

Звезды, видя всё, страдали
И глядели на луну,
Звезды были как медали
За японскую войну.

Ветер шел походкой шаткой
По обеим сторонам...
Закрутил родитель шашкой,
Сын привстал на стременах...

3

Распустила хвост павлиний
Цвет-долина ровная,
И осталась в той долине
Долюшка сыновняя.

У тропиночки бросовой,
У куста-подножника,
Где на ветках вересовых
Стыли капли дождика;

Где горели медуницы,
Тихие и ясные,
Где волной лилась пшеница
Возле леса частого.

А полкам идти,
А друзьям тужить,
А врагам друзей
Всё равно не жить!

1931 или 1932

71—73. *ТРИ ПЕСНИ О ГРОМОБОЕ*

ПЕРВАЯ

Через долы, через ямы,
Через песенный прибой
Впереди бойцов упрямых
Шел могучий Громобой.

Десять сотен километров
Залегли по одному,
Десять бурь, четыре ветра
Преграждали путь ему.

Где кадрилью, где матлотом,
Где — в снегу, а где — в пыли,
Карабинчики-отлеты
Обошли кругом земли.

Шашка вострая дымилась,
Из винта летел огонь.
На конях сидит полмира,
Впереди всех Громобой!

Опускался вечер синий,
Тут гроза, и там гроза,
Подняла на нас Россия
Воспаленные глаза.

И, летя от боя к бою,
Думу думал командир:
«Что полмира Громобою,
Если надо целый мир!»

ВТОРАЯ

По Донцу и по Кубани,
По долине голубой
Партизанил, атаманил
Наш товарищ Громобой!

Шел от гая и до вира,
От сражений в новый бой.
На конях сидит полмира,
Впереди всех Громобой!

Сверху — небо голубое,
Снизу — красная земля,
Сбоку — шашка Громобоя
От Кубани до Кремля!

Светит солнышко рябое,
Птички звонкие поют,

Дорогому Громобою
Дирижаблик подают.

Прямо с ходу, прямо с маху
Остановлен старый бой.
«Дайте чистую рубаху!» —
Войску крикнул Громобой.

Командарм идет в каптерку,
Три звонка дают леса,
Громобой дает пятерку
И летит на небеса.

Распласталась злая сила,
Но у города Казань
Нет бензина, керосина,
Летчик крикнул: «Вылезай!»

Сверху — небо, снизу — озимь,
Перед ним — изба с трубой,
На чугунном паровозе
В Кремль заехал Громобой.

Миллион железных линий
Сразу свистнули в лицо.
И тогда идет Калинин
На парадное крыльцо.

Под ногой — медвежья полость,
Над главой — звезда горит.
«Поезжай в любую волость», —
Громобою говорит.

Громобой стоял красивый,
Сплюнул в чистую бадью,
Громобой сказал: «Спасибо!» —
Стукнул шашкой — и адью! [1]

---

[1] Прощай! (франц.). — *Ред.*

И теперь ищите светом
Имя волости такой,
Где бы был предсельсовета
Знаменитый Громобой!

ТРЕТЬЯ

Отошли раскаты грома
От долины голубой,
И держали путь до дому
Ты, да я, да мы с тобой.

Громобой потрогал темя,
Встал, как дуб среди полян...
«Ну, друзья, приспело время
Вынуть ноги из стремян...»

И сошли с коней артелью
Ты, да я, да мы с тобой
И сказали: «Очень дельно
Говоришь ты, Громобой».

Двести скатов-перекатов
Разлеглись во все концы...
Трое суток спали в хатах
Без просыпу молодцы.

В ряд легли боеприпасы,
На четвертый день — отбой.
Попросил спросонья квасу
И проснулся Громобой.

И выходит, ликом светел,
И вступает в новый строй:
Громобою в сельсовете
Дали явку в Сельмашстрой.

Возле дома над Кубанью
Дан старинке жаркий бой:
Молотилки и комбайны
Выпускает Громобой.

Снова он в труде артельном
В дорогом своем краю.
Все сказали: парень дельный,
Он в работе — как в бою!

Громобой стоял как бомба,
И, довольный сам собой,
Тут ни кратко, ни подробно
Не ответил Громобой.

Но за это под Кубанью,
Звонкой радостью полны,
Вмиг ответили комбайны,
Жнейки, веялки страны.

Но в ответ прошла прибоем
Вся ударная волна,
Песнею о Громобое
Отвечала вся страна.

1932

74

Когда мы в огнеметной лаве
Решили всё отдать борьбе —
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

По совести — другая думка
У нас была, светла как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме суши и морей
Забыли всё, что было можно
Забыть.
Забыли матерей.

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клок,

Пески и розовую глину —
Всё то, что звало и влекло.

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя *Ленин*
Как снова не произнести!

Всё было в нем:
                    поля, и семьи,
И наш исход из вечной тьмы, —
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

1932

75

Потомкам пригодится. Не откинут
Свидетельство мое земле отцов
О том, что не было ранений в спину
У нас, прошедших бурей молодцов.
Мы, сыновья стремительной державы,
Искровянили многоверстный путь.
Мы — это фронт. И в трусости, пожалуй,
Нас явно невозможно упрекнуть!
Мы знали наше воинское дело,
И с твердостью, присущей нам одним,
Мы нагрузили сердце до предела
Великолепным мужеством своим.
Была зима. А снег валился талым.
Была зима — и не было зимы, —
Всё потому, что досыта металлом
Расплавленным поили землю мы.
Как памятники, встанем над годами,
Как музыка — на всех земных путях...
Вот так боролись мы, и так страдали,
И так мы воевали за Октябрь!

1932

76

Каменной десницею Урала
Лютую неправду отведу —
Будто ты от горя умирала
В красном девятнадцатом году.

Где ж происходила эта кара?
Там, где Кама или где Десна?
Может быть, на Волге под Самарой?
Нет. В районе Волги шла весна.

Так в какой долине? Может, рядом
С тысячей развернутых полков,
Впереди негнущихся отрядов,
Гром которых сеял Примаков?

Нет. И в это время ты веселой,
Невредимою прошла в бою,
И встречали гулкие проселки
Свадебную молодость твою.

Ну, тогда, наверное, под Вяткой
Стыли пораженные края?
Нет, и тут как будто всё в порядке,
Всё в порядке, — заявляю я.

Яростной, упорной и огромной
Ты прошла и завладела всем.
Новая шинель. Четыре ромба.
Доблестные кони. Звездный шлем.

1932

77

Перед своей Страной Советов,
Перед землей горящих уст
Мы все ответственны, поэты,
За песенный тяжелый груз.

Дружки нам головы вскружили,
Опутал многих злой уют...
Какие песни мы сложили
И что на улицах поют?

Пора витийствовать, неряхи,
Чтоб в слове выступала соль.
Довольно Дуне-тонкопряхе
Ходить по городу босой.

Довольно этой доброй фее
Перед толпой друзей вилять,
Пусть купит платье Москвошвея
И в Летний сад идет гулять.

А мы пройдем большой оравой
И лирики веселый сноп
Перенесем через дубравы,
Через квартплату и озноб,

Чтобы за старой синей далью
Троп заводских и полевых
Лихое небо рвали парни
Клинками песен боевых!

1932

78. ДРУЗЬЯМ

Как будто дружбу укрепили,
И все пути в один сошлись,
Мы вместе ели, вместе пили,
В разлуке письмами клялись.
А ныне так: забыв лиманы,
Луга, долины, ковыли
И не за них подняв стаканы, —
Мы нареченных привели.
И, отдавая дань уютцу,
Мы пропустили мимо глаз,
Что наши песни не поются,
Что девушки не любят нас.
И мы стоим в толкучке комнат

И вдохновляемся с трудом.
А перед нами — день огромный
И каменщики строят дом.
Поэты мы иль не поэты,
Коль от семейных новостей
Так боязливо входим в этот
Мир песнопений и страстей?

1932

79. БЮРО ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОФЕССИЙ

Неважно кто — Иван иль Савва,
Идущие сквозь мрак и чад,
Готовят нам при жизни саван,
О смерти первые кричат.

У них от ложек и до ложа
Всё скрыто пылью городской, —
Ну, на Чайковской, предположим,
Ну, предположим, на Морской.

Они идут путем бедовым,
Чужие россыпи губя,
На свадьбах плачущие вдовы,
Похоронившие себя.

Идут по замкнутому кругу —
От бакалей в народный суд,
«Незабываемому другу»
В карманах ленточки несут.

И, злобу выразить не смея,
Но прибирая злость к рукам,
Они грозят бумажным змеем
Летящим в небе облакам.

Они свистят своим невестам
Совсем не то, что мы поем,
Они доподлинно известны...
Нет, черти, мы еще живем!

1932

80

Дальний мир, беззвучный и бесслезный,
Там, на немоту обречены,
В беспорядке отступают звезды
Малой и большой величины.
Отступленье — в середине лета,
Отступленье (вложен меч в ножны)
От Земли, имеющей поэтов,
Для которых звезды не нужны!
Звезды рвут связующие нити,
Пропадают в предвечерней мгле.
Я кричу вовсю: «Остановитесь!
Мало ли загибов на земле!»
Сколько их таких? Ну, может, двести,
Съевших по головке белены,
Руку простирающих на песню
Мелким объявлением войны.
Им ли усыплять под хлороформом
Общую земную красоту? . .
Если звезды стали ниже нормы,
Можно их поднять на высоту!

1932

81

Опять над миром сильный ветер
Гнетет убогие сады,
Опять я никого не встретил
У замерзающей воды.

Опять кому-то не потрафил,
Пересолил, перекричал
И у семейных фотографий
Не веселился, а скучал.

И я нашел другое место,
Там, озаряя голый лес,
Луна, что каменное тесто,
Ползет на тонкий край небес.

И там, живой и настоящий,
Я вижу сизую волну
И звезд потухших и горящих
Междоусобную войну.

И я клянусь отрезком суши,
Держащим камни-валуны,
Что вышибу кривую душу
Окрест лежащей тишины,

Чтоб над большим отлогим краем,
Не удивляя никого,
Летели молнии, пылая,
Как в день рожденья своего!

1932

82

В первоклассных песнях прогремела
Вся моя громадная родня:
Матерщинники и староверы,
Черные от дыма и огня.

Тучи шли на землю. Что им тучи,
Если полтора часа езды
От воды шатучей до падучей,
Синей, неприкаянной звезды!

Так и жили на земле просторной,
Там, где, руки свесив до оград,
Высшая черемуха простерла
От земли до неба белый плат.

Тополя веселые кричали:
«Выше сердца падает роса!»
Длинными, бессонными ночами
Яблони взвивали паруса.

Кровь свистела в жилах — вплоть до гроба,
Проклиная землю и любя,
До ста лет стояли, как сугробы,
Падали, ликуя и скорбя.

И родных легка была утрата.
Я в такую не войду молву.
Я — светлее. Ни в отца, ни в брата.
До полсотни, может, доживу.

1932

83

Над моей окрайной небо ниже,
День суров, а светлый вечер тих.
Я живу вдали. Когда увижу
Великолепных родичей своих?

Младших братьев — токарей по хлебу,
Незнакомых с горькою молвой,
Дядю, подпирающего небо
Непоклонной головой.

Вот он, древний идол из Олонца,
Красногубый, темный и сырой.
У него в гостях сегодня солнце
Село в красный угол, как герой.

Берег. Лодка. Парус из брезента.
Дом, где могут накормить лещом.
Стол, покрытый «Красною газетой»,
Солнце красное.
Чего ж еще?

Истекают сроки перерыва,
На земле и на воде — страда.
Плещет вдаль, укачивая рыбу,
Легкая, бескрайняя вода.

Ива наклонилась над водою,
И далекой иве говорю:
«За большую песенную долю
Я сегодня мир благодарю».

1932

84

Не слышно родичей в помине,
Тех, кои были так добры,
Что сели в мох при Катерине,
При Павле вышли на бугры.

Земля не досыта кормила
Великих предков.
                    Но в ладах
Они прошли садами мира,
Не тронув яблока в садах.

Вожак — и тот, седой от страха,
Вел песню рода впереди,
И борода его, как плаха,
Лежала плотно на груди.

Кричали женщины: «Доколе
Гореть лицу и жить в слезах?»
Телеги ныли. Ржали кони.
Качались люльки на возах.

Пришли. Раскинули одонья.
Сломали белоногий лес.
Вожак трясущейся ладонью
Дотронулся до тьмы небес.

И хлынули дожди потоком
Над мертвым сборищем людей,
И до всемирного потопа
Недоставало трех недель.

И было душно, как в малине.
Ни вех, ни троп, ни колеи...
Так сели в мох при Катерине
Святые родичи мои.

1932

85. ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ КОМИССАРА

По лугам, по чернолесью
Разлеглась страна,
Как на той на стороне
На войне — война.

Как на той на стороне
На беде — беда.
Впереди стоят леса,
Позади — вода...

Только ветер ледяной,
Только вой волков,
Только конь вороной,
Только стук подков.

По суглинкам, по пескам
Да под пулями
Комиссар спешит к войскам
Вровень с бурею.

Яростны на нем и вечны —
Ненавистные врагам —
Крылья звезд пятиконечных,
Шлем, кожанка и наган!

Ветер. Ночь. Конь. Песок.
А в начале дня
Семь зеленых молодцов
Брали в плен коня.

То не сено в копне,
Не котел в углях —
Атаман сидит на пне
В сорока ремнях!

Атаман на пне верхом,
На восток лицом.
Набивает трубку мхом,
Мелким вересом.

На него в такую пору
Не смотри, не зри.
Он пускает дыма гору
Из одной ноздри.

Он блестит, как гусь хвалёный
На воде речной.
Доложил ему зеленый
Про поход ночной.

«Атаман, — сказал он, — шляхом
Шлялись семь ворон.
Красный гриб широкошляпный
К нам попал в полон».

Атаман сидит, как лунь:
«Ну, попался, грач!»
Позади его холуй,
Впереди — палач.

«Я давно задумал думку —
Класть грибы в гробы.
До твоей глубокой лунки
Пять минут ходьбы.

Награжу тебя тесьмой
Крепкой, хо́леной.
Ты свезешь мое письмо
В штаб Духонина».

Комиссар сказал: «Челдон,
Принимаю смерть. . .
Обо мне Москва и Дон
Будут песни петь,

На беседах, на собраньях
Будет плакать медь,
О моей разлуке ранней
Будет гром греметь!»

1932

86. ПОВЕСТЬ О ДВУХ БРАТЬЯХ

1

Ради войн и ради мира,
Ради радости своей
Мать вспоила и вскормила
Двух высоких сыновей.

Старший сын не знает равных.
Ноги — бревна. Грудь — гора.
Он один стоит, как лавра,
Посреди всего двора.

Со двора на раздорожье
Он выходит, как война.
У него усы — что вожжи,
Борода — что борона!

Дом углами в бурю вклинен,
До войны подать рукой.
Лагерь белых при долине,
Лагерь красных за рекой.

Старший сын судьбу ломает,
Как рублевую свечу,
Шашку вострую снимает,
Надевает епанчу.

Уговоры бесполезны.
Он садится на коня.
На плечах его железных
Два оплечные ремня.

Небо в синяках и тучах,
Ветер рвет из-за угла.
Мчится полем конь летучий.
Конь и всадник. Ночь и мгла.

2

Ради войн и ради мира,
Ради радости своей
Мать вспоила и вскормила
Двух высоких сыновей.

Младший сын — любезный друг —
Семь желанных любит вдруг!
Даст минутное словечко —
Щеки рдеют пять минут.
Он одной несет колечко,
А другие сами льнут.

Он как выйдет вместе с ветром,
Вместе с тучей проливной,
Как ударит шапкой светлой
В знаменитый шар земной,

Как ударит да пристукнет
Подкованным каблучком, —
Ветер сразу, как преступник,
В ноги валится ничком,

В ноги тучам, граду, грому,
В ноги конченому дому.
Дом углами в бурю вклинен,
До войны подать рукой.
Лагерь белых при долине,
Лагерь красных за рекой.

Младший сын судьбу ломает
Ради мира и войны,
Шашку вострую снимает
С бел-муравчатой стены.

Звезды в синем небе блещут,
Он садится на коня.
На больших его оплечьях
Два суровые ремня.

В мертвых зарослях осоки
Ночь железная легла,
Мчится полем конь высокий.
Конь и всадник. Ночь и мгла.

3

Сидит ворон на дубу,
Зрит в подзорную трубу.
Видит тысячу голов,
Видит тысячу воров.
И с другими на виду
Старший сын идет в ряду,
И сияют на ворах
Медь и олово в орлах!
Сидит ворон на дубу,
Зрит в подзорную трубу.
За рекою видит он
Войска полный миллион.
Вдоль реки идут поротно
От утра и до утра,
И в огромные полотна
Веют красные ветра.
Вьется дым. А за дымком —
Младший сын перед полком,
На коне своем веселом
Младший сын перед полком.

4

Сидел ворон на дубу,
Поворачивал трубу.
Видит — дома нет в помине,
Горе едет на возах,
Видит — поле всё в полыни:
Это мать прошла в слезах!

1932

87. ПЕСНЯ

Давай споем бывалую,
Без песен умрешь.
Здравствуй, Дон Иванович,
Как ты живешь?

Как ты живешь,
За кем, брат, слывешь,
Сладко ль, Дон Иванович,
Ешь и пьешь?

Дон горит, как свечка,
Эх, время-времена,
Звякают уздечки,
Поют стремена.

Лётом, перелётом
Через поле до горы
Крой пулеметом
До поздней поры.

Вылетели конники
С поля на холмы.
Кто пойдет в покойники —
Вы или мы?

1932

88. ВСТУПЛЕНИЕ

Года растут и умирают в этом
Растянутом березовом краю.
Года идут. Зима сменяет лето
И низвергает молодость мою.

Я стану горьким, как горька рябина,
Я облюбую место у огня.
Разрухою основ гемоглобина
Сойдет лихая старость на меня.

И, молодость, прощай. Тяжелой пылью
Полки ветров сотрут твои следы,
И лирики великие воскрылья
Войдут в добычу ветра и воды.

И горечь трав и серый дым овина
Ворвутся в область сердца. И оно,
Распахнутое на две половины,
Одним ударом будет сметено.

Мы на земле большое счастье ищем,
И, принимая дольную красу,
Я не хочу, друзья, остаться нищим
И лирики немножко запасу.

1932

89

Я обладаю верным даром
Так направлять веселый стих,
Чтобы не чувствовать ударов
Тщеславных недругов своих.

У них несчастная эстрада
Стоит, как мертвая вода,
А на моей земле Отрада
Не отцветала никогда!

Живи, мой вымысел, и странствуй,
И припадай, как человек,
К берез зеленому пространству,
К обилию счастливых рек.

Так от предгорий на лядины
Меня ведет — к мольбе глуха —
Огненнокрылая радúна
К высоким помыслам стиха.

1932

90

Сверху видеть мир, хотя бы с тучи,
Низким бытием не дорожа.
Миллионы видят мир цветущий
С высоты седьмого этажа.

К черту тротуарные овражки,
Бурей разоренные дотла,
Неба клок величиной с фуражку,
Коль земля просторна и светла!

И не в этом, так в столетье в новом,
Через два столетия должны
Проложить пути в долины грома —
От Земли хотя бы до Луны.

Вдаль смотрю, сомнения рассеяв,
Жаль, что не дождусь такого дня...
Я об этом рассказал соседям,
И они не поняли меня.

1932

91

Кровью сердца в час необычайный
Объявил я зависти войну.
Полюбил навеки беспечально
Огненно-раздольную страну.

Разве ты не огненная,
                    разве
О тебе не думают цветы:
Кто такая, красная, как праздник,
В музыке и громе?
                    Это ты?

Выше туч, раскинутых над морем,
Молодых коней твоих дуга.
Триста тысяч дорогих гармоник
Выбегают утром на луга.

Мало? И тогда под ветром, бьющим
Камни, глину, мелкие леса,
Грудь морей, великих и поющих,
Поднимает к небу голоса.

Мало? И тогда, в чаду туманов,
Никогда не видящие снов,
Не моря уже, а океаны
Потрясают землю до основ.

...Нет отбоя горестям повальным,
Но непоправимая беда,
Если про мое существованье
Ты совсем забудешь.
И тогда

Покачнутся комната и вещи,
И ударит в ближний угол гром,
И меня заденет ворон вещий,
Черный ворон — дьявольским крылом.

1932

92. ВСТУПЛЕНИЕ В КОЛХОЗ

1

Утро. Чашки и стаканы.
Угол острый и тупой.
Утро. Ходят тараканы
Невеселою толпой.

Черные — земле подобны, —
Войско всех запечных стран.
Их ведет большой, недобрый,
Самый старый таракан.

Через пестрые обои,
Через пыль, через золу
Он ведет их к водопою —
К луже грязной на полу.

Будто иначе нельзя им
В доме Гладина Петра.
Напились.
                Встает хозяин.
Утро. Семь часов утра.

Он кафтан, пробитый молью,
Надевает, как батист...
Скука.
        Тешится подполье
Пеньем двух домашних птиц.

2

День прошел. Товарищ Гладин
Сел за стол, как за престол,
Постучал, приличья ради,
Указательным перстом.

И его встречают бранью,
Пустяковым злом своим
Лавок сонное собранье,
Потревоженное им.

Пол-избы забрала печка,
Мелочь вытеснив плечом...
Вечер.
        Лампой скоротечной
Скупо Гладин освещен.

Как на карточке батальной,
Встал. И снова сел к огню.
Тут его жена Наталья
Подает ему меню.

За окном Европа тает,
Азия — венком красы.
Гладин Петр меню читает,
Закрутив вовсю усы!

Кончил. Жестом командира,
Непреложным, как закон,

На картофеле в мундирах
Вдруг остановился он.

3

Я стараюсь видеть точно:
Гладин лег в постель здоров.
Ночь прошла обычной ночью,
Сократив дела миров.

Всё ж она была рабочей.
И от часу до пяти
Шел ремонт крутых обочин
Верхнемлечного пути.

Звезды, как златые деньги,
Падали в теснины рощ.
Тяжких валунов паденье
Было зримо в эту ночь.

4

Утром встал товарищ Гладин,
Сел за стол, как за престол,
Постучал, приличья ради,
Указательным перстом.

Он следит за синей далью,
Думу ловит на корню.
Тут его жена Наталья
Подает ему меню.

В этот миг изба хромая
Затряслась, как пулемет.
Он меню не принимает,
Хлеба в руки не берет.

Нет. Он лодкой новой правит.
(Пусть свистит девятый вал!)
Гладин, зная свой регламент,
Краткий митинг открывал.

5

По столу, как по баллону,
Стукнул.
Вызвал шум берез.
«Хватит жить черней вороны! —
Образно он произнес. —

Хватит, выражаясь грубо,
Грязь, как золото, копить.
Хватит, милая супруга,
Тараканью воду пить!

Вот приказ. Подписан мною
(То есть Гладиным Петром):
«Гладину Петру с женою
Предлагается:
нутром

Воспринять эпоху жизни,
Строй непобедимых лет.
Солнце нам лучами брызнет,
А иначе жизни нет!

Перемыть горшки, стаканы,
Окна протереть мешком,
Истребить всех тараканов
Злым персидским порошком».

Кратко перейдя к вопросу,
В нынешний политмомент,
Словом — мы нужны колхозу
Как упорный элемент!»

6

Кончил и, судьбу покинув,
Он пошел рубить дрова...
За окном шумят рябины,
Под окном бежит молва.

1932

93. ПЕСЕНКА

Жара стучала в градусы
И жгла траву огнем,
Я шел к девчонке радостной
Таким смятенным днем.

Я поднимался лесенкой
Тесового крыльца
И про́клятую песенку
Дослушал до конца.

Легла тоска кипучая
У тоненьких столбов.
Девчонка пела:
«Скучная
У нас с тобой любовь.

В ней ни звезды, ни месяца.
Ты, сумрачный, проверь:
Я окна занавесила,
На ключ закрыла дверь. . .»

Я вышел, спотыкаясь,
И ветер песни смолк.
И я проверил (каюсь)
И окна и замок. . .

1932

94

Мы потрясаем мир. По нашему веленью
Седой ордой раскинулась вдали
Гроза как постоянное явленье,
И спать уже не могут короли!

У каждого на столике аптека,
И, сигнатуры двигая впотьмах,
Британия не может спать.
Потеха!
Бессонница свирепствует в домах.

Идет борьба труда и капитала,
Но, вскинув до луны остатки дня,
Земля не вся достаточно впитала
Потребное количество огня.

И старый мир, туманами объятый
И мщения раскинув реквизит,
Под натиском колонн пролетарьята
В агонии скрежещет и грозит.

1932

95. В ПРАЗДНИК

На деревню Новый Мост
Вышел парень в полный рост,

Краснощекий, полнокровный...
И, короче говоря,
Шапка парня стоит ровно,
Ровно двадцать три рубля.

Вдоль по улице разгульной
Никаких таких морок,
И висит, пришитый к тулье,
Магазинный номерок.

Парень — в тройке, машет веткой,
На руке — часы-браслетка.
Никли солнечные нити.
Девки шли сквозь синий чад.
«Ради бога, извините,
Но который нынче час?»
— «Четверть первого».
— «Мерсите!
Нет спасенья от росы...
Вы и в будни выносите
Ваши верные часы!»

«Кто такой? Откуда родом?
Кто прокрался к нам лисой?

Кто смеется над народом
Завлекательной красой?

Где исток ветвей зеленых
Роду-племени его?»
Отвечала всем Алена
За себя и за него:

«Что за слух идет в народе,
По углам звенит косым?
Это ж Ваня Воеводин,
Дяди Власа бравый сын.

Он работал в Петрограде,
В чужедальной стороне,
Вот он весь, как на параде,
Завтра сватов шлет ко мне».

Солнца золотой опарник
На затоне волны бьют.
Всё в порядке. Пляшут парни,
Девки песенки поют.

Не жалеют ярких красок,
Голосить не устают.
О нарядном сыне Власа,
О любви они поют.

1932

96. ОТМЕНА ПРАЗДНИКА

Все ли знают, что в Покров
По дешевке ходит кровь?

1

С низких путаных небес
В мертвую осень
Опускался мелкий бес
По имени Осип.

Был отчаянным и смелым
Путь единственный его,
И давленье стратосферы
Не влияло на него.

И его едва-едва,
Черного, как вьюшка,
Приняла одна вдова
По имени Нюшка.

Вот могучая семейка!
Черт гремит, как ундервуд,
И по крашеным скамейкам
Две квашни к нему плывут.
Черт в широкую квашню
Сунул правую клешню.

Затряслась сережка в мочке,
Забродило пиво в бочке!
Сунул в новую квашню
Черт и левую клешню.

Заходила половица,
В пляс ударилась вдовица,
В новой бочке очень бойко
Ходит пена русской горькой.

А наутро, улыбаясь,
Лаками отклокотав,
Желтая и голубая
Вывеска гласила так:

«Торговля готовым
вином и платьем
ОСИПА ЧЕРТОВА
И
АННЫ СИЛАНТЬЕВОЙ».

2

Праздник был окутан мраком
(Так вещает протокол),
Кое-где гремела драка,
Был повален частокол.

На житье семи тальянок
Был поставлен общий крест,
Все ребята были пьяны,
Лишь Иван Степанов трезв.

Он, как доблестный оратор,
Сгоряча клеймил народ.
Он, как модный литератор,
Всё записывал в блокнот:

«Вырвано до тридцати растений.
Три ничтожные стекла
Выбиты в порядке прений...
Кровь, как водится, текла.

До десятка рам оконных
Захотели в землю лечь,
До восьми рубах суконных
Были срезаны до плеч.

Духота, смердя, парила,
Мертвое крыло влача...
И лежали, как перила,
Оба брата Лукича.

Женщины, как истуканы,
Разбежались по лесам...»
Ну и хват Иван Степанов,
Как он ловко записал!

Девчонки, прогремите всласть
Молочными бидонами, —
По слободе идет совласть
В лице В. И. Дадонова.

Глядя на такие раны,
Он качает головой,
Впереди его гортанный
Клич разносит вестовой:

«На собрание, гражда́не
(Прямо в руки крик идет),
Торопитесь, чтоб не ждали
Те, кто первыми придет».

8

Так благодаря старанью
Собирались стар и мал.
Это важное собранье
Сам Дадонов открывал.

«Граждане, — сказал он глухо, —
От ударов кирпича
Почитай совсем как трупы
Оба брата Лукича.

До десятка рам оконных
Вынуждены в землю лечь,
До восьми рубах суконных
Были срезаны до плеч.

Неужель в воде болотной
Иль в грязи колодой гнить?
Предлагаю всенародно
Этот праздник отменить».

Он глядел, как Гарибальди,
Шел с козырного туза.
Женщины, как по команде,
Поднимали руки «за».

За отмену Покрова,
За измену Покрову!

«Отменяем. Будет лучше.
Совестно смотреть в глаза».
Пятьдесят мужчин непьющих
Поднимали руки «за».

1933

97. КАК ВО НАШЕЙ ВО ДЕРЕВНЕ...

Как во нашей во деревне,
Молодой и быстроногой,
Как во нашей во деревне
Много разных новостей.

Во-первы́х, мне сообщает кровная моя родня,
Что старик Степан Булдыгин умирал четыре дня.
Умирал — и всё ж не умер и, хотя лежал в гробу,
От всего большого сердца проклинал свою судьбу!
Вкруг него чадили свечи, ладан жгли во всех углах,
Несмотря на это старец всё ж не обращался в прах!
Ночь четвертая. Читали четное число молитв.
И тогда Степан Булдыгин: «Дайте водки!» — говорит.

И восстал, подобный глыбе,
Топнул правою ногой,
И сказал тогда Булдыгин,
А не кто-нибудь другой:

«Душно в саване поганом!..
И, чтоб мир в красе вернуть,
Дайте водки два стакана
И натрите перцем грудь!»

*

Как во нашей во деревне,
Возмужалый от побед,
В голубом поповском доме
Заседает сельсовет.

Возгласы идут:
— Допустим!
— Предположим, что...
— Да-да...
Протокол ведет Капустин —
Сокращенно, как всегда.

Слушали:
«Матвей Никитин

Безусловно и давно
Обвиняет в волоките
И в разрыве районо».

Порешили:
«Да, оторван
Районо.
Считать виной.
Выяснить, откуда тормоз,
Поручаем Фоминой».

Снова возгласы:
— Допустим!
— Предположим, что...
— Да-да...
Протокол ведет Капустин —
Точно.
Ясно.
Как всегда.

*

Как во нашей во деревне
Да на каменном мосту,
На высоком, на счастливом,
Девки водят хоровод.

Ударяют классно в камень —
И чем звонче, тем верней
Машут белыми платками
И зовут к себе парней.

При безветренной погоде
Парни им несут покор.
Очень быстро к ним подходят
И заводят разговор.

Самый верный и уместный,
Чтобы деву покорить:
«Ах, какие вы прелестны, —
Начинают говорить. —

Не встречали вас милее
Ни в долинах, ни в домах...»
Девушки, красу лелея,
Отвечают:
«Что вы, ах!

Ах, проверим вас на факте,
Ваш обычай и обряд.
Ой, да бросьте, ах, оставьте,
Не лукавьте», — говорят.

*

Я стучу условным стуком,
Называю имена...
Здравствуй, радость и разлука.
Дорогая сторона!

1933

98

Василий Орлов перед смертью своей
Квадратных, как печи, созвал сыновей.
За фунт самосада и двадцать копеек
Десятский прошелся печальным послом.
Десятский протяжно кричал у дворов:
«Совсем помирает родитель Орлов».
Как ступят — так яма,
пройдут — колея, —
К Василью Орлову пришли сыновья.
Сквозь краски рассвета, сквозь синюю мглу
Все видят родителя в красном углу.
Лежит, безучастный к делам и словам,
Громадные руки раскинув по швам.
Садятся на лавки широкого свойства,
И в кровь постепенно вошло недовольство.
И старший зубами на мелкие части
Рвет связки предлогов и деепричастий!
И вновь тишина. И, ее распоров,
Сказал: «Умираю, — Василий Орлов. —
Походкой железа, огня и воды
Земля достает до моей бороды.

Смерть встала на горло холодной ногой,
Ударила в спину железной клюкой;
Уже рассыпается кровь, что крупа.
Умру — схороните меня без попа.
Чтоб сделаны были по воле моей
Могила просторней и гроб посветлей!
Чтоб гроб до могилы несли на руках,
На трех полотенцах моих в петухах!
Чтоб стал как карета мой гроб именной,
Чтоб музыка шла и гремела за мной!»

1933

99. СВАДЬБА

В кисее и в белой вате
Спит невеста на кровати.

Спит и видит сон заветный.
Рядом с нею, к славе глух,
Младший брат сидел и веткой
Прогонял с невесты мух.

Он, не видевший науки,
Свято чтит завет отца,
Что летающие мухи
Очень портят цвет лица.

*

Вдруг невеста встала бойко,
Села, не умыв чела.
Младший брат оправил койку,
Дева плакать начала.

Причитает: «Ах, не мучьте,
Ах, не делайте надсад,
Потому что очень скучно
Покидать цветущий сад».

Тут она срывает со стены фотографию жениха, опять садится на стул и причитает:

«Ах, да ты злодей и соглядатай,
Кто тебя нашел в лесу,
Умоляю, ах, не сватай
Нашу девичью красу.

Ах, да ты зачем крутился белкой
И нанес красе урон?»
Слезы капают в тарелку
Очередью с двух сторон.

*

Вся родня сидит в запое
Вкруг соснового стола.
Мать неслышною стопою
К юной деве подошла.

И ведет, как на картине,
Дочку в горницу она,
И невеста в середине
Всей родней окружена.

Тут отец грохочет басом
Той невесте умной:
«Думно ли идти за Власа?»
Отвечает: «Думно!»

*

Поздний вечер брови хмурит.
Лунный свет в окно проник,
И тогда в грозе и в буре
Появляется жених.

Входит каменным надгробьем —
Целой волости краса,
Деревянным и коровьим
Маслом пахнут волоса.

Он качается, как идол,
На раздолье черных волн,
И к нему, страдая видом,
Подбегает женский пол.

И ему несут второе,
Пирогов горит гора.
Все приветствуют героя
И кричат ему: «Ура!»

А невеста снова плачет:
«Ах, не делайте надсад,
Вы не знаете, что значит
Покидать цветущий сад!»

Ей в ответ, от водки бурый,
Сват пятидесяти лет:
«Замолчи скорее, дура.
Никаких садов тут нет.

Ни увядших, ни цветущих,
Прожил век, не видел сам,
Кроме чертом сбитых в кучи
Волчьих ягод по лесам».

*

Ночь цветет своим моментом,
Всё затихло там и тут,
Только вениками в лентах
Девки улицы метут.

1933

100. ПРОВОДЫ В КРАСНУЮ АРМИЮ

Ночью темной и нездешней
В обстановке мирных зон
Молодой вдове Надежде
Вдруг приснился вещий сон.

Что ж, не знающей нагрузок
И заброшенной в постель,
Снилось гра́жданке Союза
Суверенных областей?

Ей приснились: день осенний,
Клочья дыма и огней,
Что в распахнутые сени
Входят пятеро парней.

На ремнях сидит одежда,
По-армейски стали в ряд.
«Ну, прощай, вдова Надежда,
Будьте счастливы, как прежде», —
Ты и *вы* ей говорят.

Две гармоники заныли
Про порядок боевой.
Кони черные, шальные
Понеслись по столбовой...

Тут она проснулась. Видит —
Перебежкой за плетень
В праздничном, нарядном виде
Наступал белесый день.

*

По кустам, по перелогам
Вьется дальняя дорога,
Вьется, крутит, и по ней
Ходят пятеро парней.

Пятеро больших, дородных
Ходят чинно, благородно.
Пять гармоник на плечах,
Как цветы на кирпичах!

Загремела медна мера,
Заревела тетя Вера.
Мы сказали тете Вере:
«Тетя Вера, не реви!»

*

Избы с выморочной дранью
Видели восход веков.

Впереди всего собранья
Шли отцы призывников.

Сзади матери в обновах
Расцветали и росли,
Перед ними все Смирновы
Лампы «молния» несли.

Сели, возгласу покорны,
Скопом лет, бород, седин,
Шесть ораторов отборных
Выступали, как один.

Им ответил мимолетно,
От волнения устав,
Е. Доронин, шедший в летный
Красной Армии состав.

«Матери, — сказал он, — милые,
Продолжайте славно жить,
Будем мы родному миру
Так работать и служить,

Так поставим наше дело,
Обрубив постромки зла,
Чтоб земля в цветах летела
И садами заросла!»

*

Через час на перегоне
Знала родина моя,
Что откормленные кони
Мчались в дальние края.

И на площади покатой
Ветер, черный как смола,
Перевертывал плакатов
Красноликие тела.

1933

101. ПО ДОРОГЕ ВЕТЕР ВОЛЬНЫЙ...

По дороге ветер вольный, а тропы левей
На пригорке сидит девка молодых кровей.
Оренбургский плат повязан по-девичьему,
Кашемировое платье всё на пуговках.
Косоплетка голубая шириной с ладонь.
Лишь один изъян у девки, что нога боса.

Подходил такой-сякой убогий странничек:
«У тебя, должно быть, краля, не скупы братья́.
Берегут тебя, жалеют, по всему видать.
Попроси ты их еще раз сапоги купить».

Отвечала красна девка на такой вопрос:
«По всему видать, что мастер ты отгадывать.
Кашемировое платье дал мне старший брат,
Оренбургский плат мне выдал младший брат.
Одарили, не жалели, и спасибо им.

Полсапожки обещал мне выдать средний брат.
Старший брат-большак в рыбаках слывет,
А меньшой братенник любит плотничать.
Ну, а средний брат —
Всё парад несет,
Всё парад несет,
Всё ружьем трясет.
Думу-думушку
Про себя таит,
Часто пишет мне:
На часах стоит.
Как от этих от часов
Отодвинут мрак,
В середину циферблата
Вторнут красный флаг.
Он горит великой кровью
Из открытых ран,
И показывают стрелки
Ровно на пять стран.
К тем часам идут подчаски,
Часовые вслед,

И часы, старик, заводят
Один раз в сто лет!
Гири спущены
Во сыру землю́,
Бой от этих часов
По всему миру́».

1933

102. МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нате!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Всё готово к нападенью,
К бою насмерть...
                                        И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,

С бомбой падает в века.

Мир ломается. И ветер

Давят два броневика.

1933

103. ВЕЧЕР

Уже вечерело.

Горело и гасло

В лампадках простых деревянное масло.

Туман поднимался от мертвых болот.

Седая старуха сидит у ворот.

Она — представителем всей старины.

И красные губы ее сожжены —

Дыханием солнца и летней страды,

Дыханьем великой и малой воды.

Да здравствует вечер!

Без всяких приманок

Уселись у ног голубые туманы.

Старуха сидит с голубыми гостями,

Старуха своими живет новостями.

И щурится левым, готовым ослепнуть,

И рот раскрывает великолепный.

И падает слово, как дерево, глухо.

Какую запевку заводишь, старуха,

Былину какую вечерней порой?

«...Мой сын — Громов Павел — великий герой.

Всемирная песня поется о нем,
Как шел он, лютуя мечом и огнем!

Он (плечи — что двери!) гремел на Дону,
И пыль от похода затмила луну!

Железный нагрудник — радетель отваг,
Папаха — вся в звездах, и конь — аргамак!

Конь гнется, что ива, в четыре дуги...
«Где Громов?» — истошно кричали враги.

Светящейся саблей, булатной, кривой,
Ответил им Пашка — орел боевой.

«Эй, дьяволы, — крикнул, пришпорив коня, —
Вы знаете притчи получше меня.

Известно ль дроздовцам, что лед не сластит,
Блоха не глаголет и рак не свистит?»

Бойцы подивились тогда... Голова!
И приняли бой, повторяя слова:

«Известно ли белым, что лед не сластит,
Блоха не глаголет и рак не свистит?»

И врезались в бой человеческой гущей,
И кровь завертелась сильнее бегущих.

И падали люди, как падают камни.
...Где нынче идет он, далекий и давний,

С блестящим наганом и плеткой витою?..»
Старуха встает надмогильной плитою.

Туманы и тучи идут наравне,
И стелется песня по красной стране.

1933

104

Я хожу, крушусь, радею —
Потеряла перстенек.
Горевала млада неделю
И еще один денек.

Обломала куст калины,
Девятью кругами шла,
Обходила всю долину,
Но колечка не нашла.

Встану я у края неба
На забавные цветки,
Свой платок, белее снега,
Разорву на лоскутки.

И пойду путем обратным
Мимо сада, вся в слезах,
Безымянный, безотрадный
Лоскутком перевязав.

Выйдет мамка-нелюдимка,
Спросит, грусти не тая:
«Где страдала, где ходила,
Пропадала, дочь моя?»

Я отвечу, что не вспомнить,
Где ходила, где была.
Укололась о шиповник,
Кровь недавно уняла.

День уходит к новоселам.
Будь что будет. Всё равно.
Парень тросточкой веселой
Стукнул в крайнее окно.

Что ж, расспрашивай, удалый,
Отними совсем покой:
Где ходила, где страдала
С перевязанной рукой?

В небе звезды, словно свечи,
Смутно теплят грусть свою.
Я по всем статьям отвечу,
Ничего не утаю:

«Я ходила там, где не был
Ни один из тьмы людей,
Там дубы стоят до неба,
Ходит огненной метель.

Там, себя во всем проверив,
Переняв дары утра,
Голубой пололи вереск
Многоцветные ветра.

Яблони, набухнув соком,
Верили в добро и зло.
И по радуге высокой
Солнце на землю сошло.

Я великое участье
Раскидала щедро там
Умирающим от счастья
И восторженным цветам...»

1933

105. О ЗНАМЕНАХ

Полземли обхожено в обмотках,
Небеса постигнуты на треть.
Мы тогда, друзья и одногодки,
Вышли победить иль умереть.
Выступили мы подобно грому,
А над нами, ветром опален,
Полыхал великий и багровый,
Ярый цвет негаснущих знамен.
Пули необычные, с надрезом,
Спорили с просторами полей.
Мы гремели кровью и железом
Лютой биографии своей.

Умирая, падал ветер чадный,
Всё испепеляя, гибла медь,
Но знаменам нашим беспощадным
Не дадим, товарищи, истлеть.
Все они проходят в лучших песнях,
Достигая звездной высоты.
Если их поставить разом, вместе,
Не было б истории чудесней,
Не было б сильнее красоты!

1933

106

По волнам, по дням, по перекатам
Взорванной воды и облаков
Мы большой дорогою заката
Плыли вдоль высоких берегов.
Лес гремел веселою оравой,
Полумрак раскинулся гнедой.
И легла краса в зеленых рамах,
Названная некогда водой.
Небо, выйдя вдоволь бестолковым,
На семи покоилось морях.
Облаков тяжелые подковы
Высекали молнии в камнях!
Клены длиннополые, как сваты,
Крепко спали головами врозь.
Сосны, обращенные к закату,
Были ясно видимы насквозь.
Вечно б шла безмолвная беседа.
Для раздоров не было б причин.
Не тогда ль сосед сказал соседу:
«Хватит разговоров. Помолчим!»

1933

107. СЛЕВА — ПОЛЕ

Слева — поле, справа — поле,
Впереди затон.

Едут, едут комсомольцы
На родимый Дон.

Напоили славой воздух
Боевые дни.
На папахах блещут звезды,
На плечах ремни.

Эх, немало взято с бою
Сел и городов!
Эх, немало трубят в поле
Молодых годов!

Как прошли за непогодой
С Волги на Тагил.
Сколько прожито походов,
Вырыто могил!

Как прошли леса и реки
Через цепь лужков.
Сколько найдено навеки
Дорогих дружков!

Напоили славой воздух
Боевые дни.
На папахах блещут звезды,
На плечах ремни.

Слева — поле, справа — поле,
Впереди затон.
Едут, едут комсомольцы
На родимый Дон.

1933

108. НЕ КОВЫЛЬ-ТРАВА СТОЯЛА

1

Не ковыль-трава стояла
У гремучих вод —

То стоял позиционно
Партизанский взвод.

Рядом дуб шумел заветный,
Страж зеленых бурь.
К ним летели против ветра
Сто багровых пуль,

Знающих пути к победе
Поперек и вдоль,
Сто комков огня и меди,
Сто смертельных доль.

Две летели, не касаясь
Гребня радуг-дуг,
И одна из них — косая —
Подкосила дуб.

Врезалась в большую долю
И во все дела.
Полюбила его, что ли,
Как змея орла!

Дуб заплакал над обрывом,
На краю земли,
Потемнел, ширококрылый,
От такой любви!

2

Ниже беспрерывной сини,
Выше горьких трав
Пули, равные по силе,
Мчались вдаль стремглав.

Две летели, не касаясь
Гребня радуг-дуг,
И одна из них — косая —
Подкосила дуб.

А вторая (всеми проклят,
Вечер жег костры...)

Выходила на два локтя
Впереди сестры.

3

Не заря всходила рано
На штыках гольца, —
Смертно заалела рана
На груди бойца.

Зову гаснущему внемля,
Коренаст, клыкаст,
Верный конь, копытя землю,
Принимал приказ:

«Ты беги, гнедой, к Донцу
(Смерть-отрава тут).
Передай скорей отцу
Письмо-грамоту.

В ней на пишущей машинке
Всё отстукано,
Что задумал сын жениться
За излукою;

Что пришла к нему невеста
От его врагов
И что он за ней, не споря,
Много взял лугов;

Что не годен он пахать,
Не дюж плотничать,
Что в родном дому
Не работничек...»

1933

109. БАЛЛАДА О ТРЕХ БРАВЫХ ПАРНЯХ

День врезался в славу. Долины цветут.
Три бравые парня дорогой идут.
Один говорит:
«От беды до хвалы
Я шел, как вода с гор,
Как нитка идет через дырку иглы,
Как в дерево входит топор.

Я принял лихие щедроты войны
И шесть деревень стер.
Я шел через логово сатаны
И кровных его сестер.

Об этом сейчас кричу и пою:
Бывают, друзья, дела.
Пуля прошла через грудь мою,
А смерть меня не взяла».

Другой говорит:
«Через пять морей
Бежал я, покинув кров.
Я видел, как крылья нетопырей
Росли на груди ветров.

Ветра оперялись. А впереди
Море гремело так,
Как два миллиона «Уйди-уйди!»
И триста тысяч литавр.

Я сразу прошел штормовой ликбез
И видел, как все, — одно:
Вода поднялась до отверстых небес
И мигом открыла дно.

Открылась пред нами подводная твердь.
Ну, кустики там. Лоза.
И рядом на горке мамашка-смерть
Таращит на нас глаза».

И третий сказал:
«Тяжело говорить
О том, что берёг и хранил...
Я мог бы рукой звезду уронить
И, каюсь, — не уронил.

Она мое сердце взяла в полон
Сияньем ярче зари.
И я пожалел ее и не тронул:
Коль надо гореть — гори!

И вот вдалеке от родного дома,
За тысячу полных верст,
Я видел рожденье и гибель грома,
Рожденье и гибель звезд:

Мосты, переулки, дороги и тропы,
Страданья такой высоты,
Когда открывается только пропасть
И в пропасти только ты,

Когда останавливаются моторы
И ветер кричит: «Умри!»
Я видел бурю, перед которой
Бледнеют бури земли!

Паденье! Паденье! Слепой горизонт.
Обвал. Гроза. Облака.
И смерть сама развернула зонт,
Сказала:
«Прыгай! Пока!»

*

Качается горький полуденный зной,
Три бравые парня идут стороной.
Пред ними дороги простор вековой,
Деревни, поселки, селенья,
За ними, укрытые душной травой,
Три смерти идут в отдаленье.

1933

110

Нам обидно слышать злые речи —
Смолоду прошедшим по стерням,
Коренастым и широкоплечим
И как будто сто́ящим парням.
Вот не растерялись мы. Окружьем
Впереди других открытых див
Встала именная наша дружба,
Громкий мир за нами утвердив —
С вешнею грозой и летней бурей,
С тихими слезами матерей,
С твердью, отраженною в лазури
Широко распахнутых морей.
Мы в таком миру живем, и плещем,
И камнями улицы мостим,
Видим и оцениваем вещи,
Любим, и страдаем, и грустим.
А от них, поблеклых и больничных,
Отметая начисто раздор,
Пролетим, как поезд, мимо нищих,
Занятых вытряхиваньем торб!

1933

111

Я, может быть, не в третий раз, а в сотый,
Друзей оставив праздными одних,
Иду, как в бой, на гордые высоты,
Чтоб снова быть отброшенным от них.

Чтоб снова быть отброшенным к долинам,
К зеленым (Курск) и к синим (Обь) кускам
И к розовым, тяжелым и старинным,
Ничуть не изменившимся пескам!

В который раз на дальних перегонах,
Раскидывая крылья рук сухих,
Я постигаю твердые законы
Паденья тел. Смешно не знать таких!

И всё равно я выберусь на кручи.
Друзья мои, ровесники мои,
Ведь иногда я падаю, чтоб лучше
Узнать цвета и запахи земли!

1933

112

Мне этот вечер жаль до боли.
Замолкли смутные луга,
Лишь голосила в дальнем поле
В цветах летящая дуга.
Цветы — всё лютики да вейник —
Шли друг на друга, как враги,
И отрывались на мгновенье,
Но не могли сойти с дуги.
Я видел — полю стало душно
От блеска молний и зарниц,
От этих рвущихся, поддужных,
На серебре поющих птиц.
А у меня пришла к зениту
Моя любовь к земле отцов,
И не от звона знаменитых,
В цветах летящих бубенцов.
И я кричу:
«Дуга, названивай,
Рдей красной глиной, колея,
Меня по отчеству назвали
Мои озерные края».

1933

113

Вся земля закидана венками,
Свитыми из счастья и утрат,
Где ты, где, с полынными руками,
Светлая отрада из отрад?

Над землей, раздолья не убавив,
Вечные пылают небеса...
Где ты, где, с веселыми губами,
Неумолчная моя краса?

Где ты ходишь ранними утрами
С неприкаянной моей судьбой?
Птицы плещут шумными крылами
Над проселком, пройденным тобой.

Мне б ходить всегда с тобою рядом
По цветным лугам в родном краю,
Ты меня, желанная, обрадуй,
Легкую печаль развей мою.

И стихов воинственные ритмы
Славят ясные твои дела,
Камень придорожный говорит мне:
«Да, она недавно здесь была!»

На дворе весна. Трещит подталок.
Что ж, скажу, воистину любя:
«Я не знаю, что бы с миром стало,
Если б в мире не было тебя!»

1933

114

Задрожала, нет — затрепетала
Невеселой, сонной лебедой,
Придолинной вербой-красноталом,
Зорями вполнеба и водой.

Плачем в ленты убранной невесты,
Днями встреч, неделями разлук,
Песней золотой, оглохшей с детства
От гармоник, рвущихся из рук!

Чем еще?
Дорожным легким прахом,
Ветром, бьющим в синее окно.
Чем еще?
Скажи, чтоб я заплакал,
Я тебя не видел так давно...

1933

115

Здесь тишина. Возьми ее, и трогай,
И пей ее, и зачерпни ведром.
Выходит вечер прямо на дорогу.
И месяц землю меряет багром.

Высоких сосен бронзовые стены
Окружены просторами долин,
И кое-где цветут платки измены
У одиноко зябнущих рябин.

И мне видны расплавленные смолы
И перелесок, спящий на боку,
За рощей — лес, а за лесами — долы
И выход на великую реку.

Всё голубым окутано покоем,
И виден день, заброшенный в траву...
Вы спросите: да где ж это такое?
А я не помню и не назову.

Оправдываться буду перед всеми
И так скажу стареющим друзьям:
«Товарищи! Земля идет на север,
К зеленым океанам и морям!»

И мне не повторить такого мига,
Отправимся за ним и не найдем,
А я хочу, чтоб голубое иго
Еще звенело в голосе моем.

1933

116

Новый день крылом лебяжьим машет,
Люди носят август на руках,
Над былинной стороною нашей
Солнце ставит верши в облаках!

Вещи быстро сбрасывают дрему.
Полдень в сад заходит. И к нему
Тянется прекрасный мир черемух,
Так любезный сердцу моему.

Реки на откосы золотые
Набегают полною волной...
Только мне невесело, Мария,
Потому что нет тебя со мной!

1933

117

Лучше этой песни нынче не найду.
Ты растешь заречною яблоней в саду.

Там, за частоколом, вся земля в цветах.
Ты стоишь, как яблоня в молодых летах.

Ты цветешь, как яблоня, — белым цветком,
Ты какому парню машешь платком,

Вышитым, батистовым, в синюю кайму?
Неужель товарищу — другу моему?

Я его на улице где-нибудь найду,
Я его на правую руку отведу.

«Что ж, — скажу, — товарищ, что ж, побратим,
За одним подарком двое летим?»

1933

118

Мне не жаль, что друг женился,
Что мою любимку взял,
Жаль, что шел — не поклонился,
Шел — фуражечку не снял.

Мне не жаль, что на беседе
Вместо лета шла зима,
Жаль, что мы с дружком соседи,
Что окно в окно — дома.

Но не эта боль-досада
Грудь мою сегодня рвет,
За оградой-палисадом
Лебедь белая плывет.

Два крыла ее, пылая,
Славят новые края...
То не лебедь — то былая,
То любимая моя.

Стороной идет залетной,
Белыми грудьми трясет,
Свежекрашеные ведра
С ключевой водой несет,

При долине, при поляне,
При лукавом блеске дня,
И нечаянно не взглянет,
И не смотрит на меня.

Я у синего, косого
У окна гляжу на свет.
Друг мой сокол закольцован,
Но и мне веселья нет...

1934

119. В ЗАЩИТУ ВЛЮБЛЕННЫХ

Любовь у проходных ворот, у проходных контор в творчестве некоторых советских поэтов стала таким же шаблоном, как ряд рифм, эпитетов, сравнений.

Авторское замечание по существу вопроса

Май пришел, и сразу стихотворцы,
Ощутив волнение в крови
И, дабы не жаждать, выпив морсу,
Начинают думать о любви.
Дремлют и едят дары Нарпита
И, не видя мрака своего,
Думают часа четыре битых
И небитых около того.
И, неся своим героям кару,
Накликая горе и беду,
Вдруг находят любящую пару
Где-нибудь в Таврическом саду.
Зажигались звезды полным роем,
Воздух был нагрет и невесом.
«Хорошо», — сказали сразу трое
Стихотворцев, потемнев лицом.
И тотчас же, бредившую морем,
Славой расцветающей земли,
Любящую пару под конвоем
К проходной конторе повели.
Через откомхозовские сопки
Молодых конвойные ведут;
Привели, надели им спецовки
И сказали:
«Вам любиться тут.
Вот, — сказали горестной невесте, —
Тут сидеть обоим. Здесь идти.
Можно отходить шагов на двести
Параллельно этому пути».
И, уже не верящий удаче,
«Сжальтесь! — закричал жених тогда. —
Неужели вы, смеясь и плача,
Не любили в жизни никогда?

Неужель закат, что плыл над городом,
Красоты великой не таил?»
— «Нет!» — сказали стихотворцы гордо
И ушли к чернильницам своим.

1934

120

Не боюсь, что даль затмилась,
Что река пошла мелеть,
А боюсь на свадьбе милой
С пива-меду захмелеть.
Я старинный мед растрачу,
Заслоню лицо рукой,
Захмелею и заплачу.
Гости спросят:
«Кто такой?»
Ты ли каждому и многим
Скажешь так, крутя кайму:
«Этот крайний, одинокий,
Не известен никому!»
Ну, тогда я встану с места,
И прищурю левый глаз,
И скажу, что я с невестой
Целовался много раз.
«Что ж, — скажу невесте, — жалуй
Самой горькою судьбой...
Раз четыреста, пожалуй,
Целовался я с тобой».

1934

121. ПЕСЕНКА ТОНИ

Пусть тебя не мучает тревога,
В синие глаза твои гляжу.
Про такого парня боевого
Ничего плохого не скажу.
На твоем пути большие села
И морей немолкнущий прибой...

Всем скажу, какой ты развеселый
И что бредят девушки тобой.
Пусть гора не сходится с горою,
Ты весной из-за горы крутой
Приезжай на родину героем,
Награжденным шашкой золотой.
Будет ясным небо голубое,
И с восьми часов до девяти
Как приятно будет мне с тобою
Вдоль по главной улице пройти.
С этой думой ясной и простою
И разлуку я перетерплю:
Буду, буду ждать тебя весною,
Потому что я тебя люблю!

1934

122

Слышу, как проходит шагом скорым
Пересудов тягостный отряд...
Я привык не верить наговорам, —
Мало ли, что люди говорят.

Я никак не ждал грозы оттуда,
Всё мне стало ясным до того,
Что видал, как сплетня и остуда
Ждали появленья твоего.

Но для них закрыл я все тропинки,
Все пути-дороги.
                                        Приходи,
Светлая, накрытая косынкой,
И долинный мир освободи!

Жду, что ты приветом приголубишь
Край, где славят молодость твою.
Говорят, что ты меня не любишь, —
Что с того, коль я тебя люблю!

1934

123

Наклонился вечер, хмур и темен,
Над землей, идущей на покой,
И напомнил мне об отчем доме,
О склоненных вербах над рекой.
Он открыл мне родину с цветами,
С небом синим или голубым,
Что тогда я в горестях оставил,
Что сейчас я в радостях забыл.
Он в глаза мои повеял дивом:
Трепетом воды, цветов и рощ,
О далекой матери родимой
Он сказал и сразу канул в ночь.
Я ответил вечеру, что ныне,
Нынче же в дороге полевой
Звезды самоцветные, иные
Будут над моею головой.
...Но мелькнул твой образ невозвратный,
И уже в чужую ночь кричу:
«Ни сестры, ни матери, ни брата,
Никого я видеть не хочу!»

1934

124

Всё, что я скажу, открыли дали
Только мне вечернею порой.
Здесь или не здесь цветы топтали
Двое: героиня и герой.

Всё равно — любовь высокой пробы
Шла и пела ширью полевой:
«Дорогой мой, я твоя до гроба!»
— «Дорогая, я навеки твой!»

На дорогах торных стыли вехи,
И ходили врозь добро и зло.
«Твой навеки» и «Твоя навеки» —
Эхо разносило, как могло.

Летом шла любовь. И вместе с нею
В тех раздольях, где ее вели,
Наливные яблоки краснели,
Вишни рдели, ягоды цвели.

Но за летом наступает осень.
Нынче от полян и от лесов
Никакое эхо не разносит
Никаких любовных голосов.

Так иль нет — одной тебе о главном:
Назвалась зазнобой, так — зноби!
Ну, за что-нибудь, хотя б за правду,
Ты меня хоть с месяц полюби!

1934

125

То ль тебе, что отрады милее,
То ли людям поведать хочу,
Что, когда ты приходишь, — светлею
И, когда ты уходишь, — грущу.

Ты меня, молодая, по краю
Раскаленного дня повела.
Я от гордости лютой желаю,
Чтобы ты рядом с морем жила.

Чтоб в раскосые волны с разбега,
Слыша окрик отчаянный мой,
Шла бы лодка далекого бега
И на ней белый парус прямой.

Чтобы паруса вольная сила,
Подчиняясь тяжелым рукам,
Против ветра меня выносила
К долгожданным твоим берегам.

1934

126. НЕВЕСТА

По улице полдень, летя напролом,
Бьет черствую землю зеленым крылом.
На улице, лет молодых не тая,
Вся в бусах, вся в лентах — невеста моя.
Пред нею долины поют соловьем,
За нею гармоники плачут вдвоем.
И я говорю ей: «В нарядной стране
Серебряной мойвой ты кажешься мне.
Направо взгляни и налево взгляни,
В зеленых кафтанах выходят лини.
Ты видишь линя иль не видишь линя?
Ты любишь меня иль не любишь меня?»
И слышу, по чести, ответ непрямой:
«Подруги, пора собираться домой,
А то стороной по камням-валунам
Косые дожди приближаются к нам».
— «Червонная краля, постой, подожди,
Откуда при ясной погоде дожди?
Откуда быть буре, коль ветер — хромой?»
И снова: «Подруги, пойдемте домой.
Оратор сегодня действительно прав:
Бесчинствует солнце у всех переправ;
От близко раскиданных солнечных вех
Погаснут дареные ленты навек».
— «Постой, молодая, постой, — говорю, —
Я новые ленты тебе подарю
Подругам на зависть, тебе на почет,
Их солнце не гасит и дождь не сечет.
Что стало с тобою? Никак не пойму.
Ну, хочешь, при людях тебя обниму...»
Тогда отвечает, как деверю, мне:
«Ты сокол сверхъясный в нарядной стране.
Полями, лесами до огненных звезд
Лететь тебе, сокол, на тысячу верст!
Земля наши судьбы шутя развела:
Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях обнимет меня,
При людях, при солнце, у всех на виду».

...Гармоники смолкли, почуяв беду.
И я, отступая на прах медуниц,
Кричу, чтоб «Разлуку»
играл гармонист.

1934

127

Не гадал, что ныне затоскую,
Загорюю так, что не избыть:
Полюбил девчонку городскую,
И никак ее не разлюбить.

Отлюблю и снова славить буду,
Что не славил, чем не дорожил...
Вот весной решил, что позабуду,
А с весны на осень отложил.

А меня забыть — другое дело.
Что ей — не манила, не звала,
Только синим глазом поглядела,
Только тонкой бровью повела...

1934

128

Всё равно не дам дружку пощады,
Был, да сплыл товарищ игровой.
Не ходить теперь ему дощатой
Мимо наших окон мостовой.

Пусть гремит своей тальянкой модной,
Веселится ладной стороной, —
Ведь другие улицы свободны,
Только нет проходу по одной.

Заросла б скорей она кустами,
Потому что с завтрашнего дня
Он и сам гулять по ней не станет, —
Он гулял по ней из-за меня.

Вот цвела родимая сторонка,
А теперь цветет один лужок,
Вот была девчонка-сговоренка,
Да и ту отбил один дружок.

1934

129. ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Песня носится, выносится,
Чтобы в голосе дрожать,
А на волю как запросится,
Нипочем не удержать.

Кони в землю бьют подковами,
Снег чем дальше, тем темней,
Жестью белою окована
Грудь высокая саней.

Снежный, вьюжный, незаброшенный
Распахнул ворота путь. . .
«Ну, садись, моя хорошая,
И помчим куда-нибудь!»

Повезу — куда, не спрашивай.
В нетерпенье кони бьют,
Гривы в лентах, сани крашены,
Колокольчики поют.

Лес, как в сказке, в белом инее,
Над землей не счесть огней,
Озарили небо синее
Звезды родины моей.

Неужели мы расстанемся,
Будем врозь, по одному?
Что тогда со мною станется —
Не желаю никому!

1934

130. УТРО

На раздолье вешнем, на просторном
Вся страна из края в край цвела,
И над нею утро распростерло
Два широкоперые крыла.
И проснулся сразу мир зеленый.
Лишь коснулся первый луч земли,
Встрепенулись по заречью клены,
Отогрели сердце и пришли
К радостной воде, высоким сходням,
К перелету легкого весла,
Чтоб весна, открытая сегодня,
Никуда отсюда не ушла!
Звезды тихо гаснут над рекою.
С добрым утром, родина моя!
Что еще, друзья, порой такою,
Любопытствуя, увидел я?
Блеск зари по трепетному кругу,
Мост опять сомкнули. Путь прямой,
И невдалеке моряк подругу
Провожает бережно домой.

1934

131. ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Вот идут товарищи, которых
Ленин называл по именам.
Дальше речь пойдет о переправах,
О земле в пороховом дыму,
И предоставляется по праву
Слово поколенью моему.
Тут, величья класса не унизив,
Через смерть шагнувшие горой,
Комиссары армий и дивизий
Воинский выравнивают строй.
А за ними, не окинуть глазом,
Под могучим стягом боевым,

Молодость, которая ни разу
Не видала Ленина живым!
Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Впереди товарищи, которых
Ленин называл по именам!

1934

132. БЕССМЕРТИЕ

Со ступеней на площадь голубую
Грядущие глядели времена
И видели:
рука вождя, как буря,
Была над всей землей занесена.
Потом, побатальонно и поротно
Войдя в тех дней стремительный поток,
Шли Юг и Север в лентах пулеметных
И в круглых бомбах — Запад и Восток.
Шли, поднимая время боевое,
Туда, где необычные дела,
Где рядом с пушкой зрело яровое,
Где в пулеметах радуга цвела!
Потомки верными сердцами дрогнут,
Услыша шелест флагов и знамен,
Когда в пути коснутся до огромных,
Бессмертие имеющих времен.

1934

133

Прощаемся. Две тучи вьются,
И гаснет сумрак голубой.
Нет, так друзья не расстаются,
Как расстаемся мы с тобой.

Не здесь, не здесь, где только камень,
А там, где долы и лужки,

Хоть что-нибудь дают на память,
Когда расходятся дружки.

Нет, не в таких путях печальных
Безвольных, каменных полей
Находится обряд прощанья
Далекой родины моей.

Так дай мне руку.
                    Без усилий,
За несколько десятков верст,
Найду тебе долину синих
И угнанных на небо звезд!

И там, в долине, над цветками,
У всей вселенной на виду
Мы обменяемся платками,
И я на землю упаду!

1934

134

День заснул тревожно в чернобыле.
Вечер медлил в заводях,
                              и я
Вдруг подумал, что меня забыли
Самые хорошие друзья.

Все невдалеке они.
                        Однако
В предвечерней косности и мгле
Ни один из них не подал знака
Дружбы — самой бедной на земле!

Ни платка, ни взмаха, ни веселья,
Ничего не видел от друзей,
Только пыль, что родственна музейной,
Полетела по округе всей.

Ты одна, найдя большую жалость,
Сразу завладевшую тобой,
Для меня надела полушалок —
Тот весенний, легкий, голубой.

1934

135

Синий ветер, да желтый песчаник,
Да желанное имя твое.
Хочешь, песню сложу на прощанье
И сейчас же забуду ее?

В ней скажу про дорогу цветную
В молодом приозерном краю,
Про веселую девушку злую,
Про большую недолю мою.

Расскажу, как играют зарницы
На закате весеннего дня,
Что тебе темной ночью приснится,
Если ты позабудешь меня...

1934

136

Вот опять мы стали спорить:
В дружбе — кто кому слуга,
Вот опять во чистом поле
Задымилися снега.

Неужели зарастает
Верховых дорог полет,
Неужели не растает
Белый снег и синий лед?

Ты меня не сном, не дремой —
Завлекла меня красой:
Темной бровью сторублевой,
Темно-русою косой...

1934

137

Всё кратко в нашем кратком лете,
Всё — как платков прощальный взмах.
И вот уже вода, и ветер,
И дым седеет на холмах.

А может быть, не дым, а коршун
Крылами обнял те холмы,
А может, чтобы плакать горше,
Разлуку выдумали мы?

Разлука — всюду ветер прыткий,
Дорог разбитых колеи;
Разлука — письма и открытки,
Стихи любовные мои;

Разлука — гам толпы затейной
И слет мальчишек на конях,
Гулянок праздничных цветенье,
Гармоники на пристанях.

Разлука — старый чет и нечет,
Календарей и чисел речь,
И нами прерванные встречи,
И ожиданье многих встреч

С друзьями, с ветреной подругой
(Коль та забыла, так с другой).
Ну что ж, пригубим за разлуку,
Товарищ милый, дорогой!

1934

138. ПЛЯСОВАЯ

Приступ к хороводу. Поют девушки.

Что-то зимы стали снежными,
Парни к девушкам невежливыми?

На мосту, на переходе,
Светлых улиц поперек,
Мимо девушек проходят —
Только тронут козырек.

Каждый день одно и то же,
При одних замашечках.
В светло-серых макинтошах,
В голубых рубашечках!

Словом — гости на погосте,
Словом — прямо на виду
Гнут рябиновые трости
На стеснительном ходу!

В середину хоровода входит одна из девушек.
Не меняя такта запева, она поет.

В кадке — ягода-моченка,
В саду — яблоня бела,
Я в семнадцать лет, девчонки,
Почтальоншею была.

Я на почте накопила
Две пригоршни медяков.
Я косынку купила
Цвета легких облаков!

Я ходила в той косынке
По медвяным полосам,
Разносила я посылки
По знакомым адресам:

Кому сена клок,
Кому палку в бок,

Кому денег перевод,
Пожалуйте в хоровод!

Пляшут. Песни не прекращаются.
В круг входит вторая девушка.

Соловей в саду поет,
Мне покоя не дает.

Соловей, пташка лесная,
Ты меня не покидай!
Я свою округу знаю,
А не знаю, где Китай.

Там, где смешанные воды
Огибают острова,
Только там у садоводов
Проросла амур-трава.

Я без той травы зимую,
Летничаю на мостах.
Я такое наамурю,
Голова моя в цветах!

В желтых, красных, повсеместных...
Где-то ходит милый мой,
Где страдает мой любезный?

Подходят парни.

Можно к вам?
У нас — гармонь!..

1934

139. ПЕРВАЯ ЧАСТАЯ

Мимо злой травы отгульной,
Мимо трех долин в краю
Едут сваты в шапках куньих
Сватать милую мою.

Край прекрасен и убог...
Ну, дай вам бог:
В чистом поле, в лесу ли
Встретить девку косую,

Чтоб тряслась она в бегах
На паучьих ногах,
Без подпорок, без палок,
На паучьих беспалых!

Чтоб тряслась она в поняве
Рядом с вашими конями —
Вьюрком, верхом,
Рядом с вашим женихом!

1934

140. ВТОРАЯ ЧАСТАЯ

В кругу — друг против друга — девушки и парни.
Запевает одна из девушек.
Потом поют все девушки.

Скука сердце затопила:
То ли холст не белен,
То ль не с той ноги ступила,
То ли лен повален?

Градом мята приумята,
Хмель завился на тычках...
Разрешите-ка, ребята,
Нам пройтись на каблучках.

Разрешите лугом, лугом
Нам пройтись широким кругом,
И пропеть, и прокричать,
И, может, вас повеличать?

Парни ждут величанья.
Кто же от него отказывается?

Как у наших у ребят
Бахрома висит до пят.
Как тесовые ворота,
Зубы длинные скрипят!

Ну, один другого краше,
Ну, как хочешь поверни...
Кто они — ребята наши?
Отвечаем — кто они:

При запевах — подголоски,
При алмазах — янтари,
За работою — подростки,
За столом — богатыри.

Только гонором да спесью
Застилают путь прямой,
Только...

В это время песню
глушат бубен и гармонь.

1935

141. ТРЕТЬЯ ЧАСТАЯ

То ли топнуть вдруг,
То ль не топнуть вдруг?
На дороге
Мои ноги —
Лучше топну, друг!

А мой дом — воевода,
На семи столбах.
Я пройду по хороводу
Со цветком в зубах!

Цветок золотой,
Считанные листья,
Дроля — волос завитой —
Носит шубу лисью.

Лисью — не лисью,
А по морозу — рысью!
Беги, голоси,
Не оглядывайси!

Вот какая шуба
Из деревни Шума!
Ее два посада шили,
Три утюжили, спеша...
Вышла шуба хороша!
Вышла шуба — хоть куда:
Пуговицы в два ряда,
На ходу хрустит,
Сзади пряжка-потеряшка,
Как посмотришь,
Так блестит!

1935

142. ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТАЯ

Возле тесаной ограды
В белой замети — слепа —
Возле сада-винограда
Вьется беглая тропа.

Там люди шли,
Люди грош нашли.
То ли грош,
То ли брошь,
То ли правда,
То ли ложь?
Доставался этот грош
Не тому, кто хорош.

Не тому, кого отбила,
Не тому, кого ловлю,
Не тому, кого любила,
Не тому, кого люблю!

Он со всей своей красою
В синем утреннем дыму

Доставался Сысою,
Черту рыжему — ему.

Вот идет Сысой.
Один глаз косой,
Оловянный другой,
Только бровь дугой.

Вот сидит Сысой
На широкой лавке,
В сапоге одна нога,
А другая в лапте.

Он раскидывает думу,
Как раскидывают рожь,
Он сидит, подобный дубу:
Что купить ему на грош?

То ли мучки, то ли крупки,
То ль одеть или обуть,
То ли клюквы некрупной,
То ль еще чего-нибудь...

1935

143. НОВАЯ ЧАСТАЯ

Чок-чок, каблучок.
В чистом поле ивнячок,
А мне, девушке, видна
Только ивинка одна.

Как под этой ивинкой
Сидит милый с ливенкой.
На нем шляпа с полями,
А из прочих новостей —
Пояс крученый с кистями,
Сто отдельных кистей!

Как брала я в руки кисть,
Говорила:
«Отрекись!

От травы повилики,
От печалей великих,
От столбов златоверхих,
От жены-староверки!»

Как я села с ним рядком,
Назвала его цветком,
Не каким-то, полю чуждым,
С некрасивым завитком, —
Назвала его жемчужным,
Изумрудным цветком.

Изумруд мой, изумруд,
По тебе девчонки мрут,
Мне самой сказали люди, —
Может, эти люди врут? ..

1935

144. ДРОЛЯ

Ты, клянусь разлукой, — дроля,
И тебе семь раз на дню
Не рябина ветви клонит —
Я судьбу свою клоню.

Всё, в чем волен и неволен,
Всё, что снится по утрам,
Всё, что завтра выйдет в море
И подставит грудь ветрам, —

По любому повеленью
Я достать тебе готов —
Зори красного горенья
И еще других цветов!

Только вот в чем дело, дроля:
За тобою ходят трое, —
А нельзя ли так устроить,
Чтобы я ходил один?

1935

145

Всё в тебе, долинной и красивой, —
Гнев морей и трепет тайных трав,
Слава, утверждающая силу,
Сила, как раскрытье многих слав!

Смех грудной в сенях твоих кленовых,
В роще свист любовный соловья,
А в полях гремят железом новым
Гордые от счастья сыновья.

Им дано пройти землею бойкой,
Не в лаптях, а снова так:
В сапогах высоких из опойка,
И в сатине легком, и в цветах!

Им дано увидеть: в далях грозных,
Возле расцветающих садов,
Армия идет, вся в красных звездах,
И поет на тысячу ладов.

1935

146

Ты мне вновь грозишь своей опалой:
Облачной, отпетой, дождевой,
Снова свист условленный, трехпалый,
Над моей проходит головой.
Что там — невиновны иль повинны
Дни, в твоих бегущие громах,
Или загуляли взабыль финны
Сразу в двадцати пяти домах?
Загуляли так, что лампы гасли,
А земля звенела, как в боях,
Или, как всегда, чтоб губы в масле,
Грудь в сатине, сердце в соловьях!
Я и сам из тех, что над реками
Тешились, великих туч темней.
Я из той породы, что руками
Выжимали воду из камней!

Ну так бейся, кровь орла и волка,
Пролетай, что молния, в века!
А твоя короткая размолвка,
Край озер, да будет мне легка!

1935

147

Что весной на родине?
                              Погода.
Волны неумолчно в берег бьют.
На цветах настоянную воду
Из восьми озер родные пьют.

Пьют, как брагу, темными ковшами
Парни в самых радостных летах.
Не испить ее:
                    она большая.
И не расплескать:
                    она в цветах!

Мне до тех озер дорогой длинной
Не дойти.
                И вот в разбеге дня
Я кричу товарищам старинным:
«Поднимите ковшик за меня!»

1935

148

Всё ты мнишься мне в красе и силе,
В голубых и пламенных венках,
Вся на синих, вся на очень синих,
Звезды отражающих реках.

Ох, и жить тебе в три жизни сразу,
Коль тебе, что видишь, по плечу,
Я тебя окидываю глазом
И совсем немногого хочу:

Чтобы бредил новыми морями
Вкруг озер раскинутый народ,
Чтобы, милых сердцу не теряя,
Парни от приема шли во флот;

Чтоб стояли яблони и вишни
На раздольях наших заревых,
Чтобы все девчонки замуж вышли
И ребят рожали боевых!

1935

149

Нет с тобою встречи и не будет.
Никакой неправдой не верну
Всё, что завтра друг мой облюбует,
В том числе и сине-голубую,
Вечную, прохладную волну;
В том числе веселым нареченный
Ключ, что в тесноте озер возник,
И совсем лихой под шапкой черной
На берег нахлынувший тростник;
Ветки можжевеля-вересинки,
Тающие вдруг в твоих руках...
Что ж кричишь «ау» на голой синьке,
Заблудилась, что ль, на трех реках?..

1935

150. ДЕВЧОНКА ПЕЛА ЗОЛОТАЯ

Марии Комиссаровой

1

Девчонка пела золотая,
И всюду слышали вдали,
Что снег на Волге не растаял
И что цветы не расцвели.

Девчонка, брось!
                    Взгляни — над краем
Венки из красных зорь плетут.
Девчонка, брось!
                    Снега взыграют,
Цветы в долинах расцветут.

И ты уйдешь из хоровода
И оторвешься от подруг,
Чтоб окунуть в цветы и воду
Красу простертых в пляске рук!

2

Немного бабка величала,
Немного мать — давным-давно,
И не в твоей избе стучало
С летящим голубем окно.

И не твои над полосами
Запевки реяли, легки.
Не на твоей избе плясали
До полной одури коньки.

Сама плясала на вечорках
И шла в любви наперебой...
Смешная русская девчонка,
Мне надо встретиться с тобой.

1935

151

Два конца у песни, два начала.
И ее взаплачь, по старине,
Анна свет Васильевна кричала
На чужой, на дальней стороне.

Мед по всем рекам и горы злата
Были в песне.
                    Лес шумел, высок.

И летела пуля в сердце брата,
И упал тот брат на желт песок.

Ничего не видя, и не помня,
И уже безмолвием дыша,
Он растер земли сырые комья
С листьями седого камыша.

И от горя дрогнул бор сосновый,
Побежали волны по реке,
А над злою смертью встало Слово,
И его запели вдалеке.

На траву — полынь, плакун и мяту
(Названы в заплачке) — лился дождь
И на желт песок — горючий, смятый
Тысячами воинских подошв...

1935

152. ЛЕНИНГРАД

Величавей многих — город ратный
Над водою, прозванной Невой.
Бурка на плечах его квадратных,
Буря на путях его обратных,
Гром (конечно, гром) над головой!
Как сказать для всех, что славы много,
Что, не удивляя никого,
Места не найдя себе дневного,
Слава в славу входит у него!
Яростный, в туманах вечных кроясь,
Устремленный к воле, как вода,
Глаз своих, подобных окнам, прорезь
Он не закрывает никогда.
И его, не знавшего предела
В мужестве, таящего грома,
Снарядив на воинское дело,
В чересплечные ремни одела
Диктатура грозная сама.

Для него чугун метали домны,
Верные, не знающие сна.
Если есть ему еще подобный —
Значит, в мире властвует весна!

1935

153. АННЕ

Ой, снова я сердцем широким бедую!
Не знаю, что делать, как быть.
Мне все говорят — позабудь молодую,
А я не могу позабыть.

Не знаю, что будет, не помню, что было,
Ты знаешь и помнишь — ответь...
Но если такая меня полюбила,
То надо и плакать и петь.

Другие скрывают, что их позабыли,
Лишь ты ничего не таи.
И пусть не забудут меня голубые,
Немного косые — твои.

Светлей не найти и не встретить дороже,
Тебя окружают цветы.
И я говорю им, такой нехороший,
Какая хорошая ты.

1936

154. ЧАСТАЯ (ПРО БОРОДУ)

Ни к селу ни к городу
Запою про бороду.

На земле вода и горы,
Под землей одна вода,
До земли у зимогора
Вырастала борода.

Он рвал — не редела,
Жег до старых седин,
Ничего с ней не сделал,
Только больше рассердил.

Только больше с досады
Сверху донизу — вьюном,
Хоть душил самосадом
И опаивал вином.

Ни с укора, ни с покора,
Ни с большого вреда,
Никак зимогору
Не сдавалась борода.

И по всей деревне вести,
Словом, пой или труби!
Вызывают зятя к тестю,
Говорят ему:
«Руби!»

Посмотрел на тестя зять:
«Топором, — кричит, — не взять!

Надо с ней, старорежимной,
Разговор вести иной,
Будем рвать ее пружинной,
Дисковой бороной!»

1936

155. ЗАПЕВКИ

Игровой мой, игровой
Идет дорожкой полевой.

Цвети, платок неношеный,
Приди, приди, непрошеный,
Непрошеный, неброшенный,
Веселый мой, хороший мой!

Дорожи не дорожи,
Но хоть что-нибудь скажи,

Хоть одно словцо добудь,
Ну, что-нибудь, ну, что-нибудь!

Люди видят, что в ряду
Я одна запев веду,
Догадаются, наверно,
Что к тебе сейчас иду.

Мне назначили покой,
Ты меня не беспокой,
Не маши, когда проходишь,
Под моим окном рукой.

Мне вчера письмо писали,
Нынче радуюсь письму,
Подружка милого бросает,
Пусть бросает — я возьму!

Никогда никто не спросит,
А сама не признаюсь:
Не боюсь, что милый бросит,
Что не бросит он — боюсь!

На рябинах всю неделю
Всё свистят свиристели, —
Неужели доглядели,
Как мы время провели?

Часом раньше шла и пела,
А теперь не до того,
Раньше двух дружков имела,
А теперь ни одного!

На тропиночке косой
Подружка хвасталась красой,
Замечательной красой —
В ленты убранной косой.

Через речку переброшен
Переход кленовенький,
Перейду по переходу,
Погуляю с новеньким.

Игровой мой, игровой,
Идет дорожкой полевой,
Идет в семнадцати летах,
И вся дороженька в цветах!

Проводи меня домой
Полем небороненным,
Дроля мой да дроля мой,
На́ сердце уроненный!

Думала: любовь — игрушка,
А в слезах иду домой.
Не ругай его, подружка,
Он, подружка, милый мой.

Шила, шила, как решила,
Синим по бордовому,
Не в чужие руки шила —
Своему бедовому.

Полюбила Шурочку,
Хожу по переулочку,
Не потому, что улиц нет,
А потому — семнадцать лет!

Сниму платок, надену шаль,
Чтоб расставаться было жаль,
Чтобы сказал мой брошенный:
«Какая ты хорошая!»

Разлюбила Шурочку,
Ношу платок внахмурочку,
Ношу внахмурочку платок,
На нем всего один цветок.

Две расцветки всех красивей,
Всё с тобой да всё с тобой:
Синий-синий цвет, пресиний,
Голубой-преголубой.

Полюбила Шурочку
За кожану тужурочку,

За волос, в кольца завитой,
За то, что парень золотой!

Давай по-старому с тобой,
Давай опять по-старому:
С моей судьбой, с твоей судьбой
Ходить по снегу талому.

Ах, не твой ли синий-синий
Примелькался мне платок?

Ты живешь недалеко,
И мне любить тебя легко,
Легко любить и наряжать,
Легко до дому провожать.

Я не знаю, как сказать,
Чтоб судьбу с твоей связать,
Чтобы спутать — не распутать,
Чтобы рвать — не разорвать!

Что-то на́ сердце темно,
Не видал тебя давно,
Очень частой занавеской
Занавешено окно.

Не отец меня неволил,
Сам я рвался в хоровод,
Отбаянил, отгармонил
С новой дролей Новый год.

Не какой-нибудь иной —
Говорю тебе одной:
Ох, зазноба, ах, зазноба,
Будь поласковей со мной.

Говори, а может, лучше
Никому не говори,
Что сходились мы, как тучи,
Разошлись, как две зари.

Много раз, да много раз,
Да каждый раз по-новому

Говорю про синий глаз,
Синий, зацелованный.

Пели, пели, голосили,
Вился черный завиток,
Ах, не твой ли синий-синий
Примелькался мне платок?

Не малиновки летели
Над соломой яровой —
Пролетели все метели
Над моею головой.

Золотой поры девчонку
Узнаю по голосу,
По ласковому голосу,
По завитому волосу.

Скажи — с тобой в твоем дому
Проститься мне или ему,
Скажи — идти которому
На все четыре стороны?

Я в тебе души не чаю,
Но для слуха доброго —
Кто ни спросит — отвечаю:
«Ничего подобного!»

Желтый лист с березы свалится,
Зеленый будет жить,
Забывал — не забываешься, —
Не знаю, с кем дружить.

1935—1937

156

Мне дня не прожить без тебя, не тоскуя,
Коль всю мою долю ты держишь в руках.
И где я нашел молодую такую
И где тебя встретил — не вспомню никак.

Никто не напомнит, что было вначале;
Березы в сережки с утра убрались,
Все реки играли, и вербы качались,
Все зори взлетели, все звезды зажглись.

Потом, может, ветры расскажут раздолью,
Как жил я, ликуя, воюя, любя,
Но честь не по чести, и доля не в долю,
И слава не в славу, коль нету тебя!

1937

157. НАСТЯ

Не в моей веселой власти
Замолчать твои дела.
Я тебя достану, Настя,
Где б ты, Настя, ни была!

Где б ни шла и где б ни встала,
Где бы цветом ни цвела,
Где бы в пляске ни летала,
Где б ты, Настя, ни была!

Так найду, чтоб, хорошея,
Над собой теряя власть,
С пляски бросилась на шею,
Вокруг шеи обвилась
Бело-белыми руками,
Не лукавя, обвилась.

Чтобы шла ко мне домой,
Как звезда падучая,
Чтоб сказала: «Милый мой,
Я по тебе соскучилась —
Так по тебе соскучилась,
Что не живу, а мучаюсь!»

1937

158

За то, что с тобой не найти мне покоя,
За то, что опять горевал,
За то, что однажды придумал такое
И новой любовью назвал;

За то, что и день мой весь в тучах,
весь в тучах,
За то, что об этом пою,
За то, что разлука идет неминучей,
За долю, родная, твою, —

Пусть алые зори касаются веток,
Шумит величаво прибой...
Прости не за всё, но хотя бы за это,
Что снова забредил тобой.

1937

159—162. *СТИХИ О КИРОВЕ*

1

ВСТРЕЧА

...Нет, такие дни не забывают!
Не бесславье выпало, а честь.
Киров мне сказал:
«Ты — мировая!»
Может, мировая я и есть!
По порядку:
В Смольном было дело.
Молодости доля не тесна.
За окном на всех крылах летела
Краснозорьем взятая весна.
Чем она манила?
Встречей радуг,
Яблони стремительным цветком,
Синим небом,

Звездами,
Прохладой.
Я пошла плясать, взмахнув платком.
А за мной еще веселой стайкой
Парни и девчонки мне под стать.
Вдруг как закричат все:
«Перестаньте!»
— «Почему, ребята, перестать?
Я еще не топнула, как надо!»
— «Перестань!» —
Кричали мне одной.
. . .Если в этот миг была отрада,
То она была передо мной!
Киров!
Всё на свете забывая,
Спела я любимую одну.
Он тогда сказал:
«Ты — мировая!» —
И подвел к высокому окну.
За окном весна. И ветер — вестник
Половодья всех озер и рек.
У окна стоял простой, как песня,
Сердцем полоненный человек!
Слово жгло, и слово утешало.
«Лучшие, — сказал он, — шли к боям
Для того, чтоб радостней дышалось
И тебе и всем твоим друзьям».
И еще о многом.
Как отвечу?
Вот пройдут весны моей года,
Многое забудется,
Но встреча —
Ни за что на свете,
Никогда!

2

МУЖЕСТВО

Мир живет такими именами.
Гордая печаль, над нами вей!
Партия утратила стальная
Одного из лучших сыновей.

Страшная утрата за плечами,
Всюду вышел гнев из берегов!
В мире нет суровее печали,
Чем печаль страны большевиков!

Но по ненаписанным законам,
Не скрываясь в тягостную тьму,
Перейдет навеки в миллионы
Мужество, присущее ему,

Мужество, прошедшее не в крике,
Мировое мужество идей,
Мужество отважных и великих,
Ведших революцию людей.

3

ПРОЩАНИЕ

По кровному родству и праву
И по правам совсем другим
Мы вышли все рядами славы
Проститься с другом дорогим.
И все мы (мир огромный замер,
И по-иному день открыт)
Сухими плакали глазами
И горькую таили зависть
К тому, кто плакать мог навзрыд!
И тяжело нам было вдоволь.
И не было путям конца,
Как будто шли равниной льдовой,
И черный флаг затмил бордовый,
И ночь сходила на сердца!

И новый день, идя по кругу,
Увидел всех знамен поток
И как несли тогда мы другу
Живую радугу цветов;
Как сомкнутым шагали строем
(Уйдет звено, встает отряд)
И как клялись стране героев
Одной из самых грозных клятв.

. . .И снова сумерки сгустились,
Дорога скорбная длинна. . .
Страна окликнет:
«Все ль простились?»
И мы ответим:
«Все, страна!»

4

Гневом (за которым — смерть врагам) объятый
И великим горем удручен,
Встал народ.
И встала с ним Расплата,
И народ увидел: он отмщен!

Делом, за какое станем драться
При лазури ясной и во мгле, —
Всею силой кровных дружб и братства,
Равных нет которым на земле!

Он отмщен железным нашим строем,
Всем, чем мир поныне изумлен,
Он отмщен отвагою героев,
Громом пушек, бурею знамен!

Боевою долей батальонов,
Мужеством отдельного бойца
И священной клятвой миллионов,
Клявшихся бороться до конца!

Всем, чем мы живем, любою датой,
Тем, что мы идем, озарены,
Песней, в небо прянувшей, крылатой,
Поднятой бессмертием страны,

Делом, за какое станем драться
В небе, в море и среди лугов,
Всею силой кровных дружб и братства —
Вплоть до полной гибели врагов!

1934—1938

163

Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина как в снегу.
Я теперь ни плакать, ни смеяться
Ни с какой другою не могу.

Не твоих ли милых рук сверканье
Донеслось ко мне издалека?
Не с твоим ли розовым дыханьем
Розовые ходят облака?

Всё равно за облаком за тонким
Солнце выйдет, луч блеснет,
Всё равно глядеть мне в ту сторонку,
Где моя любимая живет.

Не скажу, как весело мне с нею
Там, где песня меркнет над водой,
Где большие заводи синеют
И над ними месяц молодой.

Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина как в снегу.
Я теперь ни плакать, не смеяться
Ни с какой другою не могу.

1938

164

Ой, да две дорожки в чистом поле,
Разлетелись две подряд.
Ой, да по одной дорожке вволю
И ходить мне не велят.

Не велят ходить никак
Там, где твой цветной рукав,
Где моя большая доля,
Как заря в твоих руках.

Как заря в твоих руках,
Как ручей в траве высокой
Или словно сизый сокол,
Ясный сокол в облаках!

Нет, горы такой не встретить,
Где бы камня не добыть,
Нет другой такой на свете,
Чтоб забыть тебя, забыть.

1938

165. ВОПРОС

Ты скажи мне по правде,
Кто гуляет с тобой
Вдоль по улице главной,
По другой, по любой?
Или там, где в поклонах
Гнутся маков моря,
Где в столетние клены
Полыхает заря?
Кто он, равный, неравный,
Ловит взгляд голубой?
Ты скажи мне по правде,
Кто гуляет с тобой?
То ли ходит он легче,
Пояс ярче ль горит,
Кто гуляет, что шепчет
И о чем говорит?
Нрав его и обычай,
С кем он делит почет,
Как зовут или кличут,
Что он делает, черт?

1938

166

Любишь или нет меня, отрада,
Всё равно я так тебя зову,
Всё равно топтать нам до упаду
Вешнюю зеленую траву.

Яблонею белой любоваться
(Ой, чтоб вечно, вечно ей цвести!),
Под одним окном расцеловаться,
Под другим — чтоб глаз не отвести!

А потом опять порой прощальной
Проходить дорогой, как по дну,
И не знать, в каких просторах дальних
Две дороги сходятся в одну.

Чтоб не как во сне, немы и глухи,
А вовсю, страдая и крича,
Надо мной твои летали руки,
Словно два сверкающих луча!

1938

167. ЗА РЕКОЙ

За рекой горят зарницы,
Вечер ласковый такой,
Только вечер, только птицы,
Только месяц за рекой.

Ясный месяц, тихий вечер,
Невысоких звезд покой,
Только песни, только речи,
Только встречи за рекой.

И у заводи прохладной
Ты махни цветам рукой —
Ну, для ладной, для отрадной
Новой встречи за рекой.

Где б ты ни был — в синем море
Иль у снежных гор в краю, —
Чтобы сердце на просторе
Пело песенку мою.

1938

168

Всё мне светятся спозаранку
Золотые твои края...
Погадай мне, моя цыганка,
Замечательная моя!

Ну, на счастье сгадаем, что ли,
Ты по-старому мне люба.
Падай справа, моя недоля,
Слева падай, моя судьба!

Справа падает некрасивый,
Ненавидимый мной вдвойне.
Слева мамка заголосила —
Обо мне иль не обо мне?

Нас три брата. О ком ты плачешь?
Старший в песню идет — упрям.
Средний — сокол. Тогда о младшем —
Младший плавает по морям.

Слева — трубы поход играют,
Справа — горестно и темно,
Справа падает злая краля,
Позабытая мной давно.

Ну, а ты где? Я разгадаю,
Сам раскину свою беду.
Ты не пала мне, молодая,
Ни с колоды, ни на роду.

Всё же ради цветущих летом
Всех тропинок, бегущих врозь,

Ради песен моих неспетых
Не покинь ты меня, не брось!

Ни дождями и ни порошей
Мне с тобою не ждать гостей...
Снова падает нехороший,
Некрасивый король крестей!

1938

169

Мне с тобой, мой ясный сокол,
Расставаться нелегко.
Ты лети, лети высóко,
Высокó и далеко:

Через бури и туманы,
Через ветер белых круч,
Далеко — до океана,
Высоко — повыше туч!

Чтобы туч белесых стая
Под тобой, как пух, легла,
Чтобы песенка простая
О тебе не замерла.

Где ты встретишь час рассветный,
Где проложишь путь прямой?
Выше туч, сильнее ветра,
Ближе к солнцу, сокол мой!

1938

170

Скажи мне, как мы шли и пели
Да как мы за руки взялись.
Вдали гармоники звенели
И от плеча к плечу рвались.

Вдаль, разрисованные мелом,
Вагоны мчались налегке,
А ты была в каком-то белом,
Совсем поношенном платке.

Забуду всё, пойду далече,
И, может, песню затяну,
И, может, в ней об этой встрече,
Не вспоминая, вспомяну,

Как в небо синее глядели
И как совсем недавно мы
Отлюбовались на неделю,
Отцеловались до зимы.

1938

171

Я проснулась — чуть светало,
Чтобы встретиться с тобой,
И пошла я снегом талым
По дорожке голубой.

По утру да по началу
Должен быть хорош денек,
Столько синьки не встречала,
Только слева — огонек!

Я пришла на огонек,
Вижу — курит паренек,
Вижу — курит, брови хмурит,
Вижу — машет мне рукой.

Вижу — машет мне рукой,
Вижу — рушит мой покой.
Больше ничего не вижу,
Вижу — парень неплохой!

Ох и парень, в самый раз,
Обниматься горазд.

В это время в целом свете
Только двое было нас!

Ой, не то чтоб с глаз долой,
Ой, не по́ сердцу пилой.
Не с того, что было стыдно,
Целовалась под полой!

А с того, что веял ветер
Снежной пылью в синий глаз.
А с того, что в целом свете
Только двое было нас!

1938

172

На родной на стороне,
Там, где льнет волна к волне,
Не приснилась ли ты мне,
Не приснилась ли ты мне?

Там, где льнет к волне волна,
Где заря на Ладоге,
Не приснилась мне она,
А явилась в радуге!

Всем видна ее краса:
Брови стрелкой, узкие,
И до пояса коса,
Золотая, русская!

Ой, ко́са-краса у ней,
В красных лентах, всех длинней.
Я не знаю, сколько стоит:
Может, тысячу рублей!

Может, двадцать пять коней,
Может, двадцать пять саней.
Сани, сани с бубенцами,
С женихами-молодцами!

Женихи все целый день
Носят шапки набекрень,
А невесты возле них —
В полушалках дорогих.

А одна дороже всех,
А одна моложе всех!

Ой, одна из них краса:
Брови стрелкой, узкие,
И до пояса коса,
Золотая, русская!

1938

173. ЛЮБУШКА

Здравствуй, здравствуй, любушка,
Любушка, голубушка!
Здравствуй, зоренька-заря,
Свет, блеснувший за моря,
Здравствуй, небывалая,
Здравствуй, губы алые!
Ой, как ветер ходит, воя,
Позаречной стороной
Против ветра выйдем двое,
Тяжело идти одной!

И услышал я в ответ:
«Никакого ветра нет.
Нет ни в поле, ни в бору,
Обними, а то умру.
Обними меня до боли,
Так, чтоб смеркнул свет дневной!..»
Вот теперь по нам обоим
Ходит ветер озорной.

Между 1937 и 1939

174—176. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

«Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.

Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Рукавом ему бобровым
Кровь с жестоких ран сотру».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Ветер, ветер в чистом поле,
Быстролетный милый друг,
Поневоле иль по воле
Веешь сильно так вокруг?

Ты зачем, взметнув потоки
Дуновеньем легких крыл,
Тучей ханских стрел жестоких
Войско милого покрыл?

Мало ль оболок кисейных,
Кораблей по синь-морям,
Так зачем мое веселье
Разомчал по ковылям?»

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Славный Днепр мой, ты в просторы
Волны быстрые промчал
Через каменные горы,
Через землю половчан.

Без тревоги, без печали
Волны синие твои

Поднимали и качали
Святославовы ладьи.

Сжалься, Днепр мой, надо мною,
Над тоской наедине
И с попутною волною
Друга ты примчи ко мне».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Солнце, солнце золотое,
В небе ярко ты горишь.
Солнце красное, родное,
Всем тепло и свет даришь.

Что ж ты нынче золотые
Стрелы мечешь для того,
Чтоб палить и жечь в пустыне
Войско мужа моего?

Луки жажда им согнула.
И, взлетая от песка,
Им колчаны позамкнула
В поле лютая тоска».

ПЯТАЯ ПЕСНЬ

Перед зарею раным-рано
Что там шумит, что там звенит?
То Игорь скачет полем бранным,
И молоньи из-под копыт!

Два дня потоки стрел каленых
Летящих видела земля.
На третий Игоря знамена
Упали разом на поля.

Там полегли колчан с булатом,
Там смяты русские полки,
Там разлучились оба брата
На берегу Каял-реки.

Там кончен долгий пир богатый,
Там гостевали, как могли,
Там напоили вповаль сватов,
А сами в поле полегли

За землю русскую!
И тонет
В бескрайних тучах синева,
Печаль деревья долу клонит,
И никнет с жалости трава...

ЯРОСЛАВНА

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русскою зимой,
Ярославна — свет мой на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой!

Где же, где же он, гонец крылатый,
С доброй вестью с грозных берегов:
Копьями, колчанами, булатом
Заслонен твой Игорь от врагов!

Видно, спор с ветрами не был равным.
Дальний друг, одно известно мне:
Плачем исходила Ярославна
На Путивля каменной стене.

Вот ко всем путям, тобой любимым,
Славословя, припадаю я:
К той земле, которой ты ходила,
К той воде, которая твоя!

Ты такая ясная, простая,
Ты такая русская в дому...
Пусть же никогда не зарастает
Торный путь к порогу твоему!

1937—1939

177

Нет на свете края,
Как страна родная,
Никогда на ней не гаснет алая заря,
По стране счастливой
Золотятся нивы,
С гор сбегая, плещут реки
В синие моря.

Доля заревая,
Песня боевая
Мчится, словно ясный сокол, в дальние края.
Пусть по переправам
Не смолкает слава
О тебе, Страна Советов,
Родина моя!

Высоко над нами
Молодое знамя,
Молодое наше знамя вольного труда.
Против силы вражьей
Соколы на страже,
Не взовьется в небо наше
Коршун никогда!

Нет на свете края,
Как страна родная,
Всех сильней мы любим в мире отчие края.
Ты стоишь высоко,
Ты видна далеко,
Волевая,
Боевая
Родина моя!

1939

178

Как радостно сердцу — ты в нем загостилась.
Как сладостно думать о том,
Что дважды за все наши беды простилось
И трижды простится потом.

Веди куда хочешь!
Зимой или летом
Нашей на папаху звезду.
Я, в землю влюбленный, наполненный светом,
Широкой долиной иду.

Но явится день, чтобы ты загрустила, —
Мне молния в душу блеснет!
Умру я, а солнце, что в сердце гостило,
На дальние клены вспорхнет.

Они только дрогнут зеленой листвою,
А там, где закаты горят,
Над быстрой водою, над горькой травою
Еще веселей зашумят...

1939

179. ОЗОРНАЯ

Днем и ночью, сердце, ной
По одной, по озорной!
Днем и ночью вперебой
По бедовой, голубой.
Ой, беда бедовая,
Жалко, что не вдовая.
На ней кофта новая,
Яркая, бордовая!
Шире круг ей, шире, шире
По зиме, по инею...
А глаза у ней большие,
Синие-пресиние!
А еще не знать покою,
Как пройдет сторонкою,
Как взмахнет своей рукою,
Молодою, тонкою.
Что мне делать, сам не знаю,
Только песня светится.
Озорная, озорная,
Где мы завтра встретимся?

1939

180

Где весна, там и лето,
Новых песен прибой.
Ох, и много их спето,
Дорогая, с тобой.

Много, много приветных
Разнеслось по лужкам,
По веселым, заветным,
По крутым бережкам.

Левый берег — отлогий,
Правый берег — крутой,
Все дорожки-дороги,
Огонек золотой.

В синих дыма колечках
Улетали слова...
Ой ты, Черная речка,
Острова, острова...

1939

181

Свет померк в твоем окне,
Дом твой в полной тишине,
Сделай так, чтоб сердце пело,
Только вспомни обо мне!

Как ты вспомнишь обо мне,
Может, звездам в вышине
Скажешь ты:
«Спокойной ночи!» —
Как цветам в твоем окне.

Пусть поет волна волне,
Что покой твой дорог мне.
Спи спокойно, будь отрадна...
Свет померк в твоем окне!

1939

182

Ты мне что-то сказала,
Иль при щедрости дня
Мне опять показалось,
Что ты любишь меня?
Любишь так, как хотела,
Или так, как пришлось...
Ой, ты вдаль поглядела —
Там дороги шли врозь.
Всё равно полднем звонким
Дам запевок рои
В руки милые, тонкие,
Дорогие твои.
Сердце рвется на волю,
Не сгорая гореть,
Колокольчики в поле
Стали тихо звенеть.
Ты мне что-то сказала,
Иль при щедрости дня
Мне опять показалось,
Что ты любишь меня?

1939

183. ЗАСТОЛЬНАЯ

Да здравствует наша пирушка,
Веселый и тесный кружок.
По правую руку — подружка,
По левую руку — дружок.
Тут каждый за дружбу спокоен.
И в честь этой дружбы дано
Узнать поскорее, какое
Играет в стаканах вино!
Так чокнемся, что ли, коль нужно,
Чтоб всюду сияла она,
И выпьем за старую дружбу,
За ясную дружбу — до дна!
В стаканы вино, а не мимо,
Еще далеко до конца, —
Так выпьем за наших любимых,
За их золотые сердца!

За счастье, с которым сроднились,
За верных подружек своих
И прежних, которые снились,
За долю веселую их!
Веселье прославим!
                    Без спеси
Раскинем на полный размах...
Застолица требует песню,
А песня уже на губах!

*

Как три сокола летели
Над раздольною водой,
Ой, отстал от братьев сокол,
Сокол самый молодой.

Оба сокола в полете
Обернулись к одному.
«Ты куда летишь, товарищ?» —
Двое крикнули ему.

Младший сокол им ответил:
«Ой, не мне лететь домой,
Слышу я — закаркал ворон,
Черный ворон, недруг мой.

Там, где волны бьются в берег
Самокатным жемчугом,
Там, далеко, в смертной битве
Грудью в грудь столкнусь с врагом».

*

Пригубим за песню, что настежь
Открыла нам душу свою,
А после, ребята, за Настю,
За милую Настю мою.
За Настю до капли!
                    Подымем
Стаканы, друзья, за нее,
За губы ее молодые,
За светлые руки ее!

1939

184. СОЛЬВЕЙГ

1

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
И ветры над ними промчались, трубя...
Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
Не дай умереть, не увидев тебя!

В бору вековом ты приснись иль в долине,
Где сосны кончают свое забытье
И с плеч, словно путники, сбросили иней,
Приветствуя так появленье твое!

И чтобы увидел я снова и снова,
Что мне не увидеть по дальним краям,—
И косы тяжелые в лентах лиловых,
И взгляд, от которого петь соловьям!

Чтоб снег перепархивал, даль заклубилась,
Вершинами бор проколол синеву,
Чтоб замерло сердце, не билось, не билось,
Как будто бы ты наяву, наяву!

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
Мой ветер, мой вольный, ты им поклонись.
Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
Какая ты светлая, Сольвейг!
                                        Приснись!

2

Бор синий, вечерний. Суметы крутые.
И словно на ветви легли небеса.
О Сольвейг!
                    Ой, косы твои золотые,
Ой, губ твоих полных и алых краса!

Как ходишь легко ты по снежному краю!
Там ветер по окна сугробы намел,
И там, где прошла ты, ручьи заиграли
И вдруг на опушке подснежник расцвел.

А там, где ты встала, трава прорастает,
Река рвется к морю, и льдинки хрустят,
И птиц перелетных крикливые стаи,
Быть может, сегодня сюда прилетят.

Заплещут крылами, засвищут, как в детстве,
За дымкой туманной, грустя и любя...
О Сольвейг, постой же! Ну, дай наглядеться,
Ну, дай наглядеться, любовь, на тебя!

Ведь может и так быть:
поля колосились,
И реки к морям устремляли разбег,
Чтоб глаз, отененных ресницами, синих,
Вовек не померкло сиянье,
вовек!

1939

185

За нами дни пережитые,
Над нами бури и грома...
Так протяни мне золотые,
Не раз сводившие с ума!
И если дальний мир зеленый
Лежит, в туманах утонув,
То здесь, внизу, тоскуют клены,
В твое окно не заглянув!
Они, как я с тобой, — простые,
Их клонит ветер, гнет зима...
Так протяни мне золотые,
Не раз сводившие с ума!
С тобой весна. Она раскрыла
Веселый ветер, первый гром,
Чтоб звон и трепет легкокрылый
Прошел от кленов под окном.
Каймой зари перевитые,
Стоят приневские дома...
Так протяни мне золотые,
Не раз сводившие с ума!

1939

186

Сколько весен,
Сколько зим,
                    558-71.
Пять, пять, восемь, семь, один!
Где б раздольем ни ходил,
Вслед за мною гонится
Этих чисел конница!

Может, бурею носима,
С маху бьет цветы лядин
Чисел скованная сила:
                    558-71.
Пусть, а я сквозь это злое,
Неразрывное кольцо
Вижу милое, простое,
Загорелое лицо.

Вижу, вижу, знаю, знаю,
Сколько весен, столько зим,
С добрым утром!
                              Набираю
                    558-71.

1939

187

Дорогая, синеглазая,
Праздник мой в моей судьбе,
Всё, что в этой песне сказано,
Будет только о тебе.
Здесь, где въявь тайга угрюмая,
Где в снегах стоят леса,
Всё-то думаю, всё думаю
О тебе, моя краса!
Возле сосен запорошенных
Вьется мой далекий путь...
Ненаглядная, хорошая,
Не забудь, не позабудь.
Я хочу, чтоб люди поняли,

Что, ликуя и кляня,
Никакой на свете волею
Не покинешь ты меня.
Всё, чем сердце переполнилось,
Всё, что связано с душой,
Не дадут тебе опомниться
От любви моей большой.

1939

188

За березами, за хвоями
Только слышно, как поешь,
Всё по-своему, по-своему,
Не по-моему живешь!

Молодое время летнее,
Милый друг мой, милый друг,
По какой дорожке ветреной
Отбиваешься от рук?

Ну куда опять сегодня ты
Далеко ушла в леса,
Где лишь ветви сосен подняты
И глядятся в небеса?

За поверьями, за сказами
Буду сам тебя водить,
Чтоб не шла, где не приказано,
Где не сказано ходить!

Между 1938 и 1940

189

Как будто солнце встало с полуночи,
Как будто ветры свеяли беду,
Как будто счастье кто-то напророчил
Вдруг нам обоим в нынешнем году.

Мелькают дни, а что, как оборвется
Всё, чем живу, светлею и дышу,
Как в песне — вьется, в руки не дается, —
Вот я тогда у жизни попрошу:

Чтоб путь к тебе еще был покороче
И в новый год чтоб жить с тобой не врозь,
Чтоб снова встало солнце с полуночи,
Чтобы опять пророчество сбылось!

Между 1938 и 1940

190

В богатырке мой город, в походной шинели,
Летописцам не счесть, сколько он перенес,
Сколько раз на него налетали метели,
Сколько бурь, сколько яростных вьюг, сколько гроз!
Он стоит как скала (есть ли скалы отвесней!),
До его богатырки орлам не достать!
Он великий, как гимн, и простой, словно песня,
Он такой, что другие ему не под стать!
На плечах его тучи, туч по двадцать на каждом,
Давят сильно — другой бы поблек и зачах,
А ему нипочем, он их нес не однажды,
А ему незаметно, что они на плечах!
Пусть они отдыхают, он скинет их, светлый,
Он иных облаков рвал тугое кольцо.
Полководец и воин мой город бессмертный,
Восемь пламенных ромбов у него налицо!
Годы будут греметь, будут мчаться недели.
Танки все наготове, порох держим сухим.
В богатырке мой город, в походной шинели.
Я таким его вижу и знаю таким!

Между 1938 и 1940

191

Я пред тобой за всё в ответе,
Мне ничего тебе не жаль,
Я рад, что ты живешь на свете,
Мое веселье и печаль.

Не разорваться дружбе нашей,
Я рад, что рядом ты живешь,
Что где-то ходишь, где-то пляшешь,
Что где-то плачешь и поешь;

Что я не праздно, не напрасно
Пришел к тебе своим путем,
Что весь мой мир, большой и властный,
В хорошем имени твоем!

1939 или 1940

192

Что досталось в долю мне?
Зори в дальней стороне,
Письма, шедшие с востока,
Луч заката на стене.

Что понятно мне уже?
Чуткий сон настороже.
Две гранаты в изголовье,
Два баяна в блиндаже!

Что я на́век сберегу?
Путь один через тайгу,
Тени длинные от сосен,
Гром орудий по врагу.

1939 или 1940

193. ОКНО

Звездный путь широкой опояскою
Опоясал милые края.
Далеко, далёко светит ясная
Звездочка моя, любовь моя.

Кто теперь с любимой рука об руку
Встретит наши зори по весне?
Ты скажи мне, тучка или облако,
Улыбается ль она во сне?

Может, клены поднятыми ветками
Бьют в окно, мешают ей заснуть?
Ведь в ее окно, такое светлое,
Ничего не стоит заглянуть.

1940

194

Я кого люблю, того ревную,
Эту боль ни с кем я не делю.
Изо всех бедовых — озорную,
Вот кого ревную и люблю.

Вкруг нее немало ладных вьется,
Кой-кто близко, кой-кто далеко,
Всё равно — мне с ней легко живется,
Жить легко и песню петь легко.

Так легко, что будто над полями
Зори, звезды, солнце встали вдруг,
Так легко, как будто соловьями
Все дома наполнены вокруг!

А когда мне горе руки свяжет
И когда обиды не стерплю,
«Брось, шальной, — она мне только скажет, —
Я ведь одного тебя люблю».

1940

195

Забыть — не забыла, и помнишь не очень,
И всё же нельзя отмахнуться рукой
От встреч мимолетных в короткие ночи,
От зорь, что зарделись над быстрой рекой.

Еще не отгрезился наш первопуток,
Еще где-то машут нам ветви берез...
Ты, может быть, шутишь, а мне не до шуток,
Ты, может быть, плачешь, а мне не до слез!

Еще все дорожки, лужки и отводы
Узнают, как раньше, походку твою,
И я, не забывший тебя за полгода,
Тебе эту песенку нынче пою.

И в ней я прошу, чтоб ты снова ходила,
Где сходятся зори, красою маня,
Чтоб снова жалела, ласкала, любила
Простого, веселого — то есть меня!

1940

196

Как тебя другие называют,
Пусть совсем-совсем не знаю я.
Ты — моя травинка полевая,
Ты — одна любимая моя!

Где-то возле вербы-краснотала,
Где-то рядом с горем и тоской,

Где-то в дальнем поле вырастала,
Где-то в дальнем-дальнем, за рекой.

Вырастала, радости не зная,
Но, узнав про горести твои,
По-за Волгой, Доном и Дунаем
В лад с тобой грустили соловьи.

Как тебя другие называют,
Пусть совсем-совсем не знаю я.
Ты — моя травинка полевая,
Ты — одна любимая моя!

1940

197

Зреет ягода морошка
Вдоль тропы знакомой,
Возле узенькой дорожки
К лугу молодому.
К лугу молодому,
К дому золотому,
К милой Машиной родне,
Роду не худому!
Ой ты, Маша, Маша,
Не моя, не ваша!
У ней губы — вишни,
Брови тоже вышли.
Запоет — везде слыхать,
А идет — не слышно!
У ней косы — русы,
У ней бусы — бусы.
У ней серьги — самоцветы,
Лучше в мире нету!
У ней губы вкусны,
У ней пальцы с хрустом,
Так что с ней кое-кому
Никогда не грустно!

1940

198. ГАРМОНИКА

Под низенькими окнами,
Дорожкой вдоль села,
Вот выросла, вот охнула,
Вот ахнула — пошла.

Вот свистнула — повиснула
На узеньком ремне,
Вся синяя, вся близкая
И вся кругом в огне.

Звени, звени, гори, гори,
Веселая, — лети,
Поговори, поговори,
Прости, озолоти!

И вот она, и вот она,
От почестей зардясь,
Идет себе вольным-вольна,
И плача и смеясь,

Разбилась дробью частою,
А то от всех обид
Совсем была несчастною
И плакала навзрыд.

То шла людей задаривать,
И, нá веки веков
Вовсю раскинув зарево
Малиновых мехов,

Так пела и так плакала
Про горести свои,
Как бы за каждым клапаном
Гнездились соловьи.

И рвется ночи кружево,
Она, как день, — красна,
Все яблони разбужены,
И кленам не до сна!

Прости меня, прости меня,
Подольше погости,
Вся близкая, вся синяя,
Вся алая — прости!

1940

199. СКАЗКА

По лугам, по редкоборью
Всей порою вешнею
Ходит сказка Беломорья,
Перегудка здешняя.

Пересмех, перегуд,
Сказку люди берегут.

С ней рыбак живет на льдине,
С ней легка дорожка!
Ходит сказка вся в сатине,
В лаковых сапожках.

Исходила край лесной
В лаковых сапожках,
В кофте новой, радостной,
В платьице горошком!

А зимой, а зимой
Путь во все края прямой,
В санках-самокатках,
Гуси на запятках!

Сани с тормозами,
Едут они сами.
Распашные, расписные,
Вот какие сани!

Гуси на запятках,
Зайцы для порядка,
А настанут святки —
Волки для оглядки!

Кое-где тряхнут ухабы
По дороженьке крутой...
«Жили-были дед да баба...» —
Вот начало сказки той!

1940

200

Всё, как есть, я от тебя приемлю.
Вот закончится войны страда,
Как на солнце, ставшее на землю,
Буду на тебя глядеть тогда!

Я, как сокол, солнечную бурю
Встречу, не пугаясь ничего,
Не закрою глаз и не зажмурю
От большого света твоего!

Вот сказал, что думал я, и замер
В этой очень дальней стороне.
Широко раскрытыми глазами
И губами — что ты скажешь мне?

1940

201

Что ж, я расскажу вам в конце концов,
Как мы хоронили убитых бойцов.
Земля — словно камень,
Пурга, снега,
Болота, озера,
Леса, тайга.

И снег этот, как приказал военком,
Мы били лопатой, ломали штыком!

И мы эту землю, за комом ком,
Дробили лопатой, ломали штыком!

И так две могилы, одну за одной,
Мы вырыли на два штыка глубиной.

И вот мы друзей положили рядками,
Замерзшую кровь их мы стерли платками.

Мы скинули шапки пред прахом отважных,
Мы им поклонились не раз и не дважды!

Как думали — вместе, как жили — не врозь,
Мы клали их боком, чтоб крепче спалось!

Прощайте навеки, родные друзья,
Останется где-нибудь песня моя,

Как след наших ног, покоривших тайгу,
Как залп нашей мести по злому врагу.

1940

202. ЯСЕНЬ

На одной сторонке,
На родной сторонке
Вырос ясень тонкий,
Ясень ты мой тонкий.

За травой полынной,
У дороги длинной,
Ясень ты мой, ясень,
Ясень придолинный.

Я ушел далече
С думою о встрече,
Ясень ты мой, ясень,
Золотой под вечер!

Там, где мы простились,
Все пути скрестились,
Ясень ты мой, ясень,
Зори загостились!

Я с любой тревогой,
С той, которых много,
Ясень ты мой, ясень,
Шел твоей дорогой.

Из походов ратных
Я вернусь обратно,
Ясень ты мой, ясень,
День мой незакатный!

1940 или 1941

203

Два-три поворота — и город.
А тропы — в тайгу да в тайгу,
А вон перелесок, в котором
Олени лежат на снегу.
Устали они, отдыхают,
С полудня, наверно, в бегах,
И тонкий закат полыхает
У них на ветвистых рогах!
И снег, отливающий ртутью,
Как будто огнем окружен,
Как будто из тоненьких прутьев
Костер розоватый зажжен!
Берлоги, гнездовья и норки
Пути в этот мир стерегут,
Где сосенки прямо с пригорка
Накатанной лыжней бегут.
И всё ж проходи без опаски
По этой родной стороне,
И кажется всё это сказкой,
Навеянной родиной мне!

1940 или 1941

204. ЛЕНИН

Ленин — клич миллионов.
Никогда не смолкая,
Клич гремит через годы,
через все времена.
Ленин в сердце народов,
воля их боевая,
Песня матери сыну,
что легка и вольна.
Ленин — вечное солнце,
с ним никто нам не страшен.
Человеческой радости —
Ленин ясная весть.
Ленин — вождь Красной Армии
героической нашей,
Той, которая строилась,
той, которая есть!
Вместе с Лениным рвали мы
мрак извечный, гнетущий, —
Рдеют звезды на шлемах,
а сколько — не счесть.
Ленин — свет всех народов,
тех, что будут в грядущем,
Тех, которые были,
тех, которые есть!
Вместе с Лениным
всюду врагов одолели,
Отстояли отчизну
в кровавом бою.
Вместе с Лениным шли мы
в снега и метели
За Советскую власть
за родную свою.
За Советскую власть,
что от моря до моря
Подняла металлистов,
косарей, рыбаков,
За которую мужество
наше прямое,
Закаленное Лениным,
шло на гребни веков.

За Советскую власть,
за простор необъятный —
От низин Заонежья
до дорог на Памир...
Высоко встало солнце.
Гремит наша клятва
От лица всех народов,
населяющих мир!

1940—1941

205—207. *ТРИ ОТКРЫТКИ НА ЮГ*

1

Ну как там, на юге, на юге,
Стучат ли капели в окно,
Там любит меня иль не любит
Веселое сердце одно?

Да что я? Конечно, капели,
Конечно, весна на дворе,
И ты там проходишь в апреле,
А я тут хожу в январе!

Тут сосенкам в новых заборах
От снега голов не поднять,
Тут небо спустилось на горы,
Чтоб звездам по склонам гулять!

Лебедки на цинковых талях,
Весь белый от инея мост
И дальние-дальние дали
По-русски размашистых верст!

А как там, на юге, на юге,
Стучат ли капели в окно,
Там любит меня иль не любит
Веселое сердце одно?

2

Коль сердце любовью согрето,
Опять я стихами горю,
Опять не про то, а про это
Сегодня с тобой говорю.

Про это, про север, про север,
С кольцом краснолесья тугим,
Про север далекий, что всеми —
Наверное, всеми — любим.

Где, с неба глубокого свесясь,
Откинув недавний разгул,
Свернулся калачиком месяц,
И внял тишине, и заснул.

Где след на снегу —
словно строчка,
Метелям раздолье дано,
Где солнце садится за кочку,
А звезды глядятся в окно!

Где байка и песня в народе,
Коньки прямо с крыши летят,
Где присказки по воду ходят,
А сказки на елках сидят!

3

Уеду — и сниться мне станут,
В каком-то привычном кругу,
Далекий в лесу полустанок
И сосны в глубоком снегу.

И елок зеленые челки,
Белесые дали небес,
И русская наша девчонка,
На лыжах бегущая в лес.

И тоньше лозы или прута
Какой-нибудь там ручеек,

Да город, поднявшийся круто,
И дым, что за городом лег,

Да бег паровоза — на полный —
В просторы болот и лугов,
Да рек ледовитые волны
Среди необъятных снегов!

1941

208

Мне только и думать весной многоцветной
В моем приозерном веселом краю,
Каким ты большим и немыслимым светом
Наполнила сердце и душу мою.

Не тем, от которого ярче и резче
Яснеют долины в полуденный зной,
Не тем, что коснется волны и трепещет,
Не тем, что проходит сквозь лист вырезной.

Не тем, — а каким же? И нету ответа,
Но всюду пронизано им бытие,
Кусками зари ярко-алого цвета
Он падает прямо на сердце мое!

1941

209

Я полюбил давно его,
Где вьется он, я — там,
Мой путь до дома твоего
Бежит по двум мостам.

И я прошу тебя, молю
На путь мой кинуть взгляд.
Я так давно тебя люблю —
Не три ль зимы подряд.

Нам их не надо забывать,
Мелькает дней черед.
Четвертой нам не миновать,
Так пусть она придет!

Со скрипом санок у крыльца,
Со всем, что берегу, —
И руки около лица,
И зори на снегу!

И лед, поднявшийся грядой,
И день накоротке,
И ты — девчонка, за водой
Идущая в платке.

И ты проходишь за водой,
Кругом снегов развал,
И ветер, самый молодой,
Тебя облюбовал.

И он с тобой, любовь моя,
Заводит кутерьму, —
Целует любушку. И я
Завидую ему.

И вот такой зимы приход
Навек благословлю.
Который год, который год
Я так тебя люблю!

1941

210

Вся Отчизна встала для отпора,
Все свои святыни отстоим.
Ленинград, родной, любимый город,
Многославен мужеством своим.

Вот он, друг мой, брат мой,
самый близкий,
Он любовью вечной наделен.

Каждый камень, каждый дома выступ
Нашей алой кровью закреплен.

Вот стоит он с флагом распростертым,
Опаленный солнцем горячо,
В боевой походной гимнастерке,
В скатке через левое плечо.

Что ж, товарищ, мы видали беды,
Не однажды знали смертный бой, —
Всё ж твоя великая победа,
Словно солнце, встала над тобой!

Друг мой замечательный и брат мой,
Любящих тебя не счесть кругом,
Ты опять идешь героем в схватку
С ненавистным, бешеным врагом!

1941

211. БИЛЕТ № 4 142 357

Посвящается
памяти героя-комсомольца
Ивана Макаровича Козлова

Как земли во имя, так и неба,
Связанные дружбой и борьбой,
Шли, благословляемые гневом
Своего отечества, на бой.

Что им, смелым, выпало на долю
В двадцать, в двадцать пять веселых лет?
Никогда не дрогнуть пред бедою
И за кровь лишь кровью дать ответ.

Шли суровой воинской порою,
Громом пушек всё перекричав,
Шли за власть Советскую герои,
Грозен был их путь и величав.

Презирая смерть во имя жизни,
Верные присяге до конца,

Верные незыблемо отчизне,
Бились комсомольские сердца.

Родина! Ты всем сынам понятна,
Родина! Одна на все века,
Родина, как солнце, необъятна,
Родина, как звезды, высока!

Родина, березонька над тыном,
Родина, с тобой повсюду мы —
Там, где в зорях все твои долины,
Где в цветах покатые холмы.

...Пули и гранаты били разом,
И в каком-то миге, будто в мох, —
Родина! — упал голубоглазый
На один из тех твоих холмов.

Там, где две березы над поляной,
Там, где громко речка разлилась,
Кровь, струею хлынувшая рьяной,
Гневно растеклась и запеклась...

Стих мой, прославляющий геройство,
Песня, что сейчас отозвалась, —
На билете славном комсомольском,
Кровь, струясь из сердца, запеклась.

Родина, гордясь везде своими
Сыновьями, павшими в борьбе,
Сохрани его простое имя!
Он был верен, Родина, тебе!

1941

212. БАЛЛАДА О КРАСНОАРМЕЙЦЕ ДЕМИНЕ

Земля дорогая в пепле, в золе,
Горячий июльский зной.
Фашистские танки идут по земле,
По нашей земле родной.

Но встали мы грозно на их пути,
Вкопались в землю до плеч,
Чтоб им не пройти, чтоб им не уйти,
Чтоб их, ненавистных, сжечь!

Мы любим отчизну, с ней смерть
победим,
Кто мыслит не так — умрет!
И здесь против танка один на один
Демин, боец, встает.

Но рано он встал. Мгновенье одно
Ему б подождать еще,
Коль пуле врага лететь дано, —
И вот она бьет в плечо.

Хочу, чтоб понятно было всем,
И стих не хочу тянуть.
Пятнадцать метров,
десять,
семь
Осталось танку рвануть!

И счет на секунды ведется.
Не лгу,
Тут песню бы надо сложить
О том, как крикнул Демин врагу:
«Не жить тебе, гад, не жить!»

Что завоевано, мы не сдадим,
Об этом знает любой,
И вновь против танка один на один,
Превозмогая боль,

Демин стоит, и кровь течет,
И ненависть бьет ключом.
Бутылка с горючим летит в броню
И танк предает огню.

За то, что плечо пробил, гори!
За то, что ты враг, умри!

1941

213. УМРЕМ, НО НЕ ДОПУСТИМ!

Умрем, но не допустим
(Нам воля дорога)
К Невы широкой устью
Проклятого врага!

Здесь всё оплачено трудом,
Здесь воздух боевой,
Здесь каждый выступ, каждый дом —
Живой, друзья, живой!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

Не встанет на колени он
Любою злой порой,
Великий город Ленина,
Наш доблестный герой.

Так будем вкруг него стеной,
Все братья, вся семья,
В нем каждый камень — наш родной,
Трава в садах — своя!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

От нас отчизна требует
Унять фашистов раж,
Еще такого не было,
Чтоб дрогнул город наш!

От берегов до берегов
Пусть бьет фашистов дрожь,
Уныл могильный путь врагов,
Так множь могилы, множь!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

1941

214. ИДУТ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ КОЛОННЫ

Идут красноармейские колонны,
Суров и грозен их походный строй.
За Ленинград, наш город непреклонный,
За Ленинград, любимый город свой,

Идут они. Кругом — земля родная,
Сентябрьский отблеск солнца на штыках,
Идут они и, может быть, не знают,
Что каждый шаг останется в веках!

Вокруг — отчизна. Всё холмы и скаты,
Поля, поля, небес поблекший шелк...
Идут они, и словно бы с плаката
Правофланговый на землю сошел!

Мгновенье, стой!
Он рушит все преграды,
Идет на танк со связкою гранат...
За ним сады и парки Ленинграда!
За ним в одном порыве Ленинград!

1941

215. МОСКВЕ

Вся родина встала заслоном.
Нам биться с врагом до конца, —
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца!

Идет через грозные годы
И долю народа всего,
Идет через сердце народа
И вечную славу его!

Идет через море людское,
Идет через все города...

И всё это, братья, такое,
Что враг не возьмет никогда!

Москва!
До последних патронов,
До дольки последней свинца
Мы в битвах!
Твоя оборона
Идет через наши сердца!

1941

216. КЛЯНЕМСЯ!

Сильнейшею верою верю тому,
Что свет наших звезд не затмить никому!

Они не погаснут во веки веков,
Зажженные волей большевиков!

Дано им гореть, им надо гореть,
Не могут, не могут они умереть!

Сиять им, гореть им, их доля такая...
Над нашей победої они засверкают,

Таранят над миром нависшую тьму...
Нет, свет наших звезд не затмить никому!

Клянемся великим семнадцатым годом,
Клянемся всем счастьем и горем народа,

Что мы без победы домой не вернемся.
Клянемся!

1 декабря 1941

217—219. *ЗА ЛЕНИНГРАД*

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Да, есть слова, наполненные светом,
И с ними всюду сердце бьется в лад.
Не называя всех, скажите:
«Ленинград!» —
И это будет подлинным ответом.

Тот свет разлит в пространстве голубом,
Так будь же света ясного достоин,
Стой за него горою, красный воин,
В любом сраженье и в бою любом!

Еще идя сквозь ужасы войны,
Мы испытали всё, и в полной мере.
Кому-нибудь потомки не поверят.
Кому-то не поверят — нам должны!

Нам все должны поверить, ленинградцам,
И если надо, мир обшарив весь,
Узнать геройство, мужества набраться,
И доблести, и гордости,
то — здесь!

Все здесь они, их тлен никак не тронет,
Ничто не сокрушит, и потому
Вся Родина, все города-герои
Полны благоговения к нему!

Благоговенья к доблести и силе!
Грядущее, сильней вглядись в него,
Он знаменует мужеством Россию,
Он знаменщик великого всего!

Прекрасного всего — садов и долов,
Всего, чем жизнь, товарищи, люба...
Гремит раскат прессованного тола,
Зажглась контрбатарейная борьба.

За боль и муки, тысячи утрат,
За братские несчетные могилы,
За всё, за всё, что вынес Ленинград,
Грянь, мщенье, снова, с новой силой!

2

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Обычный день. Запахло прелой, мшистой
Садово-огородною землей.
Над Марсовым пикируют фашисты,
Зениток лай, стремительный и злой,

Еще, еще, сильнее и сильнее...
Был свет дневной — и он погас.
Его затмили сразу батареи,
И вдруг их всех перекрывает бас

Тяжелых, дальнобойных.
Слава, слава!
Летит снаряд, другой — во весь опор.
Громи орду, фашистскую ораву,
Сверхсрочной службы бравый комендор!

Затми им солнце, звезд прекрасных очи,
Чтоб только прах врагов летел, пыля,
Чтоб им была темнее темной ночи
Великая Советская земля!

Вовсю гроза.
Трамваи сняли рейсы,
Осатанело ищет крови враг,
На всех проспектах вздрагивают рельсы,
Им не уйти в укрытия никак!

Удары бомб. И вновь мы полной чашей
Хлебнули горя. Яростно и зло
Гудят моторы в небе. Наши! Наши!
Сейчас отбой.
Светлей. Еще светлей. Светло!

Светло неузнаваемо. До блеска.
Отскрежетал на час-другой металл,
И ветер, раздувая занавески,
По-птичьему совсем защебетал.

Задвигались трамваи, зазвенели,
В очередях болтали чепуху,
Мальчишки собирали на панелях
Снарядного разлета шелуху.

Повеяло прохладой с Невки, с Мойки,
И, подчиняясь ритму запевал,
Полк боевой — особый, комсомольский —
С развернутым штандартом зашагал.

Вновь начали по щучьему веленью
Цветы цвести, деревья зеленеть,
А город жил одним большим стремленьем —
Разбить врага, откинуть, одолеть!

3

НЕ ОТДАДИМ!

С утра не замолкает канонада.
Так день за днем, так много,
много дней.
Враги хотят на месте Ленинграда
Оставить груды пыли и камней.

Об этом говорили их листовки —
Свидетельства бессилия врага.
Горели Пушкин, Невская Дубровка,
Приневские дымилися луга.

И Ленинград пожары эти видел,
А враг, поживой жадною гоним,
Всё наседал, смертельно ненавидя
Всё русское, всё связанное с ним!

Но мы стеною от земли до неба
Все поднялись и отстояли свет,

И Ладога и дальняя Онега
Услышали стоярусное:
«Нет!»

Нет, не сдадим мы город русской славы
И от земли до неба оградим,
Своих садов и парков величавых,
Своих святынь врагам не отдадим!

Не отдадим мы дел, вознесших Смольный,
Лугов, какими город окружен,
Не отдадим волны Невы раздольной,
Не предадим детей своих и жен!

Не отдадим бездушной злобной силе
Обычаи народа, свет его
И преградим пути ей в глубь России,
К бессмертию народа моего!

Не отдадим им молний наших росчерк,
Гнездовья туч, озер великий стан,
Не отдадим березовые рощи,
Которые увидел Левитан!

Не отдадим грядущий день победы,
Сиянье солнца, отблески зари,
Не предадим могил отцов и дедов,
Курганов, где лежат богатыри!

Не отдадим полей бескрайних, синих,
Где побеждали мы и победим,
Не отдадим прекрасную Россию,
Не отдадим!

1942

220. ТОВАРИЩ, ТЫ ВИДЕЛ

Александру Фадееву

Товарищ, ты видел над нею
Закаты в дыму и крови.

Чтоб ненависть била сильнее,
Давай говорить о любви.

Под грохот тяжелых орудий
Немало отхлынуло дней.
Товарищ, мы — русские люди,
Так скажем, что знаем о ней.

Расскажем, и всё будет мало,
Споем, как мы жили в ладу.
Товарищ, ты будь запевалой,
А я подголоском пройду!

Вся в солнце, вся — свет и отрада,
Вся в травах-муравах с росой,
Широкие ярусы радуг
Полнеба скрывали красой!

И день занимался прекрасный,
И, весен веселых гонцы,
Галчата сидели на пряслах
И шли бороздою скворцы.

Ручьи в краснотале всех краше,
В них — звезд голубых огоньки,
В них русские девушки наши
Бросали цветы и венки!

И «любит — не любит» гадали
В тени белоногих берез...
О, милые светлые дали,
Знакомые с детства до слез!

Долины, слепящие светом,
Небес молодых синева,
На всем этом русская мета
И русского края молва!

Поляны, поляны, поляны
Везде земляникой цвели.
Баяны, баяны, баяны
Звенели, горели и жгли!

Катились глубокие воды,
И ветер слетал с парусов
На красные трубы заводов,
На кроны дубрав и лесов.

И хмурые видели глыбы
В гранитном подножье прибой,
И в заводи, полные рыбы,
Слеталися чайки гурьбой!

Нам дорого это и свято,
Нам край открывался родной
За каждой травинкой примятой,
За каждой былинкой степной.

Встают за высокою рожью,
За взлетом на крышах коньков,
За легкой знакомою дрожью
Склоненных к воде ивняков;

За красною шапкой рябины,
За каждым дремучим ручьем,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовем,

Родней всех встают и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия —
Отчизна и слава твоя!

1942

221. КЛЯТВА

Тишина. Призамолкла на час канонада,
Скрыто всё этой режущей слух тишиной.
Рядом — город бессмертный.
За честь Ленинграда
Встали сосны стеной, люди встали стеной!

Тишина непривычной была, непонятной,
Предзакатною. Медленно день умирал.

И тогда вдоль рядов, величавых как клятва,
С новым воинским знаменем прошагал генерал.

Тишина перед боем. Враг, не жди, не надейся,
Заберет тебя ночи чернее тоска.
Здесь, готовые к битвам, встали гвардейцы,
Молодые, победные наши войска.

Рядом были землянки, блиндажи
в пять накатов,
На поляне в сосновом лесу за Невой,
Обернувшись на запад, на запад, к закату,
Встала гвардия наша в полукруг боевой.

Знамя принял полковник. Снег на знамени —
пеной.
Бахрому тронул иней. Даль застыла, строга.
И, охваченный трепетом, командир на колено
Опустился в глубокие наши снега.

И «Клянемся!» — сказал он. И духом геройства
Вдруг пахнуло на рощи, поля и луга,
И тогда, как один, опустилося войско
На колени в глубокие наши снега.

Тишина. Всё в снегу, больше черном, чем белом,
И тогда над холмом, за который деремся,
Над снегами летящее ввысь прогремело,
Прогремело железное слово: «Клянемся!»

1942

222. ПЕСНЯ ПОЛОНА

Не высказать, как смертно я тоскую,
Какая ночь пришла со всех сторон.
В неметчину далекую и злую
Меня уводят, милый мой, в полон.

Отлюбовалась я и отгостила,
Отцеловалась я и отцвела...

Зачем я косы долгие растила,
И для кого я очи сберегла!

Для боли сберегла красу,
для боли,
Для страшного несчастья одного,
Для той недоли и для той неволи,
Для черного полона своего!

Вот оно какое, милый, горе!
Глянь в него со мною заодно.
Знаешь море, — ну так больше
моря,
Глубже моря, лютое, оно!

Нет, не то я говорю, что вправе
Говорить, не будучи рабой.
Я хочу, чтоб ясно ты представил,
Будто это рядом всё с тобой!

Вот меня рабыней называют,
Вот за мной конвойные идут,
Вот меня с подружкой разлучают,
Вот меня по улице ведут.

Вот сейчас прощаюсь с белым светом,
Вот сейчас я стану неживой,
Вот меня злодейской метят метой, —
Лучше бы уж в омут головой!

Вот идем мы к станции товарной,
Словно скот, сосчитанный гуртом,
Связанные за руки попарно
И не обойденные кнутом!

Если так бы ты пошел по комьям,
Матери сказала б:
«Отрави!»
Сколько раз я падала, не помню,
Только руки все мои в крови!

Только тело стоном стонет в ранах,
Только часовые на снегу...

Отомсти им, миленький, поганым,
Я ведь, как ты видишь, не могу!

Ветер, ветер, русский, разудалый,
Донеси мой крик через поля...
Поезд загудел, заныли шпалы,
Впереди немецкая земля.

Вот она, постылая, всё ближе,
А родная доля — далеко.
Скоро смерть!
Родной мой, милый, вижу,
Как тебе от песни нелегко...

1942

223. БЕССМЕРТЕН НАРОД НАШ

Нет в мире подобных России раздольной,
Цветов наших ярче и крепче пород,
Бессмертен народ наш великий и вольный,
Наш русский, наш вечный,
наш гордый народ!

Он вынес нашествие полчищ Батыя,
Разбил до единого звенья оков,
Он создал Россию, он поднял Россию
До звезд до высоких, на гребни веков!

Он дал ей холмы, плоскогорья, лиманы,
Он в снежные горы пробил ей пути,
К морям ее вынес и к двум океанам,
Он создал такую, каких не найти!

Он выдумал песни, какие хотелось,
Он им поклонился до самой земли,
Они поколеньями русскими пелись,
Застолицу знали и в битвы вели!

Он шел через тундры, долины и горы,
В ненастные ночи и грозные дни,

И вывел Россию в такие просторы,
Каким в белом свете не сыщешь родни!

Он выпрямил реки, вбил в землю причалы,
Задумал и сделал — и быть по сему,
Он всё оглядел и сказал величаво,
Что землю вовек не отдаст никому.

Она для него дорога, как святыня,
И он за нее будет насмерть стоять,
Она никогда для него не застынет,
Хоть если бы бросило солнце сиять!

И только фашистскому оберу-волку
Такое задумать, такое посметь...
Грудной ее голос заставить замолкнуть,
Не сказывать сказок и песен не петь!

В ней годы торжеств и столетья усилий,
И только кровавым врагам не понять,
Что вечна Россия, бессмертна Россия,
Ее невозможно у мира отнять!

Так множьте могилы им всюду в раздольях,
Нет, врешь, не убьешь нас, — мы сами убьем!
Бессмертен народ наш великий и вольный,
Бессмертна Россия, ей славу поем!

1942

224. ИВАН СУХАНОВ

В ночь темную-претемную, грозящую бедой,
Идет Иван Суханов, разведчик молодой.

За ним его товарищи в ночь темную идут,
Гранаты, автоматы их нигде не подведут.

Летит в глаза Суханову лишь ночь со всех
сторон,
До горла песен у него, а петь не может он!

Безмолвна тьма нависшая, лиха ее стезя,
Сто тысяч слов к товарищам, а высказать нельзя!

Нельзя сравненье привести, что тьма здесь —
как мазут.
Припав к земле, обняв ее, разведчики ползут!

Нельзя сказать, нельзя сказать, промолвить не спеша,
В каком саду, каким огнем горит его душа!

Молчи, Суханов, здесь враги подстерегают нас,
Ползи, Суханов, в добрый час, ползи в недобрый час.

Здесь каждый шаг твой стерегут — с лесов, с болот,
с высот...
Бьет пулеметная струя, и люди видят дзот.

И жмут разведчиков к земле смертельные огни,
Пятьсот мгновений иль семьсот — не считаны они.

Сейчас зальется свора вся, залает наугад...
«Ты у меня замолкнешь, гад, сейчас замолкнешь,
гад!» —

Сказал Суханов. И вперед, на пять прыжков вперед —
И в амбразуру, как в окно, он очередь дает.

И всё ж не глохнет пулемет, и всё ж он не замолк.
И пышет желтым фосфором на человека волк.

«Тогда прощай, Россия-мать, прощай, Россия-мать,
Ведь за тебя, прекрасную, не страшно умирать!

Прощайте, кровные друзья, кто дорог, люб и мил!»
И амбразуру черную он грудью заслонил.

И льется кровь геройская, как новая заря,
И бьют волков богатыри за кровь богатыря.

Не убежишь, щетиня шерсть, нет, врешь, не убежишь,
Нет, вместе с тысячей волков, как падаль, полежишь,

А нас, Сухановых, не смять, не выбить, не сломать!
Живи, живи, Россия-мать, цвети, Россия-мать!

1942

225. ОЛЬГА

Снайперу
Ольге Макковейской

Тебя я вижу, золотистую,
В неясной дали полевой,
Не под платочком под батистовым,
А под пилоткой боевой.

Тебя с винтовкою-подружкою
Я вижу — глаз не отведу, —
Всю с развеселыми веснушками,
Идущей в воинском ряду.

Давно ль по жердочке-колодинке
Ты пробегала до ручья,
Давно ль ходила ты в коротеньком,
Сама от счастья не своя?

Давно ль запевки колыбельные
Все до одной распела мать?
Теперь за сосны корабельные
Ты прибежала воевать!

За жизнь простую и отрадную,
За золотой огонь души,
За это озеро прохладное,
За лозняки, за камыши.

Чтобы по жердочке-колодинке,
Из всех дорог избрав ее,

Бежало в синеньком, коротеньком
Всё детство ясное твое;

Бежало с милыми косичками
Легко и весело домой,
Тропинкой вешнею, привычною,
Дорожкой белою — зимой.

Теперь с винтовкою-подружкою
Ты в боевом идешь ряду,
Вся с развеселыми веснушками,
Увижу — глаз не отведу!

1942

226

Есть что вспомнить всем нам, —
будем живы,
За беседой вспомним тихим днем
Все пути-дороги, все обрывы,
До небес забитые огнем!
Все пути широкие на марше,
Их пройти нам было нелегко.
Что с того, что стали на год старше,
Нам до смерти — ой как далеко!
Так держать!
И мы стоим в дозоре,
В дотах мы, и мы из-под земли
Видим небо, наше небо в зорях,
Видим — за полями битв, вдали,
Сотней радуг горизонт окрашен,
Тысячами солнц земля горит.
«Наше, — говорим мы, — это наше!»
— «Ваше!» — всё вокруг нас говорит —
Реки все, моря и океаны,
Вся земля, ломающая гнет...
В тучах богатырские курганы,
Но оттуда солнце и сверкнет!

1942

227

От моря до моря — долины,
Долины, чей голос высок,
Песок, наступивший на глину,
Иль глина нашла на песок.
Россия! За каждой избою
Звезда молодая встает,
Березы собрались гурьбою,
В черемухах ветер поет!
Россия, где собраны в стаю
Простертые к солнцу края,
Россия, как воля, простая,
Родная Россия моя!
Россия ручьев и затонов,
Где в воду глядят ивняки,
Россия широкого Дона
И Волги — великой реки.
Россия железа и стали
С полками в походном строю,
Которые в мужестве встали
За эту Россию мою!

1942

228. МАМА

Дом — всех родней. Стучит береза в раму.
Скрипит от ветра старое крыльцо.
Издалека идешь. Сейчас ты крикнешь:
«Мама!» —
И расцелуешь милое лицо.

Ты дома, дома. Ты страдал и выжил,
И трудный путь — уже не трудный путь,
И всё в цвету, и сердце к сердцу. . .
Ближе
Нельзя —
и так уж не вздохнуть!

И сразу сказка в шапке-невидимке
За стол садится, и кричат лады,

И все луга и все березы в дымке,
И хоть зима, но все горят сады!

«Ну как ты, мама, мама?»
Пусть продлится
Мгновенье это... Отойдут дела.
Пусть сад цветет и в нем поет синица,
Ну та, что век свой за морем жила!

Ну та, что пиво пенное варила,
Ну та, что сватьей-кумушкой слыла,
Ну та, что песней жизнь свою хвалила,
Хотя не пышно, бедная, жила!

И вот война. И путь войны упрямый.
Но по нему пройдем мы до конца.
И в путь-дорогу провожает мама —
Родимая и русская — бойца.

Вчера мальчишкой был он, нынче воин,
И вот с великой силою любви
Он с лавки поднимается, спокоен,
И говорит:
«Ну, мать, благослови!»

Где б ни было всё это —
на Алтае,
На Мурмане суровом, на Двине, —
Ее душа, такая золотая,
Сейчас до дна вся отдана войне!

И, как всегда, стучит береза в раму,
И ветер норовит ее сломать,
И, как всегда, сын произносит:
«Мама!»
И, как всегда, слова находит мать:

«Иди и мсти! Спроси с фашистов кровью,
И если сам вдруг рухнешь на бегу,
То, как всегда, я встану в изголовье,
Хотя б оно и было на снегу!

И кровь отдам горячую, живую,
Склонюсь к тебе во сне и наяву,
Зажму рукою рану боевую
И прежде всех героем назову!»

И всё пока... Стучит береза в раму,
И ветер норовит ее сломать,
И вьется путь, далекий и упрямый,
На нем сейчас с бойцом простилась мать...

1942

229. ПЕСНЯ ПОБЕДЫ

Она в бою, и с ней бойцы дневалят,
Она проходит впереди полков,
Она любимой гостьей на привале,
Она взлетает выше облаков!

Она храбрейшим первая награда,
И ей дано сильнее звезд гореть,
Она поет героям Сталинграда
О том, что их делам не умереть!

Она проста, как воинская клятва,
Она прямой наследницей всего
Идет, летит Россией необъятной
И утверждает наше торжество!

Как лебединый взлет ее начало,
Ее запев зовет народы жить,
Она гремит над миром величаво,
Ее никак врагам не заглушить!

Она, как солнце, бьет гряду туманов,
Ее лучи сверкают горячо,
Она шагает через океаны,
Ей Гималаи только по плечо!

1942

230. ЗИМА

Белым-бело! Подряд
                    пять дней
Шла снега кутерьма.
Морозы сели на коней
И свистнули.
                    Зима!

Летят на старые места,
Стучат во все дома.
Летят аллюром в три креста,
Во весь опор.
                    Зима!

Мерцает солнце, как звезда,
Метелей тьмущих тьма.
И всё равно, как никогда:
«Да здравствует зима!»

Иди, зима, будь радостной
Для нас в такие дни
И грянь на тридцать градусов,
На тридцать пять рвани,
Рвани́ по рва́ни яростно
И всю заледени!

Грянь силою наличною,
Введи резервы в бой,
По рва́ни по коричневой,
По блекло-голубой!

Зима!
          Ты в сказках славишься,
У нас ты расцвела,
Ты нам, суровым, нравишься,
Справляй свои дела!

Справляй дела, налаживай,
Твои настали дни,
Фашистов замораживай,
Добей, убей, рвани́!

Греми борьбой открытою,
Лети, метелью взвитая,
В леса, в поля, в луга
И заполняй убитыми
Фашистами снега!

Иди лесами ранними,
Долинами бескрайными,
Дорогами проезжими,
Где зори еле брезжили,

С морозами трескучими,
С метелями сыпучими,
С поземками проворными
И с вьюгами надгорными!

Иди, где долы грустные,
Где тьма затмила свет. . .
Тут всё, что видишь, — русское,
Здесь немцам места нет!

1942

231. РЕЙТЕ, КРАСНЫЕ ФЛАГИ!

18 января 1943 года

Вот и встретились братья,
Стало небо алей.
Есть ли крепче объятья,
Есть ли радость светлей?

Знает город прекрасный,
Что на грозном пути
Лучше нашего братства
Нам нигде не найти.

Здесь гроза бушевала,
Здесь лилась за любовь
Благородная, алая
И священная кровь.

Рейте, красные флаги,
Над свободной Невой,
Здравствуй, полный отваги
Ленинград боевой!

1943

232. ЛЕТИ, ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Лети, весенний ветер,
В луга, в леса, в поля.
Нам нет милей на свете,
Чем русская земля,

Где вдаль бегут дорожки
И, где ни бросишь взгляд,
Нарядные, в сережках,
Березоньки стоят;

Где летом в травах душно,
Где утром налегке
Всё солнце на пастушьем,
На песенном рожке;

Где песня с песней
ходит
И где в любом селе
Весною в хороводе
Гармонь навеселе;

Где в праздник в дорогое
Одеты все с утра,
Где гармонист ногою
Сбивает клевера;

Где всё нам всем в охоту,
И так сказать хочу,
Что не было работы,
Что б нам не по плечу!

Так мчись, весенний ветер,
В луга, в леса, в поля,

Нам нет милей на свете,
Чем русская земля!

Играй, звени, раздолье,
Гармоника, играй
Про наш родной и вольный,
Советский милый край.

1943

233. ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

От рощи к холму, с перелеска до лога
Далёко бежит фронтовая дорога.

Она день и ночь вдаль идет неумолчно.
Досадует враг, огрызаясь по-волчьи.

Глубокие слева и справа воронки,
Но эмки бегут и грохочут трехтонки

По ней, по избитой, тревожной, неровной,
По гатям разбитым, по щебню, по бревнам!

Трясет, но везет!
И недаром когда-то
Ее «малярией» прозвали солдаты!

Бои отгремят, засверкает победа,
По новым дорогам солдаты проедут.

Гудрон им под ноги!
Но в память былого
Хвала им, хвала им за меткое слово.

Проедут и вспомнят, как жили-служили,
Как сами дорогу свою проложили,

Как сами мостили, где низко, где круто,
Как немцы ее ненавидели люто.

Живи! До победы осталось немного,
Ты, в общем, совсем неплохая, дорога!

1943

234. ПЕСЕНКА

Как будто с тобою сижу и пою я,
Ведь так на войне повелось,
Что все мы, солдаты, живем и воюем,
Чтоб легче любимым жилось!

А ты не письмом, так открыткой обрадуй,
Хорошей любовью храня,
Живи, сероглазая, всем на отраду,
А больше всего — для меня!

Каким в ней приветом меня приголубишь,
Ты всё озари, озари,
Ты как меня помнишь, ты как меня любишь,
Еще и еще повтори!

Ведь если и здесь без тоски и кручины
Мне песню сложить довелось,
То только по старым и веским причинам —
Чтоб легче любимой жилось!

1943

235. ПЕХОТА

Сметая всё, штурмуя доты,
Где глушь непроходимая,
Идет советская пехота,
Идет непобедимая.

И там, где пули землю роют,
И там, где в молниях гора, —
Везде летит, гремит родное
И перекатное «ура!»

И смерть врагам! Им гнить
в болотах,
Ведь за страну родимую
Идет советская пехота,
Идет непобедимая.

Когда-нибудь, должно быть
скоро,
Настанет миг, народ вздохнет,
Настанет день такой, с которым
На всей земле гроза замрет.

Тогда с желанною охотой
К труду, навек любимому,
Пройдет советская пехота,
Пройдет непобедимая.

Во все дома войдет победа,
Ко всем сердцам она прильнет,
И вот на час какой к соседу
Бывалый воин завернет.

И, выпив стопку для затравки,
Как стограммовку, без манер
На стул присядет иль на лавку
Орденоносный кавалер.

И так, нисколько не в обиду
Юнцам, что в избу собрались,
Он скажет:
«Мы видали виды,
Мы под Синявином дрались!»

1943

236. ВИНТОВКА

Казах в атаке был, в атаке,
Он вынес всё — казах был дюж.
Полнеба, серого как накипь,
Еще горело от катюш;

Здесь мины выли долго-долго,
Здесь побурел от крови снег,
Здесь по долинам шире Волги
Текло обилье смертных рек.

Убив троих, он шел сегодня
По отвоеванным лугам,
И он к лицу винтовку поднял
И вмиг поднес ее к губам!

1943

237. ШАГ ВПЕРЕД!

Что такое шаг вперед?
Это — гоним немцев взашей,
Это значит, друг мой, наша,
Наша, черт возьми, берет!

Это — клин родной полоски,
Холм заречный, луговой,
С нашей русскою березкой,
С нашей вешнею травой!

Это — звон ручья под ивой,
За который всё отдашь,
Потому что он счастливый,
Потому что снова наш!

Что такое шаг вперед?
Это — всплеск зари румяной,
Это — с солнца над поляной
С золотого скинут гнет!

Это — свет, разящий беды,
Дни с могучим гулом шахт,
Это — грозный шаг победы,
За которым — новый шаг!

Что такое шаг вперед?
Долгожданный час расплаты,
Песня мужеству солдата,
Это — поступь наших рот.

Это шаг в свою долину,
В бурю яростных атак,
Это шаг вперед — к Берлину!
Это так — и только так!

1943

238. ЯБЛОНЯ НА МИННОМ ПОЛЕ

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела.
Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я:
от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

1944

239. РОДИНЕ

Гремят орудий новые раскаты,
На всех дорогах твой великий свет,
Ты, как заря, пробилась за Карпаты,
О Родина, тебя светлее нет!

Гремят, гремят раскаты боевые
С холмов, с предгорий, с заводей,
с долин,
Где встали мы — свидетели живые
Твоих, страна, немеркнущих годин.

Мы на большом, на яростном разгоне,
Штандарты наши птицами летят,
Водой дунайской поенные кони
Из новых рек испить воды хотят!

Придет черед. Победный ветер,
вей нам
На взгорья все, с которых мы глядим
В грядущий день.
Из Одера и Рейна —
Настанет день — коням испить дадим!

И взглянут на восток тогда герои,
На край родной, что жизнь планете дал,
И все увидят солнце над землею,
Какого мир с рожденья не видал!

1945

240. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Великий день! Мы так его назвали,
Пред ним стеною дым пороховой,
Над пеплом, гарью, грудами развалин
Им поднят стяг победы боевой.

И там, где бились воины простые,
Размашисты, суровы, горячи,
Победа распростерла золотые,
Прямые, незакатные лучи.

На мрамор занесли б всех поименно —
Солдат России, чтоб в века, в века,
Да чтоб над этим мрамором знамена,
Простреленные, рвались в облака!

И надписи на мраморе гласили б:
«Сынам родным, повергнувшим Берлин,
От благодарной матери-России!»
...Чтоб теплым ветром веяло с долин.

20 апреля 1945

241. ФИАЛКА

Товарищи скинули каски,
Увидев, как, нежно-светла,
Фиалка — анютины глазки —
На гребне окопа взошла.

И, как по команде, качнулись,
И каждый увидел свое,
И сразу сердцами коснулись
Великого света ее!

Да что мы — в лесу или в поле?
Да нет же, в окопе как раз!
Анютины глазки, до боли
Давно мы не видели вас.

Вот так на окопе когда-то
Анютины глазки цвели,
И не было краше солдатам
Клочка этой бурой земли!

1945

242. ПРОХОДИ В ЦВЕТАХ, ВЕНКАХ И ФЛАГАХ!..

Через горе, слезы, через беды,
Через дни в свинцовой душной мгле
Видели, как ты идешь, Победа,
По родной обугленной земле.

Проходи в цветах, венках и флагах,
Мы — твои, великая, твои,
Так же, как поила нас отвагой,
Радостью священной напои!

Пусть она от края и до края,
Праздничная, яркая, святая,
Поднимается, шумит и льется,
Пусть она любой души коснется...

Радуясь, ликуя, торжествуя,
Прав не уступая никому,
Принимаем мы тебя такую
В нашем свежеприбранном дому!

1945

243

Пополам с тобою, дорогая,
Радости и горести деля,
Новою присягой присягаю
Я тебе, Земля!

Из страны, военным ставшей
станом,
Не один, гляди,
Припадаю я к священным
ранам
На твоей груди.

Припадаю к ним и их целую,
Губ не отвести.
За твою, Земля, недолю злую
Ты меня прости.

Ты смотрела иль сомкнула веки,
А тогда, тогда
От железа выкипели реки,
Стерлись города.

Путь на запад не был мне отверстым,
Но, как мать любя,
Встал я не один с железом в сердце
И нашел тебя.

И, найдя, пошел от гая к гаю
И в поля, в поля. . .
Новою присягой присягаю
Я тебе, Земля!

1945

244

Ты по́ сердцу мне, русская природа,
Ты заслужила отдых и покой,
Еще ведь над тобою пыль походов
Не улеглась, а ты в красе такой!

Я слово-сокол выберу из стаи
И с ним пойду, поверив одному —
Что ты, моя спокойная, простая,
Понятней сердцу, нежели уму!

На свете нет твоей красивей доли,
И я хочу сказать и повторить,
Что всё твое я так люблю до боли,
Что мне нельзя о нем не говорить!

Твои цветут купавы на затоне,
Твои шумят раздольные поля. . .
Ловлю дождинки в теплые ладони,
Как хорошо, товарищ мой, Земля!

1945

245

Нынче удались цветы повсюду,
Вволю им дано покрасоваться.
Я смотрю на землю, как на чудо,
Просто не могу налюбоваться.

Всё в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как — слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши.

Вот раскрылся лютик, милый-милый,
А на холм, где расцвела ромашка,
Где калина руки заломила,
Вышел клевер в розовой рубашке!

Разлеглись, как в сказке, голубые,
Синие, зеленые края...
Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра земля моя?!

1945

246

На гвардейский корпус пал наш выбор,
　　　　На его штыки.
И, отбив Сестру, рвались на Выборг
　　　　Гвардии полки.
Разметав в стальном и медном блеске
　　　　Гнев под небеса,
Шли полки, где нынче в перелесках
　　　　Тенькает коса.
Волчьи ямы, мины и траншеи,
　　　　Красный гнев, взорви!
Шли стрелки в траве, в цветах по шею,
　　　　По приклад в крови!
Здесь в саду снаряды долго выли,
　　　　Лаял пулемет,
Этот сад наш воины отбили
　　　　И пошли вперед.
Шли, росу сбивая, словно бусы,
　　　　В долы падал гром;
А один остался, самый русый, —
　　　　Вон под тем холмом.

1945

247

Вышли к морю славные ребята,
Распростерлось море широко.
«Далеко ль, — спросили, — до Кронштадта?»
— «До Кронштадта? Нет, недалеко!»
Громче крикнуть — он услышит зовы
И поможет, словно брат родной.

Вон он там, за дымкой бирюзовой,
За балтийской скорою волной.
Я от бури слышал о Кронштадте,
Он прославлен всюду на морях,
Вон, я вижу, он стоит в бушлате,
В бескозырке — ленты в якорях!
Он овеян бурею до лоска,
Всё, что в море, — для него свое,
Если б доли не было матросской,
Он бы просто выдумал ее!
Он врага в наш город не пропустит,
На бессменной вахте нелегко. . .
И сейчас, расправив черноусье,
Смотрит вдаль он — море широко!

1945

248

Раскудрява яблоня кудрява
На рассвете с ветром говорила.
Взгляд из-под платка, такой лукавый,
Как бы невзначай она дарила.

Ветер присмирел. Он даже слишком
Тихим стал, не то что в поле.
Он стоял с ней рядышком, мальчишка,
Так годков семнадцати, не боле!

Всё же он успел словечком тайным
Перемолвиться, успел с хорошей.
Белые цветы необычайно
Осыпались ласковой порошей.

Яблоня им долго любовалась.
Милая, кому какое дело?
Ты ведь от зари порозовела,
А не оттого, что целовалась!

1945

249

Сад мой, лес мой! В нем шумит рябина,
В нем сосняк, как зарево, рудой,
И у са́мого, само́го тына
Поднялся осинник молодой.
А вблизи осинника орешник
Чувствует себя как житель здешний.
Дальше — дальше яблоня вся в пене,
Дальше (как цвести не устают!)
Царственный шиповник и сирени...
И на всем малиновки поют!
Дальше мне еще подносят дар свой,
Как я понимаю — навсегда,
Жимолости сказочное царство
Да берез зеленая гряда!
Тополь-друг стучит в мое окно,
Я не сплю, я встал уже давно!

1945

250

В том краю березового шума
Я ведь больше видел, чем придумал.
Там я встретил Тишину-тишинку,
Девочку в ромашках и кувшинках!
В лютиковом будто переулке
Я ее и встретил на прогулке.
Маю, что ль, была она сестричкой,
Тоненькая девочка в косичках?
Языка ее не понимая,
Кто-то из людей сказал: «Немая!»
А она по улице цветочной
Шла и пела утром.
Это — точно!

1945

251

Здесь весною зайцам было ладно,
Прыгали, наверно, у двора.
Видишь, как у яблоньки отрадной
У твоей поедена кора?
Может быть, вон там они линяли?..
И еще скажу, чтоб знала ты:
На снегу им, как на одеяле,
Всюду зори вышили цветы.
Вечером каким, обычно тихим,
А всего вернее, что с утра,
Стежкой занималися зайчихи —
Мастерицы этого двора.
Снег в низине был на редкость хрупкий,
В серебре был дол, и лес, и сад...
Зайцы — те раскуривали трубки,
В трубках был, конечно, самосад!
Тут зверят никто не беспокоил,
Сладко елось, сладко и спалось.
Что ж, скажу я, в кои веки, в кои
Жить зайчатам так вот довелось!

1945

252

Еще гуляли ветры озорные,
Ну, а поляны только просыпались,
На них березы русские, родные,
Белым-белы, как в молоке купались!
Четыре были сразу у дороги,
Как первые среди таких же равных.
Про них сказали — будто недотроги,
Но это так, молва одна, неправда!
Уж я-то знаю, кто они такие,
Ведь возле них трава моя, покосы...
По нраву мне зеленые, тугие,
До самых пят распущенные косы
Берез кудрявых, ставших у дороги
Размашисто, раздольно, своенравно...

Про них сказали — будто недотроги,
Но это так, молва одна, неправда!
Вот и сейчас, на солнце хорошея,
В беленых сарафанчиках-татьянках,
В платочках милых, спущенных на шею,
Как будто из гостей пришли к полянке. . .

1945

253

Сады, леса войну не позабыли,
Они познали битву, как солдаты:
Лежит сосна, пробитая навылет,
Семья осин подорвана гранатой.

А рядом в тополь угодил осколок.
Здесь, вешний луч, не золотись, не празднуй!
Березовая роща частоколом
Обугленным стоит и безобразным.

И всё ж смотри: пришла весна в траншеи,
Пришла послевоенная навечно,
И расцветает всё и хорошеет,
И исчезают шрамы и увечья.

Война уйдет в преданья и сказанья,
А там, где смерч летел необоримый,
Перед потомков ясными глазами
Предстанет мир в красе неповторимой!

1945

254

Цветы, цветы! Вовсю цветут, качаясь,
Как бы гирляндой рощу огибая.
Как розова земля от иван-чая,
От колокольчиков какая голубая!
Поляна убралась, как молодая,

Без свах, без лент, без всякого участья.
Цветы, к земле любимой припадая,
Цветут и задыхаются от счастья!
Они везде встают, благословенны, —
У доли и недоли человека.
Им, розовым и голубым, послевоенным, —
Так век цвести и отцветать полвека!

1945

255

Я вижу утром светлым
Всё то, что видишь ты:
Под легким, тихим ветром
Качаются цветы.

Качаются, встречаются,
Впадают в забытье,
Целуются, прощаются,
Чтоб встретить вдруг ее,

Всю в легкой паутинке,
Там, где росы отстой, —
В три листика осинку
В траве густой, густой...

1945

256

По утрам теперь обильны росы.
Я в густой-густой траве стою.
Покосить бы... Где мои покосы,
Где, в каком подсеверном краю?

Я всего хозяин и наследник.
Быстрых дней мелькает череда.
Молодость! Я не был в ней последним,
Юностью я хвастаюсь всегда!

Я ходил на дальние покосы,
Давнее мое житье-бытье
Там, где дремой льется на откосы
Ивняков поникших забытье.

Там остались юности забавы,
Без которых жизнь не дорога...
Ой вы, медом пахнущие травы,
Дальние поемные луга...

1945

257

В утренней неясной дреме кроны
Встрепенутся чуть и замирают.
Скоро их лучи легонько тронут,
Их разбудят, с ними заиграют.

И еще того бывает краше —
Роща вольно-вольно засмеется,
Вдруг из голубой высокой чаши
На вершины радуга прольется.

Там, под небом, всякое бывает...
Птицы золотой страны — России —
Из раскрытых гнезд облюбовали
Ветки постатней и покрасивей!

Долы цветом все запорошило,
Тихий-тихий ветер будто дремлет.
Я влюблен в прекрасные вершины
Всех живущих на земле деревьев.

1945

258

Как хорош этот мачтовый лес,
Он под ветром натянут до звона,
Доросли до высоких небес
Молодые зеленые кроны.

Как пригожа березок гряда!
Бьет зеленый прибой у дороги,
Им без устали моет вода
Без того побеленные ноги.

Колокольцев лиловых в лугах
Льется звон по родимой сторонке,
Вешний луч, предзакатный и тонкий,
Лось несет на ветвистых рогах!

Никнут купы плакучих берез
Там, где ветер гуляет на воле...

Я люблю эту землю до слез
За былинку последнюю в поле!

1945

259

Вдали гроза, а здесь еще в покое
Леса, поляны, долы и река.
Над медленною, в заводях, рекою
Замедленно летели облака.

Там, впереди их, молнии сражались
И ветер тучи рвал и гнал, клубя,
А эти здесь над речкой задержались,
Чтоб посмотреть, как в зеркале, себя!

И, может, вспомнят берега крутые
Не ветерок, донесшийся с полей,
А облака, от солнца золотые,
Что шли навстречу гибели своей!

1945

260

Ей при отлете иволги пропели,
Что далеки весенние капели
И что не скоро солнце заиграет,
Что зимним вьюгам нет конца и края.

Калина чуть качнулася вершинкой,
Махнула вслед им красною косынкой:
«Счастливого пути, хорошей доли!
А я почти одна в раздольном поле.
Ко мне зайчата греться прибегают,
Меня морозцы кличут: «Дорогая!»
Метель трубит в серебряные трубы,
Поземки пляшут, чтобы стало любо,
Чтоб легче было скоротать мне сроки,
Дожить до солнца, до капéль далеких!»

1945

261

В долы пала новая пороша,
На рябине гости-снегири
Всё кричат, что вечером хорошим
Снег порозовеет от зари!

Всё зима покрыла белым цветом,
Но отрадно где-нибудь в логу
Золото берез на свежем этом,
На хрустящем под ногой снегу.

1945

262

В заречной долине, на старом дорог перекрестке,
Холодным огнем обожгло молодую березку.
Подружки — высокие сосны — ее обступили стеною,
И всё же осенние ветры пройти не хотят стороною.

И всё нипочем им, знакомым с заоблачной высью,
Без жалости бедную гнут и рвут обожженные листья.
А зори всё так же ей машут малиновым флагом,
Но падают желтые листья и дно устилают оврага.

1945

263

Я думал песенку сложить об этом,
Как роща не могла расстаться с летом,
Как листья не хотели оторваться,
Как осень не могла расторговаться,
Хотя кидалась золотом и медью,
Хотя сверкала первой гололедью.
Ну, а зима однажды на рассвете
За серебро купила всё на свете!
Я думал песенку сложить об этом,
Как роща не могла расстаться с летом,
Но не сложил. . . Чего б, казалось, проще —
Ведь за окном серебряная роща! . .

1945

264. БЕЛЯНОЧКА

1

Ждет, глядит в окно беляночка — не я ли на весу
По ромашкам да по клеверу гармонику несу?
Всё туда глядит, где ветер елку силится согнуть,
Где бежала пена клавишей на вышитую грудь.
Всё глядит из-за герани, отодвинула герань,
Не покажется ль тальянки перламутровая грань.
Неужель не знает лада, что не я игру веду,
Что как будто отталъянил с нею в нынешнем году,
Что сегодня на фуражку дали алую звезду.

2

Если любишь — сердцу весело, все праздники в году,
Глянь в окошечко, беляночка, — ведь это я иду!
Предо мною цветом белым только вишенье цветет,
Эх, не мне ли ветер улицу широкую метет!
Я иду — рубашка в крестиках, в метелке голубой,
Не сестрой, не мамкой вышиты — все вышиты тобой!
Всколыхнулась занавесочка в окошечке твоем.

Мы с тобой, белянка, по́д вечер станцуем и споем.
А пока лишь пляшут зайчики, одни в такую рань,
Да за белой занавескою качается герань.

3

Ты постой, постой, беляночка, постой, поговори,
Расскажи мне, как сходились возле речки две зари,
Как сошлись да где оставили, где спутали следы,
Расскажи мне, как горели понизовые сады,
Расскажи, как после радуга раскинулась дугой,
Расскажи, как на гуляньице понравился другой.

4

Успокой меня, беляночка, ведь сердце ходуном,
Мне не нравится, что парни за тобою табуном.
И особенно, беляночка, не нравится один,
На котором ветер парусит сиреневый сатин.
Мне не нравится, что пляшет, что он кружится с тобой.
Будь что будет, что-то будет, он идет наперебой!

5

Как на все четыре стороны беляночке видна
Понизовая, садовая, родная сторона.
Понизовьем вьется реченька, вода — что карамель,
Над рекой черносмородина, и яблоня, и хмель.
Я с тобой, белянка, радости и горести делю.
Отчего бы, ты скажи мне, голова моя в хмелю?
И не в том, который тянется по старому плетню
И что кланяется мне с тобой не сто ли раз на дню!

6

Так, как издавна положено, как в людях на веку,
Мы построим дом, беляночка, чтоб окна на реку,
Чтоб конек плясал на крыше, а в дому цветы в пучках,
Чтобы матица сосновая была бы вся в сучках!
Чтобы сени были крашены баканом в добрый час,

Чтобы хлеб, да соль, да чарка были, ясень мой,
у нас!
Чтоб друзья не обходили дом, где окна на реку,
Чтоб кукушка мне с тобою сто раз бросила «ку-ку».

7

Опустилось солнце на воду, глядит волне в зрачки,
На сатине синем реченьки взыграли пятачки.
Ну, беги домой, беляночка, бери скорей ведро,
Опрокинь его, глубокое, и черпай серебро!
Над водою вьются чайки, крылья в солнечной пыли,
Повезло тебе, беляночка, в твоем ведре рубли!

8

У меня мережи водятся, с зимы готова сеть,
У меня, белянка, паузок такой, что поглядеть!
Ты надень передник кожаный и в озеро с лугов
Принеси удачу верную на мойву и сигов,
Чтоб завидовали люди, чтоб сказали не со зла:
«Вот заправская рыбачка, сколько рыбы привезла!»

9

Утром рано, чуть забрезжит, по раздолью светлых
рос
Я пойду с тобой, беляночка, за речку на покос.
Для тебя я сделал грабли-самоходы хороши,
Я их сделал легче легких, краше лучших, от души.
Я для них срубил рябинку, сделал частый гребешок,
Ты узнаешь их в работе, как придем на бережок.
Там на нем, отлогом, — пойма, мурава, всё мурава,
Там на плечи берез белых опустилась синева.

10

Мне такой видна беляночка — с нарядным туеском,
Опоясанная солнцем, словно алым пояском!
Мне она видна на улице идущей не спеша,
Посмотрите, дескать, люди, — может, вправду
хороша.

Может — вправду, может — взабыль, может —
что-нибудь не так
В этих кратких, невозвратных восемнадцати летах.

265. ЗАКАТ

Да, такого неба не бывало,
Чтоб с полнеба сразу стало алым,
Чтоб заката лента обвивала
Облака, грозящие обвалом!
Вот отсюда и пошло:
в лугу
Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса. . .
Это продолжалось полчаса!

1945

266

Спокойной ночи, русская земля!
Твоим лесам, твоим садам и долам,
Твоим полям с ромашкой на подолах
Я так скажу, за всё благодаря!
И небесам, что рдеют от зари,
Ручьям твоим, малиновым и звонким,
Тропиночкам, бегущим вперегонки,
Курганам, где лежат богатыри!
Всему, с чем ты сжилась: навеки верным
Твоим орлам, как молнии летучим,
Вершинам гор — на них, что шапки, тучи —
И наклоненным над водою вербам;
Замшелым в две жердинки переправам,
И алым самым на полнеба зорям,
И радугам над самым синим морем,
Цветам на всех полянах самым, самым!

1945

267

Моряки в морях — как дома,
Всё им там сродни.
Сколько бурь и сколько грома
Слышали они.

Их влечет к себе родная
Голубая даль.
Кто с ней встретился, тот знает —
Расставаться жаль.

И не надо расставаться,
Молодой моряк:
Где, скажи, покрасоваться,
Как не на морях?

1946

268. ПУЛКОВО

Возникшая среди низин гряда,
Песок и глина, нижний слой и верхний. . .
Гори, гори, багровая звезда,
Над этими высотами не меркни!

Земля здесь с кровью смешана. Времен
Дух тленья мест священных не коснется.
Гранита тверже грозный бастион,
Что Пулковским на все века зовется.

Враг, осаждая, сам был осажден.
Открыто было только нашим взорам,
Что он с июньской ночи осужден,
Приговорен был к смерти и позору.

Ночей и дней железных девятьсот
Здесь встали лютым недругам преградой.
Никто не сломит Пулковских высот,
Над ними свет бессмертный Ленинграда.

1947

269

Скажи, не ты ль виновница
Всего, что в жизни сбудется,
Всего, что в жизни
вспомнится,
Вовек не позабудется?

Ой, узкие, ой, вечные,
С поникшей долу ивою,
Дороженьки заречные,
С травою терпеливою!

Вы вьетесь лентой, крадучись,
Вы всё, конечно, знаете,
На нас, наверно, глядючи,
И вы в любовь играете!

Ну что ж, ведь всё идет
к тому,
Чтоб стали мы счастливые.
Не говорите ж никому,
Тропинки торопливые!

Ведь мне ль не знать виновницу
Всего, что в жизни сбудется,
Всего, что всюду вспомнится,
Вовек не позабудется!

1947

270. ОН РОДИНОЙ ПО ЗОВУ СЕРДЦА ПРИЗВАН...

Он Родиной по зову сердца призван,
Широкоплечий, ладный, молодой,
Ведь ты его поставила, отчизна,
Стоять на страже Балтики седой.

И он стоял, стоит неколебимо,
Я здесь скажу, что́ всюду говорю,
Что грозы шли и вихри шли не мимо,
А били в грудь ему, богатырю.

Любимый наш по сердцу и по праву,
Брат и товарищ, светоносный свет...
«Любви и дружбе есть предел, Держава?» —
Спросили мы.
И ты сказала:
«Нет!»

1948

271. ПАМЯТИ ПАВШИХ

Шумят над вами рощи и дубравы,
Труда и мира новый день встает,
Товарищи, не я пою вам славу,
А вся земля торжественно поет.

Вам в этой битве жребий пал
суровый —
Горячей кровью землю оросить.
Спасибо вам от солнца золотого,
Его враги хотели погасить.

Когда вас злые ливни подкосили,
Когда устали молнии плескать, —
Прижала вас к груди своей Россия
И долго не хотела отпускать.

На вас упали слезы проливные,
И целый мир прислушался к словам:
«Спасибо вам, спасибо вам, родные,
Богатыри мои, спасибо вам!

Враг не ушел, дождался он расплаты,
Его седые вьюги замели...
Я так на вас надеялась, солдаты,
Друзья мои, товарищи мои!

Вы путь врагу отважно преградили,
Вы сквозь огонь победу пронесли...
Спасибо вам от тех, кого любили,
От тех, кого жалели и спасли!»

Шумят над вами рощи и дубравы,
Труда и мира новый день встает,

Товарищи, не я пою вам славу,
А вся земля торжественно поет.

1948 или 1949

272. ЗАЗИМКИ

А зазимки наши неплохи,
По деревне ходят женихи,
Молодцы бедовые:
Голос льется,
Волос вьется,
Есть и чернобровые!
А за ними, как известно,
В восемнадцать лет невесты,
В восемнадцати летах
Им все луга еще в цветах!
Им все поля, леса, луга
Даны теперь в приданое.
. . .В сто рублей цветет дуга,
Сватов мчат буланые.
. . .Мороз вступил на краешек
Припая.
          Тонок лед.
Мороз идет без варежек,
Он заморозки шлет,
А те идут играючи,
Спускаются в овраг,
В больших папахах заячьих,
Зазимки как-никак!

1949

273. ЗА ТЕБЯ, НАШЕ ЗАВТРА...

За тебя, наше Завтра, мы в сраженьях поныне,
Нас ведет пятикрылая наша звезда,
Мы идем в коммунизм.
                    Ни единой твердыни
Враг не сдал нам без боя —
                              ни одной,
                                        никогда!

Нелегко нам. Да когда-либо было легко нам?
Мы — что море, у которого нет берегов,
И огнем огрызаются, бьют бастионы
Оголтелых и злобных врагов.

Но везде мы как жизнь!
На тропах каменистых
И у синих морей нам положено встать.
Мир наполнили мужеством мы — коммунисты,
Нам дерзанье под силу и сила под стать!

И гремит наша доблесть.
Каждый встал как наследник
Самолучшего, светлого в мире своем.
Как недавно мы пели:
«Это будет последний!»
А теперь:
«Это есть наш последний!» — поем.

Это есть наш последний и решительный!
Братья!
Из-за грома и молний, из-за пепельных туч
К выходящим на битву миллионною ратью
Молодой и отвесный вырывается луч
Незакатного солнца. . .

1949

274

В долинах, в полях,
в краснолесье,
В горах, на морях, на реках
Цвети, наша Родина-песня,
Останься, как песня, в веках!

Звени, никогда не смолкая,
Людской поднимай океан,
Как вешнее солнце сверкая
Над жизнью народов и стран.

В просторах твоих бесконечных
Жестоко сходились мечи,
Цвети, наша Родина, вечно,
Как вечная песня, звучи!

Тебе всё по силам, могучей,
Тебе столько в жизни дано,
И алой звезды пятилучье
На стягах твоих зажжено!

В долинах, в горах и в заречье
Ты всё озарила в ночи,
Цвети, наша Родина, вечно,
Как вечная песня, звучи!

И слышат повсюду народы
Твою величавую речь,
Красуйся, не зная невзгоды,
А мы тебя будем беречь!

1949

275. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Бежит, бежит реченька
Занятая,
Горит, горит звездочка
Золотая.

Волноваться реченьке
Всю недельку,
Светить, светить звездочке
В колыбельку.

Дрема ходит у окон,
Навевает тихий сон.
Спи, сыночек маленький.
Баю-баю, баиньки!

Спи, ясень мой,
Сон ясен твой!

Баю-баю, баю-бай,
Шел за Дремою Размай.
Походи пока в краю,
Я сынка баюкаю!

Стихни, шум, замолкни, гомон,
За лесами-гаями,
Чтоб сыночка дорогого
Вы мне не размаяли!

В небе месяц-колобок
Взял два облака под бок,
Постелил себе постельку
За карнизом голубок.

Уходи, Размайка, вон,
Приходи к нам, Угомон.
Погаси в домах огни,
Всё вокруг угомони.

Спи, ясень мой,
Сон ясен твой!..

1949

276. ЧЕРЕМУХА

1

На реке шумит волна,
Над рекой вольным-вольна
При веселом ветре
Белая черемуха
Распахнула ветви.

Распахнула
Да вздохнула,
И почти с неделю
Бушевали на тропинках
Белые метели.

Но по этому пути
Насте по воду идти
Было просто любо...
Белая черемуха —
Солнечная вьюга!

2

То тихая, то громкая,
Черемуха хорошая,
Цвети, раскинься, ломкая,
Запороши порошею,

Чтоб глянуть и зажмуриться
От луга побеленного,
Чтоб люди с нашей улицы
Ходили, как влюбленные.

И шла б ко мне любимая —
Косыночка кисейная...
Свети, моя,
Гори, моя
Черемуха весенняя!

1949

277

Ты — моя забота кровная,
Ты — любовь моя огромная!
Слово самое сердечное,
Песня трепетная, вечная!

Это ты исторгла молнии,
Что всю грудь мою наполнили.
Не с того ли, как ни встретишься, —
Сам великим светом светишься!

1949

Лежат за дальним морем страны.
Там, как туман, седеет ложь.
А ты у нас одна, Светлана,
Как солнце новое, встаешь.

Ты говоришь, и мир внимает,
И стало страшно кой-кому,
Что всюду речь твоя прямая,
Как луч, вонзается во тьму.

А мы — что море, мы — что море,
Мы на плечах снесли бои,
А в небе зори, зори, зори,
Как стяги алые твои.

И наше бремя не напрасно,
Восторг приходит в души к нам,
Как ты идешь, вещая братство
Народам всем и племенам!

1949

279. ВО ВСЕХ КРАЯХ МОИ ДРУЗЬЯ

Во всех краях мои друзья,
И по такому случаю
Звени, звени, гармонь моя,
Играй, играй, певучая.

Они со мною в битвы шли,
От пуль не отгорожены,
Они за честь родной земли
Стояли, как положено!

Не выхвалялись, идучи
И в зной и в ярь морозную.
Сказали просто: «Выручим
Отчизну краснозвездную».

И, чтоб покончить с морем
слез,
Врубились в преисподнюю
И славу подняли до звезд,
А может, выше подняли!

Потом пришлось в полях, в лужках
С другой работой встретиться.
И звезды на иных дружках
Над самым сердцем светятся...

1949

280

Над нею шли, от грома битв немые,
Лихие вихри,
Их гнала война.
Морской гранит, что пеною намылен,
Встречал удар — не тверже, чем она!

Недавнее пора припомнить ныне,
Аллюры наших сабельных погонь,
Как мы ее, крушившую твердыни,
На шлемах пронесли через огонь

И через тьму кромешную походов,
Где дымы поднимались, как стена...
В реках, пронесших огненную воду,
В любых она была отражена!

Везде осталось это отраженье,
И, как всегда, история права:
Последним залпом главного сраженья
Открыта миру новая глава,

Которую, охваченные гневом,
За новой пограничною чертой
Раскрыли боевые парни в шлемах
С пятилучовой красною звездой!

1949

281. СЕВЕР КРАЙНИЙ

Зима, зима. Великий Север Крайний.
На камне камень. Нет лютей поры.
Кто в свете знал про гору Карриквайвиш?
Никто не знал. А их ведь две горы,
Большой и Малый Карриквайвиш.
Дикий,
Замшелый камень замела пурга,
Дорогу преграждая нам на Никель.
Их было две, и обе у врага.
Траншеи в камне. В камне амбразуры,
Над ними неба тонкая слюда,
И с ней слилась, лоснясь тюленьей
шкурой,
Большая ледовитая вода.
Прямым огнем, косым огнем, навесным
В нас ворог бил. Огни переплелись,
И лишь орлиной родине известно,
Как мы на эти горы поднялись!
Ведь ты тогда прошла перед полками,
И, увлекая храбрых за собой,
Ведь ты ступила первою на камень
Тяжелою державною стопой.
Так что ж тогда нам оставалось делать,
Как только не вступить на этот след?
«Отчизна, есть ли мужеству пределы?» —
Спросили мы. И ты сказала:
«Нет!»

1949

282

Ты нас вела крутой дорогой славы
Через полмира легшую страну.
. . .Здесь камни окружили, как облавой,
Травы полоску
Метра три в длину.

И вышел к ней солдат и скинул каску,
Надел опять. И взял такой разгон,

Что аж до Порт-Артура.
Скажут — сказка:
Четвертый год травы не видел он.

Я словно перелистываю главы
Деталей всяких, вторгшихся в войну.
Ты нас вела крутой дорогой славы
Через полмира легшую страну. . .

1949

283. ВСТАЮТ ГОРОДА...

Из праха и пепла встают города
На родине смелых, отчизне труда.
Горят златоцветы, где выстроен дом,
И пляшет береза под самым окном.
Обугленной челкою в полдень веселый
Она закивала семье новоселов:
«Входите, входите, ведь я отгрустила,
Я новую поросль у дома взрастила.
Ее не помните случайно, не троньте,
Хотя бы за то, что была я на фронте,
За то, что машу и пляшу да в придачу
Росою трясу иль от радости плачу!»
Беги в этот дом искрометно, вода,
Вставай поскорей, посветлее, звезда,
Над новою долей, над новою крышей.
Край неба зарей самоцветною вышит:
Как будто бы скатертью чаша накрыта,
Как будто водой ключевою умыта
И ждет не дождется большого застолья —
Да с брагой, да с хмелем, да с хлебом и солью.

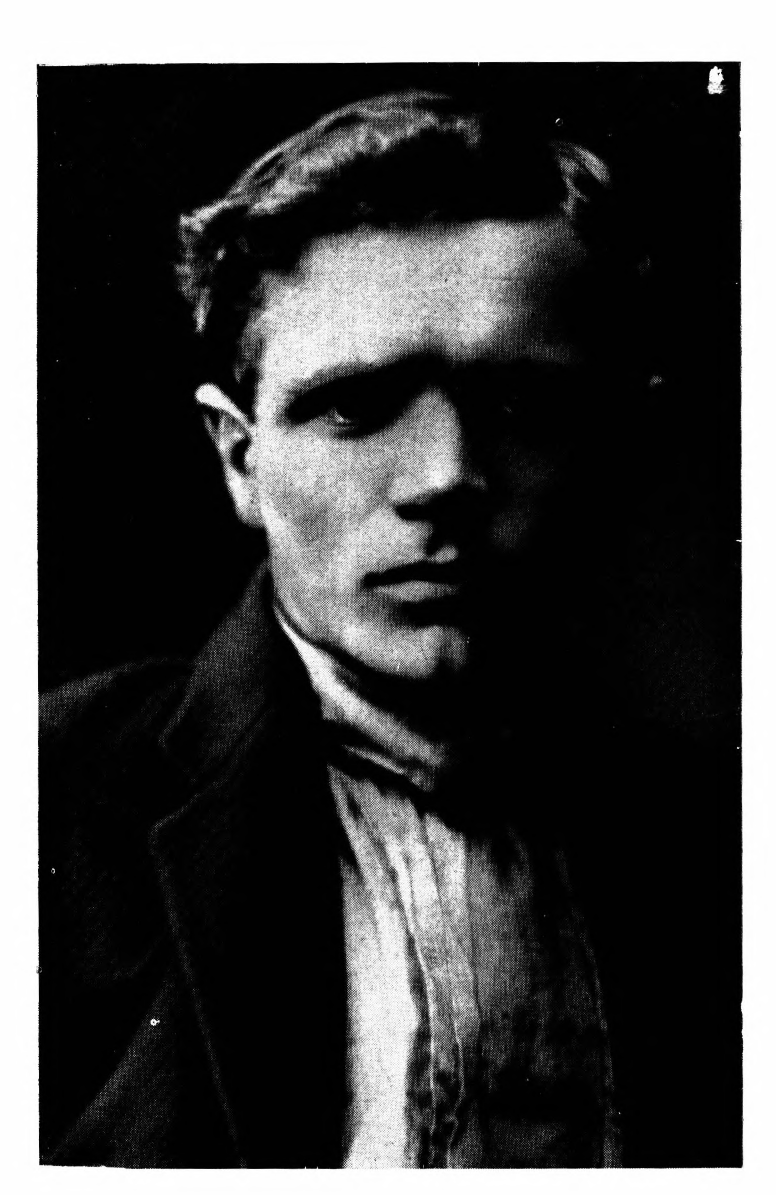
1949

284. ПОЛЯ, ПОЛЯ, МОИ ПОЛЯ...

Поля, поля, мои поля
На все четыре стороны,
Земля, Советская земля,
Над ней не кружат вороны.

Александр Прокофьев с отцом Андреем Андреевичем

Иду дорожкой-тропкою
Чуть видной стежкой
робкою,
И словно я ее веду,
То в ягоды, то пó воду.

И словно я ее торю,
Мою тропинку малую,
И словно я над ней зарю
Разбрызгиваю алую.

Бежит тропа под вербами,
О корни спотыкается,
И вижу я, как первыми
Те вербы просыпаются.

Над золотой поляною
Проснулись и не хмурились,
А просто в небо глянули
И от зари зажмурились.

Иду тропинкой луговой,
И только синь над головой,
Да горизонт виднеется,
Да лишь заря зареется!

Как будто в синь из всех лесов,
Когда ее повызнали,
Из миллионов туесов
Малиной спелой брызнули!

1949

285. УТРО

Какой сплошной разлет
зари!
Она взошла, бордовая,
И вместе с нею косари
Вошли в луга медовые.

И вместе с нею трактами
В поля рванулись тракторы,

Испытанные тракторы
Советского характера!

За ней вот-вот из-за реки
Лучи падут отвесные.
Гудят фабричные гудки,
Ее приход приветствуя.

Пути-дороги вьюжные
С боями нами пройдены.
Эй, сталевары дружные,
Побольше стали Родине!

Цветите добрым льном, поля,
Чтоб все оделись в новое,
Побольше ситцу, миткаля,
Текстильщицы бедовые!

Войдем в могучий труд с душой
Да с думой одинаковой:
Побольше радости большой,
Побольше счастья всякого!

Чтоб выше к солнцу поднялись,
Чтоб радость полной мерою. . .
Цвети, гори, родная высь,
Я в эту долю верую!

1949

286. ИДУ, ИДУ ПО ЕЛЬНИЧКУ

Иду, иду по ельничку,
По частому березничку,
Иду по неделеному,
По полымю зеленому.

Гори, огонь такой, пылай
И взвейся над просторами —
На весь родимый,
                    отчий край,
На все четыре стороны.

Где был нещаден суховей,
Над выжженными склонами
Раскинься зеленью ветвей,
Подайся в небо кронами.

Чтоб поступь их была легка
И чтоб дубки и ясени
Все задевали облака
И в цвет зеленый красили.

Чтоб колосилась рядом рожь,
И пелись песни громкие,
И золотой струился дождь
В амбары наши емкие.

1949

287. ВЫХОД ПЕСНИ

По дороге-наледи,
По раскатке
Вышла песня на́ люди
Для порядка.

Всем поклон отвесила
Любо-любо!
Улыбнулась песенно,
Белозубо.

Засмеялась молодо,
Звонко-звонко,
И не стало холода
По сторонке.

Сразу раньше времени
Снег растаял,
И взвилися лебеди
Белой стаей.

И расцвел цвет аленький
В поле чистом,
И ручей, как маленький,
Стал речистым.

И в окне распахнутом
Новоселье,
Сто баянов ахнуло
От веселья.

1949

288. ВЕЛИКИЕ ПЯТЬ ГОРОДОВ

Товарищ, Отчизна всех стран впереди,
В сиянье всемирных трудов,
И как ордена у нее на груди —
Великие пять городов!

Лишь ей наши думы и ей наша жизнь,
В огромном и малом — во всем.
Отчизна, ты всюду на нас положись,
Тебе нашу верность несем.

Товарищ, над нами салюты цвели,
Мы знаем теперь, что вблизи, что вдали,
Полмира прошли — и нигде не нашли
Родней нашей милой земли!

Товарищ, нам доли не надо иной,
И счастья другого никак,
Трепещет и льется над вечной страной
Заря, как развернутый флаг.

Советское солнце над нами встает,
Земле говорит:
«Покажись,
Какая ты стала!»
И день настает,
И всё это песнь об Отчизне поет,
И всё это вместе — вся жизнь!

Да здравствует Родина сильных!
Страна,
Которая на́веки нам отдана,
Родимая в доле, высокая в воле,
Могучая в поле страна!

Которая в мире всех стран впереди,
В сиянье всемирных трудов,
И как ордена у нее на груди —
Великие пять городов!

1949

289. ЯБЛОНЯ ДОЛЖНА ЦВЕСТИ

Многотрудного пути
Не позволим обездолить
Никому!
В любом раздолье
Яблоня должна цвести!

Рожь в полях должна расти,
Колос должен наливаться,
Ясень должен красоваться,
Яблоня должна цвести!

Яблоня должна цвести —
Замечательная — в мае,
Под весенними громами,
Так, чтоб глаз не отвести!

Так, чтоб глаз не отвести,
Вечною порой цветенья,
Просто до самозабвенья
Яблоня должна цвести!

1949

290. ПОЮТ ДРУЗЬЯ

Поют друзья, и я пою —
Не потому, что велено,
А просто — песенно в краю,
И песенно и зелено!
Зачины не перевелись,
Бери, какой приглянется,
Сады друг с другом обнялись,
И роща к роще тянется.

Без песни дом не строится,
И рожь в полях не родится,
Без песни нет застолицы,
Дружки не хороводятся.
Она у нас обласкана,
Идет под стяги алые,
Она, как солнце красное,
Встает над запевалами.

*

Нет на свете Родины милее,
Где других лазурней небеса,
Солнце ярче, звезды всех светлее,
Где отрадны рощи и леса;

Где в реках стремительные воды
Голубеют, словно бирюза,
Где, когда настанет непогода,
Весь народ выходит, как гроза!

Нет на свете Родины дороже,
Надо всё нам делать для нее,
Чтобы день, который нами прожит,
Каждым часом радовал ее!

Всюду всё в ее раздольях — наше,
Отдадим ей думы и дела,
И кругом садами опояшем,
Чтобы вечно Родина цвела!

Нет на свете Родины красивей,
Боевой страны богатырей,
Вот она, по имени Россия,
От морей простерлась до морей.

Прибавляет силы год от году,
Вся красуясь в славе молодой,
И живут в содружестве народы
Под ее державною звездой.

1949

291. ГОВОРЯТ, ЧТО НЕКРАСИВА

Говорят, что некрасива,
Некрасива, средняя.
Я в красивых не ходила,
Но и не последняя.

Я еще не заплетала
В косу ленту алую;
Подождите — кого хвалят,
Не меня ль, удалую?

Подождите, не судите
За такую линию:
Заглянул один мальчишка
В мои очи синие.

И с тех пор тому мальчишке
Только звезды видятся.
И с тех пор ему покоя
Нет и не предвидится.

1950

292. ГОВОРЯТ, ЧТО Я РУМЯНЮСЬ

Говорят, что я румянюсь,
Говорят, что я белюсь;
На реке при всех умоюсь —
И в лице не изменюсь.

Мне румяниться не надо,
Я такою родилась,
Словно вишенка зарделась,
Как березка поднялась.

Поднялась, над речкой встала,
Вижу камешки на дне. . .
Не белится же березка,
Так зачем белиться мне?

Говорят, что я румянюсь,
Говорят, что я белюсь;
На реке при всех умоюсь —
И в лице не изменюсь.

1950

293. МЫ — РОВЕСНИКИ ВЕКА

Мы — ровесники века, как все, в наступленье.
Горе кануло в море, не стало невзгод.
Озарил нашу юность в семнадцатом Ленин,
А когда стали старше, повел нас в поход.

И пошли мы за ним по снегам и в метели,
Нерушимою клятвой мы ему поклялись,
Кумачовые ленты на папахах зарделись,
Пятикрылые звезды на шлемах зажглись.

И когда к океану принесли наше знамя,
То его развернула Победа над нами.

1950

294. СЕВЕРУ

(Первое письмо)

Я обрадован встречей с тобой,
я к тебе торопился.
Не вчера ведь тебя я узнал,
не сегодня влюбился.
Ты мне снился суровый,
мой Север родной,
Грохотал океанской
высокой волной.
Ты стучался мне в сердце,
звал в гости, как друг,
Ты такой же, как я, —
не выносишь разлук!
И, к тебе устремясь,
вышел я за порог,
Потому что не видеть тебя
я не мог!

Я приехал к тебе
и увидел твой гордый простор,
И почувствовал силу
навеки раскованных гор,
Я увидел Хибины,
где нами открыт
Камень твой знаменитый,
утверждающий жизнь, —
апатит.
А что рядом, где Варзуга?
Что в районе Поноя?
Всё, что надо, добудем,
нигде не пройдем стороною!
Мы проверим все горы,
раскроем земли кладовые,
Как раскрыли Хибины —
теперь это нам не впервые!

*

Города поднялись там,
где чумы — и те не дымились,
Там, где тропы оленьи вились
и никак не сходились,
Там, где тундра красивой слыла
за Вороньей рекою,
А к реке выходила
лишь с недолей лихою;
На озера свои выходила,
поднималась на скалы
И всё старилась, старилась,
мертвым сном засыпала.
Но пришли мы сюда —
и повсюду железо запело.
Поднялись города.
Города — настоящее дело!

*

Ну, веди ты меня
в Ловозерье и в тундру, что названа Монче,
Покажи мне, что сделал,
какие работы закончил.

Покажи, что ты начал, что делаешь в тундре
оленьей,
Покажи мне размах
большевистских высоких стремлений
К покоренью природы
сурового дальнего края,
А потом пусть поднимется песен
орлиная стая!

*

Нет предела морям,
океану не видно предела!
А молва о народе твоем
дальше их полетела!
О твоих партизанах,
громивших заморскую свору,
О твоих, победивших моря,
храбрых сердцем поморах,
О твоих покорителях недр,
что проходят, преграды сметая...
В славу их пусть поднимется песен
орлиная стая!

*

У Вороньей реки
по-обычному всё, по-речному,
Лишь над ней разыгрались сполохи
по синему небу ночному.
То они разлетятся,
то сдвинутся, яркие, плотно,
А ты, Север могучий,
затянулся из трубки добротной,
Да вздохнул раз-другой,
и помчался ветрище до Крыма,
Заклубилась метель из широких ноздрей
вместо дыма!
А потом засмеялся ты, Север,
и всё улеглося,
И вела за собою лосиха
к новой заводи лося.
Ловозерская тундра, коль встанет,
то небо достанет, наверно,

И куда ни взгляни — всюду подвиг
и труд беспримерный;
А огни, что над нею горят
и еще загорятся,
Ни метелей седых, ни туманов,
ни вьюг не боятся!

*

Я не знаю, когда это будет, но будет —
поспоришь ты с Югом,
Опояшешь садами себя,
вишневой, весеннею вьюгой.
Станут яблони всюду
твоими подругами зваться,
И черемуха будет везде красоваться,
везде красоваться.
И невяники выйдут к реке,
горицветы пройдут осторожно,
Резеда и другие цветы —
без цветов, Север мой, невозможно!
И когда ты вглядишься
с Туломы-реки иль с Вороньей,
И когда ты откинешь
широкие пряди ладонью,
Ты увидишь цветущий, красивый
простор необъятный
И на нем человека с мичуринкой-вишней.
Понятно?
Понятно!

*

Ты стоишь, словно воин,
с победой вернувшийся воин,
Окрыленный народною долей,
величавою волей.
Закаленный в штормах,
в походном своем снаряженье,
Опаленный огнем
небывалых жестоких сражений,
Ты бессменным стоишь часовым
у ворот океана.
Из друзей и врагов кто не знает
тебя, ветерана!

Вот заходят в залив
корабли океанского флота,
Вот гвардейские ленточки вьются,
проходят матросские
роты.
Если сунется враг —
стало быть,
ему жить
неохота!

1951

295. ЗДРАВСТВУЙ, МУРМАНСК!

Ты не шел, а вылетел навстречу,
Ты рванулся из-за облаков,
Вот какой ты стал широкоплечий,
Мужественный город рыбаков!

По могучим всенародным планам
Ты поднялся, встал с другими
в ряд,
Город юнг и город капитанов,
Моря брат и океана брат!

Далеко твои простерлись дали,
Ты за них спокоен, ими горд.
Корабли пахать моря устали
И передохнуть заходят в порт.

Все они в трудах во имя мира,
Вымпела их вьются в синеве.
Вот «Москва» идет, за нею «Киров»,
«Кирову» привет! Привет «Москве»!

Ты встречаешь их, громкоголосый,
У распахнутых в простор дверей...
«Здравствуй, Мурманск! — говорят
матросы. —
Нам ты виден был со всех морей!»

1951

296. 1 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

Под Новый год на землю налетела,
Совсем ее завьюжила пурга.
Рванулись кони от разъезда Белый
В дымящиеся, взвитые снега!

Сломили бури первую атаку,
Влетели с ходу в заполярный лес.
А дальше что?
А дальше три барака.
А дальше?
Снег да вьюга до небес!

И край на сотни верст лежал забытым.
И сотням лет его потерян счет...
...Увидел Киров город апатитов,
Который не был городом еще!

Увидел он в ночи сплошной, беззвездной,
Какую землю надо озарить,
Увидел Киров дальний Север грозный,
Который надо было покорить;

Увидел всё, что нам теперь знакомо,
И прежде, чем о нем заговорил,
Он распахнул, как буря, двери дома,
Равно как путь в грядущее открыл!

1951

297. РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Ветра трубят, гудят неистово,
Стремительно слетают с гор,
Но полотняный город выстоит,
Он первый им дает отпор.

Отсюда крепкие и ловкие
Идут, вгоняют тундру в дрожь
Былые тульские, орловские,
А ныне — мурманские сплошь,

Те, что пришли в края поморские,
В края озер и быстрых рек,
И стали зваться мончегорцами,
Североморцами — навек.

...За взрывом взрыв.
Тут силу пробует,
Взрывая скалы, аммонал,
И волк бежит, бросая логово,
И поднимает камни шквал.

Снимая мох, идут бульдозеры,
Им шлют привет издалека
Еще не названное озеро
И безымянная река.

И вот уж новый дом красуется,
И в доме людям власть дана:
Вчерне намеченные улицы
Здесь получают имена.

Потом в дома вступают жители
И приглашают земляков
Сюда, на улицу Строителей
И в переулок Горняков.

1951

298. У ВУДЪЯВРА

Словно звезды — огни.
Их такое количество,
Что отпрянули ночи назад.
Под горою — полярно-альпийский
Ботанический
Сад.

Голубые пролески в нем расцветкой играют,
И альпийские маки растут.
И с далекого юга цветы,
с Гималаев,
Прижились, будто выросли тут.

В нем береза, осина, черемуха, елка,
В нем рябина кистями горит,
И сибирская лиственница-новоселка
Поднялась и уже говорит.
Поднялась, головою кивает упрямой
Занесенным на склоны снежкам,
И цветам, что стучат в парниковые рамы,
И подружкам своим, и дружкам.
Как раскинулся город — Комсомольску
ровесник!
А с предгорий, как из засад,
Криволесье глядит через всё редколесье
На такой ботанический сад,
Что над самым Вудъявром, согретый любовью.
И, конечно, друзья, потому
Он — полярный — растет и цветет
на здоровье,
В мире нету подобных ему!

1951

299. В ХИБИНАХ

Октябрь и в Крыму не такое уж лето,
А в дальних Хибинах, считайте, зима,
Но если работой земля отогрета,
Она, как-никак, всё расскажет сама.

...Так чем замечательна эта долина,
Которую горы всю жизнь стерегли?
А тем, что на ней вырастает малина
Впервые со дня сотворенья земли!

Рядком земляники кусты сортовые,
Смородина густо идет напролом,
И яблони здесь появились впервые,
Они еще стелются и под стеклом.

И всё здесь впервые, и всё здесь
впервые!
Впервые с природой бои повели

Работы садовые и полевые,
Впервые со дня сотворенья земли!

Отсюда сады молодою походкой
Пройдут, засверкают зеленой волной;
Отсюда картофель летит на Чукотку,
Он назван «пилотом»,
и он скоростной!

Пройдет по всему Заполярью пшеница,
Везде зашумят молодые поля...
Великою силой раскрыты страницы
Твои, исполинская книга,
Земля!

1951

300. ПЧЕЛЫ

Здесь коми-саамский поселок.
Колхоз. Миллионный размах.
...Сидят подмосковные пчелы
В своих разноцветных домах.

Здесь тундра, что моря пошире,
Здесь камня большая гряда;
Гора, где на самой вершине
Дрожит ледяная вода.

И, словно друзей-новоселов,
Сюда их пути привели —
Впервые приехали пчелы
На край заполярной земли.

Взлетели — нет мира
прекрасней,
Он ими в полете открыт,
Увидели: солнце не гаснет,
Ночами и днями горит.

И всё оказалось по нраву:
Цветы с самоцветной росой
И пасечник Волкова Клава
С тяжелою черной косой.

1951

301. ПОМОР

Капитану
Андрею Яковлевичу Маклакову

По рыбацким правилам старинным,
В памятный из многих дней денек
У Святого Носа сизой глины
С якоря попробовал зуек.

Ну, теперь любое дело впору
Для тебя, Андрейка Маклаков!
Больше стало на море поморов,
Больше на деревне рыбаков!

Ну, теперь волной не укачает,
Ну, теперь дружна с тобой вода.
Днями ты ходи в моря, ночами,
Забирай всю рыбу в невода!

Бейся с морем.
Разве ты не бился,
Не ходил под тучей грозовой?
. . .Загремела музыка на пирсе,
Гордо реет вымпел боевой.

Это из раздолий океанских
Флагман шел у мира на виду
Принимать на мостик капитанский
Красную почетную звезду.

Всем морям она знакома ныне,
Отражен в ней подвиг моряков,

И ее, как знак победы, принял
Капитан, товарищ Маклаков.

Что он видел в этот миг короткий —
Старый парус над крутой волной,
Мальчика в простой косоворотке,
В первый рейс идущего весной?

Нет, он видел Родины просторы,
Край, простертый вольно, широко.
...В море вышли новые поморы,
Солнце разгоралось высоко!

1951

302. РОЩА В МОНЧЕ-ТУНДРЕ

Я хочу рассказать, как задумано, проще:
Не о вольной, широкой красе полевой,
А о том, что растет эта белая роща
С молодой по весне легкокрылой листвой.

Хорошо, что весенние тучи нависли,
Что, не тронув берез, аммонал отошел,
Пусть шумят беспокойные клейкие листья,
Скоро дождь по листве застучит. Хорошо!

Рядом город, и там каждый день новоселье!
Город заново строится, быстро растет.
И разносится песня по всему Заозерью,
Над березовой рощею песня плывет.

Сколько здесь по весне развеселого крика,
То нагрянет дружина сюда, то отряд,
А по осени девочки ищут бруснику,
Пионерские галстуки на груди их горят.

Что ж, аукайся громко, счастливое детство!
И успей много раз к белой роще прильнуть,
И в прозрачную воду сумей наглядеться,
И смешные косички в нее окунуть!..

1951

303. КАТЯ

Солнце предзакатное пылает,
Воду пьет прибрежная лоза.
Девочка с подружками играет —
Голубые круглые глаза.

Две косички в бантиках,
На кармашках кантики.

На кармашках два оленя
Разбежались, не унять.
...Всё длинней, всё гуще тени,
Скоро солнце ляжет спать.

Скоро солнце ляжет спать,
Солнце вечер встретило.
«Как тебя, синичка, звать?»
— «Катей звать», — ответила.

И опять играет, и взлетают
Две косички в ленточках красивых.
«Сколько лет тебе?»
— «Не знаю.
Я еще у мамки не спросила».

Не спросила, ну так спросишь вскоре,
Все они светлы до одного.
Родина от моря и до моря
На защите счастья твоего!

1951

304. КЕДР

То ветер поднимется буйный,
То вал зашумит штормовой,
А кедр у горы Караульной
Стоит, как ее часовой.

И пало на долю родному
Расти, красоваться, мужать,

Где воды спокойной Туломы
Устали до моря бежать.

Кого он зовет или кличет
И что он увидел вдали?..
Он помнит суровый обычай —
Его партизаны ввели.

Когда они шли из разведки —
Не где-нибудь в скалах,
а тут, —
У самого кедра нередко
Гремел партизанский салют.

Людскою заботой обласкан,
Под блеклой стоит синевой,
И вьются легенда и сказка
Над гордой его головой.

Еще он не стал великаном,
Но виден уже великан,
Он смотрит в лицо океану,
И видит его океан!

1951

305. АНАТОЛИЮ БРЕДОВУ, ТРАУЛЕРУ, ГЕРОЮ

Чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Вл. Маяковский

Биться океану стало нечем,
Он затих на сотни верст вокруг.
Ты пришел, и я сказал при встрече:
«Анатолий Бредов,
здравствуй, друг!

Как живешь ты?
Были штормы?»
— «Были!
Далеко я в море уходил.
Океан,
что конь, по шею в мыле,
Только пену сбрасывал с удил!»
— «Ну, а ты?»
— «А я напал на рыбу,
Брал и в бурю пикшу и треску».
— «Ну, а он?»
— «Ему был полный выбор:
То подняться к тучам
белой глыбой,
То впадать в зеленую тоску!
Вдруг ему сражаться стало нечем,
Он затих на сотни верст вокруг...»

...Я иду, обрадованный встречей,
Тихо повторяя:
«Здравствуй, друг!
О тебе наслышан я в Петсамо —
Месть и гнев настигли там врагов, —
О тебе молва прошла до самых
Тихоокеанских берегов!»

...Пулемет замолк.
Друзья-солдаты
Пали.
Только рано торжествует враг.
Ты с противотанковой гранатой
Делаешь в бессмертье первый шаг.
Со вторым —
гранатой бьешь о камень.
И народ увидел подвиг твой:
Ты один расчеты свел с врагами,
Слава слита с песней и молвой.
Слава о тебе прошла, ликуя,
И вблизи и в далях боевых.
О тебе молва прошла, тоскуя,
Прогремев, что нет тебя в живых!

Нет, живой!
И мимо скал отвесных
Ты идешь, задорен и упрям.
Нет, живой ты!
Ибо всем известно —
Мертвые
не ходят
по морям!

1952

306. ЧАЙКА

Рано просыпается Ульяна,
Перед ней моряцкие пути.
Выйти к морю ей иль к океану
Проще, чем другой к ручью пройти!

Вот она спускается с пригорка,
И шаги Ульяны так легки,
Что ее, веселую поморку,
Чайкою прозвали моряки.

Вот она идет к большому морю,
Так ведется в нашей стороне:
Там, где море с ветром спорит, —
Там рыбачки мчатся по волне!

Ставят переметы, ставят сети,
Далеко от берега плывут,
И меж ними есть на белом свете
Та, что люди Чайкою зовут!

1952

307. СТАРИК

К реке Вороньей путь
не ближний,
Но он привел меня к нему.
...Сидит старик из старой Ижмы,
Сидит хозяином в дому.

Большие руки на коленях,
Глаз непотухших мягкий свет.
...Куда б ни шли стада оленей,
Туда и он. Шел сорок лет.

Вились, вились оленьи тропы;
И всю-то жизнь над головой
Лишь только чума дым и копоть
Да ночь над тундрой вековой.

И словно был заклятым трижды
Весь век, как этот чум в дыму...
...Сидит старик из старой Ижмы,
Сидит сам на́больший в дому.

В таком дому не загорюется,
Всё в нем отрадно старику:
Здесь в три окна смотри на улицу,
А в два, коль хочешь, — на реку!

Где воды — будто их нагладили,
А то не стихнут ни на миг.
...В таком дому, включая радио,
Столицу слушает старик.

Большие руки на коленях
Лежат, изрытые трудом.
И знает он:
великий Ленин
Ему построил этот дом.

1952

308. ОТ МОСКВЫ НЕДАЛЕКО

Что задумали — сбывается,
Что запели — широко.
Крайний Север называется,
А Москва недалеко!

На Москву везде надеются,
Встретишь ты ее всегда

Там, где пашется, где сеется,
Где возводят города,

Где работают без устали.
И о ней всегда жива
Не какая-то стоустая,
А народная молва.

Что задумали — сбывается,
Что запели — широко.
И нигде не забывается,
Что Москва недалеко!

1952

309. БЕССМЕРТИЕ

Мне не отвести, товарищ, взгляда
От земли бессмертной Сталинграда,

Доблестной по долгу и по праву,
От ее солдатских славных шрамов,

От ее величия простого,
Всем понятного и всем родного.

*

Песня! Ты иди со мною рядом
По земле бессмертной Сталинграда.

По земле, любимой всеми, братской,
По железной, подлинно солдатской.

*

Труд сметает всякие преграды
На земле бессмертной Сталинграда.

Там, где степь потрескалась от зноя,
Говорит теперь волна с волною.

Волго-Дон волной грохочет в шлюзах:
«Я служу Советскому Союзу!»

1952

310. ЗЕМЛЯ

Найду ли слова, до предела простые,
Чтоб в сердце она их взяла?
Есть легкие земли, есть земли пустые,
А эта земля — тяжела.

Сложили былины, легенды и руны
О ней и вблизи и вдали.
Две тысячи разных осколков чугунных
На метре квадратном легли.

1952

311. ПЯТИМОРЬЕ

Сказочно в народе Лукоморье,
Воды Пятиречья — глубоки.
Не было на свете Пятиморья,
Создали его большевики.

С этих пор —
                    отныне и навеки —
Новый дан морским делам разгон.
Пять морей соединили реки —
Дон и Волга. Волго-Дон.

Степи, степи...
                    Всё степные дали.
Там, где ветер сух и раскален,
Потекла река, какой не знали, —
Волго-Дон струится, Волго-Дон.

И теперь сухим степям и взгорьям
Поворот иной народом дан.
...Пятиречье вместе — это море,
Пятиморье вместе — океан!

1952

312. НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

1

Был ты на Мамаевом кургане,
Слышал ты легенды про курган?
Знаешь, сколько раз жестоко ранен
Этот воин, этот ветеран?

Огненная вьюга так крутила,
Что и посейчас в железе путь...
Золотых нашивок не хватило б,
Чтоб легли отважному на грудь!

2

...А отсюда — всё как на ладони,
Поднимись на склон крутой, взгляни —
Вон огни горят на Волго-Доне,
По Заволжью лентами огни.

Весь в огнях и сам источник света —
Зодчий и рабочий, друг прямой,
Победитель в битве за планету,
Сталинград, великий город мой!

3

...Как твоя рука врагов карала,
Это мир запомнил навсегда.
Враг кричал истошно:
«До Урала!»
А Урал на танках шел сюда.

Впереди всей танковой бригады,
Разорвав врагов полукольцо,
Шла четверка храбрых к Сталинграду,
И Победа знает их в лицо!

Вот наш танк «Челябинский колхозник»,
Навсегда в бессмертной славе он.
Пусть сады цветут, шумят колосья,
Пусть звенит волною Волго-Дон!

4

Здесь земля стонала и гудела,
Вся в железе, пепле и золе.
Скинем шапки!
Потому что смелых
Много здесь покоится в земле!

Здесь любой не долюбил, не дожил,
Был в пути суровом и прямом.
Помолчим, друзья, чтоб не тревожить
Прах героев, спящих под холмом.

Молодо раскинется дубрава.
Сталинград придет к своим сынам
С новым садом.
Потому что Слава
Так повелевает делать нам!

5

Зеленеть, цвести деревьям парка!
И увидим мы, к нему идя:
Радуга величественной аркой
Встанет после каждого дождя.

Всё в порядке полном, всё в порядке,
Мир иной на месте грозных битв:
Строем пионерские палатки,
И горнист в победный горн трубит.

«Будь готов!»
— «Всегда готов!» — ответом
Мчится через вольные края...
В горн труби, зеленая планета,
Вышла к солнцу молодость твоя!

1952

313—314. *В ПУТИ*

1

Купаясь в пыли придорожной,
Проходишь ты, песня моя,
Но ей позавидовать можно,
Мои дорогие друзья.

Она, от зари молодея,
Умоется в новом ключе,
Дорогу со мною разделит
И с солнцем пойдет на плече!

Бывает, что сказку прихватим
И вместе уходим, втроем,
И слов по-пустому не тратим —
В характере это моем!

Сейчас мы идем Сталинградом,
Идем по нему не спеша,
И песня прекрасному рада,
И сказки светлеет душа.

И, каждому слову внимая
И в город влюбившись сильней,
Пойдем, говорят, на Мамаев,
Оттуда всё будет видней!

2

Тихо на Мамаевом кургане,
Не шумит Мамаев, не пылит,
Ветерок от Волги чуть-чуть тянет
И чуть-чуть листвою шевелит.

И доносит легкую прохладу,
Чтоб немного зной палящий сбить.
Волга, Волга возле Сталинграда,
Мне тебя вовек не позабыть.

О воде твердят одно и то же,
Ну и сам за всеми вслед твердишь:
«Солона. Пресна. Гореть не может».
— «Я горела!» — ты мне говоришь.

Дым до неба был тогда в Заречье,
Мчались волны с кровью и огнем,
Где стоял, сражаясь, город вечный,
Созданный на берегу моем.

А теперь лишь солнце по затонам,
А теперь весна по всем путям...
Голубая лента Волго-Дона,
Говорят, к лицу моим степям!

1952

315. ОДИН ИЗ МНОГИХ

Тундутово — разъезд под Сталинградом.
Там не ходила молодость моя,
Но рассказать о нем сегодня надо —
Вот по какому случаю, друзья.

Там в сентябре сорок второго года
Гвардейцы шли — один на четверых,
В грозе и в буре трудного похода
Бригада танков вышла на прорыв.

И вот в бою за землю, что любили
В ее неповторимой красоте, —
Танк Алексея Маркина подбили
На голой безымянной высоте.

Но смерть не знала, кто был в этом танке,
А знала б — не стояла на пути.
Таких людей, таких солдат, как Маркин,
Ей стороной бы надо обойти!

Мы возле Сталинграда ей сказали
Простое и короткое:
«Не сметь!»

Мы в Сталинграде миру доказали,
Что, выстояв, мы победили смерть!

Отчизна, ты вложила в грудь титанов
Любовь и гнев, подобные огню...
...Как хлещет кровь у Маркина из раны,
А слово — клятвой всходит на броню.

«Я, — пишет кровью Маркин, — умираю,
Но Родина, я верю, победит!»

...Идет былина по родному краю
И о величье гордом говорит.

1952

316. ГЕРОЮ

Четырнадцать раз пулеметная рота
Отбила атаки врага.
Четырнадцать раз, раскалив
пулеметы,
Его обращала в бега.

В огне Сталинград, за чертою лазури,
И этой тяжелой порой
Сильней его любит Рубен Ибаррури,
Солдат Сталинграда, герой.

Еще не успели остыть пулеметы,
Как вновь бушевать огню.
Опять отбивает атаку рота —
В пятнадцатый раз на дню.

А бурая степь была раскаленной,
Дымилась за Дар-горой,
...Упал на солдатскую землю
орленок,
Рубен Ибаррури, герой.

На площади Павших Борцов батальоны
Идут, а трубы поют.

Идут полки, развернув знамена,
Гремит орудийный салют.

Идут повсюду землей родною
Мужество, Сила, Страсть.
И радость в нетленном сердце героя,
Словно звезда, зажглась!

Новых деревьев льется прохлада,
Солнце их золотит,
И над бессмертной землей Сталинграда
День молодой летит.

1952

317. В ПЕРВЫЙ РЕЙС

Два теплохода из Комарно
Погожим летним днем
Пройдут геройским,
легендарным
Нехоженым путем.

С ним всё в степи переменилось,
Всё льнет теперь к нему.
Они пройдут водой,
что снилась
Народу моему!

Два теплохода из Комарно
Флотилью поведут,
И с ними труд пройдет ударный,
Величественный труд.

Мы их привет, страна родная,
Передадим волнам,
И гул промчится до Дуная
И вновь вернется к нам.

Но что с ним сталось, что с ним сталось?
По-чешски кто поет?

А это Прага отозвалась,
Дунай в ладони бьет!

Пройдут каналом теплоходы —
От Волги к Дону вдаль.
Он создан волею народа,
А воля — это сталь!

1952

318. ЦВЕТЫ

(ИЗ МОСКВЫ — НА ВОЛГО-ДОН)

Начинался рейс не по-привычному,
И посадка не была проста,
Пассажиры были необычными —
Палубные заняли места.

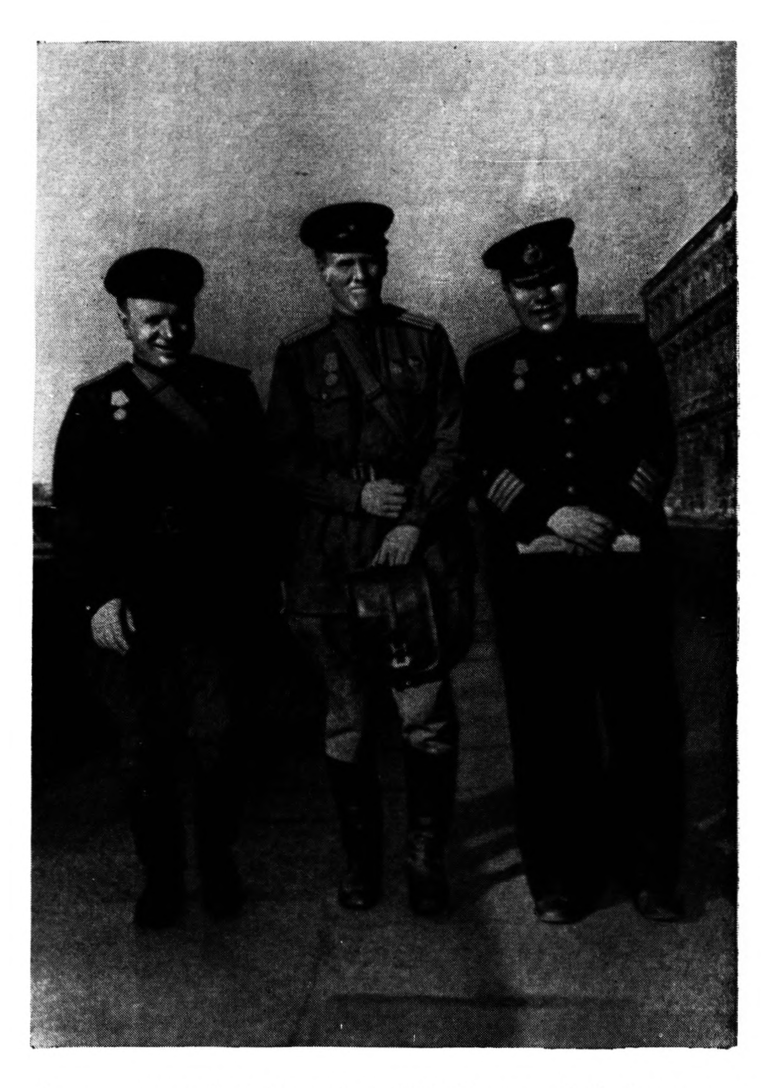
«Я хочу, чтоб всё было по нраву им! —
Капитан команде пробасил. —
Сколько лет хожу по Волге, плаваю,
А такого чуда не возил!»

И от пассажиров верхней палубы,
Плывших Волгой, реченькой родной,
Ни одной не поступило жалобы
Письменной и устной — ни одной!

Нет, мы подтвердим еще для точности,
Что цветы, не знавшие невзгод,
Благодарность вынесли цветочницам
За любовь и ласку, за уход!

Закивали ирисы бутонами,
И уже не ставил под вопрос
Их судьбу веселую, зеленую
Сам руководитель группы роз!

1952

Слева направо: А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, В. В. Вишневский

319. В СТЕПИ УХОДЯЩЕЙ

1

Она такой не будет и в помине,
Ее наш труд с недолей разлучит.
За Сталинградом степь легла в полыни,
От той полыни воздух чуть горчит.

Веками степь не видела заботы,
Заснул чабрец — не разбудить грозой.
Кругом полынь.
Как будто плакал кто-то
И степь прожег соленою слезой.

Сухая степь легла за Сталинградом,
Она из века в век была такой.
Степная речка названа Отрадой,
А от нее отрады никакой.

Она как будто выкрашена охрой.
Весной не то чтоб пойму затопить,
Уже в средине мая пересохла,
Она сама, как чибис, просит пить!

Так шли года, катились дни за днями,
И поперек степи большой и вдоль,
Среди полыни белыми ремнями,
Стянув раздолье, выступила соль.

2

Я вижу степь, где в тополях и кленах
Зеленый шум, зеленый гул.
Иной она идет за Волго-Доном,
Не только там, где саблей он сверкнул!

Я вдаль смотрю и вижу — на просторе,
С дубравами среди цветных лугов,
Раскинется вовсю седьмое море,
В котором не увидишь берегов!

Оно заплещет, солнцем налитое,
И прозвенит, как песня, день-деньской,
И зашумит волною золотою,
Она — родня волне волго-донской.

Его заденут трепетные зори,
Пройдут комбайны по его волнам.
Живи, расти, цвети, седьмое море,
Где золото с лазурью пополам!

1952

320. ПЕСНЯ

Казак ехал степью, и в дальнем пути
Хотел он казацкое море найти.

«Напрасно ты ищешь, не верь никому, —
Полынная степь говорила ему. —

В степи только носится желтая пыль
Да ветер качает полынь да ковыль.

Скачи, не доскачешь никак до воды,
Давно к ней, казак, затерялись следы».

Но шла и летела другая молва,
Но мчались над степью другие слова:

«Еще проскачи, на полынь наступи,
Увидишь, как плещется море в степи.

Безбрежное море далёко легло,
То синей, то мутной волной зацвело.

Там ветер гудит и летает морской
Над степью казацкой, над степью донской».

И стал долгий путь казаку не тяжел,
Он степь не покинул, а море нашел!

1952

321. ПО МОРЮ ГУЛЯЕТ

> Я б родимый дом покинул,
> Чтобы море увидать!
>
> *Из песни*

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

Туда по тропинке проходит она,
Где волго-донская вскипает волна,

Где алые зори на море степном,
Где тонут закаты под самым окном!

Где гаснет закат, нет, не гаснет, горит...
Казачке казак молодой говорит:

«Казачка, мы были с тобой степняки,
А стали теперь навсегда моряки.

Чтоб море увидеть, чтоб нá море стать,
Не надо, казачка, свой дом покидать.

Куда ни пойди и куда ни ступи,
Шумит наше море в родимой степи.

С ним служба и дружба, на нем я найду
Матросскую долю в казацком роду.

В казацкой станице, в казацком краю
Уж где-то мне шьют бескозырку мою!»

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

1952

322. ЗЕЛЕНАЯ РОЩА

Увидев в степи небывалое дело,
Зеленая роща всю ночь прошумела.

К ней хлынули трели веселые птичьи,
Везде зазвенели запевки девичьи.

Зеленая роща, зеленая роща
Увидела воду большую воочью.

Увидела воду, что мчалась потоком,
Могучим потоком, рекою, потопом!

Зеленая роща, зеленая роща,
Вода тебе снилась весеннею ночью.

И ты каждый раз в ней стояла по плечи,
Вела с нею речь на зеленом наречье!

«Зеленою рощей» поселок зовется,
«Зеленая роща» поет и смеется!

1952

323. ЛЕСНИК

Степь. Такую встречаешь лишь раз на веку,
Но привычно в степи проживать леснику.
Настоящее дело, настоящая доля:
Сотен восемь гектаров лесов по раздолью!

И бывает, что песенку он заведет
Там, где брызжет акация пеной.
Он идет по тропинке, он лесом идет,
Хоть ему этот лес по колено!

Но дубки поднимаются.
Крепнут дубки.
Зеленеет лесная опушка.

Вьется речка степная,
звенят родники,
И кукует степная кукушка.

Лес густой, хоть недавно в степи он возник, —
С каждым днем он становится краше.
Как при доме — хозяин, при лесе — лесник,
Всем известно, в обычае нашем.

И проходит лесник по степной стороне,
Где полынь да чабрец только были.
Одностволка привычно висит на ремне,
Сапоги побелели от пыли.

А обычно лесник на своем дончаке
До закатного солнца с рассвета,
А судьба у него, как поводья, — в руке,
А дубков у него на полсвета!

1952

324. РАЗЛИВ

Ольха с березой. Вновь ольха с березой.
Осинки никнут, ветви наклонив,
Да лютики, сбегающие к плесу,
Да кое-где полянки.
Вот — Разлив...
Но здесь был Ленин!
Сразу, с той минуты,
Как стал на эту землю он, —
тогда
Стена берез, поднявшаяся круто,
Закрыла тропы, что вели сюда.
И не было сюда ищейкам хода
Ни вброд, ни вплавь, ни даже — как-нибудь!
И лишь любовь великая народа
От всех врагов оберегала путь,
Который позже вел нас через горы,

Пролег через сердца и нес грома, —
Великий путь, единственный, которым
Ходила Революция сама!

1953

825. НА ПУЛКОВСКОМ МЕРИДИАНЕ

Проспект открылся взору моему,
Стремительный, широкий,
словно площадь,
Где молодые яблони не рощей —
Дубравами сбегаются к нему.

Они еще двухлетки и трехлетки,
Взрасти их, ленинградская земля!
Ведь яблонь этих трепетные ветки
Шумят, где были минные поля!

Другой им путь проложен и разведан,
На нем стальная вьюга не метет.
Недалеко Московский парк Победы,
Он перед ними отроком встает!

А наш проспект, как бы
в зеленой раме,
По всем газонам раскидав цветы,
Летит вперед.
Орлиными крылами
Он Пулковской коснулся высоты,

Что поднялась зеленою грядою,
Где билось поколение мое
И где лишь яблонь племя молодое
Сегодня наступает на нее!

И с высоты извечной и красивой
Вы видели, наверно, не одни,
Как солнце гасло над «Электросилой»
И на проспекте вспыхнули огни.

Воистину то было море света,
И в нем весна летела и цвела,
А радость, что сверкает в строчке этой,
Уже, друзья, в душе моей жила!

Таким предстал он вешнею порою
Во всей своей немеркнущей красе,
И песнь моя о городе-герое
Выходит на Московское шоссе.

1953

326. ИДУТ САДЫ ЗА ПУЛКОВО

Под вешним солнцем
жмурятся,
Идут сады за Пулково
Своей Зеленой улицей,
Цветными переулками.

И через все проталинки,
Как загодя объявлено,
Своих подружек маленьких
Ведут постарше яблони.

А те вдруг испугаются,
Гурьбою разбегаются,
Ну, всё как полагается
И как не полагается!

И ничего нет тайного,
Всё совершенно явное:
На всю округу дальнюю
Шуметь придется яблоням,

Идти рядком с подругами,
Войти в цветы долинные
И выбежать за Лугою,
За Нарвою старинною.

И нет предела крайнего
Садам, цветенью белому,
Как нету края дальнего,
Где о садах не пелось бы!

1953

327. СВЕТ НАД МИРОМ

Сильнее нашей дружбы в мире нет,
Живем мы все большой семьей согласной,
Нам партия в сердца вселила свет,
Такой могучий и такой прекрасный.
Она — оплот народа своего,
Хозяина страны, творца законов,
Она — любовь и гордость миллионов,
Надежда человечества всего!
И братства нашего светлее нет,
Оно растет и крепнет год от году.
Вершитель исторических побед,
Народ наш славит братство всех народов.
Нам партия дала его навек,
И горе тем, кто смел его нарушить!
Оно как свет незримый в наших душах,
Чтоб жил и славил братство человек!
В сражениях, которым равных нет,
Мы отстояли честь страны родимой,
Мы с партией своей непобедимы.
Горит над миром высшей Правды свет!

1953

328. ЦВЕТИ, УКРАИНА МОЯ!

На тысячи верст протянулись долины,
Родные луга и поля.
Навеки, навеки цвети, Украина,
Советского братства земля.

И то ли зарницы нас тешат игрою,
То ль молнии блещут вокруг,

А может, в нависшее небо ночное
Салюты ударили вдруг?

Нет, это мартены огнем задышали
От вольных долин до морей,
Чтоб наши враги никогда не мешали
Цвести Украине моей!

1953

329. РЫБАЦКАЯ

У реки широкой плечи —
Берега крутые.
Сыплет солнце на Заречье
Стрелы золотые.

И где стрелы пролетают —
Там смуглянки расцветают,
А где стрелы в землю
бьют —
Парни бравые встают.

Кто селится у реки,
От беды не плачет —
Наши парни-рыбаки,
Девушки-рыбачки.

И отнюдь не дураки,
И давали сдачи
Наши деды-рыбаки,
Бабки-рыбачки.

А рыбачить — не судачить,
Дружбой век дорожить.
У воды жизнь прожить —
Что-нибудь да значит!

1953

330. ГУСИ-ЛЕБЕДИ ЛЕТАЮТ

Гуси-лебеди летают,
Ходят облака.
В камышах и краснотале
Путь ведет река.

Ей отрадно на просторе
Вербу отражать,
А печально, что до моря
Ей не добежать.

Камни ей идти мешают,
Не пробить бугра. . .
Повернула к ней большая
Старшая сестра.

И Маруси и Аленки
Видели гурьбой,
Как сняла она
с сестренки
Гребень голубой.

И пошла, с ветрами споря, —
Было видно нам, —
Чтобы этот гребень в море
Передать волнам.

1953

331. А У НАС ПО ЗАРЕЧЬЮ

Насте

А у нас по Заречью
Дни и ночи подряд
На зеленом наречье
Леса говорят.
Все мои вересинки,
Что милы и любы,

Легковерки осинки,
Тугодумы дубы.

А у нас по Заречью
До глубокой воды
С тихим трепетом вечным
Припадают сады.
Их расцвет неизменен,
На крутом берегу
Все черемухи — в пене,
А все вишни — в снегу.

А у нас по Заречью
Да на веки веков
Много самых сердечных
Раскидано слов.

Тех, что кружатся, вьются,
Словно птицы в лугах,
Тех, что сами смеются
У тебя на губах.

1953

332. УЛИЦА

Вместо улицы — река,
Вьется, льется, широка,
Нет причины хмуриться
Мне на эту улицу,

От ветров студеную,
От берез беленую,
От ракит зеленую,
От цветов лиловую,
С каждым утром новую.

Вечер. Замер перекат,
Волны не сражаются,

Утонул, погас закат,
Звезды отражаются.

И плыви себе, плыви
Речкой быстротечною,
И зови к себе, зови
Звездочку заречную.

1953

333. ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Еще снежных туч гряда
Не боялась ветра,
Еще талая вода
Не была заметной,

Еще, полные угроз,
По снегам летели
В рукавицах мороз,
В варежках метели, —

Но уже расцветал
Над излукой дальней
Чернотал,
Краснотал,
Белотал —
Тальник.

Перехода к весне
Это не решало.
Но река в полусне
Глубже задышала.

И казалося ей,
Грустной, одинокой,
Что до радостных дней
Уж не так далёко.

1953

334. НОВОСЕЛЬЕ

Новоселы входят в новый дом,
И тогда, как в бубен,
грянул гром.
Гром вовсю гремит,
Первый дым дымит.
Широко деревнею
Дождь идет серебряный.
А потом на луга
Встала радуга-дуга.
Встал мост
Выше звезд,
В семь цветов,
С тыщу верст.

Входят в дом новоселы,
Грянул в бубен
веселый
Вешний гром.
Разбросался серебром
Частый дождь:
На колхозную рожь,
На колхозный лен,
На заречный клен.
На колхозное жито
Просто ливнем пошел...
Хорошо на свете жить,
Хорошо!

1953

335. ГАРМОНЬ

1

Славна гармонь причудами,
Певучими пичугами.

Они с частушкой местною
Взлетают над невестою,

Над речкою с обводами,
Над всеми хороводами.

Они поют, торопятся,
А песни, песни копятся.

Как выходят гармонисты,
Так за ними трактористы —
На подбор молодежь,
И не хочешь, да пойдешь.
А за ними звеньевые,
На подбор боевые.
Вся гармонь огнем горит,
Говорит, говорит...

За собою повела
Три деревни, два села.
У нее из-под ладов
Входят в песню пять садов.
Первый сад — тополиный,
А второй — соловьиный,
В третьем — вечное лето,
А четвертый — в самоцветах,
Лучше пятого нету!..

2

Доверху набитая
Песнями, стихами,
Серебром обитая,
С красными мехами.

Доверху набитая
Радостью, обидою,
Золотыми стрелами
Вся насквозь пробитая.

Вся, вся в горицветах,
Вся буря,
Вся шквал!
Ей, зажмурясь от света,
Гармонист подпевал...

1953

336. ПРИГЛАШЕНИЕ К ХОРОВОДУ

Пожалуйте в хоровод,
Тракторист и полевод,
На цветы на луговые
Приходите, звеньевые,

Со своими звеньями
И со всеми семьями,
С дедами и с бабками,
С детворой — охапками.

Всем безотлагательно:
Явка обязательна!

Надрываются трехрядки,
Рожь шумит, звенят овсы...
«Всё в порядке,
всё в порядке», —
Отзываются басы.

Разноцветно, голосисто,
И, врываясь в общий гул,
Кто-то беленьким батистом,
Кто-то розовым взмахнул.

И смуглянка, не лукавя,
Начала дробью,
И ногами, и руками,
И еще бровью!

1953

337. СЕРЕБРО

Провожали гармониста всем селом.
Осыпали гармониста серебром:
Серебром нашей речи,
Всех частушек Заречья,
Серебром голосов
Наших нив и лесов!

Провожали гармониста
По дороге вдоль полей,
Возле самых серебристых
Наших вольных тополей.

Провожали рыбачки
Вдоль серебряной реки,
Пожелали удачи
Гармонисту рыбаки.

Провожали гармониста всем селом,
Серебристая чайка махнула крылом...

1953

338. ОЖИДАНИЕ

Больше часу я стояла
Над серебряной рекой.
Я все песни перебрала,
Те, что были под рукой.

Вроде этой, перепетой,
Что в Заречье влюблена:
«Лучше нету того цвету»
Называется она.

Я глядела за поляны,
В даль зареченских
полей,
Видно, лопнули баяны
По две тысячи рублей.

Видно, нет их, голосистых,
Видно, некому играть,
Видно, надо гармонистам
Балалайки подобрать.

Наконец-то заиграли,
Я насилу дождалась,
Голубая моя лента
Больше часика вилась.

1953

339. ВИШНЯ

За рекою в непокое
Вишня расцвела,
Будто снегом за рекою
Стежку замела.

Будто легкие метели
Мчались во весь дух,
Будто лебеди летели,
Обронили пух.

Я не стежку, а дорогу
За рекой торю,
Никому про недотрогу
Я не говорю.

Только в мире тайны вечной
Не было и нет...
Рассыпает по Заречью
Вишня белый цвет.

1953

340. ПЕСЕНКА

За реку хожу по двум причинам:
Где глядятся в воду три окна,
Там живет любовь моя, кручина.
Первая причина всем видна.

А вторая — ты, мое Заречье,
С лютиком родным среди лугов,
С тихою, замедленною речью
Над рекой склоненных тростников,

С милою черемухой в лощинах,
С вишней на высоком берегу,
С той моею легкою кручиной,
Что навеки в сердце сберегу.

1953

341. РАДУГА

Над крутыми берегами,
Над широким валом,
Над полями и лугами
Радуга вставала.

И тогда, водой пыля,
Наша речка синяя
И заречные поля
Стали всех красивее.

Вся внезапная вода
Отливала оловом,
Все мальчишки,
                    как всегда,
Задирали головы.

Радугой разбужены,
Шли мальчишки лужами,
С криком:
            «Радуга-дуга,
Перебей дождя!»

Этим чудом по весне
Край был так обрадован:
Даже капля на весле
Отражала радугу.

1953

342. СОЛОВЬИ

Белой ночью на реке
Две зари встречаются,
На кудрявом ивняке
Соловьи качаются.

Жалко ивушку ломать
Да пучками связывать,
Ей расти и расцветать,
Песням не отказывать.

До рассвета соловей
Вволю заливается,
Много ивовых ветвей
К речке нагибается.

Ой, заречные края,
Нивы с крупным колосом,
Что-то есть от соловья
В вашем звонком голосе.

1953

343. ВОТ КАКОЮ Я БЫЛА

Вот какою я была:
Словно маков цвет цвела,
Поутру бежала к речке,
Умывалась добела.

Умывалась добела,
Принималась за дела,
За делами, за работой
Песни пели, я вела!

Вот какою я была:
Лед ломала и плыла;
А теперь себе на горе
Я мальчишку завлекла.

На себя теперь дивлюсь:
Над любой бедой смеюсь,
А над этим горем плачу —
Утерять его боюсь.

1953

344. ГАСНЕТ СОЛНЦЕ ЗА РЕКОЮ

Гаснет солнце за рекою,
Воле краю нет,
Я б хотела, друг, с тобою
Обойти весь свет.

Чтоб до синих гор, далече,
Нас вели пути,
Но чтоб в милое Заречье
Нам опять прийти,

Где в реку печаль упала,
Больше не всплывет,
И где белым, бело-алым
Яблоня цветет.

Там, что лентою, зарею
Дальний путь обвит...
Гаснет солнце за рекою,
А любовь горит!

1953

345. НА СОЛНЕЧНОМ ПЛЕСЕ

На солнечном плесе,
У самой дороги,
Мыла Марусенька
Белые ноги.

И песенку пела —
Хорошее дело, —
Далёко над речкой
Она полетела.

Далёко, высоко
Прошла над лесами,
Над русским раздольем —
До самой Рязани.

С косой золотою,
С большими глазами,
Ее услыхала
Девчушка в Рязани.

Запомнила сразу
И сразу запела...
Лети дальше, песня,
Хорошее дело!

1953

346. ПОСЛЕ БУРИ

После шквала, после бури
Путь заказан мгле.
Столько выдано лазури
Небу и земле.

И пошла она потоком,
Всё затмив окрест,
Прямо с Дальнего Востока
Вплоть до здешних мест.

Перед нами наши весны
Разомкнули круг...
Опускаем в воду весла —
Продолженье рук.

1953

347. ЯСНЫМ ДНЕМ

До чего же день отраден!
Солнце над рекою,
А Заречье ветер гладит
Ласковой рукою.

Он рябинку нагибает,
Яблоню тревожит,
А река — вся голубая,
И Заречье тоже.

А поздней — совсем вкрутую,
Как маляр заправский, —
Вечер сразу загрунтует
Две другие краски

И кочующим туманом
Это всё погасит,
Лишь заря сплошным баканом
Небо разукрасит.

1953

348. МЕСЯЦ

Над излучиной речной
Тихий сумрак лег ночной,
Из-за тучи выплыл месяц,
Месяц ходит, как ручной.

Он проходит над селом,
Стукнул в тучу — вызвал гром,
Над рекой остановился —
Всю засыпал серебром.

На излуке, на затоне
Серебро лежит, не тонет:
В лугах,
В полях —
Река в рублях!

Клен стоит, над нею свесясь,
И любуется водой...
Это всё наделал месяц
Молодой!
Молодой!

1953

349. ПЕРЕД НОЧЬЮ

Так ли, нет ли, но, наверно,
Так и началось:
Началось с того,
что первым
Спать задумал лось.

Прислонился он к сосенке
Около бугра
И лосихе и лосенку
Сам сказал:
«Пора!»

И над маленьким сохатым
Замерла лоза,
И последний луч заката
Им смежил глаза.

Тихо, тихо росы льются.
И — почти слюда —
В тоненьком зеленом блюдце
Замерла вода.

Замер лес, цветы и травы,
Всем пора заснуть.
Тишину такую, право,
Совестно вспугнуть!

1953

350. НОЧЬ

День совсем на исходе.
И, по-своему прав,
Вечер в ночь переходит.
Круто.
Резко.
Стремглав!

И под красной дугою
На лугах заливных

Ночь летит, как в погоню,
На конях вороных.

Мчит по краю родному,
Только иней хрустит,
На дуге коренного
Новый месяц блестит.

Звезды, звезды — как гроздья,
Россыпь ярких огней,
Звезды вбиты в полозья,
Звезды в гривах коней!

1953

351. ДО ВЕСНЫ МОЛОДОЙ

Вопреки всем приметам,
Что известны давно,
Посмотри: бабье лето
К нам стучится в окно.

Далеко улетая
(С наших мест не видать!),
Кружит ласточек стая, —
Может быть, подождать?

Но летят вперегонку
Пташки смелые:
Сверху — синее суконце,
Снизу — белое.

А в пути лишь тревоги
Над землей и водой...
Ну, счастливой дороги,
До весны молодой!

1953

352. ПАЛ ТУМАН НА ДОЛИНУ

Предосенние шумы
Затопили село,
Речка, словно под шубой,
Дышит так тяжело!

Пал туман на долину,
Всё закрыл. Только в нем
Возле речки рябина
Брызжет красным огнем,

Где, белесы и русы,
На песчаной косе
Нижут девочки бусы,
Первоклассницы все.

1953

353. ШУРА

Изъезжена, исхожена
Родная сторона,
Лесами загорожена,
Частушками полна.

Соловые, каурые
Летят во весь опор,
Трехрядки только
с Шурою
Заводят разговор.

Каурые, соловые...
А кем она целована?
А кто она, а кто она?
Кем на́век облюбована?

Летит стремглав заречная
Родная сторона,
Просторы бесконечные,
Высокая волна.

А над рекою хмурою
Отряды туч плывут...
У нас в частушках Шурою
Любимую зовут!

1953

354

Зима идет в платке по брови
И сеет первые снега.
Заречье милое в обнове;
На нем дебелые стога
Стоят, что башни вековые,
И всем видны издалека.
На нем дубы — что часовые,
Которым шапкой облака!

Всё по Заречью
в белом,
в белом,
И лишь, что крапинки зари,
В лесу, заметно поределом,
Порхают стайкой снегири.

... Зима молодкой краснощекой
Проходит там, где ветер взвил
Снега,
где дятел, птичий щеголь,
На елке кузницу открыл!

1953

355. КОНИ

Пали, пали белые снега,
Засверкали в поле жемчуга.

Зимнее над полем солнце встало
И коней на волю выпускало.

Кони, кони, звонкое копыто,
Золотой подковою подбито,

Кони, кони, холодно ногам,
Бьют они по новым жемчугам!

Кони, кони на колхозных нивах,
Красные подпруги, золотые гривы!

Кони, кони,
Ветер не догонит!

1953

356. РАЗДУМЬЕ

Товарищам что-нибудь
снится:
То снег, то цветы, то вода;
И сны их идут на страницы,
Становятся явью тогда.

А мне ничего не приснилось,
Ведь то, что присниться могло,
Давно уж со мною сроднилось
И в сердце глубоко легло.

Зачем мне? Я вижу воочью:
Мой мир полыхает огнем,
И звезды, горящие ночью,
И звезды, горящие днем.

Я вижу дорогу большую
В сверканье цветов и лучей,
Я вижу, как буря бушует
И молнию гасит ручей.

И русскую зиму я вижу,
И тучи, что низко плывут,
И девушку в красном на лыжах,
Которую Зоей зовут.

1953

357. НАСЛЕДСТВО

Не отец, не мать в далеком детстве,
А мои друзья в родном краю
Всю Россию дали мне в наследство,
Всю мою любовь, судьбу мою.

Всю ее — с лугами и садами,
Малых и великих рек волной,
Всю ее — с морями, с городами,
С новью молодой и стариной;

Всю ее — в полях, в лесах, в дубравах,
Всю в цветах, обрызганных росой,
Всю ее — с неслыханною славой,
Всю ее — с невиданной красой.

Враг хотел отнять наследство это,
И не раз мы в яростном бою
Бились за весенний край Советов,
За свою любовь,
Судьбу свою...

1953

358. ДРУЗЬЯМ

Я сам прошел по этому раздолью,
Шел по отцовским выбитым следам,
И если песня пала мне на долю,
Сложу ее и вам, друзья, отдам.

Отдам ее, ничуть не пожалея,
Не сетуя, не славя, не кляня,
Спою ее, как бы прощуся с нею,
И станет тверже сердце у меня.

1953

359

Я счастлив, что в городе этом живу,
Что окна могу распахнуть на Неву,
Я вижу, как зори над нею играют —
Так сильно, так ярко, что волны пылают!

Ему по плечу, что доступно немногим,
Как в мир он раскинул просторно дороги,
И сколько в нем воли, и сколько в нем света,
И сколько в нем спето, и сколько не спето!

Я знаю друзей по оружью, сограждан,
Я с ними в походах бывал не однажды,
Я рос вместе с ними, борясь и мужая,
Великою честью я это считаю!

Все грозы, все бури наш город осилил,
Он воин, любимый Советской Россией.
И гордый стоит он в красе небывалой,
И Ленина орден на бархате алом.

1945, 1953

360. ХМЕЛЬ

Хмель-хмелек,
День-денек,
И на солнцепеке
Хмель прилег.

Спи-поспи,
Час придет,
Мы не позабудем,
Мы тебя разбудим!

Час настал,
В нашем новоселье
Хмель пришел
С брагой да
с весельем.

«Шире круг!» —
Говорит хмелина,
Расцвела улыбками
Вся долина.

День-денек,
Хмель-хмелек,
Не выдержав боя,
Дед прилег!

1953

361

Хороши рыбачки по Заречью,
Выбегают солнышку навстречу.

Выбегают с берегом прощаться,
И глаза их серые лучатся.

И еще отрада — ветер веет,
И от ветра щеки розовеют.

И готово сердце отозваться,
И готовы губы целоваться.

1953 или 1954

362. КАК ЗА РЕЧКОЮ ЗА МСТОЙ

Как за речкою за Мстой
На семи цветах настой.

На семи цветах багровых
Для девчушек чернобровых:

Чтобы щеки не завяли,
Чтобы брови не линяли,

Чтобы губы были алы,
Чтоб краса не пропадала.

Вот какой за речкой Мстой
На семи цветах настой!

На семи цветах багровых
Для девчушек чернобровых:

Чтобы парни их любили,
Холостыми не ходили.

1953 или 1954

363

Ох и голосист мой край родной,
Ой да и лесист — стена стеной!

Великаны сосны в ясный день
Заломили шапки набекрень

И глядятся вольно в синеву,
И вступают в песню и молву.

За стеной — садов весенний снег,
За стеною — синь озер и рек.

И любой речной, озерный плес
В соловьином свисте — на сто верст.

1953 или 1954

364. ГОВОРЯТ, ВЕСНА МОЯ

Говорят, весна моя
Переходит в лето.
Что ж, отвечу людям я:
В нем не меньше света.

В нем, куда ни кинешь взгляд,
На большом разгоне
Всё мои, мои летят
Огненные кони.

Только даль вовсю горит,
Только море света,
В трубы звонкие трубит
Молодое лето.

1953 или 1954

365. РУЧЕЙ

Село солнце вешнее на вербу,
Село, словно птица.
И тогда,
Полагаю я, что самой первой
Под снегами дрогнула вода.

Да, конечно, так оно и было.
Вяло снег удары отражал,
Золотые копья солнце вбило,
И ручей довольный побежал.

Он летел, сверкая снежной пеной,
И не мог метафорой связать
То, о чем стихами непременно
Он хотел знакомым рассказать.

1953 или 1954

366. ПРОСТОР

Дела, дела всё разные,
Одних бумаг — стога!
А ведь сегодня празднуют
Заречные луга.

Простор там песней оглушен,
Не скучно никому,
И даже ворон приглашен,
Хоть триста лет ему.

Пускай сидит и сыт и пьян,
Смирит сегодня нрав,

Пускай услышит, как с полян
Несется запах трав.

«Кар-р, кар-р», — наверно,
заведет,
И на какой-то миг
Ромашку в толстый клюв
возьмет
И загрустит старик.

А рядом свищут соловьи
И пеночки поют.
А рядом яблони мои
Цвести не устают.

И всё в нарядном, дорогом,
Всё далеко видать.
Луга кругом,
Простор кругом —
Такая благодать!

1953 или 1954

367. НАПЛЫВАЛА БИРЮЗА

Ты сидела у реки
И плела венок,
Ветер, шедший в тростники,
Замер возле ног.

Наплывала бирюза,
Налетала, быстрая,
На веселые глаза
С золотою искрою,

На ресницы щеточкой,
Ленту-косоплеточку,

И на платьице горошком,
На траву вьюнок,
На всю Лиду-босоножку,
Что плела венок.

Вот какие, брат, дела,
Вот в чем счастье Лидино...
А черемуха цвела —
Видимо-невидимо.

1953 или 1954

368. ЦВЕЛА, ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Цвела, цвела черемуха
На белой на горе,
Ломала я черемуху
Утром на заре.

Черемуха весенняя,
Тебя красивей нет.
Ломала — листьев
не было,
Был только белый цвет.

Ломала, в воду ставила,
Кидала на скамью,
Всему-то миру славила
Черемуху свою.

А под горою шалая
Река, забыв покой,
Зарю гасила алую
Холодною волной.

Цвела, цвела черемуха
На белой на горе,
Ломала я черемуху
Утром на заре.

1953 или 1954

369. МИЛАЯ

Ты идешь тропой неровной,
Узкою, росистою,
На спине твоей не дрогнут
Косы золотистые.

Ты выходишь на простор,
Где волна качается,
И жалеет темный бор,
Что тропа кончается.

1953 или 1954

370. ВОЗЛЕ КАМЕННОГО БРОДА

Шла я к речке по тропинке,
По нескошенным травинкам.

Вышла к речке:
«Будь добра,
Дай водицы два ведра,

Самой чистой и спокойной,
Чтобы мать была довольна;

Той, что слаще карамели,
Что пьянит сильнее хмеля;

Самой звонкой, самой синей,
Той, что есть в одной
России!»

К бережку плывет ответ,
Что воды спокойной нет.

Возле каменного брода
Замутили гуси воду.

Замутили, расплескали,
С белых крыльев пыль смывали...

1953 или 1954

371

Там, где две тропы
встречаются,
Где речной прохладой бьет,
Я иду, сирень качается,
Земли не достает.

Я иду, а ветер кружится,
Пролетает тут и там
И, сорвав с березки кружевце,
Бросил к розовым цветам.

Ой ты, ветер, ветерок,
Что трубишь ты в звонкий
рог,
Что трубишь ты, что летаешь
Над простором двух дорог?

И заречных чаек стая
Принесла такой ответ:
«Я летаю, заметаю
На тропинках легкий след».

Там, где две тропы встречаются,
Где речной прохладой бьет,
Я иду, сирень качается,
Земли не достает.

1953 или 1954

372. АЛЕНУШКА

Пруд заглохший весь в зеленой ряске,
В ней тростник качается, шумит,
А на берегу, совсем как в сказке,
Милая Аленушка сидит.

Прост венок, а нет его красивей,
Красен от гвоздик, от лилий бел,
Тополиный пух на платье синем,
С тополиных рощ он прилетел.

С берега трава, врываясь буйно,
Знать не хочет, что мертва вода,
И цветет дурман-цветком багульник
Рядом, у заглохшего пруда.

Но кукушка на сосне кукует
И тропинка к берегу ведет,
Солнце щедро на воду такую
Золотые обручи кладет.

1953 или 1954

373. МЕТЕЛЬ

Не стихая несколько недель,
Ходит, ходит по земле метель.

Золотая — лютики горят —
Налетает пять недель подряд!

Голубая с белою вдвоем
Ходят вместе на лугу моем,

Там, где крылья вольно распростер
Иван-чая розовый костер,

Там, где ты стоишь среди травы,
Вся в метели, с ног до головы.

1953 или 1954

374. У ОКОЛИЦЫ

Поднимался, опускался,
Всё закрыл туман.
Целый вечер заливался
Про любовь баян.

Песни, вырвавшись из плена,
Заняли сады,

Баянист самозабвенно
Трогал все лады.

Разломала все преграды
Вешняя вода...
Мне не надо бы, не надо
Приходить сюда.

Мне бы эту непогоду
Дома переждать
Иль поодаль бы, поодаль
От баяна стать.

1953 или 1954

375. РЯБИНЫ

Ходят волны по реке,
Темные, свинцовые,
А рябины вдалеке
Будто нарисованы.

Будто пламенный плакат
Над землей раскинулся,
Будто сел на них закат
И не может сдвинуться.

В ягодах рябиновых
Листья подорожника...
Лишь бакан да киноварь
Были у художника.

1953 или 1954

376

С Ленинградом столько в жизни связано!
Все к нему сошлись мои пути.
Столько слов о нем хороших сказано,
Что не знаю, где еще найти.

Может, на путях, клюкой промеренных,
Встретятся слова такие мне?
Может, в сердце, где они потеряны,
Поискать —
Опять на самом дне?

1956

377

От солнца будто плавишься
В своей ограде каменной,
Ты всей России нравишься,
Что совершенно правильно!

Волною громко хрустнула,
Тряхнув другой, победною,
Красавица ты русская,
Бедовая,
Наследная.

Наверно, есть красивее,
Но правда не кончается:
Такие очи синие
Не каждый день встречаются.

Ты жемчугами славишься,
Ты нижешь их, искусная, —
И всей России нравишься,
Красавица ты русская!

1956

378

На Пулковских высотах догорает,
Уходит старый день в небытие.
Стояла насмерть здесь Сорок вторая,
Железные дивизии ее,
Полки ее и маршевые роты,
Что осенили славою редут...

И если посмотреть вполоборота,
Мгновенно, как бойцы глядели тут,
То сразу, друг мой, встретишься со взглядом
Солдата, ветерана одного, —
Он назван, он зовется Ленинградом,
Отсюда путь бессмертия его!

1956

379. ВСЁ ВИДЕЛ ГОРОД НАШ БЕССМЕРТНЫЙ

Иль мало нас?..

А. С. Пушкин

Всё видел город наш бессмертный,
Сжимал оружие герой,
Его враги из тьмы несметной
Лежат за Пулковской горой.

Они повержены в бесславье,
И снят жестокий след врагов
Зеленой вьюгой разнотравья,
Холодным бешенством снегов.

И вновь тропинок вьется много.
За их стоцветную кайму
На Пушкин торная дорога
Спешит к Лицею самому...

1956

380. ЖИЗНЬ

Гремела вкруг тебя война,
Была страда солдатская,
Ой, сторона ты, сторона,
Сторонка ленинградская!

Лесов, лугов в помине нет,
Земля снарядом вспахана,

Но всё ж струился тихий свет
Из глаз твоих заплаканных.

И мы покончили с войной —
Реке опять звенеть волной.
Звени, звени, звени, река,
Мани подружку иль дружка.

Течет речонка по́ полю,
Идет девчонка к тополю,
Где нет конца свиданию,
Цветению,
Страданию...

1956

381

Сурово Балтийское море,
Стою на родном берегу.
Волна за волной на просторе
Трясут башлыками в снегу.

Вон вздыбились плотной стеною,
Вон рушат мгновенно ее,
А с этою грозной волною
Уносится сердце мое

Туда, где прибрежные сосны
Шутя обнимает закат,
Туда, где стоит звездоносный
Героев герой Ленинград!

1956

382. БРАТЬЯ

Ветры встречные, попутные
То стихают, то шумят.
Мелководье. Волны мутные.
Виден с берега Кронштадт.

Он по молоду, по холоду
Вышел что-то приказать.
Он ведь брат такого города,
Что и в сказке не сказать!

Старший — сердце ленинградское
Всем друзьям отдать готов,
А под каскою солдатскою
Скроет двадцать городов,

Под пехотою зеленою,
Что отчизною дана...
Ой, балтийская, соленая,
Рядом бьющая волна!

1956

383. ВОЛНЫ

Сюда по новым им волнам...

А. С. Пушкин

Они никак не постарели.
Задора буйного полна,
Шумит свинцовая,
в апреле
Помолодевшая волна.

Другие мчатся с нею рядом,
И так большой судьбой дано,
Что к морю сердце Ленинграда
На все века устремлено,

К раздолью вольному такому,
К балтийской яростной волне,
К тому могуществу морскому,
Что неподвластно тишине,

Что в старом споре с тишиною
Растет,
добившись одного:
Греметь суровою волною
В честь Ленинграда моего!

1956

384

Кажется, что всё вблизи просмотрено,
Но глядит на запад Ленинград,
В сторону фортов родного Котлина, —
Как там поживает младший брат?

Младший брат, неся давно сверхсрочную,
Не в обиде на свою судьбу.
Он сейчас ведет предельно точную
И предельно грозную стрельбу.

Знает он: кто сунется — поплатится.
И не вызов это, а ответ...
За мишени гулко эхо катится,
А мишеней и в помине нет!

1956

385

Тяжелые, словно литые,
Метнув за раскатом раскат,
Балтийские волны седые
Летят далеко за Кронштадт

И русские наши твердыни,
За грозный кронштадтский гранит,
Который и раньше и ныне
Матросскую доблесть хранит.

Она поднялась на просторе,
На яром таком рубеже...
Бушует Балтийское море,
И ветер ему по душе,

Что ходит хозяином полным,
В пучину тряхнув серебро.
Летите, балтийские волны,
Кронштадт говорит вам: «Добро!»

1956

Как расцвели на Марсовом цветы,
Как засверкало всё, затрепетало.
Такой непобедимой красоты
Не знало это поле, не видало.

До плит гранитных катится прибой.
Там братья спят, что волю отстояли.
Положено великою борьбой,
Чтобы цветы гранит здесь обрамляли.

Цветы у нашей родины в чести.
Положено священным нашим правом:
Не умирать им, а цвести, цвести,
Как розам, у подножья нашей славы!

1956

387. Я ИДУ ПО ДОРОГЕ

Я иду по дороге от моря до моря,
Я иду по дороге, купаясь в просторе,
В том, что снится ночами,
что вижу воочью:
В тополиных,
сосновых,
березовых рощах,
В тех, что гаем зовут на моей Украине
И которые встали при широкой долине.
«При широкой долине» — многих песен начало,
Что раздольно, по-русски звучит и звучало.
«При широкой долине», — я пою на дороге,
Замирает душа от чудесной тревоги,
От просторов, которым нет края, нет края,
От такого,
чему и названья не знаю!
Я иду по дороге, захваченный синью,
Я иду по дороге
и вижу Россию!

1956

388

Скажу, что я высказать вправе
О матери милой своей:
Я знаю Россию по славе
Геройских ее сыновей,

Что в битвах, которым нет равных,
Прошли до великих морей...
Я знаю Россию по правде
Геройских ее дочерей.

Я знаю Россию по песням,
По тем, что народ сберегал,
Из слов-самоцветов, кудесник,
Что день, то и строчка, —
слагал.

Я знаю Россию по сказкам,
Где рядом леса и луга
И где на тропиночке вязкой
Яга — Костяная нога.

Я знаю Россию по сказам,
Которые с детства слыхал,
В которых ни разу, ни разу
Великий народ не солгал.

Я знаю Россию по воле,
Мне нет этой воли милей,
Как нет мне ни света, ни доли
Нигде
без России моей!

1956

389

В ярком солнечном блеске
Иль в тумане глухом
Залегли перелески,
Сплошь заросшие мхом.

Мелколесье-крушина,
Мелколесье-коса,
Дальше круто вершины
Поднимали леса.

За лесами поляны,
Разнотравья настой,
С земляникой румяной
Под ракиткой густой,

Да цветов узорочье
По заречным лугам,
Тополиные рощи
Подошли к берегам.

Тополиных пушинок
Ветром поднятый рой,
Трепет белых кувшинок
Предзакатной порой.

Всхлип гармоники венской
У тесовых ворот...
Наш народ деревенский,
Мореходный народ.

Смех девчонок курносых
У рыбацкой реки,
Их далеко за плесы
Уводили дружки.

Там и смех, там
и слезы,
А вблизи и вдали
Красовались березы
И рябины цвели.

Били ливни косые,
Жгла жарою страда,
И входила Россия
В грудь мою навсегда:

В ситце синеньком
грустном,
С дальней стежкой витой,

В сказе дедовском устном,
С песней русской простой;

С песней русской обрядной,
С вековечной мечтой
И с родной, ненаглядной,
Молодой красотой;

С деревушкой рыбацкой,
Половодьем реки,
С тихой, светлою лаской
Материнской руки;

С первым словом певучим,
С глухоманью лесной,
С уходящей под тучи
Корабельной сосной...

1956

390. А ДОРОГИ ИДУТ...

Поднимается солнце над степью широкой
И повсюду кидает лучи.
Над дорогою ближней, над стежкой далекой
Золотые забили ключи.

А дороги идут,
А дороги бегут,
Все туда, где нас любят
И ждут.

Где нас любят и ждут, где на вольном просторе
Наши думы-мечты расцвели,
Где зеленые волны шумят, словно в море,
Словно там пропадают вдали.

А дороги идут,
А дороги бегут,
Все туда, где нас любят
И ждут.

1956

391

Февраль — кривые дороги,
А нет на него обид.
Весна на моем пороге
В зеленый рожок трубит.

И сразу стихает вьюга,
Алмазы в лугах горят,
И птицы с дальнего юга
В Заречье мое летят.

Я в первый денек весенний
Тебе порученье дам:
Давай справляй новоселье
Синицам, скворцам, дроздам!

1956

392

Стало солнце в роще тополиной
Золотые ленты распускать.
Тополиный пух летит в долину,
Если травы лягут — мягче спать.

Грозовое нынче будет лето,
Вон какие дни гормя горят.
Мир тебе, зеленая планета,
Пусть лишь эти грозы говорят

С тополиной рощей, с новым домом,
С пашнями на сотни верст подряд,
Языком дождя,
Наречьем грома,
Так, как лишь с друзьями говорят!

1956

393

Мне июнь запомнился садами,
Летних яблонь белою волной
И стихами о Прекрасной Даме,
Белой ночью читанными мной.
Памятен открытием пригорка
Мне июнь.
Там на исходе дня
Крепкой кременчугскою махоркой
Угостили плотники меня.
В новом доме настежь были двери,
И, должно быть, в этот поздний час
Он смотрел, глазам своим не веря,
На родную землю в первый раз!

1956

394. Я ВСЁ ЗОВУ ПО ИМЕНИ...

Звенят ручьи отрадные,
Звенят леса прохладные,
Капель на землю падает,
Звенит и сердце радует.

Река, звеня осокою,
Бежит, переливается,
Сосна стоит высокая
И звоном отзывается.

Звенит волна хрустальная,
Сверкает, словно молния,
Моя сторонка дальняя
Вся звоном переполнена.

Там в бурю волны в инее
То вскинутся, то валятся...
Я всё зову по имени,
И всё мне отзывается.

1956

395. УТРОМ РАННИМ

Земля начинает работать,
Да так, что еще до рассвета
Уже задымилась от пота
Рубашка защитного цвета.

Долины, леса и пригорки
И горы труда не боятся...
Ну что ж, и у нас гимнастерки
От жаркого пота дымятся.

1956

396. ХЛЕБ

Не о звездах на небе,
А о хлебе,
О хлебе:
О родном, неразлучном,
И так без конца,
Всё о том, о насущном,
Что в поте лица...
Хлеб целинный,
Глубинный,
Хлеб предгорный,
Долинный;
Хлеб тамбовский,
Кубанский,
Хлеб
Рабоче-крестьянский;
Хлеб
Державного плана,
Хлеб
Степей Казахстана;
Хлеб орловский,
Елецкий,
Хлеб
Республик Советских;
Хлеб отменный,
С Алтая,
Хлеб —

Стена золотая.
Ты стоишь,
Словно войско,
Боевой,
Комсомольский;
Ты стоишь,
Словно войско,
Каждый колос —
Геройский!

1956

397. РЫБАЧКА

Колечко мое позлащенное,
Я с милым дружком
разлученная.

Из песни

В одно мгновенье песня пролетела,
Она не скрыла горя и тоски
И, пролетая, крыльями задела
Одну рыбачку около реки.

И та не стала с грустной песней
спорить,
Лишь наклонилась низко над водой
Да поглядела вдаль, где билось
море,
Где бился с морем парень молодой.

Помни́лось ей, что море закипело,
Что ходит море кованой волной,
Что страшным вихрем сорван парус
белый,
Но взвит на мачте парус запасной.

Откуда он?
Он, словно пламя, ярок,
Пусть ходят волны в замкнутом кругу,
Но узнает рубашку — свой подарок —
Рыбачка на высоком берегу!..

1956

398. ПЕВУНЬЯ

Вышли замуж невесты,
Осень тихо идет.
За одним перелеском
Певунья поет.

Даль играет сквозная
В предзакатном огне...
Ничего я не знаю,
Лишь мерещится мне,

Что цветы там не вянут,
Не дано им пропасть,
Что у ней над поляной
Небывалая власть,

Над поляной, что дружит
С перелеском одним...
Что мне?
                Песенка кружит
И над сердцем моим!

1956

399

Как под берегом темным
Закипела вода.
Как мне быть с неуемным
Сердцем?
Вот где беда!

За березами белыми,
За рекой голубой
Самолучшее делаю,
Что встречаюсь с тобой.

Волны звонкие плавятся,
Постоим, поглядим,
Помоги, мне не справиться
Сразу с сердцем своим!

1956

400. НА СТОРОНКЕ РОДНОЙ

Всё я вспомню,
как было:
На сторонке родной
Пять гармоник ходило
За девчонкой одной.

Пять бесценных трехрядок
Проходили за ней,
И тогда был порядок
На деревне моей.

Шли ребята,
как братья,
От села до села,
А она в белом платье,
Словно вишня, цвела!

Так в глухой деревушке
Повелось у парней:
Озорные частушки
Не певались при ней.

Так негласно решили,
Кто же грань перейдет —
Рот ему бы зашили,
Пусть он черту поет!

1956

401

Какая беседа без хлеба и соли?
Без хлеба и соли на свете нет доли!
А если нет доли, то, значит, нет песни,
А если нет песни, то к черту все «если»!
Какая беседа без хлеба и соли?
Какое веселье без Насти и Поли,
Без Тани и Тони,
Без Сани и Сони?
И нету такого у нас в обиходе:
Без хлеба с капустным листком на исподе,

Без хлеба с хрустящею коркой медовой,
Без песни, что вышла с хозяйкой бедовой,
Без скатерти белой, без соли в солонке —
Не водится дружбы на нашей сторонке!
О том же, что бьется,
О том же, что льется, —
Не здесь говорить,
Не о том речь ведется!

1956

402. ПАМЯТЬ

Александру Фадееву

Над серебряной рекой,
Над зеленым лугом
Всё я слышу день-деньской
Звонкий голос друга.

«Над серебряной рекой,
На златом песочке» —
Он ведет, бесценный мой,
За собою строчки.

То заставит зарыдать,
То даст волю гневу,
То не хочет их отдать
Ни земле, ни небу!

Всё я в сердце берегу,
Памятью приемлю...
Передать лишь не могу,
Как любил он землю!

1956

403. ПРИЗНАНИЯ

Признаюсь, что ошибок своих не предвидел,
Признаюсь, что кого-то когда-то обидел,
Признаюсь, что годами не знаю покоя,

Признаюсь — это мало меня беспокоит.
Признаюсь, что друзей нажил мало, до крайности
мало,
Что с плохими расстался, а хороших не стало.
Признаюсь, что в нехватке друзей я виновен,
Потому что темнеют в горячке и сходятся брови.
Признаюсь, что я многое в жизни не видел,
Не того полюбил, а порой не того ненавидел.
Но одно я скажу —
Что не знаю грехов за собою
Пред землею, которой служу
До отбоя!

1956

404. ДРУГУ

Опять вдохновенье сбежало,
С другими беседу ведет?
Побольше работай, пожалуй,
Тогда не сбежит, а придет.

Оно без волненья не может,
Ему бы бои да бои,
А если их нету, то сложит
Орлиные крылья свои.

А как без него, без опоры?
Совсем, брат, плохие дела,
И рифма приходит не скоро,
Метафора еле пришла,

Едва дотащилась, обидно
Такую задачу решать:
Ей надо бы в дом инвалидный,
А просишь стихи украшать!

Но с этим ничтожным мгновеньем
Тебе рассчитаться дано...
«Сбежало, — кричишь, — вдохновенье». —
Работай!
В дороге оно!

1956

405. ОСОКА

Словно песня, лейся,
повесть
Про ушедшие года.
Речка Полисть,
речка Полисть,
Полисть — бурая вода.

Громом битвы прежестокой
Здесь полным-полна молва.
Ты растешь еще, осока,
Сверхзаклятая трава?

Ты звенишь еще под ветром,
Как попало, вразнобой,
У тропинок незаметных,
Закрывая их собой?

Ты тряслась тогда от страха
И в любви и не в любви,
Ты на землю, как на плаху,
Повалилась вся в крови!

...Мы проходим пепелищем —
Взвод, не сбитый смертью с ног,
И краснеют голенища
Наших кованых сапог!

1956

406. ПОЧЕМУ МОЛЧАТ ГАРМОНИ?

На поляне, на затоне
Песню некому начать?
Почему молчат гармони?
Им никак нельзя молчать.

Ну-ка, ну-ка, голосисто
У затонов, у садов
Отзовитесь, гармонисты,
Всею удалью ладов.

Отзовитесь песней броской
У полян и у лесов,
Всем весельем подголосков,
Всею силой голосов.

Наше песенное дело
Мы несли через огонь.
Невозможно, чтоб не пела,
Чтоб не плакала гармонь!

1956

407

Раздайся, народ,
Вижу — милая идет!
Вон она, она, она,
Изо всех одна, одна!
Вон она проходит стежкой,
Вон идет на пальчиках,
На серебряных сережках
Солнечные зайчики!

Вон она, она, она,
Просто всем теперь видна:
В синем сарафанчике,
На боках карманчики,
На боках карманчики,
В косах одуванчики,
В серых глазках — огонек...
До чего хорош денек!

1956

408

Дождик, дождик,
Ливень, ливень,
Благодатный,
Дивен, дивен!

Дождик, дождик,
Семени!
Домой Настю
Прогони!

Вон платок ее синеет.
Дождик, дождик,
Грянь сильнее!

Вон бежит она тропинкой,
Вместе с ней бегут рябинки,

Все кувшинки,
Все березки,
Все луга
В кукушьих слезках;

Всё, что так сроднилось с Настей,
С ней бежит навстречу счастью.
...Дождик, хватит тебе литься:
Настя молнии боится!

1956

409. РОДНИК

Я знал: настанет торжество,
И снова я и снова
Всё добирался до него —
Веселого,
Живого.

Еще нажим лопаты...
Он
Бежит, с песком играя,
Ударился в железо звон,
Нет,
Музыка святая!

Бежит струя сильней, сильней,
Так вот он, настоящий,

И нет воды его родней,
И нет мгновенья слаще!

Давай-ка кружку иль ведро,
Бери скорей в награду
Струи живое серебро
И песенки прохладу.

1956

410

Сколько долгих дней ходило где-то,
И не знали — где, не знали — где.
Снова в отчий край вернулось лето
И припало на́долго к воде.

На реках затеи заводило,
Возле них костром горели дни...
Видно, там, куда оно ходило,
Было сорок градусов в тени!

1956

411. СЕНТЯБРЬ

Сентябрь идет не втихомолку.
И словно сброшена с плеча
У кленов, вышедших к проселку,
Багрово-алая парча.

А днями солнце, как бывало,
Целует землю горячо.
Сентябрь идет парчою алой,
На нем багрец через плечо!

1956

412. БЕЛАРУСИ

1

Мне снятся сны о Беларуси.
Янка Купала

Я шел к тебе путем, что всех короче,
Он к сердцу вел, он мой теперь навек,
И мне вдали везде сияют очи
Твоих озер,
твоих отрадных рек.

Я прочитал бессмертные страницы
И был с тобой одним порывом слит,
И мне вдали журчат твои криницы,
И ветер твой мне сердце веселит.

Он говорит, как ты росла и крепла,
Среди сестер красавицей слыла,
Он говорит, как встала ты из пепла,
Как встала ты прекрасней, чем была!

И счастлив я, что путь нашел короче
К тебе тогда среди родных полей,
Что надо мной твои сияют очи,
Как и России, матери моей.

2

Ты за холмами еси.
«Слово о полку Игореве»

...А по весне ты — просто чудо
С твоими белыми садами.
Мне не видать тебя отсюда,
Ты — за холмами.
Ты за холмами,
За лесами,
На большаках,
На стежках узких —
С большими синими глазами,

Вочами —
Так по-белорусски!
Они бывают — не солгу —
То голубее, то темнее...
Я издали любить могу,
А это в триста раз труднее!

1956

413. ДРУЗЬЯМ

Друзья мои, как сказано, навеки!
По братству и другим большим правам,
Через поля народные и реки
Моя любовь летит навстречу вам.

Она поет, без этого не может,
И, всюду вас приветствуя, друзья,
Она летит до Немана и Сожа
И до Днепра, она — судьба моя.

Ее услышат Янки и Маруси,
Когда она, как ветер, пролетит,
Над ней сверкает солнце Беларуси
И крылья песни гордой золотит.

И я хочу, чтоб на нее упало
Хотя б немного света из того
Сиянья слов, в котором рос Купала,
С которым Колас ведал торжество!

1956

414

Я к тебе с певучим словом,
Я с приветом, брат,
Тополиный, тополевый,
Друг мой Ленинград!

Золотистые от зноя,
Встали острова,
Легкой пеной кружевною
Плещется Нева.

Над волною чайка вьется,
Обронив перо...
То ли скатный жемчуг льется,
То ли серебро!..

1957

415

...Сердце радо —
Вечно быть с землею Ленинграда,
Вечно ощущать дыханье моря,
Вечно эту землю величать,
Ветру грудь подставить, с ветром споря,
Кончить спор
                    и вновь его начать!
Вечно ощущать хочу отраду
Вашу,
          перелески и поля,
И твою,
             родного Ленинграда
Революционная земля!

1957

416

Легенд наше время достойно,
А что не по времени — прочь!
Горели костры перед Смольным
В Октябрьскую ночь.

И в отблесках зарева роты,
И дослан в патронник патрон,
И сняты чехлы с пулеметов
У белых портальных колонн.

И если на марше не пелось,
То, значит, поход был суров,
Но сердце солдата нагрелось
У многих походных костров,

Нагрелось и натерпелось.
Солдат передернул плечом,
И так ему жить захотелось,
Что Зимний ему нипочем!

1957

417

Вьется, реет флаг над Смольным,
Хорошо ему, привольно!

От него чуть рдеет воздух.
Выше флага только звезды,

Только бури в полной силе,
Только солнце над Россией!

1957

418

Заглянули мне в очи
Наши белые ночи —

С соловьиным весельем,
С горицветом весенним,

С голубою каймою,
Навек отданной морю.

Заглянули мне в очи
Наши белые ночи —

С мелколесьем долинным,
С лукоморьем былинным

И с волшебною сказкой —
Красотой ленинградской!

1957

419

Плакучие ивы,
Что вышли за Невку,
Схватились за землю,
Как дедка за репку!

Как бабка за дедку,
Как дедка за репку,
Ну, в общем и целом,
Достаточно крепко!

Таких непогода
Не свалит лихая...
Ну, правильно, ивы, —
Земля-то какая!

1957

420. НА ВЗМОРЬЕ

То парус задремлет, то чайка закружит,
То песня замолкнет, то сам запоешь.
Знакомься, знакомься с Маркизовой
лужей,
Короче знакомства нигде не найдешь!

Песок и траву полумертвую пухом
Метель тополиная замела,
От шквала лесок побережный заухал,
Всё отмель да отмель, вода зацвела...

...А кто это там за седою волною?
Гвардейские ленты, матросский бушлат.
Кто там на священном граните под зноем?
«Кронштадт! — говорю я,
кричу я: — Кронштадт!»

Не знаю, нет, знаю! Он голос мой слышит.
Мы братья! А это отнюдь не пустяк!
Так вейся, что пеной балтийскою вышит
И пулей прошитый, бессмертия стяг!

1957

421. СОЛОВЬИ В САДАХ ОТГОЛОСИЛИ

Соловьи в садах отголосили,
Дни мелькнут, да и в отлет пора.
Улетайте!
В мире есть Россия —
У нее слова из серебра!

Вон она идет в венке лиловом,
Неподкупна, пламенна, чиста,
И перед каким-то вечным словом
Тихо раскрываются уста.

1957

422. МОСКВЕ

Москва, Москва!
Неслыханными днями
Ты стала всем в моей судьбе.
Москва! Москва!
За дальними морями
Земля гудит немолчно о тебе.

Она встает в лазури или в дыме,
Она берется сразу за дела,

Пред ней, как щит, твое простое имя,
А без тебя она бы не цвела!

Она была бы ра́спята врагами.
Везде над ней померкла б синева,
И если блещет солнце над лугами,
То потому, что ты, Москва, жива!

Что ты цветешь, что пламенные весны
Летят к тебе,
что кровью ран горит
Великий, вечный стяг твой
звездоносный,
Что, с ветром споря, вьется и шумит...

1957

423. МОЙ ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВЕТОК...

Мой лазоревый цветок,
Здравствуй, Шлюшень-городок!
На реке, реке Неве,
На канавах, на траве,
Возле поздних ледоходов,
Возле белых пароходов,
Возле заводей и плесов,
Возле барок с новым тесом,
Возле Ладожского моря,
Возле счастья, возле горя,
Возле распрей обоюдных,
Возле песенок подблюдных!
Здравствуй, Шлюшень-городок,
Мой лазоревый цветок!
Здравствуй, свет мой горожанка,
Молодая ладожанка!

1958

424. КОГДА БУШЕВАЛА ВОВСЮ НЕПОГОДА...

В снега и болота,
В седую пургу
Я вел через Ладогу
Две «МГУ» [1].

Сказал генерал,
Что известна дорога
Ему лишь да мне,
Ну и... господу богу!

Уж лучше двоим
Была бы известна...
(За этот намек
Извини, царь небесный!)

...А Ладога злилась,
А Ладога выла.
Когда это было,
Когда это было?

А было зимой
Сорок третьего года,
Когда бушевала
Вовсю непогода,

Когда в нашей доле —
Наган да граната,
Наган да граната,
Да Месть и Расплата;

Наган да граната,
Блиндаж в три наката,
Да в лютую стужу
По сто грамм на брата!

Когда лишь огнем
Полыхали метели

---

[1] «МГУ» — мощная громкоговорящая установка.

И немцы домой
Уходить не хотели,

Я вел «МГУ»
Уговаривать их.
Свидетели этому
Песня и стих!

1958

425. ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

И звезда с звездою говорит.
М. Ю. Лермонтов

Очень точно помню утро это —
Так сказать, из тысячи одно —
По таким немыслимым приметам,
Что не вспомнить было бы грешно!

По России шли тогда метели,
Видно, Север трубку закурил,
Мы тогда в Италию летели,
Спутник со звездою говорил!

1958

426. БЕРЕЗКА

Больше всех украсила полянку,
Встала, золотиста и светла.
Ты не заблудилась, россиянка?
Ты ведь до Швейцарии дошла!

Как шумится на чужой сторонке,
Зеленеется в другом краю?
От твоих подруг, моя сестренка,
Я тебе поклон передаю!

1958

427. ВСЁ ОЛИВЫ, ОЛИВЫ

Всё оливы, оливы
Да лимонные рощи,
Всё красиво, красиво,
А нельзя ли попроще?

А нельзя ли, чтоб буря
Посильней задрожала,
А нельзя ли, чтоб туча
На лазурь набежала?

Набежала б и скрылась,
Опаленная синью...
А нельзя ли, чтоб сердце
Не грустило так сильно —

По ручьям-непоседам,
По долинам с калиной,
По душевным беседам
На земле соколиной?

1958

428. РАВЕННА

Ты, как младенец, спишь, Равенна.
А. Блок

Словно свет, ты в грудь вошла, Равенна.
Что сказать мне?
Будь благословенна!
С лодками большими на приколе
Или в море, там на вольной воле.
Храбрецы живут здесь, а не трусы.
Пусть там парус с сердцем Иисуса
С нарисованным
летит с прикола.
Пусть...
Под ним реклама: «Кока-кола».
Так что...
Я пою тебя, Равенна,

Я еще приду к тебе, наверно.
Знаю я, как ты фашистов била,
Сколько сыновей легло в могилы.
Вижу отблеск золотой медали
На твоем щите,
                    на грозной стали!

1958

429. ФЛОРЕНЦИЯ

Флоренция, ты ирис нежный.
А. Блок

Мне сказали:
                    Флоренция —
Город цветов и любви.
Ты названью такому поверь,
Так и думай о ней,
                    так зови!
Так зови
          от любви,
                    от всего,
                              что прославлено ею.
И от имени нежных цветов,
Что синеют
          и что пламенеют,
И еще голубеют,
                    и еще розовеют,
И еще лиловеют,
                    белеют,
                              бледнеют...

1958

430. КАТЮША

Запевали песню запевалы,
Подпевали все до одного,
И она им сердце согревала
Только жаром сердца своего!

Только тем, что прямо пала в душу,
Стала солнцем, явью и мечтой,
Нашей русской девушкой Катюшей,
Сероглазой девушкой простой.

Шла Катюша утром спозаранку.
Вечерами зорькою цвела,
Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла.

Шла Катюша с гневом или болью,
От Советской родины вдали,
И бровинки тонкие, собольи,
Как сошлись, расстаться не могли!

1958

431. БАЗАР В ПАЛЕРМО

Базар смеется, шутит, плачет,
Стоит на месте, мчится,
скачет
На весь напор,
во весь опор,
На слово — лих,
на дело — спор!
Узка ты, улица, узка,
Хрустишь
от камня и песка,
Кричишь,
разбитая на звенья,
Летишь
в лихом самозабвенье!

Котлы гудят, котлы вопят
От силы и бессилия...
И это, брат, и это, брат,
Скажу тебе —
Сицилия!

*

Смотри сегодня на нее,
Она судьбой утешена.

Как флаги, плещется белье,
В пять ярусов развешано!

Смотри, смотри во все глаза,
Не будь немым, расспрашивай!
Не только плещет бирюза,
Кармином чуть подкрашена,

Не только солнце знойное,
Крутые небеса
Да горная, да дольная
Отменная краса!

*

Мне за морями дальними
Видна большая даль.
Мне стали, брат, реальными —
Палермо,
Монреаль!

Военные кораблики,
Американский флот!
Отсюда, брат, до Африки
Один лишь переход.

Колышут волны гривами
И весь морской размах.
Базар вовсю оливами
И рыбою пропах,

Живыми [illegible]ий,
Да солью островною,
Да пыльною дорогою,
Да постоянным зноем.

А зной здесь в изобилии,
Здесь год — сплошное лето!
И это всё —
Сицилия,
Сицилия —
всё это!

1958

432. ШИРОКА ДОРОГА НА ПОМПЕЮ

Широка дорога на Помпею,
Не туман густой над нею взвился
И не облака плывут над нею —
То старик Везувий задымился.

Всё он что-то поутру колдует,
И сердито смотрит на долину,
И далеко бороду седую,
Как седое облако, откинул! . .

1958

433. ПРЕЗИДЕНТ ЗЕМЕЛЬНОГО КООПЕРАТИВА

До чего же ты хорош,
По-солдатскому подстриженный!
На кого же ты похож
В гимнастерке, солнцем выжженной?

Дай мне руку, дай мне руку,
Хороша твоя рука!
Я привез тебе, как другу,
Свой привет издалека.

Мчал меня крылатый конь,
Чтоб пожать твою ладонь.

Мчал меня над облаками
В неподдельном блеске дней
И над яркими венками
Электрических огней.

. . .Вдаль бежит дороги лента,
Зной — по-местному — жесток.
Стар на шее президента
Красный выцветший платок.

Но он дорог, дорог мне,
Он напомнил о стране,
Где алеет этот цвет,
Где его милее нет!

1958

434. В РИМЕ

Помню улочку узкую
И тебя, новый друг, —
Ты, узнав, что мы русские,
Озорно свистнул вдруг.

И прошел он, испытанный,
Снизу вверх,
сверху вниз,
Прянув в окна раскрытые,
Громкий свист-пересвист.

И тогда, бесшабашная,
Как по здешним волнам,
Нараспашку, домашняя,
Вышла улочка к нам.

Дружбы слово сердечное
Встало в первом ряду —
И у города вечного
И у всех на виду...

1958

435. Я ПОДУМАЛ УТРОМ

Я подумал утром:
ты проснулась,
Зазвенев волной своих морей...
Мне среди Италии взгрустнулось
По России — матери моей!

Ничего плохого в этом нету, —
Всё ж прошу друзей меня простить...
Сколько б ни ходил по белу свету,
Я не зарекаюсь не грустить:

По отчаянным, белоголовым
Волнам всех шестнадцати морей,

По конькам резным,
крыльцам кленовым,
По России — матери моей!

1958

436. ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Вот и стихли вдруг угомонные
Итальянские ветерки,
И давным-давно спят лимонные
Рощи, рощицы у реки.

Где-то замерли тропы тайные,
Тихо к берегу льнет прибой...
Через многие долы дальние
Вся душа говорит с тобой.

Всюду видится мне цветистая,
Вечно милая нам пора,
Ой вы, летние, золотистые
Подмосковные вечера!

Пусть хорошее слово молвится,
Сердцу высказать я велю,
Это — родина снова помнится,
Эту родину я люблю!

1958

437. МАТЕРИ

Мама, мамушка!
Не разбить, не свалить,
Не согнать с тебя камушка
И огнем не спалить.

Нет огней, чтоб расплавили
Камень лютый такой,

Где тебя мы оставили,
Где холодный покой.

Помню слезы горючие...
Провожая в твой путь,
Работящие рученьки
Положили на грудь,

Что не хвастали силою,
Знали труд испокон —
Благородные, милые,
Золотые, как сон!..

1958

438. ГДЕ ТЫ, ДОМ ВЕСЕННИЙ МОЙ?

Где ты, где ты, отчий дом?
С. Есенин

Где ты, дом весенний мой,
Окна с белою каймой?
Шесть черемух в них глядело,
Шесть красоток в платьях белых.

Где ты, дом заречный мой
В белой замети зимой,
В теплой заячьей ушанке,
За метелью-ладожанкой?

Где ты, дом заветный мой
С красной гарусной тесьмой?
Отплясал закат на крыше!
Где ты, дом заветный мой?

Где ты, дом бесслезный мой,
Где ты, друг серьезный мой,
Что ответил, что ударил
В сердце гибели самой?!

1958

439

Что ты так смеешься звонко?
Слышно мне издалека,
Ой, река, река Кобонка,
Говорливая река.

Вон волна платочком машет,
Вольно иволга поет,
А вдали березка пляшет
И сережки отдает.

Это ты ее жалеешь
В нестерпимый летний зной,
Это ты ее лелеешь,
Холишь легкою волной.

Что ты так проснулась рано,
Бьешь немолчно в берега,
Кинув взгляд из-под тумана
На расцветшие луга?

А они, в цветах лиловых,
Как ведется, у реки
Завлекают чернобровых
Вить венки, венки, венки...

1958

440. ДРУЗЬЯ МОИ!

Друзья мои!
Я сердцем внемлю.
Навеки в день и час святой
Я полюбил родную землю
С ее суровой простотой.

Я полюбил порой начальной
Весенний ветер распашной,
Настройный шум дороги дальней,
И шум черемухи лесной,

И золотящий ярко окна
Поток лучей,
и синь морей,
И блеск зари на лапах мокрых
Поднятых в лодки якорей.

Но где б я ни был, где бы ни был —
Пусть за туманною грядой, —
Я вижу волн сердитых глыбы
И небо, слитое с водой.

Мне всюду мнится в блеске молний
И электрических огней
Кусок земли, идущей в волны
Бессонной Ладоги моей!

1958

441. ПО ДОРОГЕ В НИЗОВО

По дороге в Низово
Я слова нанизывал:

На рябинки-любимки,
На лозу из глубинки,

И на елки-мутовки,
И на вербы-плутовки;

На березничек частый,
На осинник несчастный!

...Удала́я голова,
Я иду дорогою

И хочу, чтоб все слова
Милая потрогала,

Обошла бы каждый куст,
Ощутила бы на вкус,

Распознала бы на цвет,
Нанизала бы ответ!

1958

142. НА ЛУГУ НА ШИРОКОМ...

На лугу на широком
Заснежились стога.
Налетали, кружились,
Серебрились
Снега.

Тихим сном засыпали.
Я их тихо пою:
«Вы, как звездочки, пали
Здесь
На землю мою,

Чтоб она, дорогая,
Ненаглядная вся,
Шла б, звездáми сверкая,
Их сиянье неся!»

1959

143. МНЕ О РОССИИ НАДО ГОВОРИТЬ...

1

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: «Россия!»

Сильнее всех имен произнести,
Сильнее матери, любви сильнее,
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

2

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участья, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошел, и в кровь мою проник,

И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!

3

Среди долины ровныя...
Из песни

Сияние небес твоих огромно,
И пусть навеки память сохранит:
Могучий дуб среди долины ровной
Твоей зарей, как лентою, обвит.

И он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль, и видит дальний путь,
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

4

А сколько молний грудь твою разили!
Не раз, врываясь в дом твой, обнаглев,
Враги кричали: «Кончено с Россией!» —
И узнавали твой, Россия, гнев!

Такой испепеляющий и грозный,
Он так неумолимо налетал,
Что, если б враг тогда метнулся к звездам,
Не избежал бы гибели и там!

5

Воротясь обратно из Зазвездья...
Ник. Асеев

Уже в Зазвездье красный флаг огнистый.
Подвластно всё мозолистым рукам.
Идут с открытым сердцем коммунисты.
Любить тебя — их заповедь векам!

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь,
Они клялись беречь тебя, Россия,
И я под их знаменами клянусь!

1959

444. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

1

Весна моя! Ты вся открыта взору,
Тебя, твой облик в сердце сберегу!
Где я ни шел в твоих цветных просторах,
Не думать о тебе я не могу!

И сколько б дум я здесь ни передумал,
И сколько б ни стоял перед мечтой,
Я полонен твоим зеленым шумом,
Твоею статью, русской красотой.

2

Звезда моя! Иду к тебе бесслезно:
Ты высушила слезы навсегда.
Как хорошо, что есть *дневные* звезды!
Одна из этих звезд — моя звезда!

Ее огонь горит любой порою,
Он озаряет путь не нам одним.
Ее огонь зажжен землей героев,
И он в душе моей неугасим.

3

Любовь моя! В чем признаюсь я ныне,
Давно горело в сердце у меня.
Любовь моя! Души моей святыня,
Всего меня навеки полоня,

Увидела ли ты, какое чудо
В моей груди свершилось этим днем?
А я о нем рассказываю всюду,
Наверно, ты услышала о нем.

4

Оно — что сердца стук, оно — дыханье,
Оно пылает пламенем в крови,
Оно владеет всем моим признаньем
Негаснущей, немеркнущей любви,

Такой необоримой и всевластной,
Такой, что не найти ее светлей,
К тебе, великой, и к тебе, прекрасной,
К тебе, любви и радости моей!

1959

445

Что-то отлюбилось, позабылось,
А Земля по-прежнему мила.
Вот она сейчас дождем умылась
И зеленой шалью зацвела.

Звезд огни над шалью замигают,
Заиграет радуга-дуга...
Красоту Земли оберегая,
Мы не раз ходили на врага.

Кто ее нарушить попытался,
Тот увидел в лютом гневе нас.
Я давно с тобой, Земля, братался,
Побратаюсь вновь в который раз!

1959

446

О Русь, взмахни крылами!

С. Есенин

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня,
Но есть слова такие,
Что посильней огня!

Они других красивей —
С могучей буквой «Р».
Ну, например, Россия,
Россия, например!

Вот истина простая!
Как будто кто-то вдруг
Сберег и бросил стаю
Из самых лучших букв!

Из твердых да из влажных —
И стало чудо жить.
Да разве тле бумажной
Такое совершить?

Наполненное светом,
Оно горит огнем,
И гимном слово это
Гремит в стихе моем!

1959

447. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Мои друзья летели в бурках
Зимою, в огненной пыли,
И сивки — вещие каурки
Едва касалися земли.

Мои друзья в гнилых болотах
Встречали грудью ярый шквал,
И даже спирт
                луженых глоток
Моих друзей не обжигал.

Мои друзья легли на сопках,
В долинах, что горят в цвету;
Моих друзей сжигали
                                в топках.
Но разве можно сжечь Мечту?

Мои друзья в бои летели
И, хоть у неба на краю,
«Вставай, проклятьем..»
                                        громко пели,
Как песню первую свою.

Она могуществом напева
Срывала крышки у гробов,
И с ней вставал с великим гневом
«Весь мир голодных и рабов»,

Кого душил с рожденья голод,
Кто под железной был пятой.
И поднимался серп и молот
Как символ песни той святой!

И с каждым днем вольней и шире
Она раскинула крыла,
И нет, пожалуй, славы в мире,
Чтоб ей в подножье встать могла!

1959

448. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Промчался день, и ночь упала,
И на земле зажглась звезда,
Вокруг «Авроры» закипала
Темно-свинцовая вода.

И кто-то вдруг ее разгладил,
И начался не за горой,
А здесь, в грозовом Петрограде,
Великой эры день второй.

И широко врывался в семьи,
В дома его могучий свет,
А чтоб штыки вонзились в землю —
О мире принят был декрет.

Потом летел он через горы,
За перевал, за перевал, —
Ведь тем же днем радист с «Авроры»
Его —
          всем! всем! —
                                передавал.

1959

449. СО МНОЙ БЫЛА И ЕСТЬ РОССИЯ

1

Я точно знаю, кто впервые
Давным-давно сказал: «Не трусь!»
Тогда сказала так Россия,
Россия...
Если кратко — Русь.
«Смотри! Потом ведь кто-то спросит.
Не трусь, а значит — и не лги,
Тогда друзья в беде не бросят
И побоятся бить враги».
Немало я путей измерил,
Ходил немало по Руси,
Ее напутствию поверив,
А кто не верит — сам спроси:
У тех домов с коньком летящим,
У тополей — в воде по грудь,
У флагов блеклых и горящих,
Что осеняли дальний путь,
У тех берез, что мне кивали,
Когда я мимо проходил,
У тех ракит, где на привале
Я воду рек российских пил,
Гостил недолго или долго
У многих мест в родном краю —
Пусть спросят Свирь и спросят Волгу,
А также Ладогу мою.
Мне часто снится камень голый
Иль брат его, что мхом одет.
Спросите Колу — скажет Кола,
И Волхов тоже даст ответ.
Но где б ни шел я, коль спросили б:
«Кто был с тобой?» — отвечу я:
«Со мной была и есть Россия,
Моя весна, любовь моя!
Мне с ней отрадно, я ей верю,
Я так связал с ней бытие,
Что, сколько я еще измерю
Путей —
зависит от нее!»

2

Я жил за дальними морями —
Была там радость или грусть,
Но в той чужой, заморской яви
Ты мне звездой сияла, Русь!
Сияла светом несказанным,
Как и всегда в моей судьбе.
Я шел по землям иностранным
И думал всюду о тебе.
О чем я думал — всё отрадно.
Сказать? Но виза рот кривит!
Что о тебе, то — пропаганда!
А думать кто мне запретит!
На думы, друг мой, нет запрета,
А как хотели бы враги!
Но есть страна, что на полсвета
Свои раскинула стяги́!
Она идет в защиту бедных,
Она для недругов — грозой,
И всплеск ее знамен победных
Подобен всплеску алых зорь!
Она в расцвете несказанном,
И равных нет ее судьбе!
...Я шел по землям иностранным
И думал всюду о тебе.
О той большой, многоголосой
Сейчас рассказывать берусь,
О той красе русоволосой,
Что называют кратко — Русь!
О той великой, беспредельной,
Где каждый — друг и каждый —
брат,
Где каждый парень — парень
дельный,
Где что ни девушка — то клад!
О той, что, жаром рук согрета,
Идет в сиянье ярком дня,
Что разметнулась на полсвета
И вся на сердце у меня!

1959

450—451. *ГОРДИМСЯ ИМЕНЕМ ТВОИМ*

1

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В красном блеске,
в буйной силе
Встало солнце над Россией:
Над лугами, над полями,
Над лесами с соловьями,
Над кипучими ключами,
Над певучими ручьями,
Над весенним красноталом.
В красном блеске солнце встало:
Над Приволжьем,
над Прикамьем,
Над чудским Вороньим камнем,
Над чудесным над Придоньем,
Над неслыханным раздольем,
Над равниною Сибирской,
Над Свиягой, над Симбирском,
Засияло, не лукавя,
Этот день рожденья славя!

2

ГОРДИМСЯ ИМЕНЕМ ТВОИМ

Гордимся именем твоим,
В нем честь и доблесть поколений,
На том стояли и стоим,
Тем живы мы, товарищ Ленин!

Мы, люди мира и труда,
Из мрака вышедшие к свету,
Неколебимо, навсегда
Осуществим твои заветы.

Тогда, покончив с долей злой,
Увидит вольный мир впервые,
Как всходит солнце над землей
Коммунистической России.

Ей никакой не страшен груз,
Она идет — людской заступник, —
Она шагнет вот-вот в Союз
Коммунистических Республик.

1957—1959

452. ЗАПЕВАЛА

...Дал ногу! В путь-дорогу
Песню вывел старшина,
Что над полем, что над логом
Зазвенела как струна.

Над вечерней тихой Росью
Плыл закат венком красы,
А пшеничные колосья
Растопорщили усы.

И огнем заполыхала,
И, пройдя через огонь,
Закричала, завздыхала
Эта самая гармонь.

Отозвались, зазвенели
Балалайки в три струны,
Заходили, как хотели,
Заплясали плясуны.

Закружили хороводы,
Полушалки зацвели,
И поближе и поодаль
Люди душу отвели.

Так бывает, так бывало
Не один, а много раз.
Белозубый запевала
Выдал песню на заказ.

А который, а который?
А в какой же это день?
Подголоски дали втору,
В роте мало ли людей!

1959

453. МУЖЕСТВО

Идут года под флагом красным,
Уж сколько кануло годов!
Они рукою своевластной
Подводят мужеству итог —

Свершеньям нашим, планам, думам,
Колхозным пашням и садам,
И целине, и Каракумам,
И нашим в мужестве рядам.

Года подсчитывают братьев,
Когда плечом к плечу встаем,
Когда идем великой ратью
В великом мужестве своем.

Мы, озарив страну огнями,
Вершим достойные дела,
И нету силы за морями,
Чтоб наш поход сдержать могла!

1959

454

Меня, как в море, бури закачали.
И скажем прямо:
Я хлебнул всего!
Все три войны остались за плечами
И в доле поколенья моего.

Мы не нашли, а взяли нашу долю.
Поход, поход, и нет фронтам числа!
А плечи были каменными, что ли?
А доля что?
Под стать плечам была!

Она брала лихие перегоны,
Она, как хлеб, вошла к нам в бытие.
И отблеск вечной славы на погонах
У рядовых и маршалов ее!

1959

455. ВСЁ ОСТАНЬСЯ В ПАМЯТИ КРЫЛАТОЙ...

Всё останься в памяти крылатой,
Всё, что поднялось тогда над злом:
И салюта первые раскаты,
И орудий наших зимний гром,

Вешний гром в родных полях
колхозных,
Дождь, что провожает до дверей,
И тяжелый гнев в глазах
бесслезных,
И тоска и горе матерей.

И лазурь, наполненная светом,
И паек блокадного пшена,
Полинялый флаг над сельсоветом,
И могил солдатских тишина,

И отбитый клок земли с березкой
Белогрудой, раненной в бою,
Штукатур, заляпанный известкой,
Гвардия, идущая в строю, —

Всё останься в пламенной и зримой,
Как на пьедестале, высоте,
Всё останься в той неповторимой,
В молодой, бессмертной красоте!

1959

Нет в России города без славы,
Местной, повсеместной, мировой.
На своих птенцов глядит Держава,
Видит их с горы сторожевой.

Видит их больших и видит малых —
У подножья гор, в степях своих,
Видит их почти что годовалых
И тысячелетних видит их;

Видит их — героев-ветеранов,
Тяжела их поступь и легка,
Слава их прошла за океаны,
Словно щит на их груди века!

Видит их, стремительных
и грозных,
В деле — за двоих и за троих,
Звездоносных, путь пробивших
к звездам,
Так что уж нельзя не видеть их!

Высоки их стяги боевые,
Широко их солнце зацвело.
С высоты веков глядит Россия,
И на сердце у нее светло!

1959

457. НОВГОРОДУ

Тыща сто голосов, как года, поднялись,
И ударило в небо веселье:
Огнекрылые птицы повсюду взвились
И зареяли ярко, весенне

По-над русской рекою, над новым
предместьем,
По-над местом, где правило вече.

И слетались туда величальные вести,
А грядущему веку навстречу

Вышли сразу одиннадцать грозных веков,
Те, что здесь, возле Волхова, спали,
И как будто одиннадцать тяжких клинков,
Засверкав русской сталью, упали!..

1959

458. СТОИТ БЕРЕЗКА ФРОНТОВАЯ

Стоит березка фронтовая,
Ей не от солнца горячо,
У ней ведь рана огневая:
Пробила пуля ей плечо!

Почти закрыта рана эта
Как бы припухшею корой...
Березка зеленью берета
Уже хвастнула пред сестрой.

Как северянка, речь заводит,
Всё с переспросом: «Чо до чо?»
И только ноет к непогоде
С закрытой раною плечо!

1959

459

Нет, я еще не всё сказал. Куда там!
Уже давно покончено с войной,
Но всё ж велик мой долг перед солдатом,
Что грудью заслонил свой край родной.

Когда земля тряслась в кромешном гуле,
Узнал солдат, что и вода горит,
А в грудь его навылет били пули,
Кровь жгла снега, да что снега — гранит!

Солдат стоял, где сталь изнемогала,
Солдат лежал, где плавилась броня.
Солдат шагнул, где смерть располагала
Еще большим количеством огня.

Где он прошел, земля слывет железной;
Где он стоял, разило солнце тьму.
Он шел, горел, тонул, стоял над бездной —
И равных в славе не было ему!

И равных в силе не было, пожалуй!
От взрывов бомб, фугасов и гранат
Земля очей в ту пору не смежала,
Она-то знала, чем силен солдат!

Мы испытали всё, и полной мерой,
Не позабыв, не сбросив ничего,
Он был силен несокрушимой верой
В бессмертие народа своего!

Где он стоял, Свобода ликовала;
Где он ходил, разбив ее тюрьму,
Свобода, словно сноп огня,
вставала...
...И равных в силе не было ему!

И равных сердцем не было, пожалуй!
Оно такой поход перемогло,
Оно такие вихри отражало,
Такую, скажем, ярость пережгло,

Что камень раскололся б от нагрева!
Оно не уставало до конца,
Оно вело наполненные гневом
Святую месть и мужество бойца!

Позаросла пыреем и осотом
Земля с войны.
Не все пришли домой.
И тишину на Пулковских высотах
Хранит давно великий город мой.
Там спят солдаты, павшие в кровавой

Битве,
легшие в строю;
Их не забудут Питера заставы:
Они за них здесь полегли в бою,
Они за них тогда пошли под пули,
Вгрызались в землю и в гранит седой,
Они за них здесь вечным сном заснули
В походных шлемах с красною звездой!..

1959

460. СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Пробили солдатское сердце штыком,
Кровь сразу смешалась с горячим песком.
В могилу друзья положили солдата,
И пушки вдали прогремели раскатом.
Вдали прогремел орудийный раскат,
Лиловый от дыма скатился закат,
Лиловые звезды мерцали чуть зримо,
Лиловые ветры прохлынули мимо!
Остался один он в могиле лежать,
Жена за двоих будет сеять и жать,
Но сердце солдата привыкло гореть,
Не может оно, не должно умереть!
Земля расступилась, сказала: «Прости!» —
И яблоня стала из сердца расти.
Над прахом героя она поднялась,
Цветком бело-розовым вся занялась,
И вся под ветрами трепещет крылато.
...То бьется бессмертное сердце солдата!

1959

461

Его крылом задела слава,
Когда взвилась огнем вода,
Когда у самой переправы
Он обнял землю навсегда.

Он смертью как бы вызов свету,
Последний, грозный, бросить смог:
Попробуй вырви землю эту
Или хотя бы этот клок!

Ведь он такой же за яругой,
Он испокон веков нам свой.
Вспаши его войной, как плугом,
А он останется живой!

Взломай его огнем и сталью
И проведи через бои.
Но всё равно весною тальник
Сережки выбросит свои.

И всё равно над страшной гарью
Необычайной чистоты
Взойдут цветы иван-да-марья,
Другие русские цветы.

Моя земля необорима,
Она, куда ни бросишь взгляд,
Была огнем войны палима
И стала краше, говорят!

1959

462

Я не о том, что называют славой,
Заговорил сегодня, друг ты мой,
Хотя она положена уставом
Советской жизни, истинно прямой.
Нет, я хочу поведать о сверканье,
Когда лучи заводят беготню,
Когда моря проснулись ранней ранью,
Когда полнеба предано огню!
Нет, я хочу сказать о дне весеннем,
Об утренней прозрачной тишине,
О том, как мы справляли новоселье,
О ветке краснотала на окне,

Такой, что сердцу от нее светлее,
Роняющей сережки в полусне...
А убери — и станет жизнь беднее
Без ветки краснотала на окне!

1959

463. ГОРЕНИЕ

Ничего не надо, Лада, Лада,
Только б день горел своим огнем,
Да земля шумела новым садом,
Новой рощей, добрым летним днем;

Да досталось сердцу то, что мило,
Чтобы всюду солнце перед сном
Русские березы золотило,
Как подружек их, что под окном;

Да сердца горели бы бесстрашьем
На великой Родине моей,
Как литые звезды на фуражках
У ее отважных сыновей!

1959

464

Друг, пока душа не онемела
И покуда сердце знает бой —
До всего на свете есть мне дело,
И не только мне, а мне с тобой!

Мы с тобой живем не одиноко,
Так пришлось, нет, скажем, повелось,
Что интересует нас глубоко —
Как-то там Испании жилось?

Что ей снилось? (Не видал ни разу
Снов испанских, думая о ней...)

Как мечталось донье черноглазой?
Что любилось?
Сколько светлых дней

Видела она за это лето?
Что ей пелось? Сердце чем зажглось?
Чем ее душа была согрета?
Как моей Испании спалось?

1959

465

Не знаю, что я в памяти оставлю
Моих друзей, в моем родном краю?
Я только то и делаю, что славлю
Самозабвенно Родину свою.

Я знаю: сердце дальше глаз увидит,
Оно, как говорят, без берегов!
И что моя Отчизна ненавидит —
Я тоже ненавижу, как врагов!

Она простая? Подлинно простая!
А какова собой?
Мои друзья,
Я никогда веснушек не считаю,
И в этом тоже заповедь моя!

Страна моя — воистину прекрасна,
И никому ее не превозмочь!
Согласны с этой истиной, согласны?
Кто не согласен — пусть уходит
прочь!

Его душа гнилушка или камень!
А мы, коль говорить наедине, —
Уже стоим с грядущими веками,
С величием грядущим наравне!

1959

466

Я, как степняк, пою о том, что вижу,
Что мне в глаза попало в свой черед,
А сердце, дальше видя, строчки нижет,
Оно меня никак не подведет.

Вон строят дом, уже свели стропила.
Готовь к столу, хозяйка, каравай!
Стучит топор, и звонко ходят пилы,
Бьют молотки... Всем дело есть...
Давай!

Давай! Давай! Россия любит дело.
Всяк презирай, как трусов, беглецов.
Давай! Давай! Россия любит смелых.
А коль не смел — учись у храбрецов!

Горят сады листвою разноцветной —
Зеленой, красной, желтой... в семь
цветов.
Как хорошо, что грудь открыта ветру,
Он мне как брат, и я пойти готов

За ним, попутным, иль ему навстречу,
Чтоб знать ее деянья наизусть
И увидать, как расправляет плечи
Моя страна,
моя Отчизна,
Русь!

1959

467. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Вот она, в сверканье новых дней!
Вы слыхали что-нибудь о ней?
Вы слыхали, как гремит она,
Выбив из любого валуна
Звон и гром, звон и гром?
Вы видали, как своим добром,

Золотом своим и серебром,
Хвастается Ладога моя?
Вы слыхали близко соловья
На раките, над речной водой?
Вы видали месяц молодой
Низко-низко — просто над волной?
Сам себе не верит: он — двойной!
Вы видали Севера красу?
Костянику ели вы в лесу?
Гоноболь, чернику, землянику,
Ежевику?
                    Мяли повилику?
Зверобой, трилистник, медуницу?
Сон снимали сказкой-небылицей,
С глаз сгоняли, как рукой?
Вы стояли над рекой
Луговой, достойной песни?..
Если нет и если, если
Вы отправитесь в дорогу —
Пусть стихи мои помогут
К нам прийти, в родимый край...
Так что знайте,
Так что знай...

1959

468. ДОРОГА

Она мне памятна, дорóга,
Мне до нее рукой подать.
Таких дорог на свете много,
И многих мне не увидать.

На ней, как на поляне, света
И есть мой след среди следов.
Она зеленая от лета
И голубая от цветов!

Теперь она отгоревалась,
Зовется просто полевой,
А то — военной называлась,
А ближе к фронту — фронтовой.

Она идет землею древней,
И хоть росла не напоказ —
Но все рыбацкие деревни
С нее всю жизнь не сводят глаз.

Они не все на ней распели
Запевки вольные свои,
В ее кустах не отсвистели,
Не отгремели соловьи.

По ней не все промчались свадьбы,
Цветными дугами звеня,
Не все прошли трехтонки с кладью,
Друзья погрелись у огня!..

...Летит дорога по разлужью,
Глядит в далекие лета,
И для нее по старой дружбе
Везде раскрыты ворота!..

1959

469. У ЮНОСТИ В ГОСТЯХ

Солнце вновь на пороге
Золотит помело.
По знакомой дороге
Я приехал в село.

Вон плетни, палисады,
Вон остаток плетня...
Вон речная прохлада
Поднялась на меня;

Вон от радости пляшет
Целый взвод тополей;
Вон мне озеро машет
Белой гривой своей!

Вон... Вот доля
так доля —
Кроной дуб закивал!

«Что, доволен?»
— «Доволен!
Лучшей встречи не ждал».

Я к вам в гости приехал,
Дорогие края...
Отзовись мне хоть эхом,
Юность — зорька моя!

Отзовись! Ты и ныне,
Как всегда, дорога.
Покажи мне родные
Заливные луга.

От утра до заката
Я не то что в лугу —
Без такой провожатой
Я ходить не могу!

Пусть отстанут тревоги!
Лишь с тобою одной
Я пройду по дороге,
По тропинке цветной.

Помнишь, мчались в ночное,
Лишь за гриву держась?
Травы па́хнули зноем,
Тени бились, кружась.

Помнишь сладкую дрему,
Полусон наших нив,
Вьюгу белых черемух,
Вишни алый налив?

Помнишь? Ну, хоть отчасти
Подтверди, подскажи!
Помнишь, шло мое счастье
С васильками во ржи?

Если ты позабыла,
Всё равно вспомню я.
Где так долго ходила,
Юность — зорька моя?..

1959

470. ДЕД

Дед мой Прокофий
Был ростом мал,
Мал, да удал,
Да фамилью дал!

Дал на деревню,
На весь уезд,
Дал для сынов
И еще для невест;

Дал, как поставил
Печать с гербом!
А что на печати?
Да дед с горбом!

А где о нем вести?
Вдали, вдали!
А где его песни?
Да с ним легли!

А где его слезы?
В морской волне.
А где его думы?
По всей стране!

А где его доля?
В руках бойцов.
А где его сердце?
В земле отцов!

1959

471. ЧЕМ ЗНАМЕНИТА ЛАДОГА?

Чем знаменита Ладога?
А собственно, водою —
Холодною, крутою,
Прозрачною, седою!

А чем еще?
　　　　　　Болотами,
Цветными берегами
Да щукой большеротою,
Степенными сигами;

Еще травою донником,
Да резкими ветрами —
Меженцем и шелонником,
Да блеклыми утрами;

Плакучею, заплаканной
Березой над полями
Да всякой мелкой птахою:
Стрижами, соловьями;

Да просто перелесками,
Да запросто лугами...
Да сильными, советскими,
Широкими шагами,
Что накрепко впечатаны
В мою родную землю!..

...Идут деды с внучатами,
Идут деды и внемлют
Своим садам, посаженным
И ждущим совершенства,
Большим шагам — по сажени,
Своим ветрам — меженцам!..

1959

472. ПОЧТИ НАД САМЫМ ПЛЕСОМ...

Почти над самым плесом,
Почти что над волной
Шумят, шумят березы,
Посаженные мной.

Они широкой кроной
Стремятся к облакам,

А что топор не тронул —
Спасибо землякам!

Друзья мою деревню
Зеленою зовут.
Пускай мои деревья
Меня переживут.

Под их высокой крышей
В заречной стороне
Другой стихи напишет
И вспомнит обо мне,

Помянет добрым словом
Каким-то летним днем
В краю моем суровом,
В Приладожье моем.

Он сказочною новью
Пройдет, где я ходил,
И скажет:
«Вот Прокофьев
Березы посадил.

А что еще он делал —
Ответить не берусь!..»
Привет им, в платьях
белых,
Твоим любимкам, Русь!

1959

473

Неясные рассветы,
Неяркий окоем...
Да были ли поэты
В Приладожье моем?

Да, были, и немало,
Они слова вели;
Отсюда запевалы
На все моря прошли.

Прошли на океаны,
И нá веки веков
Остались в дальних
странах
Распевы моряков.

Они ведь там осели,
Где вышли из груди:
В Тулоне, и в Марселе,
И в Лондоне, поди!

И в Гамбурге, и в Киле...
Где только склянки бьют,
Где есть моря какие,
Там, значит, и поют!

Поют и тут, хоть тресни
Земля под каблуком!
И, может, слово в песне
Поставлено дружком...

1959

474. РЕКА

Я к ней пришел с приветом личным,
Да и проведать, как живет.
Она землею земляничной
Меж берегов крутых плывет.

Она такая:
всё осилив,
Не раз впадает в забытье,
Тогда немало звезд России
Считают зеркалом ее!

Они серебряно искрятся
На гранях влажного весла,
И всю-то ночь они ей снятся,
И снам, как звездам, нет числа!

1959

475. ОКОЛО ДОМА

Около дома,
Возле крылечка,
Тихо течет
Безымянная речка.

Слышу, как шепчет
Склонившейся иве:
«Что здесь за люди —
Забыли про имя!

Я ведь сливаюсь
С могучей рекою,
Я у нее
Завсегда под рукою,

Я у нее
Завсегда на примете,
Если там буря,
То здесь, скажем,
ветер!

Нет на нее
Ни обиды, ни жалоб...
Ей без меня
Трудно будет, пожалуй!»

1959

476

Это я прошу иметь в виду,
Все у нас рыбачили в роду:
Бабки, прабабки,
Прадеды, деды!
И те, что на лавках
Кучней за обедом!

И те, что по люлькам
Качались, что куклы:
Татьянки, и Юльки,
Да прочая клюква!

А те, что из люльки
Едва выползали,
Свистели в свистульки
И сети вязали!

Марфины и Настины —
Все были
В династии!
В нашем взводе,
В нашей роте,
Наши вроде,
В нашем роде!
В рыбацком роду...
Это я прошу иметь в виду!

И ловили рыбу мы в роду
Триста шестьдесят пять дней в году!
    Держись, братва!
    Ерши, плотва,
    Ерши, ерши,
    Глаза больши́,
    Остальное — кости...
    Приходите, гости!
Так мы жили-поживали,
Хлеб не каждый день жевали,
Так росли упрямые.
И у тех, кого мы знали,
Кто делился с нами снами,
Было то же самое!

1959

477

Убегая за моря,
Уходя за скалы,
Золотые якоря
Солнце опускало.

За звеном ведя звено,
Яркая, литая,

Опускалась цепь на дно,
Тоже золотая.

И горели дотемна
Золотые косы
Там, где хлынула волна
На седые плесы,

Где стояли, как божки,
Охраняя рыбу,
Золотые старики —
Камни-неулыбы!..

1959

478

Довольно снам весенним
сниться!
Среди забот и многих дел
Я залетел к тебе, как птица,
И, словно птица, отзвенел.

А ты ждала меня, Отрада?
Я — твой навеки, кровный твой,
Так дай мне губ твоих прохладу
И напои водой живой —

Седою, где прошли буруны,
И синей, где лишь тишина,
И тронь рукою легкой струны,
И вспомни наши имена.

Они всегда твои по праву,
Из той бесчисленной родни,
И ты их всех бессмертной
славой
Соедини, объедини!

А мне дари слова-алмазы
Из глубины твоих веков,
Из всех твоих бессчетных сказов,
Из драгоценных родников!

1959

479. КОБОНА

Мы шли из Гдыни. Волны
с перезвоном
Наш теплоход и резал, и месил.
Морской буксир, по имени «Кобона»,
Навстречу шел и хрипло пробасил.

«Что за Кобона?» — спрашивает
немец.
На это я отвечу, как могу.
...Вот вспыхнуло огнем багровым Время
В моей Кобоне, на моем лугу.

В моей рыбацкой, рядовой деревне,
Где я услышал первый русский стих,
Где Русь была, как говорится, древле
И где могилы праотцев моих!

Когда мой Ленинград узнал блокаду,
Моя Кобона думала о нем,
Она, чтоб билось сердце Ленинграда,
Не раз, не два стояла под огнем.

Такое время трудно позабыть ей,
Была готова трижды умирать,
Она была то проводом, то нитью,
Такими, что не сжечь, не оборвать!

«Что за Кобона?» — спрашивает немец.
На это я отвечу, как могу.
Огнем багровым вспыхивало Время,
Я перед этим Временем не лгу!

1959

480. У МОРЯ

У меня на душе — будто друга обидел,
Будто втайне, ему не сказав, разлюбил.
Сколько я потерял, долго моря не видя,
Рокот моря, не слыша, почти позабыл.

Как давно я не видел, когда оно гнется,
Выгибает могучую спину, что кит,
И на ней пляшет ветер и солнце смеется,
А довольное море лишь пеной кипит.

И качает, как в зыбке, под парусом
лодку,
Что-то шепчет реке, заглянув ей в лицо,
А она обручилась с таким самохоткой
И надела его именное кольцо.

А когда оно в гневе стяг вздымает
атласный,
Вырывает, ярясь, камни, глину, песок,
Добела накаленные молнии гаснут,
А оно только волны сдувает с усов

И сливается с небом, и черные кони
Мчатся с молнией в гривах, грызя удила,
Только стон раздается от дальней
погони...
Черно-синее море, а шапка бела!

1959

481. ЛОМКАЯ ВОДА

Есть в России ломкая вода,
Словно кто-то бросил в речку льда,
Словно бы осталась в ней шуга,
Сохранили зиму берега!

Но посмотришь — белой пеной бьет,
А на взгорке пень — и тот цветет.
Под цветной тесьмой, цветной каймой
Бьется тот родник, дружище мой!

1959

Возле речки в тумане
Чуть звенят тополя...
Может, ими и манит
Человека земля?

Иль березкой кудрявой,
Не скупой на слова?
Или явором?
Явор
Всем лесам голова!

Иль плясуньей-калинкой,
Что сережкой трясет?
Или первой травинкой,
Пробивающей лед?

...Что ж, земля привлекает
Или этим, иль тем?
В суть вопроса вникая,
Я так думаю —
всем!

И рябины кистями,
И лужком заливным,
И грибными дождями,
И дождем не грибным!

Первой звонкой капелью
И росой на устах,
Соловьиною трелью
В соловьиных кустах;

И родными местами,
Где ты жил, где ты был,
И цветами, цветами,
Чуть о них не забыл!

Пенной яблоней вешней —
Нет на свете милей,
И черемухой здешней,
Северянкой моей!

Манят волею реки
И раздольем поля...
Не обманет вовеки
Человека земля!

1959

483. УТРОМ РАННИМ

Утром рано, на заре,
Нечего гадать!
Что я вижу на дворе?
Вижу — благодать!

Вижу, выйдя за порог, —
В зареве леса,
Вижу — огненный восток
Поднял паруса!

Вижу — ветер на реке
Спит на сквозняке!
Вижу где-то вдалеке,
Где-то вдалеке —

В клочья взвитую парчу,
Будто после драк...
Мне б два метра кумачу
На хороший флаг!..

1959

484. ВЕСНЯНКА

Дождь, дождь, лей, лей,
Разменяй сто рублей,
Да еще полста,
Да раскрой уста!
Забивай гвозди
Возле дома,
Возле
Старого навеса,
Красного леса,

Возле новых тополей...
Лей, лей, не жалей,
Лей на сто рублей,
А натычешься
На всю тысячу —
Ну что ж, ну что ж,
Здравствуй, ливень, буйный дождь!

1959

485

Что за погода? Горе, горе!
И небо словно бы грустит,
Как говорят, ни шьет, ни порет,
Чуть-чуть дождит, чуть-чуть блестит.

А пусть! Теперь я знаю страны
С высоким небом голубым,
Но не о них я думать стану,
И не завидую я им.

Там целый год сверкает лето,
У них и зим нет вихревых,
У них и весен буйных нету...
А как же русскому без них?

1959

486. ЯБЛОНЯ

Чудо в бело-розовом цвету,
Счастье, устремленное к лазури.
Радостно смотреть на красоту,
Вижу я ее, глаза зажмурив.

Всё живое времени подвластно,
И всему черед расти, цвести.
Так вот от девчонки голенастой
Годом позже глаз не отвести!

1959

487

Закат налился темной кровью,
И потемнела бирюза.
Сначала было предгрозовье,
Потом как грянула гроза!

Белым-бело от молний стало,
Совсем исчезла синева,
И засучила, закатала
Гроза по локоть рукава!

И ветер шел, глаза зажмурив,
И низко-низко тучи гнал.
И в нем немало было дури,
А сколько точно, он не знал!

Гроза промчалась, лишь раскаты
Гремели где-то за Невой,
Как будто мчались вихрем сваты
Совсем разбитой мостовой!

1959

488

Опять кострами иван-чая
Мои отмечены пути,
Опять за нашими плечами
Успело лето отцвести.

Опять ушло оно за снами,
Куда орел не залетал.
Опять за всякими делами
Его, как надо, не видал!

Мы с ним простились, с ним расстались,
Оно ушло за грань морей,
Но видно всем, что в нем остались
Дела и дни страны моей.

И может быть, пустячный случай,
Лишь мне по-близкому родной,
И, может, стих какой певучий
О милой женщине одной...

1959

489. В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Всё хорошо, отрадно смолоду,
Когда плечам не страшен груз.
Вошла, и губы пахнут холодом,
Дождинкой, сладкою на вкус!

Осенней стужи будто не было,
Другое сразу началось,
И не прошу я и не требую,
Чтоб солнце выше поднялось!

Пусть так всегда, как было смолоду,
Пусть будет ветер, будет дождь,
Пусть губы будут пахнуть холодом,
Дождинку как-нибудь найдешь!

И станет радостно и весело
Ненастный день прожить вдвоем,
А выйдет солнце — делать нечего,
Другую песню запоем!

1959

490

...А откуда на Ладоге украинская мова,
Задушевное, мягкое и певучее слово?
Украинская мова?

Едва ли, едва ли!..

Не поверите мне, так поверите Далю!
Впрочем, с давнего времени начинается речь.
Как-то царь разорил Запорожскую сечь

И сослал двадцать тысяч украинских сынов
Рыть Петровский канал.
Мало видели снов
Запорожские хлопцы о своей Украине,
Засыпая в болотах, на камне, на глине,
На холодном ветру замерзая,
вмерзая
В темный камень-валун
иль в граниты вгрызаясь,
Чтоб легла на костях возле моря дорога
По болотам, забытым и чертом и богом!
...Не всегда небо в тучах — бывают просветы.
Не всегда же зима — наступает и лето,
И под ладожским ветром, а может,
балтийским,
Не дремало родное Запорижское вийско!
Захмелев от простора, от радости плача,
Обнимало в рыбацких селеньях рыбачек.
Не встречали отпора запорожцы, пожалуй,
И в уста целовали моих ладожанок,
И дарили им песен заветное слово,
Вместе с песнями — всю украинскую мову...

1959

491

Дожди идут не то что к случаю,
А от зари и до зари.
Опять сегодня принатучило,
Но прилетели снегири.

Не знаю, сколько их летало
Здесь в беззащитности своей,
Но на березах стало ало
От красногрудых снегирей!

Так было в пору листопада,
Могло в другую пору быть...
О, как немного сердцу надо:
И полюбить — и позабыть!..

1959

492. РАСШУМЕЛСЯ БОР ЗЕЛЕНЫЙ

Расшумелся бор зеленый
Гибкими ветвями...
Наделила мать Алену
Черными бровями.

Гнула, гнула их подковой,
Поломала сильно,
А глаза у чернобровой
Напоила синью

И вложила столько света,
Что толкни — прольется.
...Песня спета, недопета,
Песня в небе вьется!

1959

493. ЛЮБАВА

Жила-была девчонка
Семнадцати годков,
Она венки любила
Из пламенных цветков,

Из ярких златоцветов,
Растущих в тишине,
Каких немало летом
На нашей стороне.

Глаза у той девчонки
С косинкой небольшой,
Она любила песни
И пела их с душой;

Еще у той красавы
Была одна краса:
Пронизанная лентой
Пшеничная коса!

Я это знаю точно:
За ближнею рекой

В свои семнадцать весен
Она была такой.

По ней грустил мальчишка,
Совсем сошел с ума,
Ведь краше златоцветов
Была она сама!

1959

494

Бабьим летом гаданно и жданно
Праздную твой день рожденья, Анна!
С птицами отлетными, что в стаях,
И с цветами, что нельзя оставить
Под метели ярые и вьюги.
Я собрал их тут со всей округи
В честь твою.
Ты видеть их должна!
Голубая, синяя волна,
Белая и алая взлетают,
Падают и вновь горят все вместе,
Мечутся и вновь стоят на месте.
Пятьдесят? Сто тысяч? Полных двести?
Где их счесть? Не счесть!
Все они
в твою собрались честь.
Будь здорова, Анна,
будь здорова!
Это имя — песня
или слово?!

1959

495

А ты, наверно, помнишь взморье.
Коль нет, так вспомни поскорей.
Быть может, Синее загорье
Осталось в памяти твоей?

Как в край далекий взят тобою
Залитый солнцем небосклон,
Глухой, тягучий стук прибоя,
Волны немолчный перезвон?

А у меня, теперь теснимый,
Но всё равно горит в крови
Тот давний свет необоримый
Доверья, равного любви!

1959

496

Как будто неба больше стало
И больше леса и лугов,
Как будто вдруг пахнул подталок
Весенней яростью снегов;

Как будто луч рассветный брезжит,
Как будто колокол упал,
Как будто выскочил подснежник
И задрожал, затрепетал;

Как будто краше и светлее
Зажегся день в родном краю...
...Товарищ мой, иди скорее,
Иди встречать любовь свою!

1959

497

Ты в пятнадцать лет похорошела,
И об этом столько лет подряд
Сосны над тропинкою замшелой
Молодым сосенкам говорят.

Кто сказал им?
Только не синица,
У нее другие, брат, дела:

Ей, синице, только море снится —
Всё в огне. Она его зажгла!

Или, может быть, когда светало,
Сохранила облик твой вода?
Может быть, кукушка отсчитала,
Так сказать, значительно года?

Может быть, когда рвались завеи?
Может быть, под этою сосной
Ты прошла, от солнца розовея,
И осталась в памяти лесной?

1959

498

Ветер возле водополья
Гнул сосеночку в дугу...
Я гляжу в глаза сокольи,
Наглядеться не могу.

От сосенки той зеленой
Путь к тебе лежит прямой,
Соколенок, соколенок,
Сизокрылый сокол мой!

Я кручину от порога,
От дороги отведу,
Я с любой твоей тревогой
Дальше дальнего уйду.

Для того и проторила
От сосенки путь прямой...
Что мне скажешь, сизокрылый,
Легкокрылый сокол мой?

1959

499. ЛЮБА

Ох, черны глаза, черны!
...Не вернулся муж с войны,
Как заснул, так не проснулся
Где-то около Двины!

Возле сумрачной Двины,
Где воронка на воронке...
Шла оттуда похоронка,
С той заречной стороны.

И одна осталась Люба.
Люба, Люба! Стать легка.
Нецелованные губы —
Как два алые цветка!

Ох, черны глаза, черны!
Две косы, как две волны,
Синей схваченные лентой,
На затылке сведены.

Выйдет Люба на лужок,
На крутой на бережок:
«Где же, где же милый ходит,
Тот, что сердце бы зажег?»

Жил рыбак на том лугу,
Сеть вязал и гнул дугу.
Неужели он не видел
Никого на берегу?..

1959

500

Повстречаюсь:
«Как здоровье?
Как живешь, мой свет?»

Посмотрю на чернобровье,
Слов-то вроде нет!

Все куда-то запропали,
Все не ко двору.
Где их черти закопали
Во темнóм бору?

Во темнóм бору морошка
Крупная растет,
Во темнóм бору в сторожке
Солнышко живет.

И не темен бор сосновый,
Нечего корить.
Но не мне с обычным
словом
Стежечку торить.

Всё же, веря в счастье-долю,
Я туда пойду,
Может быть, в раздольном поле
Те слова найду,

Те слова, что кем-то скрыты
И лежат пластом
Под зеленою ракитой,
Под густым кустом!

1959

501

Что ты делаешь, Лада?
Кинь мне искры из глаз,
Мне веселого взгляда
Не хватает на час.

А уж в нашем затишье —
Что поделаешь тут! —

Не хватает, ты слышишь,
И на тридцать минут!

И на двадцать, пожалуй,
Говорю, не тая...
Так что, милая, жалуй,
Ладно, Лада моя?

1959

502. ЗАВЛЕКАЛА Я МАЛЬЧИШКУ...

Завлекала я мальчишку
Целый год с неделею,
Не по песням,
                    не по книжкам,
А как сердцу велено!

Как приказано глазенкам,
Серым с поволокою,
Как положено девчонке
Росту невысокого!

Только речка знала это,
Берега отлогие
Да неяркие рассветы...
А узнали многие,

А узнали многие,
Те, что сами маются
И, как судьи строгие,
Очень ошибаются.

Завлекала я мальчишку
Целый год с неделею,
Не по песням, не по книжкам,
А как сердцу велено!

1959

503

Я говорю «спасибо» лету —
Оно горело блеском дня,
Оно, по всем моим приметам,
Смотрело братски на меня.

Оно вело меня по сказам
И уводило за село,
Оно с девчонкой сероглазой
В мой стих врывалось и цвело!

Оно однажды небывало
Прошло, как вихрь, душой моей —
И сердце начисто сорвало
Со всех тяжелых якорей!

И мига нет, чтоб осмотреться,
Куда летит девятый вал.
А пусть!
　　　　　На то оно и сердце,
Ему по силам новый шквал!

1959

504

Связаны, завязаны двойным узлом.
Зови его не соколом, зови орлом!

Где вершина крутая —
Там орел пролетает,
И над нею на солнце
Он глядит не мигая.

Ну а сокол?
　　　　　　　А сокол
Пролетает пониже,
На широкие крылья
Он два облака нижет.

У него стать соколья
И повадка другая:
Он не может на солнце
Смотреть не мигая!

1959

505

Ты оставь свою кручину,
Сбрось ее скорее с плеч,
Ведь кручина не лучина —
Ею печки не разжечь!

Ведь она сгибает плечи,
С ней как встанешь, так вздохнешь,
Ею сердце не залечишь,
Только больше разобьешь,

Только больше разволнуешь.
Ты покой скорей верни,
И свою кручину злую
Ты подальше прогони!

Если ты ее не сбросишь,
Изведет тебя она.
Ну а впрочем, ну а впрочем,
Наше дело — сторона!

1959

506

Что ж, покуда солнце не зашло
И еще березы не зажгло —
День еще не кончен,
Ночь не наступила...

...Я хотела разлюбить,
А не разлюбила!

Только мне не надо
В голову вбивать,

Что, когда покину,
Буду тосковать.

Что мне да что мне,
Да, как на грех,
Я об этом помню
Лучше всех!

Я об этом знаю
И повторю,
Я об этом снами
Говорю!

1959

507

Никому о нем не говорила,
Не гостила, в гости не звала,
Но запевка имя повторила
И повторно сердце обожгла.

Тяжело обжечь его повторно!..
Не сказав ни слова никому,
Я пошла дорожкою подгорной,
Повинуясь сердцу своему.

Ой, дорожка, стежечка подгорная,
Над тобой светло горят лучи...
Ты меня знавала непокорною.
Как мне стать покорной?
Научи!

1959

508. БЫЛИ СТЕЖКИ В ИНЕЕ...

Встречусь я с тобой когда-нибудь
И скажу: «Что было — позабудь!»

Ничего и не было, краля краль,
Ничего и не было. Был февраль.

На тропинках узеньких был ледок,
На твоей головушке цвел платок.

Были стежки в инее, шел февраль,
И чего-то, милая, было жаль!

1959

509

Можно ли отречься от стихов?
Лишь в несчастье на́ веки веков!
С полной глухотой и немотой,
С полной, хуже смерти, маятой!

А над чем же плакать,
милый друг,
А какое слово кинуть в круг?

Оно же вмиг сломается,
Не долетая треснет,
У нас не полагается,
Какое не из песни!

Оно не будет брошено,
Бесцветно и парадно,
У нас ведь не положено,
Чтоб было бы нескладно!

Слова мы не на паперти
Выпрашиваем где-то,
Они у нас на скатерти
Сверкают, самоцветы!

Они у нас рассеяны,
Из золота отлиты,
Они у нас весенние,
Дождем весенним мыты!

Они у нас, они у нас...
Они как молнии из глаз!

1959

510. МНЕ БЫ ТОЛЬКО...

Мне бы только песенку начать,
Чтоб на ней была моя печать,
Именная, друг, пойми,
Именная, черт возьми,
Именная, черт возьми!

Я на всё свое письмо
Ставлю личное клеймо.
Мне, дружок мой, нравится,
Когда слово плавится

И когда оно поет,
Жаром строчку обдает,
Чтоб слова от слов зарделись,
Чтоб они, идя в полет,
Вились, бились, чтобы пелись,
Чтобы елись, будто мед!

Мне бы только песенку начать,
Чтоб на ней была моя печать!

1959

511. СЛОВА

Немало слов в моем запасе,
Они со мною с давних пор.
Я ставлю в ряд их, не подкрасив, —
Они слова, а не забор!

Я вывожу их утром рано,
И на путях моих крутых
Любовно смотрят ветераны
На новобранцев молодых,

Поставленных в полки и роты
В моем разбуженном краю.
Они глядят вполоборота,
Когда приказ им отдаю:

«Вперед! Вперед, за перевалы!»
И закатали рукава,
И подтянулись запевалы,
То есть певучие слова.

1959

512

Стихи, стихи, моя тревога!
Я без тревоги не могу.
Я вас беру с собой в дорогу
И, как друзей, не берегу!

У жизни надо брать закалку,
Ведь жизнь всегда во всем права,
А то вы ходите вразвалку,
Как непутевые слова;

То вдруг завянете от зноя,
То разбрелись у переправ,
То вдруг ватагой озорною
Летите по́д гору стремглав.

Стихи, стихи, моя тревога!
Я без тревоги не могу.
Я вас беру с собой в дорогу
И, как друзей, не берегу!

1959

513. ПЕСНЯ НАЧИНАЛАСЬ, КАК ВСЕГДА...

Песня начиналась, как всегда:
Загоралась первая звезда...
Раскрываю я свою тетрадь,
А в тетради только тишь да гладь!
Спят мои страницы первым сном,
Спит дружок мой тополь под окном,
И заснула иволга в лесу,
И трава не сбросила росу...

Песня начиналась, как всегда:
Слово разгоралось, как звезда!
Застучало в сердце: «Пусти, пусти!
Дай мне поскорее цвести, цвести!»
Слово говорит мне: «Не медли, брат,
Дай мне поскорее верхний ряд,
Дай мне поскорее верный лад,
Ставь хоть новобранцем в строй баллад!»
А за ним другие мчат слова.
Потруднее тем лишь, кто сперва.
Там, глядишь, и зорька занялась.
Песня начиналась.
Началась.

1959

514. ВОЛНЫ

Волна, волна — все буквы влажны,
Да и слились в один размах.
Я произнес сейчас их дважды
И ощутил их на губах!

Я произнес их снова.
Вскоре
Ко мне пришло издалека
Волненье рек, дыханье моря
И колокольчик ручейка.

Повсюду волны, волны, волны,
Великой влаги вечный путь.
Таков язык!
И трепет полный
Мою охватывает грудь!

1959

515. ПОЭЗИЯ

Мать мне песню пела в поле дальнем,
Я потом слыхал ее не раз.
А латышка сыну пела дайну
В тот же день и в тот же самый час.

И былинка легкая проснулась,
Заиграла речка, стихнул зной:
Это их Поэзия коснулась
Властью, ей присущей лишь одной.

Матерей коснулось краем счастье,
Песенки допели до конца.
Нет сильней и нет прекрасней власти,
Чем затронуть души и сердца!

1959

516. МНЕ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ...

Мне ничего нельзя забыть!
Я не сыночек маменькин.
Так как же мне с тобою быть,
Такой большой и маленькой?

С твоим весельем и тоской,
С твоей судьбой завидною?
С такою гордою, с такой...
С такою беззащитною?

С тобою в поле и в лугу
На жизнь свою не сетую,
Я без тебя жить не могу
И людям не советую!

И ты диктуешь мне:
                «Пиши!»
Ведь что-нибудь останется.
Ты просто крик моей души,
Надежда и пристанище!

Ты просто песня для всего,
Что в мире растревожено,
Ты просто сердце!
                А его
Второго не положено!

И ты ко мне всегда довлей,
Не тешь меня забавами.

Ты просто свет любви моей,
Любовь моя,
та самая!

Бегут и катятся года,
Они свое отгрезили...
И только в том моя беда,
Что я влюблен в Поэзию!

1959

517

Я, как сокол, крылья расправляю
И, к высотам ревностью томим,
Каждый день горю и не сгораю,
Защищенный именем твоим!

Соколиной доле нет предела.
Я совсем немногого хочу:
Выше головы чтоб было дела.
Остальное всё мне по плечу!

1959

518. НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

С тобой давно мы ладом ладили,
Сдружила крепко нас Нева,
Где мы с тобой не только гладили,
Но и ерошили слова!

Мы их ерошили, ерошили,
И повели, и повели,
Как хорошо, когда хорошие
Слова-дружки не подвели!

Я не забыл объятья братские,
Когда ударил грозный шквал.
Забыть ли ночи ленинградские?
Ты их железными назвал!

И это — сотни раз доказано —
Нещадно било по врагу,
С железной силой было сказано
На славном невском берегу.

Блокадной спичкою, махоркою
Делились мы, товарищ мой,
Всем, чем могли, — последней коркою
И первой чаркой фронтовой.

Не скроешь это за печатями,
Не позабыть того вовек —
Был с нами друг наш замечательный,
Высокой доли человек!

Не позабудет друга нашего
Его родная сторона...
А нам с тобой друг к другу хаживать
До самой...
Черт с ней, старина!

1959

519

Как тропиночка отцовская,
Что бежала под окно, —
Глубоко строка кольцовская
Пала в сердце мне давно.

Шла она морями, землями,
С косарем входила в дол,
С ней, бывало, в праздник
семьями
За честно́й садились стол!

Шла по песенному правилу,
И отрадна и легка,
Свой певучий след
оставила
Та весенняя строка.

От нее жарой и холодом
Руки требовали дел,
И, бывало, пел я смолоду,
Что Лихач Кудрявич пел!

То веселые, то грустные
Песни вольные лились,
И, бывало, кудри русые
Непокорные вились!

И частушка громко окала...
В то же время мимо сел
Где-то рядом, где-то около
Алексей Васильич шел.

Там, где травы низко клонятся,
Шел вблизи моих долин
Кровный сын земли воронежской,
Русской речи исполин!

1959

520

Люблю, коль день работой начат,
Когда строка строку ведет,
Пою, когда придет удача,
Не плачу, если не придет!

Ну, значит, плохо слово к слову
Я подогнал, не так, не так;
Ну, значит, снова надо, снова
Ладней налаживать верстак!

Мне говорят:
«Ты через грохот
Иное слово пропусти,
Да закали его, ероху,
Да подержи его в горсти,

И брось его!
                    Не будет худа.
Закинь подальше в лопухи.
Ты сам гори, и выйдет чудо,
Коль нету чуда — не стихи!»

1959

521. ИДУ К СТОЛУ, ЧТО К ВЕРСТАКУ

Иду к столу, что к верстаку,
И тешусь думой смелою,
Что обточу на нем строку,
Ее зачином сделаю.

А что?
          Зачин всего важней!
Давай к звену звено вести,
Да не рывками, а ровней,
По совести, по совести!

А если взять другой резец,
По-новому заточенный,
Да отнести строку в конец,
Пред самым многоточием?..

А если мысль одну развить —
Она, как стружка, крутится, —
Ту
   строчку
            лесенкой
                        разбить —
Почти
       строфа
              получится?

Ну а зачем строку ломать
Свою или народную?
К чему мне это принимать?
Чтоб сделать строчку модною?

Какой в конце концов ответ?
Строка какою выльется?
Да нет ее на свете, нет,
Она еще в чернильнице!

1959

522

Нет тяжелее первой строчки,
Она, все знают, — свет и тень.
. . .Девчонка в беленьком платочке
Встречает новый летний день.

Она подпрыгнула на стежке,
Чтоб ветку тополя достать.
Ее зеленые сережки
Почти березовым под стать!

К цветам спускается белянка,
Идет пологим бережком,
И стало больше на полянке
Одним невиданным цветком!

И как-то стало больше вроде
Того, что манит и зовет
И что давным-давно в народе
Везде поэзией слывет.

1959

523. ЗОВИ!

Снова дорога
Зовет меня.

Из песни

Сразу с порога,
В блеске дня,
Снова дорога
Зовет меня.

Зови меня яро
Ветром в грудь,
Зови меня, старый
И новый путь!

Зови меня честно,
Кровь-руда,
Зови меня, сердце
Мое, всегда!

Зови меня снова,
Путь прямой,
Зови меня, слово,
Друг ты мой!

1959

524

У песни всё дело в зачине,
Где встали слова на места, —
И только по этой причине
Она раскрывает уста.

У ней что ни час — новоселье,
Нигде не бывает одна,
И пляшет она от веселья,
И плачет от горя она!

И трогает сердце и душу,
Взвивает знамена в бою,
И скалы взрывает и рушит,
Проходит в гвардейском строю,

Проходит на марше суровом —
Уж так повелось на веку...
...Но где это верное слово,
Что первым ворвется в строку?

1959

525

Удержи меня, мое презренье...

С. Есенин

Будь всегда со мной, мое горенье,
Жар в моей груди, не остывай!
Будь всегда со мной, мое терпенье,
Не бросай меня, не отставай!

С вами я возьму пути любые,
Выйду к *речи точной и нагой.*
Сделаю, чтоб люди полюбили
Из груди исторгнутый огонь.

Где мы были, что мы поднимали,
Что несли дорогою крутой?
Но ни у кого не отнимали
Хлеба, соли, искры золотой.

Мы стояли там, где было знамя,
Гордо осенившее редут,
И друзья, что были рядом с нами,
Из могилы голос подадут.

Будь всегда со мной, мое горенье,
Я твоим огнем давно согрет.
Сохрани мне, жизнь, к тому презренье,
Где горенья нет, терпенья нет!

1959

526

Стихи! Опять я с ними
маюсь,
Веду, беру за пядью пядь,
И где-то в гору поднимаюсь,
И где-то падаю опять!

И где-то в строчке вырастаю,
А где-то ниже становлюсь,

Поскольку критику читаю,
А перечитывать боюсь!

А может, в прозу бросить
камень?
Да нет его в моей руке.
А что же делать со стихами?
Не утопить ли их в реке?

Не утопить ли там облюбки,
Слова, которым не цвести?
Их зацелованные губки
Уже кармином не спасти!

...А мне не надо, что без лада,
Без вдохновенья и без снов!
И сердце радо, что не надо:
Оно в тоске от многих слов,

От нестерпимой гололеди,
Где слово как веретено!
От совершенно стертой меди,
Где нет герба давным-давно!

1959

527

Как много силы в нашем слове!
Мой друг, запомни, не забудь:
Всё, что мы скажем, будет внове
Потомкам нашим как-нибудь.

Страдали мы?
Да как страдали!
Боролись мы?
Земля тряслась!
Мы все прошли такие дали —
О нас легенда создалась,

Что из железа вроде будем,
Из камня — кто-то нас назвал.

А мы не камни были — люди,
Нас пули били наповал,

Огонь сжигал, кромсали пилы,
Топор рубил и яд травил,
Но всё, что жгло нас и давило, —
Узнало черный мрак могил,

Узнало в страшной крутоверти,
Когда мы бились до конца, —
Не поддающиеся смерти,
Любовью взятые сердца!

1959

528

Давно пришло раздумью время,
Как хорошо идти в ряду,
И только с теми, только с теми,
Кто вывел красную звезду
На богатырки боевые,
На всё, идущее вперед,
На наши стяги заревые,
На самолет, на звездолет,
На наши пашни, наши башни,
К народу гордому всему;
Кто полюбил ее в бесстрашье
И поднял к солнцу, в дар ему!
Он поднял к солнцу дар бесценный.
И рвется темных туч гряда,
Ведь первый луч из рук Вселенной
Послала Красная звезда!

1959

529. РАЗДУМЬЕ

По-хорошему, по-смелому
День-деньской — страда.
Много дела недоделано
В прежние года.

Много сбито не по разуму
Весен золотых,
Много ярких слов не сказано,
Сказано пустых.

Я прошел путями разными,
Слушал шум лесов,
Я не то чтоб жил да праздновал,
Мед стирал с усов!

Я работал там, где сеется,
Я снимал межу,
Но и думал всё ж: «Успеется,
Вот ужо скажу!»

Но слова-то шли упрямые,
В строчки не связать...
Надо вовремя, друзья мои,
Сделать и сказать!

...А потомки! Как с потомками?
Будут нас корить?..
С нами время наше громкое —
Надо говорить!

1959

530. РАЗГОВОР

«Не поздно? Нет, еще не поздно!
А то — когда там соберусь!
Еще не все раскрылись звезды,
Поговори со мною, Русь!

Поговори со мною, Лада,
Ведь не в каких-то тайниках —
Мне столько раз звенели клады
В твоих весенних родниках».

«А что ты с ними делал, если
Их никаким не счесть числом?»
— «А я их брал в строку для песни,
Чтобы звенела серебром!

Я не нырял за ним, как нерпа,
И не раскапывал бугра,
Я только черпал, только черпал
И не исчерпал серебра!»

«Скажи, а где его чеканил?
Оно горит в твоих руках».
— «А на Неве, да и на Каме,
И на других твоих реках

Ловил я слово, будто рыбу.
И отчеканивал его,
И где-то слышал я «спасибо».
А где не слышал, что с того!

А разругает где-то кто-то —
Ну что ж, скажу я, ну и пусть...
Мне по душе моя работа,
Да, мне легко и трудно, Русь!»

1959

531

Без весны нету лета,
Без жары — не страда,
Песни нет без поэта,
Славы нет без труда!

Кто не верит — проверьте,
Где труду есть предел?
Никому, даже смерти,
Не отнять наших дел;

Наших дел, нашей доли,
Верховины крутой,
Наших дней, нашей боли,
Нашей воли святой.

Это главное в главном!
А заденет кто нас —

Пусть узнает бесславье
Еще раз,
Еще раз!

1959

532. ДЕЛУ НЕТУ ПРЕДЕЛА!

Делу нету предела!
Дело, отдых гоня,
Хорошо завертело,
Хорошо, что меня!

И отпала забота —
Встала твердо строка.
Если любишь работу,
То работа легка.

Дай ей ход, чтоб летела,
Дай побольше огня...
Я люблю, чтобы дело
Закачало меня.

Чтобы песня нередко
Бой как надо вела
Иль весеннею веткой
На страницу легла!

Чтоб играли зарницы
Возле самой воды,
Где ночуют синицы,
Соловьи и дрозды;

Где, промчав над водою,
На земную ладонь
С золотою уздою
Красный выбежал конь!

1959

533. РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Не знаю, что́ мне помешало,
Какой туман меня обнес!
Опять денек промчался шало,
А как-то жаль его всерьез!

Печаль, вскипая, сердце гложет.
Кого ж глодать, как не его!
Ведь что-то делал?
Быть не может,
Чтобы не делал ничего!

Так где они, дела? Какие?
Давай хоть маленький парад!
Письмо одно отправил в Киев.
Дружку.
Ну что ж, неплохо, брат!

Ответ замедлен мой,
кручинюсь.
Всё недосуг да недосуг!
Писать мы письма разучились —
И я, и он, и ты, мой друг...

А что еще ты делал? Вспомни
Да и поведай без прикрас.
Читал какой-то однотомник.
Ну?
Ничего, горазд, горазд!

Там строчки бедные рыдали.
Захлопнул вскоре этот том.
Потом стишки читал в журнале
С такою строчкой:
«Что потом?»

...А что потом?
Да надо ль снова
Опять кричать про ремесло?
Да неужели наше слово
Заморской пылью занесло?

Иль в дни великого горенья
И вдохновенного труда
«Я помню чудное мгновенье...»
Мы не читали никогда?!

1959

534

Упрекают критики всерьез
В том, что много мной посажено берез,
И не только по цветным моим лугам,
А по песням, по частушкам и стихам.
«Ну и что ж, — я отвечаю, — ну и что ж!
Ведь красивы так, что глаз не отведешь!
Ведь в России где-то часом родили́сь,
Ведь в России побелились, завили́сь!
И проходят то суглинком, то песком,
А на Север а на Крайний — лишь ползком!
Перед ними только камень, только лед,
Мертвый холод подниматься не дает,
А березка, белой смерти вопреки,
Проползает, хоть на шаг, из-за реки!»

1959

535

Ну что это такое,
Что сердце беспокоит?
И если счеты я сведу
С моими днями вольными,
То ведь они в любом году
Все были беспокойными.
В любом году,
В любом ряду,
В любом, пожалуй, случае.
Дней вспоминаю череду...
За долами, за кручами
Прошли, остались колеи.

Моей широкой долею
Прошли, промчались
                    дни мои
И сердце беспокоили,
Порою раня,
            а порой
Каким-то часом радуя.
...Садится солнце за горой,
И дышит ночь прохладою,
В сплошной заре встает рассвет,
День молодой куражится...
А сердцу нет покоя, нет,
Да и не надо, кажется!

1959

536. ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

> ...Сидят
>   папаши.
>
> Каждый
>   хитр.
>
> Землю попашет,
>
> попишет
>   стихи.
>
> *Вл. Маяковский*

Иногда в стихах мы нерадивы:
К рифме и метафоре глухи́.
Совершенно правильно,
                    Владим Владимыч:
Попаши, потом пиши стихи!

У других легко стихов рожденье:
Пишут километрами почти!
Я согласен с вашим утвержденьем,
Это мне легко произнести.

Понимаю, впрочем, не дословно.
Можно взять иных профессий круг.
Лишь бы труд был в нашей родословной —
С ним придет поэзия сам-друг.

Пусть стихи пойдут к народу спорко,
В них садам цвести, громам греметь.
Только б одолеть покруче горку,
Ну а там и гору одолеть!

Ну а там... Живому зову внемля,
Думу думай, и пиши стихи,
И паши поглубже плугом землю,
Чтоб не вырастали лопухи!

1959

537

Иные так: не лезут в драки,
Не ходят, скажем, напролом.
Они лишь дома забияки,
Хмелея с квасу за столом!

Потом с таким самообманом
Идут — и прыть не по летам,
Но кулаки у них в карманах,
И скромный кукиш тоже там.

Блином на масленой их купишь!
Они привыкли думать так:
А вдруг друзья увидят кукиш,
А вдруг кулак увидит враг?

А вдруг?.. Пиши тогда пропало,
Коль за ушко да напоказ...
...Ну хоть бы раз таким попало,
Да по зубам! Хотя бы раз!

1959

538. НА ТЕМЫ САМОКРИТИКИ

Нам кое-что простит эпоха,
Отлюбит с нами, отгрустит.
Но что Россию знаем плохо,
То уж наверно не простит!

Посмотрит строгими глазами
И спросит, может, на ходу:
«Ну что вы видели в Рязани
Ну... всё равно в каком году?»

А что ответим:
«Не бывали,
Всё собирались как-нибудь...»
— «Рязанцы звали?»
— «Очень звали».
— «Другой был путь?»
— «Какой там путь!»

Сидели, дружно балагуря,
Иль, скажем, в молниях, в громах
Сводили, сталкивали бури
В больших писательских домах.

Одни кричали: «Любо! Мило!»
Другие тоже: «Знаем вас!»
В таких сраженьях сам Ермилов
Не раз участвовал, не раз.

А за полями, за лесами
Корабль качался по волнам.
Не до Орла, не до Рязани,
Не до Урала было нам.

«Но всё ж давненько было это,
Метель те битвы замела.
А каковы теперь поэты,
А каковы у них дела?»

Дела, дела... Да лучше вроде,
Но всё равно из года в год
Иные в подлинном походе,
Иных не вызовешь в поход,

Всё тянет их к заморской сини,
А я скажу, в чем наша честь:
Нам надо знать свою Россию.
Пора пришла. И силы есть!

1959

539. ПОРАЗБИВАЛИ СТРОЧКИ ЛЕСЕНКОЙ

Поразбивали строчки лесенкой
И удивляют белый свет,
А нет ни песни и ни песенки,
Простого даже ладу нет!

Какой там лад в стихе расхристанном
И у любой его строки, —
Он, отойдя едва от пристани,
Дает тревожные гудки.

Длинна ты, лестничка московская,
Не одолеешь до седин...
Ссылаются на Маяковского,
Но Маяковский есть один!

Ужель того не знают птенчики,
Что он планетой завладел?
Они к читателю с бубенчиком,
А он что колокол гремел.

Да и работал до усталости,
Не жил по милости судьбы,
А мы по малости, по малости,
Не пересилиться кабы!

А я вот так смотрю, что смолоду
Побольше б надо пламенеть.
Еще мы часто слово-золото
Спешим разменивать на медь.

Ее, зеленую от древности,
Даем читателю на суд.
Но если к слову нету ревности,
То
  десять
          лестниц
                    не спасут!

1959

540. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я в этой книге отдал честь
Товарищам моим.
Я этой книгой подал весть
Не только им одним.

А что сказать мне довелось —
Мой друг, не осуди, —
Всё это вихрем пронеслось
Тогда в моей груди!

Слова в колонне именной
Сегодня, как вчера,
Все шли
и, словно в проходной,
Сдавали номера!

И, как на горне заалев,
Стихи уйдут в края,
И радость будет в них и гнев,
Любовь и боль моя!

1959

541

Как будто сделано немало
За этот летний краткий срок,
И как-то грустно даже стало,
Что подводить пора итог,

Заняться самым трудным делом:
Засесть с утра и дотемна,
Стихи раскинуть по разделам
И дать разделам имена,

И книжке имя дать простое,
Простить обидчикам грехи.
И, чтоб не знать вовек простоя, —
Настроить сердце на стихи!

1959

542. НА МИТИНГЕ

Хельсинки. Вечерняя пора.
В парке тьму едва-едва разбили
Маломощные прожектора...
Разговор о мире, всё о мире,
Всё о дружбе, всё под этим знаком,
Под душевным, трепетным огнем.
Вдруг слепого привела собака.
Вот он. Разговор идет о нем.
Смерть давно ему взглянула в очи,
И они погасли, не горят,
Но они сильней всего,
                                        короче
О войне и мире говорят!

1959

543. ЭЙЛА

Что из всей Финляндии осталось
У меня, как ветка, зеленеть?
«Эйла, Эйла!» — в сердце отозвалось
И тихонько стало в нем звенеть.

Ну и слава богу, слава богу,
Ведь летит ко мне со всех сторон
Только «Эйла, Эйла!» всю дорогу,
Будто в мире нет других имен!

1959

544

Ну вот, валун на валуне.
Сосна на валуне.
И по душе такое мне
На финской стороне.

Да и гранит, да и гранит
Лесам таким опора.

Но он безмолвие хранит,
А я жду разговора!

Дороженька неближняя
Летит порой рассветной...
А вон тропинка лыжная
В лоскутьях разноцветных.

Указано, расцвечено —
Не заблудится кроха.
И то, что мной подмечено,
Ну, ей-же-ей, неплохо!

Но и у нас такая есть
Суровая краса,
Как будто знак мне или весть
Дают о ней леса.

У нас на Ладоге гранит
Совсем неплох на вид.
А валуны, а валуны
Седые от волны.

Она заснуть камням не даст,
Она их так стремглав обдаст,
Что не вздохнуть, не охнуть,
В июле не обсохнуть!

На них глядят леса, боры,
И прочее, и прочее...
Как биллиардные шары,
Они волной обточены!..

«...Ну, — скажет критик, —
друг ты мой,
Опять твои окрестности!»
А я люблю ходить домой
Из заграничной местности!

1959

545. ЧАЙКИ

Морские волны бились, и звенели,
И отцветали, чтобы вновь цвести.
За нами чайки гданьские летели.
Немало верст им с нами по пути.

Они кричали долго на просторе,
И ветер расшумелся и кричал.
Цвело зеленой, синей краской море,
Седой Стокгольм нас готикой
встречал

И провожал толпой своих
стокгольмцев.
Опять мы поднимали якоря,
И за кормой вода свивалась в кольца,
Хрустела и, осколками горя,

Опять, опять проваливалась в бездну,
И поднималась, и скрывалась с глаз.
И чайки провожали нас любезно,
И шведскими звались они у нас,

И финскими потом в финляндских шхерах.
К утру они от нас оторвались. . .
. . .От Ленинграда за сто верст,
к примеру,
Над нами наши чайки пронеслись
Эскортом сизокрылым.
Вот отрада!

Они промчались, воздух голубя;
И наши волны шли от Ленинграда,
Призывно и заливисто трубя!

1959

546

Далека ты, Куба, далека ты.
Всё же наши руки мы свели.
Революции твоей раскаты
Докатились до моей земли,
Будто волны.
Словно бы огнивом,
Высекались искры по морям,
Словно салютуя — вива! вива! —
Вашему оружью,
Вашим дням,
Вашим долам, полоненным высью,
Вашей революции делам,
Вашей славе,
Вашему величью,
Вашим стягам,
Вашим вымпелам!

1960

547. АПРЕЛЬ

У нас апрель отмечен вербой,
Еще заснеженной, седой,
Ледком обманчивым, неверным
И первой полою водой.

Еще отмечен стежкой талой,
Когда она бежит на юг,
И рощей блеклою, усталой
От зимних снов, от зимних вьюг.

Еще отмечен он пристрастьем,
И от друзей не утаим,
Что он еще отмечен властью —
Верней, владычеством твоим!

1960

548

Где-то ивы в поклонах,
Вербы речи ведут...
Где-то к нам
почтальоны,
Почтальонши идут.

Ты меня хоть строкою
За собой поведи,
Загорелой рукою
От беды отведи

И от спеси, от спеси,
От лихого огня.
Всё, что недругов
бесит, —
Пусть не тронет меня.

Мне не нужен их душный
И унылый уют,
Им тоска, равнодушье
Просто жить не дают.

Ничего мне не надо,
Чем довольны они,
Ни бесцветных парадов,
Ни пустой трескотни...

Вьется, кружева тоньше,
Золотая тесьма...
Нет ли мне, почтальонша,
Хоть какого письма?..

1960

549

Кто-то вспомнил вечер майский,
Кто-то спел вполголоса.
Не секитесь, не ломайтесь,
Пепельные волосы.

Вы сошлися, словно волны,
В песне, в сказке-небыли.
Кто сказал, что вы безмолвны?
Вы немыми не были!

Вы всё время в трепете,
В трепете и лепете...
Хорошо, когда вы льетесь
Через руки-лебеди!

1960

550. НА ПОЛЯНЕ

Поляну эту чем украсили?
Не видно флагов и огней!
Высокий столб
«Европа — Азия»
Стоит на ней,
Стоит на ней.

В Европе, что ли, печки топятся?
А рядом с гор, с уральских круч,
Две тучи в Азию торопятся —
И так в Сибири много туч!

Ограда старая, брусчатая,
За ней сибирские края...
Я шаг по Азии печатаю,
А шаг шагну —
В Европе я!

На этом сказка не кончается,
Здесь всё берет меня в полон.
...Лесок то в Азии качается,
А то в Европе бьет поклон!

И дышит лес листвою лаковой,
С берез струится тихий свет.
Всё хорошо, всё одинаково,
Конца и края воле нет!

1960

551

Равниной богатырскою
Иди, моя страда!
В стихи
Уже сибирские
Ворвались города.

Раздвинув синь плечами,
Ворвались всем народом,
Ворвались с томичами,
Ворвались с омичами,
Со всем сибирским родом!

Со славою походов,
С размахом и задором,
С заводами заводов,
С просторами просторов!

И с поймой многоводною,
И с видимой воочью
Могучею природною
И созданною мощью!

Всё это диво дивное
Увидел я и знаю,
Заречная, занивная
Сибирь моя родная!

1960

552. ЕНИСЕЙ-ИОНЕССИ

На огромном просторе ты рокочешь, как песня,
Горы вбив под себя, в себе отразив города,
Это ты, Ионесси, это ты, Ионесси,
Енисей-Ионесси, Большая вода!
Ты родился Бий-Хемом, Ка-Хемом в Саянах,
Между скал высоченных, кряжей или круч,
Оттолкнувшись от них, а точнее — отпрянув,
Улуг-Хемом зовешься, красив и могуч.
Ты седой и зеленый, ты синий и светлый.
Пусть навеки мне память моя сохранит:

Ты великий и грозный, простой и заветный,
А в оправе твоей лишь тайга да гранит.
Ветер пену твою, словно флаги, полощет,
Солнце смотрит с зенита, волну голубя,
И краса разнотравья, да сосновые рощи,
Да венок из народов украшает тебя.
Всё, что было преградой, ты сбил, Ионесси,
Покорив всё на свете, что мог и не мог,
И, оставив тайгу, ты прошел мелколесьем,
Дальше в тундру влетел, где лишайник да мох.
А потом в океан ты врываешься с ходу,
И теперь не одни, и теперь не одни
Засверкали твои величавые воды —
Океанские волны целуют они.
И окончен поход, нет его многотрудней,
К океану ты вышел — порукой тому.
Верст на двести по фронту столкнулся с ним грудью,
Но по дружбе,
По-братски,
Как равный ему!

1960

553

Вот так бывает на картине:
Был нерушим ночной покой,
И месяц, будто ломтик дыни,
Повис над сонною рекой.

И не казалась даже страшной
Покоем взятая тайга.
Он был смешным, почти домашним,
Он был не ломтик, а серьга.

Всю жизнь цыган такую носит,
И я на том себя ловлю,
Что, может, он ее забросил
В каком-то бешеном хмелю.

1960

554. БАЙКАЛ

Славное море...
Из песни

Тешу сердце игрою
Слов, что сам отыскал...
Это кто за горою?
За горою Байкал.

Улетайте, тревоги,
Будь свиданья пора!
Пусть уходит с дороги,
Разобьется гора!

Сотню раз или двести
О тебе я слыхал.
Здравствуй, друг мой по песне,
Синеволный Байкал!

Ты лазурью наполнен —
С нею ты молодой.
Синеволный — до молний,
А с ними — седой.

Только горы глядятся
В твои зеркала,
Только звезды роятся
Над тобой без числа!

Да ветрища кочуют,
Засекая коней,
Да туманы ночуют
В зюйдвестке твоей!

Отплылав на раздолье
И снова горя,
Вижу, очи сокольи,
Вижу, брови собольи
Целует заря.

Ты со мной и в разлуке
Раздели бытие.
Над тобою не руки,
А сердце мое.

1960

555. ЕЛЕНКА

(ОСТРОВОК НА БАЙКАЛЕ)

Над ней лазурно в небе,
Не слышно непогод.
Она плывет, как лебедь,
Как белый пароход.

. . .Еленочка, Еленка,
Ты просто хороша.
Сейчас в тебе, Еленка,
Живет моя душа.

Уж мне не выйти сразу
Из этого кольца —
Ведь рядом ходят сказы,
И сказам нет конца!

1960

556. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Под Братском вижу горы те же,
Всё те же вольные пути,
К ним земляки из Заонежья
Уже готовятся прийти.

Уже сердца там слышат зовы,
Юлит шелонник у дверей,
Уже готовятся с Азова,
С других распахнутых морей.

Близки известья о победе,
О ней и мне сказать дано. . .
Сейчас по дну морскому
едем:
Была дорога — будет дно.

А море в каплях где-то
дремлет,
Оно невидимо для нас.
А старики родную землю
Целуют много, много раз.

Они уже переселенцы,
Щепоть земли у них в платках,
А с петухами полотенца
Лежат глубоко в сундуках.

Какие выйдут перемены,
В каком просторе заревом?
. . .Река им машет белой пеной,
Как будто белым рукавом.

1960

557

Не знаю равной ей по силе,
Она как чудо из чудес. . .
Представь-ка, друг, сейчас Россию
Без этой самой Братской ГЭС!

Без исполинского размаха
Того, кто смел из рода в род,
Того, не знающего страха,
Кто называется народ!

Я здесь угадывал в огромном
Свершенье и своей мечты.
Нигде не видел я подобной
Индустриальной красоты.

О ней в грядущие столетья
Молва пойдет из рода в род,
И никогда не даст стареть ей
Его Величество Народ!

1960

558

У Шумовых сегодня шумно,
Но всё понятно, что к чему.
И скажем так: не многодумно,
Но многопесенно в дому.

И я в застолице пирую
И, как положено в роду,
Напропалую удалую —
По крови свой — в черед веду.

Потом, когда отголосили,
Отбушевали, как в бою, —
Читаю им свою «Россию»,
Всю до былиночки свою!

И вижу, вдруг в какой-то главке
Дрожит,
Ломается
Строка,
И в орденах с широкой лавки
Приподымается
Лука.

Сказал: «Покуда не безмолвны,
Покуда дружбой дорожим,
Давайте выпьемте по полной,
А после этой — как решим!»

Так и свершили.
                    Под баяны
Не уставали песни петь,

Пока не начали Саяны
И лиловеть,
И розоветь!

Как будто годы боевые
Мы подняли на рамена,
Как будто видели Россию
В те времена,
В те времена.

Как будто в битве под Погостьем,
Под Шлюшенем иль подо Мгой
Россия, встав с великой злостью,
Идет, слепя врагов пургой.

1961

559. САЯНА

В Туве, куда ни гляну я, —
Всё синь да синева. . .
Саянами, Саянами
Обложена Тува.

У них Тува в подножии,
Годам потерян счет,
О них легенды сложены
И сложатся еще!

Они с Тувою слитые,
Как с бурею волна,
И в честь их
самовитые
Даются имена.

И в стих, темнея
косами,
В молву и из молвы
Идет она, раскосая,
Саяна из Тувы.

Мне это имя нравится,
И я его беру,
Оно гремит, как здравица,
На свадебном пиру!

1961

560. ВВЕРХ И ВНИЗ ПО ЕНИСЕЮ

Небо частый дождик сеет,
Мы плывем по Енисею:
Лесорубы —
Лесолюбы,
Плотогоны —
Ветрогоны,
Смолокуры —
Бедокуры,
Да рыбачки с Енисея,
Да туристы-ротозеи,
Да солдаты отпускные. . .
Ну, какие снятся сны им?
А солдаты и не спят, не спят,
Раз бессонница — вовсю глядят
На реку Енисей,
На воды карусель,
На цветы среди полянок,
На девчонок-иркутянок.
Больше дела — меньше слов!
Потому солдаты и не видят снов!

*

Енисей — река глубокая,
Вечерами вся в огнях.
Мы бруснику краснобокую —
Нарасхват на пристанях.
Губы красили брусникой
На такой реке великой,
Где толпятся суда,
Зябнут деревеньки,
Где сто верст — ерунда,
Сто рублей — не деньги!

*

Облака в пути насели,
Поднялась со дна волна.
В богатырском Енисее
Раскрывается она —
Сибирь — с большими трактами,
С таким крутым характером,
Что под стать сибирякам.
И летит по берегам,
По округе по всей,
Распирая груди:
Пусть крут Енисей,
Но мы его скрутим!
. . .Небо частый дождик сеет,
Мы плывем по Енисею.

1961

561. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Окружен большим забором
Александровский централ. . .

Из песни

Да, забором словно окантована,
Названа центральной, то есть — главною.
На тюрьме написано: «Основана. . .»
До чего торжественно, не правда ли?

. . .Этим самым трактом шли колодники,
Шел народ холодненький, голодненький.

Питерские шли сюда, московские. . .
Туз на спинах главной был обновкою!

А над ними месяц плыл подковою —
С кандалами, что ли, она кована?

А над ними месяц плыл горбатенький,
А под ним жандарм летел усатенький. . .

Рядом с трактом сосны встали в линию —
То зеленые, то рыжие, то синие.

А тюрьма уже была основана —
Каторжная,
Главная
И новая!..

1961

562. В ЧЕРЕМХОВО

Едем по дороге полем, лугом,
А под нами уголь,
Уголь,
Уголь!

Он еще не тронут нашей волей,
И над ним пшеницей льется поле.

Плещет поле золотом пшеницы,
Но уже другие шелестят страницы
В книге жизни,
нашей книге вечной,
Что на ста языках и наречьях!
Люди тут сильнее Святогора —
Где была равнина, встали горы;

Там, где были горы, — море бьется,
И волна взвивается и гнется!

...Едем по дороге полем, лугом,
А под нами уголь,
Уголь,
Уголь!
А под нами уголь бурый, черный,
В наши планы главные включенный...

1961

563

Сиреневые горы вкруг Байкала,
Их красота в глаза мои запала.

В вечернем сумраке они лиловы.
Здесь баргузин в куски ломал подковы.

С летучих ног своих сбивал, шалея,
Бил и когтил распадки, не жалея!

Здесь тучи пятятся, над скалами нависнув,
Байкал их не пускает...
Он — неистов!

Нрав у него крутой: как вскинет брови —
И тишину взорвет на полуслове,

И забушует так, что дальней далью
Гроза везде гремит по Забайкалью!

А тут Старик шутя берет в охапку
Сиреневые горы в черных шапках!

1961

564. НА ОЛЬХОНЕ

На Ольхоне
Ветер клонит,
Клонит мачтовый лесок.
На Ольхоне
Ветер гонит,
Катит кубарем песок.

Вкруг Байкала,
Вкруг Байкала
Много гор
И много скал.
Мое сердце
Замирало —
До того красив Байкал!

Он зеленый,
Он и синий,
Голубой-преголубой,
Он — шалёный,
Он в сатине,
Он любуется собой!

Как наденет
Он папаху
Всю из белого руна —
И тогда
Не знает страха
На груди его волна.

Белой пеной
Закипая,
Содрогается Байкал,
И к нему
Как бы припаян
Длинной цепью ярый вал.

Задевая валом тучи,
Скалы рушит,
Горы бьет,
Весь ревучий,
Весь падучий —
Он венки из молний вьет.

И когда от молний ярых
Станет страшно небесам,
В этот миг
Рукой усталой
Он проводит по усам!

На Ольхоне
Ветер клонит,
Клонит мачтовый лесок.
На Ольхоне
Ветер гонит,
Катит кубарем песок.

1961

565. СИБИРИНКИ

> Я вернулась, миленький,
> На короткий срок,
> А в глазах сибиринка,
> Таежный огонек.
>
> *Ольга Берггольц*

Есть задиры.
Где ж задиринки?
А в Сибири
Где ж сибиринки?

Сибирячки —
Вежливы.
Сибиринки —
Где же вы?

А они у Оленьки
Запросто гостят,
Сибиринки-горлинки
Сахаром хрустят.

Пьют чай не спеша
С яблочным вареньем,
И раскрыта душа
Для стихотворенья!

На них ситчик синенький
Краше кисеи. . .
Сибиринки, сибиринки,
Горлинки мои!

1961

566. ВИДНО, ОЧЕНЬ СИЛЬНО ЛЮБИШЬ

Видно, очень сильно любишь,
Если ночью часто будишь!
Если в сердце веруешь,
Значит, в счастье веруешь!

Правильно делаешь,
Правильно делаешь!
А иначе —
Как иначе?
А иначе —
Люди плачут,
Жизнь живя под крышею одной.
Всё у них проходит стороной:
Стороною сказки,
Сказы,
Не слыхали их
Ни разу;
Стороной идет удача,
Потому они и плачут!
Всё у них одно и то ж —
Гривенник похож на грош,
Не сверкает,
Не блестит...
На пороге день грустит
С думою несмелою...
А в любовь кто верует —
Правильно делает,
Правильно делает.

1961

567. СЛОВО К СЛОВУ ВЯЖЕТСЯ...

Слово к слову вяжется,
Речью дни наполнены.
А тебе не кажется,
Что часто мы размолвлены?

«Молчанье — золото!»
Ведь вздор —
Такое взять на плечи.
Скажу тебе: я с давних пор
Пою рожденье речи!

Пою и жду рожденья слов.
За гранью немоты
Они идут в венке из снов,
Из яви и мечты.

И пахнут зноем, и зимой,
И солнцем, и травой,
И словно молнии летят
Над самой головой!

1961

568. О КРАСОТЕ

Ты считаешь — красота не диво.
Но кого же в этом убедишь?
Только потому, что ты красива,
Так ты судишь, так ты говоришь.

Я же говорю не от причуды,
И от сердца, а не от ума, —
Красота на свете просто чудо...
Впрочем, это знаешь ты сама!

1961

569. ОСТАНЬСЯ ТАКОЮ!

Ты русская очень,
Ты русская очень,
Из русских горящих садов,
И пусть не коснется зима или осень
Твоих самоцветных годов!

Останься такою, не зная кручины,
С завидной судьбою своей,
Как русская песня с хорошим зачином,
С которою жить веселей.

Такою останься, ни горше, ни хуже,
Входи как хозяйка в сады,
Останься, как чайка, что вьется и кружит,
Касаясь крылами воды...

1961

570. ИМЕНЕМ ДРУЗЕЙ

Именем друзей, что можно счесть,
Поднимаю слово в Вашу честь!

В Вашу, только в Вашу иль в ничью!
Припадаю к слову, как к ручью.

Припадаю к слову, как к волне,
К той, что начинается на дне,

К той, что поднимается со дна,
Зеленее яри — зелена!

Именами братьев, бьющих лесть,
Поднимаю сказы в Вашу честь!

Сказ-пересказ, сказ-пересказ,
Это же в который, скажем, раз?

Скажем — раз,
Скажем — два, —
Где-то притаилась разрыв-трава.
Я ее в купальский день сорву,
Приложу я к сердцу разрыв-траву.
Гнись, трава,
Рвись, трава!
То, на что ты ляжешь, —
Рви сперва!

1961

571

Не жалуйся иль жалуйся,
Ломай в печали бровь, —
Нельзя любить по жалости,
Какая тут любовь!

Она совсем не русская,
Без сердца, без души.
Ее, такую грустную,
Не тронь, не тормоши.

Она неправдой красится,
Жжет раной ножевой,
Она — что камень
                                на́ сердце,
Валун береговой.

А он вовек не стронется,
Сам с места не сойдет,
Не стронется,
                                не склонится,
Никак не упадет.

Но всё равно участливо
На севере поют:
«Пусть двое будут счастливы,
Чем трое слезы льют!»

1961

572. ВЕНОК

Вновь, ликуя, сердце задрожало —
Это ты с лазоревым венком
В сны мои и в явь мою вбежала
И прошлась по сердцу босиком!

Всё ж в груди не тесно, а просторно,
И, любые горести круша,
Разгорелась, полнится восторгом
В том венке лазоревом душа!

1961

573. БЕРЕЗКА МОЯ...

Березка моя
Белоствольная,
Дорожка к тебе
Беспокойная.

То татарником
Разгорается,
То бежит вразлет —
И вдруг теряется!

За большим кустом
За калиновым,
За крутым мостом,
За долиною.

Будто к роще в тень
В утро дивное
За горюч камéнь
Быстро прыгнула!

1961

574. ЧТО-ТО СЕРДЦЕ...

Что-то сердце вновь
Растревожено,
Для тревог оно
В грудь положено!
Для больших тревог
До беспамяти,
Для крутых дорог
В белой замети!
Знай, подружка моя

Домовитая,
Не златой тесьмой
Мы обвитые,
Не златой тесьмой
И не гарусной —
Мы обвитые
Вьюгой яростной,
Белой вьюгою,
Белой заметью,
Наших недругов
Черной завистью!
Ну и пусть они!
Ну и пусть они!
Никакой водой
Не залить огни.
Никакой водой,
Никакой бедой,
Никакой молвой
Что ни есть худой!
Ты скажи слова
Для меня, дружка,
Да не как вдова,
А как сударушка!

1961

575

Что нетленно, то всё простое.
Слово, радуй, томи, звучи!
Вышло солнце мое златое
И златые несет лучи

Над простором моим долинным,
Где из трав и цветов настой,
Над землею моей былинной,
Над одною моей мечтой.

И тогда припадает Слово,
Из лесов летя и с полей,
К той веснянке моей бедовой,
Соловьиной любви моей.

...Росы теплые оросили
Мир доверия моего,
Между нами одна Россия,
Лучше нет ее никого!

1961

576. МАЙ МОЙ...

Май мой, май мой разноцветный,
Месяц мой заветный,
Май мой, май зеленолистый,
С соловьиным свистом!

Май с дивчинкою-неровней,
Что нельзя обидеть,
С той крутой собольей бровью,
Что грешно не видеть!

А увидев —
Захолонуть
И признаться честно,
Что придется душу стронуть,
Сердце сдвинуть с места!

И навек его размаять
Под весенним ветром...
Так бывает
Только в мае,
Месяце заветном.

1961

577. ГОРИСЛАВА

Наклонились низко травы,
Схлынули лучи.
Горислава, Горислава,
Только не молчи!

Светит месяц над водою,
Свет до берегов,

Светит месяц за грядою
Темных облаков.

Спит вода у переправы,
Замерли ключи.
Горислава, Горислава,
Только не молчи!

Предположим,
                    предположим —
Что нетрудно знать —
Сердце легче
                    растревожить,
А трудней унять.

Верить этому уставу
Сердце научи,
Горислава, Горислава,
Только не молчи!

1961

578

Вот иду я, иду я
По лугам, по садам,
По твоим по весенним
Чуть заметным следам.

Дни, как ветки, ломаю,
Счета им не веду,
По звенящему маю,
По июню иду.

...Что-то шепчут дубровы,
Говорят города,
Пусть одно мое слово
Повторят провода!

1961

579

Ходит песня моя, как ветер,
Ходит по́ сердцу одному.
Ходит слово мое и светит
Хоть кому-нибудь, хоть кому.

Я не знаю, что мне дороже,
Впрочем, знаю, да не скажу, —
То ль, что вместе с тобою
сложим,
То ли, что я один сложу.

Где-то радостью, где-то гневом,
Где-то горем полна земля,
Где-то в грозах летят распевы,
Льются ливнями на поля.

Говори ты со мной утрами,
В ясный полдень,
в ночную тьму,
Посылай мне привет с ветрами —
Я обрадуюсь, я пойму.

И возьму голоса над степью
И ручей, что бежит в овраг,
Молодое великолепье...
Будь что будет!
Да будет так!

1961

580

Эту песню с голоса
Слышал за Невой...
Солнцем пахнут волосы,
Солнцем и травой!

Знай, Нева-красавица,
Вот что из всего:

Все слова касаются
Сердца моего!

Я не только с голоса
И не за Невой
Знал, как пахнут волосы
Солнцем и травой!

1961

581. В СУМАТОХЕ ОКОЛО ВОКЗАЛА...

Цыганка гадала,
За ручку брала...

Из песни

В суматохе около вокзала
Что тебе цыганка предсказала?
Что там нагадала по руке
На широком русском большаке?
Ты сказала: «Всё ты врешь, чернавка,
Старость у него лежит под лавкой!
Рядом с топором лежит, таится,
Подойти не смеет: так боится!
У него в веселье сердце бьется,
И над ним не коршун — сокол вьется!
Он проходит, легкий на вспомине,
В ярко-алом или ярко-синем.
Любит, чтобы ярко было в жизни...
...Солнце, встань над ним и ало брызни!»

1961

582. ПИСЬМО

Ты не была на берегу?
Так где же ты была?
Тебе березка на лугу
Привет передала?

Я видел, милая, ее
Сегодня поутру,
Она — страдание мое —
Качалась на ветру!

Я ей доверил в буйстве лет
Сердечные дела...
Тебе ромашка — белый цвет —
Поклон передала?

Наверное, передала,
Чтоб ты жила светлей...
Мои сердечные дела
Давно известны ей...

1961

583

Неужель ты не помнишь, неужель позабыла?
В журавлиные трубы весна затрубила,
Соловьиное горло России раскрыто,
И кипят все сады и все рощи —
Зеленая свита.
Горы сняли папахи и волосы расчесали
Гребнем вешних дождей, что везде заплясали,
Заплясали, запели, дали дробь, как на свадьбе,
Как подруги невесты,
Как веселые сватьи!
«А кого же мне помнить?» —
Мне кто-то сказал воробьиною ночью.
Этих слов не забуду,
Несмотря на болтанье сорочье!

1961

584. ПОД СОЛНЦЕМ И ПОД ЛИВНЯМИ...

Под солнцем и под ливнями,
Веселое такое,
Проходит Диво дивное
И машет мне рукою.

И я иду за ним в сады,
В поля, где славе тесно,
В его следы
Свои следы
Впечатывая честно!

Над ним сверкают небеса,
За ним благие вести,
И поднимаются леса,
Где было мелколесье.

И города в блистанье
звезд
Встают такой порою,
И радуги высокий мост
Как будто люди строят!

Оно идет за перевал,
Там расправляет плечи,
И вдохновенья новый вал
Летит ему навстречу!

1961

585. ЖИВУ В МОРДОВИИ...

Живу в Мордовии, в лесу,
В чащобе лесовой,
Ну, так сказать —
лицом к лицу
С природой вековой,
Где звезды загораются
В дождинках, в каплях рос
И соловьи взбираются
На маковки берез!
Я слышу дятла дробный стук
В заречной стороне.
Кукушка — кук!
Два раза — кук!
Так мало?
Нет, не мне!
Еще во мне все голоса,

Зовущие вперед,
Еще не скована коса,
Что надо мной сверкнет!
Еще старухи тяжкий след
Не к моему двору,
И косовища даже нет —
Оно еще в бору!
Еще глаза мои горят
И руки на столе,
Еще стихи мои трубят
Горнисты на земле!

1961

586. ОСТАВАЙТЕСЬ В ПАМЯТИ МОЕЙ...

Оставайтесь в памяти моей,
Теплые и звонкие дождинки,
Первые озябшие травинки,
Злак весенних благостных полей;

В облаках летучих небосвод,
Будто на сосне заснувший месяц,
Буйный ливень, что дорогу месит,
Звездный шум заоблачных высот!

Оставайтесь в памяти моей,
Ломти и ковриги чернозема
И простор долины незнакомой,
Золотые россыпи огней.

Скажут мне, что были золотые
Россыпи огней.
А я скажу: «Ну что ж!
Горы были тоже, и крутые,
Были ведь и ветры, был и дождь!»

Оставайтесь в памяти моей,
Синь Рязани, солнце Подмосковья
И земли мордовской темнобровье.
Сердце ныне братски слито с ней...

1961

587

«Зима!» — зацвинькали синицы.
Плат оренбургский до бровей.
Тех, кто не хочет поклониться,
Сам нагибает Ветровей.

Гнет Листодер деревья долу,
А Свистуны вовсю свистят,
Поземку вьют тропинкой голой.
Морозы новый мост мостят.

Вот в эту пору светом дивным
Просторы русские горят,
Хрустят снега.
                    И «зимно, зимно!»
Везде в России говорят...

1961

588

Через бури шли, через бои
Верные товарищи мои
В краснозвездных шлемах иль пилотках,
В гимнастерках латаных,
В обмотках,
В сапогах разбитых третьей носки,
Шли, как вал, качаясь по-матросски!
И несли в лугах, болотах топких
На ремнях брезентовых винтовки,
На шинелях ношеных — заплаты,
На ремнях брезентовых — гранаты.
Хлеб с землею схож, ее чернее,
А любви к России нет сильнее!
Синью полыхают ее очи,
Нет на свете ран ее жесточе,
Нет трудней путей ее кремнистых...
Но, лицом темнея, коммунисты
Шли за край березовый,
За лесополевой,
Меся луга колесами,

Рискуя головой!
Любая падь — опасная,
Любой обрез дымит,
Но вьется знамя красное,
Шумит, горит.
Мы столько горя вынесли
На злом пути борьбы!
В лесах могилы выросли,
Как пихты иль дубы.
Мы с той бедою справились —
Ты, память, не солги, —
Несчетно смерти кланялись
Несчетные враги!

. . . .

Мы дошли до океанской сини,
Нас вела любовь к России,
Ленин вел.
                    Клубились дни и ночи.
Знайте: в целом мире нет жесточе
Ран России!
                    В эти дни и после,
Где-то рядом с сердцем, возле, возле!
Если спросит время громовое:
«Как вы бились, братья, под Москвою?
Как дрались, друзья, под Ленинградом?»
Мы тогда ответим: «Так, как надо!
Так, как надо, умирать умели,
В лютой схватке грудь врага ломая,
Дорогую землю обнимая».

1961

589. ДЖОНУ РИДУ

Ты видел землю в крови, в огне,
В железе видел ее, в войне,
Земля и поныне еще горит,
Джон Рид!

...Семнадцатый год. Всё фронты да фронты.
С тобой, Революция, только на «ты»,

С тобой беспредельной России края,
И каждая красная нитка твоя
На стяге державном геройской страны.

...Горит твое сердце у древней стены,
Горит, не сгорая, горит, не сгорая,
Хранимое мощью великого края,
Ракетами взятой космической бездны,
Хранимое славой дивизий железных,
От века до века землею России,
Что кровью своей мы не раз оросили...

1961

590. ГЕРМАНУ ТИТОВУ

7 ноября 1961 года

Нет, мгновений таких нельзя позабыть,
Не забудем.
Шаг колонн обрывался,
Когда он стоял на трибуне.

Только шапки летели в воздух
И призывы гремели и зовы.
Вся Россия услышала их
Из раздолий своих бирюзовых.

И увидела вдруг, как стоял, молодой
и красивый,
Он, пришедший с Алтая, от русских берез,
И ему вся земля говорила: «Спасибо!»,
Потому что он поднял ее до звезд!

Он увидел ее в голубом ореоле,
В лентах рек засинённых, в зеленой косынке лесов,
С той великою долей, с той вселенскою долей,
Что до сердца простерла повелительный зов.

С ним он ринулся в бездну
И промчался над бездной

И дорогу до звезд проложил, прометал.
Как назвать нам его?
Называю — железным,
Потому что железо — самый лучший металл!..

1961

591. АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Опять над полем Куликовым...
А. Блок

Звал стихами, и зови, зови,
Чтоб признался я в своей любви.

Снова признаюсь,
Даю присягу:
Я с твоим стихом в могилу лягу!

Сам читал, и мне не раз читали,
Когда пальцы в пальцы заплетали!

Когда солнце опускалось низко,
Когда губы были очень близко!

Когда губы — ближе не бывает,
Когда всё на свете забывают!

Сам слыхал и слышали другие,
Те, чьи косы длинные, тугие,

Как в стихе летело слово в слово,
То как сон, а то, как явь, сурово.

Видел сам, со мной другие тоже:
Слово — саблей, вынутой из ножен,
Словно на июльском солнце блещет,
Бьется,
Льется,
Гнется
И трепещет!
Да, всё чаще, чаще, а не реже
Я стихами о России брежу...

1961

592. СИНЬ ДА СИНЬ...

Только синь сосет глаза.
С. Есенин

Рощи и леса мои
Шумят века.
Вот они, те самые, —
Рязань,
Ока.

Вот они, те самые,
Где легкий след.
Вот они, краса моя,
Краса и свет!

Ока,
Окоем.
Втроем
Поем
О златоволосом сыне России,
С глазами кроткими,
будто из сини,
Схваченными синью,
Как грозой,
Вымытыми сильно
Его слезой!

Цвет мой,
Горицвет мой,
Гори,
Гори!
С понизовым ветром
Говори!

С лугом бирюзовым
Над Окой,
С ветром понизовым —
Есть такой!

Понизовый ветер
Вдоль реки.
Радостен и светел
Взмах руки.

. . .Друг ты мой, идущий
По следам,
Хочешь, выну сердце
И отдам!

Не проси, а требуй,
Всё осиль.
Над Рязанью небо —
Синь да синь. . .

1961

593. ПЕТРУСЮ БРОВКЕ

Где-то крикнули гуси,
Загудела тайга,
На твоей Беларуси
Задымились снега.

Белорусские весны,
Друг, с тобой
навсегда, —
Золоченые сосны,
Голубая вода.

Пусть заря-заряница,
Разнотравье, и мхи,
И леса, и криницы
Входят в наши стихи,

И заводы, заводы.
И великой борьбы
Многотрудные годы
Многотрудной судьбы.

Ветер ярый, суровый
Наших троп не занес.
Поднимается Слово
Выше пламенных звезд!

1961

594. АНДРЕЮ МАЛЫШКО

Есть на Украине, и немало,
Славных поэтических имен.
Есть на Украине запевала,
Песенной судьбой не обделен.
Голос ветра, шорох тополиный
Он, как свет, несет издалека,
Он стихами обнял Украину,
А она, все знают, велика!
Он резцом проводит по излому
Камня —
и выходит Красота!
Он блеснет своим нарядным словом,
Словом, что другому не чета!
Молнии из камня высекая,
Он ведет их в буре огневой,
И поет родник, не иссякая,
Вечный и поэтому живой.
Дольный мир, прекрасный и зеленый,
Взят навеки в сердце.
Потому
Он живет, в Поэзию влюбленный,
И летит Поэзия к нему!

1961

595. А У НАС НА ЛАДОГЕ

А у нас на Ладоге —
Гром-слова:
Трын-трава,
Разрыв-трава,
Плакун-трава.

А у нас на Ладоге
Бьет шуга,
Ладожанок радуя,
Цветет куга.

А у нас на Ладоге
Тьма ракит, —

Под густой ракитою
Солнце спит.

Спит себе да спит себе,
Ной не ной,
Да посмотрит на́ землю
В час ночной.

Ахти да охти,
Где благодать,
Коль на правом локте
Дырки видать?

Эка беда
Да эка беда,
А у нас на Ладоге
Кругом вода!

1961

596

Тупым ножом стихи кромсают.
Отрезав, судят да рядят,
Потом едят,
Потом бросают.
Куда бросают — не глядят.

И вместо слов берут
словечки,
И то как будто напрокат,
Считают рифмой:
«песня — печка»,
«Коза — корова»...
Просто клад!

«Бревно — барак»,
«рога — рогожа».
Без точек и без запятых!

«Стамеска — стул»...
Прости им, боже,
Во имя грешных и святых!

А мы с другим стихом вставали,
Других созвучий знаем ряд,
А мы *Некрасова певали*,
Да и поем,
Как говорят!

1961

597. Я ПОДНЯЛ ДЕРЕВО

Я поднял дерево —
Оно росло не стоя,
Лесок его, как в битве, потерял.
Оно не говорило со звездою,
И соловей его не удивлял.

Оно, скажу, ползло в лесу заветном,
Что кронами встречает синеву,
Оно ползло,
Униженное ветром
И брошенное намертво в траву!

О нем уже не помнила округа,
Ликуя, вешней свежестью дыша...
Я поднял это дерево,
Как друга.
О, как заговорила в нем душа!

1961

598. ПИРУШКА

Всяческими яствами стол накрыт,
За столом — гармоники плач навзрыд,
А верней, не плачет она — поет.
Вышла плясунья,
Дробь дает!

Дробь часта,
Дробь густа.
Кто тебя, плясунья,
Целует в уста?
За столом застолицы говор, речь,
На столе — что выдала щедро печь.
Ешь, не перечь!
Ешь, не перечь!
На столе ладони негде лечь!
Байки да сказки,
Да новь-новина́,
Дарья да Марья —
И все имена!..
За столом застолицы ладный сказ,
Ходит поговорка много раз,
Много раз
Да много раз,
Немало раз
Била поговорка прямо в глаз:
«Летела сорока,
Села на гвоздь,
Как хозяин,
Так и гость!»
А хозяин крутит черный ус,
А хозяин чарку несет до уст!
У его хозяйки цвет-лета́,
У его хозяйки бровь крута,
У его хозяйки бровь черна,
У его хозяйки речь одна:
«Летела сорока,
Села на гвоздь,
Как хозяин,
Так и гость!»
...Свет ты мой,
Свет ты мой,
Без тебя мне трудно
Идти домой!

1961

599—600. *В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ*

1

Ноябрь, ноябрь... А снега нету.
Где вьюг, метелей кутерьма?
В Сибири задержалась где-то,
Саяны выбелив, зима.

Но всё ж она не за морями,
И хоть пустынны небеса,
А заалели снегирями
Мои приневские леса.

И дальше к морю нет затишья.
Там, где сосна в гранит
вросла,
Холодных волн кипенье слышно,
Уключин скрип и всплеск весла.

И всё ж вот-вот метелью ахнет
И охнет вьюгою зима,
Уже зазимком остро пахнет,
Ну а за ним она сама

Придет, влетит, примчит, нагрянет,
Через Урал перевалив,
И, как ремнями, быстро стянет
Шугой наполненный залив.

2

Леса изрядно поредели,
Синь сдута, сдернута с небес,
Снег выпал только на неделю,
Она минула — он исчез.

Не те, видать, нам бьют поклоны
Ветра́ с зари и до зари,

Опять виной антициклоны,
Опять всё врут календари!

Но мгла над речкой заклубилась,
И всё ж зазимком бредит край,
Зима подолом зацепилась
За очень маленький припай.

Еще в природе двоевластье,
Порою брезжит блеклый луч,
Но где-то кони белой масти
Вот-вот взовьются из-под туч

И на санях помчат поляной
С веселой русскою зимой,
С такой до зависти румяной,
Чьи брови крашены сурьмой...

1961

601

Дай мне, жизнь, пожалуйста,
Железные слова.
Дай мне не из жалости,
А введи в права.

Придай им силы дивной
От солнца и земли,
Чтоб не размыли ливни
И гро́зы не сожгли.

Дай мне, жизнь, пожалуйста,
Сердечные слова.
Дай их не из жалости,
А по правам родства.

Дай мне их по главному,
По кровному родству,
Крутому, своенравному,
Которым я живу!

Дай мне, жизнь, пожалуйста,
Горящие слова.
Дай их не из жалости —
Чтоб кру́гом голова,

Чтоб, светом день наполнив,
Я одного достиг —
Чтоб слово в блеске молний
Огнем входило в стих!

1961

602

Бывает так, да и не редко,
Как говорится, тишь да гладь:
Ни современников, ни предков
У нас в стихах не увидать.

Пожалуй, больше всех
и громко,
Ну кто как может,
много раз
Мы обращаемся к потомкам:
Не обессудьте, дескать, нас.

Каким-нибудь погожим летом,
Годов, пожалуй, через сто,
Воздайте нам хвалу за это,
А не за это, так за то!

И хоть страничку прочитайте,
Ее сегодня и вчера
Передавали по телетайпам,
По телецентрам et cetera. [1]

А я опять в порядке личном
Скажу как надо, без прикрас:

---

[1] И так далее (лат.). — *Ред.*

А сколько ходит анемичных
Стихов (помилуй бог!) у нас.

На тонких ножках из соломки
Они идут сквозь дым и чад...
И не потомки, не потомки,
А современники кричат:

«Друзья, воды поменьше лейте,
Пусть на зубах слова хрустят,
Вы современников жалейте,
Тогда потомки вас простят!

А что касается до славы,
То не церковным сторожам,
Да и *не мальчикам в забаву*
Она дается,
А мужам!»

1962

603–605. *РОССИЯ*

1

Ты мне снишься, Россия, ты снишься
Не в каких-то забытых углах,
Где-то там, в Обояни, в затишье —
Где-то там, на Онеге, в ветрах!

Где-то там, на Онеге, в ветрах
И в лазоревом дыме
Будет тронуто имя
Губами твоими!

Нету имени ярче
Среди имен.
Нету знамени жарче
Среди знамен!

...Я ходил по России босыми
ногами,
Я полями ходил и цветными лугами.
Ключ-траву, люб-траву
Я видал наяву.

Ведь они лишь у нас,
Лишь в России, в России,
Их дожди и июльские грозы гасили,
Но они не погасли, не погасли они.
Ты мне руку, Россия, свою протяни.
Как не раз. Как бывало.
Надо мною твой стяг ярко-алый,
Надо мной твои руки,
Простертые длани,
И лучи, словно стрелы,
В грудь бьют, но не ранят!
Ты веди меня, Русь, —
Я еще молодых затыкаю за пояс,
Ничего не боюсь
И о смерти не беспокоюсь!
Я, как многие, видел ее не однажды,
Коченея от холода,
Изнывая от жажды.
Я ее, распроклятую,
Бил на болотах
В краснозвездных железных полках
И в маршевых ротах.
Камни клали под головы мы, засыпая,
Там, где яблони
Землю яростно осыпали
Бело-розовым пламенем,
Нежгучим, летучим огнем.
Мы его, говорили, России вернем,
Потому что России нельзя без садов,
Без черемух и яблонь, без вишен,
Без всего, чем наш воздух прошит или вышит,
Без всего, от чего мы становимся выше.
Я прошел эти дальние дали твои, Горислава.
Как железо становится крепче от сплава,
Так и я от дыханья ветров
И от бурь, обнимающих землю мою.

Я пою,
Я молю, чтоб хватило соловьиного свиста
На планету, где идут коммунисты,
Где ведут коммунисты бои.
Я сильнее их мужества в мире не знаю,
Их пытали огнем и железом пытают.
Это — братья мои!..
Так гори, не сгорая,
От морей до морей,
Величавое сердце России моей!

...Ты мне снишься, Россия, ты снишься
Не в каких-то забытых углах,
Где-то там, в Обояни, в затишье —
Где-то там, на Онеге, в ветрах!

2

Что народ не вздумает в веселье?
Наш народ на выдумки горазд.
Не жеманной барышней кисейной,
Он глядит на мир не в первый раз.

И не раз он ахнул или охнул,
И, на землю простирая власть,
Не один он раз о землю топнул,
Так притопнул, что она тряслась.

Многомиллионный, многогранный,
Многотрудный, многогоревой,
Он велик своей душой отрадной,
Животворной, истинно живой.

Никогда не плакал он. Ни разу.
Всюду возникая, здесь и там,
Он такой, что сказки или сказы
Ходят, где б ни шел он, по пятам.

Он широк в плечах, широк душою,
Слова зря не молвит по уму.
И веселье у него большое —
Малое зачем ему, к чему?

По своей природе не изменчив,
Он раскрыл небес тугую дверь.
Если пир — на целый мир, не меньше,
Иль на всю вселенную теперь!

Что народ не вздумает в веселье?
Наш народ на выдумки горазд.
Не жеманной барышней кисейной,
Он глядит на мир не в первый раз.

3

За Онегой суровой, за Кемью
Выхожу на простор и пою:
«Я люблю эту землю,
Я люблю эту землю,
Я люблю эту землю мою!»

Где бы люди меня ни спросили,
Я отвечу им так, не солгу:
«Мне не жить без России,
Мне не жить без России,
Я дышать без нее не могу!»

Сколько спето о ней, сколько спето,
Сколько сложено, сколько дано!
Без нее — как без света,
Без нее — как без света,
Без нее — как без света, темно!

Раскрывается сердце, как рана,
И горит, я о ней говорю:
«Ветер, взвитый с ее океанов,
Ветер, взвитый с ее океанов,
От зари зажигает зарю!»

Пью на буре настоянный воздух
Там, где рожь и пшеница, где сталь,
И летят пятикрылые звезды,
И летят пятикрылые звезды
Над Россиею в даль.
Только в даль...

1962

606. К НОЧИ НЕБО СИЛЬНО ПРОЯСНИЛОСЬ...

К ночи небо сильно прояснилось,
Но заря не дождала зарю.
...Если я скажу, чтоб ты приснилась, —
Ты приснишься —
Так я говорю!
Может, в сон войдешь порою зимней
У реки под берегом крутым;
Или, может быть, под вешним ливнем,
Что у нас зовется золотым!
Или, вся в цветах, среди поляны —
Красота в свиданье с красотой;
Или в бусах простеньких, стеклянных,
Как на зимней карточке на той...

1962

607. Я НЕ ВИДЕЛ, НЕ ЗНАЮ...

С золотинкой вода...

Из одного стихотворения

Я не видел, не знаю
Речки с именем Кан,
Только знаю, что реки
Держат путь в океан.

Что еще мне известно?
Вот погудки мои:
Эта речка из честной
Из сибирской семьи.

Пусть ее и дождинки
Пробивают до дна,
Но дрожит с золотинкой
Кружевная волна.

Скажут мне имяреки:
Не видал, а хвалю.
Я сибирские реки
Любил и люблю.

Пусть слышнее на Кане
Зашумят города.
От него в океане
С золотинкой вода!

1962

608

Тело предано морю.
Из похоронной

Тело предано морю,
Навек ему.
А кому передано горе?
Кому,
Кому?

У моря комом в горле
Встает волна.
Тело предано скорби,
А скорбь
До дна!

А скорбь до дна
океана,
Она —
Одна!
Она везде без обмана,
Она —
Без сна!

Она, скажу, беспредельна,
С ней трудно жить,
Не сложено ей колыбельной
И не сложить.

Ее зовет исполинской
Великий свет,
Ее зовут материнской —
Сильнее нет!

Тело предано морю,
Навек ему.
А кому передано горе?
Кому,
Кому?

1962

609. НАД ВЫБОРГСКОЙ

Как будто черные холмы —
Над Выборгской дымы, дымы.
Не золотым,
Не голубым —
Здесь черным небо крашено,
А я люблю зеленый дым,
Лиловый и оранжевый!
Когда он поднят над страной,
Когда он бьет сплошной волной,
Когда не спится соловью,
Когда на веки вечные
Я силу пробую свою.
...Горите, звезды млечные!
Гори, звезда, над головой,
Гори, пятиконечная!
Заря, от ветра розовей,
Зеленый дым планеты, вей!
Лети, оранжевый
С лиловым,
Взвивайся ввысь
над космодромом —
Дорогой звезд,
Тропою грома!
Сбивай над Выборгской дымы,
Сбивай над Петроградской,
Повсюду, где проходим мы, —
От Печенги до Братска,
Где мы живем, где мы идем,
Борясь и побеждая,
Повсюду, где мы бой ведем,
Мир вольный утверждая!

1962

610

Весело, стремительно, лилово
Расцвела сирень.
Подобру и поздорову
Занимался день.

Боевое птичье населенье
Шло на виражи.
Мальчик в школе, вспомнив о сирени,
Путал падежи.

А сирень лучи позолотили,
И в златой красе
Здесь ее губили, как любили, —
А любили все!

Начиная от лихого ветра,
Падавшего ниц,
И до самых белых, самых светлых,
Самых темных птиц!

1962

611. ГАЙДА, ГАЙ, ОТРАДА...

> Гайда, гай, отрада,
> Жить да помереть.
> Только песню надо
> Легким горлом спеть.
>
> *В. Саянов*

Чтобы легким горлом,
Чтоб была проста,
Чтоб с тропы
подгорной
Шла бы на уста;

Чтобы пела люба
У резных ворот,
Чтобы рдели губы
От ее щедрот!

Чтоб свистели птахи
С зорьки до зари,
Чтоб, рванув рубахи,
Пели косари:

«Гайда, гай, отрада,
Жить да помереть.
Только песню надо
Легким горлом спеть».

1962

612

Какая за́метель сегодня,
Как будто мгла догнала мглу,
Снега бродяга ветер поднял —
Да там, где черт сидит в углу!

И вьет их, вьет, как дым, клубами,
Завел с утра на целый день,
И рад, шальной, такой забаве,
Свистит в три пальца, лиходей.

И вдаль летит по бездорожью,
Ометы ставит и стога,
И наполняет тяжкой дрожью
Окрест лежащие луга.

1962

613. ВОТ КАКИЕ ХОДЯТ ПАРНИ...

Вот какие ходят парни в нашем песенном краю,
Вот какие парни славят землю милую свою.
Вот какие топчут землю,
Топчут небо — черт возьми! —
На виду у звезд России,
Перед звездными дверьми!
Вот какие по державе ходят парни в полный рост,
И глаза у них сверкают светом самых дивных звезд.

Вот какие ходят парни в нашем песенном краю,
Я смотрю на них, красивых, я их сразу узнаю.
Узнаю я по надлому, по излому их бровей
В час, когда моя Россия обнимала сыновей.
Узнаю их, справедливых, весь их облик молодой,
Узнаю я их под красной, под стремительной звездой!
Там, где бравых их встречали,
Как положено в роду,
Под пятью ее лучами,
У вселенной на виду!

1962

614. ГДЕ МОЯ РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ?..

Где моя Россия начиналась?
На лугу и в поле за страдой.
Чем моя Россия умывалась?
Ладожскою чистою водой.

Чем моя Россия зацветала?
Прямо в сердце прянувшей грозой.
Чем моя Россия клокотала?
Гневом и соленою слезой.

Чем моя Россия красовалась?
Что цвело, брала она в полон.
От какого горя отбивалась?
От того, что шло со всех сторон!

Где моя Россия расселилась?
На холмах зеленых у воды.
Как моя Россия веселилась?
От веселья плакали лады!

1962

615

За дождями дожди моросили,
Поднимала река гребешки.
«Ты Россия моя, Россия!» —
Дружно пели мои дружки.

Ты Россия! Она за нами,
Там, где ливни, и там, где зной,
В снах весенних и перед снами
Слышен голос ее грудной.

«Ты Россия!» — я запеваю,
«Ты Россия моя!» — пою,
Припадаю к ней, обнимаю
Дорогую песню мою.

В непогоду, в годину злую,
В дни, когда синева густа, —
Обнимаю ее, целую
В молодые ее уста.

Мне по нраву, когда в разгоне,
Как пожар иль пламя костра,
Мчатся вдаль быстроногие кони —
Красной масти ее ветра!

По душе мне ее забавы,
Ночи белые на Неве,
И трилистники, и купавы,
Задремавшие в сон-траве.

Кровь знамена ее прошила,
И не старят ее года,
И над гордой ее вершиной
Пятикрыло взошла звезда.

1962

616

Знаем всё. Сокрушили
Злобу, ненависть, гнет.
Как Россию душили!
А Россия живет!

Как ее ни сгибали,
Чтоб сломилась,
сдалась.

Ей могилу копали,
А она поднялась!

И увидела звезды
Ближе всех,
раньше всех,
И услышала в веснах
Свой над недругом смех.

Мы ее заслонили
От несчетных невзгод.
В топях вороги сгнили,
А Россия живет!

А Россия гордится
Не на час, а на век,
А Россия глядится
В зеркала светлых рек.

Видит: синью по сини
Красит небо восток,
Видит: солнце России
Надевает венок...

1962

617

Я — рыбацкого рода,
И не раз на меня
Налетала невзгода,
Словно черт из огня!

Била в грудь оголтело,
Била бешено вслед.
Испытать, что ль, хотела —
Упаду или нет?

Ну и падал, бывало,
И упасть не боюсь!
Надо мной горевала
Беспокойная Русь.

Утешала родная
В горе мамку мою:
«За побитого, знаешь,
Двух небитых даю!»

Улетали невзгоды,
Словно дым от огня,
И рыбацкого рода
Улыбалась родня —

На хорошее лето,
На крутые дела,
На пословицу эту,
Что от прадедов шла...

1962

618. МЕТЕЛИЦА

Вот какое дело,
Верней — дела:
На широкой улице
Метель была.
Метель-канитель,
Повилика-повитель,
Метель!
А как мела?
Да в два помела:
Переметывала,
Перелетывала,
Полумертвая
Перевертывала!

*

Метелица сивая
Снег мела,
А за ней, красивая,
Ты прошла.
Шла между рябинами —
Всяк смотри!

Где ж ты, где, рубиновый
Взлет зари?
А пока метелицы
Лих разбег
И за нею стелется
Снег
Да снег...

1962

619. В ЭТОМ ИЮЛЕ

Межень. А скупо, редко блики
Бросает солнце. Где же зной?
Но на цветенье земляники
Бродяга шмель заснул, как Ной!

Рядком негромко ветер свищет,
Волна зеленая кипит.
Друзья его, наверно, ищут,
А он, в нектар уткнувшись, спит...

А солнце в тучах будто тлеет,
Но всё равно июля власть:
Земля зарделась от кипрея,
Трава второй раз родилась.

А под горою море плещет,
Встает волны крутая стать,
И по-хорошему трепещет
Всё то, что может трепетать...

1962

620. АВГУСТ

Горят пролетные зарницы,
И у реки, где новый плёс,
Мне хочется посторониться
От близко падающих звезд.

Но всё же руки поднимаю
И взгляд за искрою веду, —
А вдруг, быть может, я поймаю
Мою летучую звезду?

Но искры гаснут, искры гаснут,
Но, искры новые даря,
Вблизи Байкала в ленте красной
Встает сибирская заря.

1962

621

Что же ты, осинка, без ветра шумишь?
Что ж ты, мое сердце, без гнева горишь?

И за словом слово ложится в строку,
Видно, так положено им на веку:

Горевой осинке без ветра шуметь,
Сердцу же без гнева и в гневе гореть...

1962

622

...А плакать нам положено от века
По всем земным зеленым поясам:
Вот плачет по-грузински Катя-Эка,
А как по-русски плачут — знаю сам!

Да, я видал и знаю, как рыдают,
Когда обид не снять и не простить.
Да, я видал, когда слезу глотают,
Застрянет в горле — и не проглотить.

Но если наша речь и слово что-то значат, —
Другое горе надо брать всерьез,
Когда сама земля трясется в плаче,
Гудит и задыхается от слез,

Когда она в сплошном дыму багровом
И от нее по звезды грозен путь,
А стрелы молний, посланные громом,
Везде летят,
Когтят
Земную грудь...

1962

623

Он Россией вручен мне,
этот цвет непростой,
золотой,
позлащенный,
золотистый,
златой.
Он живой, он плакатный,
слабый он и тугой,
а когда он закатный,
то впадает в огонь!

Он по-своему труден,
но его не виню,
ибо я, как все люди,
поклоняюсь огню!
Молодому,
крутому,
разгромившему тьму,
золотому,
златому,
непростому
ему...

1962

624

Нá день, нá два, тебе на диво,
Объявляю себя счастливым!
Почему — я и сам не знаю,

Просто-напросто объявляю
На день, на два, не на полгода...
Улыбайся,
Моя погода,
Умывайся,
Земля, росою,
Раскрывайся
Сильней красою!
На день, на два, тебе на диво,
Объявляю себя счастливым!
На земле ведь счастливых мало,
Там меня и недоставало!
Подари же мне в одночасье
На день, на два немного счастья!

1962

625

Солнце раньше всходит и заходит
В том краю, в иркутской стороне,
И оно лучистых глаз не сводит
Со всего, что ныне мнится мне.

У меня желанье не пропало
Вырвать час-другой еще для встреч,
Чтобы снова слышать речь Байкала,
Также Ангары лазурной речь.

Спросят что — отдам им всем в угоду,
Ничего не требуя взамен.
Пусть расскажут, сколько за два года
Было здесь тревог и перемен...

1962

626

Пускай об этом судят критики,
Они-то знают, что к чему,
Ведь лирики и аналитики

Они по складу и уму,
Узна́ют, где зарыта истина,
Найдут жемчужное зерно,
Чтобы сказать глубокомысленно:
«К чему оно?
К чему оно?»
А впрочем, что я?
Многих слушаю
И сам, что думаю, скажу.
Зачем над «Треугольной грушею»,
Ломая голову, сижу?
Ох, слава богу, всё прочитано.
Скажу по правде, ну и пусть...
А на кого сие рассчитано?
Судить не смею.
Не берусь!
Пусть ляжет на меня, на грешного,
Непререкаемо вина,
Пусть в голос мне — дружку сердечному —
Поет «Шумел камыш» жена;
Пусть бьют меня ветрища встречные,
Чтоб день мой тучей нависал,
Чтоб я забыл на веки вечные,
Что Назаренко написал!
Но нет мне в мире краше берега,
Чем русский стих.
Его пою.
По Маяковскому Америку
Я открывал.
На том стою!

1962

627

О ком так сказано свободно,
Я не успел переспросить.
Иной имеет тенор модный,
А хочет тенором басить.

Вещает и, кому-то жалуясь,
Шутя врагов своих разит,

Кого-то бьет, кого-то жалует,
Кому-то пальчиком грозит.

Ну, перед кем кичитесь,
                                        родненький,
И перехóдите на бас,
Как будто Вы один
                                        за Родину...
Мы что-то делали до Вас.

Мы что-то делали и делаем,
Мы в молодом строю встаем
И называем белым белое,
И красным красное зовем!

И мы дрались, и мы не плакали,
Не мандолиня из-под стен...
Ну почему вы так заякали?
Всё ли к лицу, товарищ Н!

1962

628. ВСЯ ЛАТВИЯ В СОЛНЦЕ СЕГОДНЯ

13 октября 1962 года

Вся Латвия в солнце сегодня,
Горит позолота дубрав,
Как будто бы желтые сходни
Опущены наземь стремглав.

На травах по-летнему росно,
Такая кругом благодать!
Открыты небесные кросна,
И только ткачих не видать!

Но кто-то искусно вплетает
Ту пряжу в узор полотна,
Она мне видна, золотая,
Ведь в дайнах латышских она,

Где долы, пригорки крутые,
Где видимы мне через бор
Подковы коня золотые
Да гривы алмазный убор...

1962

629

От районных центров до глубинок,
От всего, что вмочь ей иль невмочь,
В тополях дорога, и в рябинах,
И в дождях, идущих день и ночь.

Ливень бьет, как бы вбивая гвозди,
Будто бы по крыше сыплет дробь,
И горят рябиновые грозди,
Словно бусы, словно серьги,
Словно кровь!

За какой горою солнце село?
Где закат его и где восход?
Будто бы брезентом очень серым,
Старым весь обтянут небосвод.

Лишь вода блестит зеркально в ямах,
Дождь совсем засеребрил листву,
И летит мой путь до моря прямо,
До границ Литвы
И за Литву!

1962

630

Всю-то я Литву теперь проехал
Возле рек, озер ее, лесов,
И осталось, может, где-то эхо
Наших песен, наших голосов.

Где-то под дождями обложными,
Где-то в гребне вздыбленной волны,
Где-то между ставшими родными
Долами Литовской стороны,
По дорогам старым или новым,
По тропинкам вьющимся любым,
В дайнах по-над Неманом свинцовым,
Темно-синим или голубым.
Как темна вода в озерах светлых
И ручьях, по-вешнему живых!
И цветут легенды в плеске ветра,
В тихом шуме ив береговых...

1962

631

Не лазурною синью
Мне понравился Вильнюс,
Ведь по правде — так ныне
Сини нет и в помине!

...Он какой-то домашний,
Но во власти времен,
Не седой, не вчерашний,
А сегодняшний он!

Сказка связана с былью,
Дальше новый простор —
Лебединые крылья
Лебединых озер!

Дальше к морю — долины...
Шапку сбив набекрень,
Над горой Гедимина
Занимается день.

1962

632. ЛЕБЕДИ

За Непрядвой лебеди кричали...
А. Блок

Росла трава, и поднимались озими,
И косо в воду падали лучи.
Однажды сели лебеди на озеро
И расплескали воду на ручьи,
На капли, на струи и на капели...
И пел камыш, покуда не поник,
А от зари закатной воды рдели,
А днем играла радуга на них.
И общий жребий стае был подарен —
От лебедей на озере светло.
Когда же град предзимний вдруг ударил,
То лебедин поднялся на крыло.
И может быть, в просторе необъятном,
Еще вблизи от родины своей,
К ним слабо донесется от Непрядвы
И крик и трубы новых лебедей.

1962

633. МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Люблю мое Отечество,
Пою мое Отечество —
Надежду человечества
И славу человечества.
Ведь ярче нет содружества
Его народов пламенных,
Как нет сильнее мужества
Рядов под красным знаменем.
Иные страны мечутся,
С недолей им не справиться,
А ты, мое Отечество,
Державной волей славишься.
Державной волей славишься,
С любой невзгодой справишься.

1962

634. ОБЛАДАЯ ПЕСЕННОЮ ВЛАСТЬЮ

Обладая песенною властью,
В сердце взяв легенду или сказ,
Каждый день тебе желаю счастья,
Нет, не каждый день, а каждый час!

Так желают счастья на дорогах —
Не на ближний, а на дальний путь...
У тебя его, наверно, много,
Поделись с подружкой как-нибудь!

Поделись ты с ней, как хлебом-солью,
Чем богата ты... Скажи: «Бери!»
Из твоих бесчисленных бессонниц
Самую крутую подари,

Неотступную в начале ночи,
Недоступную, чтобы согнуть,
В час, когда любым заклятьем очи
И любою силой не сомкнуть!

1962

635. С ГОРЫ ГЕДИМИНА

Возмужалым и сильным —
Плечи шире долины —
Я таким вижу Вильнюс
С горы Гедимина.
Вижу, как, беспокоясь,
Как его, украшая,
Где по грудь, где по пояс
Вилия́ отражает.
А потом, весь в зеленом,
Он идет к перекрестку,
Где высокие клены
Поправляют прическу.

Веет древнею былью,
Веет часом прощальным,
И поет старый Вильнюс
Вечно новую дайну.

1963

636. ПАМЯТНИК

Будто в поле вышла мать,
Скорбя о детях,
Будто вышла их искать,
А в поле ветер
Дороги метит
Огнем.
Прильнем
К земле, седой от пепла,
Чтобы жгуче в сердце скорбь окрепла.
Не будем чуда ждать...
А мать —
Зимою в снегах,
Летом в цветах,
В веках,
В веках!
Ветер звенит в венках...

1963

637

Бури, ветры, с Балтики не дуйте,
Не врывайтесь в этот низкий дол.
Маленькая девочка Ведуте
Лишь за мамкин держится подол.
У нее другой опоры нету.
Я, в литовском находясь краю,
Горячо прошу исполнить эту
Просьбишку нижайшую мою.

1963

638. ОЛЕНЕНОК

Там, где край небес багровым вышит,
Где ручей, искрясь, берет разбег,
Олененок к человеку вышел,
Взял его, жалея, человек.

Отогрел холодною зимою,
Если хочешь игры — затевай!
Дал путевку в жизнь.
Назвал Кузьмою.
Что ж, гуляй
Да нас не забывай!

И пошел гулять он, тонконогий,
Стал искать защиты у земли,
Позабыв пути, забыв дороги,
Те, что к дому этому вели...

1963

639. ПОДЛЕТАЯ К ЛЕНИНГРАДУ

Подлетали, и алмазно стало.
Нету мглы.
Да и была ли мгла?
Будто бы жар-птица распластала
Два свои жемчужные крыла,

Озарила землю, пролетая.
И сошлись огни — к звену звено.
Только свет от края и до края,
И другого сердцу не дано!

1963

640. СЛАВЛЮ ДЕНЬ ТВОЙ

Как лучом, теплом сердец согрета
И сама, как свет, пришла в края,
Ты всегда, везде носитель света,
Партия моя!

Ты — вселенная,
И ты — отчизна,
Партия моя!
Будто бы в родник кристально чистый,
Так в твою весну
Впадаю я.

Ты моя могучая опора,
Щит нерукотворный — это ты,
Я с тобою путь веду в просторы
Высшей красоты и правоты!

То, что озаришь ты, — принимаю.
И еще сказать тебе хочу:
Ты вздымаешь гнев,
И я вздымаю,
Опускаешь меч —
Салют мечу.

Не один стою я в стане храбрых,
Не один борюсь за бытие.
То, что я сказал, —
Зовется Правдой,
Верою в бессмертие твое!

1963

641

Партия! Знамена, пламенея,
Там стоят, где подняла их ты.
Партия! Не знаю слов сильнее,
Чем твои из яви и мечты!

Вот земля. Лишь ты не дашь стареть ей,
Дашь цвести ей без военных гроз.

Партия! Ты смотришь в глубь столетий!
Это я, ликуя, произнес!

Встанет мир, какого не бывало,
В гордой, несказанной красоте.
Устремлен наш взгляд за перевалы,
За высоты,
к новой высоте.

Мы за всё в ответе на планете,
Бури взлет по всем материкам,
И твои слова, как звезды, светят
Всюду поколеньям и векам!

1963

642. ПЕСНЯ БРАТСТВА

Партия великая моя!
Я пою, слагаю песню братства,
Говорю от имени пристрастных,
Песню в честь твою слагаю я.

Мы давно идем дорогой главной,
Бури и поныне бьют нам в грудь.
Перед нами путь твой многославный,
Трудный и тернистый
В гору путь.

Многомиллионною громадой,
Вырвавшись из вековечной тьмы,
В наших братством спаянных отрядах
Наступаем мы:

Камнеломы и молотобойцы,
Зодчие республики моей,
Штурманы и юнги, комсомольцы,
Капитаны — пахари морей.

Это мы идем под стягом красным,
Это мы штурмуем высоту —

Стан вольнолюбивых и пристрастных,
К солнцу поднимающий мечту.

Партия великая моя!
Ты сплотила
 желтых,
 черных,
 белых.
Песню братства запеваю я
Голосом, от бури загрубелым...

1963

643. СПЯТ СОЛДАТЫ РОССИИ...

Умираем, не срамя...

Надпись на стене
Брестской крепости

Не срамя, умираем,
Ты узнаешь, Россия.
Мы врагов наших лютых,
Как татарник, косили.
Но врагов было больше —
Былых и недавних,
От огня огнеметов
Расплавились камни.
Мы — солдаты России,
Мы раскрыли сердца, словно ставни,
Мы багровые звезды носили.
Вы прочли нашу надпись на камне?
Нет фамилий под нею,
Но она ведь железней железной.
Перед нею другие немеют,
А слова поглощаются бездной.
Не осталось имен.
Неизвестный
Лежит под плитою.
Нет, уста Иванова Ивана
Не скованы немотою!
Нет, Иван Иванов —
Запевала,
Певун,

Ярославец —
В списки Славы внесен,
И его не дано обесславить!

Розы в Бресте растут?
Посадите их вешней порою,
Где у тихого Буга
Спят солдаты России,
Герои...

1963

644. ПИСЬМО ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

(НОСТАЛЬГИЯ)

...Дорогие,
Бьет меня нещадно ностальгия.
С нею жизнь не в жизнь
В конце концов!
Где ты, край мой,
Где земля отцов?
Где ты в тополях,
В березах, в вишнях,
Где ты в клеверах,
В цветах
Чуть слышных?
Где ты, мой цветистый,
Где, мой блеклый,
Где ты, мой тяжелый,
Где, мой легкий?
Где ты, где, мой
Выстраданный болью,
Где ты, мой в лугах,
В полях, в заполье?
Как с тобою
Дни мои летели!
Здесь же день проходит,
Как неделя,
Здесь идет неделя,
Словно месяц,
Как старик идет,
Не куролеся;

Ну а месяц — за год
Мне в разлуке,
Если ж год —
Тогда вздымаю руки!

1963

645. Я ГОВОРЮ С ТОБОЙ...

Я говорю с тобой как с другом,
На времена, на времена.
Тебя пахала глубже плуга
Окрест лежавшая война.

Не тысячи, а миллионы
Здесь приняли кровавый бой.
Твои дома, как бастионы,
Стояли насмерть над Невой.

Ты храбрым был на ратном поле,
Отважно бился с лютой тьмой,
И мир твою увидел волю,
Твое величье,
Город мой!

1963

646. ЕСЛИ БЫ СОЛНЦЕ ЗНАЛО...

1

Еще бы сильней засияло
Златыми лучами всеми,
Если бы солнце знало,
Как его любит Север!
Юг, скажем, июня нюней,
Он всё время в июне,
Юг всё время в июле,
Он за него не воюет!
А где-то
Кола.

Колыма.
Новая планета.
Десять месяцев зима,
Остальное — лето!
Пусть семеро, пусть семеро
Мне говорят про Крым.
Всё ж нету краше Севера,
Скажу я семерым!
По духу он неистовый,
По мускулам литой,
Он весь отмечен истовой,
Неброской красотой.
Работая и празднуя,
Он вьет и вьет снега
Метелями алмазными
В алмазные стога.
Ему такое нравится,
В размах летят года,
И Западу от зависти
Не спится иногда.

2

Товарищ верный и прямой,
Могучий Север мой,
Иду к тебе, дружище мой,
Как будто бы домой.
А что?
И верно — дома я,
И верно — вот мой дом,
Его вы знаете, друзья,
Он на холме крутом;
Открытый солнцу и ветрам,
И, полонив лета,
Он открывает по утрам
Широко ворота,
И слов врывается отряд,
Как будто сквозь кольцо,
А песни свищут и звенят,
Вбегая на крыльцо.

3

...А вдруг костлявая с косой
В мои ворвется дни,
Тогда ты снегом иль росой,
Товарищ мой, сверкни,
Пускай слетят с алмазных круч
На сонмы городов,
И пусть промчится столько туч,
Сколь прожито годов,
Моих суровых — зимних,
Моих весенних — в ливнях,
Моих крутых, дорожных,
Моих неосторожных...

4

...А что я делаю?
Тружусь.
Да на тебя не нагляжусь.
Мой Север снежный,
Мой друг железный!
Вот выдают, как новости,
Что ты, мой друг, суров,
Но от твоей суровости
Я весел и здоров!

И я с тобой здороваюсь,
Мой драгоценный друг,
Слагаю строчки новые
И замыкаю в круг:
Если бы солнце знало,
Как его любит Север,
Оно бы сильней сияло
Златыми лучами всеми,
Оно бы к нему летело,
И зависти не боялось,
И так над ним пламенело,
Чтоб вся земля удивлялась...

1963

647. ВОТ РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ...

Вот радостные вести,
Таким вестям салют!
Мои стихи как песни
На Ладоге поют.
Я радуюсь за слово,
Что шло, как на войну,
Где чайки-рыболовы
Садились на волну;
Я говорю «спасибо»
Родимой стороне,
Я сам ходил по сивой,
По ладожской волне.
Она меня встречала,
Как будто бы в венках,
Она меня качала,
Как сына, на руках!
Она под шапкой белой
В рубашке голубой
И пела и звенела
Серебряной трубой!

1963

648. КИПЯТ БЕРЕЗЫ ПО ОКРУГЕ

Кипят березы по округе,
Ушли далёко за село.
Пусть где-то пасмурно на юге,
А здесь, на севере, светло.

Кой-где висят тумана клочья,
Но горизонт зарей объят,
И всходит солнце белой ночью,
Березы белые кипят...

За темным яром, за яругой
Еще неясный слышен грай,
И власть над этою округой
Передает Июню Май.

1963

649. ДЕРЕВЬЯ

Запроливала слезы
Плакучая береза,
Не видя разлюбезной
Своей сестры железной!

Лежит тайга перед сестрой,
Сибирская сторонка.
Не знал и я, что за горой
У плаксы есть сестренка.

Когда услышал, то поверил,
И всё ж мне неизвестно,
Какие ходят-бродят звери
Среди берез железных!

...Весенний воздух,
как вино,
По-над лесами льется.
Я знаю, дерево одно
Бесстыдницей зовется.

Оно, клочок небес неся,
Когда в разгаре лето,
Снимает, скажем, всё и вся —
Самим собой раздето.

А вот еще:
В гурьбе лесной
Всех чаще с ветром бьется —
Зовется мачтовой сосной,
И правильно зовется.

Деревья — всей земли краса,
Я к вам любовь направлю:
Благословляю вас, леса,
Сады и рощи
Славлю!

1963

650

«От любви любви не ищут!» —
Сказано не мной.
. . .Жаль, что выцвел милый ситчик
Кофты продувной.
Вьется тропочка крутая,
Быстро дни летят.
Пусть твой ситчик отцветает,
А глаза горят.
Зажигаются лукаво
С каждою весной
У забавы,
У Любавы,
Ягоды лесной.
Вот что, ягода лесная,
Я сказать хочу:
О тебе я столько знаю,
Знаю —
Да молчу! . .

1963

651. ДВЕ РЯБИНЫ КАЧАЮТСЯ

Две рябины качаются...
Мне не сладко, не худо.
Нет, не так начинается
Настоящее чудо.

Чудо шквалу подобно,
Налетит — не вернется,
Но о нем мне подробно
Говорить не придется.

В нашей доле суровой
Я прощенья не чаю,
Но сказать два-три
слова
Я тебе обещаю.

Впрочем, ты их слыхала
От желанного друга,
Где заря полыхала
Над лазоревым лугом,

Где не скроешь ладонью
Бирюзу и рубины,
Где к земле нашей дольней
Прикипели рябины. . .

1963

652

Ох и пала
На меня опала,
Накалила сердце добела.
Сколько лет она меня искала,
А нашла —
Железом обвила!
Чья-то пуля вышла из обреза.
Щит не нужен,
Да и нет щита.
. . .Помоги мне снять с груди железо,
Грудь моя не камень,
Не плита!

1963

653

Дай пожить мне, дай покрасоваться.

П. Васильев

Дай пожить мне, дай покрасоваться,
На свою красу мне дай полюбоваться,
На свою на светлую,
На свою наследную,
На свое девичество,
На свое величество!

Я иду —
Цветы в лугу алеют,
Я иду —
Тальянки столбенеют!
Замирают пальцы на ладах
В наших семиреченских садах!

А они —
Налево и направо.
Я им солнце дарю,
И звеню,
И горю,
Звенислава,
Горислава!

Я иду, иду, как лада,
И сама себе я рада.
Дай мне, дай мне, друг, покрасоваться:
Не женой,
А милой
Называться!

1964

654. БАБЬЕ ЛЕТО

Подожди,
Пока пройдут дожди,
И поверь в народную примету,
Что за ними выйдет бабье лето,
Ты не торопи его,
А жди!

И оно настанет в паутинках,
В ярко-золотом платке берез,
В маленьких печалях и грустинках,
В простеньких,
Не то чтобы до слез.
Будет:
В ленте алой предзакатной
Брызнет красным заревом рябин!

Будет:
Над волною перекатной
Журавлей промчится острый клин.

Ты пройдешь по осени начальной
Стежкою, тропинкой полевой,
Под нежгучим солнцем,
Под прощальным,
Под моей зарей вечеровой.

1964

655. ИЗ БИОГРАФИИ

Я хожу не по графику,
По тропинкам и мхам.
Вся моя биография
Разошлась по стихам.

Вся — от красного флага
До ломтя на столе,
Вся — от первого шага
По родимой земле.

Вся — от песни певучей,
Что зовем и поем,
До былины дремучей
В Заонежье моем.

От подснежников милых
На вешней заре
До отцовской могилы
На старом бугре.

Вся — от листьев опалых
До весенних ветвей,
До звезды пятипалой
На папахе моей.

Мы, где надо, не трафили
Ни чужим, ни родне...

Вся моя биография
На родной стороне:

Не в какой-то ограде,
А в ветрах верховых,
И в походной тетради,
И в стихах фронтовых.

И в делах, и в опале,
Той, что лютой зовут,
И в друзьях, что отпали,
И в друзьях, что живут.

Кто-то вечно под тучами,
День за днем — ни строки,
Где-то слово замучили,
Зажимая в тиски.

Ну их к дьяволу с квотой,
Утверждающей лень,
И глубинной зевотой,
Низвергающей день!

Я же знаю дорогу,
Путь извечный, крутой,
И пока, слава богу,
Незнаком с немотой!

1964

656. СОЛНЦЕ

То, что я увидел, —
О том пою:
Я увидел — солнце
Идет в гаю.
Правобережьем речным
И в воде заплесной,
Словно сломанные им,
Отражались весла.
Шло тропинкою лесной
И не позолотой,

А златой своей казной
Сыпало без счета.
Нет, не сыпало,
Бросало
В белые кувшинки,
Где вилась и где плясала
Речка Вертушинка,
Речка Вертушинка
Или Камышинка,
Не улыбка на устах,
А скорей смешинка!
Солнце шло по просеке,
По лучу,
Говорит:
«Попро́сите,
Всё озолочу!
Будет гай золотым,
Будет гай красным,
До вершин налитым
Ягодой рясной!»
Солнце, стой,
Солнце, стой!
Бей в бубен золотой,
Бей в бубен золотой!

1964

657. ПОГОВОРИ СО МНОЙ, ТОВАРИЩ МОЙ...

Поговори со мной, товарищ мой,
Поговори со мною, друг прямой.
Поговорим о славе, что сверкает
Как некая высокая звезда.
Кто ею завладел —
Не отпускает.
А отбивать?
Не те уже года!
Она какой-то чопорною стала
И, коль благоволить перестает,
Как будто бы нисходит с пьедестала,
В лицо не глядя,
Руку подает.

Да, кстати, мы за ней не колесили
И ничего —
Работаем, живем...
Поговорим-ка лучше о России,
Возлюбленном отечестве своем.
У нас в России дни в крутом разгоне,
Она в грозе боролась и росла.
В лугах пасутся огненные кони,
Которым нет, товарищ мой, числа.
Она прошла чрез годы грозовые,
И там, где шаг ее запечатлен,
Стоят полки ее сторожевые
Под сенью алых флагов и знамен!
Над ней играет солнце молодое,
Ну а на ней, куда ни бросишь взгляд,
Синеет даль Шелонью или Мстою,
А лютики как солнышки горят!
А там стоит во всем цветном раздолье
И на горе, и под горой крутой,
И на лугу, и в поле, и в заполье
Черемуха под белою фатой,
И яблони в таком весеннем дыме,
Что поклонись поклоном поясным,
И тронуть их губами молодыми
В России не покажется смешным!
Так до морей,
И так до океана,
И так на тыщи тысяч русских верст,
Так до степей, где спят в ночи курганы
Под голубым сияньем русских звезд!

1964

658

За Сибиром солнце всходит...

Из песни

За Сибиром солнце всходит
И вдали, вдали
Глаз не сводит, глаз не сводит
С той моей земли,

Где стремительны потоки,
Бурям выход дан.
За Сибиром
За далеким
Ходит океан.

Неужель громаде тесно?
Взвит под облака.
На Украйне ходит песня
Про Кармелюка.

Там ее любой заводит,
Ей в глаза глядит.
За Сибиром солнце всходит,
Океан гудит...

1964

659

Я с тобой говорю, как ветер
Говорит поутру с рекой,
За которую мой стих в ответе
И мелодией,
И строкой!

Он ее, притихшую, волнует,
И в каком-то миге торжества
Он ее, ревнивую, целует,
Ветреные шепчет ей слова.

А когда я очень загорюю,
Вздрогну от печалей и обид,
То с тобой, как с сердцем,
говорю я
В час, когда оно горит,

В час, когда оно огнем пылает
И огонь доходит до плеча,
В час, когда горит и не сгорает,
От него рубашка горяча!

А когда мне в грудь войдет веселье,
С плеч твоих я руки не сниму

И скажу тебе:
«Ты — свет весенний
В новом, свежеприбранном дому!»

Круг моих печалей разлетелся,
Тополь веткой заглянул в окно,
И тогда мое ликует сердце,
Солнцем наполняется оно!

1964

660

Желанье,
Желанный,
Желанная.
Волненье рядом с волной.
А скатерть — так самобраная,
А стол —
На Руси честно́й!

Где брага в застолье пенится,
Рушник на колени стелется,
Где дружбе солдатской верится,
Где слава меж всеми делится!

За этим столом столовано,
За этим столом миловано,
За этим столом целовано,
За этим столом пировано!

И столько дум передумано,
Тяжелых дум Аввакумовых,
И столько сказок рассказано,
И сказано
Не по разуму!

И столько песен встревожено
И спето их, как положено,
И сколько солнца со скатерти
Осталось в руках у матери!

1964

661. НЕ БУДЬ ТЩЕСЛАВНОЙ, ЯРОСЛАВНА...

Нет, не о главном, не о главном
Хочу тебе поведать вновь:
Не будь тщеславной,
Ярославна,
И не ломай крутую бровь.
К тебе слова мои отправлю,
Как сам себе, их повторю,
Что не бесславье,
А всеславье
Иди встречать по январю!
Иль по апрелю, по апрелю,
Когда уходит прочь зима,
Когда твоя земля добреет.
А почему?
Ответь сама!

1964

662

Хромает стих, строка ломается,
Читатель видит и ругается,
И не живут стихи, а маются,
И всё-то как не полагается!

А говорят, что так положено,
Стихов подобных горы сложены,
Они-де модны, эти горы,
О них повсюду разговоры.

А мне от этого не легче,
Мне не по нраву стих любой,
А мне б держать Пегаса крепче
И управлять им, как собой!

1964

663. ЗДРАВСТВУЙ, ДЕНЬ МОЙ ПЕВУЧИЙ

Здравствуй, день мой певучий,
Ты на красном коне,
Задевая за тучи,
Примчался ко мне.
Дал дорогу лазури,
Весь в огне, как война,
Ты на страшном аллюре
Осадил скакуна.
Конь в серебряной сбруе
Прерывает полет
И о землю сырую,
Злясь, копытами бьет.
Ярко блещут рубины
На его чепраке,
И от блеска рябины
Побежали к реке.
Здравствуй, день мой певучий,
Ты на красном коне,
Задевая за тучи,
Примчался ко мне.

1964

664—670

Чудесная тревога...
Н. Тихонов

1

Ты знаешь, друг, чудесную тревогу?
А ты берешь ее с собой в дорогу?
Бери, бери, храни ее, дружище,
Не потеряй,
Другой такой не сыщешь!
Не говори о ней дождю и грому,
Не выдавай,
Не отдавай другому!

Она тревожит сердце.
Ну и что же?
На то и есть тревога,
Чтоб тревожить!
А как же без нее?
Уйти в забвенье?
Учиться лени
И долготерпенью?
А я хочу быть рядом
С той тревогой,
Которая до самого порога
Идет со мной путем моим заветным,
Будя веселье слов моих несметных
И обращенных к ней стихов ответных!

2

Я в мире именем твоим зову
И ландыши в глубоком, темном рву,
И свет звезды далекой и полночной,
Сверкание ручьев моих проточных,
Цвет яблони и вишни неподдельный
И отблеск снега, взвитого метелью,
Рассвет, слепящий окна,
День весенний,
И тихий, тихий блеск зари вечерней,
Сережки вербы,
Неба синеву.
...А ты не позабудь, что я живу!

3

Ты звезда моя, звезда,
Летучая,
Падучая.
Что-то в небе,
В синем небе
Очень принатучило.
Я не знаю, кто ты, кто ты
И твоя какая стать,

Я б хотел развеять тучи,
Но до них мне не достать.
Только имя не забуду,
Не забуду никогда —
Это имя пало наземь,
Как падучая звезда,
Что упала, осветила
Нашу землю в этот миг,
Сразу свет ее мгновенный
В грудь мою навек проник
И остался там горящим,
Утверждая торжество
Золотой, огнеподобной
Искры сердца моего!

4

Давай по-старому с тобой,
Давай опять по-старому
С моей судьбой, с твоей судьбой
Ходить по снегу талому.
Давай по кругу иль кружку,
Давай по бело-белому,
Давай по талому снежку,
Давай по оробелому!
Давай шагнем в твою весну,
В лета, что встали табором,
Давай половим на блесну
Веснянку иль метафору!
Давай пройдем рука в руке
Своей тропинкой простенькой
То ли к серебряной реке
Иль к золотому мостику?
Иль поплывем куда-нибудь
Лесной рекой взъерошенной...
Ты всё плохое позабудь,
Ты помни всё хорошее!

5

Я жил однажды на Байкале,
Была осенняя пора,

Там на горах и сопках спали
Мне незнакомые ветра.
Пускай поспят.
Я их не трогал,
И всё ж не в этом ли краю
Вошла чудесная тревога
Венком из молний в грудь мою!

6

Ты грозы не бойся, не бойся,
Ты дождем серебряным умойся!
Полных два ведра
Набери серебра,
Зачерпни в Семиречье зарю,
Я с тобой ладом, Лада,
Из весеннего сада
Через всю-то Русь говорю!
Через всю-то Русь,
Через всю-то грусть,
Через всё-то житье-бытье,
Через шум дубров,
Через семь ветров,
Через всё-то сердце мое!

7

Подожди, не спасай,
Ты спасать не умеешь,
Подожди, не бросай,
Сделать это
Успеешь!
Нет, по нашим годам
Рано править поминки,
Нет, по нашим садам
Не заглохли тропинки.
Та же ивушка гнется
Дни и ночи подряд,
То же солнце смеется,
Те же звезды горят.
То, что было вначале,

Никому не отнять.
...В мире много печали,
Надо ль нам добавлять?

1964

671. У ВЕЧЕРНЕГО ОГНЯ

У вечернего огня
Говорю с тобою:
Всё, что в жизни у меня,
Взято только с бою!
Просто жизнь была крута,
Праздники — как будни,
И любая высота
Добывалась грудью.
Не суди и не ряди,
Как пути достались,
Только шрамы на груди
На моей остались.
Но и в схватках, не сгорев,
Крепче стала доля,
Краше радость,
Ярче гнев
И сильнее воля!
И летят мои года
Пламенно и властно,
И горит моя звезда
И не хочет гаснуть!

1964

672

В грусти и в веселье,
Среди бела дня,
Свет ты мой весенний,
Не забудь меня!

Словно выйти некуда,
Бьется кровь-руда,

Ходят, будто рекруты,
Прежние года,

Те, что блеклым маревом
Налегли на грудь,
Те, что, словно зарево,
Освещали путь!

...В век землетрясений,
Черного огня,
Свет ты мой весенний,
Не забудь меня!

1964

673

Говорят, платки к разлуке.
Из песни

Не берите на поруки
Эту песенку мою, —
Говорят, платки к разлуке,
Сразу два платка даю!

Верба гнется, ива гнется,
Ветром вздыблена река.
Говорят, что сердце рвется
Легче белого платка!

А мое не разорвалось!
И, пока не отгорю,
Про судьбу, что мне досталась,
Никому не говорю.

Ведь не мне одной знакомо,
Миру видимо всему:
Если весел —
Мил любому,
Если грустен —
Никому!

Говорят, что песня льется,
Как широкая река,
Говорят, что сердце рвется
Легче белого платка!

1964

674. СНОВА ТЫ О НЕЙ?..

Снова ты о ней?
О ком? О песне?
Ты ее слыхал в начале дня?
Я этой милой песне
не ровесник,
Она гораздо млаже, друг, меня!

Снова ты о ней?
О ком? О сердце?
Оно в рубцах от яростных атак.
А ты ему доверься,
Ты доверься,
Оно не подведет тебя никак!

Снова ты о ней?
О ком? О чайке?
Сизокрылой гостье всех морей?
Не грусти ты, чайка,
не печалься,
Камнем падай в волны,
Снова рей!

Снова рей над быстрою волною,
Над простором вольным и родным,
Над моею песней именною,
Над моим распевом именным!

1964

675

Я люблю, когда колышется
Зеленая листва,
Я люблю, когда мне пишутся
Заветные слова,

Те, что сердце прикрывают
В гул и посвист ветровой,
Те, что тучи пробивают
Над моею головой!

Я люблю их незаплаканных,
С весельем молодым,
Не подсказанных оракулом
И временем седым!

Мне по нраву их нашествие,
Литер, двинутых вперед,
Не парадно, не торжественно:
Шум согласных,
Гласных взлет!

Я люблю их, мною прошенных,
На воде и на земле,
Я люблю их, просто брошенных,
Как крошки на столе!..

1964

676. ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Вот иду я пó лесу, пó лесу,
По зеленотканому поясу.
Ну, зачем, скажу, ребята,
Где-то киснуть мне?
Вот иду я без кручины
Да посвистываю,
Да холмистые дорожки
Переваливаю,

Да кого-то для чего-то
Уговариваю,
Через реки, через горы
Разговариваю,
Самоцветными словами
Их одариваю:
Ой вы, реки, ой вы, реки,
Государыни,
Сколько лет в путях-дорогах,
А не старые!
Ой вы, горы-зимогоры,
Вихрем веете,
Задевая шлемом тучи,
Не стареете!
Всё, что сердцу было мило,
Не забудется,
Я не буду стар, покуда
В жизни любится!

1964

677. А РЯДОМ БЫЛИ ПЛИТЫ ЛЕНИНГРАДА...

Война с блокадой черной жили рядом,
Земля была от взрывов горяча.
На Марсовом тогда копали гряды,
Осколки шли на них, как саранча!

На них садили стебельки картошки,
Капусту, лук на две иль три гряды —
От всех печалей наших понемножку,
От всей тоски, нахлынувшей беды!

Без умолку гремела канонада,
Влетали вспышки молнией в глаза,
А рядом были плиты Ленинграда,
На них темнели буквы,
Как гроза!

1964

678. МНЕ СКАЗАТЬ БЫ ПОЛУЧШЕ...

Мне сказать бы получше
Всё о нем, всё о нем.
Сад мой милый, цветущий,
Как горишь ты огнем!
И зеленым, и красным,
И совсем голубым,
Ярко-огненным,
Властным,
Золотистым —
Любым!
Свет такой и отраду
Никому не отдашь!
. . .Рядом дышит громада,
Город мой,
Город наш!

1964

679. ЗЕМЛЯ

Я желаю утвердить
То, что сердцу дано:
По какой земле ходить,
Мне отнюдь не всё равно!

Хороша одна страна
Тем, что выстроена,
Но милее всех она
Тем, что выстрадана!

Тем, что выстрадана болью,
Вместе воду пили голью,
Вместе ворогов бивали,
А побив, у них бывали!

Мне милее всех страна,
Что судьбою мне дана,
Всех дороже мне она
Тем, что выстрадана!

Я люблю ее давно,
Так что мне не всё равно,
Как ей можется,
Что станется.
...Пусть вовек она не старится!

По такой земле хожу,
Лучше слов не нахожу,
Что когда-нибудь, когда-нибудь
Чем-то ей и угожу!

1964

680. ВСЁ ДАЛИ, ДАЛИ ВЕКОВЫЕ...

Всё дали, дали вековые,
На них что ищешь,
То найдешь.
Как ты поешь, моя Россия,
Как ты в два голоса поешь!

Как ты поешь, когда в кручине,
Когда нахлынет вдруг печаль, —
Заводишь песню о лучине
Иль про «Варяга»,
Про Трансвааль...

Как ты поешь, когда в веселье,
Когда ты на ногу легка,
Как ты звонка на новоселье
Или на свадьбах как громка!

И если песня замирает,
Идет другая следом в след,
И нету им конца и края,
Да и конца раздолью нет!

И всходят звезды голубые,
Каких нигде ты не найдешь.
Как ты поешь, моя Россия,
Как ты в два голоса поешь!..

1964

681. ПЕСНЯ-КЛЯТВА

Если я погибну в этой борьбе,
Положите мои руки на оружие,
Которым я сражался.

Из песни венесуэльских партизан

Этой песнею сердца разбужены,
Я ей присягаю.
Эта клятва посильней оружия —
Так я полагаю!

Над такою песней, клятвой мужества,
Смерть не властна.
Я сейчас беру ее в содружество
Песен братства.

Пусть поют ее солдаты русские
В стороне рассветной.
И хотя она немного грустная,
Но она бессмертна!

Для нее раскрою шире двери,
Окна отворю я,
И, в бессмертие ее поверив,
Вот что говорю я:

«Перед тем как лечь в земле натруженной,
Просто ненаглядной,
Положите руки на оружие
И на песню — клятву!»

1964

682. КОМИССАРЫ

Тьмы врагов как тучи нависали.
«Смерть им!» —
Революции приказ.
Комиссары, комиссары, комиссары,
Славлю вас,
Пою о вас!

Комиссары в кожаных тужурках,
Вечным убаюканные сном.
Комиссары, легшие под Курском,
Под Вапняркой
Или под Орлом!

Комиссары в лентах пулеметных,
От которых сердцу горячо,
Комиссары в сумках переметных
С правого на левое плечо!

Комиссары, братья-одногодки,
Вас водила Революция в бои,
Комиссары в шлемах и пилотках,
Первые товарищи мои!

Комиссары в латаных шинелях,
Подпоясанных брезентовым ремнем,
Комиссары, шедшие в метели,
Тыщи раз крещенные огнем!

Тьмы врагов как тучи нависали.
«Смерть им!» —
Революции приказ.
Комиссары, комиссары, комиссары,
Славлю вас,
Пою о вас!

1964

683. НА ШИПКЕ

1

На Шипке мгла,
На Шипке мгла.
Она повсюду залегла,
Она затмила всё окрест.
Ужель еще какой-то крест
Хотела ставить, но не смогла
Лихая сила,
Седая мгла?

И так вся грудь горы в крестах,
И так молва во всех местах,
Над всей Болгарией взлетела.
. . .Седая мгла не поредела,
И мы спускаемся по склонам
К тем вишням, к яблоням зеленым,
К тем вечно радостным,
Влюбленным
В такую благостную землю,
Речам которой звезды внемлют!

2

На гребне горбатом
Под вьюгой проклятой
Стоят два солдата,
Два кровные брата.
А вьюга
Солдат
До костей пробирает.
Стоят, на винтовки
Свои опираясь,
И тот и другой
Входят в кипень метели,
Подняв воротник
Ветром крытой шинели.
А раны горят
После огненной сшибки,
А злой турчин лезет
На скалы,
На Шипку!

1964

684. РЕКВИЕМ

На Шипке крутой,
Под зеленою Плевной,
Вы пали в сраженьях, суровы и гневны,
Солдаты России,
Солдаты России.

Завеи и вьюги заголосили,
Снегами сыпучими засеребрили,
Как будто бы грудь полотном принакрыли,
Как будто бы вьюги узнали, что значит,
Когда по солдатам Болгария плачет!
Давно это было,
Давно это было,
Герои,
Болгария вас не забыла,
И помнит Россия и Шипку и Плевну,
Солдат своих павших,
Суровых и гневных!

1964

685. С ТОБОЙ МОЕ СЕРДЦЕ...

Я живу в Болгарии как дома,
Слово иль рассказ в черед веду,
А к тому, что мне не так знакомо, —
По знакомой улице иду.
. . .Горы, горы, тропы партизаньи
Словно бы по вздыбленным волнам, —
Песни, песни, сказы и сказанья
Из глубин сердец рванулись к нам!
Здесь раздолье молниям и грому.
И до смерти будут зримы мной
Реки, что летят через проломы,
Хлещут в скалы скальною волной.
Как завеса, падают туманы,
И за их черту проник мой взор:
Видно, где сходили партизаны
С поднебесных круч
И вечных гор.
Рад я, что под этим небосводом,
Находясь в пленительном краю,
Мужеству болгарского народа
Честь и славу сердцем воздаю!

1964

686

Привязали люльку за две звезды...
Из болгарской песни

Ты прекрасна, песенка, прекрасна,
Ты ходила в туфельках атласных,
В платьице веселеньком из ситца,
Год носи —
Ему не износиться!
...Засвистели дед с отцом в свистульки,
Прямо к звездам привязали люльку,
Положили в люльке на холстинку
Маленькую девочку Христинку.
Люльку ветры буйные качали,
Днем качали,
Ночью величали!
А туманы сами рвались в клочья,
И горели звезды днем и ночью,
И звенела птица-троеглазка,
И на цыпочках ходила сказка.

1964

687. В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

Наташе и Дмитрию Методиевым

Здесь, за синей синью,
Дальней далью,
Я стихи слагаю в честь Натальи.
Мне стихи слагать отнынь не ново,
Положу я честно слово к слову,
Увлекусь веселою игрою,
Без гвоздя им ладный дом построю,
Крылья дам орла, а не сороки,
Выведу их в люди, ясноокиx,
И скажу им просто:
«До свиданья!
Где пришлось,
Звените в честь Натальи!

В честь ее семейного веселья,
В честь ее застолья в воскресенье,
В честь ее улыбки белозубой,
В честь ее любови к березугам,
К тем березовым зеленым рощам,
К тем полуденным
И к тем полночным!»

*

...Чайкой белой,
Ну и ну, куда ты залетела!
За крутые горы, за увалы,
Хорошо, что крылья не сломала,
Хорошо, что ветер был попутным
И что край у неба не был смутным!

*

Слушай, что скажу тебе, Наталья:
Я обложен с детства дивной данью,
Я обложен с детства дивной данью,
Где горит любовь,
Поет страданье!
Дань, не отменив, плачу́ и пла́чу,
Не могу представить жизнь иначе!
Не могу ее связать без чуда,
Без того, что вспомню и забуду!
Без того, чтоб мир мой был без молний,
Без того, чтоб, позабыв,
Не вспомнил!
Без того, чтобы любить не мучась...
Всё иное —
Только злая участь!

1964

688. ПРОЩАНИЕ

Пыль от дорог Болгарии
Въелась в мою одежду,
Пыль от дорог Болгарии
Осталась на сапогах.

Повсюду я стану тешить
Себя одною надеждой,
Что буду опять в цветущих
Долинах ее, лугах!
Что снова пойду на горы,
Окину взглядом горящим
Ее заветные нивы,
Долины ее, сады
И вновь зачерпну, веселый,
Из речек и рек гремящих
Полной, глубокой горстью
Самой живой воды.
И землю ее поцелую,
Политую кровью братской,
И песни ее услышу,
Хоть в сотый, хоть в тысячный раз,
И в них прогремит Свобода
Тяжелым шагом солдатским,
И то, что вошло в легенды,
Никак не минует нас!
И, может быть, час настанет,
К тебе я приеду снова.
Когда это будет — не знаю,
С друзьями вместе решим.
Я слышу тебя, Болгария,
И ты отзовись мне громом,
Ударами молний в кручи,
О шлемы твоих вершин!
Прощаюсь! Тебя увидел
Порою твоей осенней,
Прощаюсь! Тебя услышал,
В твоем побывал саду.
И где бы я ни был в мире
Под звездами не твоими,
В твое я войду веселье,
В печали твои войду...

1964

689. ЛАДОЖАНЕ

Мы молчаливы,
А в детстве —
 рёвы,
Мы водоливы,
Мы водохлебы.

Мы, ладожане,
Росли со стрижами,
С березой плакучей,
С обидой жгучей.

Росли сероглазы
И русоголовы,
Из люлек вставали
Уже рыболовы!

«Уа» да «уа»
Еще ревмя ревели,
А Ладоги волны
У люлек кипели!

Они обдавали нас
Ветром и свистом,
Они отдавали нам
Берег и пристань.

Они обдавали
Прибрежные сосны,
Они отдавали
И ветер и солнце!

*

Мы, ладожане,
От бед не дрожали,
Мы сеяли в поле
Больше, чем жали!

Сохою пахали,
Косою косили,

Со всеми веками
Любили Россию!

Из Ладоги — в Сясь,
На Оять, на Онегу,
Ничуть не боясь
Незнакомого неба,
Незваных гостей
Из глухого болота —
Шишиг и чертей,
Водяных криворотых!

*

Мы, ладожане,
Мы, поезжане,
И сваты, и сватьи
Летим на оладьи.
На оладьи, на блины,
С балалайкой в три струны.
Мы такие люди:
Нет вина —
Так будет!
Ставь, Марья, всё на стол,
Всё на стол,
Чтоб минорка шла на стон,
Шла на стон!
Чтобы гости ахали,
Охали, окали,
Чтобы нашим бахарям
В рот глядели окуни!

*

Мы, ладожане,
Не горожане.
Правда, есть городок —
Новая Ладога,
Прохожу я по ней,
Каждый раз обрадован.
Прохожу как земляк,
Как на новоселье,

Вспоминаю о днях
Милых, карусельных!
Ой, гори, не сгорай,
Сердце, в непокое,
Обнимаю мой край
Сердцем и рукою.
Прохожу по нему
Молодой, как прежде,
За цветную кайму
По левобережью.

Я иду по нему,
Аромат вдыхая,
В непоклон кой-кому
Говорю стихами!

*

...Над водой повисло
Цветное коромысло,
С берега на берег
Один пролет:
Радуга
На Ладоге
Воду пьет!
Пей, пей,
Вволю пей,
Только зеркало не бей!

До того вода зеркальна,
До того она хрустальна,
Словно взята в раму
Вплоть до Валаама,
Вплоть до Валаама!

*

А у нас на Ладоге в наш межень
Видишь дно на са́жень,
На саже́нь!
В ней вода рубинова от зари,
В ней вода серебряна от звезд,

Хочешь — в горсть ее набери
Иль веслом наплесни на плес!
Баста!
Больше нечем хвастать!
Надо дорожить
Мигом каждым,
Неизбывной жаждой
Жить!
Жить!

1964

690—695. *Карелия*

1

Прости за мое неверие,
Себя за него корю.
Увидел тебя, Карелия,
Увидев, я говорю:
Леса в полудреме дремлют,
За них проникает взор,
Хочу я увидеть землю
Глазами твоих озер!
Над ними горят зарницы.
Ты разве считала их?
И звезды блестят в ресницах
Несчетных озер твоих!
А коль в голубых рубахах
Пойдут гулять ветерки,
То в черных своих папахах
Склоняются тростники.
А если с Туломы кольской
Их северный ветер гнет,
То будто какое войско
Озерную воду пьет!

2

Леса в полудреме дремлют,
За них проникает взор,
Хочу я увидеть землю
Глазами твоих озер!

Могилы под красной звездою —
Вовсю бушевала война,
И этой вселенской грозою
Начертаны имена
Героев, что здесь, в заречье,
Заснули могильным сном,
Героев, которых вечность
Накрыла своим крылом!
Как много их, безымянных,
Кто сердцем к тебе приник,
В твоих лугах осиянных,
В гранитных лесах твоих.
И словно осиротело
Шумят вековые леса.
А бронзовых сосен стрелы
Нацелены в небеса!..

3

> И я сличал на Тойво-озере
> Твой легкий след, певучий след.
>
> *Из старого стихотворения*

Всё гоны да перегоны,
Конца им и краю нет.
Средь сосен моих стозвонных
Я отыскал твой след.

И он мне в стихи годится.
Испробовав снеди всласть,
Синица могла б напиться,
Вполдосыта б напилась!

А может, к такому следу,
Примчавшись во весь запал,
Березкою пообедав,
Лосенок-стригун припал?

Припал тонконогий, складный,
Потом, не чувствуя ног,
Глотнув водицы отрадной,
Опять бы мчал сосунок.

А может, открылась дверца
Глухая
В груди моей?
А впрочем — забилось сердце,
Увидев тебя,
Сильней!

4

Не на час, хоть на мгновенье,
Слово, подтяни подпруги!
Старый, верный Вяйнямейнен,
Положи на струны руки.
И ударь сначала тише,
После звонче и сильнее.
(Ветер озеро колышет,
Волны синего синее!)
Вихрь поднялся,
Он в кипенье
Волн не синих, а чугунных.
Старый, верный Вяйнямейнен
Пальцы положил на струны,
И они зарокотали,
А с волны седого гребня
Руны к тучам залетали,
Опускались вновь на землю.
Звонко струны рокотали
В заозерье и в заречье,
И стихи взмывали стаей
Ильмаринену навстречу.

5

Сделай перстень, Ильмаринен,
Изумрудный, дорогой.
Не такой, что делал ныне,
А совсем, совсем другой!

У нее не оловянное,
А милое лицо,

У нее на безымянном
Обручальное кольцо.

Не тобою, друг мой, ковано,
И где-то за избой
Ей подарено рискованно
Не мной и не тобой.

Сделай птицу, Ильмаринен,
Пусть положит на крыльцо
Иль повесит на калине
Это новое кольцо!

6

Я где-то чаще, где-то реже,
Идя за песней, за молвой,
Тобою бредил, Заонежье,
Теперь я слышу голос твой.
Он просто льется, просто льется.
Так рад я, слушая его,
С ним никогда не расстается
Душа народа моего!
Я увидал тебя в горенье,
И сквозь сосновый звон и гул
Мне мнится:
Старый Вяйнямейнен
Чудесно руну затянул.
И тихо, тихо тронул струны,
Ее выводит в те края,
Где ходят волны, где буруны,
Где ты,
Карелия моя!

1964

696. КИЖИ

М. К. Мышеву

На заветном острове,
На высоком месте
Церковь эту выстроил
Мастер Нестер.

Двадцатидвуглавое
Он поставил чудо,
И видать его дано
Всем и отовсюду.

И когда последний купол
Мастер вынес в небо,
Он забросил свой топор
В бурную Онегу.

И взлетели, как стрижи,
Огненные зори.
Вот и всё.
Стоят Кижи
На Онежском море!

1964

697. ОЛОНЕЦ

Ой, ой, Олонец,
Где начало,
Где конец?
Нас начало
Величало,
Кончики-
Поклончики
Стали по дороге
Немощеной, длинной.
Солнце на пороги
Садилося чинно.

Близко от Верховья
Тополи
Захлопали.
«Ну и на здоровье!» —
Олончане окают.
Сколько раз они на дню
Ищут здесь пристанища.
«Это ихний авеню!» —
Говорят товарищи.
Чудо здешняя сторонка!
Всё меня касается.
Переходит вброд Олонку
Местная красавица.
Видно, здесь на перекрестке
Спросят: «Как здоровьице?»
Ноги — белые березки —
Там и остановятся.
. . .Нынче нету лесосплава:
Бревна слева,
Бревна справа
Как покойники лежат.
Олонец совсем зажат
Ими, ими,
Только ими.
. . .Олонец не так наивен,
Как мне кажется сначала.
Олонец война качала,
Съесть хотела Олонец,
Словно карамелину.
Молодец
Олонец,
Молодец
Карелия!
Олонец — не леденец!
Олонец — посад старинный,
Самый, самый,
Самый длинный
Городок, посад, погост
Протяженьем в тридцать верст!
Избы да избы,
Свадьбы
Да тризны,

Да частушки-коротушки
Вроде спетой,
Вроде той,
Вроде этой
С запятой:
«За морями пусть сторонятся,
Мы море перейдем,
Мы, олонецки, олонецки,
Нигде не пропадем!»

1964

698. У МЕНЯ РАБОТА...

У меня работа — трудный труд,
Я беру слова из груды груд,
Многие кидаю и топчу,
Потому что знать их не хочу!
Пусть живут не здесь, а где-то вне,
Не суются под ноги ко мне!

У меня работа — трудный труд,
Я беру слова из груды груд,
А потом бросаю их в зенит,
Слышу я — одно из них звенит,
Я его, звенящее, люблю,
Я его на вылете ловлю:
　　Стой, стой, не вертись,
　　Серебрись,
　　Золотись!
　　Будь готовым ко всему,
　　Будь готовым, что сниму!

У меня работа — трудный труд.
Я беру слова из груды груд.
Выбираю их из тыщи снов,
Выбираю слово из тыщи слов!
Я кручу его, как пояс,
Утром с ним на речке моюсь,
И купаюсь, и белюсь,
Потерять его боюсь.

Вот так,
Только так!
И в росинках, и в цветах
Слово в строчку ставлю,
И пою,
И славлю!

1964

699—700. *ПОЭЗИЯ*

1

Не валерьяновыми каплями,
Чем тешат сердце старики,
Нет, я хочу, чтоб нефтью
                                        пахли
Мои стихи!

Тюменскою, иль туймазинскою,
Иль лозняком береговым,
Цветами русскими с росинками,
Иль разнотравьем луговым.

Чтобы в стихи легли не слезы,
А бури брали в оборот,
Свой след оставили б колеса
И МАЗы шли бы как на фронт,

Летели б реки через проломы,
Колола тучи моя тайга,
Огнями фыркали космодромы
И море рушило берега.

Чтоб нивы прянули изобильем
И золотистый шумел прибой,
Дышало небо моей Сибирью,
Моей Россией,
Ее судьбой!

2

Поэзия, поэзия,
Любовь моя и слава,
Поэзия, поэзия,
Горящих слов облава!

Она везде, она всегда
Немыслимо несметна.
И звезды смертны иногда,
Поэзия — бессмертна!

Она ломает строй стиха,
Что начат с полуслова,
И то, как пласт земли, тиха,
То, как набат, громова!

Она по-вешнему чиста,
Мир веселеет с нею,
Ее прекрасные уста
От песни пламенеют.

Поэзия, поэзия,
Любовь моя и слава,
Поэзия, поэзия,
Горящих слов облава!

1964

701. ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВУ

Я звал его Пашка и Паша,
Я знал, что́ мы сеем и пашем:
Мы сердце пахали
Свое и чужое,
Стихами снимали
Межу за межою,
Мы сеяли слово,
Мы сеяли слово,
Оно вымерзало —
Мы сеяли снова.

...Павел был кудряв и востроглаз,
И на всё горазд,
На всё горазд:
На стихи и песни,
На сказ, на сказ
Хорошо нацеливал
Острый глаз,
Хорошо нацеливал,
Вольно жил,
Тетиву натягивал
В тридцать жил!
И садился сокол на плечо.
«Чо да чо,
Да чего ж еще!»
А стихи, а молва,
Песни-погудки,
Расти́, ро́сти, трава,
Зеленые дудки!

1964

702. СЫНУ

Как лег зимой, не встал зимой,
Ты не проснулся, мальчик мой!
Земля глуха, земля темна,
В ней наших предков имена,
На них нет плит и нет венков,
Над ними молнии с подков
В пути бросают ближний гром
Над каждым выцветшим бугром,
И стрелы молний в землю бьют.
Салют династиям,
Салют!
Салют династиям России,
Их только смерть смогла осилить!

. . . .

Ты не проснулся, мальчик мой!
Как лег зимой,
Не встал зимой!..

1964

703. СКОЛЬКО СЕРДЦЕ НОСИТ ПЕСЕН

Сколько сердце носит песен,
А без песен —
Мир неинтересен!
Нет земли без молвы,
Без стихов, без распевов,
То несущих любовь,
То охваченных гневом.
Слово бьется, гремит,
Динамит
Заключен в нем,
Динамит, обреченный
На взрыв,
На разрыв, —
Кто-то, может,
Заплачет навзрыд,
А слова самовитые,
Первоцветом обвитые,
Чтобы сердце цвело,
В грудь ложатся светло!
Сколько сердце носит песен,
А без песен —
Мир неинтересен!
Ведь без песни нет застолиц,
Нет ни улиц, ни околиц,
Ни заполья, ни заречья,
Нет того, что льется вечно,
Что зовется нашей речью,
Утвержденной в поединках
На России,
На росинках!

1964

704. ПОЖЕЛАЙ МНЕ УДАЧИ

Только так, не иначе,
Утвердив бытие,
Пожелай мне удачи,
Я сто́ю ее.

Не за песней подблюдной
Пролетели года,
Мне всегда было трудно,
Чтоб легко —
Не всегда!

Ты не думай, что плачет
Ныне сердце мое,
Пожелай мне удачи,
Я сто́ю ее.

Полыхали закаты
День за днем,
День за днем.
Полыхали плакаты
Говорящим огнем.

Где-то мне было жарко,
Где-то сердце тряслось,
И моим ладожанкам
Не спалось,
Не спалось.

Кто-то где-то судачит
Обо мне без стыда.
Пожелай мне удачи
Хоть сейчас,
Хоть когда!..

1965

705. ЖЕЛЕЗО

Только гул твой слышал на заре.
Ник. Асеев

Николая Кузнецова я не видел никогда.
...На земле моей железной шла железная страда.
Всё в железе, на железе, остальное трын-трава,
Вдаль неслись из наших глоток лишь железные слова!

Всё в огне, огонь до неба, остальное всё —
зола.
И раскинулась пустыня там, где яблоня цвела,
Там, где рощи красовались, где сверкали города.
...Николая Кузнецова я не видел никогда.
Но ведь он прошел над бездной,
Чародей и чудодей,
Он железнее железных
На моей земле людей!
В нашем воинстве великом
Шел он родине помочь,
То светлея грозным ликом,
То темнея им, как ночь!
Автоматы и обрезы
Били в друга моего.
...Дайте мне кусок железа
Из фамилии его!
Из фамилии железной,
Что вросла в гранит годов,
Из фамилии, любезной
Для названья городов!

1965

706. В АВГУСТЕ 1941 ГОДА

Я вошел в этот город с другими бойцами,
Я увидел, за что надо мстить и карать:
Предо мною лежало то, что звалось Сольцами,
А тому, что увидел, названья не смог
подобрать!

Всё разбито донéльзя,
Всё разрушено тупо,
И ведь это начало наших бед и утрат.
Августовское солнце сидело на трупах
Лошадей,
Исторгающих смрад.

Это — черт подери! — называлось блицкригом.
Пепел наших селений ветрище разнес.

Нас встречали крестьянки,
Хлебнувшие ига,
Новгородские земли немели от слез!

Ну и время лихое!
Смоленщина пала,
И пала Псковщи́на,
Время охнуть настало
И время вздохнуть,
И на всю-то Россию упала кручина,
Горе горькое пало России на грудь.
А Сольцы?
Что Сольцы? Это только грустинка,
Тучка меньше ладони в полуденный зной,
Или в поле песчинка,
На ветке дождинка,
Родниковая капля на вербе весной!

1965

707

Вот был салют!
Такого не бывало.
Земля огнем и громом зацвела,
И правильно:
она отгоревала
И в радости свидетелей звала!
И мы пришли, свидетели страданий
Земли своей.
Как бы военный стан
У Кировского моста в ожиданье
Раскинулся.
И этот миг настал.
Ударил гром у ростр,
на Петроградской,
На Марсовом,
Над Выборгской взгремел,
И в Ленинграде, городе солдатском,
Он возвестил о славе наших дел.
И небо было пламенным,
Лиловым,

Молниеносным,
Огненно-литым,
И гасло вдруг,
И загоралось снова,
И падало
Отменно золотым!
Всё сказочно,
И всё предельно просто,
И мир увидел на исходе дня,
Что к часовым на дальних
аванпостах
Летели искры нашего огня.
Они врезались в темь
И шли над темью,
И там, где край был белым от берез,
Они летели,
Падали на землю
Прямым подобьем падающих звезд!

1965

708. КРАСНЫЙ ВЕТЕР

Итак, начинается песня о ветре...

Вл. Луговской

Как мы вызвездили небо,
В небе стало больше звезд!
Их сиянье,
Их сверканье
Красный ветер к нам донес.

Как мы вызвездили землю!
Сосчитайте как-нибудь,
Сколько звезд пятиконечных
Прикололи ей на грудь.

А одну, в великий праздник,
Ярко-алую звезду
Прикололи ей над сердцем
В очень памятном году.

Красный ветер, красный ветер,
Он один на целый свет,
Он видал, как на воронках
Поднимался златоцвет.

Поднимался явор ладный,
И туман седой редел,
Распускался белый ландыш,
Колокольчик зазвенел!

Пламенел весенний воздух,
Бубны били на селе,
Красный ветер трогал звезды
В небесах и на земле!

И по мирному закону
Засверкали города,
И звенели звонким звоном
И гудели провода...

1965

709

Слова к народу шли веками.
Кому-кому, ему видней,
Где надо говорить стихами.
Они не проза...
Потрудней!

Я это чудо понимаю,
Его могущество постиг,
И мне по нраву речь прямая,
И по душе мне русский стих.

Хорей?
Давай его скорее,
Ведь, может, лютою зимой
Он чье-то сердце обогреет.
А ямб?
И ямб — приятель мой!

В бирюльки с ними не играю,
И, утверждая их права,
Летят в зенит и замирают
На полном выдохе слова!

1965

710. СЕРДЦУ

Вот ныне, откровенней откровенья,
Сказал я сердцу:
«Знай и повтори:
Бывают в жизни трудные мгновенья,
Часы и дни,
А ты переборн!

Не вздумай ныть еще порой печальной,
Но, трижды презирая забытье,
Умей хранить,
Умей беречь молчанье —
Жесточе слов молчание твое!

Пусть кто-то назовет его угрюмым,
Но всё равно его поймет любой,
И в том числе лихие тугодумы,
Что это не молчанье,
Это бой!

Но всё же, сердце,
Я на слово лих,
И пусть в итоге сшибки незабытой
Пестрят фамильи недругов моих
На все почти что буквы алфавита!..»

1965

711. В ЗАЩИТУ РЕЧИ

Нам слова российские даны,
Мы их добывали, а не грабили.

Всё ж каким из них приснились сны
По проекту новой орфографии?

По наследству нам досталась речь,
Это мы наследство не отринули,
Но игра в слова не стоит свеч,
Даже и огарков стеариновых!

Слава русской речи велика,
Год от году всё сильней
становится,
И острей граненого штыка
Наши поговорки и пословицы.

Наши деды, прадеды, отцы,
Как от века было им положено,
В похвалу кричали: «Молодцы!»
А не «молодци!» —
как нам предложено.

Наша речь крылата испокон
И живет на сердце и на слухе,
Наша речь не городошный кон,
И слова, что нам даны, —
не рюхи.

Нам ее завещано беречь,
Мы ей, величавой, присягали,
Многих я хочу предостеречь,
Чтобы на нее не посягали!

1965

712. МАКСИМУ РЫЛЬСКОМУ

Ты был у меня на вспомине
Всё время, товарищ мой,
Когда по твоей Украине
Я шел как к себе домой.
Сказать о ней поподробней...
Таить ничего не таю.

Что ж, если тебя не обнял,
Я обнял землю твою.
Твой Киев, такой зеленый
И солнечно-лучевой,
И светлый и просветленный,
Тенистый и дождевой.
От Киева и до Канева,
Катя свое серебро,
Меня, словно лентой палевой,
Не раз обвивал Днипро.
И верба кружилась во поле,
И гнулась долу ветла,
И тополи
               крылья штопали,
На них гуляли ветра.
Я шел голубою трассою,
Я был у тебя в краю,
И видел землю Тарасову,
И обнял землю твою.
Я трогал ее руками,
Коснулся ее устами,
И мне по любви дано
О ней говорить стихами,
Что, впрочем, не мудрено.

1965

713. БОРИСУ КОРНИЛОВУ

> И в синь семеновских лесов...
>
> *Б. Корнилов*

Были врозь и были вместе.
Было так заведено:
Мы с тобою пели песни,
Пили воду и вино.
И работали —
Дай бог,
Кто не верит —
Вилы в бок!
Как садились мы за наши, друг, столы,

Как солдаты, что вернулись вдруг с войны.
Были зубы, были зубы белым-белы,
Были волосы черным-черны!
Никаких, дружок, казенных не было зубов,
Между нами пограничных не было столбов!
За увалом, за увалищем
Повыцвел сатин.
Жили-были два товарища,
Остался один.
Семеново, Семеново,
Певучая краса,
Зеленые, зеленые
И синие леса.
Семеново, Семеново,
Ты помнишь о нем?
Его стихи каленые
Пылают огнем!
Гори, гори, цвети, цвети,
Склонись, кумач.
Семеново, Семеново,
Поплачь,
Поплачь!

1965

714

Порядком поработано, ребята,
Одни стихи, как рекруты, встают,
А гляну выше — там летят орлята,
Летят орлы
И небо достают!

Они летят над маленькой Олонкой,
Над Свирью и над Северной Двиной,
Они летят, подсвеченные солнцем,
Под коромыслом радуги двойной!

Земля зовет.
И, круто твердь колебля
И ночь неся на крыльях и рассвет,

Они стремглав спускаются на землю —
Ведь без нее им просто жизни нет!

И я к себе зову их поскорее,
Друзья зовут,
И ты их позови,
Пускай они живут и грозовеют:
Ведь где нет песни,
Просто нет любви!

1965

715—716. *РОССИЯ СТОИТ НА ГРАНИТЕ*

Георгию Шторму

1

Где Ладога плещет,
    Где Свирь и где Кола,
Горит мое сердце,
    Как солнца осколок.

В предгорьях, в межгорьях,
    На русских равнинах
Горит мое сердце
    В кустах соловьиных.

Горит словно флаг,
    Что трепещет под ветром,
Всегда беззаветно,
    Почти безответно!

И всё же тому,
    Что я вижу, внимаю.
Я сердцем Россию
    Свою обнимаю:

С ее колосистой
    Пшеницей и рожью,

С ее голосистой
Песней дорожной.

С залужьем, с заречьем,
А также с запольем,
А также с залесьем,
А также с загорьем,

И сказом, и сказкой,
И древней былиной,
И речью, что я завладел, —
Соловьиной!

С великим народом
Ее именитым,
А также с железом ее
И гранитом.

Забудьте, что можно забыть,
Но храните:
Россия стоит на граните!
Запомните сердцем
И стойте на том —
Как есть на граните,
На камне седом!
Основа крепка,
И земля велика,
И я утверждаю, не грезя:
Россия стоит на железе,
Россия стоит на железе!
Гранит и железо —
Копните хоть где,
Они повсеместно,
Точнее —
Везде!
Россия, Россия —
На скальной гряде,
А коль не на ней —
На железе!
Прочнее фундамента
Не было,
Нет,

Не знаю, товарищи,
Знает ли свет,
Но вывод и свету
Полезен:
Россия стоит на железе,
Россия стоит на граните.
Железо с железом,
С гранитом гранит,
И пусть всюду память
Людей
Сохранит,
Как первый свидетель открытий:
Россия стоит на граните!

2

Герои!
Мы знаем не все имена,
Но мужество ваше на все времена!
А слава?
А слава доходит до звезд!
А слово — бесслезно.
Не надо нам слез!
Герои!
Вы пали в боях подо Мгой,
На Севере скальном,
Под лютой пургой.
Герои!
Вы пали в боях под Москвой,
Вы Родину Родин
прикрыли собой!
И пусть вас не тронет глухая обида:
Мы вас не забыли,
герои Мадрида,
Герои Уэски и Барселоны.
Безвестным могилам
Земные поклоны!
Вы, павшие с честью
У Волги и в Бресте,
Забыты не будете никогда!
Гори, полыхай
Негасимо, звезда!

Гори, полыхай
На полнеба, заря,
Октябрьские искры
Кидай за моря,
За все океаны
Кидай их, багровых,
Дорогами бурь
И долинами грома!
Октябрьские стяги
Пусть реют,
Алеют,
Пусть днюют отрадно,
Отрадно утреют!
Герои!
Мы знаем не все имена,
Но мужество ваше на все времена!
А слава?
А слава доходит до звезд!
А слово бесслезно,
Не надо нам слез!

1965

717. ЛЕГЛА ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

1

Легла дорога в Константиново,
Среди полей неширока.
Нас трижды в платьице сатиновом
Встречала вольная Ока.

Оно повыцвело от солнышка
И полиняло от ветров.
Ока волной стучала в донышко
И поднимала круто бровь,

И поправляла часто челочку,
Махала ласково платком,
И что-то милое, девчоночье
Осталось в облике таком!

2

О ветер, ветер, ветер,
Его Октябрь занес,
Он поднимает ветви,
Как руки, у берез!

Он кружит непогоду,
Стремительно летит
И оловянит воду,
А землю золотит!

О ветер, друг старинный,
Над быстрою рекой!
Возьми зачин былинный
И спой мне
Над Окой...

3

Ранней осени краски
Из запевки,
Из сказки.
Константиново, здравствуй!
Есенино, здравствуй!
Здесь не вязью сказаний
Оторочен мой стих.
Здравствуй, ветер Рязани,
В ладонях моих.

Солнце осени, здравствуй,
Поднимаясь, лучась,
Озари наше братство
В этот миг,
В этот час!

4

Праздник улицей нашей
То идет, то летит,
На Оке волны пляшут,
Ветер в дудку гудит.

Будто всё здесь знакомо,
Даль безбрежна, светла.
Возле милого дома
Заплясала ветла,
Возле тонкой березки
В середине села,
Что с зеленой прической
Поднялась, весела!
И над смятой травою,
Посмотрев на подруг,
Синь задев головою,
Подбоченилась вдруг...

5

Как на сердце спокойно.
Мне видна с-под руки
Позлащенная пойма
Позлащенной Оки.
Вы такое видали?
Как мерещатся мне
Предзакатные дали
В предзакатном огне!
За Окою раздолья
Надевали парчу.
Ну а доля?
А доля
С ними мне по плечу!

1965

718

О родина, в счастливый
И неисходный час...

С. Есенин

1

О родина, по зову
С тобою говорю,
Под небом бирюзовым
Гляжусь в твою зарю.

И я стою, как в детстве,
На том же берегу,
Гляжу — и наглядеться
Никак я не могу.

Заря горит и льется,
И с нею я горю,
А рядом флаг мой вьется,
Похожий на зарю!

И тут же ходит, резко
Врываясь в невода,
Вся алая от блеска,
Вечерняя вода.

По молодому зову
Иду один из ста,
Чтоб знать, какое слово
Положишь на уста!

2

О родина, ты в сердце
Любого из солдат,
О родина, ты в сердце
Давно несешь набат!

Он в Октябре как грянул,
Отважных веселя,
И, от богов отпрянув,
Воспрянула земля

И стала звездоносной,
Похожею на твердь,
В снегах иль в травах росных
Похоронила смерть,

Что вышла из-за моря
И гнала умирать
Свою, где вор на воре,
Зачумленную рать.

Ты встретила их грозно,
Пришедших издали,

Их вместе или розно
Метели замели.

О родина, ты в сердце
Любого из солдат,
О родина, ты в сердце
Давно несешь набат!

1965

719. НОВОБРАНЦЫ

Идут они не по-отменному,
Не боево́,
Не боево́,
Идут они не по-военному,
Но ничего,
Но ничего!

Они все наши, ленинградские,
Хороший вид,
Хороший взгляд.
И ложки, ставшие солдатскими,
За голенищами блестят.

И город смотрит, дивен, дивен,
Да и ему не всё равно,
И матери спешат за ними,
Как в киносъемках,
Как в кино!

Прощайте, дни, витки зеленые,
Прощайте, кудри словно смоль,
Ведь ныне мальчики орленые
Идут, подстрижены под ноль!

По-ленинградски оморяченный,
Идет по улице отряд,
И запевалы в нем назначены,
Без них и звезды не горят!

И не играют гармонисты,
Трудней и круче перевал,
Дорога кажется гористой
Без запевал,
Без запевал!

А их здесь двое на две тысячи,
И пусть не так уж долог путь,
Но видно мне, как песня тычется
В одну мальчишескую грудь!

1965

720

Хотели, чтоб вихри гасили,
Чтоб гасло в размете пурги
Горящее сердце России.
Такое хотели враги.

Узнать бы злодеям поганым,
Пред тем как пойти на разбой,
Что нету таких ураганов
И нет в мире бури такой,

Которые были бы в силе,
Идя и летя напролом,
Горящего сердца России
Задеть иль коснуться крылом.

1965

721

Россия!
Ты рано проснулась,
На улице ливни, дожди,
А ты не дождями коснулась —
Перстами моей груди.

И я их целую, целую,
И губы от них горячи,
Лучистыми их именую —
И вправду они — как лучи!

И вся ты не в тучах, а в сини,
В лазури
Ко мне наклонись,
Коснись ими сердца, Россия,
Перстами-лучами
Коснись!

1965

722

... А мне Россия
Навек люба,
В судьбе России —
Моя судьба.
Мой век суровый,
Мой день крутой
Гудит громово:
«Иди,
Не стой!»
Идет Россия —
Врагов гроза,
Синее синих
Ее глаза,
Синее синих
Озер и рек,
Сильнее
Сильных
Ее разбег!
Неповторима,
Вольным-вольна,
Необорима
В грозе она!
С ней, непоборной,
Иду, как в бой,
Дорогой горной,

Тропой любой.
Всё в ней, в Отчизне,
Кругом мое,
И нету жизни
Мне без нее!

1965

723

Ни от какой беды не ною,
Не упаду и не согнусь.
Трепещут крылья надо мною
Твои заоблачные, Русь!

Под ними огненные горы,
Как бы зажженные костры,
Над ними звездные просторы,
Над ними звездные миры.

Но всё ж, когда в раскатах грома
Ракета скроется из глаз,
До них дыханье космодрома
Уже доносится как раз.

А над морями, над горами,
Полна восторга от красот,
Россия говорит с мирами
Уже с космических высот!

1965

724

Пусть мое в Отечестве отечество,
В Родине — как малое звено,
Пусть о нем не знает человечество,
Но оно мое
Давным-давно.
С цифирью, даже с ятями,
С надшкольною березой.

Оно мое
С Оятями,
И с Пашским перевозом,
И с дролями и ладами,
Что не забыты временем,
Да с голубою Ладогой,
Той,
Реями ореянной!
С темно-свинцовым Волховом,
Что за двоих старается,
С ветрами, что не смолкнули
И молкнуть не сбираются,
Да с песнями любимыми,
Которые не хмурятся,
Да с красными рябинами
Вдоль слободы иль улицы,
Да рыбаками-дедами,
И рыбаками-внуками...
Я это унаследовал,
И в том любовь порукою.
Я защищал от нечисти
Всё то, что там построено,
И оттого к Отечеству
Моя любовь
Удвоена!
Она во мне, народная,
Удвоена,
Утроена,
И ею, благородною,
Мои лады настроены!

1965

725

Мне не положено стареть в роду
Ни в этом и ни в будущем году,
Мне столько дела надобно доделать,
Чтоб слово перед выходом гудело,
Как в незабытой юности моей,
Когда оно срывалось с якорей,

Когда оно звенело
И летело,
Входило в песню,
Требовало дела!
Я слово, как живую воду, пью,
Не скряга, а давно слова коплю.
Из них мне песни складывать,
Загадки днем загадывать,
Моею метой меченных,
Разгадывать их вечером
С тобой
И без тебя,
Любя
И не любя...

1965

726. СТИХИ, СТИХИ...

Стихи, стихи... Куда их столько!
Тоскливо у холодного огня.
Кого-то перехваливают стойко,
А кто-то сел не на того коня.

На деревянного он сел, как мальчик,
Пришпорил, бьет хлыстом давно.
Шалун чернилами уже испачкал пальчик,
Но не грозит никто ему в окно!

Он на таком параде не впервые,
Но я ему скажу наедине:
Ты налегай на рифмы корневые,
На деревянном едучи коне!

Покрась его!
Немного надо красок,
Гони его в любую кутерьму,
И хочешь — назови его Пегасом,
Саврасом?
Ну не всё ль равно ему!..

1965

727. РАЗВЕ УМЕР ДЕНЬ МОЙ?

Разве умер день мой,
День мой дельный?
Раною дымится ножевой?
Или продан?
За какие деньги?
Не убит, не продан —
Он живой!
Он живой по щучьему веленью,
К нам оно по радуге дошло.
Он живой по моему прошенью —
Нашей сказки нам не знать грешно!
Он в нее и входит, день мой,
В быль иль в небыль,
А потом из сказки поскорей
Прокатился искрою по небу,
От него светло в душе моей.
Не сгорая над долиной ровной,
Там, где пламенеет бирюза,
Пролетает молнии подобный
Миг,
И начинается гроза!..

1966

728

Ох и круто, ох и круто
Замесил народ слова,
Как пошли они заречьем
Поначалу да сперва,

Как вошли они в долину,
В чернотал и в краснотал, —
Туча с тучею сошлися,
Гром, что спал, —
Зарокотал!

Ох и круто, ох и круто
Замесил народ слова,

Сразу стала называться
Синевою синева,

И «люблю» сверкнуло любо
И осталось на устах
Для того, чтоб кровь горела
В расцелованных местах!

Ох и круто, ох и круто
Замесил народ слова,
Как найду слова-находки —
Так кружится голова.

На огне их обжигаю,
И храню их, и граню,
А потом в народ гоню,
А потом в народ гоню!

1966

729. ПЕСНЯ

Солдаты, солдаты,
Окопы стали рвами,
Позарастали ивой,
Вот-вот уйдут из глаз.
Солдаты, солдаты,
А Родина за вами,
Россия, Россия
Надеется на вас.

Солдаты, солдаты,
Идите и летите,
Не так давно лежала
Земля в крови.
Солдаты, солдаты,
Россию берегите,
Россия жить не может
Без любви!

Глядит на нас Россия
С высокого порога,
Мы к ней прильнули сердцем,
Как к берегу волна.

Солдаты, солдаты,
Ведь нас в России много,
Ведь нас в России много,
А она —
        одна!

1966

730. РЯБИНА

Стоит пора ненастная,
Осенняя пора,
Горит рябина красная
У нашего двора.

У нашего надворья
Она кивает мне,
У нашего загорья,
В заречной стороне.

Горят рябины гроздья
И радуют дружка,
У нашего угодья,
У нашего лужка.

Я говорю — спасибо ей,
Она гормя горит.
Она растет красивая
И душу веселит.

1966

731—732

О Русь, малиновое поле...

С. Есенин

1

Тихий теплится вечер,
И со склона на склон
Я к тебе по заречью
Иду на поклон.

Я иду над водою,
Там, где светится Русь,
И затишье златое
Разбудить не боюсь!

У настилов брусчатых
И у старых ракит
Вижу — след твой впечатан
И дождем не размыт.

Ни грозою, ни ливнем
Не размыт этот след.
Вижу пламенный, дивный
Над полями рассвет,

Вижу вольную волю,
Слышу — сердце поет,
И малиновым полем
Русь твоя предстает!..

2

Россию нельзя позабыть,
К России любовь бесконечна,
Россию нельзя разлюбить,
Ее если любишь —
Навечно!

Навечно, навечно, на веки веков.
Пусть сходятся молнии в тыщи клинков,
Пусть бури бушуют, грохочут грома,
Завьюжив, метелит метелью зима —
Россия, быть может, на миг загрустит,
А снег под ногами, как сахар, хрустит,
А где-то летит, налетает прибой —
И всё это сердце уносит с собой!

Россия! Холмы да курганы —
Свидетели воинских встреч,
Россия не терпит обмана,
Не раз поднимавшая меч,
Она говорила жестоким врагам:
«Не смейте ходить вы по русским лугам,
Не смейте,
Не смейтесь над русской красой,
Ни вепрем сюда не ходить,
Ни лисой!»
Я соколом сизым над словом кружусь,
Малиновым полем России горжусь,
Живи, моя гордость, на веки веков
В затишье златом
И при громе подков!..

1966

733. СЫН

Ей побелила голову зима.
Приехал сын. Ему всё было внове.
Он вместо «мама» говорил ей
«ма»,
Любовь сияла в этом полуслове.

И наполнялся песней милый дом,
И всё-то жарко западало в душу,
И наклонялась ива над прудом,
Чтоб золотое слово лучше слушать.

И загоралась радуга-дуга,
Цветы еще не спали
в травах росных,
А слово шло на вольные луга
И было, как всегда, победоносно.

Вдоль улицы крестьянские дома
Стоят, боясь гармонию нарушить...
«А ты бы лучше отдохнула, ма,
Тебе моих забав не переслушать».

1966

734. ВСЁ ВЕТЕР ДА ВЕТЕР...

Всё ветер да ветер,
Но ярко, но броско
В зеленом берете
Выходит березка.

Как вышла, как встала,
Как небо достала,
И в солнце весеннем
Мне в сердце запала!

Под солнцем, под ветром,
Под небом России,
В лугу незаметном,
Где травы косили;

Где речка бежала,
Как синяя строчка,
Росинка дрожала
На каждом листочке;

Где вихри трепали
Калинку-малинку,
Где лютики спали,
Как братья, в обнимку.

1966

735—744. *ГОДЫ*

1

Жизнь ведем отнюдь
не праздную,
И пока нам всё по силе.
Скоро весело отпразднуем
Золотую свадьбу России.

Много, много гостей пригласим
к столу,
Сядут братья и сестры родные:
Революция будет в красном
углу,
А по правую руку —
Россия!

Будет дом наш просторный
На тысячи верст,
Ширины беспредельной,
Высотою до звезд!

И заздравная грянет,
Как гроза,
И кумач братских стягов
Ударит в глаза:

В очи наших сударынь —
Сестер, матерей,
В очи рек-государынь,
В глазища морей!

2

Шар земной,
Шар земной,
Пой со мной,
Пой со мной.
Пой, гуди,
Пой, гуди,

Всё, что в сердце,
Что в груди!

Пал
Снег-
Снеговей.
Мал
Век
Сыновей.

Сколько пало их
В боях,
В наших и чужих
Краях!

Сколько в мире троп солдатских
Кровью враг затопил,
Сколько общих, сколько братских
И курганов и могил!

Пал
Снег-
Снеговей.
Мал
Век
Сыновей.

Как с живыми, как с живыми
Будем с ними говорить,
Вместе с ними, боевыми,
Их заботы — нам творить!

Где земля была заплакана,
Где прошла по ней война,
Где железом перепахана,
Переорана она!

3

Земля, земля!
Где б вихри ни носили,
Какая б ни сияла мне звезда,

Земля, земля,
По имени Россия,
В моей груди не смолкнешь никогда!

С тобой, пройдя сквозь годы грозовые,
Мы не страшились в мире ничего...
Россия, говорю тебе, Россия,
Пароль и отзыв сердца моего!

Ты — красный день,
Любовь моя крутая,
Весенний лес, подлесок мой любой,
Пригорок,
          речка,
                    тропка завитая —
Душа моя,
          моя святая боль!
А мы не песенные, что ль?

4

А мы песенные сплошь!
Эх, вынь да положь
Дудку-погудку,
Песню-побудку!

Наш завод,
Наше поле
На Советской земле,
Мы за долю,
За волю,
Мы за хлеб на столе!

Чтобы песни дневали
Каждодневно у нас,
На лугу, на привале,
И в чести каждый раз!

Чтобы их не гасили
В чужедальних местах,
Чтоб Россия, Россия
Была на устах!

5

Вот проходят —
Цель для них близка —
Революционные войска.

Над рядами песня-поводырка
Где-то замирает в синеве,
Я иду, и шапка-богатырка
На моей веселой голове.

Я иду.
Винтовка на ремне.
Я иду по русской стороне,
В грозном девятнадцатом году
Я иду,
У всего-то мира на виду
Прохожу —
Солдат и комиссар —
И кидаю вызов небесам!

Мы идем,
Лавиной мы идем,
Нам всё ближе,
Краше окоем,
И дорога наша не узка,
Революционные войска!

Мы идем.
Винтовки на ремне,
Перед нами горизонт в огне.
Мы ложимся
В каменных степях,
Земь под нами,
Ветер в головах!
Мы встаем,
Геройский наш отряд,
Впереди нас бури говорят!

6

В девятнадцатом — в год
Распашной, молодой —

Я носил богатырку
С кумачной звездой.

Я носил ее в стужу,
Носил ее в зной,
Я тонул с ней в болотах,
Под вьюгой шальной.

Я склонялся к воде,
Отражала вода,
Как в своем пятилучье
Алела звезда!

Сердце сжав в лютой муке,
Я верил в звезду
И не знал, что я с нею
В бессмертье иду,

В то великое время,
Что в решительный бой,
Богатырку надев,
Нас вело за собой.

Мы и в седлах качались,
И в тачанках летя,
Пулеметною строчкой
Всюду белых крестя!

Выцветая от зноя
Иль от снега бела —
Всей династии впору
Богатырка была!

В девятнадцатом — в год
Распашной, молодой —
Я носил богатырку
С кумачной звездой,
В отовсюду гремящем шел
В грозном году
И не знал, что я с нею
В бессмертье иду!

7

Ленин дал нам свободу,
В бой повел молодых,
Не оставил нас Ленин
На дорогах крутых.
Где мы бились-рубились —
Было известно
Матерям и невестам,
Матерям и невестам.
С ветром русским, попутным
Мы им слали приветы.
Гром железных декретов
Разносился по свету.
Наши матери знали,
И знали невесты,
Что в боях наше место,
Что в боях наше место!

Ветер выл понизовый,
Кричал верховой.
Где же край бирюзовый?
За него головой
Мы рискуем.
А сталью
Мы берем города.
За далекою далью
Поднималась звезда...

8

Нам грозят, как грозили,
Гнуть хотят в три дуги.
Всё ж, как любим Россию,
Знают наши враги.

Но заветней заветных,
Наше время, звени!
Что Россия — бессмертна,
Также знают они?

Ворог наш не тетеря,
Он не хочет упасть,

Он в Россию не верит,
Но ему не украсть:

Ни горючего камня,
Ни замка от дверей,
От границ стародавних
России моей!

9

Ой, матросы, матросы,
Родная братва,
Ваше «Яблочко»-песня,
Ваша пляска жива,
Их качает, их помнит,
Их знает Нева;
Их морская пехота
Боевою трубой
Зачисляла по ротам,
Вела за собой.

Эх, яблочко,
Золотой ранет,
Вместе встретимся
Через много лет.

Мне бы яблочка
Да ананасного,
Ой, жги, говори,
Цвета красного!

Эх, яблочко,
Где ты выросло,
И какой тебя
Бурей вынесло?

Эх, яблочко,
Молодой налив,
Никогда матрос
Не бывал ленив!

Эх, яблочко,
Не купишь дешево,
Эх, балтийское,
Оно заклешено!

10

Летом и зимою,
Ночью и днем
Мы врагов крестили
Сталью и огнем,

И они нас крестить
Не позабывали,
И с коней вороных
Шашками сшибали!

На холмах покатых,
На горах горбатых,
Ой, была Россия наша
Бурею богата!

Буря шла по лугам,
Бушевала далью,
Буря шла по врагам
Вороненой сталью;

Буря шла через лес
С позолотой русской,
Буря шла на эфес
Сабли златоустской!

От великой реки,
Небеса нахмуря,
Через все материки
Пролетела буря...

1966

745

Борьбою наш день обозначен,
Так зрим ее облик и жест.
. . .А матери всё еще плачут
И в дни всенародных торжеств!

Есть песни, что схвачены гневом,
И есть, чтобы жить веселей.
. . .А матери слышат в распевах
В любых голоса сыновей.

Так будет до смерти до самой
Кровавый мерещиться бой. . .
О милые русские мамы,
Лиха безысходная боль!

1966

746. ЧТОБ МИР СВЕТЛЕЛ ОТ ИМЕНИ ЕЕ!

Мне ничего не надо от России!
Я так ее обычай понимал:
Когда меня в застолье не просили,
Я места за столом не занимал!

От этого идет мое веселье,
От этого веду свою игру,
И потому в чужом пиру
Не испытал, не знаю я похмелья!

Мне ничего не надо от России,
Лишь были б веселы ее дела,
Чтобы жила она в красе и силе,
В извечной славе чтоб она жила!

Чтобы стальной струной она гудела,
Огнем прошила всюду бытие,
Чтобы от наших дел она светлела,
А мир светлел от имени ее!

1966

747

...А ты не грустна почему-то,
Садись и России пиши,
Пиши ей, что кончилась смута
Твоей непонятной души.

Пиши, что идешь к новоселью,
Что, в общем, твой день неплохой,
Хоть нету большого веселья,
Но нет и печали лихой.

Скажи ей, России заветной,
Отправь свое слово в полет,
По вихрю пусти иль по ветру,
По морю —
Россия найдет.

1966

748. УТРО

Здесь ни гор, ни предгорий,
Выбирайте любое, пожалуй:
Ленинград вышел к морю
Или море к нему подбежало.

Подбежало на цыпочках
По дороге просторной,
Заиграло на скрипочках,
Взволновалось повторно.

А потом на гармониках,
На моих новгородках,
Словно жимолость тоненьких,
То буйных, то кротких.

А когда выходило
Утро в красных сапожках,
То играть выводило
И волынки и ложки.

Солнце шло от порога
И не дудки-жалейки —
Выводило в дорогу
Настоящие флейты.

Волны моря синели,
Ветром подняты купно,
И сквозь волны звенели
Колокольчики бубна. . .

1966

749. ЛАДОГА, 1941 ГОД

1

Мы постучали в Ладогу,
В просторы льда,
И Ладога ответила
Нам тогда:
«Давай, давай — я выдержу
Борьбу с бедой,
Давай, давай — я выдюжу
Бои с ордой!»

Пускай же не для вида
Гремит окрест:
Ладога не выдаст,
Фашист не съест!

2

Лети, «Дорога жизни»,
Во весь опор,
Советской Отчизне
Служи, шофер!

Служи стране огромной,
Будь рад подсобить,
Служи, где воют бомбы,
Готовые убить.
Фашист грозит удавкою,

А ты вези муку,
Вези ее добавкою
К голодному пайку.
К голодному,
Холодному,
К такому, что невмочь,
Вези в беду народную,
В горячечную ночь!

Вези в метель,
Вези в пургу,
Вези им невпокор,
Вези врагу наперекор,
Врагу наперекор!

3

Уж я-то знаю Ладогу
С тяжелою волной,
И под обычной радугой,
И — реже — под двойной.

С ветрами понизовыми
И верховыми в зной,
И — реже — с бирюзовою
Прохладной тишиной;
И с заводью, и плесами,
И с рощею густой,
С гранитными утесами
И грустною трестой;
С зелеными подлесками,
С песчаною косой,
Целованной до блеска
И солнцем и росой!

4

Мы постучали в Ладогу,
В просторы льда,
И Ладога ответила
Нам тогда:
«Давай, давай — я рядом,
И я помочь могу,

И вместе с Ленинградом
Ударю по врагу!»
Ударила, ударила,
Страдала за него,
И ей любовь подарена
Народа моего.
И, с ним победу празднуя,
Вольна и велика,
«Дорогой жизни» названа —
И это на века!

1966

750. СО МНОЮ СКАЗЫ ЗОЛОТЫЕ

Со мною сказы золотые,
Они промчались за леса,
Через заказники густые,
Что подпирают небеса.

В них плеск седой волны я слышу.
И рада вольная душа,
Что ветер Ладоги колышет
Зеленокрылье камыша.

И видно мне: за самой, самой
Грядой, где тесно валунам,
У побережья Валаама
Проходит солнце по волнам.

А перед тем, когда погаснуть
Ему, златому, суждено,
Заря всё машет лентой красной,
Как на морях заведено!

1966

751. ИЗ РОДОСЛОВНОЙ

Александру Смердову

Мой давний предок назывался смердом,
Он был дударь, ложкарь.
Он бражничал небось!
Что я скажу о нем — недостоверно,
Скажу, как в людях слышать довелось.

Его душа была огнем палима.
Он мало видел
И не много знал,
Платил с души,
А не с души, так с дыма,
Он жег леса под пашню,
Деготь гнал.

Он был, мой предок, с крепкими руками,
Немногословен был, но остроглаз,
Точил секиру о точильный камень,
Шел на врагов и ранен был не раз!

Он где-то жил на Волхове.
С туманом
вставал утрами,
Шел через туман.
В большом роду
Он назван был Иваном —
Неплохо ведь!
Мой прадед был Иван,
И дядя был Иван.
В долине ровной
Он жил,
Он бедовал,
Войной гоним...
Но здесь уже всё ясно в родословной,
Приходит встреча с Временем моим!

И я вошел в народное всевластье,
И я с великим Временем в ладу,

И вся моя родня,
Мои пристрастья
Не в домыслах моих,
А на виду.

1966

752. РОВЕСНИКАМ

Я пришел на Ладогу за песнями.
Те же волны, те же валуны.
Ну а где друзья, мои ровесники,
В море иль в земле погребены?

Многих море взяло, море, море,
Взял и схоронил девятый вал.
Говорят, что тот не видел горя,
Кто у моря век не проживал!

А земля?
Была земле недоля:
Орудийный гром держал обряд,
Многие упали в чистом поле, —
Братские могилы подтвердят.

Ветры возле них вели заплачки,
Всё вошло в легенду или в сказ.
Голосили, плакали рыбачки,
Не было крупнее слез у нас.

Эту песню я сложил у моря,
У зелено-синего огня,
Просто сердце охватило горе,
А его немало у меня!

1966

753

Ничем тебя не удивлю,
Ничем не удивлю:
Иду к тому, что я люблю,
К тому, что я люблю.

Иду, вода ломается,
Волна летит звеня.
Одна тропинка мается,
Страдает без меня!

«А где ты был,
А где ты был,
Где пропадал,
Чудной? —
Мой край,
Кудрявый от берез,
Так говорит
Со мной. —

Ведь сердце ты оставил здесь,
А коль не здесь, то где?
Да не оно ль горит флажком
На ладожской воде?

А в иван-чае не оно?
В гвоздике не оно?
А не оно ль, как яблоко,
Лучом подожжено?»

«Да полно, — краю говорю,
Я краю говорю, —
Я здесь, черемуховый мой,
Иду встречать зарю!»

1966

754. ПОЭТЫ

Так жили поэты...

А. Блок

Просто много стало нас,
Просто тесен стал Парнас.
Расширяли много раз,
Мрамор, будто сахар, тает,
Многим места не хватает,
Даже классикам подчас!

Где-то драка,
Где-то бой,
Где-то тянут
«Зверобой»,
Где-то песней тешат душу
Под гармошку,
Под гобой!

Многие надежно спят,
Местью многие кипят,
Рифма: «кровь — любовь»
                    не в моде,
Но за нею всё ж летят!

Хвала, хвала носящим нимб,
Берущим натиском Олимп,
Врагов ниспровергающим,
Издателей ругающим!

А всё ж немного прока,
Что тот похож на Блока,
А этот на губителя,
На своего родителя!

Но есть похожи ликами,
С Олимпа не отозваны,
И на Петра Великого,
И на Ивана Грозного!

Не в этом суть,
Она в одном,
Товарищи поэты,
Ведь дело в том,
Ведь дело в том,
Что дела-то и нету!

1966

755

О классики могучие,
Я в предрассветный час
Вот по какому случаю
Побеспокою вас.

В отряде поэтическом
Давно я состою,
При блеске электрическом
Стихи сложив, пою.

Я шел дорогой дальнею,
Ходил за перевал,
Лопатки гениальными
Нигде не называл!

О классики, тревожу вас
За дверью гробовой.
Скажите, если можете,
О рифме корневой!

Давненько с нею возятся,
Повсюду ей почет,
Она пудами ввозится,
И хлещет, и течет!

Течет без всякой робости,
Да не одной рекой.
И нет напасти-пропасти,
Нет грома под рукой!

Всё ж сколько бы ни тронула
Меня печаль обид,
Но премия Софронова
Сдаваться не велит!..

1967

756. ОТЕЧЕСТВО

Страна моя прекрасная,
Легко любить ее,
Да здравствует, да здравствует
Отечество мое!

На все четыре стороны
Весенний льется свет
Отечества,
Которого
Милей и краше нет,

Где нивы колосистые
В раздолье и в чести,
Где песни голосистые
Совсем не спят почти.

Да славится содружество,
Да будет вечен он,
Закон труда и мужества,
Незыблемый закон!

Страна моя прекрасная,
Я выстрадал ее.
Да здравствует, да здравствует
Отечество мое!

Свободное, народное,
Под звездами Кремля,
Родная, благородная
Советская земля.

Светло мое Отечество,
Крылатое оно,
Везде от разной нечисти
Оно ограждено.

Еще мы очень молоды,
Еще рабочим днем

Мы трудовые молоты
Играючи берем!

И мы живем — не мечемся,
И славим бытие.
Живи, мое Отечество,
Цвети, мое Отечество,
Великое мое!

1967

757. ВЫ ПРЕКРАСНЫ, ЖЕНЩИНЫ РОССИИ

Вы прекрасны, женщины России, —
Я узнал не из великих книг.
Вы прошли чрез годы вихревые,
Не утратив сердца ни на миг.

Вы в закрытой памяти не ройтесь,
Вам трудней сказать, что я скажу:
Видел вас, отважных и геройских,
Вами, россиянки, дорожу —

Вашей вечной славою солдатской,
Закаленной на лихом огне,
И слезою, пролитой украдкой, —
Мало ль что бывало на войне!

Вашей статью, вашей трудной долей,
Зачастую вдовьей, горевой,
Мужеством на грозном ратном поле,
Щедростью души своей живой.

Всё это никак необоримо
И достойно гордости людской,
Всё это никак неотделимо
От того, что помним день-деньской.

1967

Ленинград, Ленинград,
Лучше нету для песни зачина,
Знаю сам, что при имени этом
Проходит кручина,
Отлетает кручина,
Затихает тревога,
Песня к людям выходит
Слог за слогом,
Слог за слогом.
Ленинград —
Это слово премногих напевней,
И оно тешит сердце отрадой.
«Ленинград», — произносят деревья
Из заветного Летнего сада,
«Ленинград», — говорю я, кричу я,
К нему простираючи руки,
По земле стародавней кочуя,
В далекой разлуке.
И в ненастную ночь,
И в разлив белой ночи
В синих шлемах,
Как будто пришли на парад,
Не смолкая балтийские волны рокочут:
«Ленинград,
Ленинград!..»

1967

759. ШЕЛ ОКТЯБРЬ...

Шел октябрь. Небо тучами черными хмурил...
Лес раздел, обнажил, оставляя голье.
...Революция — ветер.
Революция — буря.
Революция — сердце мое!

Ты водила меня и друзей по лесам и завалам,
Страшной огненной бурей, метелью слепила и жгла.

И порой, Революция, нелегко мне бывало.
Да, бывало.
А ты, Революция, шла
По болотам, трясинам.
Я не знаю, как выжил, как выжил
По такому бесхлебью, безводью,
По такому огню, как в аду.
Я твое, Революция, имя
На дорогах мне памятных выжег,
И его я на мурманских сопках,
На карельском граните найду.
И у стен Ленинграда, на Севере
дальнем, в Норвегах,
Возле стен Киркенеса, у фьордов,
холмов или гор
Я видал, Революция, как ты шла под огнем
Впереди по глубокому снегу,
И тебе ледовитые горы везде
открывали простор.
Это ты, как положено воинской славой героям,
В неисчисленных битвах
И схватках с врагами
Мужала, росла,
Стяг багровый,
Горящий от моря до моря,
Это ты над полками несла,
Это ты над полками несла.

1967

760

Тогда со смертью были мы на «ты»,
Ведь к нам она ходила часто в гости,
Она летала к нам через фронты,
Была хозяйкой на любом погосте.

О, как мы ненавидели ее,
Когда, стуча костлявою рукою,
Она вселялась в наше бытие,
Как тварь, нигде не знавшая покоя.

Но, время, как товарищ нам ответь,
Ты помнишь всё, и ты не позабыло,
Как, выстояв, мы победили смерть,
Как мертвецам за нас не стыдно было.

1967

761. ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

Мне кажется, полезнее
Предупредить ребят,
Что нет чинов в Поэзии,
А впрочем, как хотят,

Как видят, так и думают,
А думать не хотят —
Пусть тянут жизнь угрюмую,
На мой, конечно, взгляд!

На мой незлой и опытный.
Тревожно бытие,
С полемикою хлопотно,
А всё ж беру ее.

Беру ее в свидетели
И за руку веду.
«Спасибо, благодетели!» —
За вас поклон кладу.

А я-то нынче с песнею,
Веселой и ручной,
С лесами, и полесьями,
И с заводью речной.

Мне кажется, полезнее
Предупредить ребят,
Что нет чинов в Поэзии,
А впрочем, как хотят!

1967

762. ГДЕ Б Я НИ БЫЛ...

Где б я ни был,
Я слышу, как гремит Ленинград
Медью, цинком, железом и камнем,
И шагами гвардейцев, что идут на парад,
И широкою песней морской и заздравной.

Где б я ни был,
Я вижу, как грустит Ленинград,
Он идет по безлюдью, простор атакуя,
Он, любимый, встает за гранитом оград,
По убитым солдатам безмерно тоскуя.

Где б я ни был,
Я знаю, как живет Ленинград,
Город мой вдохновенный, в работу влюбленный,
Полномочный глашатай, несущий плакат,
Агитатор отменный,
Восстанья огнем озаренный.

1967

763

Я говорю вам просто, по-хорошему.
Мне душу задевает боль утрат.
Давайте памятник поставим лошади,
Что хлеб везла в блокадный Ленинград.

И в полынью свалилась, бедолага,
И дикий ветер стон ее разнес,
А черный ветер черным флагом
Накрыл ее,
А сердце сжег мороз!

И страх, и жуть цвели в такой картине,
Метелил снег, гремели груды льда,
А голова гнедка была на льдине,
В глазу стеклянном замерла звезда.

И холодел мороз от ветра злого,
И в полынье шипел водоворот,
А рядом шлем валялся ездового
В снегу,
В метели,
Также вмерзший в лед!

1968

764. СЛАВА

Кто мне скажет,
Из какого сплава
Отлита иль выкована Слава?

Сплава нет такого.
Ну так кто ты?
Сердце, закрывающее доты,
В стороне озерной иль заречной?
Это что — мгновенье
Или вечность?

Что такое слава Ленинграда?
Это буря первой баррикады,
Это стяг ее, горящий ало,
Мужество, какого не бывало!

О России говорить не буду,
Ведь Россия вся подобна чуду!

1968

765. Я ЖИВУ, РОССИЕЙ ОКРУЖЕННЫЙ...

Я живу, Россией окруженный,
В голубых озерах отраженный,
Я хожу в лесах и перелесках,
Солнцем зацелованных до блеска!

Солнышко, гори, гори,
Шире окна отвори,
Золоченые,
Точеные,
Где скачут снегири!
Снегири, не снегири —
Просто алый блеск зари
Ты России
Самоцветной,
Не считая,
Подари!
Я живу, Россией окруженный,
Красотой ее завороженный:
Полями, полями,
Еще соловьями,
Младыми руками!
Ох и руки, молодые руки,
Не дадут мне помереть от скуки,
То жарой охватят, то ознобом,
Оживят и вытащат из гроба!
Я живу, Россией окруженный,
Солнцем, красным солнцем обожженный,
И кому-кому,
А ей виднее,
Где светлею я,
А где темнею!
Приходите, гости,
Через новый мостик,
Гости нá гости —
Нам для радости!

1968

766. ЗЕМЛЯ

Ой, моря мои и реки
Преглубокие,
Я иду себе, иду
Да поокиваю.
Просто так говорю,
То ль от радости,

По-онежски, по-пинежски
Да по-ладожски,
Да по-ладожски, да по-олонецки,
Пахнет слово землей,
Коль наклонишься!
Наклонись, поклонись
Здесь и около...
Я иду себе, иду
Да поокиваю.
И тоску и грусть гоню,
Ну их к дьяволу,
Вижу кисть костяники,
Красной ягоды.
Наклоняюсь к ней и рву —
Ох и красные,
Костяника, земляника —
Распрекрасные!
Сразу падаю в траву
Да в зеленую,
В ту густую мураву,
В ту миленую.

1968

767

О тебе я думаю
В краю любом,
Я веду мечту мою
В отчий дом,
Тот, что видел всюду,
Чем живу,
Век не забуду,
Россией зову!
Свет мой вечерний,
Свет дневной,
Летний,
Весенний,
Ты со мной.
Мой в травах росных,
С Невой,

С Днепром,
Мой светоносный
Отчий дом,
Мой, где присяга
Жива моя,
Мой с красным стягом,
Как заря!

1968

768. МЫ В ТЕЛЬНЯШКАХ!

Под бурей шалой,
Под ветром тяжким
Матросы в сонме крутых снегов,
Вскричав:
«Нас мало,
Но мы в тельняшках!»,
Оскалив зубы,
Шли на врагов.
Подобный буре, темнее тучи,
В бушлатах черных катился вал,
«Ура» вскипало,
И снег колючий
Нейтральным не был,
А воевал!
И волны дыбились ледовито,
Не затихал над долиной гром.
А после памятник из гранита
Был создан нами на месте том,
Где в буреломе
Под ветром тяжким
Матросы в сонме крутых снегов,
Вскричав:
«Нас мало,
Но мы в тельняшках!»,
Оскалив зубы,
Шли на врагов. . .

1968

769

Нагло вороги лезут,
Не легко с ними биться.
Ни огня, ни железа
Ленинград не боится!

По зеленым предместьям
Рыщут жадные волки.
Ленинград — город-песня,
Он не может замолкнуть.

Он поднялся, геройский,
И пошел ратным шагом,
И несметное войско
Разметал по оврагам.

Там, где никнул осинник,
Злую свору откинул,
И глядела Россия
На него, исполина.

Поглядела весенне,
Всё вокруг ликовало,
И такого веселья
На Руси не бывало!

1968

770. СИНЬ. АВГУСТ. ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Кто с Волги, кто с Камы,
Кто с Дона —
Раздольны России края.
А я говорю из Кобоны.
«А где, брат, Кобона твоя?»

«А где, — отвечаю, — в России,
Шумят заповедно леса.
Из блеклой нечаянной сини
Спокойны ее небеса.

Шумит верболоз и осинник,
Черемуха плещет в окно,
Густою всесильною синью
Пронизано море одно.

Мои августовские звезды,
Их росчерк вошел в бытие,
Мой синью пронизанный воздух,
Мое это море, мое!

Мне видно, как в вольном просторе,
Глубокие очи смежив,
Заснет это синее море,
На звезды волну положив. . .»

1968

771. ПУШКАРИ

Ой, жги, ой, жги,
Ничего не говори,
На Большой Пушкарской
Жили пушкари.

Пушкари не ротозеи,
Защищали землю,
Они ладили фузеи,
Ладили и зелье.

Не было в достатке лишнего,
Было то не главным,
Государевы людишки
Несли службу справно.

Стылою зимой и летом
Ловко ладили мушкеты,
Чтоб в бою среди лугов
Черт побрал бы всех врагов!

Чтоб проклятый супостат
Прямо после битвы

Шел бы в пекло,
Шел бы в ад
С чертовой молитвой!
. . .Ничего не говори
И не выговаривай.
Жили-были пушкари,
Пушкари пушкарили.

1968

772

Весна, а волны в инее,
И шлемы на них острые.
Иду Четвертой линией
Васильевского острова.

И выхожу к Неве-реке —
Воде, от солнца розовой,
Она примчалась налегке
Из-за стволов березовых,

Из-за рябин и тополей
Бежала сломя голову,
Она вертелась вкруг полей,
Кружмя кружилась, полая.

Потом надолго сохраним,
Что не купчиха-барыня —
Весенним городом моим
Она прошла,
Сударыня!

1968

773. ГЕНЕРАЛ ЛУКАЧ

Повелительно-резко
Взвился кумач.
Ты, Мадрид,
Ты, Уэска, —

Вся Испания,
Плачь!

Ты, Испания Лорки,
Поплачь на заре,
От долины к пригорку,
От пригорка к горе!

Ой, жалейка, жалейка,
Красный ветер горяч,
О Матейка, Матейка,
Ты еще не Лукач.

Путь не видится грозный,
Чтобы принял любя,
И мадридские звезды
Не вгляделись в тебя.

Но раз надо — так надо,
И дороги сошлись,
Ведь Кордова с Гренадой
Тебя заждались!

1968

774. ЛЬЮТСЯ СИНИЕ ЛУГА

Белые барашки
Пасутся на воле...
Льются синие луга,
Зеленое поле.

Синь и зелень на воде,
Взглянешь —
Сердце радо,
И на каменной гряде
Разгулялось стадо.

Я считаю у крыльца
Диких и домашних, —
Не видно конца
Ни лугам, ни пашням.

1968

775. ОТЕЦ

Отец мой — старший фейерверкер —
Жил,
Служил
И не боялся смерти.
Она сама нагрянула внезапно.
День умирал и тучи гнал на запад,
И, мертвенно бледнея, падал снег.
С землею не простился человек.
Но смерть напрасно затрубила в горны.
Он пал на поле боя .
Непокорным!

1968

776. ЧЕРЕМУХА

Сыплет черемуха снегом...
С. Есенин

Не убыло, не выбыло —
Метелица метет.
Ой, сколько снегу выпало —
Черемуха цветет.

За до́лами, за гаями,
Садами за село,
Что пало,
Не растаяло —
Цветами расцвело:

На ковшиках берестяных,
За рощей, на лугу.
И всё в снегу невестином,
Черемховом снегу.

Соцветьями накрошенный,
Пал на земную грудь.
Цвети, цвети, хороший мой,
И засыпай мой путь...

1968

777. ЧЕРНИГОВСКОЕ ПОЛЕ В КОБОНЕ[1]

Опять закланялась калина
Над голубым лесным ручьем,
Опять приснилась Украина
В седом Приладожье моем.

Бор поднялся стеной крутою,
Туман долину покрывал...
Кто это поле золотое
Давно Черниговским назвал?

Наш Север носит белый иней,
Мороз моря приводит в страх,
А над Десной, на Украине,
Стоит Чернигов весь в садах.

И здесь пахнуло Украиной
С ее вселенскою красой,
С такой раздольной придолинной,
С такой зеленою косой.

Не знаю, был тут лагерь, стан ли
Людей, простившихся с Днепром...
Но как потомок благодарный
Я вспоминаю их добром!

1969

778. ВЬЮГА

Забелели постели,
Задымились снега,
Захрустели метели
И помчались в бега,
Побежали по кругу,
Словно кто-то их гнал.
...Я декабрьскую вьюгу
С младенчества знал.

---

[1] Село Кобона, где я родился, находится у Ладожского озера. При Петре I здесь прорыт и поныне сохранившийся канал. В годы Великой Отечественной войны в Кобоне начиналась знаменитая «Дорога жизни», связывавшая блокадный Ленинград со всей страной.

Знал, и помню,
И знаю,
И доверюсь вестям, —
Как ворчунья сквозная,
Шла она по гостям.
Подбивала на сговор
Тех, кто был озорней,
И ломала подковы
Сивой масти коней.
И сама сивая,
В мятеже красивая,
С белой челкою на лбу,
Смотрит рьяно
На гульбу.

1969

779. ПЕСНЯ

— Где ты был,
Табашный хахаль?
Не видала
Сколько дней!

П. Васильев

Где ты был?
Куда пропал?
С кораблем в море упал? —
Когда шел по Белу морю
После свадьбы братней вскоре.

Ох и свадебка была —
В три деревни,
В два села!
Я досюльнюю вела,
Будто кружево плела!
Беломорскую минорку
Я вынесла в узор,
А потом скороговорку —
Куда хватает взор!

Ты потом пошел на Беломорье,
Вешним днем пошел,

После Егорья.
Беломорье — ветер гулевой!
Не один там распростился
С головой.
Ах ты,
Ох ты,
Непутева голова,
Позабыл мои
Разумные слова.
Ну куда ж ты,
Мой сердешный,
Запропал?
Нерпу бил
Аль с кораблем
В море упал?

1969

780. ГАРМОНИСТЫ

Мы живем не за Дунаем,
Не у Терека живем,
Мы по-ладожски сыграем
И по-спасовски споем:

Ой да полюбил я, полюбил я свою милую,
Ой да никому, да никому любить не дам!

Пели мы, идя тропинкой сирою
И рассыпав сердце, сердце по ладам.

Бубен ахает да охает
до Мсты,
Разнаряжены росистые кусты,
А тальянка то рыдает, то звенит,
А росинка ярко звездочкой горит.

Красота,
Лепота,
По дороженьке
Проходят некрута —

Очи сини,
Щеки красны,
Не разини
И не плаксы.

Так дружили,
Так мужали,
Так мы жили,
Ладожане...

1969

781. СИЯНИЕ

1

Ленинград — широк в плечах,
Силы непомерной.
Синь горит в его очах
Пламенно и верно.
И от этой сини
Небеса в сатине,
Ладога в чесуче,
С красной лентой на плече!
В красной ленте бьет закат,
Гром гремит, дает раскат.
Светоносным ливням
внемлет
Чудный город Ленинград.

2

Вечная отрада,
Дивный свет, сиянье
Ленинграда.
Сколько здесь аллей густых,
По весне кипучих,
Сколько шлемов золотых,
Разорвавших тучи!
Сколько улиц заревых,
Медленных и скорых,

И просторов мировых
Знает этот город.
Сколько всем народам впрок
Он,
Задумав,
Сделал.
Сколько в мир легло дорог
Из его пределов!
Ленин
Мужество вселил
В души ленинградцев,
Ленин
Город озарил,
Утверждая братство.
Ленин
Имя воле дал,
Бурями воспетой,
Ленинградом город стал,
Несказанным светом!

1969

782. МЫТНЯ

Снаряд влетел в окно,
Свистя, ворвался в Мытню —
Еще вплелось звено
В еще одно событье.

Моя судьба — потом,
Она легла на плиты,
А прежде — этот дом,
Почти Невою смытый!

Бежал поток живой,
У островов резвился,
Мост старый Биржевой
В парадном молодился.

На линии огня
Дом выстоял блокаду,

До радостного дня
Победы Ленинграда.

И не было ошибкой,
Что проверялось сталью,
И золото нашивки
Горело над медалью.

1969

783. ДЕНЬ ПО-ВЕШНЕМУ ЮН

Ленинград надевает
Первомайский наряд,
Ленинград
Напевает —
За Поклонной горою,
За Вороньей,
За Круглою рощей,
Ленинград сотрясает
Дворцовую площадь.
Он воистину молод,
Он в славном походе.
Кличет солнце мой город,
И солнце
Выходит.
И от площади Красной,
Где гранит Мавзолея,
День искрится прекрасный,
И Отчизна алеет
Краснофлажьем трибун,
И домов,
И заводов, —
День, по-вешнему юн,
Брызжет солнцем
И счастьем народов.

1969

784. ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Земля засыпала в ромашках,
И розовый свет потух.
    А море в белых барашках,
    И ветер у них —
                пастух.

        Пастушок, мой дружок,
        Заиграй-ка во рожок!

Хорошо пастух играет,
Море бьется в берега,
Над морем радуга-дуга
Горит,
    пылает в доле алой,
А кони мчатся небывало,
Зарей окрашенные кони,
Все красные, как на иконе,
Огонь летит из-под копыт!

Как морю спать?
Оно не спит.

1969

785. СКАЗКА

За травою, за трестою,
В молодом уборе
Село солнце золотое
Посредине моря.
Посредине моря — лодка,
Сине море льется,
Солнце в лодке-самоходке
Берется за весла.
Не за старые —
За новые,
Что любят рыбаки, —
Им с Ояти шли сосновые,
Кленовые — с Оки.

За Оятью — сосна,
За Окою — клены.
Молодым не до сна
У костров зеленых,
У ракит кружевных
В весеннем разбеге
Да в распевах озорных
Около Онеги,
Да в Приладожье морском,
За родным простором,
За березовым мыском,
За сосновым бором.

1969

786. ВАЛЯ

«Валя, Валя, Валенька», —
Так звенит проталинка.
Здравствуй, тоненький ледок,
Здравствуй, Звездный городок!
Выходило слово к слову:
«Здравствуй, Валя Терешкова,
Дорогая, милая,
Чайка сизокрылая!
Ты летела к звездам близко,
Звездам кланялася низко.
Раскрывали звезды очи
И желали доброй ночи
Всей земле с лесами росными,
Всей земле с морями грозными.

Полюбили звезды Валю —
Звездославой называли!»

1969

787. НЕЧУЙ-ВЕТЕР

Нечуй-ветер — трава.
Н. В. Гоголь

Среди трав моих несметных
Я не встретил нечуй-ветра,
Ни в лесу и ни в долине
Не видал на Украине.
Нечуй-ветер, нечуй-ветер,
Как живешь на белом свете?

В стороне моей заветной
Не хватает нечуй-ветра.
Где он днюет, где ночует
И какую боль врачует?
Может, слышал в дальних чащах
Ветер ладожский свистящий?

Мне по нраву имя это,
Где-то ты живешь на свете?
Жаль, что я тебя не встретил,
Нечуй-ветер, нечуй-ветер!

1969

1970—1971

788. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ РОССИИ

Россия,
Вольная Россия,
Ты хороша в кругу сестер своих.
Очи ясные пылают синью,
Ты цветешь, как яблоня,
В большом саду родном
Бело-розово,

Не дрожишь,
Не беднишься
Пред морозами!
России раздолье дано,
Пылает садов золотое руно,
А яблоки бьются в окно.
А народ-то России —
Честь и слава ему,
Так и быть по сему!
Меж народами-братьями
Он построил мост,
И он поднял Россию
До звезд!
Величальную песню России
Пою,
Обнимаю,
Целую
Россию мою,
Беспредельную землю
Красоты и труда,
И какую не старят
Лихие года,
Где и песня с былиною
Не раздружатся никогда.
Прихожу я в просторы
И снова,
И снова
К родимой земле припадаю;
Ее задушевное слово
Звездой путеводной сверкает.

*

Не печальную,
А величальную
Пою песню России —
Матери моей,
Любви моей
Давней и вечной,
Речной,
Заречной,
Лесной,

Полевой,
Вещей!
Ветер, ветер
Гулевой
Над Россией
Плещет.
И звенит, звенит
Часто молва
То глуше, то резче —
Величальную песню России
Я пою!

1970

789. СОВРЕМЕННИК

Город мой,
Великий город мой,
Я пришел к тебе —
Пришел домой.
«Хлеб да соль!» —
Я говорю с порога,
Говорю
И вновь иду в дорогу.
Город-современник,
Ты по праву
Страж
И символ доблести и славы,
Флагман городов моей Державы,
Исполин, стоящий над Невою,
Сокрушивший грозного врага,
Высишься героем из героев,
Заливая светом берега.

1970

790. ПОБРАТИМЫ

...Может, в Гавре мы.
Ник. Асеев

Если песня звучит,
Не пройду я, товарищи, мимо,
Не пройду мимо вас,
Города-побратимы.

Пусть огонь на пути, пусть вода,
Пусть болота и плавни,
Я сниму, одолею преграды,
Адреса прочитаю на камне.
Прочитаю, что Гавр — побратим Ленинграда,
И Манчестер, и Загреб — рабочие-братья.
Я приветствую вас,
Побратимы-громады,
Вы для дружбы, для жизни
Раскрыли объятья.
Ленинградом моим вся Отчизна горда
И заморские страны
Дивятся,
Твердым шагом идут
И идут города
По такому собрату
Равняться.

1970

791. АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Из всех тропинок и дорог
Одну я в жизни выбрать смог, —
Где проходил когда-то Блок.
Я клялся в верности ему,
Его не предал никому!
Ему я в мыслях не солгал,
Его я строки повторял:
«Опять над полем Куликовом
Взошла и расточилась мгла».
И как же ей не расточиться —
Ведь красным ветром с колесницы
Могуче веяли крыла!
И да святится Куликово поле
В сказаньях,
В песнях
И на вольной воле.

1970

792. ПОДОРОЖНИК

Подорожник —
Он, могучий,
Мне дороже
В теплицах срезанных цветов.

По нему ступают ноги,
Он, растущий у дороги,
На дороге,
Где песня с песней кружится,
Дарит нам знаки мужества!

Он сам, как воин,
Как солдат,
Живет, израненный стократ...

1970

793. ОСЕНЬ

Морозы ночью встретить можно —
Дерут последние листы.
Днем осень очень осторожно
Кудель кидает на кусты.

А дождь, набухнув, словно в яме,
Вот-вот и ливнем хлынет вниз.
Он над лугами,
Над полями
Совсем провис.
Совсем провис.

Оголены деревья,
Вянут,
А за далекими морями
Встает прекрасная заря.
И журавли устало тянут
За те далекие моря.

1970

794. ДРУГУ

(ОСЕННИЕ КАРТИНКИ)

Засентябрило.
Ну что ж, о солнце позабудь —
Черная птица
Шестикрыло
Небо закрыла,
Впилась ему когтями в грудь.
Вдруг
Снег
Упал
На клумбы, на цветы,
На всё живое.
Ты видел белых стай полет?
А ветер, воя, прохрипел:
«Зима идет,
Зима идет».

Туча шла осенним небосводом,
Кутая всё небо
                        в черный плат.
И лечил,
                как некий врач природы,
Раны неба
                    чуть живой закат.

1970

795. КАРЕЛИЯ

Море синее,
Приморье.
Бор, озера, редкоборье.
Я иду, а песня тычется
В мой северный простор, —
Карелия,
Владычица,
Не сосчитать озер.
Карелия-красавица,
Твои озера славятся —

Это очи синие
Тебе даны Россиею,
Чтоб не линяли,
Не выцветали,
А тешились, тешились
От игры на баяне.
Чтоб еще краше стали
Все бескрайние дали,
Твои, Карелия, леса,
Твоя бессмертная краса!
Мне милы былины, сказы,
Песни колыбельные,
Их поют по всей Карелии
Ребята дельные —
Лесорубы, рыбаки,
Плотники, охотники,
Мастера-плотовщики —
На миру работники!

1970

796. ЗВЕЗДЫ ПОБЕД

Слава Армии нашей —
На знаменах побед,
Нету воинства краше,
И сильней его
Нет!
В нем отрадно и властно
Встали мы и стоим,
С верной дружбой
солдатской,
С нашим братством
святым!
С ними шли
Через горы,
Через степь
И тайгу
Как гроза —
Для отпора
И для смерти врагу.

В бой ходили
И пели,
Били недругов
В прах,
Песни воли звенели
На солдатских губах.

Песни падали
В травы,
Нынче
В небе парят,
Над солдатскою славой,
Над матросскою славой,
Над Советской Державой
Словно звезды
Горят.

1970

797. ПЕРЕД СВАДЬБОЙ

. . .А в деревне нашей
Жили рыбаки,
Около канавы,
Около реки.

У самой Ладоги. . .
Ставили мережи,
Сердце радуя,
Ладогу тоже.

Рыбаки рыбачили,
Старики судачили:
«Дряхлые старухи
Впадают в забытье —
Бабье!»

Девки красовались,
Хозяйки-рыбачки,
Матерям в угоду
Помнили заплачки
Всё о чуж-чужанине,

Неприятном гражданине.
Гражданин был конопат,
Со спины смотреть — горбат...
Приходил тот чужанин,
Конопатый гражданин,
Не по моде пальтецо,
Невеселое лицо.
Приходила матушка,
Чертушко-сватушка...
Вспоил-вскормил батюшка,
Чертушко-сватушка.
Перед свадьбой
Так сидели,
Так с грустиной песни пели
О пшеничной косе,
О девичьей красе,
Чтобы, выйдя замуж,
Жили,
Как люди все!
Или
Лучше всех —
Лучше этих,
Лучше тех.
Смех.
Грех.

1970

798. ДУБКИ

В наших местах дубы не растут,
В наших красных лесах
Нету места могучим,
На вершинах которых
Покоятся тучи.
На равнинах приневских
Дубов не видать,
Наших белых ночей
Им вовек не пришлось коротать.
Посадил семь дубков я недавно,

И они принялись,
И плечистыми стали,
И раздвинули плечи,
Как говорится, на славу.
Это будут предтечи
Той зеленой дубравы,
Что в будущем встанет
И ветвями-руками
Небо, может, достанет.
И достанет!

1970

799. НА ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Грачи на полях заграяли,
А гай на глазах мужал.
Фашистские псы отлаяли,
Берлин свое отдрожал.
И стало светло по о́кругам,
Россия пошла в цветах,
И песня взвилась под облако
В своих молодых летах!
Мы встали, Россией рождены,
У славных Кремлевских стен.
Штандарты фашистов сброшены
В пыль,
              в грязь,
                            в тлен!
А на границах, в дозорах,
Застыло слово:
«Вперед!»
И не минует позора,
Кто на нас нападет!
Так Родина говорила,
Ликующая от побед,
Так гвардия повторила:
«Вперед!»
На тысячу лет!
На тысячу лет!
Не мало?
А Родина вновь и вновь

К своей груди прижимала,
Могучая,
Обнимала
Живых и павших сынов.
Без Родины —
нету жизни!
Так говорит народ...
Живи
И цвети, Отчизна,
На тысячу лет
Вперед!

1970

800

А ведь было —
завивались в кольца волосы мои,
А ведь было —
заливались по округе соловьи,
Что летали, что свистали,
как пристало на веку,
В краснотале,
в чернотале,
по сплошному лозняку.

А бывало —
знала юность много красных дней в году,
А бывало —
море гнулось, я по гнутому иду,
Райна, лопнув, как мочало,
не годилась никуда,
И летела, и кричала полудикая вода!..

1971

801. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДЕНЬ

День переменчив был, однако —
Он то смеялся,
То горько плакал.

Когда смеялся,
Мы говорили:
«Вёдро»,
Мы это слово
Произносили
Довольно твердо.

Но туча плотно закрыла солнце
Своей дерюгой,
Своим суконцем,
Своею черной бескрайней рванью,
В лазурь ушедшей тяжелой дланью.

И дождь пошел на цыпочках,
И вызывал улыбочки
У граждан Ленинграда, —
Но то была эстрада.

Потом
В сердца ударил
Гром,
И круто молния взвилась —
Огнем законы пишет Страсть!

1971

602. МОРЕ В КРАСНЫХ ПАРУСАХ

...Волны ходят валом, валом,
Вода
То тлеет,
То горит.
На Ладоге,
Под Сортавалой —
Гранит,
Гранит.

Как на Байкале, горы лезут
Туда, где ветер дик и лих,
А неба пламенный отрезок
Лежит, как зарево, на них.

Как будто киноварь слетает,
Не оседая на лесах,
И не волна видна крутая,
А море в красных парусах.

1970

803. ВЕСНА ЗОЛОТОБРОВАЯ

Олония, Олония,
Я с детства бью поклоны ей,

По-матерински мне родна
Ее краса суровая,
Не знаю,
Помнит ли меня
Она,
Золотобровая?

Весна золотобровая,
Весна золотокосая,
Бедовая, суровая,
Не приставай с вопросами!

Не помнишь? Помнишь?
Что ты, брат?
Ведь как мила сторонка,
Красива как!

И синий плат
Мне вскинула Олонка.

1971

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

804

Удар за ударом —
Полуночный гром.
То вспыхнет пожаром
Всё небо кругом.

Осветит картину
Села над рекой,
И леса долину,
И берег крутой.

И снова всё тихо,
Лишь ветер шумит
Да ливень осенний
В оконце глядит...

1915 или 1916

805. НА МОГИЛЕ ГЕРОЯ

Играет ветер, степной, привольный,
Играет ветер, лаская ширь.
Эй, степь родная, в твоем раздолье
Не всё белеет один ковыль.

Не всё покрыто росой медвяной,
К зеленым листьям прилип налет.
Обрывки тучек — полотнищ рваных —
Идут лишь только вперед, вперед.

В степи есть место — земля измята.
Мне шепчет ветер печально быль:
«Здесь бились люди, дрались солдаты».
Тут же белеет трава ковыль.

Над свежим местом, снарядом взрытым,
Ясна, прозрачна небес лазурь.
В воронке этой лежал убитый
Питомец красных — посланник бурь.

«В атаку!» Грозно врагу навстречу —
И под напором пурпурных льдин
Враги бежали... Но в этой сече
Он десять белых сразил один.

Так пусть же будет землица пухом,
А живоглотам придет каюк,
И в мире будет власть сильных духом,
Лишь власть рабочих и крепких рук.

⟨1919⟩

806

Объявил набор в солдаты
Александр, сибирский «круль»,
Подсчитали результаты,
И в итоге только... нуль.
Удирал Колчак от Волги...
Хорошо, что ноги долги,
И сейчас не отдохнуть —
Лупят в спину, лупят в грудь.
Скоро, скоро Колчака
Головка будет сломлена,
Уж на сучьего сынка
Осинка приготовлена.
Братцы, мне ль не стало веры —
У Деникина в войсках
Сыты только офицеры,
А солдаты без куска.

⟨1919⟩

807. ВЕСЕЛО ПОЖИЛ — ДОВОЛЬНО

Поп, бывало, в поминальные деньки
Брал в мешок себе баранки, крендельки.

Перед Пасхой же — сметану и творог,
А в престольный кушал водку и пирог.

Перед ловлею же лодки освятит...
А потом рыбешку вялит и коптит.

Снарядит, бывало, матерь попадью,
Даст котомку ей и малую бадью,

«Обстреляет» та деревню в два конца...
На столе стоит бутылочка винца,

А с насбиранной муки — блинов стопа...
Ох, житьишко было, братцы, у попа.

А теперь прошли поповские деньки:
Прощай вяленый сижок и крендельки!..

Мужику — своим мужицким языком:
Не являйся толстопузым — батраком!

⟨*1920*⟩

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

808. КОТ МАКАР

Там, где ветер пробегает
До сосны игольчатой,
Там, где ветер нагибает
Много колокольчиков,
Жили, дружбы не тая,
Два веселых воробья —
Серые воробушки,
Смелые головушки.
Речка светлая в осоке,
Теплые завалинки
Знали серых, невысоких,
Знали просто маленьких...
Как-то утром раз
Шел не дед Тарас —
Кот Макар шел по дороге,
Щуря круглый глаз.
Если шел Макар по бору —
То дрожал дремучий бор,
Подходил он к мухомору —
В страхе падал мухомор!
Вот какой был тот
Беспокойный кот.
Белогрудый, белоногий,
Шел, мурлыкал по дороге.
Вдруг метнулся кот к избушке.
Мимо будки пастуха,
Мимо сосен на опушке,
Мимо злого петуха.

И домчался. Лапы в тине,
Глаз зеленый, шерсть комком.
Он на крышу по рябине
Пробирается ползком.
Закричал пастух:
«Макар!
Не ходи! На крыше вар!»
Но Макар ползет всё выше,
Дерево царапая,
И в горячий вар на крыше
Попадает лапами.
Воробьи кричат:
«Ура!
Жаль, что нет комара —
Поплясал бы, покусал бы,
Улетел бы со двора!»
Кот уходит злой-презлой,
Кот идет к себе домой,
Мимо сосен, мимо ям
И грозится воробьям:
«Я — Макар, я — Макар,
У меня на лапах вар!»

1938

809. ПЕСЕНКА

Веселое, приветное,
Гореть не устает,
Большое солнце светлое
Над Родиной встает.

Цветет земля чудесная,
И ей мы говорим,
Что Родину советскую
За всё благодарим:

За лютики, за донники,
За флаги, как заря,
За то, что все мы
школьники
С начала сентября!

Мы сильные, здоровые,
И нам привольно жить,
Идем мы в школы новые
Учиться и дружить.

И станут нам известными
Все горы, все моря,
Мы школьники советские
С начала сентября.

1938 или 1939

810. СКАЗКА О ТОМ, КАК КОТЕНОК СТАЛ КОТОМ

Жил котенок-малышок,
Ростом был всего с вершок.
Рос, рос целый год —
Из котенка вышел кот.
Солнце грело, пригревало,
А ему и горя мало.
А ему и горя мало —
Он на солнце золотом
Стал бывалым, годовалым,
Замечательным котом.
Замечательным котом,
С замечательным хвостом,
С беленькими лапками,
Лапками-царапками.
Просыпался кот,
Намывался кот.
Просыпался,
Намывался,
Шел по комнатам в поход.
И боялись тех походов
Воробьи под крышею.
Шел тихонько воевода,
Чтобы мышь не слышала.
Чинно ходит кот-мурлыка.
Спят деревья, спит вода.
Воробьишки с громким
криком

Разлетелись кто куда.
И проснулся тополь тонкий.
Клен проснулся молодой.
Ветер с ветром вперегонки
Побежали над водой.
Кот расправил усы,
Посмотрел на часы,
Ткнул усами в молоко —
До обеда далеко.
Для чего ж он утром синим
Просыпается чуть свет?
Хоть бы раз его спросили:
«Что готовить на обед?»
Он сказал бы так:
«Мур-мур».
Это значит: «Больше кур!»
Он сказал бы:
«Мяу-мяу».
Это значит:
«Мяса мало!»
Он бы шел обедать с плясом,
Если б было велено,
Чтобы в щах побольше мяса
И поменьше зелени.
Он гулял бы, как на свадьбе,
Он бы песню затянул.
А сейчас коту поспать бы.
Спать бы,
спать бы...
Кот заснул.

1938 или 1939

811. СКАЗОЧКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ПРО КОМАРА-КОМАРИКА

Ди-ли, ди-ли, ди-ли, бом!
По дороге пыль столбом.

Видит, видит весь народ —
Едут, едут пять подвод.

Через мост, через воду,
До широкого двора,
Как на тех пяти подводах
Привозили комара.

Закружились мухи роем
С вишеньем, с орехами:
«Ну, Комар Комарович,
Вылезай, приехали!»

Подбежали тараканы
И жуки всего двора.
Поднимали великана,
Молодого комара.

То он сядет, то привстанет;
За столбы упала тень, —
В синем бархатном кафтане,
В черной шапке набекрень!

Ох, кафтан, ах, кафтан:
То ли куплен, то ли дан!
Пуговицы мелкие,
Верх, подбитый белкою,

Плечи соболиные,
Полы просто длинные!

От ворот — поворот
Со двора на огород.
«Может, мне, — подумал крот, —
Показаться на народ?»

А комар тут как засвищет,
Словно ветер в сентябре,
Как прошел комарище,
Стало тесно на дворе!

Стало тесно на дворе,
Стало тускло на заре!

Ой, беда идет, беда:
Вышла щука из пруда!

Закричал долгоносик:
«Как земля такого носит!»

Вылез крот и говорит:
«Где горит?
Что горит?»

Только кот не горевал:
Громко песню запевал.

1939

812. НА ЗЕЛЕНОЙ НА ЛУЖАЙКЕ

На зеленой на лужайке
Заиграла балалайка,

Загудела дудочка,
Дудочка-погудочка.

Звени, дуда:
«Сюда, сюда!»

На лужайку, на лужок
Сели четверо в кружок.

В сарафане красненьком
Заплясала Настенька.

Хорошо ли, плохо ли —
Мы в ладоши хлопали.

1939

813. НАШ ЛЕСОК

Он не низок, не высок,
Зелен, светел наш лесок.
Мы, когда учиться стали,
В том лесочке насчитали:

Восемь сосенок густых,
Пять березок молодых,
Семь осинок-невеличек,
Девять елочек-сестричек.
Хорошо в лесу таком —
Каждый кустик нам знаком.
Только раз погоревали:
Заблудился бедный Валя.

1954

814. СМОРЧОК

Сморчок, сморчок,
От рожденья старичок.
Вырос на опушке,
Шапка на макушке.
Дунул ветер... И сморчок
Повалился на бочок,
Весь в морщинах —
Старичина!

1954

815. ГОРНИСТ

Алый флаг над лагерем пылает,
Речка говорлива, лес речист.
Пионерский горн в лесу играет,
Песню хорошо ведет горнист.

И как будто всё кругом запело,
Словно бы всему он подал знак,
Маленький горнист в рубашке белой,
С галстуком, пылающим как флаг!

1954

816. ПОСЛЕ ПЕРВЫХ УРОКОВ

Под березкою в тиши
Собралися малыши.

Малышам сказал Тарас:
«Самый трудный — первый класс!

Всех труднее первый класс,
Потому что в первый раз!»

1954

817. ДУБКИ

На лужайке у реки
Посадили мы дубки.
Веселей расти, дубрава,
Всем на радость,
Нам на славу!

С каждым годом расцветай,
Шум зеленый поднимай.
Будьте счастливы, дубки,
На лужайке у реки!

1955

818. ОПЕНОК

Влез опенок на пенек,
Простоял один денек,
А потом склонился,
Чуть не свалился,
Тоненький, тоненький,
Ножка — что соломинка!

1955

819. СЧИТАЛКА

Чет,
Нечет,
Нечет,
Чет!
Открываю
Первым счет.
Раз, два, три, четыре, пять,
Начинай считать опять!

1955

820. ГРАЧИ

На этой неделе
Грачи прилетели.
Хоть трудна была дорога,
Старший грач прикрикнул строго:
«За работу!
Дела много!
Помни сам,
Других учи,
Да по-настоящему:
Наши черные грачи
Птицы работящие!»

1955

821. ЗАЙКА

За березовым пеньком
Зайка спит под лопухом.

Бросил темный лес шуметь.
За реку идет медведь!

Лис давно ушел с лисой.
Баю-баю,
Спи, косой!

Как-то жаловался дед —
На тебя управы нет.
    Баю-баю,
    Баю-бай!
    Лес весенний.
    Месяц май.

1956

822. СКВОРУШКИ

Скворушки, скворушки,
Масленые перышки!

Нет сегодня вам пути,
Дайте лету отцвести.

Журавли не протрубили,
Зайцы дров не нарубили,

Белки печи не топили,
Пирогов не напекли,
Ветры лес не подмели.

Через день, через два
Выйдут зайцы по дрова,
Впятером
С топором,
Молодец к молодцу,
Будет им по леденцу,
Будет им по прянику,
По цветку-невянику!

1956

823. ПОДСОЛНУХ

Вырос подсолнух
На Машиной грядке.
Посмотрел золотой,
Всё ли в порядке!

Посмотрел, поглядел,
Наклонился низко:
Огурцы — молодцы,
Хороша редиска.

Ну а как здесь горох,
Как ему живется?
А горох здесь неплох,
Зеленеет, вьется.

Ну а как тут цветы?
Глянул на лужайку —
Там идет вся в цветах
Машенька-хозяйка.

1956

824. СТУК-СТУК...

Стук слева,
Стук справа,
Отзывается дубрава.

Стук летит на всю страницу —
Это дятел клювом бьет.
На траве сидят синицы.
Может, им перепадет?
Может, им перепадет,
Может, шапка упадет?

Шапка красная,
Атласная...
Мечта напрасная!..

1956

825. СИНИЧКИ

Милые синички
Ростом невелички,
Так что жить — не тужить
Могут в рукавичке.

Только осень настанет —
«Цвинь-цвинь,
Улетаем!»

Провожать соберемся —
«Цвинь-цвинь,
Остаемся!»

Только солнышко вышло —
«Цвинь-цвинь» —
Всюду слышно.

1956

826. А КТО В ДУПЛЕ?

В сосне дупло,
В дупле — тепло.
А кто в дупле
Живет в тепле?

А живет там белочка,
Белочка-карелочка,
Непоседа-егоза,
Словно бусинки глаза!

1956

827. ТУЗИК

Вот он крутится волчком,
Тузик, Тузик, хвост крючком.

Вот летит во весь опор
То на речку, то во двор,

То дежурит у ворот —
Словом, дел невпроворот!

Ходит крот, и ходит ласка,
Тузик тявкнет для острастки:

Мол, спасибо на беседе,
Недосуг болтать, соседи!

1956

828. РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Гули-гули, голуби
Сели возле проруби.
Ворковали:
«Гуль-гуль...»
Речка пела:
«Буль-буль...»

Таял снег в лугах, полях,
Голубели ночки,
На прибрежных тополях
Набухали почки,
У весенней проруби
Голубели голуби.

1958

829. ХОРОШИ МОИ ДЕЛА

Хороши мои дела:
Я дорожку подмела,
Я ромашку поливала,
Чтобы лучше расцвела.

Пусть скорее расцветает,
Пусть белеет на лугу...
Я такая, я такая —
Без работы не могу!

1958

830. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Ай, лю́ли, ай, люли́,
Наши руки мы сплели.
Мы их подняли повыше,
Получилась красота!
Получились
Не простые —
Золотые
Ворота!

Возле норки
Крота
Встала горка
Крута...

Проходите,
Кто хотите,
В золотые ворота!..

1958

831. ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

Палочка-
Выручалочка!
Среди бела дня
Выручай меня.

За березу, за рябину
Далеко тебя закину.
Кто за палкой гонится,
От того хоронятся.

1958

832. УТРО

Ой, солнышко,
Высоколнышко,
Звонко иволга поет,
Чистит горлышко.

Встала Галя поутру,
Завела свою игру,
Видит иволгу на ветке,
Видит солнышко в бору.

1958

833. ПЕРЕПЛЯС

День-денек, день-денек.
Сел зайчишка на пенек.

Видит зайка, серый зайка —
Вышла Галя на лужайку.

Галя песенку поет,
В ручку платьице берет.

От нее невдалеке
Сидит зайка на пеньке.

Видит зайка в первый раз
Настоящий перепляс.

Как пошла она юлой —
Зайка наш с пенька долой!

1958

834. ПЕРЕД НОЧЬЮ

Расскажу всё, как было:
Галя ручки помыла,
Мылом ручки помыла
И лицо не забыла.

«Доброй ночи, Галинка!» —
Ей сказала калинка.

«Спи, Галинка, спокойно! —
Клен сказал тонкоствольный. —

Ба́ю, ласточка, ба́ю,
Я и сам засыпаю!»

1958

835. СНЕГ, СНЕГ, СНЕГИРИ...

Невеличка,
Маленька,
Белоличка
Галенька.

Умывается сама,
Одевается сама,
Серебристую дорожку
Расстилает ей зима.

Свет, свет,
Две зари!
Снег, снег,
Снегири...

1958

836. РАННЕЮ ВЕСНОЙ

Тонкие зеленые былинки,
Цветики синеют.
Это ведь подснежники, Галинка,
Нету их милее!

Из-под снега только что пробились —
И уже в расцвете,
Потому и людям полюбились
Больше всех на свете!

1959

837. НА ВЗМОРЬЕ

Выходила Галя к морю,
Накупалась Галя вволю.

Насбирала Галя гальки,
И над ней кружились чайки:

«Что ты, Галя, делаешь?
В наше море бегаешь?»

«Я песок здесь копаю,
Куклу новую купаю!»

Кукле горе
Это море!

1959

838. ЗАГАДКА

Девочка Аленушка
Посадила зернышко,
Летом выросло на грядке
Золотое солнышко.

Позвала Алена Галю,
Нашей Гале говорит:
«Я его оберегаю.
Ночью солнышко горит.

А к нему бежит тропинка,
Колокольчиком звеня...
Поняла ли ты, Галинка,
Что за солнце у меня?»

1959

839. ВЕЧЕРОМ

Аленький
Цветочек мой,
Галенька,
Пойдем домой.

Буду кашу варить,
Буду Галю кормить,

Ешь, Галинка, не спеша.
Каша очень хороша!

Ешь, Галиночка, до дна,
Ешь, моя пригожая,
Ведь на самом дне она
Самая хорошая!

1959

840. ЕГОР И МУХОМОР

Шел Егор
Через бор,
Видит:
Вырос мухомор.
«Хоть красив, а не беру», —
Вслух сказал Егор в бору.

«Верно ты сказал, Егор!» —
Так ему ответил бор.

1961

841. МОРОЗ КРАСНЫЙ НОС

Я — Мороз
Красный Нос,
На снегу студеном рос,
И на горке ледяной,
И где бор стоит стеной,
И где вьюги веют грозно.

Я — Мороз
Красный Нос.
Бородой седой оброс.

В мою бороду седую
Ветры дуют,
Вьюги дуют.
«Фи-у, фи-у, фи-у, фи-у», —
Машет вьюга белой гривой.

Ну а я на чистом льду
В самый русский пляс иду.
Я пляшу, пляшу, скачу,
Серебром за всё плачу.
Серебром за всё плачу,
На весь свет его мечу!

1961

842. ПРО ЗАЙКУ ЗАЯ...

Баю-баю-баюшки,
Сшили зайке варежки.

Носи, зайка, носи, Зай,
Бегай в город Березань.

В Березани, в Тополёве
Избы сложены из бревен,

В разноцветные оконца
Целый день глядится
солнце.

Зайцам пряники везут,
Зайцы пряники грызут:

Вяземские, тульские,
Летние, июльские,
Зимние, предзимние,
Наливные, дивные!

...Забелилась Березань,
Был зимою зайка Зай.
Береги, мой заюшка,
Хорошие варежки!

1964

843. НА ГОРЕ, НА СОЛНЫШКЕ...

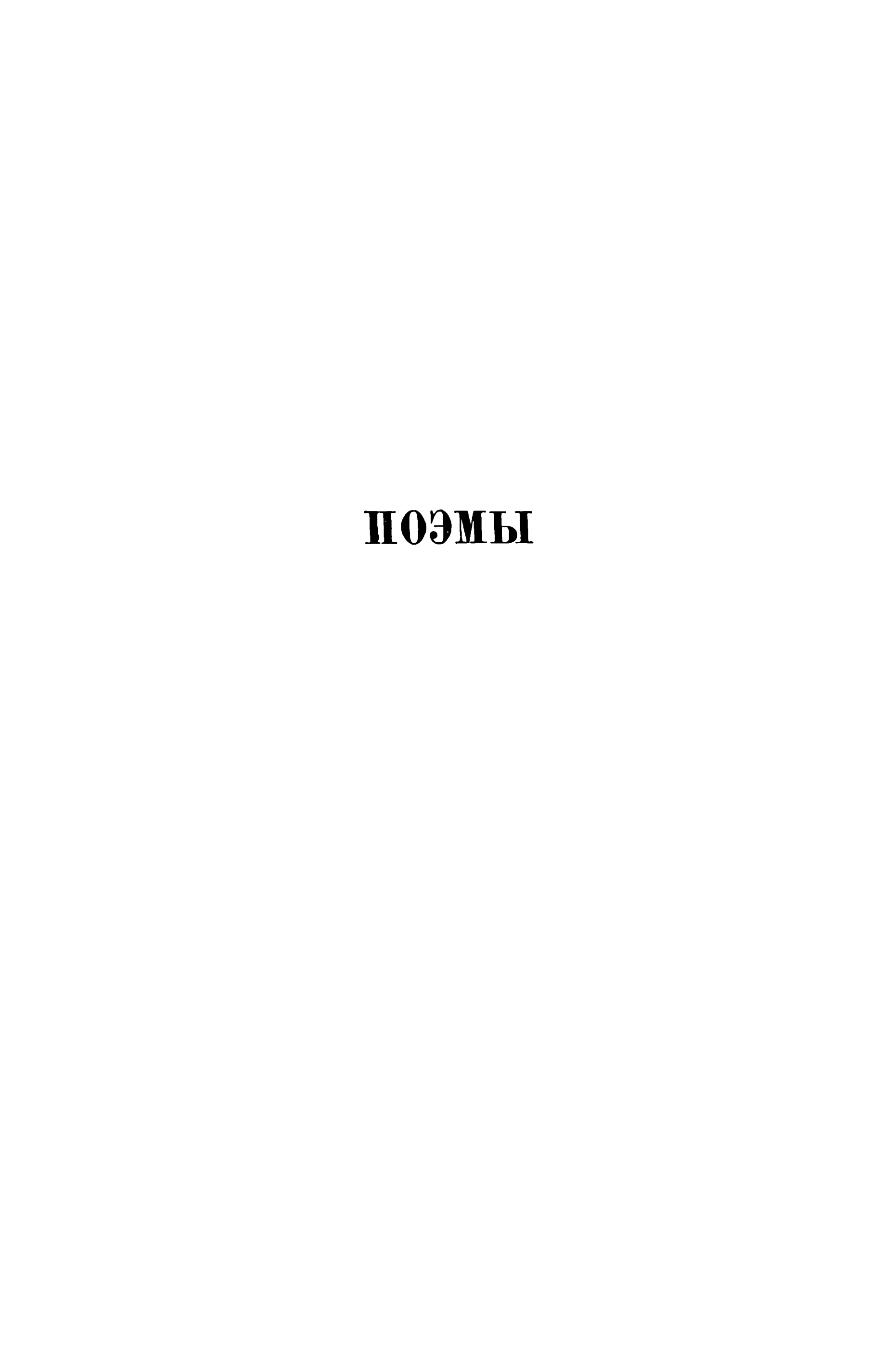
На горе, на солнышке
Выросли подсолнушки.
Как надели красным летом
Набекрень свои береты —
Так до самой осени
Их они не сбросили.
Так росли, цвели и вяли,
На одной ноге стояли!..

1965

844. РЯДОМ С ЛЕСОМ

Я живу здесь, рядом с лесом,
Возле леса
Иль подлеска.
Мне и роще тут не тесно,
Никаких нет обид.
Просыпаюсь от всплеска
Берез и ракит.
Скачут белки-летуньи —
Стадо бабки-колдуньи.
Бабка их бережет,
Бабка их стережет.
В свою хату-самоделку
Прячет от мороза белку.
Белка спит под одеялом.
Ей тепло.
День весны настанет алый,
Проживут друзья немало
И светло,
Светло.

1970

ПОЭМЫ

845. РОССИЯ

Поэма

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз.
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пущи берез.

Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — взахлеб;

Да какой-нибудь старый шалашик,
10 Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядевшие вдаль;

Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранки, да краны, да домны,
Да певучая русская речь!

Каждый день был по-своему громок,
Нам войти в эти дни довелось.
Сколько ливенок, дудочек, хромок
20 Над твоими лугами лилось!

Ты вовек не замолкнешь, родная,
Не померкнут веснянки твои,

Россия

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз,
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие [illegible] берез. +
Каждый день был по своему грозен
Как [illegible] в эти дни довелось,
Сколько [illegible] песенных, хромых

Ах, [illegible] [illegible] милость!
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] веснянки твои
Как сейчас по переднему краю
Неумолчно свищет соловей.
Все равно не [illegible] / [illegible]
И сейчас у любого куста
Бело-белая пена черемух
[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]!
([illegible] = [illegible] по родимым [illegible]
Да не [illegible] = [illegible] все за нее)
не [illegible] = [illegible] [illegible] [illegible]
Соловьиное горло твое!

Да шуршат русские песни
Вдруг с какого-то [illegible] и [illegible]
[illegible] сразу [illegible]
[illegible] [illegible], в поднебесье
По родному, по-русски, в голос!

Да конечно могут [illegible] [illegible],
Да задумчивой [illegible] печаль,
Да родимые [illegible] очи,
С под [illegible] [illegible] [illegible]!

Коль сейчас по переднему краю
Неумолчно свистят соловьи!

Всё равно на тропинках знакомых
И сейчас, у любого крыльца,
Бело-белая пена черемух
Льется, льется — и нет ей конца!

*

Соловьи, соловьи, соловьи,
30 Не заморские, не чужие,
Голосистые, наши, твои,
Свет немеркнущий мой, Россия!

Им, певучим, остаться в веках
Над ватагой берез непослушных,
На прибрежных густых лозняках,
Над малиной — зеленой и душной,

Над черемухой дикой, лесной,
Чей веселый наряд неизменен, —
Вся она в белой пене весной,
40 В бело-белой и в розовой пене!

*

Край родной, весну твою
Сердцем принимаю,
Я весной в родном краю
Наломаю Маю.

Я пройдусь полянками,
Радость понимая,
Праздничного, яркого
Наломаю Маю.

Я пройду, где разметалась
50 Широко долина.
Наломаю краснотала,
Ивы и калины.

К ним в сыром, но теплом рву,
На глухой дорожке
Желтых лютиков нарву,
Ландышей в сережках.

Дальше — пусть в моем дому
Счастье будет полным —
Колокольчиков приму
60 Голубые волны.

И пойду к себе домой
В голубом и синем...
Милый отчий край, ты — мой,
Ты моя, Россия!

*

Летит заря, за ней белее снега
Черемухи отвесная стена.
Заря в волну бросается с разбега,
И сразу разгорается волна!

И сразу поднимается на ярус,
70 И вот над ней, бегущей напролом,
Простерт, как птица, алый-алый парус,
И он волны касается крылом!

Челн мчится вдаль, он хочет побыстрее
Сойти с огня, но тщетно: всё равно
Уже огонь набросился на рею,
Челну другой дороги не дано!

За ним в багровой ленте перелески,
Под ним — рудая полая вода.
А на корме, прищурившись от блеска,
80 Сидит рыбак, спокоен, как всегда.

И весел он, что новый нерест вызнал,
Что хороша хозяйка у него,
Что сам неплох...
Заря играет в брызгах
На кожаном переднике его.

*

За зеленым лугом
Тын или ограда,
И на всю округу
Тополей отрада.

Рядом, недалечко,
90 Протекает речка.
Возле этой речки
Сосенки — как свечки!

Реченька-забава,
Берега крутые,
В заводях — купавы
Плечи золотые!

И сошлись дороги,
Как слетелись гуси,
Там, где моет ноги
100 Белые Маруся;

Где рукой затейной
На песке откоса
Лютики иль вейник
Заплетает в косы;

Где цветет калина,
Где над самым плесом
Ветви наклонила
Белая береза.

*

Люблю березу русскую,
110 То светлую, то грустную,
В беленом сарафанчике,
С платочками в карманчиках,
С красивыми застежками,
С зелеными сережками.
Люблю ее, заречную,
С нарядными оплечьями,

То ясную, кипучую,
То грустную, плакучую.
Люблю березу русскую,
120 Она всегда с подружками
Весною хороводится,
Целуется, как водится,
Идет, где не горожено,
Поет, где не положено,
Под ветром долу клонится
И гнется, но не ломится!

*

Знаешь, сели сказка с песней
У походного костра.
Как не сесть им рядом, если
130 Сказка песенке сестра.

Ночь деревья закачала,
Сон на цыпочках идет.
И тогда-то для начала
Песня голос подает.

Что сказала ненагляда,
Кто услышал — повтори.
Если сказка с песней рядом —
Гармонист, гармонь бери.

Ну-ка, ну-ка, с перебором,
140 От плеча к плечу вразлет.
Песня ходит по-над бором,
Сказку оторопь берет.

И она как бы в тумане,
Не бросается в игру.
Ну а песня — манит, манит
И в лазурь зовет сестру.

Песня вьется, песня льется,
В ней сражается моряк —
Гордо бьется, не сдается,
150 Не сгибается «Варяг».

И в долину море в пене
Входит злым под ветра свист.
И трехрядку на коленях
Вдруг ломает гармонист.

Полный взлет — и песня спета,
Снова стала тишь да гладь...
Недалеко до рассвета,
Время сказку начинать.

*

По дороге по прямой
160 Шла зима с морозами,
Шла зима к себе домой,
Снег стелила розовый.

Шла зима домой богатой,
Сразу за березами
Снег стелила.
От заката
Он казался розовым.

За зимою две метели
Снег тот веяли, мели,
Снег взвивали как хотели
170 И кидали хрустали.

У зимы в лесу изба —
На все стороны резьба!
На все стороны коньковый
На покатой крыше взлет,

И на вздыбленных подковах
Никогда не тает лед!

Два столба хрустальных врыты,
Сторожить приставлены.
Ледяные окна скрыты
180 Ледяными ставнями.
На шесте на ледяном
Ворон ходит ходуном.

Днем и ночью ворон кружит,
Ворон тужит об одном,
Что который год на стуже
Он не спит спокойным сном.

За избою лес
Прямо в небо влез,
За избой лесок —
высок.

190 Ворон знает эту рощу —
Там служить и жить попроще.
Там морозы, там метели
Все живут в одной артели.

Там бы дали рукавички
И подзорную трубу,
Там кричали бы синички:
«Сидит ворон на дубу!»

*

Снежки пали, снежки пали—
Наверху гусей щипали.
200 Всё бело, ой, всё бело,
Белым цветом расцвело.

Бел зайчонка легкий след.
На березе бел берет,
И на рощице ольховой
Белым-бел платок пуховый!

У рябин бела оборка,
Мил платочек красненький. . .
Хорошо бежит с пригорка
Молодая Настенька.

210 Сколько цвету у кувшинок —
Так на Настеньке пушинок.
Сколько щеп среди двора —
Так на Насте серебра!

Как вбежит она домой
С нашей русскою зимой,
С шуткой-прибауточкой,
Чтоб в ней души не чаяли,
Чтоб на ней в минуточку
Пушинки все растаяли!

*

220 Гармоника сорвалась с плеч.
Ходит изба, ходит печь,
Ходит брага хороша,
Ходит Настенька-душа,

Та, что ростом хоть мала,
Зато характером мила!

Ходит водка — злой напиток,
И на лавках вдоль стены
За столом сидит Никита
Свет Фадеич и сыны.

230 За столом сидят сыны,
Дорогие, боевые, золотые — нет цены.

Брага в кружках хороша.
Ходит Настенька-душа,
Наливает не спеша.

Настя ростом хоть мала,
А с неба звездочки рвала!
Как на Настеньке сатин —
На две улицы один!

Жито, в поле колосись,
240 Платье алое, носись,
Чтоб форсила маленька
В новом платье аленьком,
Чтобы платьице горело,
Чтоб хозяюшка добрела!

Песню нá кон. И она столетней
Каждому закланялась певцу.

Песню спели, выпили по третьей,
Обратился старший сын к отцу:

*

«За окном, отец, Россия наша
250 От Амур-реки и за Двину,
Так благослови сынов, папаша,
Мы идем, папаша, на войну.

Нынче хлеб и соль с тобою делим.
Ну а завтра будем далеко,
Так благослови ты нас, Фадеич,
Запросто, душевно и легко,

Чтобы бились мы, как бились деды,
Чтобы сгинул лютый супостат...
Настенька, налей нам за победу,
260 Чтобы все вернулись мы назад!»

Чокнулись и кружки осушили.
И отец поднялся со скамьи:
«Я благословляю вас, большие
Сыновья мои, сыны мои!

Чтобы сгинул ворог распроклятый
С каждой тропки, с каждой колеи,
Я благословляю вас, орлята,
Не орлята, а орлы мои!

Нет, не будет русский мир безмолвным,
270 В славе будут русские края...
Настенька, налей-ка вновь по полной,
Выпьем за Россию, сыновья!

Нет — я говорю вам — в мире стали,
Чтоб народ наш сталью не сломил!
За Россию все мы нынче встали,
Без нее нам свет не будет мил;

За Россию — светлую отраду,
За открытый взгляд ее простой,

Рек ее стремительных прохладу
280 И ручьев малиновый настой;

За ее черемухи и вишни,
Зорь России красную игру
И за то, чтоб каждый был нелишним
На ее, дай бог скорей, пиру!

И еще за то, чтоб в полной силе
Шла везде, вольна и высока,
Золотая песня о России.
Ну-ка, запевай ее, Лука!»

*

Наша родина — Россия,
290 Дольняя да горная,
Наша родина — Россия,
Грозная и гордая.

Василек мой, цвет мой синий,
Песни колыбельные.
Ой, Россия ты, Россия,
Сосны корабельные...

Сосны корабельные,
Да ветра метельные,
Да красивые девчонки,
300 Да ребята дельные;

Да черемухи в цвету,
Да луга с покосами,
Да девчонки-сговоренки
С золотыми косами;

Да на ветке соловей,
Да без счету версточки,
Да отважных сыновей
На погонах звездочки!

Рассветало. Зимние косые
310 По снегу лучи прошлись гурьбой.

За окном летела вдаль Россия
Со своей прекрасною судьбой.

*

Гори, гори, державная
Кремлевская звезда,
Сверкай на стягах, славная,
Навеки, навсегда!

Большое наше мужество
В любом бою утрой,
Пусть коршуны не кружатся
320 Над ясною землей.

Пусть зори отражаются,
Пусть блещут над водой...
За это мы сражаемся
С проклятою ордой.

Пусть радостью расцветятся
Родимые края,
Пусть песня с песней встретятся
У звонкого ручья.

Пусть в небе вьются соколы,
330 Пусть вечно молодой
Стоит страна высокая
Под красною звездой!

*

К нам в края вернулся сизый сокол,
Он о том кричать не устает:
На Амур-реке, реке широкой
С полуночи солнышко встает!

Что ж ты, сокол, ищешь, не находишь,
Ты опять слетай под облака,
Над Россией солнце не заходит —
340 До чего Россия велика!

До чего земля ее могуча —
Никаким врагам не побороть,
До чего леса ее дремучи —
Что и солнцу крон не проколоть!

До чего ее напевны чащи —
Соловьи для них ведут игру,
До чего ручьи ее звенящи,
Что под стать лишь только серебру!

*

Тальяночка, тальяночка,
350 Что с нами станется?
Девчоночка-беляночка,
Давай расстанемся.

Пора расстаться нам с тобой,
Пора на два года.
Вот там, за крайнею избой,
Простимся, ягода.

Давай, тальяночка, давай
За песню примемся,
Беляночка, не унывай,
360 Давай обнимемся.

Тальяночка, тальяночка,
Вдвоем останемся,
С девчоночкой-беляночкой
Сейчас расстанемся.

*

Сейчас дарю заре зарю
С расцветками, утехами,
Сейчас в санях по январю
Богатыри поехали.

Стеклянный воздух чуть дрожит,
370 Летит дорога дальняя,

По ней поземку ворошит
Сама зима хрустальная.

Хорош коней каурых бег,
Скрипит мороз под полозом,
Метель взвивает легкий снег
И голосит вполголоса.

Не голоси, метель, не плачь,
Пусть вьется-развевается
На головных санях кумач,
380 Зарею загорается.

Дорога торная спешит,
Встречается с подружками,
И елки, челки распушив,
Кивают ей верхушками.

И тайны русские хранят
Леса, поля окружные.
Им колокольчики звенят —
Веселые, поддужные.

Мороз в огонь лицо разжег
390 У головного старого,
Хрустит под полозом снежок,
Накатанный до ярого.

Лишь глубже по́ лесу впотьмах
Осинки никнут хмурые...
А кони мчат на полный взмах,
Каурые, каурые.

*

А где-то песня бравая
Ударила как гром —
Над вечными дубравами,
400 Над зимним серебром.

И, ненавидя немоту
И славя свет зари,

Тогда на всем ее лету
Берут богатыри.

Довольно, песня, говорят,
Бродяжить по лесам,
Нас миллионы встали в ряд,
Пройдись-ка по сердцам!

И вот каким-то вечером
410 Она — звено к звену, —
Вся русской метой мечена,
Врывается в войну:

Враг вздумал нас осилить —
В гранату ставь запал!
Нет, не на ту Россию
Ты, лютый враг, напал!

Впервой ли, долы отчие,
Нам слышать хруст костей!
Ведь мы умеем потчевать
420 Непрошеных гостей.

Война, товарищи, война,
Ударила война.
Вставай, Россия, вся вольна,
Советская страна!

Россия, сколько лютых гроз
В твои вторгалось дни?
Но ярче солнца, краше звезд
Не ты ль зажгла огни?!

Ты вся в расцвете новых дней,
430 И как раскрыла ты
Из гор высоких и камней
Железные цветы!

А враг стоит над бездною,
И всё ему не впрок.
А ты идешь, железная,
Железный шаг — широк!

Добей врага, засыпь землей,
Заставь лежать на дне,
Вся перевитая зарей,
440 В доспехах и броне!

Враг вздумал нас осилить —
В гранату ставь запал!
Нет, не на ту Россию
Ты, лютый враг, напал!

Нет, не на ту напал впотьмах,
И страха нет в ее домах,
Стеной мы встали плотною...

А кони мчат на полный взмах,
Каурые, залетные!

450 И все в поземке, все в пыли,
Метелями растрепанной.
Стой! Кони будто бы не шли,
Как будто в землю вкопаны.

И старый вылез из саней,
И ко двору дощатому
Он впереди всех сыновей
Гвардейский шаг печатает.

И все — сейчас, и все — в веках,
И всё как полагается,
460 Кумачный флаг в его руках
Зарею разгорается.

Гори, сильней зари гори!
Ведь за Россию гордую
Идут в поход богатыри,
За дольную и горную.

Ее мы призваны стеречь,
Ее мы призваны беречь
От черного насилия.
А ну, держи, Фадеич, речь,
470 Ты встал перед Россиею!

И вот он держит речь свою —
Семь слов, давно продуманных:
«Я нынче родине сдаю
Полроты братьев Шумовых!»

И как река ломает лед,
Так вышли пятеро вперед!

*

Справа — поле, слева — плес,
На платформах — пушки.
Паровоз — шесть колес,
480 Красные теплушки.

А в теплушках — гомон, гомон,
А в теплушках — говор, говор,
Начинаем по-другому
Жить да поживать.

От махорки сине-сине.
Едут парни за Россию
Насмерть воевать!

А ну-ка, для порядочка
Заговори, трехрядочка!

490 Ты хороша, ты нравишься,
Не надо нам другой.
А ну, нажми на клавиши,
Товарищ дорогой!

И вот — ремень через плечо,
А пальцы по ладам.
А ну еще, а ну еще,
За песню всё отдам!

И, заглушая стук колес
(Играй, гармонь, играй),
500 Врывается в теплушку плес,
Веселый птичий грай,

И дол, поросший донником,
И дудка пастуха...
Гармоника, гармоника,
Малиновы меха!

Гармоника отрадная,
Ремень через плечо,
Веселая, трехрядная,
А ну еще!

510 И вновь вразлет, вся синяя,
Вся алая она:
Да здравствует Россия,
Красивая страна!

Луга, леса заречные
И в лютиках стезя,
Чего, как солнца вечного,
Не полюбить нельзя!

Моря, поля и пажити —
Всё милое, свое,
520 Что с бою взято, нажито
Народами ее,

Что кровью оросили мы
В лихие времена.
Да здравствует Россия,
Военная страна!

Широкая, разлетная,
С железною страдой,
С полками пулеметными
Под красною звездой!

530 Да здравствует крылатая,
С отвагой без прикрас,
С гвардейцами-солдатами,
Похожими на нас!

Да здравствует великая!
Ей пало на роду

От Буга и до Тихого
Железную страду

Могучими усильями
Поднять на рамена...
540 Да здравствует Россия —
Железная страна!

. . . .

А поезд мчал по правилам
Своим, во весь разгон.
На стыках рельс чуть вздрагивал
Тот шумовский вагон.

И всё вокруг и около
Взяла в полон зима...
Вдруг стаей черных соколов
550 Ночь падает с холма!

*

Теплушка что? Теплушка — дом,
Пусть в ней не вековать,
Но всё ж неплохо в доме том
Солдатам проживать.

Живут и едут день, и два,
И три — их не забыть.
В печурке были бы дрова,
Ну как же им не быть!

И день и ночь горит огонь,
560 Как розовый цветок,
Поет трехрядная гармонь,
И пьется кипяток.

Обед солдатский немудрен,
И всё ж — какой обед:
Упрела каша, борщ ядрен —
Вкусней их в мире нет!

И хлеб, и соль — всё пополам,
Без этого нельзя,

Ну а законные сто грамм
570 Не делят и друзья!

Ну, за кисет потом держись,
За самокрут держись,
Без курева какая жизнь —
Жестянка, а не жизнь!

И веселей, коль есть дымок,
Солдатская душа.
Хорош дымок, хорош домок,
Теплушка хороша!

А коль газеты номер дан,
580 Тогда он так читается:
От «Пролетарии всех стран...»
До места, где верстается!

Тогда-то, кроме прочего,
Беседа хороша,
К беседе страсть охочая
Солдатская душа.

Тогда вагон широк, как свет,
И тесен, как вокзал...
«А ну, читай, браток сосед,
590 Читай», — дружок сказал.

*

Ой, не так далеко и не близко
Пролетали лебеди очень низко.

Не далеким путем, не коротким
Пролетали лебеди да лебедки.
Пролетали белые над откосом
Кликуны-крикуны, желтоносы.

Все моря встречали их и все горы,
А сейчас они летят по-над бором.
Только что за дивный бор — в море света,
600 Только что за дерева — все без веток?

Дерева как дерева — красностволы,
Но огни по ним бегут, а не смолы.

Сто дорог проезжих к ним на раскате.
И над ними ветер вьет дыма скатерть!

И тогда-то в миг один
Там, где дым и пламя,
Самый главный лебедин
Покачал крылами.

Покачал, чтоб взять разгон
610 Над могучим штреком,
Покачал крылами он,
Белыми от века!

Покачал, да не шутя,
И, следя за другом,
Стая, медленно летя,
Сделала два круга.

Смотрят:
всё не так, не так,
Всё им незнакомо.
Нет, от века в тех местах
620 Не было такого!

Там, где были только мхи,
Только косогоры
Да озноб кривой ольхи,
Люди строят город.

И не ветер лист метет,
Шарит между пнями —
Город строится, растет
И цветет огнями!

Ярче солнц огонь горит,
630 Камни в небо лезут,
И кричит, и говорит,
И поет железо.

И к нему сыр-темен бор
Переносят люди,
Чтобы город возле гор
Был красив и чуден!

*

Ой, не так далеко и не близко
Пролетали лебеди очень низко.

Пролетали лебеди, лебедёнки,
640 Освещал им полет месяц тонкий.

Через топи летят, через горы,
Их ведет лебедин на озера.

Мимо скал и полян, моря мимо...
Крылья белые их пахнут дымом.

Крикуны-кликуны не шумели,
Крылья белые их потемнели.

*

И снова ночь, и снова рань,
И снова ранью той
Растет за окнами герань,
650 Цветок не золотой!

И вновь тропиночка бежит
За крайнею избой,
И вновь гармоника дрожит
Серебряной резьбой:

Не все дороги пройдены,
Исхожены пути.
Товарищ, лучше Родины
На свете не найти!

Где вырос ты, где отчий дом,
660 Где в жимолости сад,
Где никнет ива над прудом
И в окна бьет закат!

Знамена с вечной Правдою
Нам Родина дала.
Товарищ, будем храбрыми,
Чтоб Родина жила!

Чтоб Родина гордилась бы
Делами сыновей,
Во все цветы рядилась бы
670 От гор и до морей.

Чтоб, славя духа красоту
Навек и неизменно,
Она, как яблоня в цвету,
Была благословенна!

*

Всё кололо, бешено стреляло,
Столько било молний и громов,
Где поляна «Сердце» затерялась
Посреди высоток и холмов.

Как ее любил погожий ветер,
680 Как березки помнил до одной...
Мало ли полян таких на свете,
На России, матери родной?!

Облако над ней, бывало, тает,
Бор шумел, на всё пойти готов,
А она, предельно золотая,
Летним днем ломилась от цветов!

Курослеп, косым дождем примятый,
Распрямлял свой стебель на ветру.
И вовсю аукались ребята,
690 По грибы ходившие в бору.

Вкруг нее раскинулись березки,
Ей хватало света и тепла.
Ясная на карте-одноверстке,
Сердцем нарисованным была!

И еще других примет не скроем,
Так, что не обманется никто:

Большаком пробито, как стрелою,
Сердце нарисованное то!

Птицы к ней весной слетались в гости,
700 Шла у них беседа весела,
Это было около Погостья,
У простого русского села.

*

Мины выли зло, точнее — люто,
Как всегда, зловещ был их полет.
Харкал восемнадцать мин в минуту
Шумовский тяжелый миномет.

Всюду немцев жгли предсмертным страхом
Мины в пуд, но бог здоровья дал —
Их Василий Шумов прямо с маху,
710 Как картошку, с маху в ствол кидал!

Немцы лезли. Мать Россия, слушай
Сердцем сел твоих и городов!
Он на немцев в том бою обрушил
Полностью две тысячи пудов

Чугуна и стали.
Под Погостьем,
Там, где вьется речка, словно плеть,
Всюду тлеют вражеские кости,
Как и полагается им тлеть!

Слава и почет тебе, Василий,
720 За ухватку, силищу и стать.
От поляны «Сердце», от России,
От цветов, что будут расцветать,

От забавной речки, от дубравы,
Милых испокон-вековых лон,
Всем вам, пятерым ребятам бравым,
От России-матери поклон.

От всего всесветного раздолья,
Над которым встанет синева. . .

За поляну «Сердце» билось болью
730 Сердце нашей Родины — Москва!

*

Москва, Москва, священная держава,
Благословляя, веря и любя,
Мы за тебя — по долгу, и по праву,
И по любви, — мы бьемся за тебя!

За то, чтобы черемух пеной белой
Дымя дымилась теплая земля,
Чтоб ликовали отчие пределы,
В отраде жили русские поля;

За то, чтоб солнце гасло на затоне
740 И звезды отражались бы в реке,
За то, чтоб мать глядела с-под ладони
На озаренном солнцем большаке;

За то, чтоб смолк повсюду рев орудий,
Чтоб хлеб и соль стояли на столе,
За то, чтоб просто радовались люди
На снова отвоеванной земле!

*

Ничего нам, Родина, не надо,
Кроме как,
везде других милей,
Шла, жила, цвела б твоя отрада
750 В самой высшей радости своей.

Ты за это в битвы снарядила
Сыновей,
чтоб вновь из года в год
Ходуном сама земля ходила
От твоих ликующих работ!

Ты за это в битвы снаряжала
Сыновей, чтоб снова у тебя
В каждой капле солнце отражалось,
Торжествуя, радуясь, любя.

Вот идем мы в схватке самой жаркой,
760 Ратные в работе и в бою...
Ничего нам, Родина, не жалко —
Жалко потерять любовь твою!

Потому на суше и на море,
В небе бьемся мы за путь прямой,
Над которым снова встанут зори,
Как одна, с малиновой каймой!

*

Земля, постель солдатская,
Пока не ходит гром,
Мы на тебя, на братскую,
770 Приляжем впятером.

Вздремнем, заснем, и наш покой
На всю войну такой:
Две-три гранаты под рукой,
Две-три — на час лихой.

Вздремнем на миг по-местному
Опять за старым пнем,
По-нашему, известному,
Солдатскому вздремнем.

Наш сон, как дрема, входит в быт.
780 Всё ж сон ни то ни се.
Дремли, чтоб левый был закрыт,
А правый видел всё!

(А можно и наоборот.
Как говорит народ:
Коль ты на правом спишь боку,
То левый начеку.)

Солдаты дымом греются,
Солдаты шилом бреются
И варят щи из колуна.
790 Вздремнем,
на кой нам черт луна,
На кой нам черт луна!

Она, как этот пень, крива,
Она себя томит...
Ночной извозчик наш У-2
Рессорою гремит.

Товарищ милый, добрый путь!
Товарищ, добрый путь!
Куда летишь, туда прибудь,
Откуда взмыл, прибудь.

800 И, может, ленинградскому,
Ему нужна луна?..
Земля — постель солдатская —
Сегодня холодна.

*

День — межень, и день —
ненастье,
Ночью ж темной за рекой
Пусть приснится милой Насте,
Пусть приснится сон такой:

Будто летом на поляне
Ходит Настя у реки,
810 И куда она ни взглянет —
Распускаются цветки.

Насте мир открылся новый —
Будто к ней со всех сторон
Колокольчиков лиловых
Льется долгий перезвон.

Настя смотрит в даль
большую,
Видит прямо пред собой —
На десятки верст бушует,
Бьется розовый прибой!

820 И, зажмурившись от счастья,
За долиной-долино́й
У дороги встала Настя,
Будто обдана волной!

И сквозь сполохи такие
Из-за той цветной волны
Видит: братья дорогие
Возвращаются с войны.

Грудь вовсю горит у бравых,
Заслужили на войне
830 По два ордена на правой,
Два — на левой стороне.

Подошли, где в белой пене
Стежек двух сошлись концы,
Подошли — и на колени
Опустились молодцы.

Только сердцу каждый внемля,
Каждый с помыслом своим,
И целует каждый землю,
Отвоеванную им.

840 И светла в душе отрада,
И на всем открытый взгляд.
«Здравствуй, сердце, здравствуй, лада!» —
Братья Насте говорят...

*

Тяжелы земли родимой слезы,
Но рукой до радости подать.
Встали наши русские березы —
Высоки, им далеко видать.

Встали над сожженными полями,
Под неодолимою звездой,
850 Встали над полями, над горами,
Над живой и мертвою водой.

Видят, как летят казачьи лавы,
Как блестят на солнце газыри,
Как, гордясь своей и отчей славой,
К западу идут богатыри.

Вдаль глядят —

там холм как бритвой срезан,

Пулеметы чешут, пушки бьют,
Но трава растет из-под железа,
Соловьи под пулями поют!

860 Солнце, выше! Этою порою
Зримо всё яснее, как с горы.
Видят: над остывшею золою
Лихо заплясали топоры.

Это всюду встала в новой силе,
Как звезда среди кромешной тьмы,
Встала несказанная Россия
На грозой спаленные холмы.

И опять венки плести Аленкам,
И волне, как прежде, льнуть к веслу,
870 И пчела взлетела на поденку,
Преданная свято ремеслу.

И горят победною надеей
Отчие, родимые края...
Не грусти о сыновьях, Фадеич, —
Хорошо дерутся сыновья!

*

Они идут, и сотни верст
Сломить их не смогли,
И если б путь их был до звезд,
Они б его прошли!

880 Их труд воистину велик,
Прославлен навсегда.
Сейчас воистину у них
Железная страда.

Над ними бури сиплый вскрик,
Над ними грозы бьют,
Но если есть свободный миг,
Тогда они поют:

Не все дороги пройдены,
Исхожены пути,
890 Товарищ, лучше Родины
На свете не найти!

Знамена с вечной Правдою
Нам Родина дала.
Товарищ, будем храбрыми,
Чтоб Родина жила!

Чтоб Родина гордилась бы
Делами сыновей,
Во все цветы рядилась бы
От гор и до морей!

1943—1944

846. ЮНОСТЬ

Поэма

1

Я в Заречье дорогу
Позабыть не могу.
Ты жила на отлогом
На речном берегу.

Там, где вербу ломала,
Где ходила босой,
Где рябина дремала
Над песчаной косой;

Там, где ласточек стайки
Чуть в лазури видны,
Там, где белые чайки
Взлетали с волны;

Где обычный кустарник —
Чернотал, краснотал,
Где упрямый татарник
Что огонь расцветал, —

Там и жили мы вместе,
Ничего не тая...
Проживала там песня
И чайка моя!

2

Ой, родное раздолье,
Синь с волною седой!
Чем хвалились?
Водою!
С чем мы бились?
С водой!

Всюду слышали уши —
Вал высокий шумел.
Всюду видели очи —
Белый парус летел.

Только донная рыба
Проходила по дну,
Только чайки садились
На крутую волну.

Пусть они порыбачат
Возле нас, рыбаков.
Вей сильнее, удача,
От родных берегов!

Пусть о ней мчатся вести,
Пусть узнают края...
Проживала там песня
И чайка моя!

3

Легкий ветер насвистывал
У зеленых полей.
Вышла ты в платье
ситцевом —
Засвистал посильней:

«Видно, байки да басенки
Больше слушать невмочь...
Ты куда вышла, Настенька,
Крестьянская дочь?»

«Ветерочек, не спрашивай,
Не тебе это знать,
Может, платье донашивать,
Может, счастье искать.

Перейду через улицу,
Постою на мосту.
Пусть оно полюбуется
На мою красоту!»

4

Низкий дом деревянный.
Плес.
Реки поворот.
Дальше взгляд оловянный
Незамшелых болот.

Дальше песенка та же,
Дальше «ах!» или «ох!»,
Дальше заболоть, скажем,
Да багульник, да мох.

Это всё?
Нет, дружище,
Как тебе не тужить —
Ты идешь, а не ищешь
Без чего не прожить!

Ой, родное раздолье,
Синь с волною седой!
Чем хвалились?
Водою!
С чем мы бились?
С водой!

Вот она,
Вот живая,
Славя наши места,
Серебром отливая,
Разлилась красота.

Разлилась на округу
И вошла в бытие.
Я от имени друга,
Больше —
Брата ее,
Словно в сердце вникаю,
Я о ней речь веду,
Говорю,
Сам сверкаю,
Блеска молний не жду.

Вот она с ураганом
До небес поднялась,
Вот с залетным туманом
Не стыдясь обнялась.

Вот она замолчала,
Миг — и стала иной:
В тростниках зажурчала
Бирюзовой волной,

Что летит и трепещет.
И, понятный без слов,
Открывается вещий
Голос в сонме ветров.

Золотыми лучами
Солнце пишет:
«Люблю!»
...Здесь я утро встречаю
И его окрылю.

5

Всё рассветом дышало
От земли до небес.

Дорогой полушалок
Был накинут на лес.

Начиная от гребня,
Розовела волна.
Далеко за деревней
Разлетелась она

Ливнем брызг ярко-алых,
В них купалась лоза...
Утро.
Солнце вставало,
Протирало глаза.

6

Снова в сердце,
как струны,
Зазвенели слова:
«Ты жива, моя Юность?»
— «А как же!
Жива!
Я легка на помине,
Я не камень,
Не клад.
Хорошо, что хоть ныне
Обо мне вспомнил, брат.

Я с тобою на свете
Много лет проживу.
Я с тобою —
До смерти,
После смерти —
В молву.

Ты не хмурься.
Я хмурой
Никогда не была.
Я зову тебя Шурой,
Как мама звала.

Все тропинки я знаю,
Где ходили вдвоем,

Я горю
Не сгорая
В буйном сердце твоем.

Я летела, и пела,
И бралась за дела.
Ты зови меня смелой,
Я смелой была!

Ведь недаром, недаром
Без тревог и забот
Я на паузке старом
Уходила в поход,

Натыкалась на мели
И влетала сама
В бой, где вихри гремели
И сходило с ума

Необъятное море,
Что, подняв кутерьму,
С небом бешено споря,
Угрожало ему.

Я ходила за плугом,
Я горела и жгла,
И хорошего друга
Я к тебе привела.

Все пути с ним связала...
Оглянись.
Погляди!»
— «Ты мне всё рассказала?»
— «Нет, не всё.
Погоди!»
Ждать мне нечего.
С детства
Нас давила нужда,
Горе шло по соседству,
По наследству — беда!
Горе вить,
Горе мыкать,

Век носить на горбу,
Подпоясавшись лыком,
Горе шло за судьбу.
Горе шло вкруговую,
Нет недоле конца:
На войну мировую
Забирают отца.

Ну-ка, ну-ка, ратники,
Надевайте ватники.
Никуда не денешься,
Носить умей
Серую шинелишку,
Брезентовый ремень.
Простись со сном и дремою,
Уйди от нас, зареванных,
Заплаканных до выкрика.
Ведь всех-то слез
                    не выплакать!

Из всех останется одна.
Такая не солжет
И, если упадет она,
Шинель прожжет.

Мать осталась солдаткой,
Я, считайте, батрак.
Чай мы пили вприглядку,
А обедали так:

Тюря с луком, без лука.
И не счесть, сколько дней
Круговою порукой
Были связаны с ней!

И куда подаваться,
Как судить да рядить?
Только по миру, братцы,
Оставалось ходить.

Разлетелась поземка
И пути размела,

Только всхлипнула громко
Метель у села.
«Сшей-ка, мамка, котомку!»
И сестренка пошла...

7

Где ты, чайка, летаешь?
Стукни веткой в окно.
Лучше всех ты из стаи,
Без тебя мне темно.

Широко распростерла
Два отрадных крыла.
Соловьиное горло
Ты откуда взяла?

Как стремительно, сильно
Ты летишь над водой!
На серебряных крыльях
Гаснет луч золотой.

8

Ходит ветер.
То тише,
То сильнее набег.
С нашей старенькой крыши
Перепархивал снег.

А на тусклых оконцах
Рисовал дед-мороз.
Вдруг веселое солнце
Ослепило до слез.

Словно вечером майским,
Сошло на карниз.
И «Вставай! Поднимайся!..»
Играл гармонист.

И навеки упрямо
Взвился кумач.

«Ты не плачь больше,
мама,
Ты больше не плачь».

Зову этому внемля,
Ты слезы убей.
Ты помещика землю
Бери, не робей!

Ты, видавшая муки
В жизни черной и злой,
Подними свои руки
Высоко над землей.

Подними их,
Натруженные
Непосильным трудом,
Подними их,
Заслуженные,
Перед высшим судом.

Покажи их
Поклявшимся
Победить или пасть,
Покажи их
Поднявшимся
За Советскую власть!

9

Звезды, небо проклюнув,
Отблестят до утра...
Мне с тобой, моя Юность,
Прощаться пора.

Новой утренней ранью
Мы встречаем зарю.
Не «прощай!» —
«До свиданья!»
Я тебе говорю.

Я тебя, дорогую,
Провел по земле.

. . .Вижу Юность другую —
Гостящей в Кремле.

Под всемирной грозою,
Павшей нам на роду,
Юность Лизы и Зои
Шла в могучем ряду,

Юность Саши,
Олега,
Юность светлых идей,
Всюду вставших над веком
Настоящих людей,

Юность севших за парту,
За столы,
На скамью,
Где впервые на карте
Видят ту,
Что пою:

Всю — с великой отвагой,
Всю — с великим огнем,
Всю — до красного флага
Над московским Кремлем!

1954

ПЕРЕВОДЫ

ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

847

Ночью я хожу в ночное,
Но и днем пасу я стадо,
В ночь пасу табун отцовский,
Днем пасу я стадо брата.
Уж пойдемте-ка, подружки,
Долго ночи будут длиться,
Небо нам простор раскроет,
Землю черную потопчем.
Всем приют нам даст ольшаник,
Разведем огонь на тропке,
Меж пенечками он вспыхнет.
На огонь наш кто приходит?
Два купца к огню приходят,
Двое слуг подходят с ними.
По мечу у них обоих,
На ногах сверкают шпоры.
Тут же молвила я слово:
«Ты продай мне меч булатный,
Шпоры с ног ты уступи мне,
Я продам табун отцовский,
Уступлю я стадо брата».
— «За меня иди, девица,
Стань теперь моей женою,
Меч булатный уступлю я,

Шпоры с ног отдам немедля».
— «Не пойду сейчас я замуж,
Молода еще, всем видно,
Невелик еще мой разум,
Я хожу еще в пастушках,
Я пою одним овечкам,
Я недавно положила
В сундук детские сапожки,
Детские чулки — в шкатулку».

⟨1959⟩

848

Погулять в лесок я вышел.
Что же здесь, в лесу, я встретил?
Много ясеней я видел
И орешника немало,
Много жимолости встретил,
Хоровод еще девичий,
В черных, словно уголь, юбках,
На груди сверкают брошки,
Бусы яркие на шее,
Косы длинные, льняные.
В этот день я не был смелым,
Подойти к ним не решился;
Натянул я лук быстрее,
И стрелу пустил я в стайку,
Но стрела не долетела
И молодку не достала.
Я пошел тогда в деревню,
Встретил женщин и сказал им:
«Помогите мне советом:
Погулять в лесок я вышел,
Хоровод девичий встретил,
На холме они играли;
В этот день я не был смелым,
Подойти к ним не решился;
Натянул я лук быстрее,
И стрелу пустил я в стайку,
Но стрела не долетела

И молодки не достала».
Мне ответили соседки:
«Из ума ты, парень, выжил!
Их не так на свете ловят,
Достают их не стрелою —
Их на золото лишь ловят,
Серебром их выкупают!»

⟨*1959*⟩

849

По селу я проходила,
Шла я улицею новой,
Шла я старым переулком.
Парень едет, конь сверкает,
Блещет сбруя золотая.
Девушка глядит украдкой,
Из оконца наблюдает:
«Если б ладный этот парень
Да на мне, младой, женился, —
Тот, что едет по дороге,
Что коня по лугу гонит!
Конь под ним — что печь на мызе,
Сам сверкает, словно солнце,
Шляпа — колокол церковный,
Пояс — будто лента флага».

⟨*1959*⟩

850

«Тихо-тихо, женишочек,
Потихоньку, тихо-тихо!
Не ломитесь в двери силой
И не прыгайте на крышу!
Здесь и раньше люди жили,
Хлеб-соль ели, получали;
Жили разные здесь люди,
Люди разные бывали,

Что стрехи нам не ломали,
Крыши тоже не срывали.
Вон их смятые постели,
Вон их смятая солома.
Где ж вы столько пропадали?
Мы давно вас ожидали, —
Вовсе мясо разварилось,
И в котле сварилась рыба.
Может, конь устал в дороге,
Колесо в пути сломалось
Иль ступицу потеряли?»

«Не устал наш конь нисколько,
Колесо не поломалось,
Ось в пути не потерялась.

Вышли мы из дома в вёдро,
А в пути ударил ливень,
Снег настиг еще в придачу,
Град ударил с буйной силой».

«Женишочек, паренечек,
Из кареты выйди наземь,
Ты сойди с седла скорее,
Ты ступи скорей на глину,
Золотою шпорой стукни!»

«А давайте-ка мы спросим:
Есть ли у невесты братья,
На сапожках есть ли шпоры,
Кто коня нам расседлает?»

«Пусть один брат не выходит,
Пусть два брата не выходят,
Впятером пускай выходят,
Впятером коня отводят!
Конь большой у нас, отменный,
Он ребенка не подпустит,
Не подпустит он подростка.
Он ударит их, гривастый,
Не помилует, могучий.

Очень просим — не ведите
На навоз коня такого,
Под навес его не ставьте:
Дождь испортит на навозе,
Снег испортит под навесом,
Вы в конюшню отведите!»

(1959)

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

851—857

1

Родилася я весною,
Когда вся земля в цвету,
И росла я словно липа,
Как черемуха цвела.

2

Сам я в жены взял литовку.
Отдал русскому сестру.
Еду к русским иль литовцам —
У меня везде родня.

3

Солнце будто только встало,
А уже закат горит.
Еще кажется, что молод,
А уж старость тут как тут.

4

Старики куда годятся,
Да и старый дуб куда?

Дуб для цоколя годится,
Для совета — старики.

5

На всю жизнь дано мне солнце,
Мама — тоже на всю жизнь:
Свет с теплом дарит мне солнце,
Мама — милые слова.

6

Вечерком зажгла лучину —
Всё же в комнате темно,
А пришла моя родная —
Сразу в комнате светло.

7

Будет мужем мне батрак,
А не сын хозяйчика:
Ведь батрак не знает лени,
А хозяйский сын лентяй.

⟨1959⟩

858

Шла серебряною рощей —
Не сломала ни сучка;
Если б я сучок сломала,
То серебряной была б.
В девушках плясать
плясала,
Распевала песни я.
Те деньки не вспоминала,
Как ходила я в слезах.

Шел-пришел ко мне
денечек,
Когда слезы полились,
Я тогда ходила плача,
Вытирала слезы я,
Я передничком зеленым
Слезы вытерла тогда.
Я передник постирала
В чистой утренней росе;
Просушила я передник
На березке молодой.
Три годочка та березка
Не шумела, не росла;
На четвертом лишь годочке
Золотой цветок отцвел;
Его Лаймочка сорвала
Сиротиночке одной.

⟨1959⟩

859

Выросла вишенка,
Выросла стройная,
Вынесла цветики
Утром на солнышко.
И засияла вся,
Выйдя на солнышко,
Выйдя на красное.
Тут прибыл молодец,
Стал он цветочки рвать.
Рви, добрый молодец,
Чем ты расплатишься?
Дай деньги матушке,
Той, что баюкала.
Сколько качала лет,
Столько и сотен дай,
Ей за три годика
Три сотни марок дай.

⟨1959⟩

860

На морском бережку
Лодку б я смастерил
И девчонку-красотку
К себе бы манил.

«Не мани, паренек,
Не сбивай ты с пути,
Дай у матушки мне
Ты пожить, подрасти».

«Хорошо тебе жить,
Быть в семейке родной,
Горе мне, молодцу,
На сторонке чужой.

У тебя под ногой
Зеленеет трава,
У меня ж под ногою
Сверкает огонь.

На твоей голове
Зеленеет венок,
А меня исколол
Бел-горючий песок.

У тебя на руке
Перстенечек горит,
У меня же в руке
Только сабля блестит.

Над твоей головой
Только пчелки летят,
Над моей головой
Только пули свистят.

У тебя под ногой
Клеверочки цветут,
А за мной, молодым,
Реки крови текут».

(1964)

861

На горе растет калинка,
Под горой растет рябинка.
Там девица-душечка
Ломала калинку,

Калинку ломала,
Вопрос задавала:
«Скажи, паренечек,
Когда наша свадьба?»

«Ой ты, ой ты, милая,
Цвет душистый — лилия,
Выгони волов на зорьке
Ты в лесок зеленый.

Мы с тобой пасти их
будем,
Жечь костер мы будем,
Твой зелененький веночек
В огне сжигать будем».

«Ой ты, парень-паренечек,
Ой ты, глупый паренечек,
Ты не будешь, ты не будешь
Мой сжигать веночек».

(1964)

862

Задала свекровка
Девять работ.
Одна работка —
Белье стирать,
Другая работка —
Ручки мыть.

Когда я мыла
Белые ручки,
Упал мой перстень.
И ветер поднялся,
И сдул мой веночек
В синий Дунай.

Как приехали парни —
И все холостые,
И один вдруг решился
Плыть по реченьке
быстрой
За венком золотистым.

К бережочку
Плыл веночек,
А на дно идет
Дружочек.

«Уж не говори ты
Моему отцу,
Что тону
Из-за веночка
Из зеленой руты.

А скажи ему другое:
Что тону
Из-за коня буланого,
Из-за седельца сафьянова».

⟨1964⟩

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

863

И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого, —
Знать, несчастна я.
Тяжко мне на свете жить,
Никого-то не любить,
Да из бархата жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я,
Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою —
Да неволя моя!
Мать, отец всё не спят,
Всё на страже стоят
И одну гулять на воле
Не пускают в сад!
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым,
С ненавистным тем, богатым,
С моим ворогом злым!

(1939)

864

Вишневый садик возле хаты,
Жуки гудят немолчно тут.
За плугом пахари идут,
И с песнями идут девчата,
А матери на ужин ждут.
Семья расселась возле хаты,
На небе звездочка встает.

А дочка ужин подает,
Мать хочет молвить ей...
Куда там!
Всё соловейко не дает.
Мать уложила возле хаты
Любимых деточек своих.
Сама заснула возле них.
Затихло всё... одни девчата
И соловейко не затих.

‹1939›

Иван Франко

865

«Калина, калина, зачем долу гнешься?
Зачем долу гнешься?
Иль солнца не любишь, и к солнцу не рвешься.
И к солнцу не рвешься?

Иль жаль тебе цвета для радости света?
Для радости света?
Иль вихрь тебе страшен, иль гром среди лета?
Иль гром среди лета?»

«Не жалко мне цвета, а в гром улыбаюсь,
А в гром улыбаюсь,
И солнце люблю я и вся в нем купаюсь,
Я вся в нем купаюсь.

Но в небо не рвусь я — не хватит мне силы,
Не хватит мне силы,
Румяные гроздья к земле я склонила,
К земле я склонила.

Я дубу не пара — не рвусь я на кручи,
Не рвусь я на кручи;
Меня ты, высокий, затмил, словно туча,
Затмил, словно туча».

‹1941›

Леся Украинка

866

...Так прожила зимой я долгой, долгой.
Зима прошла, и вот весна настала —
А для меня в том перемены нет,
И дни мои плывут так тихо-тихо,
Как по пруду плывет листок сухой.
Жизнь странная... Когда б порою сердце
Не трогали живые боль и горе,
Не знала б я, иль вправду я живу,
Иль только видится мне жизнь моя сквозь сон.

Меня тут стены тесно окружили,
В них, в четырех, весь свет мой заключен.
Там, за окном, мир слышится другой мне,
Шумит-гудит, ведет свою беседу.
Там стук повозок, голоса людские,
Звонки трамваев, грохот паровозов
Сливаются в одной дрожащей ноте,
Как тремоло огромного оркестра, —
И днем и ночью он не умолкает.
Какой же шумный мир там за окном!
А я его не вижу. Только виден
Кусок резьбы на воротах соседних,
И в городском саду зеленый тополь,
И неба ровно столько, что в окне.

Теперь я знаю, что весна настала,
Коль соловьи запели издалека,
И шелест новых листьев раздается,
И не видать звезды за тополями.
Я раньше знала, что была зима:
Тогда сверкали за окном снежинки
И на стекле серебряный узор.
Вот так я узнавала время года...

И жалко мне, и думаю я с болью:
Не так ли раньше, как теперь весну,
Я видела любовь свою, и юность,
И всё, чем красен век людской короткий?
Так было всё, но только за окном.

(1950)

Павло Тычина

867

Иду с работы я, с завода,
манифестацию встречать.
«Свобода!» — улицы кричат,
и вновь: «Да здравствует свобода!»

Смеется солнце с небосвода,
и облака, что кони, мчат...
Иду с работы я, с завода,
манифестацию встречать.

Моя весна, моя природа,
лучи в моей груди звучат...
Нам мир дано трудом венчать,
чтоб к вечной дружбе шли народы.
Иду с работы я, с завода.

(1946)

Максим Рыльский

868

Когда звенят черешни,
Когда они в цвету,
Тогда узор нездешний
Я из цветов плету.

И наяву иль снится,
Всё видится одно —
Как будто бы в кринице
Лицо отражено.

Земля росой искрится,
Вся, вся она в цветах,

Неведомые птицы
Поют в ее садах.

И дума стала словом,
От песен светел взгляд,
Когда в цвету медовом
Черешенки горят.

⟨*1958*⟩

Владимир Сосюра

869

Помню, вишни рдели и качались,
Солнцем перегретые в саду,
Как сказала ты, когда прощались:
«Где б ты ни был, я тебя найду».

И во тьме, от мук и от истомы,
Выпив злобу и любовь до дна,
Часто вижу облик твой знакомый
В пройме светло-желтого окна.

Только снится, что давно минуло...
Замирая в песне боевой,
Мнится, слитый с орудийным гулом,
Голос твой, навеки дорогой...

И теперь, как прежде, вишни будут
Рдяными от солнца и тепла,
Как всегда, ищу тебя повсюду
И хочу, чтоб ты меня нашла!

⟨*1936*⟩

Андрей Малышко

870. «КАТЮША»

Как на вечеринке в отчем доме,
Я ее услышал здесь, вдали.
. . .Негров двое в поле, в Оклахоме,
Нашу песню милую вели.

И она огнем легла на душу,
Цветом, что над речкой нависал.
Двое негров славили «Катюшу»,
Ту, что Исаковский написал.

Как она пришла за океаны
Сквозь фронты и тяготы боев?
Может, наши парни-капитаны
Завезли в Америку ее?

Или, может, шторма вал кипучий
Кинул в чужедальние поля?
И она стоит теперь на круче,
Бедным неграм душу веселя —

Белым платьем, синим-синим взором
И любовью в май наш золотой,
Шепотом березок белокорых,
Выросших в Смоленщине родной.

Мне тогда раскрылись за горою
Юности далекие пути,
И тогда нас в поле стало трое
В дружбе братской песню ту вести.

И она тем неграм пала в душу,
Разбивала рабство и обман.
«Выходила на берег «Катюша»,
За Великий Тихий океан!»

⟨1950⟩

С БЕЛОРУССКОГО

Янка Купала

871. МОЯ МОЛИТВА

Мгновением каждым, минутой любою —
И в узенькой хатке и в поле широком —
Молюся я солнцу великой мольбою
И звездам на небе высоком.

Молюся свободному вихрю — в лазури
Он птицей летает от края до края,
А в высях бескрайных пасет только бури
И счету тем бурям не знает.

Молюся огню я, что сеет пожары
Порою лихою, гуляя по свету,
И ужас наводит великою карой,
Везде ставя грозную мету.

Молюся могучей воде — половодью,
Что днем ясным блещет, а ночью бушует,
Что, всходы в полях орошая, проходит, —
Несу ей молитву большую.

Молюся я небу, земле и простору,
Великой вселенной я всюду молюся,
По всякой причине, во всякую пору —
За нивы родной Беларуси.

⟨1950⟩

Петрусь Бровка

872. БРАТ И СЕСТРА

Из дальних походов вернулся Крушина —
Не встретился с дочкой,
Не свиделся с сыном.
Накрыл сына Днепр бирюзовой волною,
Убили каратели дочку весною.
С боями дорога —
Лихая дорога.
Вернулся Крушина
К родному порогу.
Вернулся к порогу,
А в сердце тревога.
Один-одинешенек в хате Крушина.
И вот для вспомину о них, для вспомину
Сходил он за кленом в лесок, за рябиной.
Принес, посадил их под тихой стрехою
И корни полил он отцовской слезою.
У старенькой хаты,
У дряхлого тына
Расти принялися
И клен и рябина.
Накинулась в осень
Морозная просинь,
Сады пожелтели,
Все листья слетели.
И осень и ветры
Накинулись лихо.
Отец у дочурки
Спросил тогда тихо:
«Дивчинка-рябинка в наряде червонном,
Наверно, дочурка, сегодня студено?»
К хатенке поникшей,
Под крик журавлиный,
Ветвями склонившись,
Шепнула рябина:
«Ой, таточка, тата, не жалуйся, тата,
Тепло мне, родимый мой, около хаты.

Ведь я у костров партизанских нагрелась,
Взгляни, как я осенью этой зарделась».
На белую россыпь
Примчались морозцы,
Метель закрутила,
Зима наступила.
А стужа сковала тяжелые льдины...
Отец тут спросил
У любимого сына:
«Который денечек мороз как звоночек,
Наверно, замерз ты, кленочек-сыночек?»
На сером рассвете,
Где сетовал ветер,
Склонив к хате ветви,
Клен звонко ответил:
«Не бойся, мой тата, во мне много силы,
Зима одеялом мне ноги накрыла.
Нагрелся в боях, стал еще я сильнее,
Ты осенью видел, как я пламенею».
С могучим разгоном,
На крыльях зеленых,
С черемухой белой
Весна прилетела.
Весна прилетела,
Осыпала цветом.
Отец той весною
Расспрашивал деток:
«Дубравы поют и зеленые долы,
Вы тоже, быть может, с сердцем веселым?»
Расправили ветви,
Ответили дети
И, жмурясь от солнца,
Шепнули в оконце:
«Нам весело нынче, нам любо с тобою,
Тебя заслоним мы собою от зноя.
Листвой заслоним от дождя от косого,
От горя лихого, от глаза дурного.
Пусть видят, пусть знают, пусть ведают люди:
Мы, дети, с тобою как были, так будем».

(1946)

Максим Танк

873. ОНА ХАТУ БЕЛИЛА...

Она хату белила
И умелой рукой
Стены в ней обводила
Васильковой каймой.

Я смотрел безответно,
Как цвела бирюза.
В очи, полные света,
Нагляделись глаза.

Мне уйти бы из хаты,
Но никак я не мог
До темна, до заката
Тот покинуть порог.

Все пути и криницы,
Даже сны, как зарей,
Обвела чаровница
Васильковой каймой.

И сегодня по краю,
Хоть минули года,
Всё ж ищу, где бываю,
Те следы я всегда.

Только всюду по хатам
Светлой, вешней порой
Белят стены девчата
И обводят каймой.

Ступишь, взгляд только бросишь —
Нет, не та... Без нужды
Про дорогу расспросишь
И пригубишь воды...

(1948)

Пимен Панченко

874. В ДОРОГЕ

Тишина. На светлые дороги
Сыплются удары конских ног,
Березняк высокий, белоногий
Спозаранку от росы продрог.

Не успели мы наговориться,
Вот и пташки первые звенят.
Запевай и ты, моя сестрица,
Песню наступающего дня.

Спать совсем не хочется. А росы
Светом наливаются, взгляни!
Я от взглядов глаз твоих раскосых
Сам светлею, словно от зарниц.

А тебе пускай другое мнится:
Будто от дыхания лугов,
От лесного шума над криницей
Вышло сердце вдруг из берегов!

Что не запеваешь? Задремала?
Тише, лес мой, тише! Может, вновь
Ей приснился город, ведь немало
Светлых думок у нее и снов.

Вот и первый луч, он золотится,
Чтоб твой сон отрадный обогреть.
Скоро город, спи. А я, сестрица,
Песенку тихонько буду петь.

⟨*1950*⟩

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Последовательность вариантов соответствует порядковым номерам стихов в произведении. После номера строк (или строф) указывается источник варианта; если он не указан, значит, источник тот же, что и в предыдущем случае.

1

<table>
<tr><td>12—17
КП, Пло, Ст-1, Ст-2,
Избр-1, Ст-4, Избр-2,
Ст-5, Ст-6</td><td>И боязливей мойвы
Отскочат облака,

Чтобы потом с востока,
Нещаднее потом...
И тяжелеет грохот,
И тяжелеет гром.</td></tr>
</table>

2

<table>
<tr><td>после 4
КП</td><td>И нам давно известны
И тюря, и уха...
У батьки — три в невестах
И десять в женихах.</td></tr>
<tr><td>после 16
КП, Плд, Ст-1, Ст-2,
Избр-1, Ст-4, Избр-2,
Ст-5, Ст-6</td><td>Эх, радует, не радует
Приладожская синь...
И хватит ли на Ладоге
Черемух и осин?</td></tr>
</table>

3

<table>
<tr><td>вместо 3—4
КП, Плд, Ст-1, Ст-2,
Избр-1, Ст-4, Избр-2,
Ст-5, Ст-6</td><td>Чтобы греметь над Римом,
Над Лондоном греметь.
И каждый парень — Разин:
Иначе не суметь,
Чтоб, прогремев над Азией,
В Америке греметь.</td></tr>
</table>

4

<table>
<tr><td>1—4
Р, Плд, Ст-1, Ст-2,
Избр-1, Ст-4, Избр-2,
Ст-5</td><td>Туман, мой сивый мерин,
И песни на воде,
И трескается вереск
В отцовской бороде.</td></tr>
<tr><td>после 8
Р, Плд, Ст-1, Ст-2,
Избр-1, Ст-4, Избр-2,
Ст-5, Ст-6, Ст-7</td><td>(Когда же резал Ладогу
Отчаянный Стрибог,
Я руки грел об радугу
И целовал любовь.)</td></tr>
</table>

после 12 ***Р, Плд, Ст-1, Ст-2, Избр-1, Ст-4, Избр-2, Ст-5***	И, обивая камень, Приладожский валун, Застыл библейский Каин На половодье лун.

8

после 4 ***Р, Плд, Ст-1, Ст-4***	Неспроста. Перед грозою Не на свой разбойный шлях, По-особенному зори Проходили в олешняк.

9

после 12 ***Р, Плд, Ст-1, Ст-4, Ст-6***	Ой, никогда она не грезила Позаонежской песней птах... Бежит сладчайшая поэзия Из расцелованного рта. А я тоске своей — приятель: Зачем кричать с домов и юрт, Когда ракиты на Ояти И буревестники поют?

13

перед 1 ***Р, Плд, Ст-1, Ст-4, Ст-5, Ст-6***	В ничегонеделанье и скуку Уронив серебряный налив, Яблони почуяли разлуку. Женщины руками развели.

14

после 4 ***УКЗ-2, Ст-1, Ст-4, Ст-5***	А я усердствую обычаем, И рекламирую, дивясь: На вас — московская опричнина И володимирская вязь.
после 40 ***УКЗ-2, Ст-1, Ст-4***	Заголосила «мать-и-мачеха» И ветром свистнула гроза: — По-ястребиному раскачивай Упорство взявшие глаза.

15

после 10 ***Р, Плд, Ст-1, Ст-4, Избр-2, Ст-5***	В предпоследний раз перестараться На потеху вышедших мещан И на каждое развесистое: «Здравствуй» Отвечать отрывисто: «Прощай!»

18

после 12
УКЗ-1, УКЗ-2,
Ст-1, Ст-4

«Я шла от Архангельска до Амура,
Веселый товарищ, и вспомнила вас...
Я трижды гостила в гостиницах МУРа,
Печатала пальцы, снималась анфас;

19

после 21
Плд

Лодки на синие суметы!
Надо закинуть в подводный низ
Длинные супряги переметов,
Черные простыни воротниц.
Ветер.
Качает.
Ой-ра, ой-ра!
Братчики, бейтесь за улов,
Чтобы колыхала дебелая мойва
Стертые скатерти наших столов.

20

вместо 18—19
Плд, Ст-1

И большим запевом затянись,
Скученным березам и осинам
На четыре края поклонись.
Выйдет месяц, кутаный, в перчатках,
Бросив полусумрак под уклон,
А по всем лазоревым площадкам
Яблоневый плещется полон.

22

после 6
Р, Плд, Ст-1,
Ст-2, Ст-4, Ст-5

Рыбак на язей собирает котомки,
Но нет — не добраться до них рыбаку:
Бригада ершей охраняет потомство,
Дозоры уклеек входили в реку...
Тревожное время... Бойцы не ослабли,
Но вот окрыленная свищет Беда,
Лещи обнажили веселые сабли,
Надежней защиты не знает вода!
Ерши-допризывники — басалаи
Ходили вразвалку под видом гуляк,
Они издевались над прасолами,
Над черной коробкой на якорях!

24

после 5 УКЗ-1, УКЗ-2, СМ, Ст-1, Ст-4, Избр-2, Ст-5

И на всю Петроградскую сторону,
На расчёсы Петровских буклей,
На столетние клены и довольные берега,
По отдельным республикам,
По Союзу Советских Республик
Краснозорья и славы идет ураган.

после 9

(И когда цепенеет совершенно бескрылая караулка,
И когда патрули не имеют возможности
снять оголтелый содом),
На нее целиком налетает кавалерия переулков,
Обескровленный Кронверкский
отдает захолустье садов

после 21

Позывные сигналы даю и молодость призываю...
С Петропавловки грохот — 12 часов — полуден,
Через десять минут —
предпоследняя остановка трамвая —
И единственной песне мною итог подведен.

26

после 6 УКЗ-1, УКЗ-2, Ст-1, СМ, ПоМ-1, ПоМ-2, Ст-2, Избр-1, Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6

Не донная рыба попала в силок...
Четыре тумана заходят в село.

после 8

Мы бросили шпалеры по столам,
Мы дружбу ломали напополам

после 16

Которые сердцем по сердцу бряк!
Которые встали, как дубняк

после 26 УКЗ-1, УКЗ-2, СМ, ПоМ-1, Ст-1, ПоМ-2, Ст-2, Избр-1, Ст-4

Товарищ снаряжен... Он песней доволен.
Бездомные звезды идут под конвоем

Земли... И ветер обламывал белену.
В тот час мой товарищ пошел на войну.

27

2

вместо 23 Зв., УКЗ-1, УКЗ-2, СМ, ПоМ-1, Ст-1, ПоМ-2

Всякая шатия шла тогда, хотела нас проучить,
Бандитами руководил известный лорд Черчилль.
(Чтоб ветер свеял потроха его свиной души,
Чтоб переплет оконных рам его бы задушил;
Пусть будет он в предсмертный час
зубами землю рвать.
Такую гадину земля должна четвертовать!)

Две Англии на свете есть — победа за второй,
Но Бирмингам не может жить, пока живет король,
Но ветру, буре и грозе подчинены моря —
Вторая Англия придет, повесив короля!
Вторая Англия — живи!
Но голову кручинь
За то, что Англией владел веселый вор Черчилль.

8

Весной поднимает руки черемуха,
черным становится лед.

35

1—4 Зв., УКЗ-1, УКЗ-2, СМ, Ст-1, Ст-2, Избр-1, Ст-4

Мимо черствого Сити с большими заливами лавок,
У которых — закусочной Индия, а буфетною стойкой
Алжир,
Обгоняя созвездья на стремительном поезде Славы,
Молодая эпоха становится в первый ранжир.

39

после 49 Зв., Пбд, СМ, Ст-1, Ст-2, Избр-1, Ст-4

Люди могут пьянствовать и мерзнуть,
Спать, не сняв сметаны на усах. . .
Наши многоярусные звезды
Лучше, чем на многих небесах!

40

после 18 Л, Пбд, СМ

Я бы там спустился рыбой в воду,
Отойдя от мелочи, от густёр.
Я бы там прошелся по хороводу —
Сопли бы мазурикам подтер.

41

после 66 Л, Пбд, СМ, Ст-1, Избр-1

И они все вертятся сатаной на блюдце,
Слезы собирают в кулачок.
Скидывайте шапочку перед Революцией,
Чтоб косая пуля била в мозжечок!

42

перед 1 Пбд, Ст-1, Избр-1, Ст-4

К чему мне, зачем заклинанья от грыжи,
Присух, наговоров большой огород?
Я песню бросаю, которая рыжа,
Я верное слово беру в оборот.

44

после 8 *Зв., Пбд, Ст-1,* *Избр-1,* *Ст-4, Ст-5*	Кто-то на гармонике затренькал. У тебя разгон судьбы — наверх. Улица пойдет на четвереньках, Чтобы взор твой орлий не померк!

46

после 8 *Зв., Пбд, СМ,* *ПоМ-1, Ст-1,* *ПоМ-2, Ст-2,* *Избр-1, Ст-4,* *Избр-2, Ст-5*	И вот эта песня — на плитняке, глаза — на заречный шлях. И я — Златоустом на всех лугах, на щедрых твоих полях.
после 16 *(там же, что и* *предыдущие, а* *также в Ст-6)*	Тогда карасиха икры не гнала, и зря жилось карасю. И женщин беременных я не встречал, хотя колесил вовсю.
61—64 *Ст-6*	Оплот наш и сила на все века, как солнце, ты всем видна. Ты вся словно песня, страна моя, родная моя страна!

47

после 55 *Л, СМ, Пбд,* *«Маяковскому»,* *Ст-1, Избр-1,* *Ст-4, Ст-5*	Если ж паче, сплетнями качаем, Нападет пиита на него — Бейте по сусалам! Отвечаем: Я за всех и все за одного!
после 60 *Л, СМ, Пбд,* *«Маяковскому»,* *Ст-1*	Ни строки кликушам! В сердце сразу. Кто не уследил? Кого винить? Умер яростный и вологлазый, Время настает похоронить. Пусть разводят следопыты в МУРе Жидкую, как каша, канитель... Навсегда поэт глаза зажмурил И вошел в московскую метель. До последних дум единокровный — Песнь неодолимую свою Кинул в горло весен подмосковных, Вовсе не похожих на мою...

48

после 39 «Маяковскому», Пбд, Зв.

Довольно!
Сумятицы было вдоволь,
Работа не требует драк;
Я откреплен с нежилого дома,
И паспорт передан в РАПП).

после 52

И путь потому тяжелее втрое.
Врагов отметая вниз,
В боренье, ликуя, идем и строим
Развернутый социализм!

56

18—21 Ст-5, Ст-6

Командир тогда сказал нам,
Что не время горевать,
И помчались партизаны
Шашкой волю добывать!

57

вместо 1—4 Зв., Пбд

Все апостолы — килаты,
Пуща райская пуста.
Что нам?
В Понтия Пилата,
В богородицу, в Христа

Кроем так, что не приснится.
(Замечательный улов!)

после 12 Зв., Пбд, Слт, Ст-1, Избр-1, Ст-4

Пулеметной свищет вьюгой,
Режет войско без ножа.
Посадить бы нам гадюку
Голым задом на ежа!

73

вместо 29—35 3

Он навек трудом богатый,
Он в работе дуж и скор,
У него в руках бригада —
Все ребята на подбор.

Слава целыми кусками
Разнеслась из края в край,
Инженер американец
Говорил ему: «Ол-райт».

Громобой стоял как свечка
И владел своей судьбой,
Ни единого словечка

75

после 16
Зв., ПоМ-2,
Ст-2, Избр-1,
Кр., Ст-4

Живое — стыло, пело, верещало,
Катилось от войны к войне.
Полнеба только солнцем освещалось,
И то в американской стороне.

78

после 4
Л, ДчМ,
Избр-1, Кр.,
Ст-4, Ст-5,
Ст-6

Мы шли по огненному следу
Больших степей и смертных рек.
Кто нашей верности не предал —
Тот не предаст ее вовек!

87

после 8, 16, 20
ЛС, ДчМ,
Ст-2, ПС,
Кр., Ст-4

Гайда Доном, Доном,
Полным эскадроном,
По золотым погонам
Огонь! Огонь!

92

после 4
Зв., ДчМ,
Избр-1

Видят — в лучшем случае — деревья,
У которых та же — маята,
В худшем, это Старую Деревню,
Где совсем не видно ни черта!

93

После 20
Зв.

Тоска — мне собеседница.
Редактор строг.
Но, может, не рассердится
За двадцать строк.

94

после 12
Зв., ДчМ,
Ст-2,
Избр-1, Кр.,
Ст-4

Но мы встаем из всех земных отверстий
На корабли, на крыши, на плоты,
И все пути, ведущие в бессмертье,
Блестят расцветом нашей правоты.

103

после 22
Вр., Ст-2,
СдЭ, Кр.,
Ст-4

Он (рот словно погреб!) шел, всё пережив.
Так волк не проходит и рысь не бежит!

после 24

Он (скулы что доски, и рот словно гроб!)
Шел полным хозяином просек и троп.

110

2

после 20
ЛС

Преданность да будет мне порукой.
Всем скажу, ничуть не утая,
Что не замышлял войны на друга
И терял товарища не я.

Кто-нибудь другой, имея лыжи,
Убегал, и клеветал, и дрог,
Кто-нибудь другой, наверно, рыжий
Или бурый с крапинкой игрок

Пусть бежит среди других проворных,
Пусть покинет дружбу торжество,
Потому что каменное горло
И кривые ноги у него!

Потому что приторной помадой
Он провел, как девка, по лицу,
Потому что так ему и надо,
Так ему и надо, хитрецу.

116

после 8
ЛЛ, ПС, Кр., Ст-4, ВЗВ

На цветах больших и неплакучих
Люди ставят молодость свою.
Только я, темнеющий как туча,
Дню такому рук не подаю.

127

после 8
ЛС, ПС, Кр., Ст-4, ВЗВ

Ветер веет дымные волокна,
На дорогах трубит в черный рог...
Кроме трех, бегущих прямо в окна,
Никаких не знаю я дорог.

128

после 4
КН, ПС, Избр-1, Кр., Ст-4, ВЗВ

Пусть другой прогон зальет богатством
Рудожелтых холеных кудрей.
Не ходить ему, не красоваться
По широкой улице моей.

131

после 4
ЛС, Избр-1, Ст-4, Ст-5, Ст-6

Их сжимали, комкали и гнули
Ветер и вода, огонь и твердь,
Гвардию, прошедшую сквозь бури,
Через плен централов, через смерть.

132

вместо 5—6
ПЛ, Ст-4, Ст-5

По флангам шло стократное —
«Не верьте!
Не верьте гневной поднятой руке», —
Но вопреки истерике — Бессмертье
Уже стояло на броневике.
Потом, ломая сумрачные ветлы,
Через провалы рек, степей, мостов

158

после 8
ЧВГ

За слезы мои, за тоску и обиды,
За боль, что ни с кем не делю,
За то, что скорее умру, а не выдам,
Кого я так кровно люблю, —

162

после 5
Знм, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1

Тем, что ненависть прошла до самых
Тихоокеанских берегов,
Он отмщен у озера Хасана
Беспримерной гибелью врагов.

167

после 12
«Молодой колхозник», ВЗВ

Путь далекий в зорях красных
Вьется в новые края,
Где б ты ни был, сокол ясный,
За тобой любовь моя.

217

после 28
НСР, Избр-2, Ст-5, Ст-6

Опять по-воровски стреляют фрицы,
Стреляет враг, и злоба вся его
Летит в жилища, в парки и в больницы,
В бессмертие народа моего!

Скорей, артиллеристы, им отмерьте
На весь расчет, чтобы не смели сметь!
И кажется, что мало фрицам смерти,
Но если нет другого — дайте смерть!

Не промахнись, боец, гляди, гляди
Из всех засад. В тебя мы верим.
Скорее пулю меткую всади
В оскаленную, злую морду зверя!

223

после 32
НСР

Да мыслимо ль в нашей судьбе человечьей,
Присниться такое в кошмаре и быть,
Что нам, одаренным певучею речью,
Рычать по-немецки, и лаять, и выть?!

Да мыслимо ль, чтоб страна от Олонца
До Тихого
с вечным гореньем земным,
Открытая солнцу, летящая к солнцу,
Замлела под фрицем тупым и чумным?!

224

после 32
НСР,
Пр.,
Избр-2,
Ст-5, Ст-6

Сгниешь, как гад, и весть о том до логова дойдет,
Пусть там волчихи голосят, настанет их черед,
За то, что выродков таких поставили полки,
За то, что желтым фосфором горят у них белки!

225

после 28
КЗ, Пр.,
Избр-2,
Ст-5, Ст-6

Чтобы долина век не старилась,
Не отцветала, всё б цвела...
За это пуля в грудь ударила
И сердце грозно обожгла!

За это ты потом с полянами,
Передавая гнев векам,
Глаза пустые, оловянные
Застекленила трем врагам!

227

после 8
Изв.

В ней каждый пригорок обласкан
Отрадою вешней поры,
Россия, где песня и сказка
Не выйдут вовек из игры!

228

после
строфы 9
КЗ

«Иди, мой сын, иди путем опасным
За вольный наш родной Советский край,
За муки нашей Родины прекрасной
Будь беспощаден, мсти и убивай!

А к Родине помножь любовь на нежность,
Будь храбрым, сын, пусть сердце не дрожит,
Пусть кровь врагов течет рекой безбрежной,
От пуль твоих пусть враг не убежит!»

230

после 24
КЗ

Гони, чтоб не позорили
Расцвет твоей поры,
Зажги снега не зорями,
А кровью немчуры!

Добей, кого мы ранили,
Чтоб вновь — в конце концов —
Лишь стон стоял в Германии
От пляски мертвецов!

232

29—32
ОВ

Родные сердцу дали:
Поля, леса, луга,
Земля, с которой встали
На лютого врага!

243

после строфы 6
Л

Ты прости, прости меня за это,
Что, навеки твой,
Отступил я огненным тем летом
Перед силой злой.

267

после 12
Изв., ЛП,
«Краснофлотец»,
Ст-6

Ленты вьются, ленты вьются,
Плещется вода...
С морем — нет, не расстаются.
Море — навсегда!

Высоко наш вымпел реет
Над страной моей.
Нет ее нигде милее,
Нет ее родней!

268

после 8
ВЛ, ЛА

Передний край. В огне, в дыму,
Отсель рукой подать до исполина.
Не с этого ль НП и виделся ему
Путь ленинградской армии к Берлину?

после 12
ВЛ, ЛА, ВКМ

Тол бушевал, и рвался динамит,
Ревели пушек яростные жерла...
Россией кол под Пулковом был вбит,
Который шел Германии под горло!

278

после 4
Зв.

Встаешь, и дни летят в согласье,
Идешь, всё светлое любя,
И нету имени прекрасней,
И нету счастья без тебя!

290

после 16
Соч-1, С 1

Взлетает над дубравами,
Как ей в роду положено,
Идут солдаты бравые,
Для них она и сложена.

295

после 4
«Полярная правда», ЛГ, Зв.

Там, где только мох был да брусничник,
Где цвела болотная вода, —
Ты поднялся волею великой.
Волею народа навсегда

316

после 28
«Сталинградская правда»

Новая степь подняла высоко
Сталь, железо, бетон.
И далеко, далеко, далеко
Бьет волной Волго-Дон.

329

9—12
Ст-7

Кто селится у реки —
От беды не плачет!
Наши парни — рыбаки,
Девушки — рыбачки.

357

после 17
Зрч-1, Лрк, Соч-1, С 1

Не ручьи, а огненные реки
Преодолевая, шли вперед.
Кто они, друзья мои навеки?
Кто они?
Отвечу:
Весь народ!

715

после 60
Прст

Полезен, полезен
На веки веков,
Полезен, полезен
В разгроме оков

756

после 29 *Прщн, Ог.*	Чему светиться — светится, Сердечному — гореть. Пятидесятилетию Звенеть и пламенеть!

832

после 8 *ХМ*	Ярко солнышко горит, Спать Галинке не велит. «Посмотри, какое утро!» — Бор Галинке говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературное наследие А. А. Прокофьева весьма обширно. В 1931 году вышло сразу четыре сборника его стихотворений — «Полдень», «Улица Красных Зорь» (два издания), «Сотворение мира» и «Победа», а всего при жизни поэта было издано более ста книг оригинальных и переводных стихотворений и поэм, причем в книги эти вошло далеко не все, созданное поэтом (за пределами их остались, например, все стихотворения, написанные до 1925 года, которых насчитывается несколько десятков, и ряд произведений последующих лет, многие переводы, литературно-критическая, публицистическая и очерковая проза поэта и т. д.). Неоднократно выходили за эти годы и сборники избранных стихотворений Прокофьева (в 1931, 1932, 1934, 1935, 1936, 1938, 1947 (два), 1950, 1954, 1956, 1959, 1960, 1963, 1965, 1967, 1970, 1971 гг.), дважды (в 1957 и 1961 годах) издавался двухтомник его стихотворений, а в 1965—1966 годах вышло его четырехтомное собрание сочинений, для которого поэт отобрал свои лучшие произведения 1925—1965 годов.

Настоящее издание избранных стихотворений и поэм Прокофьева в Большой серии «Библиотеки поэта» преследует цель представить читателю лучшие и наиболее характерные образцы творчества поэта. При отборе произведений учитывалась прежде всего их идейно-эстетическая значимость, а также отношение к ним самого поэта, т. е. в первую очередь включались те стихотворения, которые он многократно перепечатывал в своих сборниках (лишь в единичных случаях сделаны отступления от этого правила).

Материал книги разделен на три основных раздела: стихотворения, поэмы, переводы. Кроме того, в первом разделе под особыми рубриками выделены стихотворения, не включавшиеся в авторские (прижизненные, а также вышедшие посмертно, но подготовленные самим поэтом) издания, и стихи для детей. Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке.

Стихотворения и поэмы Прокофьева печатаются по последним авторским редакциям, т. е. по тем изданиям, где впервые окончательно установился их текст. Во многих случаях источником текста является Собрание сочинений в четырех томах (М.—Л., 1965), после выхода которого Прокофьев, как правило, уже не возвращался к исправлению своих произведений. Немногочисленные изменения в отдельных стихотворениях, перепечатывавшихся после выхода собрания сочинений, везде учтены, кроме тех случаев, когда такое стихотворение печаталось в третьем издании сборника «Приглаше-

ние к путешествию» (М., 1969). Это отступление объясняется тем, что сборник «Приглашение к путешествию», впервые вышедший в 1960 году, был отмечен Ленинской премией 1961 года и переиздавался затем без сколько-нибудь существенных изменений, как правило, без учета той правки, которой подверглись затем отдельные входящие в него стихотворения при включении их в сборники избранных произведений поэта или в его собрание сочинений. Также не принимались во внимание текстовые изменения отдельных стихотворений в появившихся после выхода собрания сочинений «специальных» публикациях, осуществленных, по-видимому, без участия автора (здесь имеются в виду главным образом публикации песен на слова Прокофьева вместе с нотами и без них; см., например, № 359). Равным образом не учитывались изменения, внесенные Прокофьевым в отдельные стихотворения при их перепечатке в сборниках для детского чтения (в примечаниях лишь перечисляются такие публикации с пометой: «Варианты для детей»). При выборе источника текста в отдельных случаях принимались во внимание не только собственно словесные изменения, но и изменения пунктуационного характера, если они имели смысловой характер; наиболее интересные из таких разночтений приведены в разделе «Другие редакции и варианты» — см., например, № 329.

Датировка произведений Прокофьева на первый взгляд не представляет особых затруднений, поскольку во многих сборниках поэта даты указаны самим автором. Однако они не всегда совпадают; сопоставление их и последующая проверка по имеющимся материалам (в том числе в ряде случаев и по сохранившимся автографам) позволили уточнить даты собрания сочинений. Все расхождения авторских датировок отмечаются в примечаниях лишь в тех случаях, когда выбор одной из дат не бесспорен. Явно ошибочные датировки (их бесспорная ошибочность выясняется при сопоставлении с датой первой публикации или другими фактами) в предыдущих изданиях, исправленные самим автором в последующих сборниках, служащих источником текста, не оговариваются вообще. Столь же очевидные хронологические смещения, но исправленные составителями, оговариваются каждый раз после ссылки на источник текста, причем ошибочная дата указывается в скобках; не имеет при этом значения, появилась ли ошибка только в данном издании, или она идет от одного из предыдущих сборников, неверные датировки которых в таких случаях не фиксируются. Наконец, всегда оговариваются явно ошибочные даты в изданиях, которые вышли после публикации, принятой за источник текста. Если установленная в настоящем издании дата не совпадает с авторской, она должным образом аргументируется в примечаниях.

Наиболее показательные по объему и значению другие редакции и варианты приводятся в особом разделе, причем произведения, к которым имеются материалы в этом разделе, отмечены в комментариях звездочкой (перед порядковым номером примечания). В некоторых случаях, кроме того, и в самих примечаниях цитируются наиболее существенные по значению варианты отдельных строк (см., например, № 235).

В примечаниях указываются: первая публикация каждого произведения, затем последующие, в которых оно подвергалось смыс-

ловым изменениям, и, наконец, источник, по которому это произведение печатается в настоящем издании. Если произведение не перепечатывалось или перепечатывалось без каких-либо изменений, указывается только его первая публикация, которая одновременно является и источником текста. Необходимо при этом иметь в виду, что, поскольку библиография газетно-журнальной периодики разработана еще крайне слабо, а просмотреть всю периодику за полвека в процессе подготовки этого издания было невозможно, сведения о первых публикациях ряда произведений могут оказаться не совсем точными. Если стихотворение было положено на музыку, это также отмечается в примечаниях: указывается фамилия композитора и (в круглых скобках) название песни — в тех случаях, когда оно не совпадает с авторским заглавием стихотворения. Следует при этом учитывать, что эти сведения отнюдь не претендуют на полноту: нотография Прокофьева еще не создана, а имеющиеся немногочисленные справочники (в том числе и приложенный к четвертому тому сочинений поэта указатель «Стихотворения А. Прокофьева, положенные на музыку») охватывают лишь часть материалов.

Как уже сообщалось в печати (см., в частности, заметку В. В. Базанова (в газ. «Советская Россия» за 6 марта 1973 года) и статью Г. Г. Поляковой «Архив А. А. Прокофьева» («Русская литература», 1976, № 2), литературный архив Прокофьева передан его хранительницей О. В. Нестеровой в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. К сожалению, обработка этой части архива (другая его часть находится ныне в одном из частных собраний) ко времени подготовки настоящего издания не была завершена, что значительно ограничило возможности в использовании сохранившихся рукописей.

Составители приносят благодарность Л. И. Петровой, которая принимала активное участие в комментировании и подготовке свода вариантов произведений 1946—1954 годов, а также в разыскании первых публикаций стихотворений этих и ряда других лет, Л. Г. Мироненко, выявившей первые публикации стихотворений военных лет (1941—1945), а также П. В. Бекедину, помогавшему в подготовке рукописи к печати. Большую помощь составителям оказали также сотрудники Рукописного отдела и Литературного музея Института русской литературы АН СССР Г. Г. Полякова, А. П. Холина и Р. Г. Куриленко, ряд ценных сведений сообщила сестра поэта Анастасия Андреевна Прокофьева.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

Атк — Атака. Стихотворения, Л., ГИХЛ, 1943.
Бсм — Бессмертие. Стихи, Л., «Советский писатель», 1970.
ВЗВ — В защиту влюбленных, Л., «Советский писатель», 1939.
ВКМ — В краю моем, М., «Советский писатель», 1948.
ВЛ — газ. «Вечерний Ленинград».
ВП — В пути, М., «Молодая гвардия», 1953.
ВПР — Величальная песня России, М., «Советская Россия», 1971.
Вр. — Временик. Стихи. 1932—1933, Л., ГИХЛ, 1934.
ВРК — В родном краю, М.—Л., Детгиз, 1947.

ВС — Веселые стихи, М., Детиздат, [1939].
Втк — Ветка. Стихи, М., «Правда», 1970 (Б-ка «Огонек», № 34).
ГГ — Галя-Галинка, Л., Детгиз; 1960.
Гр. — Гроздья, Л., «Советский писатель», 1967.
Грм — Гармонь, Л., ГИХЛ, 1943.
Грсл — Горислава. Лучшее из лирики, М., «Молодая гвардия», 1963.
ГСБ — Годы славы боевой. Стихи 1941—1945 годов, Л., 1945.
ДВ — Днем весенним. Стихи, Л., Детгиз, 1956.
ДН — журн. «Дружба народов».
ДПЛ — ежегодный сб-к «День поэзии», Л., «Советский писатель».
ДПМ — ежегодный сб-к «День поэзии», М., «Советский писатель».
ДчМ — Дорога через мост, Л., 1933.
З — журн. «Залп».
ЗВ — Золотые ворота, Л., Детгиз, 1964.
Зв. — журн. «Звезда».
Звн — Звенья. Стихи, Л., «Советский писатель», 1972.
Зн. — журн. «Знамя».
Знм — Знамя, Л., ГИХЛ, 1940.
ЗР — За Родину, Л., ГИХЛ, 1941.
Зрч-1 — Заречье, Л., «Советский писатель», 1955.
Зрч-2 — Заречье. Стихи, М., «Правда», 1957 (Б-ка «Огонек», № 9).
Избр-1 — Избранное, Л., ГИХЛ, 1935.
Избр-2 — Избранное, М., «Советский писатель», 1947.
Избр-3 — [Избранная лирика], М., «Молодая гвардия», 1965 («Б-чка избранной лирики»).
Избр-4 — Избранные стихи, Лениздат, 1970.
Изв. — газ. «Известия».
КЗ — газ. «Красная звезда».
КН — журн. «Красная новь».
КП — газ. «Комсомольская правда».
Кр. — Крылья, Л., «Советский писатель», 1937.
Л — журн. «Ленинград».
ЛА — «Ленинградский альманах», Лениздат.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛиЖ — газ. «Литература и жизнь».
ЛЛ — газ. «Литературный Ленинград».
ЛП — газ. «Ленинградская правда».
ЛР — газ. «Литературная Россия».
Лрк — Лирика, Л., Лениздат, 1956.
ЛС — журн. «Литературный современник».
«Маяковскому» — Ник. Браун, Ал. Прокофьев, Висс. Саянов, «Маяковскому», Л., 1931.
МГ — журн. «Молодая гвардия».
Н — журн. «Нева».
НМ — журн. «Новый мир».
НРН — На Родине нашей, М.—Л., Детгиз, 1954.
НС — альм. (затем — журнал) «Наш современник».
НСП — На солнечном плесе, М., «Советский писатель», 1965.
НСР — газ. «На страже Родины».
ОВ — газ. «Отважный воин».
Ог. — журн. «Огонек», М.
Огн — Огонь, Л., 1942.

Окт. — журн. «Октябрь».
Пбд — Победа. Третья книга стихов, М.—Л., ГИХЛ, 1931.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, фонд А. А. Прокофьева.
ПкП-1 — Приглашение к путешествию, Л., «Советский писатель», 1960.
ПкП-2 — Приглашение к путешествию, Л., «Советский писатель», 1961.
ПкП-3 — Приглашение к путешествию, М., «Художественная литература», 1969.
Плд — Полдень, Стихи, Л., ГИХЛ, 1931.
ПоМ-1 — Николай Браун, Александр Гитович, Александр Прокофьев, «Приказ о мобилизации», Л., ГИХЛ, 1931.
ПоМ-2 — Николай Браун, Александр Гитович, Александр Прокофьев, «Приказ о мобилизации». Переработ. и доп. издание, Л.—М., ГИХЛ, 1933.
Пр. — Простор. Стихи, Л., ГИХЛ, 1945.
Прзн — Признания. Стихи, Л., «Советский писатель», 1957.
Прсг — Присяга. Стихи разных лет, Л., Лениздат, 1960.
Прст — Пристрастия. Книга стихов, Л., Лениздат, 1967.
ПС — Прямые стихи, Л., ГИХЛ, 1936.
ПСЛ — «Под солнцем и под ливнями», М.—Л., «Советский писатель», 1964.
Псн — Песни, Л., ГИХЛ, 1937.
ПсП — Прощание с Приморьем. Стихи, Л., «Советский писатель», 1969.
Р — журн. «Резец».
Рдг — Радуга, Л., «Детская литература», 1966.
Рдн-1 — Родина, Л., Детгиз, 1961.
Рдн-2 — Родина, Л., «Детская литература», 1970.
Рзб — А. Гитович, Б. Лихарев, А. Прокофьев, А. Чуркин, «Разбег. Стихи», Л., 1929.
Россия-1 — Россия. Стихи, Л., 1944.
Россия-2 — Россия. Стихи, [Б. м.], Воениздат, 1944.
Россия-3 — Стихи о России, Л., Лениздат, 1946.
Россия-4 — Мне о России надо говорить. Стихи, М., «Правда», 1960 (Б-ка «Огонек», № 41).
Россия-5 — Россия. Поэмы и стихи, М., Воениздат, 1971.
Россия-6 — Россия стоит на граните. Избранное, М., «Современник», 1972 (посмертный сб-к подготовлен к печати автором).
С 1, 2 — Собрание стихотворений в двух томах, тт. 1—2, М.—Л., Гослитиздат, 1961.
СдЭ — Стихи для эстрады, М.—Л., 1936.
СиП — Стихотворения и поэмы, М., Гослитиздат, 1959 («Б-ка советской поэзии»).
Сл. — Слава. Стихи, Л., ГИХЛ, 1939.
Слт — Александр Гитович, Александр Прокофьев, «Салют», Л., 1932.
СМ — Сотворение мира. Избранные стихи, М.—Л., ГИХЛ, 1931.
Смн — газ. «Смена».
СН — Синички-невелички, Л., Детгиз, 1958.
Соч-1, Соч-2 — Сочинения в двух томах, тт. 1—2, М., Гослитиздат, 1957.

СР — газ. «Советская Россия».
СС 1, 2, 3, 4 — Собрание сочинений в четырех томах, тт. 1—4, М.—Л., «Художественная литература», 1965—1966.
СсД — Стихи с дороги, М.—Л., «Советский писатель», 1963.
ст. — стих.
Ст-1 — Стихотворения, Л., Изд-во писателей в Ленинграде, [1932].
Ст-2 — Сборник стихов, Л., ГИХЛ, 1934.
Ст-3 — Стихи, М., «Правда», 1936 (Б-ка «Огонек», № 20).
Ст-4 — Стихотворения. 1927—1937, Л., ГИХЛ, 1938.
Ст-5 — Стихотворения. 1927—1947, М.—Л., Гослитиздат, 1947.
Ст-6 — Стихотворения, М.—Л., Гослитиздат, 1950.
Ст-7 — Стихотворения, М., Гослитиздат, 1954.
Ст-8 — Стихотворения, М., «Художественная литература», 1967.
Ст-9 — Стихи о Ленинграде, Л., Лениздат, 1967.
Трн — Таран, Л., ГИХЛ, 1942.
УКЗ-1 — Улица Красных Зорь. Стихи, М.—Л., ГИХЛ, 1931.
УКЗ-2 — Улица Красных Зорь, изд. 2, Л., Гослитиздат, 1931.
ФС — Фронтовые стихи, Л., 1943.
ХМ — Хороши малыши, Л., Детгиз, 1963.
ЧВГ — Четыре времени года, Л., «Советский писатель», 1941.
ЧТ — Чудесная тревога, М.—Л., «Советский писатель», 1965.
ШКС — Шел кот-скороход. Веселые стихи, Л., Детгиз, 1956.
ШП — Шутки-прибаутки, Л., Детгиз, 1962.
Юн. — журн. «Юность».
ЯнМ — Яблоня над морем, М., «Советский писатель», 1958.

О себе. Различные варианты автобиографии Прокофьев неоднократно публиковал в 30—60-х годах: Р, 1934, № 5, с. 20, под загл. «Мой творческий опыт — начинающим писателям»; «Рабселькор», 1935, № 19-20, под загл. «Этапы работы»; СиП; сб. «Советские писатели. Автобиографии», т. 2, М., 1959. Печ. по СС1, с. 31. В ПД хранится несколько автографов и авторизованных машинописей этого и других вариантов. *О Ладога-малина* и т. д. — из «Пятой песни о Ладоге». *Фейерверкер* — см. примеч. 775. *Примак* — человек, поселившийся после женитьбы в семье жены. *Супесь* (супесок) — рыхлая почва, содержащая большое количество песка. *Мережа* — см. примеч. 5. *Прасол* — см. примеч. 1. *«Коробушка», «Хорошо было детинушке»* — песни на слова Н. А. Некрасова (из поэмы «Коробейники»). *«Варяг»* — см. примеч. 680. *«Ермак»* — вероятно, песня на слова К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» («Ревела буря, дождь шумел...») (1822). *«Не бил барабан перед смутным полком...»* — песня на слова И. И. Козлова — вольный перевод стих. Чарльза Вольфа «На погребение английского генерала Джона Мура» (1825). *Шелонник* — см. примеч. 25. *Полуденник* — южный ветер. *Меженец* — см. примеч. 471. *Зимняк* — юго-восточный ветер. *Сытин* И. Д. (1851—1934) — крупнейший дореволюционный издатель, выпускавший, главным образом, книги для народа, по цене доступные самым простым читателям. *Шапирограф* — усовершенствованный гектограф. *Сражался против банд Юденича.* В сентябре 1919 г. Прокофьев по партийной мобилизации был направлен на Петроградский фронт против Юденича. *Попал в плен* — 16 октября 1919 г. под Гатчиной; бежал из плена 23 октября 1919 г. *Служил в 3-м запасном стрелковом полку* — в ок-

тябре — декабре 1919 г. *Окончил Учительский институт Красной Армии имени Толмачева* — с декабря 1919 г. до мая 1920 г. Прокофьев учился там на шестимесячных курсах. *Заведовал гарнизонным клубом* — в Новой Ладоге с мая 1920 г. до марта 1921 г. *Был помощником заведующего бригадным клубом в 16-й дивизии имени Киквидзе* — с января до сентября 1922 г. *Был политработником* — с сентября 1922 г. до января 1930 г. Прокофьев был сотрудником Полномочного представительства ВЧК — ОГПУ в Ленинградском военном округе. *Пролеткульт* — пролетарская культурно-просветительная организация, возникла после Февральской революции и получила широкое развитие в годы гражданской войны; в дальнейшем, в силу сепаратистских устремлений своего руководства, постепенно утратила влияние в рабочих массах. *Крайский А. П.* — см. примеч. 26. *У кафе на площади старуха* и т. д., *За деревней, на широком на лугу* и т. д. — цитаты из стих. Прокофьева 1923 г. *Пляшет трепака по строчкам Сашка Жаров* — из стих. А. И. Безыменского «Весенняя прелюдия». *В начале 1930 года я демобилизовался* — с января до апреля 1930 г. Прокофьев работал в Ленинградском радиоцентре секретарем редакции газеты «Крестьянская правда по радио», а с апреля до октября 1930 г. — секретарем управления Государственного народного дома в Ленинграде. *Каширин* — см. примеч. 52. *Я знаю друзей по оружью, сограждан* — из стих. Прокофьева «Я счастлив, что в городе этом живу. . .» *Братья Шумовы* — см. примеч. 558, 845. *По-хорошему, посмелому* и т. д. — из стих. Прокофьева «Раздумье» («По-хорошему, по-смелому. . .»). *Это было сказано в 1960 году* — ошибка памяти; стих. «Раздумье» написано в 1959 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* 1—6. КП, 1927, 20 февраля, под общим загл. «Песни о Ладоге». В дальнейшем поэт публиковал эти стихи без общего загл., но и не рассыпал их, что позволяет видеть в них своеобразный цикл. Сохранившиеся рукописи ПД (все песни имеют черновые и беловые автографы) свидетельствуют о том, что работа над циклом началась в 1926 г. и что порядковые номера песен установились не сразу; отчасти это видно и по печатным вариантам. Цикл песен о Ладоге обозначил начало зрелого этапа творчества Прокофьева (в ПД хранится тетрадь с его стихами 1919—1920 гг., а писать он начал еще до Октябрьской революции). Они «сразу же были замечены и критикой и читателями, — отмечал Николай Рыленков. — Эти песни о «малой родине», об отчих местах поэта были как бы вступлением, запевом к песне о большой Родине, о России, которую Прокофьев поет всю жизнь» (Избр-3, с. 4). Сам поэт связывал с песнями о Ладоге «начало радостной творческой работы» (см. с. 75 наст. изд.). **1.** КП, 1927, 20 февраля, в цикле «Песни о Ладоге», под загл. «Первая»; Рзб; Плд; Ст-1; Ст-2; Избр-1; Ст-4; Избр-2; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 43. Автограф с датой: 10 октября 1926. В сб-ках датировалось 1927 г. *Ладога* — Ладожское озеро (древнее название — Нево). О Ладоге и ладожской теме в творчестве поэта см. с. 72-73

наст. изд. *Микола* — Николай Мирликийский, христианский святой. *Спас* — здесь: спаситель, т. е. Христос. *Святители* — здесь: церковнослужители. *Сойма* — местное (на Ладожском и Онежском озерах) название одномачтового палубного грузового судна или большой озерной лодки. *Прасол* — скупщик рыбы или мяса для розничной распродажи. **2.** КП, 1927, 20 февраля, в цикле «Песни о Ладоге», под загл. «Вторая»; Рзб; Плд; Ст-1; Ст-2; Избр-1; Ст-4; Избр-2. Печ. по Ст-7, с. 7. *Рюрик* — русское имя предводителя варяжской дружины Хрёрекра, родоначальника династии Рюриковичей, с которой, как в последние годы убедительно доказали ученые (акад. Б. А. Рыбаков, А. М. Членов и др.; см., например: А. Членов, На родине Добрыни Никитича. — ДН, 1975, № 8, с. 167—212), долгое время совершенно безосновательно связывалось создание Русского государства; Прокофьев в данном случае имеет в виду летописную легенду, согласно которой утвердившийся на Ладоге Рюрик был в 862 г. призван в Новгород, где он, захватив власть, объявил себя князем. *Синеус* — вероятно, один из приближенных (или родственников) Хрёрекра (Рюрика), тогда же княживший, по преданию, в районе Белоозерья. *Стенька* — С. Т. Разин (ум. 1671), вождь крестьянского восстания в Поволжье в 1667—1671 гг. *Кола* — здесь: река в Мурманской обл., вытекает из Колозера и впадает в Кольский залив у поселка Кола. **3.** КП, 1927, 20 февраля, в цикле «Песни о Ладоге», под загл. «Третья»; Рзб; СМ; Ст-1; Избр-1; Ст-4; Избр-2; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 46. Автограф с датой: 14 октября 1926. В сб-ках датировалось 1927 г. Строфа 2 здесь полностью совпадает со строфой 3 предыдущего стих. Эту песню поэт особенно выделял среди других песен о Ладоге, считая ее «программной для этого периода» (см. с. 75 наст. изд.) *Солнцем в Будапеште.* После произошедшей 31 октября 1918 г. революции в Венгрии, там 21 марта 1919 г. была провозглашена Советская республика (пала 31 июля 1919 г.). *Солнцем над Баварией.* Здесь имеется в виду Баварская Советская республика, провозглашенная 7 апреля 1919 г. в результате Ноябрьской революции 1918 г. в Германии (свергнута 1 мая 1919 г.). **4.** Р, 1927, № 23, с. 8, под загл. «Шестая ладожская песня» (др. ред.); Рзб; Плд; Ст-2; Избр-1; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7, под загл. «Третья песня о Ладоге»; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 48. Автограф с датой: 14 апреля 1927. *Олонец* — город, центр Олонецкого р-на Карельской АССР, расположен на р. Олонке неподалеку от Ладожского озера. *Песню про Разина с княжной.* Речь идет о песне Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень. . .» (1883), в основу которой положена легенда о потоплении Разиным красавицы персиянки. *Сойма* — см. примеч. 1. **5.** КП, 1927, 20 февраля, в цикле «Песни о Ладоге», под загл. «Четвертая»; Избр-1; Ст-4; Ст-7, под загл. «Четвертая песня о Ладоге»; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 50. *Мережа* — рыболовная снасть: сетка, натянутая на обручи. *Тальянка* — вид гармони. **6.** КП, 1927, 20 февраля, в цикле «Песни о Ладоге», под загл. «Пятая»; Плд; Ст-2; Избр-1; Ст-4; Избр-2; Ст-7, под загл. «Пятая песня о Ладоге»; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 52. Автограф с датой: 15 октября 1926. В сб-ках датировалось 1927 г.

7. Рзб, с. 76; Плд; Ст-1; Избр-1, с датой: 1928; Избр-2; Ст-6, без строфы 7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 54. Автограф с датой: 26 де-

кабря 1927. *«Яблочко»* — популярная в 20-е годы матросская песня. *Нарва* — город в Эстонской ССР, расположен на левом берегу р. Нарва. *Каптенармус* — лицо, заведующее приемом, хранением и выдачей солдатам продовольственного, вещевого и оружейного инвентаря. *Суйда* — поселок в Гатчинском р-не Ленинградской обл. *Чечня* — здесь просторечное название населения Чечено-Ингушской АССР. *Богатырка* — головной убор военнослужащих Красной Армии во время гражданской войны и в 20—30-е годы, по форме напоминающий шлем.

* **8.** Р, 1927, № 32, с. 8 (др. ред.); Плд (др. ред.); Ст-1; Ст-4; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 56. Автограф с датой: 11 апреля 1927. *Сотский* — до революции низшее должностное лицо сельской полиции, избиравшееся сельским сходом. *Пестрядина* — грубая бумажная ткань из разноцветных ниток, цветная ткань пестрой окраски. *Охра* — краска желтого или красного цвета.

* **9.** Р, 1928, № 6, с. 1, с подзаг. «Из поэмы»; Рзб, только «Второй запев» как самостоятельное стих.; Плд; Ст-1; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 60. Автограф с датой: 7 декабря 1927. В сб-ках датировалось 1928 г. *Купава* — водяное растение, кувшинка. *Явор* — белый клен. *Ойротия* — прежнее (до 1948 г.) название Горно-Алтайской автономной обл.

10. Р, 1928, № 40, с. 4, под загл. «Тоня»; Рзб, без загл.; Плд, с датой: 1928 (та же дата в Ст-2, Ст-4, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, СиП, С 1, СС 1); Избр-1; ВЗВ, с датой: 1927; Избр-2, с датой: 1927; Ст-6; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 16. Автограф с датой: 1928 г. Положено на муз. В. Липатовым («Антонина Климовна»).

11. Плд, с. 49 (др. ред.), с датой: 1928 (та же дата в Ст-4, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, СиП, С 1, СС 1); СМ; Ст-1; Ст-2, с датой: 1929; Ст-4; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 63. Автограф с датой: 8 июня 1928. *Гамуз* — компания, сборище. *Пулеметные бобы* — патронташ. *Треста* — вымоченная или отлежавшаяся конопляная или льняная солома. *Гайтан* — шнурок для ношения креста или ладанки. *С Лесснера* — имеются в виду, вероятно, механические заводы Русского акционерного об-ва «Соединенные механические заводы», бывш. «Старый Лесснер» и «Новый Лесснер» (ныне машиностроительный завод им. Карла Маркса) в Петрограде.

12. Плд, с. 30; Ст-1; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 66. *Покров* — христианский праздник, отмечаемый 1 октября старого стиля. *Заводь* — небольшой залив (затон) с замедленным течением; в олонецком говоре — омут, глубокая яма на дне реки или озера.

* **13.** Р, 1929, № 2, с. 12 с делением текста на две части: «1» (ст. 1—16) и «2» (ст. 17—31); Плд, без строфы 6; Ст-1; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 68. *Зарница* — мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт, вроде молнии, но без грома. *Медуница* — ароматная трава.

* **14.** Рзб, с. 69 (др. ред.); УКЗ-2 (др. ред.); Ст-1; Ст-4; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по С 1, с. 43. Автограф с датой: 27 мая.

Олония — бывшая Олонецкая губ.; ныне входит частями в Карельскую АССР, Ленинградскую и Архангельскую обл. *Тойво* — одно из многочисленных озер Карелии.

* **15.** Р, 1929, № 23, с. 8; Плд; Ст-1; Ст-4; Ст-6. Печ. по С 1, с. 57. Автографы с датами: октябрь 1925, 26 сентября 1926 и октябрь 1928. В сб-ках датировалось: 1929. *Пожни* — жнивье или луга.

16. Л, 1930, № 1, с. 8; УКЗ-1; УКЗ-2; Ст-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 72. В СС 1 дата: 1928, однако во всех предыдущих сб-ках, кроме Ст-1, где дата отсутствует, датировано: 1929. *Бахарь* — сказочник, рассказчик. *«Ю-Ю»* — название марки папирос в 20-х — начале 30-х годов. *Некрут* — диалектная форма от слова «рекрут», новобранец. *Кавалерчики танцуют* и т. д. — слова из «блатной» песенки 20-х годов.

17. Зв., 1929, № 8, с. 99; Ст-1; Избр-2, без строфы 7; Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 22. Автограф с датой: 14 марта 1929. В сб-ках датировалось: 1928. *Лядина* — пахотный участок среди леса на месте вырубки или пожарища.

* **18.** УКЗ-1, с. 55 (др. ред.); Ст-1; Ст-4. Печ. по СС 1, с. 86. Автограф с датой: 20 ноября 1928. В сб-ках датировалось: 1929. *«Амба* — кончено, конец» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *«Четыре сбоку»* — термин карточной игры. *Шурум-бурум* — до и после Октябрьской революции этим выражением, выкрикиваемым громко и нараспев, старьевщики, ходившие по дворам и скупавшие старую одежду и домашнюю утварь, зазывали население.

* **19.** Плд, с. 34 (др. ред); Ст-1. Печ. по СС 1, с. 75. *Ластик* — здесь: дешевый сорт бумажной материи. *Гамаюн* — сказочная вещая птица. *Конать* — слово, однокоренное с глаголом «доконать». *Палаш* — здесь: плавник у рыбы, по форме похожий на саблю. *Нарвские ворота* — триумфальные ворота в Ленинграде, установленные в 1814 г. для торжественной встречи гвардейских полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и возвращавшихся из Парижа в Петербург.

* **20.** Плд, с. 37 (др. ред.), с посвящ. «А. Чуркину»; Ст-1, с посвящ. «А. Чуркину»; Ст-4, с посвящ. «А. Чуркину» и с датой: 1928; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 77. Автограф с датой: 19 октября (?). *Чуркин* Александр Дмитриевич (р. 1903) — советский поэт, друг и земляк Прокофьева (уроженец дер. Пирогово Олонецкой губ.), в конце 20-х годов вместе с ним начинал свою литературную деятельность в Ленинграде. *Олония* — см. примеч. 14. *Заозерье* — местное название р-на, расположенного в Приладожье.

21. Зв., 1929, № 3, с. 98, без посвящ. (также без посвящ. во всех последующих изд. до СС 1); Плд; Ст-1; Ст-4; Избр-2; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 79. Автограф с датой: 4 января 1929. Положено на муз. М. Юдиным («Под солнцем и под ветром. . .»). *Прокофьев* Василий Андреевич (р. 1906) — брат поэта, в 20-е годы был моряком, в последующее время — партийный работник. *Вылил пулю* — хва-

стливо лгал, рассказывал что-либо неправдоподобное. *Алатырь* — волшебный камень, упоминаемый в русских сказках и заговорах. *Тырли-бутырли* — жаргонное выражение. *Майна-вира* — на жаргоне портовых грузчиков команды при погрузке, обозначают: «вниз-вверх». *Райна* — судовая снасть. *Шкот* — судовая снасть, которой растягивают паруса и управляют ими во время хода судна. *Иноходью* — здесь: переваливаясь с боку на бок. *На домашёво* — домой. «*Полундра* — берегись!» (примеч. Прокофьева в Ст-2).

* 22. Р, 1929, № 47, с. 12 (др. ред.); Плд (др. ред.); Ст-1 (др. ред.); Ст-2 (др. ред.); Ст-4 (др. ред.); Ст-5 (др. ред.); Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 81. Автограф с датой: 29 июля 1929. *Друг-закоперщик* — закадычный друг. *Райна* — см. примеч. 21. *Кубасы* — палки с флажками, указывающие местоположение рыбацких сетей.

23. УКЗ-1, с. 49, с датой: 1930 (др. ред.); УКЗ-2, с датой: 1930 (др. ред.); Ст-1; Ст-2, с датой: 1930; Избр-1, с датой: 1929 (та же дата в Ст-4, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1); Ст-4; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 83. Автограф с датой: 4 марта 1930. *Дядя* — Иван Прокофьевич, дядя поэта. *Хромуха* — жительница села Кобоны Анна Моничева. *Бакан* — ярко-красная лаковая краска. *Жердочка сломилась* и т. д. — слова из русской народной песни, бытовавшей на родине поэта (см.: В. Бахтин, Александр Прокофьев. Критико-биографический очерк, Л., 1959, с. 47—48).

* 24. УКЗ-1, с. 5 (др. ред.), с датой: 1929 (та же дата в УКЗ-2, Избр-2, Ст-5, С 1, СС 1); УКЗ-2; СМ; Ст-4, с датой: 1930; Избр-2; С 1. Печ. по СС 1, с. 88. *Улица Красных Зорь* — так в 20—30-х годах назывался Каменноостровский (ныне — Кировский) проспект в Ленинграде. *Пески* — название одного из микрорайонов Ленинграда. *Васильевский* — один из островов и районов Ленинграда. *Центральный* и *Ситный* — рынки в Ленинграде. *Переторжка* — вторичный торг, перепродажа. *Пионеры поют про картошку.* Имеется в виду очень популярная в 20 — 30-х годах пионерская песня «Картошка» (слова В. Попова, муз. М. Иорданского). *Шестой материк* — Антарктика. «*О твою вновь открытую биографию мира*» и т. д. — слова из народной английской песни «Долог путь до Типперэри» (Типперэри — город в Ирландии). *Страна Пиккадилли* — Великобритания; Пиккадилли — центральная площадь в Лондоне.

25. Р, 1930, № 6, с. 14; Плд; УКЗ-1; УКЗ-2; Ст-1; Ст-2; Избр-1, без строф 19—20; Ст-4; Избр-2; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 90. Автограф с датой: 4 декабря 1929. В сб-ках датировалось 1930 г. *Шелонник* (шалонник) — юго-западный ветер. *Оять* — река, левый приток Свири. *На ять* — очень хорошо. *Фартовый* — удачливый. *Трешкот* — небольшое деревянное беспалубное речное судно. *Сойма* — см. примеч. 1. *Свиристель* — лесная северная птичка из отряда воробьиных. *Ланце* — название танца. *Охта* — район Ленинграда. *Крестовые братья* — побратимы, поменявшиеся крестами.

* 26. УКЗ-1, с. 30, с датой: 1930 (та же дата в УКЗ-2, СМ, Избр-1, Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, С 1, Ст-8); УКЗ-2; СМ; ПоМ-1;

Ст-1; ПоМ-2; Ст-2, с датой: 1929; Избр-1; Ст-4; Пр.; Избр-2; Ст-6; Ст-7; Соч-1; С 1, Избр-3. Печ. по СС 1, с. 97. Автограф с датой: 24 декабря 1929. Положенная на муз. О. Ивановым, песня приобрела большую популярность в конце 60-х — начале 70-х годов. *Крайский* (Кузьмин) Алексей Петрович (1892—1941) — советский поэт, сценарист; в начале 20-х годов участвовал в работе Петроградского пролеткульта, где Прокофьев и познакомился с ним (см. наст. изд., с. 74).

*** 27.** Зв., 1930, № 9-10, с. 48; Плд; СМ; Ст-1; Ст-2; Избр-1; Ст-4; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 93. Автограф с датой: 11 ноября 1930. *Расплата за Лену.* Имеется в виду расстрел безоружных рабочих 17 апреля 1912 г. на Ленских золотых приисках. *Добролет* — Общество гражданского воздушного флота в СССР (1923—1930). *Чемберлен* Остин (1863—1937) — министр иностранных дел Великобритании в 1924—1929 гг., один из вдохновителей и организаторов вооруженной интервенции против Советской России, инициатор разрыва дипломатических отношений Англии с СССР в мае 1927 г. *Орточека* (правильно — ОРТЕЧЕКА) — Отдел районной транспортной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

28. Зв., 1930, № 2, с. 22 (др. ред.); УКЗ-1; УКЗ-2; СМ; ПоМ-1; ПоМ-2; Ст-2; Избр-1; Ст-3; СдЭ; Ст-4; Сл.; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1; СиП. Печ. по С 1, с. 67. *Сан-Диего* — город на Тихоокеанском побережье США. *Жмеринка* — город и железнодорожная станция близ Винницы.

29. УКЗ-1, с. 12; УКЗ-2; СМ; ПоМ-1; Ст-1; ПоМ-2; Ст-2; Избр-1; Ст-3; Ст-4; Сл., без ч. 1; Пр.; Избр-2, без ч. 1 (также без ч. 1 в Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, СиП, С 1); Ст-6; Ст-7; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 99. Автограф с датой: 28 февраля 1930. *Шмоль* — подростки-хулиганы. *Прапор* — прапорщик, низший офицерский чин в царской армии. «*Штандарты* — знамена» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Дроздовцы* — в 1918 г. отряды белогвардейцев под командованием генерала Дроздовского. *Гайнули* — здесь: пальнули. *Амба!* — см. примеч. 18. *Полундра* — см. примеч. 21. *Зеленые* — анархистские отряды из деклассированного сброда под командованием петлюровско-махновского атамана («батьки») Зеленого на Украине летом 1918 г.; в 1919 г. выступали вместе с деникинцами. *Синие* — полуанархистские контрреволюционные отряды в годы гражданской войны. *Георгий Победоносец* — христианский святой; обычно изображался на иконах в виде всадника в латах на белом коне, поражающего копьем дракона. *Стоход* — река в Полесье (под г. Ровно), правый приток Припяти.

30—32. Цикл образован в УКЗ-1, с. 15—19; до этого № 31—32 были опубликованы вместе со стих. «Эпоха» (№ 35), под общим загл. «Два стихотворения» (Зв., 1930, № 6). В СМ все стих. даны как самостоятельные, вне цикла; в ряде последующих изд. (Ст-2, Избр-1, Кр., Ст-4, Пр., Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1) печатался только № 30. Полностью цикл воспроизводился в УКЗ-2, Ст-1, ПоМ-2, С 1 и СС 1. 1. УКЗ-1, с. 15; УКЗ-2; СМ, вне цикла; ПоМ-1, вне цикла; Ст-1; ПоМ-2; Ст-2; Избр-1; Кр., с датой: 1931; Ст-4; Пр.; Избр-2; Ст-5; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 40. *Ломжа* и *Млава* — названия польских городов. *Кутья* — кушанье из крупы с медом или риса с изюмом,

которое, по христианскому обычаю, едят на похоронах. *Мста* — река в Новгородской обл. **2.** Зв., 1930, № 6, с. 22, вместе с № 31, как первая половина второго стих. в подборке «Два стихотворения» (первое — стих. «Эпоха», № 35); УКЗ-1 и УКЗ-2, в составе цикла; ПоМ-1, вместе с № 32, как единое стих., вне цикла; СМ, вместе с № 32, под загл. «Два стихотворения»; ПоМ-2, в составе цикла; Ст-1. Печ. по С 1, с. 77. *Гай* Г. Д. (псевд. Гайка Бжишкяна, 1887—1937) — герой гражданской войны; во время советско-польской войны 1920 г. — командир 3-го конного корпуса, успешно действовавшего на правом фланге Западного фронта. *«Чубарики-чун...»* и т. д. — слова из «блатной» песенки 20-х годов «Чубарики-чубчики». *Карачун* (корочун) — внезапная смерть, конец. *Пилсудский* Юзеф (1867—1935) — реакционный государственный деятель буржуазно-помещичьей Польши, в 1918—1922 гг. глава польского государства, жестоко преследовал революционеров; в 1920 г. был одним из организаторов войны белопанской Польши против Советской России. **3.** Зв., 1930, № 6, с. 23, под загл. «Окончательная», вместе с № 31, как вторая половина второго стих. в подборке «Два стихотворения» (первое — стих. «Эпоха», № 35); УКЗ-1 и УКЗ-2 в составе цикла, под загл. «Окончательная»; ПоМ-1, без загл., вместе с № 31, как единое произведение, вне цикла; СМ, под загл. «Окончательная», вместе с № 31, под общим загл. «Два стихотворения»; Ст-1 и ПоМ-2, под загл. «Окончательная», в составе цикла; С 1. Печ. по СС 1, с. 105.

33. Л, 1930, № 3, с. 10, с посвящ. писателю «Мих. Иринину» (то же посвящ. в УКЗ-1, УКЗ-2; СМ); УКЗ-1; УКЗ-2; СМ; Ст-1; Ст-2; Ст-4; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 107. Автограф с датой: 25 апреля 1930.

34. Зв., 1930, № 3, с. 95; УКЗ-1; УКЗ-2; СМ; Ст-1; Ст-2; Избр-1; Ст-3, Ст-4; Сл.; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 109. *Железняков* Анатолий Григорьевич (1895—1919) — матрос Балтийского флота, герой гражданской войны (смертельно ранен в бою). Командовал отрядом, участвовавшим в штурме Зимнего дворца. Являясь комендантом Таврического дворца, в ночь с 5 на 6 января 1918 г. объявил о роспуске заседавшего там Учредительного собрания. *Учредилка* — ироническое название Учредительного собрания. Так как выборы в него происходили по выработанному до Октябрьской революции положению, они не отражали реального соотношения политических сил в стране после революции. Контрреволюционные элементы, подхватив лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», противопоставляли его Советской власти, что и обусловило необходимость роспуска Учредительного собрания, созванного в самом начале января 1918 г. *Чернов* В. М. (1876—1952) — один из лидеров партии эсеров, министр земледелия в буржуазном Временном правительстве; после Октябрьской революции — один из организаторов антисоветских мятежей. *Доломан* — короткий гусарский мундир. *Лепить горбатого* — лгать. *Камилавка* — головной убор духовенства, выдаваемый в России священникам в качестве награды. *Зензинов* В. М. (1880—1953) — один из лидеров партии эсеров и член ее ЦК, в 1918 г. — член Учредительного собрания. *Урицкий* М. С. (1873—1918) — активный участник революционного движения в Рос-

сии, после Февральской революции — член РСДРП(б). *Синяя говядина* — дореволюционная кличка гимназистов, которые носили синюю форму. *Аналой* — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы или богослужебные книги. *Лихоманка* — лихорадка. *Матлот* — название танца в 20-е годы.

***35.** Зв., 1930, № 6, с. 21, вместе с № 31 и 32, образующими одно стих., под общим загл. «Два стихотворения», с посвящ. «Г. Л.» (то же посвящ. в ряде других сб-ков до Ст-6); УКЗ-1; УКЗ-2; СМ; Ст-1; Ст-2; Избр-1; СдЭ; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС !, с. 113. *Александр Четвертый* — насмешливое прозвище А. Ф. Керенского (1881—1970), министра юстиции, военного и морского министра, а затем министра-председателя буржуазного Временного правительства и верховного главнокомандующего; после Октябрьской революции вел активную борьбу против Советской власти, в 1918 г. бежал за границу. *В лоск* — совершенно, совсем. *Учредилка* — см. примеч. 34. *Геральдика* — описание гербов и их истории. *Парвиайнен* — металлический завод в Петрограде. *Краснопутиловцы* — рабочие завода «Красный путиловец» в Петрограде (ныне Кировский завод).

36. Л, 1930, № 7-8, с. 8; УКЗ-1, вместе с № 37 в качестве его ч. 4; УКЗ-2, вместе с тем же стих. в качестве ч. 4; Ст-1. Печ. по С 1, с. 86. *Лебедянь* — город в Липецкой обл. *Радуница* — день поминовения умерших. *Луга* — город, центр Лужского района Ленинградской обл. *Вечорка* — молодежная вечеринка. *Трехрядка* — вид гармони. *Вся Россия — Расстанная улица.* По Расстанной улице (в Ленинграде) возили покойников к Волкову кладбищу.

37. УКЗ-1, с. 26, как ч. 4 стих. «Другу-поэту» (№ 36), с датой: 1930 (та же дата в УКЗ-2, Ст-3, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, СиП, С 1, СС 1); УКЗ-2, как ч. 4 стих. № 36; Ст-1; Избр-1, с датой: 1929; Ст-3; Ст-4; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 117.

38. Плд, с. 45, без строфы 4, с датой: 1930 (та же дата в УКЗ-1, УКЗ-2, Ст-2; Ст-4, Ст-5, Ст-6, Соч-1, СС 1); УКЗ-1; Избр-1, с датой: 1929; Кр.; Ст-4; Соч-1, без строфы 4. Печ. по СС 1, с. 119. Автограф с датой: 11 января 1930. *«Яблочко»* — см. примеч. 7. *«Ойра»* — популярный в 20-е годы танец на родине Прокофьева. *Просвирня* — женщина, занимающаяся выпечкой и продажей просвир (белых круглых хлебцев, употребляемых в православном богослужении). *Крупчаточные руки.* Крупчатка — высший сорт пшеничной муки. *Путина* — здесь: глубь.

***39.** Зв., 1931, № 1, с. 52, вместе с № 44, под общим загл. «Два стихотворения»; Пбд, с датой: 1930 (та же дата в СМ, Ст-4, СС 1); СМ; Ст-1; Ст-2, с датой: 1931 (та же дата в Избр-1); Избр-1; СдЭ; Ст-4. Печ. по СС 1, с. 127. Автограф с датой: 21 ноября 1930. *Мир сотворен в неделю.* Согласно библейской легенде, бог сотворил весь мир (небо и землю) за шесть дней (Книга Бытия, гл. 1). *Кадило* — металлический сосуд, употребляемый в христианском богослужении для курения ладаном. *«Исайя, ликуй!»* — ритуальный возглас во время церковного обряда венчания; Исайя — первый из так называемых «больших пророков» Ветхого завета. *Джордано Бруно* (1548—

1600) — итальянский философ-материалист; в 1592 г. был обвинен католическим духовенством в вероотступничестве и после 8-летнего заключения сожжен на костре инквизицией. *Рея* — подвижной поперечный брус на мачтах, к которому прикрепляют паруса. *Шастать* — лазать, искать, рыскать.

* **40—41.** Л, 1931, № 1, с. 1, под загл. «Два разговора с П. М. Быковым — директором Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург», с примеч.: «П. М. Быков — председатель Екатеринбургского Совдепа в 1918 г.», «Н. Я. Рохлин — зам. директора Госнардома» (те же загл. и примеч. в Пбд, СМ, Ст-1, Избр-1); Пбд, с датой: 1930 (та же дата в СМ, Ст-4, СС 1); СМ; Ст-1; Избр-1, с датой: 1931; Ст-4, без № 40, под загл. «Разговор с П. М. Быковым — директором Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург», с примеч. о П. М. Быкове. Печ. по СС 1, с. 130. Автограф с датой: 5 октября 1930. **1.** *Быков* Павел Михайлович — член РСДРП(б) с 1914 г., активный участник гражданской войны на Урале, председатель Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1918 г., делегат II съезда Советов; 4 ноября 1917 г. встречался с В. И. Лениным; в 20—30-х годах — начальник Государственного народного дома в Ленинграде, где в апреле — октябре 1930 г. Прокофьев работал секретарем управления. *Вятский* — от Вятка (ныне г. Киров). *Домовина* — гроб. *Оятский* — от названия р. Оять. *Кумач* — бумажная ткань ярко-красного цвета. **2.** *Фартовый* — удачливый. *Михаил* — М. А. Романов (1878—1918), сын Александра III и брат Николая II; 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола в его пользу, но после совещания 3 марта в Петрограде с лидерами думских партий Михаил также отказался от престола. *Алексей, Лешенька* — А. Н. Романов (1904—1918), сын Николая II, наследник престола. *Милюков* П. Н. (1859—1943) — лидер либерально-монархической «конституционно-демократической» партии (кадетов), министр иностранных дел в буржуазном Временном правительстве первого состава; один из вдохновителей и главарей буржуазной контрреволюции. *Тобольск* — место первоначальной высылки членов царской семьи. *Одиннадцать человек* — расстрелянные 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге (ныне г. Свердловск) по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов в связи с приближением к Екатеринбургу войск Колчака и белочехов Николай II, члены царской семьи и их прислуга. *«Веселый разговор»* — популярная в 20-е годы песенка.

* **42.** Пбд, с. 67, под загл. «Виссариону Саянову», без посвящ. (под тем же загл. и без посвящ. в Ст-1, Избр-1, Ст-4, Ст-5, Ст-6), с датой: 1930 (та же дата в Ст-4, Ст-6, СС 1); Избр-1, без нумерации чч., с датой: 1931; Ст-4; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по С 1, с. 100. Автограф ч. 1 с датой: 19 октября 1930, чч. 2—3 — с датой: 20 сентября 1930. *Саянов* (Махнин) Виссарион Михайлович (1903—1959) — советский поэт и прозаик, друг Прокофьева, вместе с которым он начинал свой творческий путь и выпустил несколько книг («Маяковскому», 1931; «Гвардия высот», 1942 и др.). *Ломжа* — город на северо-востоке Польши. *Болиголов* — двулетняя ядовитая трава.

43. СМ, с. 35; Пбд; Ст-1. Печ. по СС 1, с. 138. Автограф с датой: 4 ноября 1930. *Ударницы* — женский добровольческий батальон, привлекавшийся к охране Зимнего дворца, последнего убежища буржуазного Временного правительства. *По всем орлам и решкам.* Речь идет об изображении двуглавого орла, т. е. герба Российской империи, на всех монетах царской чеканки.

* **44.** Зв., 1931, № 12, с. 49, под загл. «Николаю Брауну», без посвящ. (под тем же загл. и без посвящ. в Пбд, Ст-1, Избр-1, Ст-4, Ст-5); Пбд, с датой: 1930 (та же дата в Ст-4, Ст-5, Соч-1, С 1, СС 1); Ст-1, с датой: 1931 (та же дата в Избр-1); Ст-4; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 145. Автограф с датой: 25 декабря 1930. *Браун* Николай Леопольдович (1902—1975) — советский поэт, переводчик, друг Прокофьева, вместе с ним начинал литературную работу и выпустил ряд сб-ков («Маяковскому», 1931; «Приказ о мобилизации», 1931 и 1933; «Стихи», 1931, и др.). *Приснопамятный* — незабываемый, вечно памятный. «*Фиш* — по-немецки рыба» (примеч. Прокофьева в автографе).

45. Л, 1931, № 9, с. 2; Пбд, с датой: 1931 (та же дата в Избр-1); Ст-1, под загл. «Письмо в редакцию журнала „Наступление"» и подзаг. «Критику Горбатенкову»; Избр-1; Ст-4, под тем же загл. и с посвящ. «Критику Горбатенкову», с датой: 1931; Соч-1, с датой: 1930 (та же дата в СС 1). Печ. по СС 1, с. 147. Автограф с датой: 19 июня 1930 г. *Горбатенков* Василий Ефимович — литературный критик, в начале 30-х годов — сотрудник смоленского журнала «Наступление» (1931—1936), демагогически обвинял Прокофьева, а несколько позднее — А. Т. Твардовского и др. в правом уклоне, чем и обусловлено появление этого стих. *Левин* — вероятно, литературный критик Ф. М. Левин (1901—1972). *Правая опасность* — правый уклон, сторонники которого «отражали идеологию эксплуататорских кулацких слоев деревни, выступали против высоких темпов индустриализации, против коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса» («50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС», М., 1967, с. 13). *Протори* — издержки, расходы, убытки. *Скит* — в православных монастырях — небольшое общежитие из нескольких келий в отдалении от монастыря для монахов-отшельников; также небольшое поселение монастырского типа в глухой местности, устраивавшееся бежавшими от преследования старообрядцами.

* **46.** Зв., 1931, № 1, с. 53, вместе с № 39, под общим загл. «Два стихотворения»; СМ, с датой: 1930 (та же дата в Пбд, СМ, Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1); Пбд; ПоМ-1; Ст-1; ПоМ-2; Ст-2, с датой: 1931; Избр-1, с датой: 1931; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 140. Автографы с датами: 19 октября 1930, 18 апреля 1931 и автограф ч. 2 с датой: 24 октября 1930. *Гитович* Александр Ильич (1909—1966) — советский поэт и переводчик, друг Прокофьева, вместе с которым он начинал литературную работу и выпустил ряд книг («Разбег», 1929; «Приказ о мобилизации», 1931; «Салют», 1932; «Первомайские стихи», 1933 и др.). *Шлях* — дорога, путь. *Аллюр* — вид хода лошади. *Святцы* — список

святых и церковных праздников в календарном порядке. *Револа* — вероятно, неологизм от слова «революция». *Автодор* — Общество содействия развитию автомобильного транспорта, тракторного и дорожного дела в РСФСР (1927—1935). *Республики дипкурьер.* Имеется в виду смерть советских дипломатических курьеров Т. Нетте и Махмасталя, погибших в феврале 1926 г. от руки террористов.

* 47. Л, 1931, № 4, с. 1; «Маяковскому»; Пбд; Ст-1; Избр-1; Ст-4; Ст-5, без строф 1—7 (без этих же строф в Ст-6, Ст-7, Соч-1); Ст-6, под загл. «Маяковскому» (то же загл. в Ст-7, Соч-1); Ст-7; С 1. Печ. по СС 1, с. 150. Автографы с датами: 13, 16 и 17 февраля 1931. Написано в связи со смертью Владимира Владимировича *Маяковского* (1893—1930), которому Прокофьев посвятил также стих. «Слово Владимиру Маяковскому» (№ 48), «Владимиру Маяковскому» (№ 536) и др. Полемически направлено против некоторых стихотворных откликов на смерть Маяковского, в которых искажался образ поэта революции. *Фрайер* — франтоватый, никчемный человек. *Моссельпром* — Московское объединение предприятий по переработке продукции сельскохозяйственной промышленности. *Подсвистыванье в «Лютце», Деклараций кислое вино.* Речь идет о произведениях И. Сельвинского — стих. «На смерть Маяковского», впервые опубликованном как отрывок из пьесы «Теория вузовки Лютце», с подзаг. «О смерти Маяковского» (Зв., 1930, № 8), и поэме «Декларация прав поэта» (ЛГ, 1930, 5 ноября), в первоначальных текстах которых содержалось много бестактных выпадов против Маяковского. *С горла сорванный галдеж.* Имеются в виду вышеназванные произведения И. Сельвинского, ошибочность которых впоследствии признал и сам поэт в своих воспоминаниях (Окт., 1963, № 9, с. 152). Появление в печати «Декларации прав поэта» предопределило окончательный распад возглавлявшейся И. Сельвинским и К. Зелинским группы конструктивистов (она называлась в это время «Бригада М-1»); решительно протестуя против «Декларации. . .» и ее основных «положений», К. Зелинский и другие члены группы публично объявили о своем выходе из нее. В своей оценке «Декларации. . .» (*«Никогда эпоха не простит им Этот с горла сорванный галдеж»*) Прокофьев солидаризировался с мнением о ней Николая Асеева, выступившего в «Комсомольской правде» с резкой отповедью Сельвинскому. «Тон всей поэмы», писал он, переходит «все допустимые пределы самолюбивой истерики, заставляя сторониться от неопрятности заэстетизированного сноба, противопоставляющего всем лозунгам и призывам пролетарской литературы свой универсальный модус поэзии: «Да здравствует соловей!». С гневом и возмущением говорил далее Асеев о тех местах «Декларации. . .», где, «потеряв всякое чувство такта и самообладания, Сельвинский пытается всячески шельмовать методы революционной поэтической работы Маяковского, квалифицируя всю огромную деятельность Маяковского-агитатора как халтуру и «демагогитки». . .», где, «назойливо ввязываясь в полемику с призраком Маяковского, он, не стесняясь, обзывает умолкший голос поэта, который не перекричать было «оранжевому тембру» Сельвинского, «диалектом жандарма»!!!» (КП, 1930, 10 ноября; разрядка Н. Асеева).

* **48.** Зв., 1931, № 4, с. 59; «Маяковскому»; Пбд; С 1. Печ. по СС 1, с. 153. Автограф с датой: 7 марта 1931. *Иван* (Иоанн) *Креститель* — по Евангелию, ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший его пришествие и крестивший его. *А ваших стихов и купить нельзя.* В начале 30-х годов произведения Маяковского почти не переиздавались. *Кругом шестнадцать* — термин карточной игры. *РАПП* — Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—1932), руководители которой, неистово борясь за «чистоту» пролетарской литературы, отлучали от нее многих писателей, незаслуженно обвиняя их в мелкобуржуазности и т. п. Резкие выпады допускали рапповцы и против Маяковского. *Авербах* Л. Л. (1903—1939) — деятель руководства РАППа и ответственный редактор его центрального органа журнала «На литературном посту», в котором неоднократно публиковались статьи против Маяковского. *Вервие* — веревка. *Ермилов* В. В. (1904—1965) — критик и литературовед, в 20-е гг. один из руководителей РАППа, заместитель ответственного редактора журнала «На литературном посту». *Родов* С. А. (1893—1968) — поэт и литературный критик, один из активнейших деятелей РАППа, с особой ретивостью критиковавший творчество писателей, не входивших в рапповские организации. *Литфронт* — рапповская группировка, существовала (под таким названием) с августа по ноябрь 1930 г.

49. Зв., 1932, № 2, с. 53; ДчМ. Печ. по СС 1, с. 158. *Унтер* — унтер-офицер. *Кадило* — см. примеч. 39. *Лишай* — здесь: кожная болезнь. *Паки* — опять, снова. *Евангелье от Марка* — одно из четырех евангелий, составляющих Новый завет. *Подрясник* — вид одежды у православного духовенства.

50. Зв., 1931, № 5, с. 70, с посвящ. «Пролетариату Баку»; Пбд; СдЭ, без ст. 11—17; Ст-4; Избр-2, без ст. 11—17 (без этих же ст. в Ст-5, Ст-6); Ст-5; Ст-6; Ст-7, без ст. 11—17 и 32—33 (без этих же ст. в Соч-1 и С 1). Печ. по СС 1, с. 163. Автограф с датой: 28 марта 1931. «*Биби-Эйбат* — название больших нефтяных промыслов в Баку» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Косая сажень* — длина от пятки ноги до конца поднятой вверх руки противоположной стороны. *Клюев* Н. А. (1887—1937) — советский поэт; в ПД хранятся три его письма Прокофьеву с просьбами о содействии в получении материальной помощи. *Мольба о чаше* — здесь: священный символ христиан, упоминаемый в молитвах (по Евангелию, Христос уподобил чашу с вином собственной крови, которая, как он знал, должна была пролиться ради спасения человеческих душ и торжества новой веры). *Иже еси* — слова из православной молитвы «Отче наш». *Азнефть* — Государственное объединение Азербайджанской нефтяной промышленности.

51. Зв., 1931, № 6, с. 118; Пбд; Слт; Ст-1; Ст-2; Избр-1; СдЭ, без ст. 33—39; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 166. Автограф с датой: 9 апреля 1931. Это и ряд следующих стих. (№ 52—59), посвященных различным эпизодам и событиям гражданской войны на Южном Урале, написаны по материалам книги М. Голубых «Уральские партизаны. Поход отряда Блюхера — Каширина в 1918 г.» (Екатеринбург, 1924). В ней речь идет о Сводном

Уральском отряде, сформированном в июне — августе 1918 г. и насчитывавшем около 9 тыс. штыков и сабель. Отрядом командовали И. Д. Каширин (1890—1938) (с 24 июня по 16 июля 1918 г.), Н. Д. Каширин (1888—1938) (с 16 июля по 2 августа 1918 г.), затем (со 2 августа 1918 г.) — В. К. Блюхер (1889—1938). До назначения главкомом этого Сводного отряда, известного под названием Уральской партизанской армии, Н. Д. Каширин командовал сформированным им в Верхнеуральске казачьим добровольческим отрядом, ведшим борьбу с дутовщиной. В ряде случаев, вероятно, Прокофьев имеет в виду действия именно этого отряда, а не всей партизанской армии, которая прошла с боями по тылам противника (из Оренбурга вдоль Уральских гор) огромной протяженности путь; 12 сентября 1918 г. она вышла на линию фронта 3-й армии и в районе Кунгура соединилась с ее частями (см.: «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сб. документов», т. 1, М., 1971, с. 776). *Евлампий Бачурин* — пулеметчик названного отряда. *Стерлитамак* — город в Башкирской АССР. *Чуни* — пеньковые, веревочные лапти. «*Швальня* — портняжная» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Пойма* — заливной (во время половодья) луг. «*Дунайские волны*» — популярный вальс. *Амба* — см. примеч. 18.

52. Л, 1931, № 7, с. 6, с подзаг. «Из цикла „Уральские партизаны"»; Пбд; Ст-1; Ст-4; Ст-5; Ст-6, без строфы 3; Соч-1. Печ. по С 1, с. 118. Автограф с датой: 18 мая 1931. *Белорецк* — город на юге Урала. «*Каширин* — один из предводителей уральских партизан» (примеч. Прокофьева в Ст-2); см. также примеч. 51.

53. Пбд, с. 50; Слт; Ст-1; Ст-5; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 171. Автографы с датами: 4 марта и 5 мая 1931. *Наступают чехословаки.* Речь идет о контрреволюционном мятеже чехословацкого корпуса в Советской России в мае — ноябре 1918 г. *Погост* — кладбище при сельской церкви. *Сударка* — здесь: любовница. *Златоустовских, симских, миньярских* — от названия города Златоуст, реки Сим и города Миньяр.

54. Зв., 1931, № 6, с. 119, вместе с № 51, под общим загл. «Уральские партизаны»; Пбд; Слт; Ст-1, Ст-6. Печ. по СС 1, с. 173. Автограф с датой: 27 апреля 1931. *Серганка* — река на юге Урала. *С Киево-Печерских синих стен* — речь идет о монастыре Киево-Печерская лавра в Киеве.

55. Зв., 1931, № 8, с. 104; Пбд; Ст-1; Избр-1; СдЭ; Ст-4; Ст-6; Соч-1. Печ. по С 1, с. 122. *Сим* — река на юге Урала. «*Максим*» — станковый пулемет.

*56. Зв., 1931, № 8, с. 104; Пбд; СдЭ, без строфы 5; Ст-4; Ст-5; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 177. Автограф с датой: 6 июня 1931. *Неувяда* — цветок бессмертник. *Богородская трава* — то же, что неувяда, живучка. *Каширин* — см. примеч. 52.

*57. Зв., 1931, № 8, с. 104. Пбд; Слт; СдЭ; Ст-4; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 179. Автограф с датой: 13 июня 1931. *Чудо-юдо*

рыба-кит — детская игровая присказка из «Конька-горбунка» П. П. Ершова.

58. Зв., 1931, № 8, с. 105; «Локаф», 1931, № 10, вместе с № 59, под загл. «Уральские партизаны. Песни»; Пбд; Слт; Ст-4. Печ. по Соч-1, с. 100. Автограф с датой: 21 августа 1931. *Лихо* — зло.

59. Зв., 1931, № 8, с. 105; «Локаф», 1931, № 10, вместе с № 58, под загл. «Уральские партизаны. Песни»; Пбд; Слт; Ст-2; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 102. Автограф с датой: 12 октября 1931.

60—63. Цикл образован в ДчМ, в полном виде воспроизводился в Ст-4, Ст-5, Ст-6, Соч-1 и С 1; в Ст-2 и Избр-1 стих. печатались вне цикла. 1. ДчМ, с. 56. Печ. по Ст-4, с. 128. Автограф с датой: 10 июля 1931. *Десница* — правая рука. 2. ДчМ, с. 57, Ст-2, вне цикла; Избр-1, вне цикла, с датой: 1932 (во всех последующих изд. дата: 1931); Соч-1. Печ. по СС 1, с. 185. Автограф с датой 2 июня 1931. «*Алконост* — райская птица, изображавшаяся с человеческой головой» (примеч. Прокофьева в Ст-2). 3. Зв., 1932, № 1, с. 34, под загл. «Революционер»; ДчМ; Ст-2, вне цикла; Избр-1, вне цикла, с датой: 1932 (во всех других изд. дата: 1931); Ст-4; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 187. Автографы с датами: 18 сентября 1931 и 1 апреля. *Святцы* — см. примеч. 46. *Геральдика* — см. примеч. 35. *Трехцветные флаги* — государственные флаги Российской империи. *Липа* — подложный документ. «*Алдан* — золотопромышленный район в Сибири» (примеч. Прокофьева в Ст-2). «*Нерчинск* — город в Сибири, место ссылки революционеров» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Могилы на Марсовом.* Имеется в виду Марсово поле, ныне одна из красивейших площадей Ленинграда; в царское время на ней происходили военные парады, 3 марта 1917 г. здесь были торжественно захоронены жертвы уличных боев в Петрограде во время Февральской революции (180 гробов), позднее здесь же погребены погибшие на фронте против Юденича (1919), а также некоторые известные революционеры — В. Володарский, М. Урицкий и др. В центре Марсова поля сооружен памятник Жертвам революции. 4. Зв., 1932, № 1, с. 35; ДчМ; Избр-1, вне цикла, с датой: 1932 (во всех других изд. дата: 1931); Ст-4; Ст-5; Соч-1. Печ. по С 1, с. 141. Автограф с датой: 7 сентября 1931. *Малахов курган* — возвышенность юго-восточнее Севастополя, во время Севастопольской обороны 1854—1855 гг. превращенная в один из важнейших пунктов обороны.

64—68. Л, 1931, № 10, с. 1; ДчМ, с посвящ. писателю-прозаику «Ник. Костареву» (то же посвящ. в Ст-2, Избр-1, Ст-4); Ст-2; Ст-4; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 191, где ошибочная дата (1932). *И к черту летит усадьба, и с ней — соловьиный сад.* «Соловьиный сад» — название поэмы А. А. Блока (1915); здесь, вероятно, намек на известный факт разорения дачи Блока, описанный в статье Маяковского «Умер Александр Блок» (Владимир Маяковский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 21). *Трехцветный гад* — флаг Российской империи. *Меринос* — тонкорунная овца испанской породы.

69. Л, 1932, № 1, с. 1; ДчМ; Ст-2, с датой: 1931; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 281, с исправлением ошибочной даты (1933): стих. опубликовано в январском номере журнала за 1932 г., а в Ст-2 оно датировано 1931 г. *«Превыше всего Германия!»* — неточный перевод начальной строки национального гимна Германии (слова Х. фон Фаллерслебена, 1841; муз. Иосифа Гайдна, написана в XVIII в. для австрийского национального гимна), ставшего затем государственным гимном при фашизме; в наст. время — гимн ФРГ. *«Эльзас* и *Лотарингия* — большие области Германии, после войны 1914—1918 гг. отошедшие к Франции; делятся на Верхнюю и Нижнюю Эльзас-Лотарингию. Области содержат огромные минеральные богатства (железо, каменный уголь и пр.)» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Взять в батоги* — высечь палками. *«„Толстая Берта“* — так называли дальнобойную пушку, стрелявшую по Парижу во время наступления немецкой армии в империалистическую войну» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *«Крупп* — владелец крупнейших заводов военного снаряжения в Германии» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Версаль* — бывшая резиденция французских королей, «город в 17 км от Парижа. В 1919 г. в Версале был подписан мирный договор между Германией и 28 странами Антанты (союза стран) — Версальский мир. По этому договору Германия теряла ряд территорий в пользу Франции, Бельгии, Польши, Чехословакии. Германия потеряла все колонии и обязалась платить Антанте громадные репарации» (примеч. Прокофьева в Ст-2). *Ротфронт* (Красный фронт) — лозунг немецких антифашистов. *«Веддинг* — рабочий квартал Берлина» (примеч. Прокофьева в Ст-2).

70. Зв., 1932, № 2, с. 52, без ст. 3—4 (без тех же ст. в Ст-1, Вр., Ст-2, Избр-1, СдЭ, Ст-3, Кр., Ст-4, Ст-5, Ст-6); Ст-1, без загл.; Вр., без загл. и нумерации частей; Ст-2, без загл. с датой: 1932 (та же дата в Избр-1, Кр., СС 1); Избр-1; Ст-3, с датой: 1931 (та же дата в Ст-4, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, С 1); Ст-5; Ст-6; Ст-7, без ст. 5—8 (без тех же ст. в Соч-1, С 1). Печ. по СС 1, с. 216. Положено на муз. Г. Свиридовым («Повстречался сын с отцом. . .»). *Сивер* — холодный северный ветер с дождем или снегом. *Медуница* — см. примеч. 13.

*** 71—73.** Цикл сформирован с С 1, до этого все стих. печатались как самостоятельные произведения. **1.** Р, 1932, № 20, с. 22, под загл. «Песня о Громобое (1-й вариант песни, написанной для звуковой кинокомедии «Путешествие в СССР»)», с иным порядком строк: 15—16, 13—14, 5—12, 17—24, без ст. 1—4, перед ст. 15 были ст. 1—4 стих. № 72, между ст. 8—9 — сокращенные затем строки, после ст. 12 — ст. 5—8 стих. № 72; ДчМ, под загл. «Первая песня о Громобое» (то же загл. в Вр., С 1); С 1. Печ. по СС 1, с. 268, где ошибочная дата (1933). *Кадриль* и *матлот* — названия танцев. **2.** З, 1932, № 9, с. 4, под загл. «Первая песня о Громобое», вместе с № 72, под общим загл. «Две песни о Громобое» и с примеч. к нему: «Песни для звуковой кинокомедии „Путешествие в СССР“; Р, 1932, № 20, с. 22, ст. 1—4 и 5—8, в составе стих. № 71; ДчМ, под загл. «Вторая песня о Громобое» (то же загл. во всех последующих изд., кроме Соч-1); Ст-2; Избр-1; Ст-3; СдЭ; Ст-4; Соч-1, вместе с № 73, как

первая часть под загл. «Две песни о Громобое». Печ. по С 1, с. 159. В СС 1 ошибочная дата (1933). *Гай* — лес, роща. *Вир* — водоворот в глубоких местах, омут. *Каптерка* — кладовая для вещевого и оружейного инвентаря в военных частях. *Калинин* М. И. (1875—1946) — выдающийся партийный и государственный деятель, Председатель ВЦИК, затем ЦИК СССР (с декабря 1922 г.). 3. З, 1932, № 9, с. 5, под загл. «Вторая песня о Громобое», вместе с № 72 под общим загл. «Две песни о Громобое»; Вр., под загл. «Третья песня о Громобое»; Ст-2; Избр-1; Ст-6; Соч-1, вместе с № 72, как его ч. 2, под загл. «Две песни о Громобое». Печ. по С 1, с. 161. В СС 1 ошибочная дата (1933). Автограф с датой: 5 августа 1932.

74. Зв., 1932, № 10—11, с. 17; ПоМ-2, вместе с № 75, как его первая часть под общим загл. «Два стихотворения»; Ст-2; Избр-1; СдЭ, под загл. «Когда мы в огнеметной лаве...»; ПС; Кр., с первым ст. «Когда, блестя клинками, в лаве...» (так же в Ст-4, Сл., сб. «Боевая молодость. Стихи советских поэтов о комсомоле и молодежи», М., 1943, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Соч-1, СиП); С 1. Печ. по СС 1, с. 195.

* **75.** Зв., 1932, № 10—11, с. 18; ДчМ; ПоМ-2, вместе с № 74, как его ч. 2, под общим загл. «Два стихотворения»; Ст-2; Ст-4; Избр-2. Печ. по Соч-1, с. 122. Автограф с датой: 21 октября 1931.

76. З, 1933, № 5, с. 24, под загл. «Стихи о стране»; ДчМ; Ст-2, с датой: 1933; Избр-1, с датой: 1933; С 1. Печ. по СС 1, с. 198. *Десница* — правая рука. *Самара* — ныне г. Куйбышев. *Примаков* В. М. (1888—1937) — советский военачальник; в 1919 г. командовал 1-м Червонным казачьим полком (с 10 января 1918 г. по 14 августа 1919 г.), 1-й Червонного казачества бригадой (с 14 августа по 3 ноября), 8-й Червонного казачества кавдивизией.

77. Зв., 1932, № 8, с. 51; ДчМ; Ст-4; Ст-6; С 1. Печ. по СС 1, с. 200. *Довольно Дуне-тонкопряхе* и т. д. Имеется в виду русская народная песня «Дуня-тонкопряха». *Москвошвей* — Московское объединение швейной промышленности.

* **78.** Л, 1932, № 5—6, с. 6; Избр-1; Ст-6; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 123. Автограф с датой: 1—17 мая 1932.

79. Зв., 1932, № 9, с. 34; Избр-1. Печ. по СС 1, с. 203. Автограф с датой: 16 августа 1932. *Чайковская* и *Морская* (вероятно, Большая) — улицы в Петрограде; Большая Морская — ныне ул. Герцена, Малая — ул. Гоголя.

80. Зв., 1932, № 8, с. 52, с первым ст. «Сверху мир беззвучный и бесслезный...»; Избр-1; Соч-1. Печ. по С 1, с. 212. *Белена* — ядовитое растение; белены объелся — одурел, впал в неистовство.

81. ДчМ, с. 77; Ст-2, с датой: 1933 (та же дата в Избр-1, Ст-3); Кр. Печ. и датируется по Соч-1, с. 109.

82. Л, 1932, № 5-6, с. 6; КН, 1932, № 7; ДчМ; Ст-4; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 210.

83. Зв., 1932, № 9, с. 33; ДчМ. Печ. по СС 1, с. 212. Автограф с датой: 8 августа 1932. *Олонец* — см. примеч. 4. *«Красная газета»* выходила в Ленинграде в 1918—1939 гг.

84. ЛС, 1933, № 1, с. 10; ДчМ; Ст-2, с датой: 1933 (та же дата в Ст-3, Кр.). Печ. по Ст-7, с. 14. *Катерина* — вероятно, Екатерина II (1729—1796), русская императрица в 1762—1796 гг. *Павел I* (1754—1801) — русский император в 1796—1801 гг. *Раскинули одонья* — поселились (вообще одонок — подстилка из веток, на которую мечут стог сена).

85. З, 1933, № 1, с. 21, без ст. 17—20; ДчМ; Вр.; Ст-2, с датой: 1933; Избр-1; СдЭ; Пр., без загл.; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 219. *Зеленые* — см. примеч. 29. *Шлях* — путь. *Лунь* — порода хищных птиц, самки которых отличаются серовато-белым оперением. *Духонин* Н. Н. (1876—1917) — генерал царской армии, монархист, пытавшийся организовать контрреволюционный мятеж против Советской власти. *Челдон* — вероятно, один из главарей «зеленых»; возможно, подразумевается махновский «ура-анархист» Чалдон (см.: С. Н. Канев, Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917—1922 гг.), М., 1974, с. 328).

86. Р, 1933, № 1, с. 9, без чч. 1—2, с авторским пояснением: «Сюжет: Дом в долине. У матери два сына, два родные брата, не похожие ни по обличью, ни по характеру друг на друга. В долине идет гражданская война. Старший сын идет к белым, младший — к красным»; альм. «Год шестнадцатый», кн. 2, М., 1933; ДчМ; Ст-2, с датой: 1933 (та же дата в Кр.); Избр-1, с датой: 1932 (та же дата в Ст-3, Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1); Кр.; Избр-2; Ст-5; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 222. В заключительной речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 г. А. М. Горький критиковал «Повесть о двух братьях», а также стих. «Вечер» (№ 103) и «Три песни о Громобое» (№№ 71—73) за чрезмерный гиперболизм, рассматривая его как пример неудачного подражания («вредного влияния») гиперболизму Маяковского (М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи, М., 1955, с. 769—770). См. также воспоминания Прокофьева о Горьком «Я вижу его. . .» (ВЛ, 1961, 17 июня) или «У Горького» (в сб. Прокофьева «Свет поэзии. Статьи и заметки о литературе», Л., 1975, с. 149—151). *Епанча* — широкий безрукавый плащ, бурка.

* 87. ЛС, 1933, № 2—3, с. 64; Ст-2, под загл. «Дон Иванович» (то же загл. во всех последующих изд. до СС 1), с датой: 1933 (та же дата в Соч-1); Ст-4, с датой: 1932 (та же дата в СС 1); Соч-1. Печ. по СС 1, с. 228. Автограф с датой: 8 декабря 1932. *Дон Иванович* — фольклорно-песенное название р. Дон.

88. Зв., 1932, № 9, с. 32; ДчМ; Избр-1; Ст-3; Ст-4. Печ. по Соч-1, с. 164, где ошибочная дата (1933). Автограф с датой: 21 августа 1932.

89. Л, 1932, № 5-6, с. 6; КН, 1932, № 7; ДчМ. Печ. по Соч-1, с. 166, с исправлением ошибочной даты (1933) по автографу (где дата 24 мая 1932) и первой публ. *Лядина* — см. примеч. 17.

* **90.** Зв., 1932, № 8, с. 51; Избр-1; Соч-1. Печ. по С 1, с. 229, где ошибочная дата (1933). Автограф с датой: 27 июля 1932.

91. ЛС, 1933, № 1, с. 10, с первым ст. «Кровью — самой верной в человеке»; ДчМ, с первым ст. «Кровью, что разбила в человеке» (тот же ст. в Ст-2, Избр-1, ПС, Кр., Ст-4, Соч-1); Соч-1. Печ. по С 1, с. 230. В Ст-2, Избр-1, Кр., Соч-1, С 1 и СС 1 дата: 1933, а в Ст-4: 1932; так как стих. опубликовано в январском номере ЛС за 1933 г., оно датируется 1932 г.

92. Альм. «Год шестнадцатый», кн. 2, М., 1933, с. 246; Вр.; Ст-2, с датой: 1933; Избр-1, с датой: 1932 (та же дата в С 1, СС 1); С 1. Печ. по СС 1, с. 232.

* **93.** Зв., 1932, № 9, с. 32; ДчМ. Печ. по СС 1, с. 230. Автограф с датой: 15 августа 1932.

* **94.** Зв., 1932, № 10-11, с. 17; Избр-1; Ст-4; Ст-5; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 283, где ошибочная дата (1933). Автограф с датой: 15 октября 1932. «*Сигнатура* — ярлык-пояснение к рецепту» (примеч. Прокофьева в Ст-2).

95. Зв., 1933, № 1, с. 43; ДчМ; Ст-2, с датой: 1933; Избр-1, с датой: 1932 (та же дата в Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1); Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 237. *Тулья* — основная (верхняя) часть шапки без околышка или козырька. *Опарник* — посуда для опары (забродившего теста): большой горшок или глиняный кувшин.

96. ДчМ, с. 23, с иным делением текста: ст. 66—77 выделены в гл. 3, а ст. 78—103 — в гл. 4 (так же в Вр., Ст-2, Избр-1, СдЭ, Ст-3, Ст-4, Ст-5, Соч-1; несколько отличны в этом отношении сб-ки: Избр-2, Ст-6); Вр.; Избр-1; Ст-3; Ст-4; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 239. *Покров* — см. примеч. 12. «*Ундервуд* — одна из систем (фирма) пишущих машинок» (примеч. Прокофьева в Ст-2). «*Гарибальди* Джузеппе (1807—1882) — популярный итальянский политический деятель, боровшийся за освобождение Италии от Австрии и Франции» (примеч. Прокофьева в Ст-2).

97. Зв., 1934, № 1, с. 28, без загл.; Вр., без загл.; Ст-2; Избр-1; СдЭ; Ст-3; Кр., Избр-2, без загл.; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 244.

98. Вр., с. 26; Ст-2, с датой: 1934 (та же дата в Ст-4, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, С 1); Избр-1, с датой: 1933 (та же дата в Ст-3, СС 1); Ст-3; СдЭ; Ст-4; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 198, с исправлением даты (1934) по Избр-1, СдЭ, СС 1 и с учетом времени сдачи в производство сб. Вр. (26 декабря 1933 г.). *Десятский* — в дореволюционной деревне выборное лицо от крестьян, исполнявшее полицейские обязанности.

99. Зв., 1933, № 12, с. 25; Вр.; Ст-2; Избр-1; Избр-2. Печ. по СС 1, с. 250. *Поздний вечер брови хмурит* — реминисценция стих. Есенина «Вечер черные брови насопил...» (1923). *Деревянное масло* — низший сорт оливкового масла.

100. З, 1934, № 2, с. 3; Ст-2, с датой: 1934 (та же дата в Ст-4, Избр-2, Ст-5, Соч-2, С 1); Избр-1, с датой: 1933 (та же дата в СС 1); Кр.; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 254. Положено на муз. Д. Прицкером («Песня советского казачества»). *Перелоги* — поля, оставляемые без вспашки для восстановления на них плодородия и зарастающие травой. *Выморочный* — оставшийся после смерти владельца, не имевшего наследников, и поступающий в доход казны. *Постромка* — толстый ремень (или веревка), идущий от хомута к вальку у пристяжных или запряженных лошадей.

101. Зв., 1933, № 9, с. 37, без загл.; Вр., без загл.; Кр.; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 258. *Кашемировое* — т. е. из высокосортной шерстяной ткани, производимой в Кашмире (Индия). *Большак* — старший в семье.

102. ЛЛ, 1933, № 13, 7 ноября, с. 5; Ст-2; Кр.; ПС; Ст-4; Пр.; Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 183. *Литейный* — проспект в Петрограде.

* **103.** Альм. «Год XVI», кн. 2, М., 1933, с. 244; Вр.; СдЭ; Кр.; Ст-4; Избр-2; Ст-5; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 262. *Деревянное масло* — см. примеч. 99. *Аргамак* — порода быстрых и легких верховых лошадей. *Дроздовцы* — см. примеч. 29.

104. Зв., 1933, № 9, с. 36; ДчМ; Вр.; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 265.

105. З, 1933, № 2-3, с. 1, с датой: 10.II.33; ДчМ; Ст-4, с датой: 1932 (та же дата в Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1); Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 119.

106. ЛС, 1933, № 10, с. 15; Избр-1. Печ. по Соч-1, с. 230, где ошибочная дата (1934).

107. КН, 1933, № 12, с. 84, вместе с не вошедшим в наст. изд. стих: «Ты скажи, любезный друг...», как ч. 1, под общим загл. «Две песни», без строф 6 и 7, которые входят здесь в стих. «Ты скажи, любезный друг...»; Ст-2. Печ. по Соч-1, с. 185.

108. ЛС, 1933, № 2-3, с. 65, без загл.; ДчМ, без загл.; Вр., без загл.; Ст-2, с датой: 1933 (та же дата в Ст-4, Пр., Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Соч-1, С 1, СС 1); Избр-1, с датой: 1932; Ст-4; Пр., без строфы 3; Избр-2; Ст-5; Ст-7; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 275. *Локоть* — старинная русская линейная мера, равная ок. 0,5 м. *Голец* — рыба из семейства лососевых (в северных морях) или карповых. *За излукою* — за изгибом реки.

109. ЛЛ, 1933, 3 июля; Вр.; Ст-2; Ст-4; Избр-2; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 152. *Нетопырь* — сова. *«Уйди-уйди»* — игрушка: резиновый надувной шар со свистулькой. *Ликбез* — ликвидация неграмотности; здесь в смысле: ученье, школа.

* **110.** ЛС, 1933, № 10, с. 14 (др. ред.), под загл. «К вопросу о дружбе»; Избр-1; Ст-4; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 285. *Стернь* (стерня) — жнивье, сжатое поле.

111. Р, 1933, № 24, с. 3; Избр-2. Печ. по СС 1, с. 287.

112. ПС, с. 77; Ст-4, с датой: 1935 (та же дата в Избр-2); Россия-3; Избр-2; Ст-5, с датой: 1933 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, С 1, СС 1); Ст-7; Лрк. Печ. по СС 1, с. 288.

113. ПС, с. 27; Избр-2; Ст-6; Ст-7, без ст. 13—16. Печ. по Соч-1, с. 167.

114. ЛС, 1936, № 1, с. 38, вместе с № 149, под общим загл. «Краевая лирика»; ПС; Ст-4, с датой: 1935; Избр-2, с датой: 1935. Ст-5, с датой: 1933 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Лрк, СиП, Соч-1, С 1, СС 1). Печ. по Соч-1, с. 171. Положено на муз. К. Кацманом («Я тебя не видел так давно. . .»). *Краснотал* — см. примеч. 333.

115. ЛС, 1933, № 10, с. 15; Избр-1; Ст-7; Лрк; Соч-1. Печ. по С 1, с. 250.

* **116.** ЛЛ, 1934, 9 января, под загл. «Стихи о любви»; ПС, с первым ст. «Свежий день крылом лебяжьим машет» (тот же ст. в Кр., Ст-4, ВЗВ). Печ. по Соч-1, с. 170. Положено на муз. Г. Свиридовым («Свежий день»). *Верша* — рыболовная снасть, сплетенная из прутьев или проволоки в виде корзины или воронки.

117. Вр., с. 40; Ст-2, с датой: 1934 (та же дата в СС 1); ВЗВ; Избр-1, с датой: 1933 (та же дата в Ст-4, ВЗВ, Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, С 1); Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 304.

118. ЛС, 1935, № 1, с. 66; Ст-4, с датой: 1934 (та же дата в СС 1), ПС; Ст-6, с датой: 1935. Печ. по СС 1, с. 323.

119. ЛЛ, 1934, 14 августа; ПС; Кр.; Лрк; Соч-1; СиП. Печ. по С 1, с. 241. *Таврический сад* — парк в Ленинграде. *Откомхоз* — отдел коммунального хозяйства.

120. ПС, с. 40; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 209.

121. ПС, с. 93, без ст. 17—20; Ст-4; Сл; Ст-6; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 213. Положено на муз. В. Желобинским («Пусть тебя не мучает тревога. . .»).

122. КН, 1934, № 9, с. 57; ПС; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 290.

123. ЛС, 1935, № 1, с. 67; Ст-4. Печ. по Соч-1, с. 215.

124. КН, 1934, № 9, с. 57; ПС. Печ. по С 1, с. 256.

125. ЛС, 1934, № 9, с. 55; Ст-6; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 210.

126. Ст-2, с. 90; ПС; Кр.; Сл.; ВЗВ; Избр-2; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 318. *Медуница* — см. примеч. 13.

* 127. ЛС, 1935, № 1, с. 66; ПС; Ст-4, с датой: 1935 (та же дата в ВЗВ; в Соч-1, С 1, СС 1 дата: 1934). Печ. по Соч-1, с. 218.

* 128. КН, 1934, № 9, с. 57. Печ. по Соч-1, с. 219.

129. ЛС, 1935, № 1, с. 66; ЧВГ, без загл.; Лрк; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 325. Положено на муз. Д. Прицкером («Песня носится, выносится. . .»).

130. Избр-1, с. 196; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 328. *Мост опять сомкнули* — т. е. свели после разведения для того, чтобы по Неве могли пройти суда.

* 131. ЛС, 1934, № 1, с. 3, с посвящ. «Семнадцатому Всесоюзному съезду ВКП(б)»; Избр-1; Ст-4; Ст-6; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 193.

* 132. ЛЛ, 1934, 26 января; Ст-4; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 77.

133. Зв., 1935, № 1, с. 10; ПС. Печ. по СС 1, с. 316.

134. КН, 1934, № 9, с. 57. Печ. по ПС, с. 52. *Чернобыль* — вид полыни.

135. ЛС, 1934, № 9, с. 55; ПС. Печ. по СС 1, с. 344.

136. ЛС, 1935, № 1, с. 67, с первым ст. «Как опять мы стали спорить»; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 360. В Ст-4, ВЗВ, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1 и СС 1 дата: 1935, но, так как стих. опубликовано в январском номере ЛС за 1935 г., оно датируется 1934 г.

137. КН, 1934, № 9, с. 58; ПС; Ст-4; Соч-1. Печ. по С 1, с. 270, где ошибочная дата (1935).

138. ЛС, 1934, № 6, с. 3; ПС; Кр.; Ст-4; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 345. *Погост* — см. примеч. 53.

139. ПС, с. 36, без загл. Печ. по Соч-1, с. 226. В ВЗВ дата: 1935; в Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1 дата: 1934. *Понява* (панева) — домотканая шерстяная клетчатая или полосатая юбка.

140. Р, 1936, № 23, с. 9, под загл. «Частая плясовая»; ПС; Кр.; Ст-4; Ст-5; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 349.

141. ПС, с. 100; Пр., под загл. «То ли топнуть вдруг»; Избр-2; Ст-5; Лрк, без загл. Печ. по СС 1, с. 351.

142. ЛС, 1936, № 10, с. 46, вместе с № 154, под общим загл. «Две частых плясовых»; ПС; Кр.; Ст-4, с датой: 1936 (та же дата

в Ст-5, Пр., где под загл. «Возле тесаной ограды»; Ст-6); Соч-1, с датой: 1935 (та же дата в С 1, СС 1). Печ. по СС 1, с. 353.

143. Р, 1936, № 21, с. 8, вместе с не вошедшей в наст. изд. «Песней танкистов», под общим загл. «Песни»; ПС; Кр.; Ст-4; Пр., под загл: «Чок-чок, каблучок»; Избр-2; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 355. *Ливенка* — двухрядная гармонь.

144. ПС, с. 26, с примеч. к загл.: «На Севере — любимая, дорогая»; ВЗВ; Избр-2; Ст-5. Печ. по СС 1, с. 357.

145. Зн., 1935, № 12, с. 57, под загл. «Стихи о Родине» (то же загл. в ПС, Кр., Ст-4, Сл., Избр-2); Кр.; Ст-4, с дополнит. частью 2 «Доля, весна, отчизна...» (1937); Сл., с тем же дополнением; Избр-2; Ст-5, с тем же дополнением. Печ. по СС 1, с. 379. *Опоек* — тонкая кожа, выделанная из телячьей шкуры.

146. Зв., 1935, № 6, с. 23, под загл. «Из цикла стихотворений о Ладоге»; ПС; Ст-4; Ст-6; Соч-1. Печ. по С 1, с. 274.

147. ПС, с. 70; Россия-3; Избр-2; Ст-5. Печ. по Ст-6, с. 119. В Ст-7 и Лрк дата: 1933; в Ст-4, Сл., Избр-2, Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1 и СС 1 дата: 1935.

148. ПС, с. 76; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 20.

149. ЛС, 1936, № 1, с. 38, вместе с № 114, под общим загл. «Краевая лирика»; ПС; Кр.; С 1, с датой: 1932. Печ. и датируется по СС 1, с. 369.

150. ЛЛ, 1936, 1 мая, под загл. «Два стихотворения» (то же загл. в ВЗВ, Ст-5, Ст-6, Ст-7); ПС, под загл. «Марии Комиссаровой» (то же загл. в Кр., Ст-4); Кр.; Ст-4; ВЗВ; Ст-5; Ст-7; Лрк. Печ. по Соч-1, с. 239. В Ст-7, Лрк, Соч-1 и С 1 дата: 1935, а в Ст-4, ВЗВ, Ст-5 и Ст-6 дата: 1936. *Комиссарова* Мария Ивановна (р. 1904) — советская поэтесса и переводчик, в конце 20-х гг. вместе с Прокофьевым начинала в Ленинграде литературную работу.

151. ПС, с. 81; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 374. *Заплачка* — причитание невесты в свадебном обряде или причитание на похоронах.

152. Зн., 1935, № 3, с. 150, без ст. 6—9; ПС; Кр.; Ст-4; Сл.; ЧвГ, без загл. и ст. 4, в цикле «Стихи о Ленинграде»; Пр.; Избр-2, без загл.; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1; Ст-9 и Избр-4, без загл. Печ. по ВПР, с. 55.

153. ПС, с. 21, с подзаг. «Романс»; Кр., с тем же подзаг.; Избр-2, без загл. Печ. по Ст-4, с. 203. В Ст-4, Пр., Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк, СиП, Соч-1, С 1, СС 1 дата: 1935, автограф с датой: 25 июня 1936. Положено на муз. Г. Свиридовым («Ой, снова я сердцем широким бедую...»).

154. ЛС, 1936, № 10, с. 47, вместе с № 142 под общим загл. «Две частых плясовых», без ст. 15—18; ПС; Ст-4, с датой: 1936 (та

же дата в СС 1); Соч-1, с подзаг. «Шутка» и датой: 1935. Печ. по СС 1, с. 386. *Зимогор* — фольклорно-песенное название «зимних гор»: больших сугробов с «навесом» или ледяных глыб.

155. ЛС, 1935, № 6, с. 31, строфы 28, 29, 10 и 12, с 6-ю дополнит. строфами, под загл. «Частушки»; ЛС, 1935, № 10, строфы: 33, 8, 27, 13, 30, 22, 21, 2, 3, с 4-мя дополнит. строфами; ЛС, 1936, № 1, строфы: 1, 33, 12, 14, 24, 5, с 7-ю дополнит. строфами, под загл. «Частые»; ПС, строфы: 1, 32, 28, 13, 3, 4, 21, 12, 25, 2, 22, 23, 33, 14, 24, 5, 26, 6, 7, 31, 27, 8, 9, 29, 10, 11, 30, с 29-ю дополнит. строфами, под загл. «Частые-короткие»; Кр., с делением текста на два самостоятельных произведения: 1) «Игровой мой, игровой, идет дорожкой полевой...», строфы 1, 12, 2—11, 13, 14, с 21-й дополнит. строфой; 2) «Ах, не твой ли синий, синий примелькался мне платок?», строфы 21—33, с 9-ю дополнит. строфами; Ст-4, также с делением текста на два произведения под теми же загл.: 1) строфы 1, 12, 2—11, 13—20, с 19-ю дополнит. строфами; 2) строфы 21—33 с 10-ю дополнит. строфами; Ст-5, строфы 1—14, 15—20, 21—33, с одной дополнит. строфой; Ст-6, строфы 1—33 с 1-й дополнит. строфой; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 388.

156. Л, 1940, № 11-12, с. 1; Пр., с датой: 1939 (в Соч-1, С 1 и СС 1 дата: 1937). Печ. по Соч-1, с. 263.

157. КН, 1938, № 10, с. 111; Знм, с датой: 1938 (та же дата в ВЗВ, Избр-2); Пр., с датой: 1937 (та же дата в Ст-5, Ст-6, Соч-1, С 1, СС 1). Печ. по СС 1, с. 403. *Настя* — жена поэта Анастасия Васильевна Прокофьева (1903—1970).

* **158.** Л, 1940, № 19-20, с. 2; ЧВГ. Печ. по Соч-1, с. 261.

* **159—162.** Цикл образован в СС 1, до этого все стих. печатались как самостоятельные. Посвящен Сергею Мироновичу *Кирову* (1886—1934) — выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства, секретарю Ленинградского губкома партии (1926—1934), секретарю ЦК ВКП(б), члену Политбюро ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), злодейски убитому 1 декабря 1934 г. перед выступлением на партактиве Ленинграда. **1.** КН, 1934, № 12, с. 3; ПС; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 336, где ошибочная дата (1935). **2.** Сб. «Киров в поэзии», Киров, 1936, с. 113, с посвящ. «Памяти С. М. Кирова» (то же посвящ. во всех последующих изд. до СС 1); Ст-4, с датой: 1934 (та же дата во всех последующих изд. до СС 1); Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 337. **3.** Р, 1934, № 22, с. 11; КН, 1934, № 12; ПС; Ст-4; Сл.; Избр-2; Ст-5. Печ. по Ст-6, с. 200. **4.** «Пролетарская правда» (Калинин), 1939, 2 декабря, под загл. «Стихи о Кирове» (то же загл. в Знм, Избр-2, Ст-5); Знм, с датой: 1938 (та же дата в Избр-2, Ст-5); Ст-6, под загл: «Кирову» (то же загл. в Ст-7, Соч-1); Ст-7. Печ. по СС 1, с. 339.

163. Р, 1938, № 14, с. 8; ВЗВ; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 407. Положено на муз. Ю. Мейтусом. *Заводь* — см. примеч. 12.

164. «30 дней», 1938, № 10, с. 74; Р, 1939, № 17-18; ВЗВ; Знм; Ст-6. Печ. по СС 1, с. 410. Положено на муз. Г. Фарди («Две дорожки»).

165. «Молодой колхозник», 1939, № 4, с. 11; Знм; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 411.

166. КН, 1938, № 10, с. 112; Знм; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 236.

* **167.** «Молодой колхозник», 1939, № 4, с. 11; ВЗВ, с датой: 1939; Знм, с датой: 1938 (та же дата во всех последующих изд. до СС 1); Избр-2; Ст-5; Зрч-1, без загл. Печ. по СС 1, с. 414. Положено на муз. В. Волковым, Ю. Левитиным, В. Соловьевым-Седым («Простая песенка»), В. Фризе («Над рекой горят зарницы...»), И. Шутовым.

168. Р, 1939, № 13-14, с. 6; ВЗВ. Печ. по СС 1, с. 415.

169. Р, 1939, № 13-14, с. 6; ВЗВ; Знм; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 417. Положено на муз. Д. Прицкером («Ты лети, лети высоко...»).

170. Р, 1939, № 17-18, с. 8; ВЗВ. Печ. по Лрк, с. 243.

171. Ст-4, с. 341; ВЗВ, под загл. «Плясовая», Знм, с тем же загл.; Пр. Печ. по СС 1, с. 419.

172. «30 дней», 1938, № 10, с. 74; ВЗВ, с первым ст. «На родной стороне»; Знм; Пр.; Избр-2; Ст-5. Печ. по СС 1, с. 431, где ошибочная дата (1939).

173. ВЗВ, с. 54, с датой: 1939; Знм, с датой: 1939; Пр., с датой: 1937 (та же дата во всех последующих изд., кроме СС 1, где дата: 1938); Избр-2; Ст-5. Печ. по СС 1, с. 413. Положено на муз. Д. Прицкером.

174—176. Вместе все три фрагмента напечатаны в С 1, а затем в СС 1, до этого каждый из них печатался отдельно (наиболее часто — 3-й; стих. 1 и 2, являющиеся переводами соответствующих фрагментов «Слова о полку Игореве», напротив, почти не перепечатывались). **1.** ЛС, 1938, № 5, с. 3; ВЗВ, с датой: 1937; Знм, с датой: 1938; С 1, с датой: 1937. Печ. по СС 1, с. 421. *Ярославна* — жена Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, возглавлявшего поход на половцев в 1185 г. **2.** Знм, с. 98, с датой: 1938. Печ. по С 1, с. 321. *Молоньи* — молнии. **3.** Р, 1939, № 17-18, с. 8; ВЗВ, с датой: 1939 (та же дата во всех последующих изд.); Пр.; Избр-2; Ст-5; Соч-1; С 1. Печ. по Пр., с. 23, так как этот текст восстановлен в Ст-5, с. 291 и ряде других сб-ков, в том числе в СС 1.

177. Знм, с. 13, вместе с не вошедшими в наст. изд. стих. «Много стран и земель в мире радостном есть...» и «От северных льдов до краев полуденных...», под общим загл. «Три песни о Родине»; ЧВГ, с теми же стих., под тем же загл.; Избр-2, с датой: 1935; Ст-5;

Ст-6; Ст-7. Печ. по СС 1, с. 428. Положено на муз. С. Прокофьевым («Песня о Родине»), В. Сердечковым, К. Скороходом («О тебе, Страна Советов. . .»).

178. Л, 1941, № 3, с. 2 обложки; ЧВГ; Ст-7; Лрк; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 430. В Пр., Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк, СиП, Соч-1, С 1, СС 1 дата: 1939; в Избр-2 дата: 1937.

179. Р, 1939, № 13-14, с. 6; Знм; ВЗВ; Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 302.

180. Л, 1940, № 3, с. 1. Печ. по ЧВГ, с. 115. *Черная речка* — река в Ленинграде. *Острова* — острова невской дельты (ныне Кировские острова), парковый район Ленинграда.

181. Л, 1941, № 9, с. 4; ЧВГ. Печ. по СС 1, с. 435. Положено на муз. А. Животовым.

182. ЧВГ, с. 134; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 436.

183. Р, 1939, № 13-14, с. 6; ВЗВ, с датой: 1939 (та же дата в Знм, Избр-2, С 1, СС 1); Пр., с датой: 1938; Избр-2; Ст-5, с датой: 1938; Ст-6, с датой: 1938; Лрк, с датой: 1938; С 1. Печ. по СС 1, с. 437. *Настя* — см. примеч. 157.

184. Р, 1939, № 17-18, с. 8; ВЗВ, только ч. 1; Знм, только ч. 1; ЧВГ; Ст-6; Ст-7; С 1. Печ. по СС 1, с. 441. *Сольвейг* — героиня драматической поэмы Г. Ибсена «Пер Гюнт» (1867) и одноименного балета Э.-Х. Грига, в буквальном переводе с норвежского это имя означает «Солнечный путь». *Суметы* — сугробы.

185. Р, 1939, № 13-14, с. 6; ВЗВ; Избр-2; Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 309.

186. Р, 1939, № 13-14, с. 6; ВЗВ; Знм, без ст. 3; Ст-5; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 444. *Лядина* — см. примеч. 17.

187. Л, 1940, № 11-12, с. 1; ЧВГ; Избр-2, с датой: 1940 (та же дата в Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1 и С 1); Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 1, с. 445, где дата: 1939.

188. ЧВГ, с. 130; Пр., с датой: 1939; Избр-2, с датой: 1938 (та же дата в Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1 и С 1); Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 289. В СС 1 дата: 1940.

189. Л, 1941, № 3, с. 2 обложки; ЧВГ; Избр-2, с датой: 1938; Ст-5, с датой: 1939 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, С 1). Печ. по Соч-1, с. 301. В СС 1 дата: 1940.

190. ЧВГ, с. 5, вместе со стих. «Город славы боевой» («Под широким флагом красным. . .»), «Мой город вечен, знаменит. . .» (в наст. изд. не вошли) и «Величавей многих — город ратный. . .» (№ 152), как ч. 1, под общим загл. «Стихи о Ленинграде»; Пр., с датой: 1938 (та же дата в Ст-5, Соч-1 и С 1); Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 392. В СС 1 дата: 1940. *Богатырка* — см. примеч. 7.

191. Л, 1940, № 19-20, с. 2; ЧВГ; Ст-5, с датой: 1939 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, С 1); Соч-1. Печ. по СС 1, с. 463, где дата: 1940.

192. Л, 1940, № 11-12, с. 1; ЧВГ; Избр-2, с датой: 1940 (та же дата в Соч-1, С 1, СС 1); Ст-5, с датой: 1939 (та же дата в Ст-6, Ст-7). Печ. по СС 1, с. 469. *Враг* — белофинны.

193. Л, 1940, № 3, с. 1; ЧВГ. Печ. по СС 1, с. 446.

194. Л, 1940, № 11-12, с. 1; ЧВГ; Ст-5. Печ. по Соч-1, с. 174.

195. Л, 1941, № 3, с. 2 обложки; ЧВГ. Печ. по Ст-7, с. 316.

196. Л, 1940, № 3, с. 1; ЧВГ; Избр-2, с датой: 1936; Ст-5, с датой: 1940 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, С 1, СС 1). Печ. по Ст-7, с. 317. *Краснотал* — см. примеч. 333.

197—198. Л, 1941, № 3, с. 2 обложки; ЧВГ. Печ. по СС 1, с. 450, 453.

199. Пр., с. 9, с датой: 1940 (та же дата во многих других изд.); Россия-3; Избр-2, с датой: 1941; Ст-5. Печ. по СС 1, с. 455. *Святки* — зимний многодневный (конец декабря — начало января) обрядовый крестьянский праздник.

200. Л, 1940, № 3, с. 1; ЧВГ; Пр., с датой: 1939 (та же дата в Ст-5, Ст-6, Ст-7, Лрк; в Избр-2, Соч-1, С 1 и СС 1 — дата: 1940). Печ. по СС 1, с. 464. В стих. имеется в виду советско-финляндская война 1939—1940 гг.

201. Л, 1941, № 7, с. 9; ЧВГ; Избр-2; Ст-6; Ст-7; Соч-1; С 1. Печ. по СС 1, с. 467.

202. Ог., 1941, № 9, с. 6; ЧВГ; Ст-5, с датой: 1941 (та же дата в Ст-6; в Избр-2, Ст-7, Лрк, Соч-1 и СС 1 дата: 1940). Печ. по Лрк, с. 270.

203. Зв., 1944, № 7-8, с. 98; Пр., с датой: 1940; Россия-3; Избр-2, с датой: 1940; Ст-5; Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 352. В Избр-2, Ст-6, Ст-7, Лрк, Соч-1, СС 1 дата: 1941.

204. «Правда», 1941, 21 января; ЧВГ; Ст-5, с датой: 1940 (та же дата в Ст-6, Ст-7, Соч-1 и С 1); Ст-7. Печ. по Соч-1, с. 325. В СС 1 дата: 1941.

205—207. Цикл образован в Л, 1941, № 9 и сохранялся во всех последующих изд. В ряде сб-ков (Пр., Россия-3, Избр-2, Ст-5) имелось авторское примеч. к нему: «На Севере поезда, идущие в Ленинград, называются поездами, идущими на Юг»; таким образом, под Югом здесь имеется в виду Ленинград. В Пр. цикл датируется 1940 г., во всех других сб-ках — 1941 г. **1.** Л, 1941, № 9, с. 4; Пр.; Лрк. Печ. по Соч-1, с. 349. **2.** Л, 1941, № 9, с. 4; Пр.; Ст-7; СиП; С 1. Печ. по

СС 1, с. 474. *Опять не про то, а про это* — перефразировка одной из строк поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «Я буду писать и про то и про это». **3.** Л, 1941, № 9, с. 4; Пр. Печ. по Ст-7, с. 344. **1—3.** В Избр-4 под загл. «Письма».

208. Зв., 1944, № 7-8, с. 98; ВКМ; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 354.

209. Л, 1941, № 9, с. 4; ЧВГ; Избр-2, с датой: 1938 (та же дата в Ст-5, Ст-7, Соч-1 и С 1); Ст-7. Печ. и датируется по СС 1, с. 482.

210. Л, 1941, № 15, с. 1 обложки; Ст-5; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 8.

211. НСР, 1941, 23 октября; сб. «Молодежь Ленинграда», Л., 1941; Избр-2. Печ. по СС 2, с. 10.

212. Изв., 1941, 5 августа, без строфы 2; сб. «Армии нашей. Стихи ленинградских поэтов о Красной Армии», Л., 1943, под загл. «Баллада о Демине»; Пр.; Избр-2; Ст-5; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 12.

213. ЛП, 1941, 22 августа и НСР, 1941, 22 августа, под загл. «Ни шагу назад»; Ст-5. Печ. по СС 2, с. 16. Положено на муз. В. Витлиным («Ни шагу назад!»).

214. НСР, 1941, 3 сентября; сб. «Армии нашей. Стихи ленинградских поэтов о Красной Армии», Л., 1943; Избр-2, без загл.; Ст-5; Ст-7; СиП; Прсг. Печ. по СС 2, с. 20.

215. НСР, 1941, 28 октября; Ст-5, с датой: 27 октября 1941 (та же дата в Ст-6). Печ. по СС 2, с. 26.

216. НСР, 1941, 5 декабря; Трн; Ст-5, с датой: 4 декабря 1941 (та же дата в Ст-6). Печ. по Соч-1, с. 376, где дата: 1 декабря 1941 (та же дата в С 1, СС 2).

* **217—219.** Цикл окончательно сформирован в Избр-2; сохранялся во всех других изд., кроме Ст-9, где дан только № 218. Сначала состоял из двух стих. — «Вступление» и «Иван Суханов» (№ 224); последнее затем было исключено из него. В Избр-2 под каждым стих. была дата: 1942; в Ст-5 и Ст-6 — общая дата ко всему циклу: 1942, а в Соч-1, С 1 и СС 2 — общая дата: 1941. В наст. изд. цикл датируется 1942 г. — по датам в более ранних сб-ках и с учетом времени первой публ. каждого стих. Об истории создания цикла Прокофьев рассказал в статье «За город русской славы» (ЛР, 1969, 5 января). **1.** НСР, 1942, 10 сентября, вместе с № 224, как первое стих. цикла; Избр-2, под загл. «Вступленье»; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 21. **2.** «Красноармеец», 1943, № 13-14, с. 11; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 22. *Над Марсовым* — см. примеч. 62. *Комендор* — морской артиллерист. *Невка, Мойка* — реки в Ленинграде. **3.** ЛП, 1942, 15 сентября; Избр-2; С 1. Печ. по СС 2, с. 24. *Пушкин* — город под Ленинградом (бывш. Царское Село). *Невская Дубровка* — поселок в 40 км от Ленинграда на левом берегу Невы, где в 1941—1943 гг. войска Ленинградского фронта вели ожесточенные бои за

небольшой плацдарм — Невский «пятачок». *Левитан* И. И. (1860—1900) — художник-пейзажист, в картинах которого нередко изображается березовый лес.

220. Зв., 1942, № 5-6, с. 12, без посвящ., под загл. «Россия», с иным порядком строф: 1—4, 9—11, 5—8, 12—15 (тот же порядок строф в Пр., Россия-3, Избр-2); Пр., без загл. (также без загл. в Россия-3, Избр-2, Ст-5, Ст-6); Россия-3; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 30. Александр Александрович *Фадеев* (1901—1956) был другом Прокофьева, ему посвящено также стих. «Память» (№ 402). *Прясла* — приспособление для сушки снопов, продольные жерди на столбах. *Краснотал* — см. примеч. 333.

221. Изв., 1942, 23 февраля; Пр.; Россия-3; Ст-7; Лрк; СиП; С 1. Печ. по СС 2, с. 33. *В пять накатов* — покрытие пятью рядами бревен или толстых досок.

222. НСР, 1942, 3 декабря, под загл. «Песня из неволи»; Пр.; Ст-5; Соч-1; С 1. Печ. по СС 2, с. 38.

* 223. НСР, 1942, 25 августа; Пр.; Ст-6; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 41. Положено на муз. О. Чишко («Песня о русском народе»). *Полчищ Батыя.* Имеется в виду армия Батыя (ум. 1255), хана Золотой Орды, возглавившего татарское нашествие на Русь в XIII в.

* 224. НСР, 1942, 10 сентября, вместе с № 217, как № 2 цикла «За Ленинград»; Пр.; Избр-2; Ст-5; Ст-7; С 1. Печ. по СС 2, с. 46.

* 225. КЗ, 1942, 5 декабря; Пр.; Избр-2; Ст-5; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 48.

226. Л, 1943, № 1, с. 7; Избр-2; Ст-5; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 50.

* 227. Изв., 1942, 6 августа, под загл. «Россия»; Пр.; Ст-6; Соч-1. Печ. по С 1, с. 426, где ошибочная дата (1943).

* 228. КЗ, 1942, 26 ноября, под загл. «Русская мать»; Пр.; Ст-5; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 74, где ошибочная дата (1943).

229. ЛП, 1942, 5 декабря; Пр. Печ. по СС 2, с. 80, где ошибочная дата (1943).

* 230. КЗ, 1942, 31 декабря; Пр. Печ. по СС 2, с. 81, где ошибочная дата (1943). *Аллюр* — см. примеч. 46.

231. ОВ, 1943, 19 января. Печ. по СС 2, с. 58. *18 января 1943 г.* после семидневных тяжелых боев войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Рабочих поселков № 1 и 5, в результате чего была прорвана блокада Ленинграда. *Братья* — здесь: Ленинградский и Волховский фронты.

* **232.** ОВ, 1943, 1 мая; Пр., без ст. 30—33 (без этих же ст. в Россия-3, Избр-2, Ст-5, Ст-6); Россия-3; Избр-2; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 60. Положено на муз. В. Волошиновым, И. Галкиным, Ю. Ефимовым, А. Животовым, Ю. Левитиным, Е. Овчинниковым, В. Пушковым.

233. «Ленинский путь», 1943, 2 сентября; Пр.; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 62. *Эмка* — легковой автомобиль марки «М-1». *Гать* — настил из бревен или хвороста для проезда через болото или топкое место. *Гудрон* — хрупкая рассыпчатая черная масса из отбросов нефтеперегонки.

234. ОВ, 1943, 2 марта; Пр. и Избр.-2, без загл.; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 408. Положено на муз. М. Глух.

235. ОВ, 1943, 4 февраля; Пр.; Избр-2; Ст-7, без строфы 7; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 69. В Пр., Избр-2, Ст-5, Ст-6, Ст-7 вместо ст. 3 и 11 было: «Идет российская пехота», вместо ст. 19: «Пройдет российская пехота». *Синявино* — рабочий поселок в Тосненском районе Ленинградской области.; здесь, в районе Синявинских высот, в 1943 г. происходили тяжелые бои.

236. ОВ, 1943, 3 марта; Соч-1; СС 2. Печ. по Россия-5, с. 271.

237. ОВ, 1943, 25 февраля; Пр.; Ст-6; СС 2. Печ. по Россия-5, с. 295.

238. Л, 1944, № 9, с. 3; ВКМ. Печ. по Ст-6, с. 257. В Ст-7 и Лрк ошибочная дата (1941).

239. Изв., 1945, 1 января, под загл. «Родина»; Пр. Печ. по СС 2, с. 135. *Заводь* — см. примеч. 12.

240. Изв., 1945, 9 мая, без строфы 4; Пр., с датой: 25 апреля 1945 (в Ст-5, Ст-6, СС 2, ВПР дата: 20 апреля 1945); Ст-6. Печ. по СС 2, с. 130. *20 апреля 1945 г.* начался штурм столицы немецко-фашистской Германии: дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта открыла огонь по Берлину.

241. Л, 1945, № 17-18, с. 7, под загл. «Фиалка на окопе»; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 133.

242. «Сталинское слово» (г. Рауту), 1946, 1 апреля; Пр., с датой: 8 мая 1945 г. (та же дата в Ст-5 и Ст-6). Печ. по СС 2, с. 134. 8 мая 1945 г. представители немецкого главного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

* **243.** Л, 1945, № 17-18, с. 7; Россия-3; Избр-2; Ст-5; ВКМ, в составе «Сада»; Ст-7; Прсг; С 1. Печ. по СС 2, с. 138. *Гай* — лес, роща.

244. Зв., 1946, № 1, с. 66; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 140. *Купавы* — см. примеч. 9. *Затон* — см. примеч. 12.

245. Зв., 1945, № 7, с. 1; ВРК; ВКМ, в составе «Сада»; Соч-1. Печ. по С 1, с. 475.

246. Зв., 1945, № 7, с. 3; Россия-3; Ст-5; Ст-6; ВКМ; Ст-7, без ст. 9—12; Лрк; Соч-1; Прсг, вместе с не вошедшим в наст. изд. стих. «Шли, росу сбивая, словно серьги. . .» (СС 2, с. 143), в качестве ч. 1 единого произведения, под загл. «На гвардейский корпус пал наш выбор. . .»; С 1. Печ. по СС 2, с. 142. *Сестра* — река на Карельском перешейке.

247. Изв., 1945, 11 ноября, под загл. «Кронштадт»; ВКМ; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 146.

248. Зв., 1945, № 7, с. 1; ВКМ; Ст-6. Печ. по СС 2, с. 147.

249. Зв., 1945, № 7, с. 1; ВКМ. Печ. по С 1, с. 485. *Рудой* — рыжий, бурый.

250. НМ, 1947, № 2, с. 21; ВКМ. Печ. по Ст-7, с. 355.

251. Зв., 1945, № 7, с. 2; ВРК, под загл. «Здесь весною. . .»; Ст-6. Печ. по Соч-1, с. 481.

252. Л, 1945, № 17-18, с. 7; ВКМ. Печ. по Соч-1, с. 482.

253. Зв., 1945, № 7, с. 4; ВРК; ВКМ. Печ. по Соч-1, с. 486.

254. Зв., 1945, № 7, с. 3. Печ. по СС 2, с. 158.

255. Зв., 1945, № 7, с. 3; ВРК, под загл. «Утро». Печ. по СС 2, с. 159. Положено на муз. Л. Солиным («Утро»).

256. Зв., 1945, № 7, с. 2; ВКМ. Печ. по С 1, с. 496. *Поемные* — от пойма, см. примеч. 51.

257. Зв., 1945, № 7, с. 3; ВРК, под загл. «В долине»; ВКМ. Печ. по СС 2, с. 161.

258. Л, 1945, № 21-22, с. 2; Россия-3; Избр-2; ВРК, под загл. «Май»; Ст-5; ВКМ; Ст-7; Лрк. Печ. по С 1, с. 498.

259. Л, 1945, № 21-22, с. 2; ВКМ; Лрк; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 163. *Заводь* — см. примеч. 12.

260. Зв., 1946, № 1, с. 68; ВРК, под загл. «Калинка» (то же загл. в Рдг); Лрк; Соч-1. Печ. по СС 2, с. 168.

261. Зв., 1946, № 1, с. 68; ВРК, под загл. «Пороша». Печ. по ВКМ, с. 69.

262. Зв., 1946, № 1, с. 67, первый ст.: «На ясной долине, на старом дорог перекрестке»; ВРК, под загл. «Перед зимой»; ВКМ. Печ. по Ст-6, с. 312. Положено на муз. Л. Солиным («Перед зимой»).

263. Зв., 1946, № 1, с. 68; ВРК, под загл. «Серебряная роща»; Ст-6; Ст. 7. Печ. по СС 2, с. 173.

264. Зв., 1946, № 1, с. 69, чч. 1-2; Л, 1946, № 3-4; Избр-2; Ст-5; ВКМ; Ст-6; Соч-1; Прсг; С 1; Грсл. Печ. по СС 2, с. 174. *Матица* — балка, поддерживающая потолок. *Бакан* — см. примеч. 23. *Мережа* — см. примеч. 5. *Паузок* — речное судно для перевозки клади с больших судов по мелководью. *Пойма* — см. примеч. 51. *Туесок* — берестяная кубышка.

265. ЛГ, 1946, 6 апреля; ВРК. Печ. по Ст-7, с. 351. *Стожары* — здесь: шесты для крепления стогов сена.

266. Л, 1945, № 17-18, с. 7; ВРК, под загл. «Поздним вечером»; Избр-2; Ст-5; Ст-7; Лрк. Печ. по СС 2, с. 187. Вариант для детей — Рдг, под загл. «Спокойной ночи, Русская земля».

* 267. Изв., 1946, 28 июля, под загл. «Песня»; ЛП, 1946, 28 июля, под загл. «Песня моряка»; «Краснофлотец», 1946, № 17, под загл. «Песня»; Ст-6, под загл. «Песня моряка». Печ. по СС 2, с. 197, где ошибочная дата (1947).

* 268. ВЛ, 1947, 29 июня; ЛА, № 2, 1948; ВКМ; Ст-6; Ст-7; Лрк. Печ. по Ст-7, с. 81, так как этот текст восстановлен в Соч-1, с. 532. *Возникшая среди низин гряда* — Пулковские высоты, на которых расположена «астрономическая столица мира» Пулковская обсерватория. *Земля здесь с кровью смешана.* В ноябре 1917 г. соединения Красной гвардии разгромили на Пулковских высотах контрреволюционные войска генерала Краснова, а в октябре 1919 г. остановили наступавшие на Петроград войска Юденича. В 1944 г. войска Ленинградского фронта у Пулковских высот прорвали оборону гитлеровцев и нанесли решающие удары по их армиям. *Ночей и дней железных девятьсот.* Героическая оборона Ленинграда в условиях блокады города продолжалась 900 дней.

269. ЛА, № 2, 1948, с. 7; ВКМ; Ст-6; Соч-1; С 1. Печ. по СС 2, с. 180. В ВКМ и Ст-6 дата: 1947, а в Соч-1, С 1 и СС 2: 1945; в наст. изд. датируется 1947 г. по датам в более ранних сб-ках и с учетом времени первой публ.

270. Смн, 1948, 30 мая; Зв., 1949, № 11; Соч-2. Печ. по Зв., с. 7, так как в СС 2, с. 260 восстановлен этот текст. В СС 2 ошибочная дата (1949).

271. Зв., 1949, № 11, с. 12; ВП, под загл. «Шумят над вами рощи и дубравы (Памяти павших)», с датой: 1948 (те же загл. и дата в Ст-7, Лрк, Соч-2, СиП, С 2). Печ. по СС 2, с. 239, где дата: 1949. Положено на муз. Д. Прицкером («Шумят над вами рощи и дубравы. . .»).

272. Зв., 1949, № 11, с. 10, с иным порядком строк: 15—23, 2—14; Соч-2, с иным порядком строк: 15—23, 1—2, 7—8, 11—14, без ст. 3—6 и 9—10. Печ. по СС 2, с. 135. *Зазимки* — первые морозы, заморозки. *Припай* — неподвижный лед у берегов рек и озер.

273. Зв., 1949, № 11, с. 20. *«Это будет последний. . .»* — из международного пролетарского гимна «Интернационал» (1871).

274. Зв., 1949, № 11, с. 21, под загл. «Цвети, наша родина, вечно!»; ЛГ, 1949, 10 августа, под загл. «Цвети, наша Родина!»; «Новый путь» (Приморск), 1949, 15 декабря, под тем же загл., без ст. 22—25; Ст-6; НРН, под тем же загл.; Лрк. Печ. по Соч-2, с. 74.

275. Зв., 1949, № 11, с. 11. Печ. по ВП, с. 213.

276. Зн., 1951, № 7, с. 109; Зрч-1, только ч. 2, в составе стих. «Цвела, цвела черемуха» (№ 368), как его ч. 2 (аналогично в Лрк и Зрч-2). Печ. по СС 2, с. 247.

277. Зв., 1949, № 11, с. 3.

* **278.** Зв., 1949, № 11, с. 18, под загл. «А ты у нас одна, Светлана. . .». Печ. по СС 2, с. 251.

279. Зв., 1949, № 11, с. 17 (др. ред.). Печ. по СС 2, с. 252. Положено на муз. Д. Прицкером.

280. Зв., 1949, № 11, с. 12, под загл. «Звезда». Печ. по СС 2, с. 254. *Аллюр* — см. примеч. 46.

281. Зв., 1949, № 11, с. 4; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 200. *Большой и Малый Карриквайвиш* — горы на Кольском полуострове. *Никель* — поселок в Печенгском районе Мурманской обл.

282. Зв., 1949, № 11, с. 5. Печ. по СС 2, с. 258.

283. Зв., 1949, № 11, с. 10; ВП; Ст-6. Печ. по Ст-7, с. 159.

284. Зв., 1949, № 11, с. 14. Вариант для детей — Рдн-1, без ст. 5—12 (аналогично в Рдг, Рдн-2). *Туес* (туесок) — см. примеч. 264.

285. Зв., 1949, № 11, с. 15; Ст-6; НРН, под загл. «На родном просторе». Печ. по Зв., так как этот текст восстановлен в Соч-2, с. 53. Вариант для детей — Рдг, без ст. 25—28. *Миткаль* — простая и дешевая хлопчатобумажная ткань.

286. Зв., 1949, № 11, с. 15, под загл. «Раскинься зеленью ветвей. . .». Печ. по ВП, с. 207.

287. Зв., 1949, № 11, с. 11. *Наледь* — вероятно, дорога, проложенная по льду реки или озера путем систематического залива участка дороги водой с последующим ее замораживанием (наращением льда до толщины, обеспечивающей безопасность движения по такой «дороге»). *Раскатка* — лед, отполированный ногами.

288. «Знамя коммунизма» (Новая Ладога), 1949, 7 ноября, под загл. «Родина», без ст. 12—32; Зв., 1949, № 11; Ст-6; Соч-2. Печ. по Зв., с. 6, так как в СС 2, с. 277 восстановлен этот текст. *Великие пять городов* — города-герои: Москва, Ленинград, Сталинград (ныне Волгоград), Севастополь и Одесса.

289. Зв., 1949, № 11, с. 21.

*290. «Во славу Родины» (орган Белорусского военного округа, Минск), 1949, 24 июня, без ст. 1—16 и загл.; (аналогично в ВП, Ст-7, Лрк, сб. «Люблю тебя, моя Россия», М., 1958); Зв., 1949, № 11; Ст-6; Соч-2. Печ. по СС 2, с. 287. Варианты для детей: Рдн-1, ст. 25—32, без загл.; ст. 33—40, без загл. (аналогично в Рдн-2); Рдг, ст. 25—32, под загл. «Нет на свете Родины дороже. . .».

291. Зн., 1951, № 7, с. 109. В СС 2 дата: 1953, а в ВП и Лрк — 1950; в наст. изд. датируется 1950 г. по датам в более ранних сб-ках и с учетом времени первой публ. Положено на муз. Д. Прицкером.

292. ВП, с. 173, с датой: 1950 (та же дата в Ст-7, Лрк, Соч-2); Ст-7, без загл.; Зрч-2. Печ. по Соч-2, с. 78. В СС 2 дата: 1953; в наст. изд. датируется 1950 г. по датам в более ранних сб-ках поэта. Положено на муз. В. Волковым, Ю. Левитиным.

293. ЛГ, 1951, 21 января, под загл. «От лица поколения». Печ. по ВП, с. 77.

294. Зв., 1952, № 5, с. 3; Ст-7; Лрк, под загл. «Северу»; Соч-2; СиП, под загл. «Северу». Печ. по СС 2, с. 298. *Хибины* — горный массив на Кольском полуострове. *Варзуга* — село в Терском районе Мурманской обл. *Поной* — река и село в Ловозерском районе Мурманской обл. *Чум* — конусообразный шатер, палатка у кочевых племен, крытая шкурами. *Воронья река* — вытекает из Ловозера (Мурманская обл.). *Ловозерье* — местность близ одноименных озера и села. *Монче-тундра* — горный массив на Кольском полуострове в Мурманской обл. *Поморы* — коренное население на побережье Белого моря и Ледовитого океана, занимающееся рыболовством и охотой. *Сполóхи* — здесь: зарницы, см. примеч. 13. *Заводь* — см. примеч. 12. *Невяники* — вероятно, бессмертник. *Тулома* — река на Кольском полуострове.

*295. «Полярная правда» (Мурманск), 1951, 21 октября, с датой: октябрь 1951; Зв., 1952, № 5; ВП; Ст-7; Лрк. Печ. по СС 2, с. 304.

296. «Полярная правда», 1951, 30 декабря, без ст. 15—18, с датой и пометой: «Октябрь—ноябрь, Кольский полуостров», с эпиграфом: «1 января 1930 г. в этом домике происходило историческое заседание, на котором Сергей Миронович Киров положил начало развитию промышленности в районе, ныне носящем его великое имя. Мемориальная надпись на домике-музее в Кировске»; Зв., 1952, № 5, без ст. 15—18, с тем же эпиграфом. Печ. по ВП, с. 27. *Белый* — железнодорожный разъезд в Мурманской обл.

297. «Полярная правда», 1951, 3 ноября, в подборке «Из цикла стихов о Советском Заполярье», с датой и пометой: «Кольский полуостров. Октябрь — ноябрь 1951 г.»; ЛГ, 1952, 26 февраля; ВП; Ст-7; Лрк; Соч-2. Печ. по ВП, с. 29, так как этот текст восстановлен в СиП, с. 111 (тот же текст — Лрк) и последующих изд. *Мончегорцы* — жители города Мончегорск на Кольском полуострове, который возник в 1937 г. в связи с разработкой открытых там медно-никелевых руд. *Североморцы* — жители города Североморска в Мурманской обл. *Аммонал* — взрывчатое вещество.

298. «Полярная правда», 1951, 30 декабря, в подборке «Преображенная тундра», с датой и пометой: «Октябрь — ноябрь. Кольский полуостров»; Зв., 1952, № 5, с примеч.: «*Вудъявр* — река возле Ботанического сада в Кировске». Печ. по ВП, с. 38. *Комсомольск* — город (до 1950 г. — поселок), возникший в 1931 г. в связи со строительством Ивановской ГРЭС. *Криволесье* — здесь, вероятно, лес, растущий на склонах гор.

299. «Полярная правда», 1951, 30 декабря, в подборке «Преображенная тундра», с датой и пометой: «Октябрь — ноябрь. Кольский полуостров»; ЛГ, 1952, 26 февраля; Зв., 1952, № 5. Печ. по ВП, с. 40. *Хибины* — см. примеч. 294.

300. «Полярная правда», 1951, 28 октября, с датой и пометой: «6 октября 1951. Кольский полуостров»; Зв., 1952, № 5. Печ. по ВП, с. 44. *Коми-саамский поселок.* Саами — маленькая северная народность, в прошлом — кочевники.

301. «Полярная правда», 1951, 8 декабря, с посвящ. А. Я. Маклакову, с датой: ноябрь 1951 и примеч.: «*Зуек* — юнга на промысловом судне поморов»; Зв., 1952, № 5, с примеч.: «Зуек — юнга на промысловом судне поморов. По обычаю поморов, юнга (зуек) должен был у мыса *Святой Нос* попробовать с якоря глины, чтобы не бояться качки»; ВП; Лрк. Печ. по Соч-2, с. 109. *Маклаков* Андрей Яковлевич — капитан рыболовного траулера, экипаж которого в начале 1951 г. выступил с призывом ко всем промысловикам Мурманской обл. развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение годового плана и затем с честью сдержал свое обязательство. *Помор* — см. примеч. 294.

302. Зв., 1952, № 5, с. 16. Печ. по ВП, с. 51. *Монче-тундра* — см. примеч. 294. *Аммонал* — см. примеч. 297. *Заозерье* — см. примеч. 20.

303. Зв., 1952, № 5, с. 17. Печ. по ВП, с. 53.

304. «Полярная правда», 1951, 3 ноября, в подборке «Из цикла стихов о Советском Заполярье», с датой и пометой: «Кольский полуостров. Октябрь — ноябрь 1951 г.», без ст. 9—17, под загл. «Кедр в Заполярье». Печ. по Зв., 1952, № 5, с. 17. *Караульная* — гора на Кольском полуострове. *Тулома* — см. примеч. 294.

305. Зв., 1952, № 5, с. 10. Эпиграф — из стих. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» (1926). *Бредов* Анатолий — один из героев Великой Отечественной войны, имя которого было присвоено рыболовному траулеру. *Петсамо* — прежнее (финское) название пос. Печенга в Мурманской обл., где А. Бредов погиб во время Петсамо-Киркенесской наступательной операции (7—27 октября 1944 г.), в результате которой было освобождено Советское Заполярье.

306. Зв., 1952, № 5, с. 16. *Поморка* — см. примеч. 294.

307. «Полярная правда», 1952, 3 февраля, с посвящ.: «Посвящается колхознику колхоза «Тундра» Тимофею Филипповичу Филип-

пову» и с примеч.: «Тимофею Филипповичу Филиппову, колхознику оленеводческого колхоза «Тундра», 71 год. Тяжелой и безрадостной была его жизнь до установления Советской власти. С приходом Советской власти народности Севера зажили счастливой жизнью. По-иному живет сейчас и Тимофей Филиппович Филиппов. В минувшем году Тимофей Филиппович выработал 284 трудодня. В колхозе «Тундра» на каждый трудодень выдано по 12 руб. 16 коп., по полкилограмма мяса, по пол-литра молока, по 200 граммов рыбы»; Зв., 1952, № 5. Печ. по Ст-7, с. 208. *Воронья река* — см. примеч. 294. *Ижма* — река и село в Коми АССР. *Чум* — см. примеч. 294.

308. Зв., 1952, № 5, с. 20.

309. «Сталинградская правда», 1952, 9 мая; Ог., 1952, № 23; «Полярная правда», 1952, 22 июня; ВП; Ст-7; Лрк. Печ. по СС 2, с. 347. *Волго-Дон волной грохочет в шлюзах.* Волго-Донской судоходный канал (протяженностью 101 км, с 13 шлюзами и тремя водохранилищами), соединивший Белое, Балтийское и Каспийское моря с Азовским и Черным морями, был открыт 27 июля 1952 г., движение судов по нему началось еще 1 июня 1952 г.

310. Зв., 1953, № 8, с. 43. *Руны* — народные карельские и финские эпические песни о подвигах легендарных героев карело-финского народа.

311. «Сталинградская правда», 1952, 18 мая. Печ. по ВП, с. 105. *Пять морей соединили реки — Дон и Волга.* См. примеч. 309.

312. «Сталинградская правда», 1952, 21 мая, с загл. каждой части: 1 — «О нем», 2 — «Огни», 3 — «На вершине», 4 — «Героям», 5 — «Настанет день»; Зв., 1953, № 8, без ч. 1; ВП; Лрк; Соч-2; СиП. Печ. по С 2, с. 81. На вершине *Мамаева кургана*, где 26 января 1943 г. произошла историческая встреча 21-й (наступавшей с запада) и 62-й (наступавшей от Волги) армий Сталинградского фронта, установлен танк «Т-34» № 18 «Челябинский колхозник», который первым прорвался навстречу воинам 62-й армии.

313—314. «Сталинградская правда», 1952, 26 июля; Зв., 1953, № 8. Печ. по ВП, с. 110. *Мамаев курган* — см. примеч. 312. *Затон* — см. примеч. 12. *Голубая лента Волго-Дона* — см. примеч. 309.

315. «Сталинградская правда», 1952, 10 июня; ВП. Печ. по СС 2, с. 356. *Тундутово* — железнодорожный разъезд близ Волгограда. *Алексей Маркин* — командир экипажа танка «Т-34» № 18, см. примеч. 312.

*316. «Сталинградская правда», 1952, 20 ноября. Печ. по ВП, с. 114. *Ибаррури Рубен* (1920—1942) — сын видного деятеля испанского, международного рабочего и антифашистского движения Долорес Ибаррури; героически погиб, защищая Сталинград в рядах Советской Армии. *Дар-гора* — местность в Волгограде.

317. «Сталинградская правда», 1952, 9 мая; Ог., 1952, № 23, под загл. «Будущее»; «Полярная правда», 1952, 22 июня; Ст-7. Печ. по Лрк, с. 105. *Комарно* — город (с 1940 г.) в Городокском районе Львовской обл., расположен на реке Верещица, в бассейне Днестра.

318. «Сталинградская правда», 1952, 10 июня, под загл. «Из Москвы на Волго-Дон»; Ог., 1952, № 27, под тем же загл. Печ. по ВП, с. 122.

319. «Красный флот», 1952, 8 июня, без ч. 1, под загл. «Седьмое море», с эпиграфом: «У тебя, Волго-Дон, пять морей И шестое — Цимлянское море. (Песня строителей Волго-Дона)»; «Сталинградская правда», 1952, 10 июня, без ч. 1, под загл. «Седьмое море», с эпиграфом: «И шестое — Цимлянское море... (Песня)». Печ. по Зв., 1953, № 8, с. 43. *Охра* — см. примеч. 8. *Пойма* — см. примеч. 51. *Седьмое море* — имеются в виду орошенные после постройки Волго-Донского канала земли Ростовской и Сталинградской (ныне — Волгоградской) областей с их резко увеличившимся после этого плодородием.

320. Ог., 1952, № 27, с. 17. Печ. по ВП, с. 129.

321. «Красный флот», 1952, 19 июня; Ог., 1952, № 27. Печ. по ВП, с. 131. Положено на муз. Д. Прицкером. Эпиграф — из русской народной песни.

322. Ог., 1952, № 52, с. 21; Лрк. Печ. по Ог., так как этот текст повторен, начиная с ВП, с. 145 во всех изд., кроме Лрк. *Зеленая роща* — поселок в Волгоградской обл.

323. «Сталинградская правда», 1952, 29 ноября; ЛА, № 4, 1952. Печ. по ВП, с. 148. В Ст-7, Лрк и СС 2 ошибочная дата (1953).

324. Ог., 1953, № 32, с. 19; ВП; Лрк; Соч-1. Печ. по Лрк, с. 51, так как этот текст восстановлен в СС 2, с. 401. *Разлив* — озеро и поселок на Карельском перешейке, возникший возле места последнего укрытия В. И. Ленина в революционном подполье.

325. Ог., 1953, № 32, с. 19, под загл. «Проспект Сталина в Ленинграде»; ВП, под загл. «Проспект имени Сталина»; Ст-7, под загл. «Проспект имени Сталина»; Лрк. Печ. по СС 2, с. 402. *Проспект открылся взору моему*. Имеется в виду Московский проспект, самая длинная (10 км) улица Ленинграда, идущая от центра города к Пулковским высотам (см. примеч. 268); в годы Великой Отечественной войны это была центральная фронтовая магистраль Ленинграда, в конце ее были оборонительные рубежи ⟨пояс⟩. *Московский парк Победы* — заложен 7 октября 1945 г. в честь победы советского народа над немецко-фашистской Германией и империалистической Японией. *«Электросила»* — энергомашиностроительный завод им. С. М. Кирова; расположен на Московском проспекте. *Московское шоссе* — шоссейная дорога из Ленинграда в Москву, начинающаяся от Московского проспекта.

326. ВП, с. 10. *Пулково* — см. примеч. 268. *Зеленая* — улица в Ленинграде. *Луга, Нарва* — см. примеч. 36 и 7.

327. ЛГ, 1953, 30 июля. Печ. по Соч-2, с. 178.

328. Ог., 1954, № 2, с. 15. Печ. по Ст-7, с. 181. Положено на муз. В. Власовым («На тысячи верст»), Е. Казаком («Цвети, Украйна»).

* 329. Ог., 1953, № 41, с. 25; Ст-7. Печ. по Зрч-1, с. 5.

330. Ог., 1953, № 41, с. 25. *Краснотал* — см. примеч. 333.

331. Ог., 1953, № 49, с. 25. Печ. по Ст-7, с. 408. Положено на муз. А. Матюшиным. *Настя* — см. примеч. 157.

332. Ог., 1953, № 41, с. 25; Ст-7. Печ. по Зрч-1, с. 13.

333. НМ, 1954, № 4, с. 78. *Тальник* — кустарниковая ива. *Чернотал, краснотал, белотал* — различные виды ивы.

334. Ог., 1953, № 49, с. 25. Положено на муз. Э. Денисовым.

335. Ог., 1954, № 18, с. 8, только ч. 1; Н, 1955, № 1, с. 81, только ч. 2 (то же в Зрч-2). Печ. по Зрч-1, с. 24. Датируется по СС 2.

336. Ог., 1953, № 49, с. 25. Первоначально имело загл. «Приглашение к путешествию», которое затем было заменено автором. В ПД хранится следующее письмо Прокофьева в связи с этим стих.:
«В редколлегию журнала «Огонек». Дорогие товарищи! Согласившись с замечаниями Редакции и выполнив В⟨аши⟩ указания по стихам цикла «Заречье», я убедительно прошу оставить в стихотворении «Приглашение к путешествию» последнюю строфу, именно:

И смуглянка, не лукавя,
Начала дробью,
И ногами, и руками,
И еще бровью!

Она, мне думается, хорошо показывает характер начинающей пляску русской девушки, делающей все самозабвенно, радующейся всем своим существом, живой, настоящей. Кроме того, после строф:

На цветы на луговые
Приходите, звеньевые,
Со своими звеньями

И со всеми семьями,
С дедами и с бабками,
С детворой — охапками, —

прошу в том же стихотворении включить ошибочно пропущенные мною при перепечатке строчки:

Всем безотлагательно:
Явка обязательна!

Они, думается мне, усиливают мотивы приглашения. 28/XI-1953 г.» Редакция Ог. выполнила просьбу поэта. *Трехрядка* — см. примеч. 36.

337. Зрч-1, с. 28 (сб-к вышел ранее журнальной публикации в Н, 1956, № 1, с. 81). Датируется по СС 2.

338. Ог., 1953, № 41, с. 25. Печ. по Зрч-1, с. 31. *«Лучше нету того цвету...»* — песня на слова М. В. Исаковского (муз. М. Блантера).

339. Ог., 1953, № 41, с. 25. Положено на муз. А. Зайцевым («За рекой»), Г. Максимовым («Вишня расцвела»), Д. Прицкером, Р. Мануковым.

340. Ог., 1953, № 32, с. 19.

341. НМ, 1954, № 4, с. 79. Датируется по СС 2. Вариант для детей — Рдг, без ст. 9—12.

342. Ст-7, с. 420; ЛА, № 9, 1954; Лрк. Печ. по ЛА, с. 77, так как этот текст восстановлен в СС 2, с. 447. Положено на муз. Ю. Левитиным («Белой ночью на реке...»).

343. Ог., 1953, № 41, с. 25. Печ. по Зрч-1, с. 45. Положено на муз. В. Волковым, А. Митюшиным.

344. Ог., 1953, № 41, с. 25. Печ. по Ст-7, с. 309. Положено на муз. В. Волковым, А. Митюшиным.

345. НМ, 1954, № 4, с. 77. Печ. по СС 2, с. 456. Положено на муз. А. Митюшиным. *Мыла Марусенька Белые ноги* — строка из русской народной песни «На речке, на речке, на том бережочке...».

346—347. Ог., 1953, № 41, с. 25. *Бакан* — см. примеч. 23.

348. Ог., 1953, № 41, с. 25. Положено на муз. Э. Денисовым («Месяц за рекой»).

349. Ог., 1953, № 41, с. 25. Печ. по Зрч-1, с. 68. Вариант для детей (без строфы 4, под загл. «Ночью в лесу») — Рдн-1, ХМ, Рдг, Рдн-2. Положено на муз. Д. Прицкером («Ночью в лесу»). *Сохатый* — лось.

350—352. Ог., 1953, № 49, с. 25.

353. Ог., 1954, № 27, с. 8. Печ. по СС 2, с. 483. *Соловые, каурые* — масти лошадей. *Трехрядка* — см. примеч. 36.

354. НМ, 1954, № 4, с. 78; Ст-7, под загл. «Приход зимы» (то же загл. в Лрк); Соч-2. Печ. по НМ, так как этот текст восстановлен в Зрч-1, с. 78 и СС 2, с. 485.

355. Н, 1955, № 1, с. 81. Печ. по СС 2, с. 486.

356. Ог., 1954, № 18, с. 8. Печ. по СС 2, с. 487.

* **357.** ЛА, № 9, 1954, с. 76; Зрч-1. Печ. по СС 2, с. 489.

358. Ог., 1953, № 41, с. 25; Ст-7. Печ. по СС 2, с. 491.

359. Зв., 1945, № 1, с. 72 (др. ред.); Избр-2 (др. ред.), с датой 1945; Ст-5; Ст-6; ГСБ; ВП. Печ. по Ст-7, с. 83. В СС 2 дата: 1945—1953. Песенный вариант — Н, 1969, № 5, с. 221. Положено на муз. Р. Майоровым.

360. Зв., 1956, № 7, с. 22. Датируется по СС 2. Положено на муз. Г. Крейтнером.

361. Ог., 1956, № 1, с. 17. Печ. по Зрч-1, с. 29. В Лрк дата: 1954, а в СС 2: 1953. Положено на муз. А. Митюшиным.

362. Ог., 1954, № 27, с. 8. В Лрк дата: 1954, а в СС 2: 1953. Положено на муз. В. Волковым, А. Митюшиным. *Мста* — см. примеч. 30.

363. Ог., 1954, № 27, с. 8. В Ст-7 дата: 1954, а в СС 2: 1953. Вариант для детей — Рдг, под загл. «Край родной».

364. Зрч-1, с. 44. В Лрк дата: 1954, а в Соч-2 и СС 2: 1953.

365. Ог., 1954, № 27, с. 8. В Ст-7 и Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953.

366. Ог., 1954, № 18, с. 8. В Ст-7 и Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953.

367. Ог., 1954, № 18, с. 8. В Ст-7 и Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953. Положено на муз. Ю. Левитиным.

368. Ог., 1954, № 18, с. 8. В Зрч-1, Лрк, Зрч-2 в состав этого стих. в качестве ч. 2 (после ст. 20) входят ст. 16—28 (ч. 2). стих. «Черемуха» (№ 276). В Ст-7 и Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953. Положено на муз. Я. Солодухо.

369. Ог., 1955, № 1, с. 17, без загл. (также без загл. в Лрк, Зрч-2). Печ. по Зрч-1, с. 46. В Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953.

370. Ог., 1954, № 18, с. 8. В Ст-7 дата: 1954, в СС 2: 1953.

371. ЛА, № 9, 1954, с. 27; Зрч-1; Лрк, с датой: 1954. Печ. по Зрч-1, так как этот текст восстановлен в Соч-2, с. 232 и других изд. В Соч. 2, СС 2 дата: 1953.

372. Ог., 1955, № 1, с. 17, под загл. «В лесу» (то же загл. в Зрч-1). Печ. по Лрк, с. 183, где дата: 1954, а в СС 2: 1953. Положено на муз. А. Митюшиным («Пруд заглохший»). *Багульник* — терпкое, острое на вкус растение, нередко называемое «пьяной травой».

373. Ог., 1954, № 27, с. 8. В Ст-7 и Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953.

374. Ог., 1955, № 1, с. 17. В Лрк дата: 1954, а в СС 2: 1953. Положено на муз. В. Волковым, Г. Литвиновым («Целый вечер заливался про любовь баян. . .»), А. Митюшиным.

375. ЛА, № 9, 1954, с. 78. В Лрк дата: 1954, в СС 2: 1953. *Бакан* — см. примеч. 23. *Киноварь* — красная краска из искусственно получаемой сернистой ртути.

376. Н, 1957, № 2, с. 70. Печ. по Соч-2, с. 353.

377. Н, 1957, № 2, с. 71. Печ. по Прзн, с. 8. Датируется по СС 3.

378. Н, 1957, № 2, с. 71. Печ. по СС 3, с. 15. *Пулковские высоты* — см. примеч. 268. *Сорок вторая* — 42-я армия Ленинградского фронта, оборонявшая участок Урицк — Пулковские высоты. *Редут* — полевое укрепление с наружным рвом и земляной насыпью.

379. Прзн, с. 12. Печ. по СС 3, с. 16. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831). *За Пулковской горой* — см. примеч. 268. *Пушкин* — см. примеч. 219.

380. Н, 1957, № 2, с. 71. Печ. по СС 3, с. 17.

381. ЛГ, 1956, 29 декабря; Прсг. Печ. по СС 3, с. 20. *Башлык* — капюшон с длинными концами.

382. Н, 1957, № 2, с. 72; «Правда», 1957, 1 мая. Печ. по Прзн, с. 17. Датируется по СС 3. *Братья* — здесь: города Ленинград и Кронштадт.

383. ЛГ, 1956, 29 декабря; Н, 1957, № 2; Соч-2. Печ. по СС 3, с. 23. Эпиграф — из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

384. Н, 1957, № 2, с. 72. Печ. по Прзн, с. 20. Датируется по СС 3. *Форты* — укрепления, входящие в систему крепостных сооружений. *Котлин* — остров в Финском заливе, на котором расположен г. Кронштадт.

385—386. Н, 1957, № 2, с. 72, 73. Печ. по Прзн, с. 21, 27. Датируется по СС 3. *На Марсовом* — см. примеч. 62.

387. Ог., 1956, № 45, с. 24. Печ. со СС 3, с. 32. *Гай* — лес, роща.

388. Н, 1956, № 11, с. 8. Печ. по СС 3, с. 34.

389. Зв., 1957, № 1, с. 110; СиП; Прсг. Печ. по СС 3, с. 36. *Крушина* — высокий кустарник с ломкими ветвями. *Ракиты* — ивовые кустарники. *Узорочье* — резные украшения (в архитектуре); вообще — драгоценные камни, дорогие ткани, меха, украшения.

390. Зв., 1957, № 1, с. 111. Датируется по СС 3. Положено на муз. Н. Червинским («Поднимается солнце над степью широкой. . .»).

391. Зв., 1956, № 7, с. 21, вместе с не вошедшим в наст. изд. стих. «Черный дрозд с листа воды напился. . .», в качестве ч. 2, под общим загл. «Весна — лето». Печ. по Прзн, с. 40.

392. Ог., 1956, № 45, с. 24; Прзн; С 2. Печ. по Прзн, с. 42, так как этот текст восстановлен в СС 3, с. 43.

393. Ог., 1956, № 45, с. 24. Печ. по Прзн, с. 44. *Стихами о Прекрасной Даме.* Имеется в виду первая книга стих. А. А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

394. Ог., 1956, № 45, с. 24. Печ. по ЛП, 1956, 26 августа.

395. ЛП, 1956, 26 августа. Печ. по Ог., 1956, с. 24.

396. «Правда», 1956, 6 августа, без ст. 15—18; ДПЛ, 1956. Печ. по СС 3, с. 48.

397. Н, 1956, № 12, с. 5; Прзн; Соч-2. Печ. по СС 3, с. 51. Эпиграф — из русской народной песни.

398. Н, 1956, № 12, с. 5. Печ. по Прзн, с. 51.

399. Зв., 1956, № 7, с. 20. Печ. по Прзн, с. 56.

400. Зв., 1957, № 1, с. 113; Соч-2; Прсг. Печ. по СС 3, с. 59. *Трехрядка* — см. примеч. 36.

401. Ог., 1956, № 45, с. 24. Печ. по Прзн, с. 59. *Испод* — обращенная книзу сторона, изнанка.

402. Н, 1956, № 12, с. 6, без посвящ.; Прзн, без посвящ.; Соч-2; С 2. Печ. по СС 3, с. 64. *Фадеев* А. А. — см. примеч. 220.

403. Ог., 1956, № 45, с. 24; С 2; Грсл. Печ. по СС 3, с. 65. *До отбоя* — здесь: до конца жизни.

404. Н, 1956, № 12, с. 7. Печ. по Прзн, с. 66.

405. Н, 1956, № 12, с. 6; Прзн; Соч-2. Печ. по СС 3, с. 69. *Полисть* — река в Новгородской обл.

406. ЛГ, 1956, 22 сентября. Печ. по Прзн, с. 69. *Затон* — см. примеч. 12.

407. Зв., 1957, № 1, с. 112. Датируется по СС 3.

408. Зв., 1957, № 1, с. 112. Печ. по Прзн, с. 73. Датируется по СС 3. Вариант для детей — ХМ и Рдг, без ст. 1—4, 18—19, под загл. «Дождик». Положено на муз. Н. Пирковским. *Кукушьи слезки* — многолетнее травянистое растение, цветет лилово-розовым цветом.

409. Н, 1956, № 12, с. 7; Прзн; С 2. Печ. по СС 3, с. 77.

410. Н, 1956, № 12, с. 7. Печ. по СС 3, с. 79.

411. Зв., 1957, № 1, с. 113. Датируется по СС 3. *Багрец* — старинное русское название ярко-красной краски.

412. Н, 1956, № 12, с. 8; С 2; «Советская Белоруссия», 1961, 9 августа, обе части оформлены как два самостоятельных произведения под общим загл. «Родные мотивы». Печ. по СС 3, с. 85. Эпиграф к первой части — из стих. Я. Купалы «. . .О! Пролетарий я! . .» (1924). *Криница* — родник, источник.

413. Ог., 1956, № 45, с. 24. Печ. по Прзн, с. 87. *Янка Купала* (псевд. И. Д. Луцевича, 1882—1942) — народный поэт Белоруссии. *Якуб Колас* (псевд. К. М. Мицкевича, 1882—1956) — народный поэт Белоруссии.

414. Окт., 1959, № 8, с. 20. Печ. и датируется по СС 3, с. 94. *Скатный жемчуг* — крупный, ровный и круглый, как бы скатанный.

415. ЛП, 1957, 1 мая. Печ. по С 2, с. 284.

416. Н, 1957, № 6, с. 7; Прсг; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 96. *Портальные колонны* — колонны у главного входа.

417. «Костер», 1957, № 6, с. 47, под загл. «Вьется, реет флаг над Смольным». Печ. по Прсг, с. 103.

418. Ог., 1957, № 26, с. 3. Печ. по Прсг, с. 106.

419. ЛА, № 12, 1957, с. 3. Печ. по СС 3, с. 99. *Невка* — рукав Невы.

420. Окт., 1959, № 8, с. 20. Печ. и датируется по СС 3, с. 102. *Маркизова лужа* — ироническое название мелководной (восточной) части Финского залива от устья Невы до Кронштадта; название возникло в период, когда пост морского министра в 1811—1828 гг. занимал маркиз де Траверсе (1754—1830).

421. Окт., 1957, № 9, с. 136; Прсг; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 103.

422. СР, 1958, 11 января, с подзаг. «(Из итальянской тетради)»; ДПЛ, 1958; Избр-4, без загл. Печ. по Россия-5, с. 267. В этом и следующих стих. (№№ 425—436) отразились впечатления поэта от поездки в Италию, совершенной в конце 1957 — начале 1958 г. с группой советских писателей. «Итальянские» стихи были затем объединены в сб. ЯнМ.

423. Окт., 1957, № 9, с. 136; Прсг; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 229, где ошибочная дата (1959). *Шлюшень* — местное название Шлиссельбурга. *Заводь* — см. примеч. 12. *Ладожское море* — см. примеч. 1. *Подблюдная песня* — обрядовая народная песня, исполняемая на святках при гадании под Новый год; чтобы узнать о будущем, на блюдо клали кольца и другие украшения, заливали их водой и покрывали блюдо платком. Под песни наугад вынимали из блюда по предмету, а слова относили к владельцу вынутой вещи.

424. Окт., 1957, № 9, с. 137; С 2. Печ. по СС 3, с. 232, где ошибочная дата (1959). *В три наката* — см. примеч. 221.

425. Н, 1958, № 6, с. 143, в подборке «Из „Итальянской тетради“»; Печ. по СС 3, с. 105. Эпиграф — из стих. М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841). *Спутник* — первый искусственный спутник Земли, запущенный в СССР 4 октября 1957 г.

426. Н, 1958, № 6, с. 143. Печ. по СС 3, с. 108.

427. ЛГ, 1958, 18 января; ЯнМ. Печ. по СС 3, с. 109.

428. ЛГ, 1958, 18 января. Печ. по СС 3, с. 110. Эпиграф — из стих. А. А. Блока «Равенна» (1909). *Равенна* — город на побережье Адриатического моря в Италии, где сохранилось много замечательных памятников старины. *Отблеск золотой медали.* Равенна за массовое участие ее жителей в годы второй мировой войны в движении Сопротивления награждена золотой медалью.

429. Н, 1958, № 6, с. 144; ЯнМ. Печ. по С 2, с. 303. Эпиграф — из стих. А. А. Блока «Флоренция» (1909).

430. Н, 1958, № 6, с. 144. Печ. по СС 3, с. 115. *«Катюша»* — песня М. В. Исаковского (муз. М. Блантера), в годы второй мировой войны была очень популярна в итальянских партизанских отрядах — участников движения Сопротивления.

431. ЛиЖ, 1958, 6 апреля; ЯнМ; С 2. Печ. по СС 3, с. 116. *Кармин* — ярко-красная краска, изготовленная из кошенили (красящего вещества красного цвета).

432. Н, 1958, № 6, с. 145; ЯнМ; С 2. Печ. по СС 3, с. 121.

433. Изв., 1958, 2 марта, вместе со стих. «На крутом холме», под общим загл. «Из „Итальянской тетради“»; ЯнМ. Печ. по СС 3, с. 124.

434. Н, 1958, № 6, с. 144. Печ. по СС 3, с. 129.

435. ЛиЖ, 1958, 6 апреля. Печ. по СС 3, с. 130.

436. Н, 1958, № 6, с. 146; ЯнМ. Печ. по С 2, с. 322.

437. Н, 1958, № 5, с. 101.

438. Н, 1958, № 5, с. 101; Россия-4. Печ. по СС 3, с. 136. Эпиграф — начальная строка стих. С. Есенина «Где ты, где ты, отчий дом...» (1917—1918). *Гарусный* — из гаруса, грубой хлопчатобумажной ткани, на ощупь похожей на шерстяную.

439. Н, 1958, № 5, с. 102. Печ. по ПкП-1, с. 94. *Кобонка* — река в селе Кобона, на родине поэта.

440. Н, 1958, № 5, с. 100; Прсг; С 2. Печ. по СС 3, с. 198, где ошибочная дата (1959).

441. Н, 1958, № 5, с. 100. В С 2 и СС 3 ошибочная дата (1959). *Низово* — село в Приладожье. *Мутовка* — группа листьев, ветвей и т. п., расположенная на одном уровне ствола.

442. ЛиЖ, 1959, 1 января. Печ. по ПкП-1, с. 164. В С 2 и СС 3 дата: 1959; но так как стих. опубликовано 1 января 1959 г., его следует датировать 1958 г.

443. Ог., 1959, № 38, с. 26, под загл. «Стихи о России» (то же загл. в Прсг, Россия-4, ПкП-1, ЛП, 1961, 5 марта, ПкП-2, С 2, Гр., Ст-8, ПкП-3); Россия-4; ПкП-1; Грсл. Печ. по СС 3, с. 140. Эпиграф к ч. 3 — из песни А. Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя. . .». Эпиграф к ч. 5 — из стих. Н. Н. Асеева «Что такое счастье? Соучастье. . .» (1957).

444. Ог., 1959, № 50, с. 11. Печ. по Прсг, с. 17. *«Дневные звезды»* — название книги О. Ф. Берггольц (1959).

445. Окт., 1959, № 6, с. 100; С 2. Печ. по СС 3, с. 146.

446. Окт., 1959, № 8, с. 16; ПкП-1; Грсл. Печ. по СС 3, с. 147. Эпиграф — из стих. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами. . .» (1917).

447. Ог., 1959, № 50, с. 11; Прсг; С 2; ПкП-2. Печ. по СС 3, с. 149. *Сивки — вещие каурки* — сокращенный вариант присловья («Сивка-бурка, вещая каурка») в русских народных сказках, означающего названия мастей и клички лошадей: сивка — светло-серая, пепельного цвета лошадь, каурка — светло-бурая, рыжеватая. *«Вставай, проклятьем. . .»* и т. д. — цитата из «Интернационала».

448. Изв., 1959, 13 декабря. Печ. по СС 3, с. 151. *О мире принят был декрет.* Декрет о мире принят Вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. по докладу В. И. Ленина, который написал также и проект декрета.

449. СР, 1959, 30 августа; Прсг; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 156. *У. . . домов к коньком.* Конек — здесь: деревянное украшение крыши, распространенное на Севере. *Кола* — см. примеч. 2.

450—451. Цикл образован в 1960 г. в Окт., 1960, № 4; до этого первое стих. неоднократно публиковалось как самостоятельное. 1. ЛГ, 1957, 21 апреля, вне цикла; ЛП, 1960, 23 января, вне цикла; Окт., 1960, № 4; Прсг, вне цикла (так же в сб. «С Лениным в сердце», Л., 1960); ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 161. *Краснотал* — см. примеч. 333. *Свияга* — правый приток Волги. 2. Окт., 1960, № 4, с. 12. Печ. по С 2, с. 332.

452. Окт., 1959, № 8, с. 16. Печ. по СС 3, с. 164. *Рось* — правый приток Днепра. *Втора* — второй голос в музыкальной партии.

453. Окт., 1959, № 8, с. 19; Бсм, без загл. Печ. по Россия-6, с. 401.

454. Окт., 1959, № 8, с. 21; «Ленинское знамя», 1960, 6 марта, под загл. «Поход, поход. . .». Печ. по Окт., так как в ПкП-1, с. 38 восстановлен этот текст. *Три войны* — гражданская, белофинская и Великая Отечественная войны.

455. Окт., 1959, № 8, с. 20; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 168.

456. ЛП, 1959, 12 декабря, под загл. «Нет в России города без славы. . .»; ПкП-1; «Правда», 1961, 2 апреля, под загл. «Нет в России города без славы»; С 2. Печ. по СС 3, с. 172.

457. Ог., 1959, № 50, с 12. Печ. по ПкП-1, с. 46. Написано в связи с 1100-летием города Новгорода, которое отмечалось 23 августа 1959 г.; к этой дате поэт написал также песню «Новгород Великий» (муз. В. П. Соловьева-Седого), опубл. в ЛиЖ, 1959, 12 августа. *Вече* — собрание горожан в Древней Руси для обсуждения государственных и общественных дел, а также место, где происходит это собрание.

458. Окт., 1959, № 8, с. 23.

459. Ог., 1959, № 50, с. 11, с делением текста на четыре части: ст. 1—16, 17—29, 30—37 и 38—51; ПкП-1; С 2; ПкП-2. Печ. по СС 3, с. 177. *Осот* — крупная сорная трава. *Пулковские высоты* — см. примеч. 268.

460. СР, 1959, 30 августа; Россия-4. Печ. по ПкП-1, с. 52.

461. Ог., 1959, № 50, с. 13. Печ. по СС 3, с. 181. *Яруга* — крутой обрывистый берег реки. *Тальник* — см. примеч. 333.

462. СР, 1959, 30 августа; Прсг; ПкП-1, под загл. «Я не о том. . .» (то же загл. в ПкП-2 и ПкП-3); С 2. Печ. по СС 3, с. 185. *Краснотал* — см. примеч. 333.

463. НМ, 1959, № 8, с. 85; «Ленинское знамя», 1960, 6 марта. Печ. по ПкП-1, с. 58.

464. «Москва», 1960, № 1, с. 146. Печ. по ПкП-1, с. 59. Датируется по СС 3.

465. Ог., 1959, № 50, с. 12. Печ. по СС 3, с. 188.

466. «Москва», 1960, № 1, с. 145; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 190. *Степняк* — степной кулик, кроншнеп.

467. Ог., 1959, № 38, с. 26; Россия-4. Печ. по СС 3, с. 192.

468. Зв., 1959, № 11, с. 5. Печ. по СС 3, с. 194.

469. Ог., 1959, № 50, с. 13. Печ. по СС 3, с. 200.

470. Ог., 1959, № 50, с. 11.

471. Ог., 1959, № 38, с. 26. Печ. по СС 3, с. 205. Варианты для детей — Рдг, ст. 1—9, 14—17, под загл. «Родная Ладога» (аналогично в Рдн-2). *Донник* — медоносное ароматическое растение из семейства бобовых. *Меженец* — северо-восточный ветер. *Шелонник* — см. примеч. 25.

472. Смн, 1959, 9 августа; Окт., 1959, № 8; Россия-4; С 2; ПкП-2. Печ. по СС 3, с. 209.

473. Ог., 1959, № 38, с. 26; Россия-4. Печ. по СС 3, с. 211.

474. Окт., 1959, № 8, с. 24.

475. Окт., 1959, № 8, с. 19. Печ. по СС 3, с. 216.

476. Ог., 1959, № 38, с. 26, ст. 1—23 как самостоятельное стих. и ст. 24—37, тоже как самостоятельное стих. (аналогично в сб. Россия-4, ПкП-1 и С 2); Рдг, ст. 1—23 как самостоятельное стих. под загл. «Рыбацкая династия». Печ. по СС 3, с. 222.

477. «Москва», 1960, № 1, с. 146, под загл. «Убегая за моря...». Печ. по ПкП-1, с. 110. Датируется по СС 3.

478. Зв., 1959, № 11, с. 6. Печ. по СС 3, с. 227.

479. Окт., 1959, № 8, с. 22. Печ. по СС 3, с. 230. *Кобона* — см. примеч. 439. *Гдыня* — Гданьск, польский портовый город.

480. ЛГ, 1959, 25 апреля, без ст. 9—12; Россия-4; С 2; Грсл. Печ. по СС 3, с. 238. *Зыбка* — колыбель, люлька.

481. Зв., 1959, № 11, с. 4; Грсл. Печ. по СС 3, с. 242. *Шуга* — мелкий рыхлый лед.

482. «Москва», 1960, № 1, с. 144, под загл. «Возле речки в тумане...»; ПкП-1; С 2; Грсл. Печ. по ПкП-1, с. 144, так как в СС 3, с. 244 восстановлен этот текст. *Явор* — белый клен.

483. «Москва», 1960, № 1, с. 147; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 246.

484. НС, 1960, № 2, с. 173. Печ. по ПкП-1, с. 149. Датируется по СС 3. *Веснянка* — вероятно, весенняя обрядовая народная песня.

485. Окт., 1959, № 8, с. 25.

486. Окт., 1959, № 8, с. 28. Печ. по ПкП-1, с. 151.

487. Ог., 1959, № 38, с. 27.

488. Зв., 1959, № 11, с. 7. Печ. по ПкП-1, с. 154.

489. «Москва», 1960, № 1, с. 147. Печ. по ПкП-1, с. 204. Датируется по СС 3.

490. Ог., 1959, № 50, с. 11. Печ. по ПкП-1, с. 91. *Мова* (укр.) — язык, речь. *Даль* В. И. (1801—1872) — русский писатель, лексикограф и этнограф; здесь имеется в виду его «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863—1866), содержащий ок. 200 000 слов. *Царь разорил Запорожскую сечь.* Подразумевается указ Петра I (от 26 мая 1709 г.) о ликвидации Запорожской сечи — объединения украинского казачества, имевшего подобие республиканского устройства; указ был вызван тем, что во время Северной войны (1700—1721) часть казачьей старшины вошла в предательский сговор со шведским королем Карлом XII. *Петровский канал.* В прошлом — часть канала им. Петра I от р. Свирь до Невы, близ с. Кобоны; ныне Новоладожский канал. См. также примеч. Прскофьева к стих. № 777 (с. 707).

491. НС, 1960, № 2, с. 174. Печ. по СС 3, с. 264.

492. «Правда», 1959, 31 мая. Печ. по С 2, с. 451.

493. Окт., 1959, № 8, с. 25.

494. НМ, 1959, № 8, с. 83. Печ. по ПкП-1, с. 176.

495. НС, 1960, № 2, с. 173, под загл. «А ты, наверно, помнишь взморье. . .». Печ. по ПкП-1, с. 177. Датируется по СС 3.

496. СР, 1959, 30 августа, под загл. «В родном краю»; НС, 1960, № 2. Печ. по ПкП-1, с. 178.

497. Окт., 1959, № 8, с. 26. Печ. по СС 3, с. 287. *Ей, синице, только море снится* и т. д. Ср. обработанную И. А. Крыловым в басне «Синица» пословицу о синице, которая хотела зажечь море. *Завеи* — вьюги, метель, вихри.

498. Окт., 1959, № 8, с. 28.

499. Ог., 1959, № 50, с. 12. Печ. по СС 3, с. 289.

500. Окт., 1959, № 8, с. 28. Печ. по СС 3, с. 292.

501. Окт., 1959, № 8, с. 25.

502. Окт., 1959, № 8, с. 29. Печ. по СС 3, с. 295.

503. Зв., 1959, № 11, с. 6. Печ. по ПкП-1, с. 197.

504. Зв., 1959, № 11, с. 6. Печ. по СС 3, с. 298.

505. Окт., 1959, № 8, с. 27. Печ. по СС 3, с. 299.

506. «Москва», 1960, № 1, с. 148. Печ. по ПкП-1, с. 202. Датируется по СС 3.

507. «Москва», 1960, № 1, с. 148. Датируется по СС 3.

508. НМ, 1959, № 8, с. 85.

509. Окт., 1959, № 8, с. 15; Россия-4; ПкП-1; С 1. Печ. по СС 3, с. 305. *Паперть* — церковное крыльцо, площадка перед входом в церковь.

510. ЛГ, 1959, 25 апреля. Печ. по ПкП-1, с. 213.

511. Окт., 1959, № 8, с. 15. Печ. по СС 3, с. 308.

512. Окт., 1959, № 8, с. 18; Россия-4. Печ. по ПкП-1, с. 215.

513. ЛП, 1959, 12 сентября; С 2. Печ. по СС 3, с. 310.

514. Окт., 1959, № 8, с. 18. Печ. по ПкП-1, с. 218.

515. Ог., 1959, № 50, с. 11; Избр-4, без загл. Печ. по Россия-6, с. 447. *Дайна* — латышская и литовская народная песня.

516. Ог., 1959, № 50, с. 11. Печ. по СС 3, с. 313.

517. Окт., 1959, № 8, с. 18. Печ. по СС 3, с. 315.

518. ЛГ, 1959, 10 декабря. Печ. по ПкП-1, с. 223. *Тихонов* Николай Семенович (р. 1896) — советский поэт, друг Прокофьева. *Грозный шквал* — Великая Отечественная война. *Ты их железными назвал* — в гл. 1 поэмы Тихонова «Киров с нами» (1942): «В железных ночах Ленинграда». *Друг наш замечательный* — С. М. Киров.

519. ПкП, 1960, с. 225. Печ. по СС 3, с. 318. *Строка кольцовская.* Речь идет об Алексее Васильевиче Кольцове (1809—1842). *Лихач Кудрявич* — А. В. Кольцов, автор «Первой...» и «Второй песни Лихача Кудрявича».

520. «Москва», 1960, № 1, с. 144, под загл. «Люблю, коль день работой начат...»; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 320. *Грохот* — большое решето.

521. Ог., 1959, № 51, с. 13.

522. Зв., 1959, № 11, с. 4.

523. ЛиЖ, 1959, 28 октября. Печ. по СС 3, с. 324. Эпиграф — из русской народной песни.

524. Ог., 1959, № 38, с. 27. Печ. по СС 3, с. 325.

525. Ог., 1959, № 38, с. 27. Печ. по ПкП-1, с. 233. В «Правде», 1961, 2 апреля — под загл. «Будь всегда со мной, мое горенье». Эпиграф — из стих. С. Есенина «Может, поздно, может, слишком ра-

но...» (1925). *Речи точной и нагой* — цитата из стих. Маяковского «Юбилейное» (1924).

526. Ог., 1959, № 38, с. 27; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 328. *Пядь* — старинная мера длины, равна расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. *Кармин* — см. примеч. 431.

527. Зв., 1959, № 11, с. 3; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 330.

528. Зв., 1959, № 11, с. 3; ПкП-1; С 2. Печ. по ПкП-1, с. 239, так как в СС 3, с. 332 восстановлен этот текст. *Богатырка* — см. примеч. 7.

529. Смн, 1959, 9 августа. Печ. по Зв., 1959, № 11, с. 4.

530. Зв., 1959, № 11, с. 3; С 2. Печ. по СС 3, с. 335.

531. Зв., 1959, № 11, с. 7; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 337.

532. Ог., 1959, № 50, с. 13. Печ. по ПкП-1, с. 245.

533. Ог., 1959, № 50, с. 13; Россия-4: ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 340. *«Что потом?»* — подразумевается стих. Е. Евтушенко «Ты спрашивала шепотом...» (Окт., 1959, № 9). *«Я помню чудное мгновенье»* — из стих. А. С. Пушкина «К***» (1825), обращенного к А. П. Керн.

534. Ог., 1959, № 50, с. 13; Россия-4; ПкП-1; Грсл. Печ. по ПкП-1, с. 249, так как в СС 3, с. 342 восстановлен этот текст.

535. Ог., 1959, № 38, с. 27; С 2. Печ. по СС 3, с. 344.

536. Смн, 1959, 9 августа, без эпиграфа, вместе со стих. «Иные так не лезут в драки...» (№ 537) как единое произведение; Ог., 1959, № 38. Печ. по СС 3, с. 346. Эпиграф — из поэмы Маяковского «Хорошо!» (1927). *Владим Владимыч* — В. В. Маяковский.

537. Смн, 1959, 9 августа, в составе стих. «Владимиру Маяковскому» (№ 536); ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 349.

538. ЛГ, 1959, 3 ноября; Россия-4; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 350. *Ермилов* В. В. — см. примеч. 48.

539. ЛГ, 1959, 3 ноября; Россия-4. Печ. по ПкП-1, с. 258. *Расхристанный* — растерзанный, разорванный, развенчанный.

540. ЛиЖ, 1959, 28 октября; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 260.

541. ПкП-1, с. 261. Печ. по СС 3, с. 355.

542. Зв., 1959, № 7, с. 91; ПкП-1; С 2. Печ. по СС 3, с. 356. Это и два следующих стих. отразили впечатления поэта от поездки

в Финляндию, где Прокофьев был вместе с группой ленинградских писателей и работников культуры. В Зв., 1959, № 7 в подборке напечатаны стихи участников поездки; этой публикации предпослано совместное предисловие авторов — Прокофьева, О. Н. Шестинского, Вс. А. Азарова — «Поездка в Финляндию» (с. 90—91).

543. Зв., 1959, № 7, с. 92. *Эйла* — Э. Сирнеле, с которой Прокофьев познакомился в Лахти. В предисловии к публикации (см. примеч. 542) о ней говорится: «Не забудем мы и нашего лахтинского друга, активистку общества «Финляндия — СССР» Эйлу Сирнеле. Эйла, ее муж и мать — коммунисты. Это боевая, пролетарская традиция, идущая от отца Эйлы — красногвардейца».

544. Ог., 1959, № 50, с. 12; ПкП-1. Печ. по СС 3, с. 361.

545. Зв., 1959, № 11, с. 5. Печ. по СС 3, с. 363. *Гданьск* — см. примеч. 479. *Шхеры* — небольшие скалистые острова и группы подводных и надводных скал у берегов, изрезанных фьордами.

546. Альм. «Парус», № 2, Рига, 1961, с. 25; сб. «Тебе, Куба! Стихи», М., 1961. Печ. по СС 3, с. 367. Это и ряд других стих. («Куба — огненное сердце» — СС 3, с. 365—366; «В этот час» — ВЛ, 1961, 18 апреля, и др.) написаны в связи с усилившимся наступлением реакционных кругов США против кубинской революции и, в частности, с попыткой вторжения на Кубу 16 апреля 1961 г. *Вива!* (испанск.) — «Да здравствует!».

547. «Сибирские огни», 1960, № 10, с. 64; ДПМ, 1960; СсД. Печ. по СС 3, с. 372.

548. «Сибирские огни», 1960, № 10, с. 64; ДПМ, 1960; Пдс. Печ. по СС 3, с. 373.

549. «Сибирские огни», 1960, № 10, с. 64. Печ. по Пдс, с. 104.

550. СсД, с. 10. Печ. по СС 3, с. 377.

551. ЛП, 1960, 16 октября, под загл. «Равниной богатырскою» (то же загл. в С 2); «Сибирские огни», 1960, № 10; С 2. Печ. по СсД, с. 12. *Пойма* — см. примеч. 51.

552. «Москва», 1960, № 12, с. 154; С 2. Печ. по СС 3, с. 386. *Бий-Хем* и *Ка-Хем* — реки Большой Енисей и Малый Енисей, которые сливаются у г. Кызыла, образуя р. Енисей. *Ионесси, Улуг-Хем* — различные местные названия Енисея.

553. Зв., 1960, № 12, с. 68. Печ. по Пдс, с. 83. Вариант для детей — Рдг, под загл. «Вот так бывает на картине. . .».

554. ЛиЖ, 1960, 9 сентября. Печ. по СсД, с. 34. Эпиграф — из песни на слова Д. П. Давыдова (1811—1888) «Думы беглеца на Байкале» («Славное море — привольный Байкал. . .»), муз. неизв. автора; ныне бытует в несколько переработанном в начале XX в. варианте. *Зюйдвестка* — непромокаемая накидка, шапка.

555. ЛиЖ, 1960, 2 ноября; С 2. Печ. по СсД, с. 38.

556. ЛиЖ, 1960, 2 ноября; С 1. Печ. по СС 3, с. 396. *Шелонник* — см. примеч. 25.

557. ЛП, 1960, 16 октября, с первым ст. «Не будет равной ей по силе...», вместе со стих. «Равниной богатырскою...», под общим загл. «Сибирские стихи»; С 2, с тем же первым ст. Печ. по СсД, с. 51. Вариант для детей: Рдг, под загл. «В Братске».

558. Зв., 1962, № 10, с. 95; СсД. Печ. и датируется по СС 3, с. 400. *Шумовы* — герои поэмы Прокофьева «Россия» (№ 845). Через пятнадцать лет во время поездки по Сибири (1960) поэт вновь встретился с оставшимися в живых братьями Лукой, Аксентием и Александром Никитичами Шумовыми и их родственниками, проживающими в Тувинской АССР. *Рамена* — плечи. *Погостье* — село в Ленинградской обл. *Шлюшень* — см. примеч. 423. *Мга* — река и поселок в Тосненском районе Ленинградской обл.

559. НМ, 1961, № 7, с. 82; СсД. Печ. по СС 3, с. 404.

560. СсД, с. 26; Грсл. Печ. и датируется по СС 3, с. 406.

561. Изв., 1961, 30 апреля; СсД. Печ. по СС 3, с. 410. *Александровский централ* — одна из каторжных тюрем царской России, находилась в 76 км от Иркутска. Эпиграф — строки одного из вариантов русской народной песни — «Далеко в стране иркутской...» («Александровский централ»). *Туз на спинах* — красный или желтый лоскут, нашивавшийся на одежду осужденных к каторге.

562. Изв., 1961, 30 апреля; СсД. Печ. по СС 3, с. 412. *Черемхово* — город в Иркутской обл. *Святогор* — один из древнейших героев русского народного эпоса, богатырь, обладавший необыкновенной силой, которого не могла носить на себе земля; ему посвящено несколько былин.

563. ЛП, 1961, 27 августа; СсД. Печ. по СС 3, с. 416. *Баргузин* — северо-восточный ветер на Байкале (по одноименному названию горного хребта). *Распадки* — узкие долины.

564. Изв., 1961, 30 апреля. Печ. по СсД, с. 39. *Ольхон* — остров на озере Байкал. *Шалёный* — шальной.

565. НМ, 1961, № 7, с. 82. Печ. по СсД, с. 32. Эпиграф — из стих. О. Ф. Берггольц «Сибиринки» (1959). *Оленька* — Берггольц.

566. Изв., 1962, 24 марта; Зв., 1962, № 10. Печ. и датируется по СС 3, с. 422.

567. Юн., 1961, № 8, с. 15; СсД. Печ. по СС 3, с. 424.

568. Зв., 1962, № 10, с. 99. Печ. по СсД, с. 103. Датируется по СС 3.

569. Зв., 1962, № 10, с. 99; Грсл. Печ. по СсД, с. 105. Датируется по СС 3.

570. Зв., 1962, № 10, с. 99; СсД, Грсл. Печ. и датируется по СС 3, с. 428. *Разрыв-трава* — по народным легендам, цветет в полночь на Иванов день; сказочное зелье. *Купальский день* — день Ивана Купалы (приходится на 24 июня ст. ст.), праздник славянских народов, восходящий к эпохе язычества; по народным преданиям, в ночь на Ивана Купалу цветет папоротник, а земля открывает спрятанные в ней клады.

571—572. Зв., 1962, № 10, с. 100, 98. Печ. и датируется по СС 3, с. 430, 434.

573. ЛиЖ, 1962, 5 января. Печ. и датируется по СС 3, с. 436. *Горюч камень* — образ из русских народных сказок, песен и баллад.

574. Изв., 1961, 29 марта; Грсл. Печ. по СС 3, с. 444. *Сударушка* — см. примеч. 53.

575. Окт., 1961, № 3, с. 85. *Веснянка* — см. примеч. 484.

576. ДН, 1961, № 5, с. 6. Печ. по СсД, с. 127.

577. Окт., 1961, № 3, с. 84. Печ. по СС 3, с. 450.

578. Окт., 1961, № 3, с. 84. Печ. по СсД, с. 77.

579. Окт., 1961, № 3, с. 85; СсД. Печ. по СС 3, с. 459.

580. Зн., 1962, № 3, с. 55. Печ. по СсД, с. 82. Датируется по СС 3.

581. Зн., 1962, № 3, с. 55; СсД. Печ. и датируется по СС 3, с. 466. Эпиграф — из русской народной песни «По Дону гуляет казак молодой. . .». *Чернавка* — смуглянка.

582. МГ, 1961, № 3, с. 93. Печ. по СсД, с. 90.

583. Зв., 1962, № 10, с. 95; ДПЛ, 1962. Печ. по СсД, с. 93. Датируется по СС 3.

584. Юн., 1961, № 8, с. 15. Печ. по СС 3, с. 475.

585. «Правда», 1961, 2 июля; СсД. Печ. по СС 3, с. 478. *Кососвище* — рукоятка косы.

586. «Правда», 1961, 2 июля; СсД. Печ. по СС 3, с. 485.

587. Н, 1961, № 10, с. 7. СсД. Печ. по СС 3, с. 490.

588. Изв., 1961, 16 октября, под загл. «Дорогую землю обнимая»; СсД. Печ. по СС 3, с. 493. *Падь* — глубокий овраг, ущелье.

589. Н, 1961, № 10, с. 6, с подзаг. «Из цикла „Посвящения"». Печ. по СсД, с. 181. *Джон Рид* (1887—1920) — американский журналист и писатель; во время революции был в Советской России и написал книгу «Десять дней, которые потрясли мир», проникнутую глубоким сочувствием к Октябрьской революции и высоко оцененную В. И. Лениным.

590. Зв., 1962, № 11, с. 6; СсД. Печ. и датируется по СС 3, с. 496. *Титов* Герман Степанович (р. 1935) — космонавт-2; 6 августа 1961 г. совершил космический полет на корабле «Восток-2». Поэт писал о Титове также в статье «Будем достойны великой цели» (ЛГ, 1961, 28 ноября), рассказывая о XXII съезде КПСС, делегатом которого был герой-космонавт. *7 ноября 1961 г.*, во время праздничной демонстрации, Г. С. Титов находился на трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

591. СсД, с. 184. Печ. и датируется по СС 3, с. 498. Эпиграф — из стих. А. А. Блока, начинающегося этой строкой и входящего в цикл «На поле Куликовом» (1908).

592. СсД, с. 186. Печ. и датируется по СС 3, с. 500. Эпиграф — из стих. С. Есенина «Гой ты, Русь моя родная...» (1914). *Златоволосый сын России* — Сергей Есенин. *Понизовый* — находящийся в низовьях рек.

593. ЛиЖ, 1961, 10 февраля, вместе с № 594, под общим загл. «Посвящения»; СсД. Печ. по СС 3, с. 502. *Бровка Петрусь* (Петр Устинович, р. 1905) — белорусский поэт, друг Прокофьева. *Криница* — см. примеч. 412.

594. ЛиЖ, 1961, 10 февраля, вместе с № 593, под общим загл. «Посвящения». Печ. по СсД, с. 189. *Малышко* Андрей Самойлович (1912—1970) — украинский поэт, друг Прокофьева.

595. МГ, 1961, № 5, с. 28; СсД. Печ. по СС 3, с. 505. *Разрыв-трава* — см. примеч. 570. *Плакун-трава* — образ русских народных поверий, сказок и песен. *Шуга* — см. примеч. 481. *Куга* — болотная трава.

596. Зв., 1962, № 10, с. 97; СсД. Печ. и датируется по СС 3, с. 503. *Некрасова певали* — неточная цитата из стих. П. Н. Васильева «Стихи в честь Натальи» (1934): «Мы еще Некрасова знавали, Мы еще «Калинушку» певали, Мы еще не начинали жить».

597. Юн., 1961, № 8, с. 16. Печ. по СС 3, с. 533, где ошибочная дата (1962).

598. Юн., 1961, № 8, с. 16; СсД. Печ. по СС 3, с. 534, где ошибочная дата (1962). *Новины* — эпические сказы и песни на темы советской действительности, создавались в 30—40-х годах.

599—600. Ог., 1961, № 52, с. 3; СсД. Печ. по СС 3, с. 540, где ошибочная дата (1962). 1. *Зазимок* — см. примеч. 272. *Шуга* — см.

примеч. 481. **2.** *Все врут календари!* — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Припай* — см. примеч. 272. *Сурьма* — черная краска.

601. ДН, 1961, № 5, с. 6; ДПЛ, 1961; СсД. Печ. по СС 3, с. 510, где ошибочная дата (1962).

602. Зв., 1962, № 10, с. 97; СсД. Печ. по СС 3, с. 512. *Громко... мы обращаемся к потомкам.* Вероятно, подразумевается поэма Р. Рождественского «Письмо в тридцатый век» (1962). *Не мальчикам в забаву* — цитата из поэмы Пушкина «Домик в Коломне».

603—605. ВЛ, 1962, 30 апреля, без № 605, под загл. «Россия»; СсД; Грсл, только № 605. Печ. по СС 3, с. 517. **1.** *Обоянь* — город в Курской обл. *Ключ-трава* — образ русских народных поверий, сказок и песен. *Люб-трава* — см. стих. Прокофьева с таким же загл. (СС 3, с. 462). **3.** *Кемь* — река в Беломорье.

606. Изв., 1962, 24 марта; СсД. Печ. по СС 3, с. 524.

607. Зв., 1962, № 10, с. 95. Печ. по СС 3, с. 525. *Кан* — река в Западной Сибири, в бассейне Енисея.

608. Зв., 1962, № 10, с. 96. Печ. по СС 3, с. 527.

609. Изв., 1962, 24 марта; СсД. Печ. по СС 3, с. 529. *Выборгская, Петроградская стороны* — районы Ленинграда. *Печенга* — см. примеч. 305.

610. Зв., 1962, № 10, с. 96.

611. Зн., 1962, № 7, с. 83; СсД. Печ. по СС 3, с. 536. Эпиграф — из стих. В. М. Саянова «Песня» («Песню партизанью...») (1926).

612. Зв., 1962, № 10, с. 98. Печ. по СС 3, с. 539. *Заметель* — вьюга. *Омет* — сложенная в кучу солома, скирд.

613. КЗ, 1962, 20 октября; ДН, 1962, № 11; ДПЛ, 1962; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 544.

614—615. Ог., 1962, № 41, с. 6. **615.** *Трилистник* — название различных растений с тройчатыми листьями. *Купавы* — см. примеч. 9. *Сон-трава* — образ русских народных поверий, сказок и песен.

616. Ог., 1962, № 41, с. 7. Печ. по СС 3, с. 552.

617—618. Изв., 1962, 20 сентября. Печ. по СС 3, с. 554, 556.

619. ДН, 1962, № 11, с. 4. Печ. по ПСЛ, с. 80. *Межень* — середина лета. *Заснул, как Ной* — имеется в виду библейская легенда о Ное, который, напившись вина, заснул. *Кипрей* — высокая трава с крупными соцветиями.

620. ДН, 1962, № 11, с. 4; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 559.

621. ДН, 1962, № 11, с. 4. Печ. по ПСЛ, с. 90.

622. Ог., 1962, № 41, с. 7.

623. Смн, 1962, 4 ноября. Печ. по ДН, 1962, № 11, с. 3.

624. ДПЛ, 1963, с. 190. Печ. по ПСЛ, с. 96. Датируется по СС 3.

625. Смн, 1962, 4 ноября; ДН, 1962, № 11. Печ. по СС 3, с. 564.

626. ЛГ, 1962, 11 декабря, под загл. «Пускай об этом судят критики. . .»; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 565. *Над «Треугольной грушею»* — имеется в виду «Сорок лирических отступлений из поэмы „Треугольная груша"» А. Вознесенского (1962). *«Шумел камыш»* — русская народная песня. *Назаренко* В. А. (р. 1914) — советский критик. *По Маяковскому Америку Я открывал* — своеобразная ссылка на книгу Маяковского «Мое открытие Америки» (1926).

627. Изв., 1962, 20 сентября; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 567. *Не мандолиня из-под стен* — неточная цитата из поэмы Маяковского «Во весь голос» (1930).

628. Смн, 1962, 4 ноября. Печ. по СС 3, с. 569. *Кросна* — ручной ткацкий станок. *Дайна* — см. примеч. 515.

629. ЛП, 1962, 3 ноября, под загл. «От районных центров до глубинок. . .»; СР, 1963, 1 января, под тем же загл.; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 570.

630. ЛП, 1962, 3 ноября; СР, 1963, 1 января; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 571. *Дайны* — см. примеч. 515.

631. Смн, 1962, 4 ноября, под загл. «Вильнюс»; Окт., 1963, № 11. Печ. по СС 3, с. 572. *Гора Гедимина* — гора в центре города Вильнюса, названа по имени великого князя литовского Гедиминаса (1316—1341).

632. Смн, 1962, 4 ноября, без загл.; Окт., 1963, № 8; ПСЛ. Печ. по СС 3, с. 573. Эпиграф — из стих. А. А. Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали. . .», входящего в цикл «На поле Куликовом» (1908). *Непрядва* — приток Дона.

633. Изв., 1962, 7 ноября, под загл. «Надежда человечества», с эпиграфом из поэмы Маяковского «Хорошо!»; «Пою мое Отечество. . .»; ПСЛ, без загл. (также без загл. в СС 4, Россия-5). Печ. по Звп, с. 7.

634. Смн, 1962, 4 ноября, без загл.; СР, 1963, 1 января, без загл.; Ог., 1963, № 46; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 61, где ошибочная дата (1963).

635. Окт., 1963, № 8, с. 4; ДПЛ, 1963; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 12. *Гора Гедимина* — см. примеч. 631. *Вилия* — река в г. Вильнюсе. *Дайна* — см. примеч. 515.

636. Окт., 1963, № 8, с. 4. Печ. по ПСЛ, с. 60.

637. Окт., 1963, № 8, с. 4.

638. Окт., 1963, № 8, с. 3. Печ. по СС 4, с. 15.

639. Ог., 1963, № 46, с. 24; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 16.

640. ДН, 1963, № 7, с. 36; ДПЛ, 1963. Печ. по СС 4, с. 19.

641. ДПЛ, 1963, с. 7; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 21.

642. Окт., 1963, № 7, с. 3. Печ. по СС 4, с. 22.

643. ЛГ, 1963, 16 ноября; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 24. *Брестская крепость* — крепость-герой, защитники которой вписали одну из славнейших страниц в летопись истории Великой Отечественной войны. *Татарник* — сорное колючее растение с пурпурными цветами.

644. Ог., 1963, № 46, с. 24; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 28. *Ностальгия* — тоска по родине. *Заполье* — дальнее поле, пашня.

645. Ог., 1963, № 5, с. 2 обложки; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 32.

646. Ог., 1963, № 46, с. 24; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 37, с исправлением опечатки в ст. 5 («июней») по автографу. *Кола* — см. примеч. 2.

647—649. Ог., 1963, № 46, с. 24; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 43, 45, 47. **648.** *Яруга* — см. примеч. 461. *Грай* — карканье, гомон птиц. **649.** *Бесстыдницей зовется.* Подразумевается земляничное дерево, сбрасывающее верхний слой коры; культивируется в Крыму и на Кавказе.

650. Окт., 1964, № 5, с. 3. Печ. и датируется по СС 4, с. 53.

651. Н, 1963, № 9, с. 86; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 57.

652. Ог., 1963, № 46, с. 24. Печ. по ПСЛ, с. 114.

653. Изв., 1964, 5 апреля; ПСЛ. Печ. и датируется по СС 4, с. 64. Эпиграф — из поэмы П. Н. Васильева «Песня о гибели казачьего войска» (1928—1930). *Семиречье* — место, где родился и жил П. Н. Васильев (юго-восточная часть Казахской ССР).

654. ДПЛ, 1964, с. 202. Печ. по ПСЛ, с. 91.

655. ЛР, 1964, 7 августа; ДПЛ, 1964; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 69. *Квота* — доля, часть, процент.

656. ДПМ, 1964, с. 12; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 73. *Гай* — лес. *Рясная* — урожайная.

657. ЛР, 1964, 7 августа; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 75. *Шелонь, Мста* — реки в Новгородской обл. *Заполье* — см. примеч. 644.

658. Ог., 1964, № 35, с. 14; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 77. *За Сибиром* (укр.) — «За Сибирью» (примеч. Прокофьева в ПСЛ). Эпиграф — из украинской песни «За Сибiром сонце сходить. . .», авторство которой народное предание приписывает Устину *Кармелюку* (1784—1835), предводителю антикрепостнического крестьянского движения на Украине, сосланному в Сибирь на каторгу; Кармелюку было посвящено много народных песен.

659. Окт., 1964, № 5, с. 3; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 78.

660. Ог., 1965, № 12, с. 6, под загл. «Слова» (то же загл. во всех изд. до Избр-4). Печ. по Избр. 4, с. 152. *Рушник* — полотенце. *Тяжелых дум Аввакумовых.* Имеется в виду протопоп Аввакум (1620—1682) — древнерусский писатель и общественно-религиозный деятель, основатель старообрядчества.

661. Окт., 1964, № 5, с. 4; ПСЛ. Печ. по СС 4, с. 82. *Ярославна* — см. примеч. 174.

662. ЛР, 1964, 7 августа. Печ. по ПСЛ, с. 123. *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь, символ поэтического вдохновения и поэзии.

663. Ог., 1964, № 35, с. 14; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 87. *Аллюр* — см. примеч. 46. *Чепрак* — подстилка под седло поверх потника.

664—670. Ог., 1964, № 35, с. 14; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 88. Эпиграф — из стих. Н. С. Тихонова «Как след весла, от берега ушедший. . .» (1937—1940). **4.** *Веснянка* — см. примеч. 484. **6.** *Семиречье* — см. примеч. 653.

671. ЧТ, с. 15. Печ. и датируется по СС 4, с. 93.

672. Зн., 1964, № 10, с. 90. Печ. по ЧТ, с. 17. *Марево* — призрачное видение, а также туман.

673. ЛР, 1964, 7 августа. Печ. по ЧТ, с. 23. Эпиграф — из русской народной песни.

674. Н, 1965, № 11, с. 6, без загл.; ЧТ. Печ. и датируется по СС 4, с. 105.

675. ЛР, 1964, 7 августа; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 107.

676. Н, 1965, № 11, с. 4. Печ. по ЧТ, с. 41. Датируется по СС 4. *Зимогор* — см. примеч. 154.

677. «Правда», 1964, 1 ноября, под загл. «Плиты Ленинграда». Печ. по ЧТ, с. 48. *На Марсовом* — см. примеч. 62.

678. ЧТ, с. 50. Печ. и датируется по СС 4, с. 119. *Город мой* — Ленинград.

679. «Правда», 1964, 1 ноября. Печ. по ЧТ, с. 53.

680. «Правда», 1964, 1 ноября; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 123. *Песня о лучине* — русская народная песня «Лучина, лучинушка березовая!..» («Лучинушка») или песня на слова Н. А. Панова «Лучинушка». *«Варяг»* — песня на слова Я. Репнинского, муз. Ф. Богородицкого. *Про Трансвааль* — песенка времен англо-бурской войны 1899—1902 гг. «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне!..». Трансвааль (Южная Африка) — страна буров.

681—682. «Правда», 1964, 1 и 22 ноября. Печ. по ЧТ, с. 57, 61. **682.** *Вапнярка* — городок на Украине.

683—685. Окт., 1965, № 1, с. 53, 54. Печ. по ЧТ, с. 77, 81, 82. **683.** *Шипка* — перевал через Центральные Балканы в Болгарии; известен упорной героической обороной его русскими войсками и болгарскими ополченцами во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. *Кипень* — белая пена. **684.** *Плевна* (Плевен) — город в Болгарии; известен победой русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. *Завеи* — см. примеч. 497.

686. Ог., 1964, № 35, с. 14; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 143.

687. Окт., 1965, № 1, с. 56; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 144. *Наташа и Дмитрий Методиевы* — болгарские друзья Прокофьева. *Березуга* — березовая роща.

688. Окт., 1965, № 1, с. 57. Печ. по ЧТ, с. 93.

689. Юн., 1964, № 11, с. 4; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 148. *Сясь* — река, впадающая в Ладожское озеро. *Оять* — см. примеч. 25. *Минорка* — гармоника. *Бахарь* — см. примеч. 16. *Новая Ладога* — город в Волховском районе Ленинградской обл. *Валаам* — остров на Ладожском озере. *Межень* — см. примеч. 619.

690—695. Юн., 1964, № 11, с. 5—6; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 153. **1.** *Зарницы* — см. примеч. 13. *Тулома* — см. примеч. 294. **3.** Эпиграф — из стих. Прокофьева «Незнакомка» (№ 14). *Средь сосен моих стозвонных* — образ из произведений Н. А. Клюева, см. примеч. 50. *Стригун* — годовалый жеребенок. **4.** *Слово, подтяни подпруги!* — перефразировка ст. 6 пятого отрывка из второго (неоконченного) вступления к поэме Маяковского «Во весь голос» («Но слово мчится, подтянув подпруги»). *Вяйнямейнен* и *Ильмаринен* — персонажи карело-финского народного эпоса «Калевала». *Руна* — см. примеч. 310.

696. Юн., 1964, № 11, с. 5. Печ. по ЧТ, с. 109. В Рдг — без посвящ. *Мышев* М. К. — кижский знакомый поэта. *Мастер Нестер* — имеется в виду легенда о мастере Несторе, который, создав 22-главый деревянный собор в Кижах, забросил свой топор в озеро в знак того, что ничего лучшего ему создать невозможно.

697. Изв., 1965, 11 марта; ЧТ. Печ. и датируется по СС 4, с. 159. *Олонец* — см. примеч. 4. *Погост* — см. примеч. 53. *Тризна* — поминки по умершем, сопровождавшиеся трапезой.

698. Юн., 1964, № 11, с. 4. Печ. по ЧТ, с. 121. В СС 4 ошибочная дата (1965).

699—700. «Правда», 1964, 22 ноября; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 186, где ошибочная дата (1965). **699.** *Туймазинская нефть* — нефтепромыслы в районе города Туймазы в Башкирской АССР. *МАЗ* — марка грузового автомобиля.

701. Ог., 1964, № 35, с. 14; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 195, где ошибочная дата (1965). *Васильев* Павел Николаевич (1910—1937) — советский поэт.

702. Ог., 1964, № 35, с. 14; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 199, где ошибочная дата (1965).

703. Изв., 1964, 27 июня. Печ. по ПсП, с. 113. *Заполье* — см. примеч. 644.

704. ЧТ, с. 34. Печ. и датируется по СС 4, с. 169. *Подблюдная песня* — см. примеч. 423.

705. ЛГ, 1965, 23 февраля; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 173. Эпиграф — из стих. Н. Н. Асеева «Гастев» (1922), посвященного поэту А. К. Гастеву (1882—1941). *Кузнецов* Николай (1904—1924) — рабочий поэт начала 20-х годов.

706. ДН, 1965, № 5, с. 46; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 175. *Сольцы* — город в Новгородской обл. *Блицкриг* (нем.) — молниеносная война.

707. Зв., 1965, № 5, с. 4; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 178. *Кировский мост* — мост через Неву в Ленинграде. *Ростры* — Ростральные колонны на Пушкинской площади в Ленинграде. *Петроградская, Выборгская стороны* — районы Ленинграда. *На Марсовом* — см. примеч. 62.

708. Зв., 1965, № 5, с. 3. Печ. по ЧТ, с. 71. Эпиграф — из стих. В. А. Луговского «Песня о ветре» (1926). *Явор* — белый клен.

709. ЧТ, с. 123. Печ. и датируется по СС 4, с. 185.

710. Н, 1965, № 11, с. 7; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 188.

711. ЧТ, с. 131. Печ. и датируется по СС 4, с. 190. Написано в связи с обсуждением проекта новой орфографии, вызвавшего немало критических замечаний. *Городошный кон* — очерченное место, в пределах которого расставляются городки. *Рюха* — обрубок дерева для игры в городки.

712. ЧТ, с. 139. Печ. и датируется по СС 4, с. 193. *Рыльский* Максим Фадеевич (1895—1964) — украинский советский поэт, друг

Прокофьева. *Канев* — город в Черкасской обл. УССР, где находится могила Т. Г. Шевченко. *Тарас* — Т. Г. Шевченко.

713. ЛГ, 1965, 27 марта; ЧТ. Печ. по СС 4, с. 197. *Корнилов* Борис Петрович (1907—1938) — советский поэт. Эпиграф — из стих. Б. Корнилова «Усталость тихая, вечерняя...» (1925). *Семеново* — город Семенов в Горьковской обл., родина Б. Корнилова.

714. ЧТ, с. 135. Печ. и датируется по СС 4, с. 200. *Олонка* — см. примеч. 4. *Твердь* — небо.

*** 715—716.** Цикл образован в ПсП, до этого (а также в Избр-4) № 715 печатался самостоятельно. **1.** Изв., 1965, 6 ноября; Зв., 1965, № 11, без ст. 1—32; Прст, без ст. 1—32; ПсП; Бсм; Избр-4; Втк. Печ. по Россия-6, с. 131. *Шторм* Георгий Петрович (р. 1898) — советский писатель и историк литературы. *Кола* — см. примеч. 2. *Заполье* — см. примеч. 644. **2.** ПсП, с. 13; Бсм; Втк. Печ. по Россия-6, с. 133. *Мга* — см. примеч. 558. *Герои Мадрида* — имеется в виду гражданская война в Испании (1936—1939). *Уэск* и *Барселона* — города в Испании.

717. ЛГ, 1965, 27 ноября; Втк. Печ. по Россия-6, с. 410. *Константиново* — село в Рязанской обл., родина Сергея Есенина. *Есенино* — неофициальное наименование села Константиново. *Пойма* — см. примеч. 51.

718. Н, 1965, № 11, с. 3; ПсП; Избр-4, под загл. «Под небом бирюзовым...». Печ. по Россия-6, с. 413. Эпиграф — неточная цитата из «Октоиха» (1917) С. Есенина.

719. «Правда», 1965, 5 декабря; ПсП. Печ. по Втк, с. 12. *Под ноль* — наголо.

720. Н, 1965, № 11, с. 4. Печ. по ПсП, с. 63.

721. Зв., 1965, № 11, с. 3.

722. Зв., 1965, № 11, с. 4; ПсП; Бсм. Печ. по Россия-6, с. 33.

723. Зв., 1965, № 11, с. 5. Печ. по Бсм, с. 131.

724. Зв., 1965, № 11, с. 3. Печ. по Втк, с. 21. *Оять* — см. примеч. 25. *Пашский перевоз* — через реку Паша в бассейне Ладожского озера.

725. Н, 1965, № 11, с. 4. Печ. по ПсП, с. 144.

726. «Правда», 1965, 5 декабря; ДПЛ, 1968, без загл. Печ. по Избр-4, с. 446. *Шалун чернилами уже испачкал пальчик* и т. д. — реминисценция из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. *Рифма корневая* — характерная для некоторых молодых поэтов 50—60-х годов акустическая рифма, в которой созвучен общий звуковой «контур», «пунктир» слов, а не их окончания («асфальту — свадьбу», «разруха — рассудка», «паяц — боярь» и т. п.); см. также стих. Прокофьева

«О корневой рифме» (ВЛ, 1963, 22 мая). *Пегас* — см. примеч. 662. *Саврас* — саврасая (т. е. рыжая с черными гривой и хвостом) лошадь.

727. Изв., 1966, 3 ноября; ПсП, без загл., в качестве эпиграфа ко всему сб-ку. Печ. по Избр-4, с. 371.

728. Н, 1966, № 10, с. 3. Печ. по Избр-4, с. 169. *Чернотал, краснотал* — см. примеч. 333.

729. «Правда», 1966, 8 мая (др. ред.), под загл. «Солдаты» (те же ред. и загл. в Прст, Прзн, ДПЛ, 1968, ПсП, Бсм, Избр-4); Прст; ДПЛ, 1968; ПсП; Избр-4; СР, 1970, 5 ноября, без загл.; Втк, без загл. Печ. по Звн, с. 13.

730. Изв., 1966, 27 февраля; Зв., 1968, № 9. Печ. по Россия-6, с. 114.

731—732. Прст, с. 103; ПсП; Избр-4, под загл. «Тихим вечером». Печ. по Россия-6, с. 415. Датируется с учетом времени сдачи в производство сб-ка Прст (октябрь 1966 г.). Эпиграф — из стих. С. Есенина «Запели тесаные дроги...» (1916). **2.** *Вепрь* — кабан.

733. ЛР, 1966, 29 апреля; ЛГ, 1966, 5 июля. Печ. по Прст, с. 105.

734. ЛР, 1966, 29 апреля. Печ. по ПсП, с. 22.

735—744. Цикл окончательно сформирован в Зв., 1966, № 11; первоначально (в газ. «Боевая вахта», 1966, 7 ноября) в него входили только 1-е, 3-е и 7-е стих. В ряде последующих сб-ков 3-е, 5-е, 6-е и 7-е стих. публиковались самостоятельно, вне цикла, который после сб. ПсП больше не воспроизводился. **1.** «Боевая вахта» (орган Краснознаменного Тихоокеанского флота), 1966, 7 ноября; Зв., 1966, № 11. Печ. по ПсП, с. 49. *Золотую свадьбу России* — 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. **2.** Зв., 1966, № 11, с. 3. Печ. по ПсП, с. 50. *Переорана* — перепахана (от орать — пахать). **3.** «Боевая вахта», 1966, 7 ноября; Зв., 1966, № 11; ПсП; Избр-4. Печ. по Втк, с. 28. **4.** Зв., 1966, № 11, с. 4. Печ. по ПсП, с. 52. **5.** «Боевая вахта», 1966, 7 ноября; Зв., 1966, № 11; Избр-4, под загл. «Вот проходят...», без ст. 23—32. Печ. по ПсП, с. 53. *Богатырка* — см. примеч. 7. **6.** Зв., 1966, № 11, с. 5; Избр-4, под загл. «В девятнадцатом — в год распашной, молодой...»; Втк, под тем же загл. Печ. по ПсП, с. 54. **7.** «Боевая вахта», 1966, 7 ноября; Зв., 1966, № 11; ПсП; Избр-4. Печ. по Бсм, с. 17. *Понизовый* — см. примеч. 592. **8.** Зв., 1966, № 11, с. 5. Печ. по ПсП, с. 56. *Горючий камень* — см. примеч. 573. **9.** Зв., 1966, № 11, с. 6. Печ. по ПсП, с. 57. *«Яблочко»* — см. примеч. 7. **10.** Зв., 1966, № 11, с. 6. Печ. по ПсП, с. 58. *Сабли злотоустской* — из стали г. Златоуста.

745—747. ЛР, 1966, 4 ноября, 25 марта и 29 апреля. Печ. по ПсП, с. 60, 61, 68.

748. «Правда», 1966, 17 апреля. Печ. по ПсП, с. 103. *Жалейка* — крестьянский музыкальный инструмент из коровьего рога; дудка из тростника. *Купно* — вместе.

749. Изв., 1966, 3 ноября. Печ. по ПсП, с. 128. *Дорога жизни* — ледовая дорога через Ладожское озеро, проложенная во время блокады Ленинграда (1941—1943); см. также примеч. Прокофьева к стих. «Черниговское поле в Кобоне» (№ 777). *Понизовый* — см. примеч. 592. *Треста* — см. примеч. 11.

750. Изв., 1966, 3 ноября; ДПЛ, 1968. Печ. по ПсП, с. 131. *Валаам* — см. примеч. 689.

751. ЛР, 1966, 29 апреля. Печ. по ПсП, с. 134. *Смердов* Александр Иванович (р. 1910) — советский поэт. *Смерд* — в Древней Руси — крестьянин-земледелец; впоследствии — презрительная кличка крестьян и вообще лиц из простонародной среды. *Ложкарь* — кустарь, вырезающий деревянные ложки. *Платил с души... с дыма* — о старинном способе налогообложения: с души — подушная подать, с дыма — т. е. с печи, с дома.

752. ЛП, 1966, 27 ноября; Н, 1967, № 10, Печ. по Избр-4, с. 310. *Заплачка* — см. примеч. 151.

753. «Детская литература», 1966, № 5, с. 9. Печ. по ПсП, с. 142.

754. Зв., 1966, № 11, с. 7. Печ. по ПсП, с. 179. Эпиграф — из стих. А. А. Блока «Поэты» (1908). *«Зверобой»* — здесь: водочная настойка. *Гобой* — духовой деревянный музыкальный инструмент. *Нимб* — сияние в виде кружка вокруг головы на иконах.

755. Зв., 1967, № 5, с. 89. Печ. по ПсП, с. 16. *О рифме корневой* — см. примеч. 726. *Премия Софронова* — вероятно, ежегодная премия журн. «Огонек». Софронов А. В. (р. 1911) — советский поэт и драматург, главный редактор журн. «Огонек».

* **756.** Ог., 1967, № 46, с. 8; ПсП; НСР, 1969, 5 декабря; Избр-4. Печ. по Бсм, с. 108.

757. «Учительская газета», 1967, 17 октября; Н, 1967, № 10. Печ. по ПсП, с. 72.

758. Ог., 1967, № 42, с. 1; ПсП. Печ. по Втк, с. 6.

759. Зв., 1967, № 11, с. 48. Печ. по Втк, с. 9. *В Норвегах* — в Норвегии. *Киркенес* — город в Норвегии.

760. Окт., 1967, № 11, с. 159. *Погост* — см. примеч. 53.

761. Зв., 1967, № 5, с. 89. Печ. по ПсП, с. 185.

762. Зв., 1967, № 11, с. 49.

763. Зв., 1967, № 5, с. 88, под загл. «На Ладоге». Печ. по ПсП, с. 132. *Бедолага* — неудачник, горемыка.

764. КЗ, 1968, 21 февраля; Бсм; Избр-4; ПсП. Печ. по Втк, с. 22.

765. ПсП, с. 43; Избр-4. Печ. по Россия-6, с. 13. Датируется с учетом времени сдачи в набор сб-ка ПсП (14 января 1969 г.).

766. ПсП, с. 46; Избр-4, без загл. Печ. по Россия-6, с. 51. Датируется с учетом времени сдачи в набор сб-ка ПсП. *По-пинежски* — от названия реки Пинеги (приток Северной Двины). *По-олонецки.* Олония — см. примеч. 14.

767. СР, 1969, 5 декабря, под загл. «Мой долг». Печ. по ПсП, с. 47.

768—769. ПсП, с. 65, 93. Печ. по Избр-4, с. 90, 221. Датируется с учетом времени сдачи в набор сб-ка ПсП.

770. ПсП, с. 120; Бсм. Печ. по Россия-6, с. 40. Датируется с учетом времени сдачи в набор сб-ка ПсП. *Кобона* — см. примеч. 439.

771. Изв., 1968, 3 августа; Зв., 1968, № 9. Печ. по Звн, с. 25. *Большая Пушкарская* — улица в Ленинграде. *Фузея* — длинное старинное кремневое ружье.

772. Изв., 1968, 3 августа; Зв., 1968, № 9. Печ. по Звн, с. 32. *Четвертая линия* — улица в Ленинграде на Васильевском острове.

773. «Правда», 1969, 5 января; ДПЛ, 1969. Печ. по Звн, с. 39. *Генерал Лукач* — под этим именем был известен героически погибший в Испании во время освободительной войны 1936—1939 гг. командир 12-й Интернациональной бригады Мате Залка (1896—1937) — венгерский писатель, участник гражданской войны в СССР, в 1920 г. вступивший в Коммунистическую партию. *Уэск* — город в Испании. *Лорка* Ф. Г. (1898—1936) — испанский поэт и драматург, расстрелян франкистами в *Гренаде. Жалейка* — см. примеч. 748. *Матейка* — Мате Залка. *Кордова* — город и провинция в Испании.

774. «Правда», 1969, 5 января. Печ. по Звн., с. 48.

775. Зв., 1968, № 9, с. 19. Печ. по Звн, с. 52. *Фейерверкер* — унтер-офицер артиллерии.

776. Зв., 1968, № 9, с. 20. Печ. по Звн, с. 63. Эпиграф — первая строка стих. С. Есенина «Сыплет черемуха снегом...» (1910).

777. «Правда», 1969, 8 ноября; «Аврора», 1970, № 1, без примеч.; ДН, 1970, № 1; ДПЛ, 1970; Звн. Печ. по Россия-6, с. 482.

778. ДН, 1970, № 1, с. 6; альм. «Поэзия», № 3, 1970; Звн. Печ. по Россия-6, с. 483.

779. ДН, 1970, № 1, с. 6; Звн. Печ. по Россия-6, с. 441. Эпиграф — из поэмы П. Н. Васильева «Соляной бунт» (1932—1933), *Досюльняя* — прежняя, старинная. *Минорка* — см. примеч. 689. *Егорье* — православный праздник Егорьев (Юрьев) день, по старому стилю приходился на 23 апреля (весенний) и 26 ноября (осенний).

780. ЛР, 1970, 6 февраля, под загл. «Ладожане». Печ. по Звн, с. 79. *По-спасовски.* Вероятно, имеются в виду спасовцы (нетовцы), члены одной из сект старообрядческого течения беспоповщины, которая возникла в конце XVII в. в глухих Керженских лесах. *Мста* — см. примеч. 657. *Лепота* — красота, благообразие. *Некрута* — см. примеч. 16.

781. «Правда», 1969, 8 ноября, под загл. «Сиянье»; ДН, 1970, № 1, под загл. «Стихи о Ленинграде»; ДПЛ, 1970. Печ. по Звн, с. 21.

782. ДН, 1970, № 1, с. 4; Зв., 1970, № 12; ДПЛ, 1970. Печ. по Звн, с. 27. *Мытня* — Мытнинская набережная в Ленинграде. *Мост старый Биржевой* — ныне мост Строителей.

783. ЛР, 1970, 1 мая. Печ. по Звн, с. 33. *Поклонная гора* — местность на бывшей окраине Ленинграда. *Воронья* — гора у поселка Можайский (ныне Красносельский район г. Ленинграда). *Круглая роща* — один из бывших оборонительных пунктов близ Ленинграда.

784. «Аврора», 1970, № 1, с. 72; ДПЛ, 1970. Печ. по Звн, с. 47.

785. Изв., 1969, 11 января; «Правда», 1970, 3 мая; ДПЛ, 1971. Печ. по Звн, с. 67. *Треста* — см. примеч. 11. *Оять* — см. примеч. 25.

786. ЛР, 1969, 13 июня; Бсм; Звн, под загл. «Звездослава». Печ. по Россия-6, с. 154. *Валя* — первая в мире женщина-космонавт, Герой Советского Союза Валентина Ивановна Терешкова (Николаева-Терешкова).

787. Изв., 1969, 11 января, под загл. «Мне по нраву имя это»; ДПЛ, 1969, под тем же загл.; альм. «Поэзия», № 5, 1971; ВПР. Печ. по Звн, с. 71. Эпиграф — из фольклорно-этнографических записок Н. В. Гоголя.

788. Н, 1970, № 12, с. 3; альм. «Поэзия», № 5, 1971; ВПР, без ст. 6, 34. Печ. по Звн, с. 8.

789. ЛР, 1970, 4 декабря. Печ. по Звн, с. 20.

790. «Правда», 1970, 3 мая; Звн. Печ. по Россия-6, с. 481. Эпиграф — из «второй песни» поэмы Н. Н. Асеева «Электриада» (1924). *Гавр, Манчестер, Загреб* — города во Франции, Англии и Югославии, являющиеся по отношению к Ленинграду городами-побратимами.

791. ЛР, 1970, 4 декабря. Печ. по Звн, с. 41. *«Опять над полем Куликовым. . .»* и т. д. — об источнике цитаты см. примеч. 591. Ку-

ликово поле — место битвы между войском золотоордынского хана Мамая и ратью московского великого князя Дмитрия Ивановича (Дмитрия Донского), закончившейся решительной победой русских и сыгравшей важную роль в освобождении Руси от татарского ига (8 сентября 1380 г.).

792. Н, 1970, № 12, с. 6. Печ. по Звн, с. 43.

793. ЛР, 1970, 4 декабря. Печ. по Звн, с. 46. *Кудель* — вычесанный для пряжи кусок льна, пеньки; здесь — паутина.

794. СР, 1970, 5 ноября, без загл. Печ. по Звн, с. 56.

795. «Правда», 1970, 23 августа. Печ. по Звн, с. 69.

796. «Правда», моск. вып., 1970, 20 февраля; «Правда», периферийный вып., 1970, 20 февраля, под загл. «Армия побед»; Н, 1970, № 12. Печ. по Звн, с. 17.

797. ЛР, 1970, 6 февраля. Печ. по Звн, с. 75. *Мережа* — см. примеч. 5. *Заплачка* — см. примеч. 151.

798. Н, 1970, № 12, с. 5; Зв., 1970, № 12. Печ. по Звн, с. 81.

799. МГ, 1970, № 8, с. 4. Печ. по Звн, с. 11. *Заграяли* — от грай, см. примеч. 648.

800. ДПЛ, 1971, с. 269; Звн. Печ. по Россия-6, с. 484. *Краснотал, чернотал* — см. примеч. 333. *Райна* — см. примеч. 21.

801. Звн, с. 30. *Вёдро* — теплая, ясная, сухая погода.

802. Россия-5, с. 333, без загл., с датой: 1964; ДПЛ, 1971. Печ. по Звн, с. 61. *Сортазала* — город на Кольском полуострове в Карельской АССР у Ладожского озера. *Киноварь* — см. примеч. 375.

803. Звн, с. 62. *Олония* — см. примеч. 14.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

804. Н, 1972, № 12, с. 174.

805. «Новоладожская коммуна», 1919, 13 июля. Автограф под загл. «Читайте газету». Одно из самых ранних опубликованных произведений Прокофьева, активно сотрудничавшего в 1919—1921 гг. в «Новоладожской коммуне», где, по подсчетам Б. А. Кежуна, за это время было напечатано более 30 стих. поэта (см.: Бронислав Кежун, Ранние стихи Александра Прокофьева. — Н, 1972, № 12, с. 174—179).

806. «Новоладожская коммуна», 1919, 8 октября. *Александр, сибирский «круль»* — А. В. Колчак (1873—1920), адмирал, установив-

ший в 1918 г. военную диктатуру в Сибири и объявивший себя «верховным правителем» России. Круль (польск.) — король. *Скоро Колчака Головка будет сломлена.* 14 июля 1919 г. Красная Армия нанесла мощный удар по белогвардейской армии Колчака и вошла в Екатеринбург; прогноз поэта вскоре оправдался: 7 июня 1920 г. Колчак был расстрелян в Иркутске.

807. «Новоладожская коммуна», 1920, 14 апреля. «Речь в стихотворении идет о местном попе, жителе Кобоны — Иване Тимохине. Когда номер газеты со стихами пришел из Новой Ладоги в Кобону, И. Тимохин пожаловался матери Александра Андреевича, Анне Степановне Прокофьевой:

— Что же это ваш сын — отрок Александр? Я ему ничего плохого не желаю, учил его в школе закону божьему, а он ославил меня на весь мир!» (Б. Кежун, О ранних стихах поэта. — ДПЛ, 1972, с. 382).

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

808. Р, 1938, с. 3 обложки; ВС; Ст-6; ШКС. Печ. по СС 4, с. 208.

809. ВС, с. 15; Ст-5, с датой: 1939; Ст-6, с датой: 1939. Печ. по СС 4, с. 203, где дата: 1938. *Донник* — см. примеч. 471.

810. ВС, с. 1; отдельное изд.: Ростов н/Д, 1939; Ст-5, с датой: 1939 (та же дата в Ст-6 и Ст-7). Печ. по СС 4, с. 205, где дата: 1939.

811. ВС, с. 11; «Чиж», 1940, № 2, под загл. «Комар-Комарович»; Ст-5; Ст-6; Ст-7; ШКС. Печ. по СС 4, с. 210.

812. ВС, с. 5, под загл. «Плясовая»; Ст-5, без загл. (также без загл. в Ст-6 и Ст-7); ХМ; ЗВ. Печ. по СС 4, с. 213.

813. Сб. «Звездочка», кн. 2, М.—Л., 1954, с. 72; ШКС; С 2. Печ. по СС 4, с. 216, где ошибочная дата (1955).

814. Сб. «Звездочка», кн. 2, М.—Л., 1954, с. 73; Ст-7, с датой: 1954 (та же дата в Соч-2). Печ. по СС 4, с. 219, где ошибочная дата (1955).

815. Ст-7, с. 272, с датой: 1954 (та же дата в Соч-2). Печ. по СС 4, с. 239, где ошибочная дата (1958).

816. Ст-7, с. 273, с датой: 1954 (та же дата в Соч-2); ДВ. Печ. по Соч-2, с. 272. В СС 4 ошибочная дата (1955).

817. ДВ, с. 5; Соч-2, с датой: 1956. Печ. по ХМ, с. 25. Датируется по СС 4

818. Соч-2, с. 284, с датой: 1956. Печ. по СС 4, с. 220. Положено на муз. Н. Леви.

819. ДВ, с. 9. Печ. по Соч-2, с. 279.

820. ШКС, с. 8; Соч-2, с датой: 1956. Печ. по ШП, с. 8. Датируется по СС 4. Положено на муз. Н. Леви.

821. ШКС, с. 20; Соч-2, с датой: 1954; ШП, без ст. 8—13; ХМ, без ст. 8—13. Печ. по СС 4, с. 240, с исправлением ошибочной даты (1958) по ШКС. Положено на муз. Н. Леви.

822. Соч-2, с. 289, под загл. «Перед отлетом», с датой: 1956; СН, под тем же загл.; ХМ. Печ. по СС 4, с. 235, с исправлением ошибочной даты (1958) по Соч-2.

823. Соч-2, с. 288, с датой: 1956. Печ. по СС 4, с. 228, с исправлением ошибочной даты (1958) по Соч-2. Положено на муз. Н. Леви.

824. Соч-2, с. 287, с датой: 1956, под загл. «Дятел»; СН, под загл. «Дятел»; ХМ, под загл. «Дятел». Печ. по СС 4, с. 233, с исправлением ошибочной даты (1958) по Соч-2.

825. Соч-2, с. 292, с датой: 1956. Печ. по СС 4, с. 234, с исправлением ошибочной даты (1958) по Соч-2. Положено на муз. Н. Леви.

826. Соч-2, с. 290, под загл. «Белка», с датой: 1956; СН, под загл. «Белка»; ХМ. Печ. по СС 4, с. 236, с исправлением ошибочной даты (1958) по Соч-2. Положено на муз. Н. Леви («Кто живет в дупле? ..»).

827. Соч-2, с. 291, с датой: 1956; СН. Печ. по ХМ, с. 43. В СС 4 дата: 1958; датируется по Соч-2.

828. ХМ, с. 78; Рдг. Печ. по Рдн-2, с. 30.

829. ЛиЖ, 1960, 26 февраля. Печ. по ХМ, с. 12; датируется по СС 4. Положено на муз. Н. Пирковским.

830. «Сельская жизнь», 1960, 11 июня; ХМ; ЗВ. Печ. по СС 4, с. 229.

831. «Сельская жизнь», 1960, 11 июня. Печ. по СС 4, с. 230. Положено на муз. Н. Пирковским.

* 832. ЛиЖ, 1958, 9 июля; ПкП-1; ХМ, под загл. «Утром». Печ. по ПкП-1, с. 277, так как в СС 4, с. 241 восстановлен этот текст. В СС 4 ошибочная дата (1959).

833. ЛиЖ, 1958, 9 июля; ГГ; ПкП-1; ХМ. Печ. по ПкП-1, с. 279, так как в СС 4, с. 243 восстановлен этот текст. В СС 4 ошибочная дата (1959).

834. ЛиЖ, 1958, 9 июля; ПкП-1; ХМ, под загл. «Доброй ночи, Галинка!». Печ. по ПкП-1, с. 283, так как в СС 4, с. 247 восстановлен этот текст. В СС 4 ошибочная дата (1959).

835. ЛиЖ, 1958, 9 июля. Печ. по ГГ, с. 13. В СС 4 ошибочная дата (1959).

836. ПкП-1, с. 278; ХМ, под загл. «Подснежник». Печ. по СС 4, с. 242.

837. ГГ, с. 4; ПкП-6; ХМ. Печ. по СС 4, с. 244.

838. ГГ, с. 6; ПкП-1; ХМ, под загл. «Золотое солнышко». Печ. по СС 4, с. 245.

839. ГГ, с 10. Печ. по ПкП-1, с. 282; датируется по СС 4.

840. ШП, с. 10; ХМ. Печ. по СС 4, с. 249.

841. ШП, с. 2. Печ. по СС 4, с. 250.

842. ДПЛ, 1964, с. 201. Печ. по СС 4, с. 263.

843. ДПЛ, 1965, с. 223. Печ. по СС 4, с. 266.

844. Зв., 1970, № 12, с. 68. Печ. по Звн, с. 91.

ПОЭМЫ

845. Первоначально печаталась в отрывках: ОВ, 1943, 23 мая (ст. 289—312); ЛП, 1943, 22 июня (ст. 1—28); Зв., 1943, № 5-6 (ст. 29—64, 333—364, 675—702, 731—746, 767—803); ЛП, 1943, 12 декабря (ст. 109—288, 365—396, 450—476, 703—730); КЗ, 1943, 22 декабря (ст. 844—875); Зв., 1944, № 4 (ст. 65—108, 591—674); ЛП, 1944, 1 мая (ст. 313—332); НСР, 1944, 21 мая (ст. 397—449); НСР, 1944, 22 мая (ст. 477—550); НСР, 1944, 3 июня (ст. 551—590); Л, 1944, № 9, (ст. 804—843); Л., 1944, № 10-11 (ст. 747—766); «Северная вахта», 1944, 7 июля (ст. 876—899). Полностью — отдельные издания: Л., 1944 и М., 1946; Пр.; Россия-2; Россия-3; сб-к «Поэмы о Ленинграде», Л., 1947; Избр-2; Ст-5; Ст-6; Ст-7; Соч-1; СиП; сб. «Подвиг Ленинграда», М., 1960; С 1; Избр-3, ст. 1—28. Печ. по СС 2, с. 91. В ряде сб-ков печатались отрывки из поэмы как самостоятельные произведения: в Избр-4 — ст. 65—84 (под загл. «Летит заря, за ней белее снега...»), ст. 109—126 (под загл «Люблю березу русскую...»), ст. 127—158 (под загл. «Знаешь, если сказка с песней...»), ст. 159—197 (под загл. «По дороге по прямой...»), ст. 198—219 (под загл. «Снежки пали, снежки пали...»), ст. 289—312 (под загл. «Наша Родина — Россия...»), ст. 333—348 (под загл. «К нам в края вернулся сизый сокол...»), ст. 1—28 (под загл. «Сколько звезд голубых...»), ст. 767—803 (под загл. «Земля, постель солдатская...»), ст. 41—64 (под загл. «Край родной, весну твою...»); в ВРК, Рдг, ХМ, Рдн-1 и Рдн-2 — ст. 109—120 и 125—126 (под загл. «Березка»), в ВРК — ст. 159—197 (под загл. «По дороге, по прямой»), ст. 198—219 (под загл. «Первый снег»), в Рдг — ст. 333—348 (под загл. «Над Россией солнце не заходит»), в Пр. — ст. 313—332 (под загл. «Веди, непобедимая!»).

В декабре 1960 г. в выступлении по ленинградскому радио, говоря о возникновении замысла поэмы, поэт вспоминал, как он од-

нажды шел по одному из участков фронта и вдруг, в короткую минуту затишья, услышал пение соловья. «Как будто и войны нет. Как будто и не свистели только что осколки возле веток, на которых они сидели. Растрогали они меня. Я и записал несколько строчек себе в блокнот. Потом еще что-то приписал... А потом уж, тут же, на Волховском фронте, неподалеку от моей родной деревни, и братьев Шумовых встретил» (СС 2, с. 510—511). Реальные факты биографии героически сражавшихся под Ленинградом шести братьев-добровольцев — Ивана, Василия, Семена, Луки, Аксентия и Александра Шумовых, с которыми Прокофьев встречался 23—25 мая 1943 г. (см. военный дневник находившегося тогда вместе с ним писателя П. К. Лукницкого «На берегах Невы», М., 1951, с. 151—152), и легли в основу поэмы, самый замысел которой возник у поэта и отчасти начал реализовываться еще до встречи с Шумовыми (первый отрывок из поэмы опубликован 23 мая 1943 г., т. е. в день встречи с братьями-героями). О встрече поэта с Шумовыми см. также его автобиографию (с. 77 наст. изд.).

О точности документальной основы поэмы см. в кн. В. Бахтина «Александр Прокофьев. Критико-биографический очерк», М.—Л., 1963, с. 144—152. О минометном расчете братьев Шумовых было опубликовано много очерков и статей в центральной периодике (в «Правде», «Красной звезде», «Огоньке» и др.), а также в газетах Волховского и Ленинградского фронтов; в 1943 г. Политуправление Волховского фронта выпустило брошюру С. Кары «Минометчики братья Шумовы», в Ог. (1944, № 1, с. 1) была помещена большая фотография братьев-добровольцев. При создании поэмы Прокофьев, вероятно, использовал не только свои записи бесед с Шумовыми, но и некоторые из опубликованных тогда материалов о них.

Отдельные фрагменты поэмы положены на музыку: ст. 1—28, 29—40 и 41—64 — А. Егоровым («Сколько звезд голубых, сколько синих...», «Соловьи, соловьи, соловьи...» и «Край родной, весну твою...»), 85—108 — А. Егоровым («За зеленым лугом...) и Д. Толстым (под тем же загл.), 109—126 — А. Егоровым («Люблю березу русскую...») и Г. Синисало («Береза»), 198—219 — Н. Пирковским («Первый снег») и В. Соловьевым-Седым (под тем же загл.), 289—312 — Н. Леви («Запевка») и В. Соловьевым-Седым («Наша родина — Россия»), 313—332 — А. Егоровым («Гори, гори державная...»), 333—348 — А. Владимирцевым («К нам в края вернулся сизый сокол...») и Н. Чаплыгиным (под тем же загл.), 349—364 — В. Соловьевым-Седым («Прощай, беляночка») и В. Сорокиным («Давай, тальяночка, давай...»), 369—396 — А. Владимирцевым («Летит дорога дальняя...»), 767—803 — В. Соловьевым-Седым («Баллада о солдатском сне»), 888—899 — А. Егоровым («Не все дороги пройдены»).

Ливенка — см. примеч. 143. *Хромка* — гармонь, меха которой изготовлены из хромовой кожи. *Веснянка* — см. примеч. 484. *Краснотал* — см. примеч. 333. *Рудая* — см. примеч. 249. *Заводь* — см. примеч. 12. *Купавы* — см. примеч. 9. *Моет ноги белые Маруся* — см. примеч. 345. *Вейник* — растение из семейства злаков. *«Варяг»* — русский крейсер, получивший повреждения в неравном бою с японской эскадрой 27 января (9 февраля) 1904 г. и затопленный оборонявшимися до последней минуты офицерами и матро-

сами, которые предпочли смерть позорной капитуляции. *Трехрядка* — см. примеч. 36. *Настенька* — сестра братьев Шумовых. *Никита... Фадеич* — их отец. *Супостат* — противник, враг. *Каурый* — см. примеч. 447. *Грай* — см. примеч. 648. *Донник* — см. примеч. 471. *Пажити* — пастбища. *До Тихого* — до Тихого океана. *Рамена* — плечи. *Штрек* — горизонтальная горная выработка полезного ископаемого, не имеющая выхода на поверхность. *Поляна «Сердце»* — реальное название одного из мест на Волховском фронте. *Куролеп* — куриная слепота. *Карта-одноверстка* — географическая карта, выполненная в масштабе: одна верста в дюйме. *Погостье* — см. примеч. 558. *Затон* — см. примеч. 12. *У-2* — тип самолета. *Межень* — здесь: жаркая пора в летний период. *Сполохи* — см. примеч. 294. *Газыри* — нашивки для патронов на одежде горцев, украшенные, как правило, золотым шитьем.

846. НМ, 1955, № 1, с. 67, с посвящ. «Константину Симонову» (то же посвящ. в ряде последующих изд. до СС 2). Печ. по СС 2, с. 495. **1.** *Чернотал, краснотал* — см. примеч. 333. *Татарник* — см. примеч. 643. **4.** *Багульник* — см. примеч. 372. **6.** *Паузок* — см. примеч. 264. **8.** *«Вставай! Поднимайся!..»* — неточная цитата из «Новой песни» («Рабочая марсельеза») П. Л. Лаврова (1875). **9.** *Лиза* — Е. И. Чайкина (1918—1941), секретарь Пеновского подпольного райкома ВЛКСМ Великолукской обл., партизанка, Герой Советского Союза. *Зоя* — З. А. Космодемьянская (1923—1941), партизанка, Герой Советского Союза. *Саша* — А. В. Матросов (1924—1943), гвардии рядовой; 23 февраля 1943 г. в бою за дер. Чернушки (Великолукской обл.), «прорвавшись к вражескому дзоту, закрыл своим телом амбразуру, пожертвовал собой и тем обеспечил успех наступающего подразделения» (приказ Народного Комиссара Обороны СССР № 269 от 8 сентября 1943 г.). Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. *Олег* — О. В. Кошевой (1926—1943), один из руководителей подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне; посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

ПЕРЕВОДЫ

ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

847, 850. «Антология эстонской поэзии», т. 1, М.—Л., 1959, с. 51, 57. Печ. по СС 4, с. 295, 300. **850.** *Стреха* — нижний свисающий край крыши, вообще крыша в избах и других деревянных постройках. *Ступица* — часть колеса, в которую вставляется ось. *Вёдро* — см. примеч. 801.

848—849. Соч-2, с. 574 (№ 848 под загл. «Робкий жених»), с. 575 (№ 849 под загл. «Желанный молодец»); «Антология эстонской поэзии», т. 1, М.—Л., 1959. Печ. по СС 4, с. 297, 299. **849.** *Мыза* — дача, загородный легкий дом.

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

851—859. «Антология латышской поэзии», т. 1, М.—Л., 1959, с. 25, 28, 29. Печ. по СС 4, с. 377, 379, 381.

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

860. Зв., 1964, № 7, с. 108. Печ. по СС 4, с. 401.

861—862. ДН, 1964, № 4, с. 198. Печ. по СС 4, с. 408, 410. *Рута* — полукустарник, листья которого содержат эфирное масло.

С УКРАИНСКОГО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

863. Р, 1939, № 4, с. 14. Печ. по Соч-2, с. 379. Перевод стих. «І багата я. . .».

864. Р, 1939, № 6, с. 6. Перевод стих. «Садок вишневий коло хати. . .».

ИВАН ФРАНКО

865. Л, 1941, № 11, с. 2 обложки. Печ. по Соч-2, с. 383. Перевод стих. «Червона калино, чого в лузі гнешся. . .».

ЛЕСЯ УКРАИНКА

866. Леся Украинка, Собр. соч., т. 1, М., 1950, с. 112. Печ. по Соч-2, с. 387. Перевод стих. «Так прожила я цілу довгу зиму. . .». *Тремоло* — очень быстрое многократное чередование одного или нескольких звуков, производящее впечатление дрожания.

ПАВЛО ТЫЧИНА

867. П. Тычина, Избранное, М., 1946, с. 76. Печ. по Соч-2, с. 392. Перевод стих. «Іду з роботи я, з завода. . .» из цикла «Ронделі».

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

868. Соч-2, с. 395. Перевод стих. «Коли дзвенять черешні. . .». *Криница* — см. примеч. 412.

ВЛАДИМИР СОСЮРА

869. ПС, с. 131. Печ. по Ст-5, с. 477. Перевод стих. «Пам'ятаю, вишні доспівали. . .».

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

870. Андрей Малышко, Стихи и поэмы. 1936—1949, М.—Л., 1950, с. 288. Печ. по Соч-2, с. 425. Перевод стих. «Катюша». *«Катюша»* — см. примеч. 430. *В Смоленщине родной.* М. В. Исаковский был родом из Смоленской губ.

С БЕЛОРУССКОГО

ЯНКА КУПАЛА

871. Янка Купала, Избр. стихи и поэмы, М.—Л., 1950, с. 107. Печ. по Соч-2, с. 472. Перевод стих. «Мая малітва».

ПЕТРУСЬ БРОВКА

872. Зв., 1946, № 7-8, с. 99; Петрусь Бровка, Стихи и поэмы, М., 1951. Печ. по Соч-2, с. 503. Перевод стих. «Брат і сястра». *Стреха* — см. примеч. 850. *Тын* — забор, частокол.

МАКСИМ ТАНК

873. Зв., 1948, № 6, с. 91; Максим Танк, Избр. стихи, М., 1948. Печ. по Соч-2, с. 520. Перевод стих. «Яна хату бяліла. . .». *Криница* — см. примеч. 412.

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

874. Пимен Панченко, Избр. произведения, Л., 1950, с. 199. Печ. по Соч-2, с. 549. Перевод стих. «У дарозе».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. А. Прокофьев. Фотография М. С. Наппельбаума. Конец 40-х гг.

2. *С. 90.* Черновой автограф стихотворения «Моя Республика».

3. *Между с. 352 и 353.* А. А. Прокофьев с отцом Андреем Андреевичем. Фотография 1915 г.

4. *На обороте:* А. А. Прокофьев. Фотография 1924—1925 гг.

5. *Между с. 384 и 385.* А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, В. В. Вишневский на набережной Невы после получения медалей «За оборону Ленинграда», 18 сентября 1943 г.

6. *На обороте:* А. А. Прокофьев. Фотография 50-х гг.

7. *С. 764.* Черновой автограф начальных строк поэмы «Россия».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ *

* Произведения, имеющие заглавия, в алфавитном указателе даются дважды: первый раз только по названию, второй — только по первой строке.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1925—1929

1930—1939

1940—1949

1950—1959

1960—1969

1970—1971

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

Иван Франко

Леся Украинка

Павло Тычина

Максим Рыльский

Владимир Сосюра

Андрей Малышко

С БЕЛОРУССКОГО

Александр Андреевич Прокофьев
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1976, 960 стр. План выпуска 1976 г. № 369.

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 14/VI 1976 г. Подписано к печати 14/IX 1976 г. М 19228. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Печ. л. 30+3 вкл. Усл. печ. л. 50,71. Уч.-изд. л. 45,94. Тираж 40 000 экз. Заказ № 685.
Цена 4 р. 47 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия
Второе издание

А. Н. РАДИЩЕВ

Стихотворения

П. П. ЕРШОВ

«Конек-горбунок». Стихотворения

«РУССКАЯ ЭПИГРАММА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — НАЧАЛА XX в.»

КОСТА ХЕТАГУРОВ

Стихотворения и поэмы

«ПЕСНИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Большая серия
Второе издание

«РУССКАЯ БАСНЯ XVIII—XIX в.»

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Стихотворения и поэмы

«ГРУЗИНСКИЕ РОМАНТИКИ»

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Стихотворения и поэмы

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
49	9 св.	соединяющих	соединяющем
838	3 св.	*ПЛ*	*ЛЛ*
842	3 св.	*Прщн*	*ПсП*
894	12 сн.	к коньком	с коньком

